84(2=632.1)6
Б 386

СЛОВО ОБ АЛТАЕ

II

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

3 ТМО Т. 3.600.000 З. 2754—9

БРОНТОЙ БЕДЮРОВ

Слово об Алтае

Часть II

История
Фольклор
Культура

Республики Алтай
им. М.В. Невышева

ГУ книжное издательство «Юч-Сюмер—Белуха»
Республики Алтай
2003

84.(2=632.Х)6"-4Я44
~~84 (2Рос-Алт.)~~
С-159 Б 386

Бедюров Бронтой Янгович

С-159 **Слово об Алтае.** Часть II. История, фольклор и культура. — Горно-Алтайск: ГУ книжное издательство «Юч-Сюмер—Белуха» Республики Алтай, 2003. — 512 с.

Книга эта — настоятельный призыв к единению, кому дороги и святы такие понятия, как служение Отечеству, чувство гражданского долга, кто хранит в себе честь, благородство и достоинство.

Книга рассчитана на историков, фольклористов, литературоведов, культурологов, педагогов и студентов, учащихся и на широкий круг читателей.

0 559165
Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевалкова

С $\frac{4702070000—05}{М\ 138\ (03)\ 2003}$ 81—2003

ISBN 5-9209-0013-X

© ГУ книжное издательство «Юч-Сюмер—Белуха» Республики Алтай, 2003

ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ

От издательства

Начальная, заглавная часть книги «Слово об Алтае» увидела свет ровно двенадцать лет назад. Большой для Горного Алтая и по тем временам тираж (5000 экземпляров) скоро разошелся, книга стала библиографической редкостью.

II том состоит из трех разделов и для удобства восприятия материалы выстроены в обычном для изданий Б. Я. Бедюрова хронологическом порядке, охватывающем период 1985—2000 годов. Том содержит публицистические, эпистолярные, историко-филологические материалы.

Раздел первый «Приказ Родины. Голос Алтая» — это прямая речь, ораторские выступления, которые рождались экспромтом, непосредственно на глазах у аудитории с трибун писательских съездов и пленумов, на форумах, конференциях и «круглых столах»; это — трансляция через душу поэта многосложных, сверхнапряженных общественно-политических процессов, происходивших в нашей стране на излете века и тысячелетия; это — обновленный жанр древнего искусства певцов-бакши Степной Азии, от которых идут духовные истоки автора, участника и свидетеля всех этих событий.

Раздел второй «Алтайская Идея. Нерушимая страна» подкрепляет и развивает основные положения развертываемой в этот период автором Алтайской Идеи, иначе говоря, Слова Алтая. Материалы раздела, за исключением нескольких начальных статей, также изустные — наговорены, переданы, продиктованы им в ходе бесед, интервью журналистам, газетчикам различного уровня и разного направления. Эти записи и пересказы, будучи помимо содержания интересны еще и тем как собеседники интерпретируют, передают или придают автору близкий им самим облик

и звучание, тем не менее позволяют проследить неуклонное вызревание и развитие его идейно-политических, историко-духовных разработок по Алтаю, Сибири, России и сопредельного им мира накануне и в период нарождения и становления в муках и страданиях, потерях и обретаниях новой российской государственности.

Третий раздел «Избранник духов. Слово о предтечах» — это раздел научно-творческий, представляющий общественности процесс оживления и возвращения из забвения с последующим выведением на новый виток развития культурно-духовного, исторического наследия алтайского народа; раздел, в котором непосредственно смыкаются прошлое, настоящее и будущее Алтая.

Книга несомненно привлечет внимание и узкого, и широкого круга читателей, всех алтаистов, специалистов по смежным дисциплинам истории, культуры, филологии, религии, литературы и фольклора тюрко-монгольских, славянских и других народов Сибири, Центральной Азии, Дзунгарии и Монголии, Западного Китая и Северной Индии, Тибета и Северной Америки.

ПОСЛАННИК АЛТАЯ

НОВЫЙ РУССКИЙ

На книжных полках — книги Плутарха, Страбона, Бартольда, Карамзина, Соловьева, Радлова, Гете, Потанина, Даля, Рериха, Гумилева... Плотной чередой стоят эпические сказания народов Европы, Азии, Америки. На стенах — сувениры из Монголии, Татарстана, Якутии, США, Турции, Швейцарии. Его работа — под надежным присмотром тибетского Далай-ламы, Христа, Чингисхана, Чаадаева и индейского духа Маниту. А за окном — тьма, и временами кажется, что весь мир погрузился надолго в беспросветную тьму и с каждым рассветом лишь продлевает свои иллюзии, а вечные истины живут только в книгах...

Алтай стараниями дряхлеющей номенклатуры превращается в некрополь. Властители дум, по их предписаниям, должны жить в прошлом. Москва ищет таких властителей в настоящем, и по старой традиции они должны обитать в Москве. Время сейчас такое, что в личных интересах человеку мыслящему лучше покинуть Алтай и, как это сделал в свое время Эр-Шуну, уйти в Россию. Как тогда, в далеком XVIII веке, так и теперь, на Алтае есть партия Шуну, Амырсаны и Омбо, есть партия Табаачи и партия Чадака, и беспартийные последователи Боохола тоже есть.

Возвращаясь из дальних поездок домой на Алтай, Бронтой Бедюров всегда пытается ответить самому себе на старый, еще со студенческих лет возникший вопрос: что держит его здесь и не дает уехать отсюда навсегда? Если бы это касалось только его, — куда ни шло. Но уезжали в разные годы его друзья и его противники, без которых бывает подчас труднее, чем без друзей, — и все возвращались. Если даже Шукшин так и остался чужим для Москвы, а дома на Катуни снова и снова обретал себя, — так ли уж заманчива судьба невозвращенцев?

Никто не говорит у нас об эмигрантах, покидающих малую родину. И до сих пор ученые, музыканты, врачи, инженеры, пе-

дагоги маются вдалеке от Алтая, зная, что их талант не нужен здешним властям. А тем временем Алтай как магнитом притягивает к себе людей со всего света, и они приходят с одним и тем же провозвестием: надо жить только ради его будущего. Но как?

В семидесятых Бронтоя Бедюрова считали "лидером националистов". В наши дни люди, считающие себя национальными героями, походя могут назвать его "казачьим пропагандистом". В восьмидесятых, когда проходили Дни культуры Горного Алтая в Латвии, а потом ответные встречи на Алтае (она уже уходила от нас), — его как организатора встреч записали в "диссиденты". И в этом подозрении его противники только укрепились после поездок Бедюрова в Германию и США. А перед тем как побывать в Латвии, он к полякам и венграм зачем-то ездил...

В начале 90-х он дал согласие войти в редколлегию новой газеты "День" — и тут же схлопотал ярлык "фашиста" и "черносотенца". Съездил в Турцию — понятно, еще один "пантюркист". Стал пропагандировать труды Льва Гумилева — "русофоб", кто же еще? Выступил в Москве с трибуны Всемирного Русского Народного Собора — "предал алтайские национальные интересы". Возглавил Конгресс тюркских народов России — ага, жив, курилка, всех русских хочет в "евразийцы" записать. Но в Бразилию на Всемирный форум лидеров экологического движения его, правда, не пустили: не хватало еще, чтобы он и в "зеленые" попал.

Появились интервью Бронтоя Бедюрова в "Правде" и "Советской России" — ну, тут уж деморадикалы порезвились: как был в КПСС, так и остался, большевик недобитый. А он возьми да и вступи в предвыборный блок "Наш дом — Россия". Что тут скажешь? Ярлыков у нашего народа всем хватит: "домушником" стал.

Когда открывали близ Кулады буддийскую ступу, стали вспоминать: кто организовал визит тибетского Геше ламы на Алтай? Вспомнили: "казак" и "русофоб" Бедюров. Но почему он это сделал? И ведь догадались: он же в 70–80-е "рериховцем" был! А кто выступал с речью на открытии первой мечети в Жана-Ауле? Бедюров выступал... Получается, что его Конгресс — организация мусульманская? Но тогда зачем он в Якутию ездил? Может на-

шего "казачка" турки туда засылали, чтобы там тоже мечеть построить? Допустим... Но перед этим он же с казахами и в Швейцарии был! Значит...

Хорошо, что мы живем не в 30-е, а все-таки в свободные 90-е годы. И нашей фантазии вряд ли хватило бы на то, чтобы сделать квалифицированнейший донос на уважаемого земляка и показать, чьим "шпионом" в действительности он является — турецким, американским или германским. А если говорить серьезно, нашей фантазии вряд ли хватит на то, чтобы оценить масштабы его личности и подвести предварительные итоги его полувекового пути. Впрочем, если встать на уровень создателей алтайского некрополя, можно провести уже сейчас некоторые параллели.

Организаторы юбилейной выставки Г. И. Чорос-Гуркина в прошлом году с изумлением обнаружили в Санкт-Петербурге и Москве, что имя великого художника российским ценителям искусства в общем-то неизвестно. Почему? Россия знает имена ненца Тыка Вылки, мордвина Степана Эрьзи, грузина Нико Пиросмани, рядом с которыми по праву могли бы стоять имена Г. И. Чорос-Гуркина и Николая Чевалкова. Оба алтайских художника при жизни были более знамениты, чем в наши дни. Что же произошло потом?

Известно, что Гуркин считал себя русским художником. Он всегда был желанным гостем в кругах русской интеллигенции. Ему были одинаково близки традиции православия и культура буддизма. При обыске чекисты обнаружили у художника среди прочих книг Евангелие, а репрессировали его как "японского шпиона". Широта кругозора во все времена была подозрительной.

Бедюров раздвигает рамки национальной ограниченности и пытается вывести духовное наследие Алтая на общероссийский и дальше — намировой уровень. Далеко за пределами Родины его встречают не как очередного гостя, а как выразителя дум и чаяний своего народа. И со всех трибун звучит вовсе не его голос — это говорит сам Алтай.

Сложной и противоречивой была судьба Г. И. Чорос-Гуркина — и так же складывалась судьба Алтая. Его творчество было достоянием всей России, и разве можем мы сейчас ограничивать его рамками только лишь национальной культуры?

Тыка Вылка стал знаменит после очерков Юрия Казакова. Один из нынешних живых классиков казахской литературы благодарит судьбу за встречу с переводчиком, которого звали Юрий Казаков. А на Алтае бывали Сергей Залыгин, Николай Рубцов, Владимир Чивилихин, Валентин Распутин, Юрий Кузнецов — всех и не вспомнить, а кто из них смог увековечить имена Николая Улагашева или Алексея Калкина? Их вины в этом нет. Виновата местная мелкая власть, равнодушная к своим талантам.

Что осталось от шумной и богатой событиями эпохи Тан? Ничего, кроме бессмертных имен поэтов Ли Бо, Ду Фу и Ван Вэя и воспетых ими имен царственных покровителей. Миссионеры XIX века оставили на Алтае в память о себе имена Михаила Чевалкова, Ивана Штыгашева и Григория Чорос-Гуркина. А в наши дни один за другим ушли Феофан Сатлаев, Владимир Эдоков, Александр Тозыяков — и уходили они при полном безразличии властей.

Алтай болен сердцем — художники это чувствуют.

Когда Бронтой Бедюров возвратился с Конгресса тюркских народов России, где представители 15-миллионной диаспоры признали его своим лидером, на родине люди, вхожие в коридоры власти, его поздравляли. Он спросил: "А что ВЫ сделали для этого признания?" И им нечего было ответить.

Центр тюркского мира снова возвращался на Алтай, и это вызвало переполох в стане архитекторов алтайского некрополя. Конгресс Б. Бедюрова так и не получил никакой поддержки от местных властей. Алтай, с точки зрения наших "архитекторов", должен вызывать в лучшем случае академические интересы, и вот уже в Москве учреждена Тюркская Академия, в которой представительствуют сразу семь горно-алтайских академиков, а президента Конгресса тюркских народов России среди них нет, но при этом он числится в почетных членах международной Славянской Академии, и календарь, как прежде, отсчитывает время упущенных возможностей.

Якутия-Саха полтора года назад встречала российских писателей, и когда они плыли по реке Лене, Б. Бедюров пришел к мысли о том, что бывшая окраина Российской империи готова

стать в XXI веке восточным форпостом новой России. Азиатско-Тихоокеанский регион по всем прогнозам будет лидировать в мировой экономике грядущего века, и Якутск открывает для себя новые возможности. Тем временем Алтай, перебирающий год за годом свои раритеты, стремительно скатывается на задворки истории.

Политика — искусство невозможного. Псевдопатриоты продолжают хоронить Россию и лить крокодиловы слезы по расстрелянному Верхов ному Совету. И мало кто задается вопросом: а мог ли оказаться на месте строптивого Председателя ВС другой человек? Мы живем в состоянии перманентных выборов и временами не грех извлекать уроки из недавнего прошлого. Никто не помешает нам строить предположения: а что МЫ здесь могли бы сделать, чтобы не допустить того кровопролития?

Бронтой Бедюров перед выборами в расстрелянный парламент баллотировался в числе семи претендентов по "южному" округу, и я был свидетелем той увлекательной предвыборной гонки. В силу традиций народ проголосовал за того, кто обещал сельчанам новые дороги, тракторы, больницы и школы. Народ не понимал, что высокопоставленный кандидат должен делать это и по долгу своей службы. Но, как при Советах, люди наивно полагали, что и теперь человеку с мандатом избранника легче выпросить для них те же тракторы.

Выборы состоялись, и трое наших избранников стали заседать в Верховном Совете. Никто из них и не пытался затмить телевизионную славу Евдокии Гаэр или Сергея Бабурина. Если верить горно-алтайскому депутату Ю. Лебедеву, ему удалось с командой единомышленников сформировать кабинет Силаева. А как мог сложиться расклад сил в самом ВС? Известно, что претендентов на пост спикера было трое: Хасбулатов, Абдулатипов и татарский писатель Мухамадиев. Мог ли быть еще один претендент?

Мы знаем, что одному посредственному журналисту удалось возглавить администрацию Президента России, хотя и там в претендентах он был не один. Знаем, что во главе Конгресса тюркских народов России Б. Бедюров оказался вовсе не за цветистую речь, а потому, что ранее был известен в стране как секретарь Союза пи-

сателей России. Знаем, что он мог победить по "южному" округу. Знаем и то, что по его инициативе в Москве работал недавно представительнейший форум, посвященный 1450-летию Тюркского каганата, и там его выступление о 1450-летнем евразийском союзе тюрков и славян встретили громом аплодисментов. Политика — искусство невозможного. Но это мы сделали невозможной его политическую карьеру.

Он учился в Литинституте в одно время с Вахидом Итаевым. Тот, кто внимательно читает "Постскриптум", должен помнить перепечатку выступления чеченского диссидента В. Итаева в центральной прессе о том, что Чечня и Россия оказались обманутыми. О том, что народы России должны, встав плечом к плечу, сохранить единственное, нигде в мире более не существующее государство-цивилизацию — Россию.

Последователи Льва Гумилева называют себя "имперцами". Друзья студенческих и аспирантских лет Бронтоя Бедюрова делают сегодня политику во всех республиках Российской Федерации и СНГ, и если страна до сих пор жива своими надеждами на грядущее возрождение, то в этом есть заслуги и его друзей. Псевдопатриоты продолжают искать лидеров в собственных московских кругах, забывая, что Константин Леонтьев сказал еще в конце XIX века: самых верных и самых стойких людей, радеющих за Русскую Идею, надо искать не в столичной интеллигенции, а среди иноверцев российских окраин.

Где были московские патриоты, когда Бедюров в одиночку вел борьбу за депутатский мандат? Они были разбиты на группы поддержки своих вождей. И были разбиты на тех выборах и на всех последующих. Почему они бросили его на произвол судьбы? Разве его победа не была бы и их победой? А вот недруги знают об этом очень хорошо. Ибо не победив на Алтае, нельзя победить в России. Но это до них пока еще не дошло.

И в регионах псевдопатриоты продолжают работать на столичную элиту, открещиваясь от мысли, что спасение России — в регионах. Им выгоднее оплакивать и хоронить Россию, чем осознать, что лидеры должны выходить из их среды и что быть русским патриотом — вовсе не значит быть русским по паспорту; это доказы-

вают изо дня в день Аман Тулеев и Сергей Кургинян, Карем Раш и Кирсан Илюмжинов, Сергей Кара-Мурза и Шамиль Султанов. На заре перестройки их называли "новыми русскими" — но, как это всегда бывает у нас, леворадикалы перехватили новое определение и опошлили его в анекдотах про банкиров и торгашей.

Горно-алтайская оппозиция уже имеет опыт борьбы и поражений в противостоянии с власть имущими. Лидерам оппозиции казалось до поры до времени, что Бронтой Бедюров ведет в Москве одну игру, а у себя на родине — другую. Теперь они понимают, что никакой игры нет, что существует частное и общее и что ему никогда не будет места в обойме старой номенклатуры, удерживающей власть.

Называя себя "вечным странником, идущим по жизни сквозь разные народы и века", Бронтой Бедюров дал понять всем друзьям и недругам, что оставаться свободным и непредсказуемым — его кредо. Алтай открыт для всех религий, союзов, движений, партий и объединений. А это значит, что его душа тоже открыта для всех. Почему он должен ограничивать себя рамками какой-то одной партии, если призван хранить в своей душе по завету Достоевского "всемирную отзывчивость" и быть "всечеловеком"?

Восхищаясь на исходе столетия "японским чудом", мы отказываемся понимать, что в Стране Восходящего Солнца никогда не жили по принципу "или — или", там всегда главенствовал принцип "и — и".

Мир устал от бесконечных раздоров, конфликтов и мелких политических склок. Извечная судьба России — нести примирение Западу и Востоку — на заре века была исковеркана, и только теперь мы заново обретаем свою судьбу. По всем прогнозам, XXI век будет Русским веком, и судьба благоволит уже сейчас к людям, нашедшим в своей душе примирение. Мир чего-то ждет от Алтая, и нам это пока неведомо. Так, может, прислушаемся к людям, которые это знают?

Николай Витовцев,
ноябрь, 1997 г

* * *

Как видно по материалам II тома книги, автор в 80-90-е годы истекшего столетия продолжал напряженно трудиться и внутри, и вне Алтая; размах его жизнедеятельности все расширяясь, охватывал многие сферы и разные регионы, хотя катаклизм, произошедший со страной, перекрыл и без того узкий ручеек национальной художественной словесности — явление характерное и единое для всех без исключения сфер духа и разума народов нашего Отечества. Обрушение системы книгоиздательского дела повлияло, конечно, пагубным образом на возможности развертывания изданий серии "Слово об Алтае" ("Капли из Камня"). Кроме того, отвлекали и рассеивали внимание другие — бытовые, служебные дела-заботы. Безусловно, эти обстоятельства затормозили надолго, механически, в материальном смысле, отбросив развитие литературы назад, далеко в прошлое, но никоим образом не смогли прервать сами эманации духа, акты творческого созидания. Для **художника, творца, ученого и мыслителя, угодившего во** времена инфернального падения, вопрос и ответ на него, собственно говоря, достаточно прост и, как всегда, один: выдержать удар и при этом еще устоять, уцелеть, сохранив себя, следовательно, и свой заветный дар. Уберечь себя как творческую личность, как боевую мыслящую единицу. При этом недопустимы и сродни преступлению как пленение в живом виде, то есть моральное отступничество и физическое разложение, так и дезертирство со своего места на поле духовной битвы, то есть преждевременный уход из жизни. И те из действующих художников слова, кто не сломлен духом, не поддался превратностям судьбы и выстоял вопреки предначертаниям инфернальных доктрин, те, приспособляясь к изменившимся условиям социального ландшафта, вновь перешли в разряд носителей и творителей устного слова в самом прямом смысле, преобразившись в духовных учителей общества — кегенов и бакши. И представляется, что только таким путем, как показывает практика, возможно преодоление и перелом противоестественной ситуации, когда при настоящих писателях не стало литературы как нормального процесса, как и науки — при здравствующих корифеях, искусства —

при дееспособных, в расцвете лет и сил талантах, не говоря уже о все подрастающей поросли.

Мы видим, как в эти роковые годы жил и действовал Бронтой Бедюров. Как поэт и как личность. Казалось бы, он занимался отвлеченным от своих насущных житейских проблем делом, как бы даже в ущерб собственным творческим интересам, изданию своих авторских книг. Однако так могут судить только те, кто не знает его, хотя прожил с ним рядом или возле добрую половину жизни. Да, введение в полноценный оборот утраченного или забытого наследия своего народа в виде переизданий раритетов, восстановление и воскрешение угасших имен — это прежде почиталось за добродетель, понималось и ценилось занятием благородным и похвальным, но в наше-то перевернутое время надеяться на поддержку от современников и запоздалое признание от потомков, духовных наследников (если таковые еще найдутся и будут!) могут разве что убежденные филантропы да закоренелые романтики, витающие в облоках. Напротив, наш автор достаточно трезв и рассудителен, чтобы знать и четко сознавать цену всему тому, что он делает. И много ли найдется среди нас людей, способных правильно осмыслить и понять его побуждения и деяния? Что есть подвиг, если в глухих и немыслимых условиях нашей алтайской окраины на наших глазах возникает прежде, казалось бы, немыслимое и невозможное — реанимация и реабилитация в совокупности буддийско-христианской духовности Алтая на новом этапе развития, внутреннего и все расширяющегося саморазвития, что бы ни происходило вокруг него самого — наносного и негативного, мало или вовсе не располагающего к такого рода действиям и занятиям. Лотос всегда чист и бел, из какой бы грязи не произрастал. И только так мы поймем, что он занят тем, чем надо, и что это нужно всем нам — повышение и выведение общественного, духовного сознания Алтая, Сибири, России на другой, более высокий, качественно новый уровень.

От статьи к статье, от выступления к выступлению он ведет вместе с собой читателей и слушателей, зачастую случайных, далеко не подготовленных и вовсе не постоянных, словно учитель своих учеников, то по гребню высокого перевала, то опускается с

ними в дремучие распадки, то проводит сквозь лабиринты ущелий, по неизведанным дебрям, преодолевая буреломы, наносы, завалы, и, как это и бывает в настоящей алтайской горной тайге, временами даже кружит на одном и том же месте, вокруг одних и тех же имен и явлений, но каждый раз незаметно расставляет по-иному акценты, другие метки и вешки, заставляя заново проходить предыдущий участок пути, но уже в другом качестве, надежнее закрепляя поверхностно усвоенный прошлый материал и создавая таким образом надлежащие условия для отработки совместно как своей, так и общей кармы-судьбы. И в то же время не все проговаривает, не все открывает из того, что в нем самом давно ведомо и знаемо. А это означает не что иное, как движение вперед и выше — к новым горизонтам, куда нам необходимо стремиться и подниматься. Ибо за обозначенный им внутри и вовне себя промежуток времени, в котором протекала его жизнедеятельность, интерес к феномену Алтая, прежде всего как историко-культурной и духовной субстанции, во внешнем мире необычайным образом возрастал, тогда как дефицит даже базовых знаний о нем, естественно, не преодолен. Вот почему эта книга — только капля из Камня Алтая в попытках такого рода преодоления.

И все, кому дороги не только прошлое, но и прежде всего будущность родной страны, кого гнетет ее современное состояние, с благодарностью возьмут в руки настоящее издание. Позиция и голос Бронтоя Бедюрова в эти годы — это и есть путь движения и развития Слова Алтая. Он не только лишь толкователь и пропагандист его духовных традиций, но, как художник и мыслитель, он сам прежде всего творец и носитель в одном лице сокрытого до поры духовного генотипа Алтая.

Н. Витовцев,
май, 2002 г.

ПРИКАЗ РОДИНЫ ГОЛОС АЛТАЯ

Это язык дня грядущего...

Выступление на VI съезде писателей РСФСР

Есть, товарищи, язык, и это язык дня грядущего, на котором сегодня надлежит нам всем говорить. И не ошибусь, думаю, если скажу — это язык апрельского Пленума ЦК, и этим языком говорит весь наш народ и хочет того же от нас, писателей.

Однако не могу отделаться от впечатления, что не все мы и не в равной мере говорим *этим* языком и с *этой* трибуны. Языком вчерашним никого не поднять, не призвать, не воодушевить, а тем более — убедить. *(Аплодисменты)*.

Вот в этом лично я для себя вместе с другими делегатами из Горного Алтая и вижу один из главных уроков, проистекающих из всего услышанного на съезде — как из Отчетного доклада, так и из пассажа о кроссовках и талонах, о которых говорил Евтушенко, из ярких выступлений ревнителей природы и истории нашего Отечества.

Хорошо помню слова Михаила Луконина, вопрошавшего на VI съезде писателей СССР девять лет назад: "Где же вы, молодые, красивые?" А мы, молодые, достав, испросив пригласительные, сидели тут же в зале, а нас не видели, да и не могли увидеть, к сожалению. И помню, как светлой памяти, Кайсын Кулиев восклицал: "Эх, мне бы твои года, Бронтой! И не надо бы мне всех этих регалий, почестей..." И помню добрые, по-особенному добрые, полные участия слова Я. В. Смелякова, наставляющего меня, еще зеленого юнца-литинститутовца, о сохранении самого себя, своего лица, об ответственности и роли настоящего писателя, в особенности писателя малочисленного народа, за плечами которого нет Пушкина и Достоевского. И не это ли было для меня конкретной помощью, заботой и своевременной поддержкой в те

годы? А ведь можно было бы, как и многим-многим безвестным и вовсе не бесталанным ровесникам, сто раз сгинуть, сбиться, упасть или быть придавленным в самом начале пути.

За три дня работы съезда в адрес молодых, которые давно и не молоды и даже рискуют умереть, все числясь в молодых, прозвучало немало нелестных слов в выступлениях именитых делегатов. Но, извините меня, товарищи дорогие, все эти разносы были неконкретны, не наполнены смыслом .да и стремление к идеалу творческому, скажем, а не к почестям, разве это противоестественно? Разве это не долг, не первейшая задача писателя, да еще и молодого? Разве это грех, если писатель стремится в Москву, стремится к Москве, да и вспомним хотя бы Сергея Есенина, Павла Васильева, Василия Шукшина и Евтушенко, наконец!

Я понимаю, обличения относились к "делягам", к "серым". А кто они, позвольте спросить, эти "серые"? Почему не назвали имена, указуя перстом? (*Аплодисменты*). Ведь каждый-то думает, что уж это-то не по его адресу и не по адресу соседа, а по поводу некоего безымянного и абстрактного "серого". А "серые" между тем есть среди нас, и многие из них в чести и славе.

И не стоит ли, уважаемые аксакалы, на этом высоком перевале, когда всем нам, восходя выше, надо оглядеться, переводя дух, и вам осмотреться повнимательней, подумав: а нет ли среди тех "серых", идущих вслед вам, дышащих в затылок, и таких, на которых вам завтра если не надлежит, то во всяком случае придется опереться или передавать эстафету? Все поколения в нашей литературе связаны, хотите вы или не хотите, накрепко, как альпинисты, идущие в связке.

Поверьте, я вовсе не для того взошел на эту трибуну, чтобы как молодой барашек бодать постаревших или ослабевших. И не для того, чтобы утверждать себя, ниспровергая авторитеты. И вовсе не хочу, подобно летучей мыши из алтайской сказки, уверять всех: "Если не я, то яр обвалится, оттого и держу его, прилепившись".

Нет, монолит нашей литературы крепок, неодолим, только вот зачем же, товарищи, кувалдой бить по мухе — можно ведь самому себе голову снести невзначай. Зачем из пушки бить по воробьям? А где же издаваться, печататься им, молодым, талантли-

вым, которых вам действительно так трудно разглядеть с высоты президиума в сплошном розовом море лиц, в потоке действительно серой, бездарной литературы? Когда в иной литературе малочисленного народа вырастают или создаются такие фигуры, которые "съедают" своими изданиями, переизданиями большую долю и без того скудного листажа? И вот про такое-то бедствие у нас вовсе нет слов. А где же тогда главный принцип: "Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет"? Если такие фигуры столь огромны, что становятся с годами сродни плотинам, перегораживающим течение больших или малых рек поперек? Когда же будут сноситься плотины, сдерживающие течение больших и малых рек литературной России? *(Аплодисменты)*.

К чести нашей алтайской литературы, нашей автономной области, где, к счастью, надо сказать, нет таких аксакалов, жить сравнительно легче, иначе и нет сомнения в том, что я не смог бы дойти еще десять лет до этой трибуны.

Вот почему я считаю своим долгом сказать от имени молодых делегатов, которым еще нет и сорока, от имени тех, кто намного постарше сегодня Лермонтова, Тукая, Есенина и Доржи Банзарова: омоложение произошло в самом руководстве нашей страны, обновление произойдет и в нашей литературе! (*Аплодисменты*).

539165

Я, представитель Горного Алтая, одной из 75 писательских организаций России, выступаю впервые за все 25 лет от имени алтайской литературы, для которой в Отчетном докладе не нашлось и пяти слов, будто мы не жили, а главное, не творили. Мы отнесены к "терра инкогнита" на карте литературной России по воле референтов из Совета литератур народов РСФСР, который вообще, надо сказать, не занимается, не проявляет интереса не только к нам, но и ко всему региону Юга Сибири. А это — Хакасия, Тува, Горный Алтай, Кузбасс, Бурятия с их большим культурным и духовным потенциалом, находящиеся на стыке с Центральной Азией (Монголией и Тибетом), Средней Азией, Казахстаном и Китаем.

А ведь за нами 25 веков истории, древней письменности, зафиксированной в источниках, у нас свои самобытные культурные и эпические традиции, сбереженные, хотя бы отчасти, этические,

Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевалкова

эстетические ценности, именно такие нравственные категории, особенно актуальные в глобальном экологическом масштабе, на которых мы строим свое понимание природы и связи человека с окружающим миром.

Юг Сибири, товарищи, это не только истоки великих сибирских рек Оби, Иртыша, Енисея, Лены и Амура. Это также колыбель самого древнего человека Сибири, возраст которого исчисляют скромно в один миллион лет. Это, наконец, резервуар девственной природы, чистого воздуха, питьевой воды.

И все то, что мы имеем и храним в себе, не только храним, но и делимся с другими — своим пониманием мира, своей красой, своим воздухом и водой, лесом, который еще не пошел вчистую на издание ваших избранных или иных изданий. (*Аплодисменты*).

Правда, все мечтаем мы о своем печатном органе, которого у нас нет. Отрадно, что большой перечень новых печатных изданий скоро займет свое место в журнально-газетном ряду. Полагаю, что и нас не забудут, не обойдут, и к нам проявят внимание и заботу. Но уж если москвичам живется так туго и нелегко, ибо они населились сверхплотно, как справедливо заметил Расул Гамзатов, то что ж, мы, очевидно, опять подождем, товарищи, нам ведь не привыкать, и это тоже входит в нравственную суть нашего миропонимания.

"Погибнет башкирец, сгинет непременно!" — восклицал Аксаков в веке прошлом. "Неизбежное вымирание инородцев Алтая не за горами", — предрекали либерально-буржуазные ученые. "У чукчей нет Анакреона, к зырянам Тютчев не придет", — изрекал, заблуждаясь, Фет.

Еще в ту пору, когда сам великий народ России изнемогал под царским ярмом, многие очень честные, очень мужественные люди Сибири, ревнители ее, патриоты, такие, как Ядринцев и Потанин, Щапов и Шашков, а позже и Вячеслав Шишков, с болью и гневом восставали за охотника-чалдона, за бесправного и обираемого "инородца".

Мечтая о будущем, то есть о том самом времени, в котором мы с вами живем, мечтая о будущем Сибири и ее культуре, они видели ее в соединении, сочетании двух начал — русского и национального. Этот синтез оказался весьма и весьма продуктив-

ным, чему свидетельством и вся наша литература Сибири, как русская, так и национальная. Но жаль, что текущая критика как-то всего этого не объемлет, ибо не в состоянии узреть это неразрывное двуединство. Заслуживает особого внимания и роль русского писателя в системе национальной литературы. И здесь нельзя не сказать о роли и значении переводов, о которых за два дня много было сказано.

Российскому Союзу нужно усилить взаимосвязи, и наша позиция во всех этих вопросах на международной арене должна быть четкой и поступательной, с чувством достоинства. Если мы с вами не будем вставать на цыпочки и расплываться в реверансах перед Западом, то и владелец "Жигулей" не будет лепить к стеклу латинскими буквами русское название "Лада".

Несколько слов о Комитете по связям с писателями стран Азии и Африки. Большую часть нашей Российской Федерации составляет Сибирь, а это — весь север огромной Азии, работа же этого комитета сводится, к сожалению, только к деятельности наших казахстанских и среднеазиатских собратьев, против которых ничего не имеем. Но ведь надо усилить работу Российского комитета, памятуя о том, что Чукотка соприкасается с Аляской, Курильская гряда, Сахалин и Приморье — с бассейном Тихого океана, Алтай граничит с Монголией и Китаем.

К этой работе надо активно привлекать молодых, свежих представителей национальных литератур, привлекать писателей сибирских городов и областей. И этому весьма могло бы способствовать учреждение Российской Иностранной комиссии.

Значение малых народов в этой борьбе за мир, борьбе за умы и сердца, за взаимопонимание нельзя недооценивать, как и понимание нами вопросов экологии, вопросов природы. И мы помним слова М. С. Горбачева, сказанные им в Женеве, которые повторил тут Юлиан Семенов. А нам, народам Сибири, ее писателям, есть что сказать и есть что показать. Ведь мы сами и есть, если хотите, наилучшая контрпропаганда.

А голос Сибири — это голос будущего, голос XXI века, голос XXII века! (*Продолжительные аплодисменты*).

Москва, Дом Союзов, Колонный зал.
13 декабря 1985 г.

ПО ПУТИ КАН-АЛТЫНА

Выступление на II Пленуме Союза писателей РСФСР: "Дружба народов — дружба литератур"

Кан-Алтын, герой одного из наших героических сказаний выходя на путь судьбы, берет с собой не меч, не лук и стрелы, а берет он с собой два шоора — флейты из простого тростника, растущего на склонах Алтая. И с песней он идет по миру, выполняя предназначенное ему судьбой.

А другим любимым героем нашего эпоса является Сартакпай-богатырь, строитель мостов, каналов, который помогает горным рекам Алтая пробивать себе путь к Большому студеному морю — Северному океану.

В фондах научно-исследовательского института Горного Алтая находится более 250 героических сказаний. На русский язык пока переведено лишь несколько, в том числе уже знаменитый "Маадай-Кара", академический перевод которого был выполнен в 1973 году, издан в издательстве "Наука" параллельно на алтайском и на русском языках. Издательство "Современник" выпустило алтайские героические сказания, куда вошли "Маадай-Кара" и "Очы-Бала", и этим начало хорошее дело по пропаганде и публикации фольклора народов Российской Федерации.

Я начинаю свое выступление в столь эпическом ключе для того, чтоб подметить: во всем нашем фольклоре, особенно в наиболее крупном жанре его — эпосе нет ни одного героя, который видит свою удаль и мощь в угоне чужих табунов, разорении чужих улусов, покорении других народов. Напротив, вся трудная история нашего народа была проникнута деей защиты отчей земли, сохранения родного очага, чтобы не потух, не погас навсегда огонь в нашей скромной юрте.

Алтай всегда находился на перекрестке исторических путей народов с востока на запад. Алтай находится на равном удалении от четырех океанов, и это определило наше мышление. Через нас

шли орды и племена, мы подвергались разору и пленению со стороны многих иноземных захватчиков, каганов и императоров. Но никогда наш народ не был ордой, никогда наш народ не проливал чужой крови. И этим духом проникнута сегодня и наша литература, которая стояла и стоит на интернациональных позициях.

Дорогие товарищи! Мы только что вернулись из Риги, где проходили в Латвии Дни нашей алтайской литературы. Часть нашей делегации, наши писатели присутствуют на этом пленуме.

Дни алтайской литературы в Латвии вылились в нечто большее чем поначалу предполагалось. Состоялась не просто встреча двух литератур, не просто Дни культуры, — а они уже вышли за рамки обычного литературного мероприятия — состоялась взаимная встреча двух очень дальних друг от друга народов, с иным культурно-психологическим складом, говорящих на разных языках.

И произошло нечто удивительное: мы до сих пор осмысливаем то, что произошло. Мы пролетели через Сибирь, Урал, Поволжье и Великую Русскую равнину, чтобы оказаться на берегах Янтарного моря, побывать в гостях у народа, с которым мы ни разу не встречались со времен последнего ледникового периода. И поэтому, думая об этом, мы взяли с собой в дорогу простых, народных певцов, сказителей-кайчи, которые исполняли там не только наш эпос и песни, но даже отрывок из латышского эпоса "Лачплесис" на тюркском языке Алтая. И это удивило латышей. Латыши говорили, что дайны очень трудно переводимы на другие языки. "А как же это вы умудрились и перевели латышские дайны на алтайский язык и они зазвучали как алтайские народные песни".

Мы увидели большую песенную душу латышского народа. Состоялась добрая встреча народов. И могу доложить пленуму сегодня, что эти Дни состоялись именно в результате работы VI съезда писателей РСФСР, потому что идея о такой встрече родилась как раз в Колонном Зале в декабре месяце прошлого года — после моего выступления на съезде — по инициативе латышской стороны, и мы приняли это приглашение, и я участвовал в работе съезда писателей Латвии, где мы договорились о взаимообмене де-

легациями. И мы понимаем, что это являлось для нас, алтайцев, очень ответственным экзаменом на гражданственность, зрелость, на очень серьезный творческий и интеллектуальный уровень. И нам, писателям Горного Алтая, преодолеть, взять эту самую высокую латвийскую планку,— маленького роста алтайцам, — помогли наши обычные народные исполнители, которые никогда не выступали, некоторые даже впервые летели самолетом. Это они нашли именно те слова, которые нужно было сказать этому народу, а латыши нам сообщили именно то, что хотели мы услышать, что необходимо было узреть, увидеть в себе со стороны.

В 20–30-е годы у нас на Алтае, да и в Сибири работали замечательные сыны латышского народа, большевики, такие, как Роберт Эйхе, первый секретарь Западно-Сибирского крайкома, и Леонид Папардэ, первый секретарь Ойротского обкома партии. И в моей родной Каракольской долине первый колхоз в то время называли именем этого латыша с огненными глазами. И в этот раз Латвия протянула нам руку братской дружбы и помощи первой среди всех союзных республик.

Сейчас мы более уверены в своих силах, больше видим свои слабости и недостатки, чем раньше, чем, хотя бы, неделю назад.

В свое время Достоевский говорил о всемирной отзывчивости русской души. Наш пленум, казалось бы, касается в основном национальных литератур, но нам думается, что нужно смотреть на эти вещи пошире. Сегодня это уже аксиома — нет таких литератур, которые развиваются сами по себе. Возьмем любой регион, такой, как Северо-Кавказский, горский регион, который в культурно-историческом плане всегда контактировал и контактирует с Югом России. Возьмем могучий регион Урала и Поволжья, где чересполосно живут народы в рамках одной общности.

И возьмем нашу Сибирь, где двуединство национального и русского начал (я уже говорил об этом на VI съезде) всегда определяло наше культурное развитие.

И сегодня мы, представители национальных литератур, в своем движении вперед должны всегда помнить об этом обстоятельстве.

Еще в ту дальнюю пору, находясь под огнем немирных горцев, которые могли в любую минуту сбить их, Толстой, Лермонтов с огромной любовью, симпатией и пониманием писали о горцах, например, в "Герое нашего времени", "Казаках" и т.д., несмотря на то, что они являлись офицерами действующей армии, покорявшей Кавказ. Сибирские писатели, многие из которых ныне незаслуженно забыты, тоже всегда писали о нас, народах Сибири.

Сегодня же в нашей российской литературе, как в русской, так и национальной, мы видим один недочет. Хотя мы с вами и говорим на одном общем, советском, скажу, языке, но пишем на разных языках (есть и такие республики, где говорят на трех языках), а произведения наши почему-то населены героями только одной национальности. Если возьмем русских сибирских писателей, то их произведения всегда были полны фактурой, персонажами, образами местных жителей. Сегодня, когда страстно и верно говорится о природе, о судьбе наших гор и рек, как-то призабываются эти прекрасные традиции золотого века русской литературы. В национальных республиках (а мне довелось нынче весной побывать на съездах в Латвии, Казахстане и Киргизии), в повседневной жизни, в быту коренные жители встречаются с корейцами, чеченцами, русскими, украинцами, узбеками, а персонажи романов таковы, словно они живут в каком-то другом мире, каком-то отдельном колхозе, где живут люди только одной национальности. Нам думается, что дело это надо поправлять. Да, мы должны говорить одним языком, но обязаны творить одновременно на всех языках.

Так же, как любое растение, любое животное сегодня не должны исчезать с лица земли, так не должны исчезать языки даже самих малых народов.И мы очень радуемся, когда на далеком Кольском полуострове, в Лапландии возникает саамская литература. Мы радуемся, что на суровых берегах Сахалина, где великий Чехов смотрел вперед и думал о будущем этого края, сейчас возникает литература на языке нивхов, а маленькие дети изучают букварь, созданный их нивхским писателем. И это наша с вами общая ра-

легациями. И мы понимаем, что это являлось для нас, алтайцев, очень ответственным экзаменом на гражданственность, зрелость, на очень серьезный творческий и интеллектуальный уровень. И нам, писателям Горного Алтая, преодолеть, взять эту самую высокую латвийскую планку,— маленького роста алтайцам, — помогли наши обычные народные исполнители, которые никогда не выступали, некоторые даже впервые летели самолетом. Это они нашли именно те слова, которые нужно было сказать этому народу, а латыши нам сообщили именно то, что хотели мы услышать, что необходимо было узреть, увидеть в себе со стороны.

В 20–30-е годы у нас на Алтае, да и в Сибири работали замечательные сыны латышского народа, большевики, такие, как Роберт Эйхе, первый секретарь Западно-Сибирского крайкома, и Леонид Папардэ, первый секретарь Ойротского обкома партии. И в моей родной Каракольской долине первый колхоз в то время называли именем этого латыша с огненными глазами. И в этот раз Латвия протянула нам руку братской дружбы и помощи первой среди всех союзных республик.

Сейчас мы более уверены в своих силах, больше видим свои слабости и недостатки, чем раньше, чем, хотя бы, неделю назад.

В свое время Достоевский говорил о всемирной отзывчивости русской души. Наш пленум, казалось бы, касается в основном национальных литератур, но нам думается, что нужно смотреть на эти вещи пошире. Сегодня это уже аксиома — нет таких литератур, которые развиваются сами по себе. Возьмем любой регион, такой, как Северо-Кавказский, горский регион, который в культурно-историческом плане всегда контактировал и контактирует с Югом России. Возьмем могучий регион Урала и Поволжья, где чересполосно живут народы в рамках одной общности.

И возьмем нашу Сибирь, где двуединство национального и русского начал (я уже говорил об этом на VI съезде) всегда определяло наше культурное развитие.

И сегодня мы, представители национальных литератур, в своем движении вперед должны всегда помнить об этом обстоятельстве.

Еще в ту дальнюю пору, находясь под огнем немирных горцев, которые могли в любую минуту сбить их, Толстой, Лермонтов с огромной любовью, симпатией и пониманием писали о горцах, например, в "Герое нашего времени", "Казаках" и т.д., несмотря на то, что они являлись офицерами действующей армии, покорявшей Кавказ. Сибирские писатели, многие из которых ныне незаслуженно забыты, тоже всегда писали о нас, народах Сибири.

Сегодня же в нашей российской литературе, как в русской, так и национальной, мы видим один недочет. Хотя мы с вами и говорим на одном общем, советском, скажу, языке, но пишем на разных языках (есть и такие республики, где говорят на трех языках), а произведения наши почему-то населены героями только одной национальности. Если возьмем русских сибирских писателей, то их произведения всегда были полны фактурой, персонажами, образами местных жителей. Сегодня, когда страстно и верно говорится о природе, о судьбе наших гор и рек, как-то призабываются эти прекрасные традиции золотого века русской литературы. В национальных республиках (а мне довелось нынче весной побывать на съездах в Латвии, Казахстане и Киргизии), в повседневной жизни, в быту коренные жители встречаются с корейцами, чеченцами, русскими, украинцами, узбеками, а персонажи романов таковы, словно они живут в каком-то другом мире, каком-то отдельном колхозе, где живут люди только одной национальности. Нам думается, что дело это надо поправлять. Да, мы должны говорить одним языком, но обязаны творить одновременно на всех языках.

Так же, как любое растение, любое животное сегодня не должны исчезать с лица земли, так не должны исчезать языки даже самих малых народов.И мы очень радуемся, когда на далеком Кольском полуострове, в Лапландии возникает саамская литература. Мы радуемся, что на суровых берегах Сахалина, где великий Чехов смотрел вперед и думал о будущем этого края, сейчас возникает литература на языке нивхов, а маленькие дети изучают букварь, созданный их нивхским писателем. И это наша с вами общая ра-

дость, как и одна общая забота — понимать и помогать друг другу, большие — малым, младшие — старшим.

Когда мы выступали в Латвии, мы выступали не только как представители собственного народа, и мы это подчеркивали там, что представляем лишь один из 33 народов Сибири, включая русских сибиряков. Мы представляли нашу Российскую Федерацию перед другой союзной республикой. Имант Зиедонис, народный писатель Латвии, еще будучи студентом Литературного института, дружил с нашими ребятами, и эта дружба повлекла его в горы Алтая, и он написал книгу "Дневник поэта". Мы привезли с собой в Ригу героя этой книги Тохтоя Сомоева, состоялась, спустя 23 года, очень трогательная встреча. Человек с 7-летним образованием, который никогда не сочинял стихов, сложил в самолете песню в честь друга Иманта и спел ее, которую мы тут же перевели латышам.

В этом году, претворяя в жизнь решения VI съезда писателей России, на региональном плане мы провели немало мероприятий. Состоялась, например, двухсторонняя тувинско-алтайская встреча, на маргинальной зоне этносов, там, где встречаются наши чабаны и охотники, наши народы, а писатели до сих пор никогда не удосуживались проехаться по горным тропам и встретиться прямо в глубинке. И мы были очень тронуты тем, что в период подготовки к Дням в Латвии, в августе месяце наш Горный Алтай и Хакасию, с которой мы поддерживаем традиционные связи, посетило впервые руководство нашего Союза. С. В. Михалков и Э. Ю. Зимин на месте ознакомились с ситуацией в наших братских литературах. Состоялся серьезный аналитический разговор о современном положении наших организаций. И это, знаете, тоже имело влияние на поступательное развитие нашей литературы в свете преодоления негативных тенденций по удалению накопившегося вредного шлака. С трибуны этого пленума мы хотим выразить признательность руководству Союза писателей РСФСР.

Теперь я хотел бы сказать еще об одном. Сегодня в выступлениях и докладе отмечалось, что наша столичная критика нельзя

сказать, что не освещает глубоко процессы, которые происходят в национальных литературах, но, когда пишут о творчестве того или иного маститого ли, молодого ли писателя, упускают из виду культурно-исторический фон, этно-языковые особенности, а также место и деятельность писателя в общем ряду всей этой литературы.

А это всегда надо помнить в любой рецензии, в любой работе для того, чтобы полнее представлять себе ситуацию в целом, ибо ушло время пустой похвальбы и славословий. И нам, писателям, также надо учиться знать историю, культуру, языки друг друга, как бы мы далеко друг от друга ни жили. Иначе зачастую, когда заходит речь о более крупных и серьезных, глубинных вещах, мы както не понимаем в истинном свете их природы и суть.

Заканчивая свое выступление, хочу особо выделить то, что, несмотря на разницу нашего происхождения, на разницу культур, мы с вами представляем одну-единую общность. И давайте будем мы, как писатели, под эту общность подводить общий знаменатель с тем, чтобы идти к высокому будущему.

(Аплодисменты).

Москва, ЦДЛ, Большой Зал,
6 октября 1986 г

О ВЫБОРАХ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Выступление на V пленуме правления Союза писателей СССР

Прежде всего, разрешите поздравить от имени писателей Горного Алтая, Хакасии и других автономных областей Российской Федерации наших товарищей, избранных от Союза писателей в высший орган власти страны.

Во-вторых, я также поддерживаю мнение о предоставлении Московской организации того статуса, который ей надлежит иметь.

Естественно, поддерживаю мнение Аннаберды Агабаева — председателя Союза писателей Туркмении.

В-третьих, хочу напомнить нашим депутатам, что испытываем по этому поводу мы — население автономных областей России. Когда говорят о совершенствовании нашей административно-политической системы, зачастую забывают о нас — автономных областях. А ведь автономные области представляют такие образования, которые были промежуточными в свое время. В связи с этим я хочу уточнить, обратив ваше внимание на то, что такое край как административное образование. Если край, в отличие от обычной области — это некая административно-политическая территория, имеющая в своем составе автономию, то почему же нет такой автономии, например, в Приморском крае? Чем отличается Приморский край от области? Если же это так, почему Тюменская область, имеющая два автономных округа, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский — называется областью, а не краем? Вот в этом-то и заключается как раз несовершенство системы. Я поддерживаю выступления Кугультинова и Санги и призываю наших депутатов обратить на это обстоятельство внимание, поскольку исполкомы автономных областей сейчас вошли в Верховный Совет РСФСР с предложением о том, чтобы автономные области входили напрямую в состав Российской Федерации. Когда мы говорим о совершенствовании Федерации, то почему же Грузия не является федеративным образованием, коль она имеет в своем составе две автономные республики и одну автономную область? Или подумайте, почему возникла проблема Нагорно-Карабахской автономной области, о которой мало кто слышал всего лишь два года тому назад. Крайкомы, крайисполкомы практически ничем не отличаются в своем статусе и правах от обкомов и облисполкомов. А между тем, накануне принятия Конституции 1936 года, Сталин еще говорил об этом, о необходимости совершенствования этих структур. А затем в течение более чем полувека об этом забыто и все оставлено в том же виде. Или возьмем Карачаево-Черкесскую автономную область и рядом Кабардино-Балкарскую автономную республику, они одинаковые, но по каким-то непроясненным обстоятельствам Карачаево-Черкесия значительно остановилась в своем развитии.

А если взять нашу Сибирь, у нас был Западно-Сибирский край до 1937 года, в который входило несколько областей: Кемеровская, Новосибирская, Томская, Омская, наш Горный Алтай — тогдашняя Ойротия. Мне думается, что такие примеры есть и в других странах. Когда сейчас говорят о самоуправлении территорий, естественно, может быть, следует обратиться к рассмотрению этого вопроса, к совершенствованию административно-политического статуса регионов. Мне кажется, край должен включать в свой состав несколько областей, в том числе и автономные образования. На примере Сибири видно, что должен быть Западно-Сибирский, Средне-Сибирский (Красноярский) край, Восточно-Сибирский край, куда будут входить Якутия и Бурятия, Иркутская и Читинская области, Дальневосточный край. Дальневосточный край тем более необходим, поскольку мы стоим на пороге XXI века, который называется веком Азиатско-Тихоокеанского региона. И думается, что край должен иметь свои права и свой статус. Председатель крайисполкома должен быть примерно на уровне заместителя Председателя Совета Министров РСФСР. Тогда эта единая территория могла бы рассматривать свои территориальные вопросы, распределение финансов, размещение производительных сил. То есть, все те вопросы и проблемы, в пределах своей компетенции, рассматривались, решались бы на местах. Тогда, например, кемеровцы и новосибирцы не ехали бы решать общие, смежные вопросы в Москву. Поволжский край, Уральский край, Юг России могли бы со временем образовать соответствующие региональные сообщества.

Сожалею, что время истекло, и я не могу развернуть свои доводы и аргументы. Вот почему я и прошу, в качестве наказа от наших обижаемых и задвигаемых автономных областей, чтобы эти вопросы наши депутаты и внесли в ходе своей деятельности на рассмотрение Съезда народных депутатов СССР.

Москва, ЦДЛ, Большой зал.
21 марта 1989 года

Естественно, поддерживаю мнение Аннаберды Агабаева — председателя Союза писателей Туркмении.

В-третьих, хочу напомнить нашим депутатам, что испытываем по этому поводу мы — население автономных областей России. Когда говорят о совершенствовании нашей административно-политической системы, зачастую забывают о нас — автономных областях. А ведь автономные области представляют такие образования, которые были промежуточными в свое время. В связи с этим я хочу уточнить, обратив ваше внимание на то, что такое край как административное образование. Если край, в отличие от обычной области — это некая административно-политическая территория, имеющая в своем составе автономию, то почему же нет такой автономии, например, в Приморском крае? Чем отличается Приморский край от области? Если же это так, почему Тюменская область, имеющая два автономных округа, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский — называется областью, а не краем? Вот в этом-то и заключается как раз несовершенство системы. Я поддерживаю выступления Кугультинова и Санги и призываю наших депутатов обратить на это обстоятельство внимание, поскольку исполкомы автономных областей сейчас вошли в Верховный Совет РСФСР с предложением о том, чтобы автономные области входили напрямую в состав Российской Федерации. Когда мы говорим о совершенствовании Федерации, то почему же Грузия не является федеративным образованием, коль она имеет в своем составе две автономные республики и одну автономную область? Или подумайте, почему возникла проблема Нагорно-Карабахской автономной области, о которой мало кто слышал всего лишь два года тому назад. Крайкомы, крайисполкомы практически ничем не отличаются в своем статусе и правах от обкомов и облисполкомов. А между тем, накануне принятия Конституции 1936 года, Сталин еще говорил об этом, о необходимости совершенствования этих структур. А затем в течение более чем полувека об этом забыто и все оставлено в том же виде. Или возьмем Карачаево-Черкесскую автономную область и рядом Кабардино-Балкарскую автономную республику, они одинаковые, но по каким-то непроясненным обстоятельствам Карачаево-Черкесия значительно остановилась в своем развитии.

А если взять нашу Сибирь, у нас был Западно-Сибирский край до 1937 года, в который входило несколько областей: Кемеровская, Новосибирская, Томская, Омская, наш Горный Алтай — тогдашняя Ойротия. Мне думается, что такие примеры есть и в других странах. Когда сейчас говорят о самоуправлении территорий, естественно, может быть, следует обратиться к рассмотрению этого вопроса, к совершенствованию административно-политического статуса регионов. Мне кажется, край должен включать в свой состав несколько областей, в том числе и автономные образования. На примере Сибири видно, что должен быть Западно-Сибирский, Средне-Сибирский (Красноярский) край, Восточно-Сибирский край, куда будут входить Якутия и Бурятия, Иркутская и Читинская области, Дальневосточный край. Дальневосточный край тем более необходим, поскольку мы стоим на пороге XXI века, который называется веком Азиатско-Тихоокеанского региона. И думается, что край должен иметь свои права и свой статус. Председатель крайисполкома должен быть примерно на уровне заместителя Председателя Совета Министров РСФСР. Тогда эта единая территория могла бы рассматривать свои территориальные вопросы, распределение финансов, размещение производительных сил. То есть, все те вопросы и проблемы, в пределах своей компетенции, рассматривались, решались бы на местах. Тогда, например, кемеровцы и новосибирцы не ехали бы решать общие, смежные вопросы в Москву. Поволжский край, Уральский край, Юг России могли бы со временем образовать соответствующие региональные сообщества.

Сожалею, что время истекло, и я не могу развернуть свои доводы и аргументы. Вот почему я и прошу, в качестве наказа от наших обижаемых и задвигаемых автономных областей, чтобы эти вопросы наши депутаты и внесли в ходе своей деятельности на рассмотрение Съезда народных депутатов СССР.

Москва, ЦДЛ, Большой зал.
21 марта 1989 года

ЗОВ ОБ ЕДИНЕНИИ И СПАСЕНИИ

Выступление в Майкопе на выездном секретариате СП РСФСР

С. В. МИХАЛКОВ: Слово предоставляется Б. Бедюрову.

Б. БЕДЮРОВ: Способны ли мы услышать зов об единении? Готовы ли воспринять весть к спасению, коль сердца наши не заросли волосами, а мозги не заплыли еще жиром?

Сможем ли мы увидеть в другом — своего, российского, а не инородца, "нерусского", не еврея и наоборот — не русака, не москвича или провинциала, а именно своего ближнего, если наш взор не заслоняют шоры предрассудков, если нас не ослепляет и не слепит слишком ярким светом перестройки сквозь муть и пелену пересудов и застарелых, застоявшихся обид, мнимых или действительно имеющихся счетов? Быть услышанным, быть понятым — не это ли сегодня так нужно нам всем? В спорах, в борьбе мнений придти к общему знаменателю?

Грозный, всеобщий кризис — как пучина под нами, и уже четыре года мы никак не сможем его пересечь, преодолеть, тогда как за четыре года произошла и закончилась самая великая наша война. А тогда-то сии неотступные бедствия еще робко именовались всего лишь "предкризисными явлениями". А то, что является именно зовом, отчаянным кличем к общему (пока еще!) спасению именуем не менее стыдливо "совершенствованием межнациональных отношений" вместо того, чтобы придти к позитивным радикальным решениям.

Уважаемые писатели многоязыкой и разноликой России, прибывшие сюда со многих городов и весей!

Не напоминает ли вам текущий момент предвестие нового Вавилона, когда люди перестают вдруг разуметь друг друга и восстает брат на брата, род на род? Что мы слышим вокруг себя, кроме стенаний и мольб о помощи, кроме перечисления бед и обид? Не напоминает ли вам ситуация на Съезде народных депутатов то, что происходило по этому поводу на наших писательских пленумах год-два тому назад? Разве не видим, как поднима-

ясь раз за разом, многие, столь недавно так называемые "властители дум", ничего не добавляют нового к прежним словесам своим, кроме эгоистичных требований новых благ, привилегий себе и только своим, облекая все это в пышные покровы ложной мудрости и мнимой многозначительности?

Где она, та мысль, та концепция — простая и ясная, приемлемая и близкая всем: армянам и азербайджанцам, созвучная душе ингуша и осетина, татарина и башкира!

А что предлагают они нам — сирым, слабым и во многом обделенным, неимущим народам, не облагодетельствованным в свое время благами сталинской Конституции, кроме обставления своих привилегий правовым и конституционным частоколом от нужд и бед многострадальной России. И чем, собственно, хотят они в сей нелегкий, тяжкий для страны час помочь перестройке, помочь Горбачеву, помочь народу, который состоит не только из их собственных наций? Сочувствуя как бы грузинам, отчего за-бываем об унижениях и страданиях абхазов, осетин, месхетинцев и аджарцев. И разве стихия армянской земли отличается от стихии таджикской? Что лучше — сыпать соль на старые раны, бередить исторические воспоминания или все же лучше помочь всепрощением и взаимным раскаянием, чтобы двигаться всем миром вперед и дальше? И, в конце концов, куда же всем нам деться, если все-таки плывем мы по воле исторического провидения — в одном-единственном ковчеге, а запасного, другого, как ни ищи, нет?! Так почему бы нам новое выражение "открыть прошлое, закрыть будущее" не применить и к нашей внутренней жизни, к сфере межнациональных отношений?

Да, текущий момент важный и многотрудный, и тем более умы общественности наряду со Съездом народных депутатов все больше занимает предстоящий пленум ЦК КПСС по национальному вопросу.

Задаешься вопросом: а успеют ли в столь сжатые сроки глубоко осмыслить и проанализировать уроки съезда с тем, чтобы вобрать их для радикального разговора на партийном пленуме?

А нужно нам поступать и действовать так, чтобы наше общество не уподобилось вконец кораблю Таманго из новеллы П. Мериме, где и друг друга перебьют, да и команду укокошат

вместе с капитаном, а вести корабль, управлять им станет некому! Существует ли вероятность подобного и как нам предотвратить такой оборот событий? Думается, что мы собрались сюда именно по этому поводу.

Уважаемый товарищ Михалков!

Вы, как это известно по всей России, поборник и ревнитель нашего единства и братства, убежденный сторонник и патриот Советского Союза. Сюда в Майкоп, на стык гор и равнин, место сочленения русского и кавказского начал, Вы привезли наш многочисленный отряд, чтобы держать об этом речь. И я надеюсь, что Вы не останетесь одним из последних мамонтов интернационализма, а наши ряды пополнятся за счет молодых поколений из всех народов. И пусть порукой тому будет адыгский кодекс чести, как благородство и честность, отвага и мужество, готовность к помощи и самопожертвованию за друга и брата.

И у всех нас, у каждого найдется все, что нужно для столь необходимого случая: и смирение, и раскаяние, и покаяние, широта и высота — словом, все. Стоит только оглянуться. Надо только оглядеться. Раскинуть российским умом и смекалкой, окинуть дали орлиным кавказским оком, провидеть мудрым буддийским взором, соизмерить, сопоставить с опытом многих и многих стран и народов.

Для таких полиэтнических обществ, многонациональных и многоструктурных государств, прежде всего необходимо равновесие, и это понятно всем. Баланс устремлений. Равнодействующая центростремительных и центробежных тенденций. Никто, ни один народ, ни самый маленький, и ни самый, что ни на есть пришлый, со стороны, не должен почувствовать себя сиротой, лишним, чужим. Жить — так вместе и гибнуть тоже, т.е. за Отечество, за идеал. Да так, что детям твоим, потомкам не будет одиноко и сиротливо, что чужих нет, а все — свои. Именно таким должен быть простой и ясный принцип сосуществования народов в такой огромной стране, мировой державе, как наша, в целом космосе народов. Но в мире в наше время немало стран, подобных нашей. Где-то тише, ровнее в наши дни, где-то, как в Югославии, Ольстере, или Ливане дела надолго зашли в крайний тупик, откуда, похоже, не видать скорого выхода.

Но нельзя нам Кавказ или другой регион превращать в Ливан. И в этом будет заключаться наша с вами мудрость. Периоды даже самых страшных изуверств, фанатизма, религиозных или национальных противостояний проходили, принося мир и покой, просветление и очищение.

В мире много таких стран, как наша, но все же столь разнообразной в расовом, этническом, религиозном, культурном плане и социально-бытовым укладам, пожалуй, таких нет. В этом и сила наша, и в этом вся сложность. Но все же преимущество большое, потому что такое разнообразие предполагает, например, и богатство мышления, подходов, особенностей человеческих интеллектов. Кто может гарантировать, что наиболее успешное решение проблемы должны предлагать именно представители самых больших или самых развитых наций? У нас уникальное средоточие исторического опыта, ведь наши народы — это носители почти всех исторических и культурных генофондов от Вавилона и Египта, от родины всех великих религий вплоть до культур арктических охотников на морского зверя. От потомков тюрско-монгольских кочевников, создававших мировые державы, до народов чисто европейских традиций.

В таком обществе, как наше, где декларируются и самые высокие понятия, любой человек любой национальности в действительности должен чувствовать себя своим, должен иметь реальные гарантии ограждения и защиты национального достоинства и чести, иметь реальную возможность — сообразно своим способностями и качествам — продвижения вперед, без всяких видимых и невидимых ограничений в любой сфере,на всякой службе — в партии, в государственной сфере, в армии, в профсоюзной, комсомольской и общественных организациях и т.д. В любых полиэтнических образованиях во все времена — будь это Рим или Вавилон, империи, династии азиатские или европейские — успех сопутствовал там, где люди любой нации или веры готовы были умирать, если надо, за такую идею своего государства, своего отечества. С этим, конечно, несовместимы ни русофобия, ни антисемитизм, равно как неприемлемы для нас ни национальный нигилизм, ни нигилизм по отношению к другим, малым национальностям.

Только осознание всеми нами синтеза двуединства России поможет нам правильно строить свое миропонимание, когда все национальности до мозга костей проникнутся пониманием себя как частей, как членов России и Российского этноса и когда русские не на словах, а на деле осознают национальные этносы своими, обязуясь разделять их интересы как собственные, как свои, кровные. Именно в этом наша сила и будущность.

А для этого подавать пример, придерживаться провозглашенных принципов должно само руководство, будь это правящая династия, политические или религиозные круги, смотря по тому, кто и какие силы стоят во главе данного общества. И примеров таких в истории не счесть: Рим, эллинистические государства, возникшие после распада империи Македонского, Танская династия в Китае, империя монголов, оттоманская империя, Арабский халифат, да и сама история Российского государства. Зачем же надо было, вдумайтесь, всяческим торкам, черным клобукам или угрофиннам сражаться за Киевскую Русь, а татарам за Московскую Русь идти на восток и на юг? Или людям всех родов и племен со всей Европы, устремившихся в Россию эпох Петра и Екатерины, с тем, чтобы жить, творить честно и преданно на русской службе? Что это, если не осуществление реальной возможности существования под единой крышей?

Мне представляется, что сегодня наше общество уже имеет немалый опыт существования нашего государства как Союза народов, опыт, неведомый тогда, в 20–30-е годы строителям и созидателям. Следовательно, сегодня подходы к этой ситуации у нас с тех пор совершенно различные.

И главное — мы сильны уже тем, что знаем, как не надо то или иное делать или строить.

Представляются два возможных варианта, два пути разрешения межнациональных отношений. И от того, каким из них решимся пойти на данном историческом этапе, и будет характеризовать нас с точки зрения будущего страны, полностью и без обиняков высветив как все наше общество в целом, так и возможности самой перестройки как исторического, социально-политического явления. И — величие духа, смелость или ничтожество, половинчатость. Касается это не только тех, кто у руля ответственных

решений, но и самого тонуса общества, и будет характеризовать его политическую зрелость.

Первый путь — это полумеры, это косметика, марафет; это односторонние, разовые уступки тем или иным требованиям только одних союзных республик. Что мы и видим сегодня. Это путь внешне будто бы и легкий, который может на некоторое время дать Центру — передышку, республикам – "удовлетворение всех своих страстей". Но не более. Проблемы останутся, еще хуже, если уйдут вниз, чтобы тлеть под землей, в почве, а затем вырываться, лопаясь, взрываясь совершенно неожиданно, предугадать которые трудно, почти невозможно.

Путь второй — путь трудный, очень и очень непростой. Но именно в этом, как ни парадоксально, простота и надежность решения. Решать кардинально, масштабно и смело – на полвека вперед, не менее.

Теперь, когда, в общих очертаниях, Союз наш прошел испытания временем, это и есть новое решение вопроса. А что еще сверх этого останется — на суд и ум потомков. Но ни в коем случае наши вопросы не будем сваливать на плечи будущих поколений. Это — нечестно, по крайней мере.

В этом смысле необходима отладка прежде всего в РСФСР, самой крупной из всех остальных республик, где наличествует весь букет, весь узел многих проблем. И, прежде всего, нужно продумать положение, ситуацию с Российской Федерацией, без своей столицы, (а в самом деле — разве возможны две столицы в одном городе?), без своей республиканской партийной организации, как это водится за другими республиками. И затем, пора нам понять, что беды и неурядицы многих наций и народностей происходят прежде всего потому, что много проблем и болячек возникло в существовании самого русского народа, составляющего, прямо скажем, становой хребет этого полиэтнического общества. Долгие десятилетия вообще почти не принято было говорить о русских как о нации, отказывая им в собственных национальных чаяниях, проблемах, которые вполне могут быть другими, чем у украинцев или казахов. И как-то не задумывались мы в бездумном шапкозакидательстве, что нация, даже самая большая, может сильно приустать, надломиться под тяжестью исторического

бремени. Русский народ из сердца своей земли выдал столь много собственной крови в виде живой человеческой массы на окраины, республики для строительства и подъема, что здесь значительно опустело и завяло. Беда Нечерноземья — это и беда национальная, русская. Даже самый могучий, самый сильный народ не может бесконечно быть донором без ущерба собственному здоровью. Если отдавать живой потенциал во все стороны (вот вам и переселенцы в Сибирь, новоселы на целину, "мигранты" в Прибалтике), то в конце концов материнский эпицентр может так опустеть и распылиться, что возникнет очень серьезная угроза устоям этноса как такового.

Вспомним, что произошло с победоносными римлянами, которые так довоевались, так пошли на убыль, что под конец в Вечном городе выходцев из покоренных провинций стало больше, чем самих коренных римских граждан.

Кипчаки — основное население Половецкой Степи — исчезли, распылив весь свой живой потенциал, который пошел на образование новых тюркских народов в виде узбеков, казахов, татар, кара-калпаков, ногайцев и других, а сами кипчаки остались в составе этих этносов всего лишь как один из компонентов племенного порядка. И то же самое произошло с воинами Александра Македонского и Чингиз-хана, растворившимися среди населения завоеванных и покоренных стран. Разумеется, столь уж явной опасности для русского народа в условиях Советской Страны нет, как это утрированию представляется иным. Но в какие-то этапы русский народ, теряя свои основные черты как нации, все больше стал уподобляться просто населению, а Россия — территории. А эти вещи, конечно же, далеко неоднозначные. Следовательно, когда нужно решать вопросы социально-экономические для столь сложных регионов, как Нечерноземье или Сибирь, нужно решать, понимая, что речь идет в данном случае и прежде всего об интересах нации русской. Да, самой большой, но все же нации, как и все другие в нашей стране. Иначе все разговоры о федерализме — это пустые разговоры, которые сведутся автоматически лишь к выгоде других 14 союзных республик, а еще яснее сказать, — к очевидной выгоде и привилегиям верхушки всего лишь 14 наций, в боль-

шинстве своем облагодетельствованным высоким союзным статусом благодаря "Сталинской Конституции".

Кому же непонятно, что несоизмеримы потенциалы многих автономных республик и областей России с другими союзными республиками? Именно вследствие несуразностей конституционного порядка иные нации стали союзными, другими автономными республиками, третьи вообще остались на уровне париев в виде мизерных автономных областей и округов, а четвертые и того не имеют.

А из этого политического статуса и вытекают многие несоответствия, связанные с развитием и существованием советских наций и народностей как таковых.

Торжества, юбилеи, чествования, международные мероприятия — в обязательном порядке 14 республик; их искусство, их представительство во всем, а остальных будто бы и нет, даже тех, кто численно и по экономическому, культурному вкладу не уступает, а зачастую и превосходит иные эти республики.

По какому счастью или по какому злому року так вышло?

Неслучайно, представители именно союзных республик, хорошо понимая всю выгоду своего положения, громче всех кричали на всех форумах и пленумах о бедственном существовании именно их наций, а не о нас с вами. А между тем, эстонцы, которых чуть ли не в три раза меньше татар, имеют более 70 различных периодических изданий в республике, из них 80 процентов на эстонском, о чем в Казани и мечтать не могут, не говоря о Якутии или Бурятии, или даже Хакасской автономной области, промышленный потенциал которых явно превосходит Эстонию или Молдавию.

Или почему Армения союзная республика, а Чувашия или Башкирия — автономные республики?

Или — автономные области. Что это такое и чем они отличаются от автономных республик? Отличия мы понимаем прекрасно, но чем эти несоответствия обусловлены? Территорией? Населением? Экономикой? Да нет! Все это — следствия каких-то случайностей, непродуманности, незавершенности. Как будто бы все вначале определено было вчерне, в основном, с тем, чтобы назавтра все пригнать, завершить, оформить, придав законченный вид. Если ссылаться на территории, то иные миниатюрные республики могут

уместиться в любой район Горного Алтая или Хакасии. Если обосновывать количеством этноса, то тоже никак не сходится. Карачаевцев ничуть не меньше родственных им балкарцев, а больше вдвое, и не меньше чем тувинцев, калмыков, у которых статус автономных республик. И кроме того, неправомерно разделены два соседних автономных образования – Кабардино-Балкария (автономная республика) и Карачаево-Черкесия (автономная область), населенные двумя родственными, этносами (адыгским и таулинским). Третья часть адыгского этноса обособлена в виде отдельной области Адыгеи, где мы с вами находимся сейчас. Разве Кабарда – это не название исторической территории, самой крупной ныне части адыгов, чьи князья со времен Грозного роднились с московской династией. Черкесы — это тюркское название народа, под ним именно и фигурируют они в русской и мировой историко-этнографической и художественной литературе. И только западная часть адыгов под своим собственным именем ныне образует автономную область в составе Краснодарского края.

Понятно, что период существования Горской республики — это период, когда этносам надо было как-то оформиться, выделиться, еще и рано, быть может, было думать, что следующим, закономерным актом станет необходимость социально-экономической, культурно-национальной консолидации в рамках интегрированной одной-единой, но более крупной политико-административной единицы.

От этого не могло проистечь никакого вреда, а вот подобное решение вопросов по-сталински, который и был, будучи этническим грузином, в большевистском руководстве как бы самым первым специалистом в этих делах, а на деле он совсем не знал народы Сибири, Урала и Поволжья, Туркестана, а к тюркским народам и горцам Кавказа вообще, по всей видимости, питал патологическую неприязнь, что и видно по решениям об автономиях и последующих репрессиях, высылках.

В то время национальный вопрос рассматривался в основном по Польше,Финляндии, Украине, Закавказье, Прибалтике, касаясь всех остальных как бы мимоходом, и мы оставались как бы "белым пятном", или "терра инкогнита".

Мне думается, что в РСФСР как конгломерате из чисто русских областей, автономных республик, автономных областей и округов, не совсем оговорены отдельно права и обязанности основной нации, давшей свое имя нашей республике. Поначалу само собой подразумевались права русской нации как господствующей, основной, но теперь с высоты времени видишь, что это был недочет, который дал сбой, и у русских начинает срабатывать свой, внутренний цикл, когда они начинают себя ощущать, ниспускаясь, пусть наиболее многочисленной, но все же одной из наций страны. Не в последнюю очередь, и оттого, что в стране и обществе исчезло понятие наций угнетающих и угнетенных, ведь это еще живо воспринималось в те далекие 20–30-е годы не только русскими, но и всеми так называемыми "нацменами". И не от того ли мы столь часто видим озлобление, так называемый бытовой шовинизм у русских, особенно там, где они проживают в чересполосице среди других национальных регионов. Но и нам, нациям и народам Российской Федерации, тоже нужно проникаться заботами русского народа.

Я призываю как русских, так и представителей национальных литератур к более четкому осознанию нашего двуединства с тем, чтобы мы могли идти дальше.

В силу лимита времени я не могу высказать подробнее своих мыслей о региональном членении нашей России. Товарищи, не смейтесь, это более чем серьезно. Россия — слишком большой организм, и она не чувствует где, что у нее происходит, от этого проистекают очень многие беды и заботы наших национальных образований.

Мне непонятно, когда иные товарищи в этом обвиняют русский народ, который сам страдает ничуть не меньше нас.

Что же касается нас, в Сибири, то у нас будет проходить отдельное совещание по этому поводу, намечается секретариат правления 12-17 июня в Новосибирске. Мы там будем говорить о наших региональных сибирских проблемах.

Что касается проблем, которые стоят перед нашей Горно-Алтайской автономной областью, они как таковые достаточно четко были вчера очерчены, например, в выступлении председателя Адыгейского облисполкома, хакасского представителя

М. Е. Кильчичакова. Ситуация одна и та же во всех автономных областях.

Решение вопроса заключается в необходимости повышения статуса автономных областей в виде прямого вхождения в РСФСР, то есть в этом вопросе необходимо вернуться к решениям ВЦИК, к ленинскому пониманию подобных автономий. Для успешного развития автономных областей краевая структура — это пройденный, промежуточный этап. Такая административная связка как "край — автономная область" — это помеха обоюдного порядка.

Адыгея, г. Майкоп,
3.06.1989 г.

НАСТУПИЛО ВРЕМЯ ОСОЗНАТЬ НАШЕ ДВУЕДИНСТВО...

Выступление на VI Пленуме правления Союза писателей РСФСР

Да, скажу прямо: и я — за единство. И я — за Россию. И я, как бедный сын Алтая, также сын бедной, многонациональной России, над которой сегодня глумятся и так глумятся те, кто жил и питался всеми ее живительными соками. Трудно было б в это поверить, коль не услышал бы вчера своими ушами впервые документ "Апрель", зачитанный нам с таким сарказмом и оскорблениями.

Я думаю, что мы, народы России, именно в силу подобных трагических обстоятельств особенно остро осознаем свою к ней причастность и общность наших судеб. Да, мы все, равно как татары, башкиры, буряты, калмыки, алтайцы, хакасы, горские народы Кавказа, те народы, которые в разное время и при разных обстоятельствах оказались в составе большой российской семьи, не покинули ее, как ни странно, в этот тяжкий и грозный час испытаний. Напрасно, уважаемый товарищ Рекемчук, угрожаете нам "крестовым походом" союзных республик. *(Аплодисменты).*

Напрасно, хотя Россия сегодня заключена всего лишь в границах XVIII столетия, но та Россия, в ее всемирно-историческом понимании, в понимании тютчевском, существует от ледовых пустынь Лапландии до Кушки, от Карпат до Курильских островов! Россия — это не только русский народ. Россия — это не только Центральная Россия и Московия в границах XVI века. Но Россия — это фактор, фактор всемирно-исторический, фактор духовный! И с этим никому ничего не поделать! *(Аплодисменты).*

Многие, очевидно, думали, что национальные движения в их негативном выражении возникнут внутри России. Увы! Те народы, которые, может быть, и не по своей воле оказались в свое время в ее составе, ее не подвели. Да вспомним хотя бы войны царского самодержавия против горских народов. Об этом я думал в Майкопе, у предгорий Кавказа. Но народы Кавказа не подводили Россию в тяжкий час!

Вспомним великий татарский народ, над которым тоже много глумились, но не татары ли со времен присоединения Казанского и Астраханского ханств и по времен Мусы Джалиля, и по сей день верой и правдой служили России? Не калмыки ли, которые стояли на рубежах Российского государства против султанской Турции, вместе с полками башкир входили в Париж?

Да. Многих и многих сыновей выпестовала наша великая матерь — Россия! И не все ее сыновья, между прочим, ходили у нее в любимчиках. Да, да! Но именно те, которые не были в любимчиках, сегодня оказались вместе с нею, остались верны ей, не оставили, не ушли, как иные.

Мы видим, как сегодня приемыши, а то и подкидыши, окрепнув, встав на ноги, точат на нее ножи во многих окраинах. Но давайте вспомним: ведь кое-какие союзные республики приобрели этот большой, привилегированный статус со времен "Сталинской конституции". Мы можем вспомнить, что Молдавия когда-то была Бессарабией. Мы можем вспомнить, что на берегах Дуная жили тюркские народы, ногайцы, которые сегодня являются неотъемлемой частью России. Мы можем вспомнить, что со времен изначальных, со времен становления Русского государства угро-финнские народы — и чухонцы, и эсты, и ливы упоминаются вместе с рус-

ским народом. Почему же нам и это не вспомнить? Я думаю, дорогие товарищи, что наши археологи, наши историки очень многого не говорят, а им надо было бы сказать во весь голос о том, что со времен эпохи бронзы существовала на этой огромной территории нашей страны своеобразная общность народов. Ученые поражаются, ведя раскопки на берегах Кубани, Днепра, не говоря уже о Казахстане, Туве, Алтае и даже Монголии. Ведь они отмечают поразительное единообразие материальной культуры, а значит, это предполагает единообразие и духовной жизни этих народов. Значит, даже в те, доисторические времена, когда мы подразделялись на скифов-кочевников и скифов-пахарей, уже существовала общность народов. И не так важно, под именем какого государства, под главенством какого племени — славянского или тюркского — мы выступали в этой единой общности.

Я думаю, что уважаемые "апрелевцы" и не менее уважаемые "октябристы" плохо знают историю Восточной Европы и времена Хазарского каганата.

Наступило время нам осознать наше двуединство. Россия сильна своим двуединством, двуединством народов, ее составляющих. И только тогда, когда мы, народы России, поймем, что все вместе являемся частью этого огромного организма — организма, который сегодня пусть даже и болеет, но если историческому провидению суждено, чтобы существовала эта общность, как она существовала двадцать пять веков, то все эти болезни окажутся для нас как бы болезнями детского организма, такими, как корь. И если мы переболеем, если "переварим" через тяжкий недуг нынешние неурядицы, то значит, наш организм будет еще более крепким.

Я думаю, что нашим русским братьям также следует осознать отныне, что те народы, которые входят в русский, российский круг, в круг русской духовной культуры, являются нашими народами. И если мы говорим о наших бедах, которые безбрежны так же, как просторы.

И, слушая вчера выступления некоторых товарищей, тоже хотел бы сказать о своих алтайских бедах. Мне обычно не приходится говорить о том, что является для меня, алтайца, нашей бедою, бедами малого народа, заключенного в рамки автономной облас-

ти. Но об этом хорошо сказал Машбаш, о наших книгоиздательских проблемах, об этом другие товарищи сказали. Т.Шапкин ошибся: я не припомню, чтобы в автономных областях были журналы. Мы ничего не имеем с тех пор, как лишились в свое время, в 1964 году, самостоятельных книжных издательств.

Я полностью разделяю мысль о создании новых журналов. Но почему же такая чрезмерная их концентрация в Москве, Ленинграде? Почему нет в центре ни одного всероссийского издания, которое могло бы выражать сполна точку зрения народов России — с главным редактором, со штатами именно из самих представителей национальных литератур?! *(Аплодисменты).*

Посмотрите, что приходится на всю нашу огромную Сибирь, которую мы, сибиряки, так же, как Распутин, так же, как Астафьев, осознаем не только как территорию. Сибирь для нас нечто большее, чем просто территория. Сибирь для нас — Родина, как единый культурно-исторический регион. И вот на всю Сибирь у нас за все 60 лет существует только один-единственный журнал "Сибирские огни". И это на все 33 народа и языка Сибири, представьте только!

Я понимаю наших русских товарищей, когда они проявляют выдержку, когда они как бы стыдятся, в то время как им плюют в лицо. Но до каких пор это должно продолжаться? Слава Богу, мы сегодня понимаем, что те плевки, которые направлены в Распутина, Астафьева — это плевки, направленные и в меня, и в Дамдинова, и в Кильчичакова, и в Алитета Немтушкина. *(Аплодисменты).*

Меня удивляют иные люди, которые "жировали" во времена Брежнева, а теперь с удивительной легкостью, вот так запросто бросаются в объятия наших западных соседей. Понимаете, просто поразительно, с какой легкостью торгуют они нашими идеалами, нашими ценностями, как будто думают, что у нас этих святынь уже не осталось. Кстати, туманный Альбион об этом их не просит. Но товарищ Анапьев (а я слышал это весной: ведь на вершинах Алтая очень даже хорошо весь мир прослушивается) в интервью для Би-Би-Си говорил об элитарности журнала "Октябрь", о том, что его издание, мол, не должно быть предназначено для народа. И это говорит редактор органа со столь обязывающим названием.

Я вижу, как сдержанно американская или английская пресса относится к таким заявлениям с нашей как бы стороны, предостерегая наших интервьюеров от опрометчивых шагов. Но почему же они сами так предаются тем, которые об этом их и не просят?

Или почему ныне так называемые "народные" депутаты, оказавшись в заграничном турне, с такой легкостью хотят разбазаривать нашу территорию? Я имею в виду недавнее выступление Юрия Афанасьева в Японии. Почему же это вот "агрессивное меньшинство" может диктовать нам, "покорному большинству", свои условия? Или, как вчера в иных записках прозвучало: здесь "российский шабаш", "собралась чернь", серятина. И это о нашем пленуме, представляющем все российские литературы. Извините, с чего это они возомнили, что они только таланты и судьи?

(Аплодисменты).

Возьмем, например, демократию США, которую они нам так усиленно рекламируют и преподносят одной лишь стороной. Вспомните переписку Черчилля с Рузвельтом. Когда речь зашла о непосредственной угрозе устоям англосаксонской демократии — во времена Великой войны — они были единодушны, как и непреклонны в отстаивании своих ценностей. Равно как и тогда, когда речь зашла об угрозе интересам сурового Альбиона за тридевять земель, на маленьких Фолклендских островах. Как они поступили, помните? И никому не придет в голову в США оспаривать приоритеты англосаксонской культуры и английского языка, как бы много там ни было этнических и языковых общин. Представить себе только, если б в штате Нью-Мексико или Техасе вздумали объявить испанский язык государственным взамен английского — какой бы шум подняла тамошняя пресса, вызвав негодование у американцев, которые усмотрели бы в этом покушение на устои демократии и целостность своих Штатов. А у нас что творится?

Почему же мы в нашем государстве, которое создавалось не только 72 года, но создавалось в течение столетий, должны подвергать сомнению роль и значение русского языка? Поймите, уважаемые оппоненты, ведь русский язык — это сегодня и ваш, и наш язык, а русская культура — это и наша культура. Вот почему в составе "Апреля" нет ни одного настоящего писателя той или иной национальной литературы.

Река может течь только в двух берегах. Но когда один берег хочет, чтобы река перетекла, тогда не будет потока, тогда образуется болото.

Давайте все же подумаем о том, как нам быть вместе и дальше, если нам дороги интересы этого Отечества, если нам дороги интересы нашей страны. И поймите, за пределами Российской Федерации проживают всего 14, от силы 20 национальностей, а более ста все-таки проживают в России, и не просто проживают, а составляют ее совокупность. Думаю, что об этом стоит задуматься.

Мне кажется, перед лицом испытаний не надо нам, подобно малым детям, заниматься сведением счетов друг с другом. Я думаю, что все то доброе и светлое, позитивное, возникающее в процессе споров, схваток мнений как с той, так и с другой стороны, должно быть взято в наш арсенал, в наш багаж. У нас впереди долгий путь, в блоковском понимании, и мы должны идти по этому пути с поднятой головой, с открытыми глазами.

И все те, кто пойдет по этому пути, я думаю, придут и справа, и слева. Нам надо двигаться по фарватеру. (*Аплодисменты*).

Москва, ЦДЛ, Большой зал.
16 ноября 1989 г.

ЛИТЕРАТУРА — ЭТО ЯВЛЕНИЕ ДУХА

Выступление на VII пленуме правления СП РСФСР

Товарищи! Пленум пошел под гору и я уже перегорел, слушая все. Выступлений за эти два дня было предостаточно, я полагал, что на этот раз мне не придется выступать, кроме предложения, которое я внес до перерыва*.

* Предложение было о необходимости непосредственного обращения к трудовым коллективам предприятий целлюлозно-бумажного производства с просьбой помочь с бумагой периодическим изданиям России.

Прежде всего. Наступает летний солнцеворот, и завтра, 21 марта, начинается навруз — Новый год по народному календарю, и я призываю вас поздравить наших мусульманских российских братьев с праздником! (*Аплодисменты*).

Как бы мы ни хотели, но действительно все в природе и обществе движется по кругу Солнца и сегодня, когда над Москвой светит солнце, пробиваясь сквозь его тусклое, наполненное смогом небо, будем надеяться и будем все-таки верить в наше лучшее будущее, хотя за пять лет эйфория в нашем обществе закончилась. Ну, а как быть нам, что делать? Ничего не остается, как идти в предутренней рани под изморозь. Я под изморозью понимаю все то, что сыплется на нас со страниц нашей некогда почитаемой и любимой народом центральной прессы, хотя где-то в глубинках читатели все еще наивно думают, что они выписывают все те же свои прежние издания, которым они были верны. Увы!..

Меня очень порадовали выступления, вчерашние и сегодняшние, представителей наших национальных литератур. Выступления на этом пленуме представителей братских литератур были гораздо более емкими, осмысленными в своей сопричастности к общим бедам России, чем раньше, хотя каждый говорил о своей республике и своем народе.

Несколько замечаний по проекту Устава Всероссийского Союза писателей. Как и предыдущий Устав, который мы обсуждали на союзном пленуме и где мне не довелось выступить, он, откровенно говоря, огорчает, дорогие товарищи, потому что в проектах наших, российского и союзного, Уставов напрочь исчезает принцип языковый, принцип национальный. Литература — это прежде всего язык, а не оргструктуры. А мы опять-таки повторяем эту же порочную унитарную систему и делим национальные литературы на республиканские Союзы. И во что это выльется посмотрим на примерах. Возьмите Грузию. Что значит Грузинский Союз писателей? Вот выступал абхазский представитель, поведавший о своих бедах, и мне это очень понятно, очень трогает душу. Есть абхазская национальная литература, есть, кроме грузинской, основной, скажем, осетинская, разделенная на две части литература, и есть литература живущих в Грузии армян, азербайджанская, курдская и другие секции. Но если же сводить

все только к республиканской структуре, то, хотите вы того или нет, на деле это будет ущемлением национальных литератур, которые будут поставлены в стесненные условия по сравнению с основной. Давайте задумаемся об этом.

А в нашей-то России тем более этого делать нельзя, потому что мы — совокупность, неразрывное соединение народов, которым нельзя рассыпаться, иначе плохо всем будет.

И поэтому я предлагаю в проекте Устава на 5-й странице после пункта "Писательская организация, входящая во Всероссийский Союз писателей, создается по территориальному принципу и самостоятельно формирует свою внутреннюю структуру", предусмотреть, оговорив, национальный статус той или иной организации.

Это понятно, когда речь идет об областных и краевых русских организациях. Далее указывается, что в автономных республиках действуют Союзы писателей, съезды которых проводятся один раз в пять лет. Но в то же время несколько ниже говорится о писательских организациях в автономных областях и округах, которые должны один раз в два года избирать свое Правление и Бюро. Как же это понимать? А вы все, со всех городов и весей России, хорошо знаете, какую тяжелую ношу несут руководители местных писательских организаций, не имеющих аппарат. Скажем, год у него уйдет на вживание в работу, он один и будет на себе тащить всю телегу, а остальные будут понукать его, сами палец о палец не ударяя, а все требуя, а на второй год такой руководитель уже должен будет думать о своем переизбрании. Это не годится, поскольку не создает стабильности, такое положение породит сплошную чехарду.

Кроме того, необходимо учесть также, что в наших автономных областях, как у нас в Горном Алтае, например, количество членов Союза писателей гораздо больше, чем в иных автономных республиках. И будет справедливей, если в нашей Российской Федерации все национальные писательские организации в автономных образованиях должны быть уравнены в правах и называться Союзами писателей. Союз писателей Адыгеи так же, как Союз писателей Кабардино-Балкарии. Союз писателей Хакасии, так же как Союз писателей Тувы. Союз писателей Горного Алтая, так же как Союз писателей Дагестана. Литературы, как явление духа того или

иного языка и народа, классифицироваться на республиканские и областные не могут, не должны. (*Аплодисменты*).

Теперь скажу, что мне не по душе. Это деление нашего Союза ССР на 15 союзных республик. Мне уже приходилось по этому поводу высказываться, выступать и год назад на Пленуме СП СССР, когда мы избирали народных депутатов, и на Майкопском выездном секретариате СП РСФСР. Многие межнациональные конфликты были заложены именно в этих структурах. Почему 15, а не 20, 30, скажем?

Давайте обратимся на Запад, на столь милые сердцам наших жестких "демократов" Соединенные Штаты Америки, где независимо от количества населения штата, от промышленного потенциала или культурного уровня избираются по два сенатора от каждого штата. Разве это не разумно? Необходимо, чтобы в нашей Российской Федерации и вообще в обновленном Союзном Договоре наличествовали только республики. Пусть будет Нивхская республика, Эвенкийская, Алтайская, Дагестанская наряду с Грузинской, Латышской, Казахской и другими республиками, если те или иные пожелают остаться в нашем Союзе, и если так решить, именно так будет правильно, справедливо. Существуют же маленькие, с ноготок, члены ООН — островные государства, где населения ничуть не больше, чем у нас, в Горном Алтае.

Мы очень хорошо знаем, как многие республики получили свой привилегированный статус при Сталинской Конституции. Если мы решили в нашем государственном устройстве покончить со сталинизмом, так давайте кончать до конца. И это очень важно. И тогда не будет таких поводов, потому что мы исходим из этого постулата, танцуем от печки, а потом разводим руками, не зная, что предпринять, когда та или иная союзная республика начинает ставить вопрос о выходе из состава Союза. Но как это единое государство может декларировать добровольно распад? Деятели из союзных республик кричат о сталинской "оккупации", призывают к исправлению последствий сталинского государственно-политического государства, напрочь забывая, что своим "союзнореспубликанским" существованием обязаны прежде всего сталинскому постулату. Хорошо, ответим им, но тогда давайте рассмотрим вопрос так, чтобы сделать всех нас равноправными.

Почему ни в одном демократическом государстве не предусмотрены в Конституции возможности выхода своих этнических частей? Вспомните действия Авраама Линкольна, когда южные штаты, рабовладельческие, хотели выйти из состава Соединенных Штатов. И я думаю, что если сегодня Калифорния или Аляска вздумают отделиться, то президент Буш незамедлительно использует все свои возможности для защиты американской Конституции. А так, что же у нас получается? "Все смешалось в доме Облонских", и все ставится с ног на голову. Кто воголову. Кто во Франции всерьез будет рассматривать вопрос о выделении Прованса или Бретани, Нормандии или Эльзаса и Лотарингии? А в Великобритании — Уэльса, Шотландии или Ольстера? Об этом и речи быть не может, а между тем в наши дела все могут вмешиваться, поучать нас — такие сердобольные стали. Вот и потакают сепаратистским типам из союзных республик, но почему-то никто не задумывается о нашем положении, многочисленных народов России.

Теперь я хочу напомнить о двух лозунгах, которые стали звучать в 1966 году и не где-нибудь у нас, а именно в Китае, когда там поднялся "черный вихрь" "культурной революции", произведенный так называемыми китайскими левыми радикалами во главе с Цзянь Цинь. Я вижу, как эти лозунги вовсю используются в нашем перестроечном обществе, чем, собственно, и объясняется весь тот паралич, охвативший партийные и государственные устои. Первый лозунг — "Огонь по штабам!" Сегодня кто-то выступал и говорил: "Огонь по штабам!" Да, огонь по партии был открыт, особенно на среднем звене. А серые партаппаратчики действительно не оказались способными к сопротивлению, поскольку многие из них вовсе не люди марксистско-ленинских убеждений, а всего лишь члены правящей партии, вступившие в нее из карьерных соображений. Ну, подумайте только — где, в какой стране политическая партия отказывалась от участия в выборах? А вот на выборах в Верховный и местные Советы России они разводили руками, говорили, что они не могут вмешиваться, не должны ни за кого ратовать. Где же тут политические позиции? Как будто бегемоту сделали укол в голову, парализовав его движения. Вот это и есть вам "огонь по штабам!" И все, о чем на предыдущем пленуме говорили и сейчас говорим, — это и есть

иного языка и народа, классифицироваться на республиканские и областные не могут, не должны. (*Аплодисменты*).

Теперь скажу, что мне не по душе. Это деление нашего Союза ССР на 15 союзных республик. Мне уже приходилось по этому поводу высказываться, выступать и год назад на Пленуме СП СССР, когда мы избирали народных депутатов, и на Майкопском выездном секретариате СП РСФСР. Многие межнациональные конфликты были заложены именно в этих структурах. Почему 15, а не 20, 30, скажем?

Давайте обратимся на Запад, на столь милые сердцам наших жестких "демократов" Соединенные Штаты Америки, где независимо от количества населения штата, от промышленного потенциала или культурного уровня избираются по два сенатора от каждого штата. Разве это не разумно? Необходимо, чтобы в нашей Российской Федерации и вообще в обновленном Союзном Договоре наличествовали только республики. Пусть будет Нивхская республика, Эвенкийская, Алтайская, Дагестанская наряду с Грузинской, Латышской, Казахской и другими республиками, если те или иные пожелают остаться в нашем Союзе, и если так решить, именно так будет правильно, справедливо. Существуют же маленькие, с ноготок, члены ООН — островные государства, где населения ничуть не больше, чем у нас, в Горном Алтае.

Мы очень хорошо знаем, как многие республики получили свой привилегированный статус при Сталинской Конституции. Если мы решили в нашем государственном устройстве покончить со сталинизмом, так давайте кончать до конца. И это очень важно. И тогда не будет таких поводов, потому что мы исходим из этого постулата, танцуем от печки, а потом разводим руками, не зная, что предпринять, когда та или иная союзная республика начинает ставить вопрос о выходе из состава Союза. Но как это единое государство может декларировать добровольно распад? Деятели из союзных республик кричат о сталинской "оккупации", призывают к исправлению последствий сталинского государственно-политического государства, напрочь забывая, что своим "союзнореспубликанским" существованием обязаны прежде всего сталинскому постулату. Хорошо, ответим им, но тогда давайте рассмотрим вопрос так, чтобы сделать всех нас равноправными

Почему ни в одном демократическом государстве не предусмотрены в Конституции возможности выхода своих этнических частей? Вспомните действия Авраама Линкольна, когда южные штаты, рабовладельческие, хотели выйти из состава Соединенных Штатов. И я думаю, что если сегодня Калифорния или Аляска вздумают отделиться, то президент Буш незамедлительно использует все свои возможности для защиты американской Конституции. А так, что же у нас получается? "Все смешалось в доме Облонских", и все ставится с ног на голову. Кто воголову. Кто во Франции всерьез будет рассматривать вопрос о выделении Прованса или Бретани, Нормандии или Эльзаса и Лотарингии? А в Великобритании — Уэльса, Шотландии или Ольстера? Об этом и речи быть не может, а между тем в наши дела все могут вмешиваться, поучать нас — такие сердобольные стали. Вот и потакают сепаратистским типам из союзных республик, но почему-то никто не задумывается о нашем положении, многочисленных народов России.

Теперь я хочу напомнить о двух лозунгах, которые стали звучать в 1966 году и не где-нибудь у нас, а именно в Китае, когда там поднялся "черный вихрь" "культурной революции", произведенный так называемыми китайскими левыми радикалами во главе с Цзянь Цинь. Я вижу, как эти лозунги вовсю используются в нашем перестроечном обществе, чем, собственно, и объясняется весь тот паралич, охвативший партийные и государственные устои. Первый лозунг — "Огонь по штабам!" Сегодня кто-то выступал и говорил: "Огонь по штабам!" Да, огонь по партии был открыт, особенно на среднем звене. А серые партаппаратчики действительно не оказались способными к сопротивлению, поскольку многие из них вовсе не люди марксистско-ленинских убеждений, а всего лишь члены правящей партии, вступившие в нее из карьерных соображений. Ну, подумайте только — где, в какой стране политическая партия отказывалась от участия в выборах? А вот на выборах в Верховный и местные Советы России они разводили руками, говорили, что они не могут вмешиваться, не должны ни за кого ратовать. Где же тут политические позиции? Как будто бегемоту сделали укол в голову, парализовав его движения. Вот это и есть вам "огонь по штабам!" И все, о чем на предыдущем пленуме говорили и сейчас говорим, — это и есть

отражение лозунга: "Бей по голове, остальное само развалится!" Понятно, почему огонь сосредотачивается на России, почему так яростно, злобно хулят русский народ. И впрямь, если удастся разложить великий народ — опору государства — то зачем тогда с какими-то букашками-таракашками в виде нас, малых и сирых, считаться? Вот в чем секрет! Сепаратисты из союзных республик напрасно тешат себя иллюзиями, что их работу и усердие оценят. Нет, когда сумеют достичь цели, то и они окажутся "маврами, сделавшими свое дело"!

(*Из президиума: "Третий лозунг там есть: "Бей по талантам!"*)

И подобное происходило в стране с тысячелетними традициями, где непочитание родителей, неуважение к государственным институтам считалось величайшим преступлением. Что же мы об этих вещах позабыли?

Далее. Скажите мне, где, в какой стране со времен Великой Французской революции все эти вольнодумцы-радикалы приносили людям и народам мир и покой, счастье и благоденствие? Да, мы живем в конце XX века, над которым проносится, уходя, черный вихрь убийств, разрушений, террора, репрессий — когда же этому придет конец? Может быть, эти люди спешат к 2000 году, полагая, что к этому сроку, как японский социолог Фукуяма говорил, закончится цикл мировой истории? Мне кажется, к этому, может быть, кое-кому, особо не следовало бы спешить, памятуя о том, как в Китае к 1976 году опять вернулось все на круги своя. Тогда там не только литературные издания — вся пресса была захвачена "бесовствующими радикалами". И все таланты, всех культурных людей заставляли каяться и отрекаться от всего дорогого, святого, всего, на чем свет стоит, отречься от родителей, так же, как у нас в 30-е годы, потому как эти люди понимают людей, языки, нации как простой материал, который должен приноситься в жертву их безумным идеям. И если сегодня все эти утопические догмы обветшали как шелуха, то зачем употреблять все эти "измы", "исты" и т. д. Отрекаясь от Ленина, его учения, не следует им, если хотят быть последовательными, чуть что не по ним, употреблять против своих оппонентов в качестве ярлыков все эти социал-демократические термины, обозначения. Второй раз повто-

рять ваши безумства народ России едва ли вам позволит. Хватит по горло! Мы начисто должны отказаться от употребления этих терминов, тем более в литературных сражениях. Посмотрите, какая апатия царит в нашем обществе, какое молчание воцарилось в народе за эти пять лет! Треск и шум прессы, имитирующей глас народный, — думаете, народ это принимает? Народ не принимает и не хочет принимать этого, не зная, куда его ведут, в какие дебри пытаются завести... (*Аплодисменты*) ...как бы ни уверяли нас со страниц многочисленных органов печати.

Далее — о консерватизме. Что общего между реакционностью и консерватизмом? А посмотрите, как втягивают свои головы аппаратчики наши партийные и других органов, как пытаются засунуть "голову в песок", подобно страусам, лишь бы к ним со страниц центральной леворадикальной прессы не приклеили ярлычок консерватора. Ох, как хочется прослыть за прогрессиста, за своего!

А назовите хотя бы один пример того государства, той системы, где бы не было аппарата управления, определенных механизмов и рычагов, без которых ни один организм существовать нормально не сможет. В коммунизме? Но до него далеко, как до неба. Может, патриархальная демократия, но от нее мы давно ушли. Давайте посмотрим, поищем в современном мире, может, здесь что найдем — нужное и здоровое? Давайте опять посмотрим на Запад, окинем взглядом Штаты: так с какими правительствами Соединенных Штатов Америки нам легче удавалось найти общий язык? Рейган, Никсон, Буш — все они разве не представители республиканской консервативной партии? А разве наша уважаемая и "любимая" Маргарет Тэтчер — она, что, не лидер консервативной партии? И даже возьмем другой пример, Германию, разрушенную бомбардировками английской и американской авиации, кто поднял из пепла? Не Конрад ли Аденауэр, которым нас с детства пугали? Нашим отцам, возвратившимся с фронта, конечно, мерещились происки страшных "реваншистов" Западной Германии, а они, между прочим, засучив рукава, деловито работали, пока мы пропраздновали все годы свою Победу. И не либерально-демократическая партия — консервативная опять же, — вывела Японию к высотам XXI века? Опять же — я не вижу что-то,

чтобы радикалы вывели. Боюсь, если бы и там взяли верх радикалы, ничего путного в этих странах, очевидно, не вышло бы! (*Смех в зале, аплодисменты*).

И еще. Представим на минуту, что к нам в страну прилетает какой-нибудь сенатор. Ну, скажем, не обязательно с Аляски, и говорит: "Извините, в свое время мы оттяпали у вас Аляску по дешевке, пора вам вернуть ее". Я думаю, что такой сенатор не успел бы приземлиться в аэропорту имени Джона Кеннеди, как его прибрали бы к рукам и назавтра он предстал бы перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности.

Вспомним германских принцев, которых водворяли где-нибудь в Греции или Болгарии царями, монархами, после чего они становились не немцами, а как суверенные лица защищали интересы этих стран, этих народов. Почему же не задумываются об этом ныне народные депутаты СССР и вновь избранные депутаты от РСФСР? Я думаю, что им надо иметь ответственность, когда они дают свои интервью направо и налево английской или японской прессе. Надо учитывать все-таки свой большой сан государственных мужей, хотя никому непонятно, какой именно народ они представляют и, вообще, отдают ли они себе отчет об ответственности перед народом.

В заключение хотел бы остановиться конкретно на нашей горноалтайской теме. Сегодня на нашем пленуме больше звучали речи с политическим уклоном, поскольку обстановка такая, но я, алтаец, не могу не сказать о том острейшем экологическом конфликте, который разгорается в нашем регионе в связи с предполагаемым строительством Катунской ГЭС. Вы все об этом проекте, конечно, наслышаны и вы все, очевидно, неравнодушны к этой теме. Вчера Ренат Мухамадиев говорил, что им в Татарии не хватает чистой питьевой воды. Все знаем, как страдает здоровье народов Средней Азии, юга Казахстана из-за недостатка питьевой воды. С учетом того, что ниже города Бийска вода Оби уже непригодна для питья, надо понимать нашему обществу, каким гигантским резервуаром чистой воды является Горный Алтай. И это положение надо суметь сохранить. Терпение наше иссякает, и последней каплей станет утверждение безумного проекта этой ГЭС в самом центре нашей уникальной алтайской земли. В соседних с нами рай-

онах, некогда тоже прекрасных, — Кузбассе, Восточном Казахстане, ряде городов Алтайского края — уже почти нечем жить и дышать!

А Горный Алтай — это пока единственный, неповторимой красоты уголок, где еще остались так необходимые людям чистый воздух, вода, лес, реки, озера и горы. Это наше с вами национальное достояние. Само собой напрашивается мысль о всесибирской или всероссийской здравнице как резервуаре самой жизни в преддверии нового тысячелетия. Но отчего же сейчас, когда у правительства нет финансов, у этих гигантских монополий деньги находятся — у Минэнерго, у Минводхоза! До каких пор будет продолжаться разрушение одного региона за другим? Разве само здоровье и счастье наших людей не есть наше богатство, цель и смысл существования этого государства, разве не об этом мы думаем и радеем? Наше неискушенное население обманывают, говоря о том, что их жилища будут отапливаться электричеством, когда наши леса сведут вчистую да запасы топлива иссякнут. Только проектанты не говорят, в какую копеечку это будет нам обходиться. И в то же время нефть и газ из нашей Западной Сибири все перегоняют на Запад, хотя сельские районы и городки Сибири до сих пор не газифицированы. Мы думаем так: для обогрева в избы или юрты не обязательно водворять динамомашину. Конечно, динамомашина полезна, будет производить энергию, давать тепло, но тогда это будет не жилище, а котельная!

Когда, наконец, по отношению к собственному народу будет проводиться гуманная, заботливая политика, которая строилась бы на основе стратегических, национальных интересов страны? *(Аплодисменты).*

Москва, ЦДЛ, Большой зал,
20 марта 1990 года.

ПОЛОЖЕНИЕ МОЖЕТ СПАСТИ ТОЛЬКО ОДНА ПАРТИЯ — ПАРТИЯ ОТЕЧЕСТВА...

Выступление на VII съезде писателей РСФСР

Будет, товарищи-друзья, будет выход, — переправимся мы с вами на другой берег. Мы уже находимся на стремнине. Перевалим мы этот тяжелый перевал, как бы ни скользили, ни падали, как бы ни тянули нас назад.

Мне очень трудно говорить, так же, как трудно было говорить всем, кто выступал с этой трибуны VII съезда писателей России в эти дни. И думаю, очевидно, с болью в сердце о том же, о чем размышляем с вами мы все, — о судьбе страны, о нашей общей участи.

Я хотел написать, набросать свое выступление, но мне это не удалось сделать за эти дни, хотя и подолгу глаз не смыкал — думал, размышлял.

Каков итог этих пяти лет для нашего Союза писателей? Нам вчера-позавчера внушали, что мы, писатели, не должны говорить о политике, а должны сосредоточиться на сугубо своих творческих вопросах. Это несомненно, но позвольте, разве мы с вами не говорим о литературе, исходя из.того непреложного во все времена понятия литературы в России, как служения Отечеству, а тем более в эти грозные, предгрозовые дни? Разве мы можем отстраниться от болей и горестей, которые терзают наше Отечество, наши о вами народы? Разве мы можем отречься от своего слова, с которым мы должны жить и работать вместе о миллионами наших соотечественников как внутри России, так и за ее нынешними административно-политическими пределами?

Наш Союз писателей за эти пять лет,главное, выстоял, не дрогнул, как бы нас ни пытались сбить с толку. Я в этом вижу достоинства нашего руководства, которое привело нас к этому рубежу.

Сергей Владимирович Михалков уходит. Я на последнем VI съезде выступал с критикой в адрес "аксакалов", но это вовсе не означает, что я не уважаю наших старейшин. В любом движе-

нии, в любом деле должна сохраняться преемственность, должно быть сочетание старого и мудрого опыта с молодой энергией, с усилиями новой генерации.

И мы с вами, конечно, к этому идем, и вчерашний день это тоже наглядно подтвердил.

Поэтому, я думаю, это будет не лишне, если выскажу добрые слова в адрес уходящего Секретариата во главе с Сергеем Владимировичем Михалковым. *(Аплодисменты)*.

К нашему съезду приковано внимание многих различных сил и течений. И не только недругов наших, оппонентов наших, но прежде всего и с особенной надеждой к нашему съезду приковано внимание 60 миллионов наших соотечественников, проживающих в других союзных республиках. Они ждут нашего слова, они надеются на нас. Мы видим с вами, что делают махровые экстремистские силы, как только они приходят к власти. Свидетельством тому — решение вновь избранного парламента Грузии, который пытается ликвидировать законную автономию народа Южной Осетии, народа, который имеет право на эту землю, не меньшее, чем грузинские националисты. *(Аплодисменты)*. Весь юг России — от Дуная до хребтов Кавказа усеяна скифской, аланской или осетинской топонимикой — названиями рек, гор, местностей.

Я представитель корневого, изначального тюркского народа, который на веки веков проклял национальную рознь, кровопролития, вражду между народами. Если вы не верите, загляните в "Историю" Геродота, где описаны племена Алтая как самые бедные, но и самые справедливые из всех окружающих племен, и которые ни на кого не ходят войной, наоборот, приходят к ним за советом и дружбой.

И в эти тяжелые дни мы, писатели Алтая, считаем, что наше слово должно быть словом дружбы, а не вражды, словом сплочения, а не разъединения.

Я призываю наш съезд, съезд писателей России принять Обращение в поддержку соотечественников, живущих в других союзных республиках. *(Аплодисменты)*.

Сила народа, как мы видим сейчас на фоне всех этих печальных, трагических событий, вовсе не заключается в многочисленности той или иной нации и не зависит от того, имеет ли

она статус союзной республики. Сила и мудрость народа зависит от позиции духовных лидеров этих наций. *(Аплодисменты).*

Мы видим, как отшатнулись настоящие художники слова и искусства в Литве от того уродливого порождения собственных мечтаний, которым является нынешний "Саюдис".

Мы отвергаем национальный апартеид, мы отвергаем привилегии только для одной своей коренной нации, когда рядом бедствует твой сосед.

Конечно, мы живем в этом обществе и мы не можем отойти от моды. Но, товарищи, зачем же нам уподобляться дилетантам или статистам, собравшимся в первых и вторых "государственных думах", занимающихся бесконечным словоблудием, когда перед нами всеми сейчас один вопрос — искать, находить выход из создавшегося положения.

Я считаю, что положение может спасти сегодня только одна партия. Это партия Отечества, партия согласия, партия, в которой соединятся все течения, все силы, действительно озабоченные судьбами нашего многонационального советского народа.

Если же мы это не поймем, мы превратимся в Новый Вавилон. Наше общество уже превращается в корабль из "Острова сокровищ", где в трюме руководят всем "сильверы". Мы с вами собрались сегодня для того, чтобы осознать этот факт.

И я уверен, Союз наш не развалить. Потому что нет Союза без России, как и нет России без Союза . *(Аплодисменты).*

Москва, ЦДСА.
14 декабря 1990 г.

ОБРАЩЕНИЕ К ПИСАТЕЛЯМ ГРУЗИИ

Собратья по перу и творческому духу! Сыновья и дочери Грузии! Содрогаются ль ваши сердца при виде зла и насилья, творимого на ваших глазах, не смущает ли вас плач и стенания осиротевших детей, неутешных в расцвете лет вдов, обездоленных людей — ваших извечных соседей и братьев?

Смурная погода нынче у нас на дворе. Общественный барометр жизни страны зашкаливает от ненастий и потрясений. Сквозняками лихой беды тянет от заделанных плохо щелей, пробитых углов нашего общего Дома. Злые духи свили себе гнезда в душах людских взамен покинутых богов и, торжествуя и улюлюкая при виде всех наших общих бед, разнуздавшись на просторах огромной, некогда величавой страны, справляют свой кровавый, ненасытный пир. Произвол и насилие, жестокость и тирания воцаряются там, откуда уходит добро и свет, милосердие и сострадание. Там, где нет заботы и внимания к малым, понимания и уважения слабых, нет и не будет ни славы, ни чести, ни светлых помыслов, ни высоких парений духа.

Во многих уголках нашей Родины пролилась в эти годы кровь мирных, ни в чем не повинных людей. Льется кровь, уже в который раз, и на вашей прекрасной земле. По чьей вине и чьей воле? Как случилось так, что в глазах общественности ныне светлый образ Грузии заслоняют ужасные лики бандитов, испивших крови жертв, беснующихся вооруженных боевиков. Велика ли честь перекрыть тепло и свет так, что новорожденные младенцы погибают от переохлаждения, едва завидев белый свет, старики и старухи проклинают судьбу за то, что глаза их видят такой стыд и срам собственного народа, женщины и девушки подвергаются насилиям и издевательствам, а мужчины испытывают бесчестье от распоясавшихся хамов и хулиганов. Какой враг и откуда входит, врывается безнаказанно в дома мирных жителей, советских граждан? Нет, не чужеземцы, не вражеские воины, а свои убивают, грабят, насилуют своих и не в пору стародавнюю, минувшую, заросшую быльем, но сейчас в эти дни и при наших глазах. Если не при нашем соучастии, то при нашем глухом молчаньи; если не при нашем согласьи, то при нашем бездействии. Кто думал из нас, что одна наша республика будет противостоять другой, кому присниться могло еще недавно, эдак лет пять назад, что люди одной национальности будут убивать других только за то, что они — другой, не их национальности, не их культуры и веры? Как же мы, гуманисты и жизнелюбы, демократы и борцы за права человека, можем молчать при таком непотребстве! Где слово наше, писатели, творцы, владетели слова вечевого? Почему же сегодня напевы чудного грузинского

многоголосья забиваются угрожающим рыком озверевших бандитов?

Мы, писатели многонациональной, разноязыкой и столикой России, в эти ужасные, постыдные дни заявляем еще раз и во весь голос, что самое главное право наших людей, как и всего цивилизованного мира, — это право на жизнь, на мир и покой, счастье и благоденствие на отчей земле под родными небесами, и самый священный наш закон — это закон дружбы и братства, доброго согласия и взаимной поддержки, закон, который был, есть и пребудет в нашей стране, как бы того ни хотелось иным, как в центре, так и в республиках, — по-иному не бывать, пока он есть, пока существует наш великий советский народ, народ, состоящий из людей всех религий, культур, языков и наций. И тщетны попытки, жалки потуги тех, кто хотел бы плыть против течения человеческого развития, против законов нашего сообщества, тех, кто силится всячески установить у себя беззаконие апартеида, национальной дискриминации, право силы, кулака, кастета или железного прута — то самое постыдное проявление, от которого ныне, как известно, уходит даже Южная Африка.

И вы, писатели Грузии, страны древней культуры, чей народ прославлен в мире благородством и щедростью души, любовью и чувством справедливости, знаете обо всем этом достаточно хорошо. Так будем честны, так будем мужественны, чтоб спросить себя: почему же малочисленный народ ваш — осетины, как ранее и абхазы, подвергаются такому жестокому обращению, таким притеснениям и гнету? Неужто некому будет за них заступиться, неужто не придет возмездие тем, у кого руки в крови более слабых и угнетенных?

Или сердца наши заплыли сплошь жиром, мозги проросли волосами, а трезвый разум и мудрость народа заглушает рев митингующей, безумствующей толпы?

Да, мы убеждены в том, что во всем происходящем по вине незрелых государственным умом и долготерпением политиканов, грузинский народ — наш братский славный народ — не в чем упрекнуть. И полагаем, очевидно, и вы тоже, что ни один народ в стране нашей не виноват, если их дома сотрясают толчки так называемых межнациональных конфликтов. Ни армяне и ни азер-

байджанцы. Ни узбеки и ни киргизы, равно как молдаване и гагаузы, славяне и прибалты. Ни один советский народ не поднял руки на брата, соседа или друга. Ни один!

Но мы насквозь видим тех, кто нашептывает нам слова ненависти и вражды, кто сыплет нам соль на раны, кто подливает масла в огонь, кто несет хулу и смуту, кто, рядясь в тоги миротворцев и народолюбов, подобно волкам в овечьих шкурах, пытаются порушить самое нерушимое в нас — веру и надежду, любовь и мечту. И потому, как бы ни старались эти силы "отработать" свой иноземный паек, исполнить ниспосланный им извне великий заказ — погубить Отечество наше, погубить всех нас поодиночке, поврозь, вначале разоружив, а затем и окружив, ничего им не удастся. И горе тем, кто отвернулся прежде времени, в час беды от братьев своих, кто уверовал уже, наивный, в погибель вечной, великой России — потому что дурман пройдет, общество одумается, проснутся, как бы очнувшись от дурного сна, наши люди.

И наступит время, когда спросим самих себя, озираясь с ужасом вокруг: да что же это мы натворили у себя в беспамятстве своем, сокрушая и ломая то, что собиралось по крохам, сберегалось веками?! Неужто непоправимо? Ужель порвано так, что не соединить? Попрано так, что не поднять? Нет, мы верим, и этим живем и дышим (полагаем, и вы тоже): наше общество выстоит, преодолеет тяжкий недуг, залечит раны, нанесенные неразумной рукою своих сыновей; мы пройдем все вместе эти испытания на прочность и крепость, станем сильней и мужественней, зрелей и опытней и такого больше не допустим. Да, мы идем на прорыв сквозь перекрестный, неистовый обстрел, и нельзя ни назад, ни влево, ни вправо — только вперед, иного нам не дано. Другого выхода ни у кого из нас нет. И провидение выведет нас, истина истории с нами. Но беда, большая беда тем, кто собьется с пути, кто, затерявшись в потемках, попадет в окружение чужих немилосердных людей, а то и угодит в чары злых духов.

Еще не время, братья, рвать узы вековые. Это только кажется, что в одиночку легче выплыть, одному легче выжить, коль страна, Отчизна в беде и страданиях.

Отечество все превозможет, а ты? А мы?

Писатели Грузии! Мы ждем вашего слова — слова достойного, слова мужественного, способного сломить жестокость и буйство, слова благородного, полного сострадания и жалости к заблудшим и озверевшим. Слова любви, слова дружбы, слова братства. Слова, которым славилась некогда настоящая Грузия — страна Сакартвело, страна Иверия.

Секретариат правления Союза писателей России.
Москва, февраль, 1991 г.

О ВЫБОРЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

Выступление на первой сессии Верховного Совета республики Алтай по организационному вопросу

Уважаемые депутаты, мы все вместе стоим перед очень важным выбором. Выбором не личностного порядка, выбором не персональным, а выбором определения нашей общей судьбы. Нам с вами, а также всем нашим избирателям, друг от друга некуда сегодня уйти, откочевать или переселиться.

Да, очень сложные процессы происходят сегодня в нашем Отечестве. Никто из нас никогда не думал, что может развалиться наша могучая единая держава, что придут времена, когда мы соседей будем воспринимать как жителей другого государства, когда люди, как будто потеряв разум, начнут расслаиваться по своим национальностям, религиозной или иной принадлежности. Самой судьбой определено нам с вами жить здесь, в самом сердце Евразии, земле, к которой приковано огромное внимание не только в России, но и, прямо скажем, без всяких высоких слов, мировом человеческом сообществе. Да, я также, как здесь было сказано, верю в то, что наша молодая республика может стать на ноги и может действительно послужить определенной моделью, если хотите, эталоном в том, как нужно нам строить наше взаимосуществование. Об этом я высказывался в процессе работы оргкомитета, — повторяю эти слова и сейчас. У нас небольшое насе-

ление. У нас, возможно, сегодня многого не хватает больше, чем где-либо. Но, быть может, именно в нашей бедности, хозяйственно-экономической бедности — наши перспективы и преимущества, потому что мы обладаем всем тем, чем не обладают очень многие регионы — это основой самой жизни: нашими горами, реками, нашими озерами, нашей землей, которая пока еще действительно является "жемчужиной не только Азии", но и (сегодня!) всего земного шара. Мы имеем с вами H_2O.

И мы с вами также обладаем не менее важным потенциалом, а именно, духовным потенциалом. Алтай — это место, где сходятся многие культуры, многие традиции. В то же время мы вот этому нашему богатству, тому, чем обладаем только мы, долгое время не придавали никакого определенного значения в условиях прежней тоталитарной системы.

Мы — алтайцы, и мы любим свой Дом, и у нас нет другого дома, кроме Горного Алтая. У нас нет другой республики так же, как у бурятов, так же как у кабардинцев, так же как у хакасов либо удмуртов. Да, у нас нет другого Дома. Горный Алтай — для нас не место проживания, это наше Отечество. И это Отечество мы с вами наследуем по своему историческому и географическому праву. Но я удивляюсь, когда мы сегодня говорим, что у нас должен быть примат экономического над политическим. Тогда для чего, вообще говоря, созидается наша республика? Так же, как человек вырастает из собственных детских одежонок, так и народ вырастает, и прежние формы тесны для него. Мы прошли достаточно длительный и мучительный путь, более чем семидесятилетний в условиях существования автономной области только лишь потому, что тогдашние законодатели, тогдашние отцы-основатели нашей автономии не продумали толком ее статус.

А потому республика это не блажь, которая появилась из головы наших руководителей, как мы говорим, "застойного времени".

Но, если мы будем людей считать по партийной принадлежности, тогда здесь не отыщется ни одного человека, который свалился бы с Луны или прибыл с Марса. Если мы возьмем всех руководителей бывших союзных республик, включая нашу Российскую Федерацию, то все они вышли из недр Системы. И поэтому,

когда мы говорим о деловых, личностных, принципиальных качествах, то мы не должны человеку ставить в укор былую принадлежность к той или иной партии. Мы все прекрасно знаем, и меня лично коробило это, что КПСС не была партией в прямом смысле этого слова, и очень многие люди благополучно пребывали в рядах этой партии не потому, что они понимали учение марксизма-ленинизма или были коммунистами; нет, они были членами руководящей, государственной, управленческой структуры. Это как небо от земли.

Я считаю, что мы не должны повторять горьких ошибок прошлого. Таким народам, как мы, в свое время, во время революции и гражданской войны, были навязаны классовые принципы, поэтому брат шел на брата, народ на народ. Я считаю, что для таких регионов, как горный Алтай, будет лучше, если бы все общество стало департизированным. Нам это не нужно. Нам нужно с вами идти всем вместе, как шесть лет мы сидим во всем этом, так и, возможно, нам еще шесть лет придется идти на прорыв. А на прорыв мы можем идти только тогда, когда будем с вами вместе, будем идти, понимая друг друга. Но как же мы будем сохранять мир в нашем Доме, если хозяину отказывается в его праве на прописку, на право принадлежности ему жилья, так сказать, обладании правом первородства! Мыдостаточно деликатный народ и уважаем других, но пора уважать и нас. Времена имперского, велико-державного мышления прошли. Я понимаю своих молодых коллег, соплеменников, если хотите, когда они не могут решится четко произнести слово о том, что должен быть нашей главой уроженец самой республики. И, если так подумать ладом, вот кто больше всех страдал, ночью глаз не смыкал, а днем покоя не знал, как не Валерий Иванович Чаптынов? Сегодня, если мы хотим преемственности в переходе к новому, то почему мы должны менять коней на переправе, говоря, что это люди, видите ли, "застойного времени"? А кто не из "застойного времени"? Где можно найти такого человека?

Я вот в то же время говорю, что...

Сумин Г.П. — председательствующий — прерывает: "Время..."

— Дайте две минуты.

Виктор Иванович Завражнев — человек, конечно, очень хороший, я его тоже немного знаю, мудрый, я согласен, и разделяю в этом смысле то, что говорил товарищ Марков. И вот, именно принимая его доводы и соглашаясь с ним, я тем не менее считаю, что речь идет о другом и вовсе не потому, что действительно создается вакуум вокруг одного лица или одной личности. Но вот именно с учетом всего этого, с поправкой на это, критикуя Валерия Ивановича, — вот у меня лично к нему есть очень много критических замечаний, — надо поддержать его выдвижение на председателя Верховного Совета. Я мог бы высказать такие критические замечания, которых, может быть, кто-либо другой и не осмелится сказать. И это совсем из другого поля, я могу критиковать совсем с другой точки зрения, нежели вы, но я сейчас воздержусь — не хочу занимать время, поэтому я все-таки призываю, товарищи-депутаты, проявить высоту понимания вопроса.

И еще скажу. Я не просто являюсь алтайцем по национальности. Я — председатель бюро национальных литератур России, и хорошо знаю все народы, прямо это говорю, знаю их этнические стереотипы поведения. Знаю достоинства и недостатки своего народа так же, как вижу достоинства и недостатки других. Но, к чести своего народа, хочу сказать, что мы никогда не ставили себя во главу угла, умели потесниться возле своего скромного очага, умели найти место в своей маленькой юрте для других. Давайте будем учитывать и нас, и наши интересы как народа — нельзя же вместе с пеной выбрасывать и мальчика самого!..

Вот о чем идет речь.

Я считаю, что, если бы наше бывшее союзное руководство не натворило всех этих бед, то ныне Российское руководство не делало бы ошибку за ошибкой именно в национальном вопросе. Я поддерживаю местную ДПР, когда они говорят о единстве нашего Отечества, но не принимаю их, когда они не хотят считаться с национальными чувствами того или иного народа. Поймите, уважаемые и дорогие, сейчас уже таких людей нет, и, если не будем считаться, вот тогда обретем все бомбы и мины замедленного действия. Я считаю, что основа в целом по всей России для сохранения нашего Отечества заложена в понимании двуединства наших народов, т.е. в понимании двуединства русского и национального начал...

Заканчивая, хочу сказать, чтобы мы все-таки проявили, уважаемые отцы-основатели нашей республики, проявили большую государственную мудрость и не ошиблись в нашем выборе.

Настоящая демократия предполагает уважение не только прав человека, но и уважение прав этнических и других меньшинств.

Это именно то, что поставил Джеймс Бейкер условием для бывших республик прежде чем они смогут считаться демократическими в демократическом обществе народов. Тут же речь идет не только об этническом меньшинстве, а речь о народе, для которого эта республика является Родиной.

Я затрудняюсь сказать, но возможно ли таких людей считать демократами…

Горно-Алтайск, Дом Советов, Большой Зал,
5 февраля 1992 г.

О КУЛЬТУРЕ В СИБИРИ*

Выступление на Совете по культуре МАСС
на Семинском перевале

"Да не покидайте своими чувствами
нашей Родины — Сибири…
Стать в ряды ее патриотов Вашей
неотразимой мечтой"

Из письма Г. Н. Потанина

Уважаемый Владимир Николаевич!**

Дорогие участники — члены и гости Совета по культуре "Сибирского Соглашения"!

Имею честь сердечно приветствовать Вас на земле древнего и вечно-юного Алтая!

---

*Текст выступления на открытии заседания Совета по культуре Межрегиональной ассоциации "Сибирского соглашения" на Семинском перевале 07.07.1994 г.

** В. Н. Штыгашев — председатель Верховного Совета республики Хакасия, в ту пору председатель Совета по культуре МАСС.

В большом смысле слова Алтай, иначе говоря, Алтае-Саянское нагорье, является тем могучим истоком, что дает начало великим сибирским рекам — Иртышу, Оби, Томи, Енисею, Ангаре и Лене. В разъединении и расчленении единого понятия "Алтай" повинны географы, которые для собственного удобства в целях научного употребления придумали Горный И Рудный Алтай в 1916 году, затем ввели обозначение "Степной Алтай", "Саяно-Алтайское нагорье" и т. Д. А между тем, если, возвысясь умом и чувством, воспарить над нашей обыденкой, бытовой рутиной, то нас осенит понимание того, что мы с вами действительно пьем воду из одного источника, дышим одним сибирским хвойным воздухом, ибо мы все с вами земляки, люди со звучным и славным именем — сибиряки.

Наши реки и озера, горы и леса, степи и тундра, города и деревни составляют одно великое средоточье, имя которому Сибирь. А Сибирь сегодня, как известно, является опорой и твердыней, надеждой и спасением нашего Отечества — Державы Российской. И не только богатствами недр. Лишь с недавних пор в нашем общественном сознании стало отчетливей складываться то, что прежде только начиналось осмысливаться в немногих умах наших — сыновей Сибири. Мыслителей и писателей, ученых и публицистов, археологов и востоковедов и других лучших.

Сибирь пока еще только начинает осмысливаться не только территорией, не всего лишь хозяйственно-экономическим регионом, топливно-энергетическим измерением. Но единым регионом со своей богатейшей историей, уходящей в глубь веков, и несомненно выдающимся будущим. И что важнее всего для системы ценностей — все наши народы и племена, населяющие Сибирь с незапамятных времен, составляют ее нерасторжимую совокупность, культурное многобразие и величайшее достояние. Ведь в Сибири представлены самые различные уклады человеческой цивилизации во всей широте временно-пространственного измерения.

Следовательно, наступает пора, когда Сибирь и — в лице носителей ее духа и знания, культуры и творчества — необходимо сделать самый решительный и закономерный в своем поступательном развитии концептуальный рывок с тем, чтобы своевременно поправить в умах российских смысл, знаменитого

пророчества Михайлы Ломоносова о прирастании могущества Российской Державы Сибирью и Северным океаном не в одном только в материальном, ресурсном плане, но прежде всего в духовно-нравственном, культурологическом измерении, поскольку и духовный, и демографический генофонд России ярче, здоровее, лучше сохранился и развился у нас в Сибири. Действительно, требуется продолжить и развить, подняв на новую, государственную ступень осмысления, подвижнический труд сибирских патриотов разных национальностей. Будет замечательно, если ваше пребывание в республике Алтай, на нашей высокой земле, осененной светом благословенной Золотой горы, увенчается плодотворным трудом, если будет сделан ощутимый и реальный шаг вперед в осмыслении грандиозного процесса преобразовательной стороны сибирской культуры. Культура для Сибири не менее важна, чем политика, чем экономика. По существу, культура — это тот самый человеческий фактор, о котором столь много разговоров.

Какова должна быть совокупная концепция развития культуры Сибири в целом и частностях? Без учета культурного фундамента и духовно-нравственного фона очень многое в нынешних событиях и процессах в нашем противоречивом, динамично меняющемся обществе остается непонятным, а изучение этих событий и процессов рискует остаться поверхностным и конъюнктурным. Культуру при этом следует понимать как комплекс ценностей, определяющих деятельность человека и народа. Эти ценности так или иначе реализуются в хозяйстве, государственном праве, текущей политике, перспективах национальной демографии и всех остальных сферах общественной жизни.

Культура в Сибири, впрочем, как и во всей стране, на наш взгляд, должна быть повернута в большей мере к актуальным процессам, идущим в нашей стране, к отстаиванию непреходящих ценностей российской цивилизации, в ее региональных и национально-этнических разворотах с тем, чтобы Российское государство в его сибирском и дальневосточном направлениях занимала достойное место в будущем мире.

Вот почему, пользуясь Вашим пребыванием здесь, хочу подчеркнуть уважаемые члены Совета и гости, особенный и, для большин-

ства из вас, несомненно сокрытый смысл того, что вовсе неслучайно, но по воле исторической судьбы и духовного провидения, по особенностям развития письменной литературы и на ниве духовного просвещения и образования Вы находитесь как глава Совета по культуре в настоящее время здесь, наш стойкий и мужественный друг, глава братской Республики Хакасия В. Н. Штыгашев.

Поясню, в чем смысл. Дело в том, что летом 1877 года 15 августа ровно 117 лет тому назад, по долине речки Матур, чья вершина является одним из водоразделов Западной и Восточной Сибири, отправился верхом на коне бедный юноша 16 лет, уроженец тогдашней Кондомско-Карачорской волости, сын матери-сагайки, а по-нынешнему хакаски, благословившей его кратко: "Эзен бол, балам, Кудайбыла!" Это будущий алтайский писатель-просветитель Иван Матвеевич Штыгашев. Он отправлялся через черневую тайгу за 300 верст от родного дома в единственную тогда во всей ближней округе школу в улус Кузедей, а после двинулся в еще более дальний и неведомый путь — в собственный Алтай, в Улалу, а по-нынешнему, в Горно-Алтайск, где находился единственный центр просвещения — Алтайская православная миссия. Отсюда, спустя шесть лет он был направлен в учительскую семинарию в г. Казань, откуда совершил поездки в Москву, Киев и их окрестности летом 1883 года. По тогдашним меркам это был, конечно же, подвиг не менее, чем приход Ломоносова из Поморской земли в Москву.

Упоминание этого имени — это пример возвращения из небытия и введения заново в культурный, художественный оборот творчества предтечей наших национальных культур. Замечательный самородок, человек необычайно пытливого ума, глубокой внутренней, природной культуры, помноженной на христианские добродетели и образованность, талантливый публицист и лингвист, отменно владевший, кроме русского, на котором писал и творил,еще тремя тюркскими наречиями Алтая — шорским, сагайским и телеутским, которые все были для него в равной степени родными — своей творческой и жизненной фигурой он как бы объединяет воедино три современных этноса — алтайцев, хакасов и шорцев. Его имя и творческое наследие ныне в равной степени принадлежат Алтаю, Кузбассу и Хакасии, следовательно, и всей

Сибири. А его роль и значение в составлении и собирании знаменитого "Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка" наряду с самим В. И. Вербицким не оценена нами, потомками, научной и культурной общественностью по сей день, и так же далеко не в полной мере осознаем значения переводов им на шорский и сагайский диалекты текстов Священного Писания как образцов письменного языка прошлого века.

Это всего лишь наглядный пример из безчисленной череды имен и трудов корифеев сибирской науки, культуры и искусства.

И в порядке предложения я хотел бы выдвинуть идею о создании своего рода "Сибирского культурного Собрания" по изучению и развитию всего нашего, подобного необъятным просторам сибирским, культурно-духовного наследия и учреждения у нее на территории Республики "Алтайского Духовного Очага", который со временем смог бы стать Центром для интеллектуального притяжения всех творческих сил Сибирского региона, своего рода творческой лаборатории в тесном единстве с прекрасной природой нашей земли. К его строительству могли бы быть привлечены силы и возможности всего "Сибирского Соглашения".

Пользуясь Вашим пребыванием на алтайской земле, позволю себе проинформировать Вас, участников традиционной деловой встречи, о некоторых аспектах истории и жизни нашей молодой республики Алтай, 3 июля которой исполнилось три года.

Говоря об уникальности Алтая, вместе с тем, все же следует заметить, что современное состояние науки, образования, культуры у нас, конечно же, далеко не соответствует его приоритетному положению.

Вот почему в экономическом аспекте особенности нашего региона проявляются в различной низкой степени развитости производительных сил, структуры производства, отраслевой направленности.

К началу осуществления экономических реформ и перехода к рыночным отношениям наша республика имела всего лишь декларированный политический статус, и что естественно, не обладая более или менее развитой экономикой, она вступила на этот путь с довольно низкими показателями в удовлетворении социаль-

но-бытовых потребностей населения. Если говорим о заработной плате рабочих и служащих в народном хозяйстве республики, то она гораздо ниже, чем в соседних регионах Сибири.

В условиях распада хозяйственных связей между регионами, усугубились трудности в доставке продовольственных и промышленных товаров. К названным сложностям прибавляются особенности географического положения республики, ее природно-климатические условия, отдаленность от промышленных центров и транспортных коммуникаций.

Единственным видом грузоперевозок по-прежнему является автомобильный транспорт, услуги за пользование которым значительно возрастают.

На решение этих и других неотложных проблем и направлена сегодня вся практическая деятельность нашего правительства РА.

Да, нам удалось сохранить мир и гражданское согласие на своей территории, хорошие отношения с соседними регионами, обеспечить снабжение населения необходимыми товарами и продовольствием, длительное время сдерживать цены на некоторые продукты питания, обеспечить в основном предприятия и организации кредитными средствами и денежной наличностью, не допуская тем самым задержки в выплате заработной платы, пенсий и пособий, оказывать адресную помощь малообеспеченным слоям населения.

В нашей республике происходит не только структурная перестройка учреждений культуры, но акцент смещен на профессионализм, народные традиции, естественное многообразие этнокультур.

Драматический театр, ансамбль "Алтай", межрайонная группа, многочисленные фольклорные группы, конкурсы и смотры, праздники и фестивали набирают силу на современной содержательной основе. Народные игры "Эл-Ойын", "Золотое лето Алтая", "Навруз", открытые чемпионаты по алтайской борьбе "Куреш" и т. д.

Нами разработана Концепция развития культуры, книгоиздания, принят Закон Республики Алтай "О культуре", завершается подготовка Закона "О народном образовании".

Происходит дальнейшее развитие национальной школы и высшего образования как важнейшего института трансляции этничес-

ких культур и формирования национального самосознания в каждом новом поколении, освоение детьми и молодежью ценностей мировой, общероссийской и этнической культур.

Идет реорганизация средних специальных учебных заведений в соответствующие колледжи Горно-Алтайского государственного университета.

Хотел бы только подчеркнуть, что в этом процессе, в поддержке Республики Алтай необходимо более активно привлечь научный, интеллектуальный потенциал вузов Барнаула, Бийска, Новосибирска, Кемерова, омска, Томска, Красноярска, Абакана и других вузов. Мы глубоко благодарны и признательны им, и заверяем в свою очередь, что в долгу не останемся.

В республике определен курс на свободное развитие национальных языков, упорядочена программа общеобразовательных школ, изучается предмет "история и культура народов республики", разработан и принят Закон "О языках".

Продолжаются работы по программам развития спорта, туризма, возрождения исчезающих субэтносов.

Словом, следуя добрым традициям дружных соседей и верных земляков, мы хотели бы обменяться с вами советом по широкому кругу общих проблем культурно-духовного развития Сибирского региона.

Текст подготовлен для выступления
Председателя Правительства Республики Алтай
В. И. Петрова.
07.07.1994 г.

СОХРАНИТЬСЯ К НОВОЙ ЖИЗНИ

Выступление на выездном пленуме СП России в Якутске

Мы находимся здесь, на великой северной земле, где предки якутского народа, уйдя от жестоких превратностей судьбы на старой родине, сохранились, родились и поднялись к новой

жизни. Низкий поклон я хотел бы передать от Алтая якутской земле, великому якутскому народу, который стыкует в своей культуре, в своей душе миры монголов, тюрков, тунгусов миром русской культуры. В этом мы убеждаемся воочию.

Сейчас, когда идет незримая отчасти, и в то же время достаточно очевидная, война против России, народ как никогда снова почувствовал потребность в писательском слове. Сколько раз за последнее время я слышал в глубинке Алтая, как простые люди говорили: "Мы не верим ни одному слову ни депутатов, ни бизнесменов тем более, но мы верим вам. Где же вы были эти три года? Мы ждем вашего слова".

Я глубоко сожалею, что в то время, когда мы с вами вели неравные тяжелые схватки, народ наш, к сожалению, не услышал нас. Я думаю, что причина этому не только в том, что мы были лишены выхода на голубые экраны и на страницы средств массовой информации. Не будем заблуждаться. Ведь народ всего этого сам восхотел. Мы завидовали. Жутко. Нам все хотелось быть иными. Не просто русскими, но европейцами. Если не американцами. Но все дело в том, что мы никогда не были ими за тысячу лет. Мы должны иметь мужество признаться сегодня в том, что Россия не была, не есть и не является Европой изначально. Но коль она не относилась к европейской цивилизации, так зачем же мы туда хотим?! Как Дуньки! Разьве плохо быть просто Россией?

С тех уже времен, когда Киевская Русь получила православие из рук дряхлеющей Византии, произошел раскол Церкви на Западную и Восточную. Уже тогда мы относились к восточному миру. Разве Тютчев не понимал этого, говоря о сути всемирно-исторического процесса как о борьбе Востока во главе с Россией с Западом?

И сегодня, когда пытаются столкнуть исламский мир с православием, а мы видим, как огонь полыхает на Северном Кавказе, в Чечне и в Боснии, мы должны понимать, что со времен крестовых походов латиняне всегда хотели столкнуть и уничтожить нас, напуская огонь на огонь: Россию, славянство — на ислам, на тюрков, и наоборот.

Я не сомневаюсь, что мы преодолеем эти испытания и останемся вместе. Ничто нас не разъединит. Мы — народ России.

И доказывали это не один раз. Вспомните, как хотели нас столкнуть в конце 80-х годов. Мы, писатели, тогда срочно собрались на свой пленум, и все мы, башкиры, якуты, татары, адыгейцы, выходя на трибуну, разве не подчеркивали свою принадлежность к России, к российскому миру.

Сегодня, когда недруги поняли, что наши народы остаются с Россией, нас пытаются обойти с другого конца. Сейчас хотят русских натравить, напустить на своих братьев. Я думаю, что и это не удастся.

Вот я вижу Андрея Пассара. Когда я смотрю на него, думаю, что нам нужно некоторую переоценку провести в своих головах. Вот мы говорили о национальных литературах, малых народах. Но нет этого. Да, Андрей Пассар — представитель десятитысячного нанайского народа. Но давайте вспомним, что нанайцы — это корень, корешок того народа, который дал великие поколения: бохай, чжурчжени, кидани, маньчжуры, которые основывали государства не где-нибудь, а в Китае — все они вышли, произошли от него, человека с Амура. Вот кто такой Андрей Пассар, а вовсе не малочисленный народ Севера.

Что я хочу этим сказать? А хочу сказать, что мы необыкновенно сильны. В лице российских народов, а мы это не до конца осознали, Россия имеет огромный внутренний потенциал, короче говоря, второй пояс, второй эшелон защиты наших ценностей. Вот откуда, как я полагаю, придет помощь: от бурят, от нанайцев, от адыгейцев. Вот кто нам оплот на Западном Кавказе — адыгский народ. Там стоят наши твердыни, там наши оплоты. У нас огромная сила, Но мы такого рода духовную, творческую инвентаризацию в своих головах еще не произвели.

Нам нужно очень четко взвесить, оценить советский период: что мы имели за семьдесят с лишним лет, как мы жили, что такое современная русская литература и что такое литература советского времени.

Давайте задумаемся, что с нами происходит. К сожалению, ни политические партии, ни те, ни эти, ни левые, ни правые глубоко не оценили то, что происходит с нами. Возможно, происходит даже цивилизационная смена, а не просто смена политического режима. Поразмыслим. За этот век Россия уже не раз меня-

ет тип своей государственности: от царской монархии к Советскому Союзу, от Советского Союза к нынешней России. Что это? Либо это мучительные роды будущего, либо мы преображаемся, как змея, меняя кожу.

Я думаю, что, несмотря ни на какие катаклизмы, Россия остается и стремится оставаться самой собой. И вот пример. Не так давно, на Троицу, у нас в Горно-Алтайске прошел замечательный фестиваль русского фольклора "Родники Алтая", на который съехались десятки коллективов изТомска, Новосибирска, Барнаула и других городов. Я стоял всю ночь, слушал, как поет народ, и радовался: не погиб русский дух! Не вымерла душа нашего народа, потому что люди поняли: пережали, господа! Надоела всем эта грязь с экрана.

А раз народ запел там, в глубинах России, это многое означает. И многого стоит. Поэтому жаловаться, скулить, говорить о бездуховности — это от слабости и уныния. Надо четко понять, что мир изменился. Растет потребность к слову. Вот сейчас-то нам и надо крепить свои ряды. Проверить, что мы имели. Окунуться в наше наследие.

Не будем обманываться, все мы — советские люди. Мы другой родины не знали, мы — оттуда. Из погрузившегося в пучину небытия Советского Союза. Мы там жили, мы там выросли. Также и наши антиподы. Они тоже советские, как бы они себя ни прозывали, сами они тоже оттуда. Но в отличие от Атлантиды, погибшей вместе со всей живностью, мы сохранили самое главное — наш наличный людской потенциал. Остался наш народ, чтобы сохраниться к новой жизни. И вот когда мы это осознаем, мы поймем, что нам нужно делать. Мы многого лишились, но в то же время немало приобрели.

Когда мы осмыслим свое цивилизованное место в российской, русской цивилизации, я думаю, наш потенциал только начнет разворачиваться. Только начнет! И вот Республика Саха — ярчайшее тому подтверждение. Оплот на российском Северо-Востоке. И если мы сохраним слово эвенское, слово юкагирское, слово алтайское, хакасское, слово чеченское, мы пойдем с вами вперед.

г. Якутск, 18 июня 1995 г.

О ЦИВИЛИЗАЦИИ РОССИИ

Из выступления на III Всемирном Русском народном Соборе

(в сокращении)

Я очень волнуюсь, ибо очевидно, что я первый человек с Алтая, который удостоился столь высокой трибуны, и поскольку наша новая алтайская духовность начиналась при прямом содействии и помощи Русской православной церкви, должен отметить, что наши первые алтайские писатели, которые стояли у истоков нашего приобщения к великой семье российских народов, были христианские писатели.

Мне трудно выступать после лидеров наших основных общественно-политических движений и партий, поскольку я еще не подготовился к выступлению, как мне неожиданно предоставили слово. Предполагалось мое участие на пленарном заседании.

Слушая лидеров основных общественно-политических движений и партий, чувствуешь правоту каждого. И я со своей алтайской колокольни думаю, как это было бы хорошо — соединить идеи демократии, идеи социальной справедливости, идеи патриотизма с тем, чтоб это слилось бы вновь в наш большой российский поток.

Признаемся честно: ведь все мы вышли из одной суровой серой советской "шинели". Все мы сограждане, которые родились и выросли в одном обществе. А историю свою, как и родителей, как мать и отца, — не выбирают: и это я хотел бы сказать, глядя в лицо лидерам наших политических партий, которых сегодня насчитывается немало. Но, на мой взгляд, в общественно-политическом спектре по большому счету существуют только три течения: демократическое, коммунистическо-социалистическое и патриотическое. А если говорить с точки зрения цивилизационно-мировоззренческих, у нас есть только два, могут быть только два течения или партии. Это партия Отечества и партия анти-Отечества.

Мы, тюркские народы России, являемся вашими собратьями, вашими согражданами.

Мы считаем, что наша Родина, наша страна вечная и на исходе этого века очень бы хотелось, чтобы этим сознанием проникнулось все наше общество, поскольку мы живем в пятый великий период нашей истории, период российский. Мы жили вместе не только в пределах Российской империи — наши корни вековечные, они идут вглубь веков, наша общность идет от седых времен скифской древности, от хуннов, от тюрков, от монголов к России. И последние 500 лет, с тех пор как Москва, крошечная Москва стала по Божьему промыслу преображаться в наше великое Отечество — Россию тюрки стоят плечом к плечу вместе с русскими братьями. Мы молчали, не имея трибуны и возможности слова тогда, когда сепаратисты разрушали Отечество, мы молчали и терпели, хотя и видели, к чему, к какой пропасти идет дело. Помните, ведь ни один тюркский народ до последнего не хотел расходиться, уходить из распущенного Союза, и мы остались верны нашей Родине — России.

Составляя восточный окоем нашего Российского Отечества, мы понимаем неразрывность, неотъемлемость наших исторических судеб. Мы, тюрки, нужны славянам, а славяне нужны нам во всемирно-историческом процессе, который нас ожидает не только в XXI веке, но и в третьем тысячелетии.

Мы теперь отчетливо понимаем, что можно сменить тип государственности, может смениться общественно-политический строй, но страна остается вечной, интересы ее остаются вечными, и это для нас — главное кредо, главное сознание нашей неотделенности.

Когда я думаю о российской, иначе говоря, евразийской цивилизации, то понимаю, что ни один народ — большой и малый, который вошел в лоно великой Матери-России, не потерялся, не сгинул, не исчез. И это ложь, когда говорят, что народы сгинули, исчезают, ассимилируются и т.д. Когда я слышал в 1987 году на пленуме Союза писателей СССР великий "плач", который затеяли украинские и белорусские коллеги-писатели, я подумал: быть беде, быть нашей стране погруженной в великие и сложные испытания. Я растерянно подумал тогда, что же нам делать, если плачется 45-миллионный украинский народ? Но сегодня нам понятно, что это плакал не украинский народ, что это не белорусы

отделились. Давайте не будем употреблять эти слова. Разве народы разделились? Разделилась номенклатура.

Я думаю, что цивилизация России — это цивилизация сберегающая. В отличие от ассимилирующей немецкой цивилизации, в отличие от поглощающей американской цивилизации и в отличие от растворяющей китайской цивилизации мы являемся многоязыкой и многоликой, но единой и вечной Россией.

И это наша страна, и будет это так всегда.

Москва, Свято-Данилов монастырь.
5 декабря 1995 г.

О ДУХОВНОМ ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ

Выступление на IV Всемирном Русском Народном Соборе

Тюркские народы исповедуют пять религий народов Евразии, в том числе православие. И многие тюрки России являются не только соотечественниками, но и единоверцами своим православным русским братьям. Это прелюдия.

Что такое здоровье нации, если это не здоровье духа — того стержня, на котором всегда стояла и стоит любая страна и любая нация. Что такое здоровье нации, если это не возврат на новом витке развития к своим могучим питающим историческим, духовным, культурным корням? Что такое здоровье русской нации, если это не острейшая потребность и необходимость осознания на закате этого тяжелейшего века русским народом себя как русских?

За эти годы много говорилось и о закате России, и о катастрофическом положении, с одной стороны. А с другой стороны утверждалась незыблемость наших идеалов, нашей мечты, конечное восторжествование нашего народа и нашего Отечества. Если положить и так и эдак — все правильно, не хотелось бы и мне повторяться. Но мне думается, что демографическое уменьшение этнических русских началось именно с периодов урбанизации и индустриализации нашей страны.

Вспомните, почему русская семья была многочисленной в прежнее время. Потому что русский народ был народом крестьянским, деревенским, и мужику в деревне требовались сыновья, нужно было больше рук, больше сыновей. А в городских условиях, тем более в условиях советского быта, больше двух детей непозволительно было иметь. И вот, когда я говорю о возвращении к своим истокам, почве, земле, я это понимаю и в переносном, и в буквальном смысле. В особенности это касается материнских областей Центральной России.

Не так давно я летел через океан, попав на так называемый "детский" рейс авиакомпании "Дельта". Вокруг в салоне пищали дети, вы знаете, американцы любят путешествовать. Я думаю: "Ну что это их несет нелегкая с грудными детьми куда-то в Россию, где вовсе не до них, и обратно". Потом выясняется, что это — молодые семьи, которые по тем или иным причинам не могут иметь детей. А потом, уже в Вашингтоне, выяснилось, что это роковые последствия так называемого "полового воспитания". А что за дети? Оказалось что это русские дети, грудные младенцы, подкидыши, которых увозят. Американцы их усыновляют, удочеряют и вывозят. И я подумал, как это страшно.

Собеседник, с которым я летел туда на конференцию, пытался меня убедить: да это же гуманно, да это вот они чужих, брошенных детишек прибирают, молодцы какие. Да, действительно, с точки зрения людской — конечно же, гуманно. Но кто же довел Россию, русских матерей до этого? Ведь вывозится наша кровь и более того — наше будущее! И эти дети, подобно будущим янычарам, которых забирали сызмальства из христианских семей, воспитывали и обрабатывали в соответствующем духе, несчастные сироты не будут ведать о том, что они русские дети. Так кем же они вырастут, как их воспитают, не обратят ли против своих, против Родины, лишившей их родителей? Вот в чем суть!

И вот, когда речь идет о русской нации, я могу вам сказать, что я себя, особенно за рубежом, тоже называю русским. Там, в Вашингтоне, на Всемирной азиатской литературной конференции, я встречался и беседовал со знаменитым американским политологом Фрэнсисом Фукуямой. Уж коль скоро мы говорим о Востоке и Западе, сказал я ему, то вот хочу вам задать вопрос как

русский человек американскому человеку (потому что он американец японского происхождения): а что такое Запад и что такое Восток в нашем с вами понимании и положении? Его ответ будет позже, а пока я должен сказать, что сейчас, когда мы говорим о нации на нынешнем витке развития, нам, особенно патриотам, следует говорить именно своим языком, своими терминами.

Я внимательно вслушиваюсь, как некоторые говорят: вот будет союз Белоруссии и России, например, выразился наш друг Виктор Смирнов, — будет *новое* государство. Не так давно на съезде КПРФ председательствующий, перечисляя поздравительные телеграммы, поступившие от братских зарубежных партий, называл в числе "зарубежных" компартии Азербайджана, Армении и так далее. Да что же это такое, рехнулись, что ли? Как можно даже помыслить и употреблять этот чуждый нам лексикон?

Как мы можем делиться на "красных" и "белых", когда мы-то прекрасно знаем, что в строгом смысле слова "красных" не было уже со времен Брежнева! У нас у всех одни общие корни. Мы все происходим из одного общества, из советского народа. И когда мы говорим о нации, я под русской нацией понимаю всех нас, но не в смысле этноса (в советский период, как мы знаем, понятие "русский" сузилось и опустилось до понятия этноса). Так почему же сейчас неудобоваримое для русских слово "россиянин" пытаемся употребить по отношению ко всем нам, взамен обозначения "советский"?

Да, замечательный башкирский поэт Мустай Карим во времена РСФСР применял этот термин по отношению к нерусским гражданам Российской Федерации. Но мы же с вами по отношению к Востоку и Западу и впрямь все русские. И я об этом впервые сказал три года тому назад на съезде писателей России. Подходит ко мне Баир, мой друг, говорит: ну ты, Бронтой, немножко загнул. Я говорю: а как же, Баир, я-то все-таки двуязычный, пишу и на родном алтайском языке, оставаясь алтайцем, являюсь в то же время и русским по большому смыслу. Но ты-то вдвойне вроде русский, потому что ты пишешь, творишь на русском языке, будучи бурятом.

Что такое Россия и что такое русская нация? Это ведь всегда была нация огосударствленная, с тех пор как по Божьему промыс-

лу крошечная Москва стала преображаться в великую Россию, шла и развивалась во времени и пространстве, и русский человек, где бы он ни был, куда бы ни шел, всегда знал, чувствовал за своей спиной, что есть Москва, есть Россия, есть правительство, как бы оно ни именовалось — царем, монархом, императором, генсеком и так далее. Да, а вот сегодня он это вдруг перестал ощущать. Вот почему, когда огромное тело страны бьется в конвульсиях и судорогах, русские люди, которые копаются в своих садах и огородах в предгорьях Алтая, не чувствуют боль русскую на берегах Днестра. Когда русских унижают в Средней Азии, это не совсем ощущают русские во Пскове, потому что слишком огромно тело нации, перерезан нерв и как бы обезглавлена вся нация. Это один момент, который мы с вами должны понять. Из этого следует, что нужно восстановить прежде всего именно вот эту связующую нить.

С другой стороны, русский народ, с тех пор как появилось это имя на арене истории, всегда был народом организованным в строй, народом воинским, доблестным, несокрушимым. И вот этот народ ныне впервые, мы знаем, разъединен и разрознен. Мы все с вами, может быть, плохо учились, ди и шпаргалили, мы плохо проходили курсы политнаук: народ — это неодолимая, несокрушимая сила, когда он организован, и он же — толпа, и с ним делай, что хочешь — секи его, рассекай, режь, а он не чувствует. Особенно, когда это большой числом народ.

Вы помните, когда во времена перестройки эти вскормленные КПСС национальные элиты на глазах, второпях создавали чудовищные этнопартократические режимы апартеида в наших республиках, русские не сумели достойно, с толком организоваться для отпора и сопротивления. Я об этом тогда еще думал и не находил ответа: почему так происходит? И когда некоторые говорят: а мы мигрируем в Россию — я им всегда в упор задаю вопрос: в какую Россию? Разве Ташкент не Россия? Почему ты бежишь из Душанбе, ты там должен умереть, если надо, сражаясь на пороге родного дома, собственной квартиры, потому что Россия — это ты, твой дом, твоя семья.

Россия везде, на всей шестой части света, где находится хотя бы одна русская семья, хотя бы один русский дом. Почему во времена похода в Хиву русский отряд, вышедший из Оренбурга

в количестве всего в одну тысячу сабель, мог выдержать многомесячную осаду хивинского войска, а потом, разбив его наголову, вырваться из окружения? Почему? Потому что тогда еще сохранялась русская община. А сейчас у нас появились, к великому сожалению, "архаровцы" (как их назвал Валентин Распутин) — русские люди, живущие в Душанбе, скажем, в одном доме, в одном подъезде, но никак не связанные кровными, общинными узами. Они не знают друг друга, потому что один из Тамбова, а другой из Красноярска, третий из Пензы, а четвертый из Саратова. Нет ощущения единства внутри народа. А значит, нужно и это воссоздавать, нужно работать над этим.

Мы должны защищать наших соотечественников — русских, живущих за пределами нынешней "Эрэфии". Но мы должны помнить — и тогда расширится необычайно наш плацдарм — что русскими, настоящими нашими согражданами являются также все люди, живущие в "суверенных" республиках, которые раньше именовались союзными. Люди, которые осознают свою принадлежность к русскому языку, русской культуре, российской государственности. И мы от имени России должны защищать тех казахов, тех туркмен, тех азербайджанцев, тех армян, которых эти этнократические режимы душат и зажимают.

Это недопонимали еще во времена ЦК тогдашние госпартчиновники, которые сидели, восседали там наверху, зачастую отдавая на растерзание националистам как раз наших союзников, своих братьев, потому что не могли их толком различить. Им казалось, что если это казахи, то все они одинаковы. Нет, они разные. Мне, например, об этом подумалось недавно, когда я встретился с писателями в Вашингтоне. Я грустно пошутил, а они говорят: мы эти твои слова увезем с собой, в Казахстане и в Армении напечатаем. А я им сказал: мы с вами, друзья, оказывается, собрались, наконец, на съезд советских писателей, но, к сожалению, не в Москве, а в Вашингтоне, с участием представителей других азиатских стран. А там, как я обмолвился выше, проходила конференция по перспективам азиатских литератур в XXI веке. Там, на этой конференции, Россия была представлена азиатской частью, и в составе нашей делегации был только один русский, поэт из Новосибирска.

Вначале американцы нас не понимали, из какой это мы страны, к тому же, когда говорили, что мы из России, мы русские, на английском языке тем более, в ответ от них — холодок и какой-то оттенок отчуждения исходит. Когда скажешь: из Российской Федерации — как будто пугаются тебя и вроде как интерес потухает и исчезает. И нам нужно было поработать и вести себя соответствующим образом и татарину, и башкиру, и хакасу, и буряту, чтобы отстаивать сообща честь нашей российской делегации. И там же мы для себя по-новому открыли Россию. При этих непростых обстоятельствах, когда делегация довольно случайно формировалась на местах, наши люди на этой чужой конференции тем не менее для себя начали осознавать, что он представитель не только Башкирии, но и посланец России, что он не просто хакас, а представляет в своем лице и Россию. Такое осознание — это уже успех!

И что еще скажу. Самое удивительное, сравнивая обе всемирные конференции, там и здесь, — мы говорим по обе стороны океана по существу об одном и том же: американцы, не только азиатского происхождения, а те самые чистые американцы, потомки пуритан-протестантов англосаксонского происхождения, тоже говорят о своих болезнях, что их общество тяжело больное, они также против полового воспитания выступают, потому что реально пожинают его плоды, говорят о семейных проблемах. И, что самое удивительное было для нашего слуха, к сведению наших либералов, ни о каких "общечеловеческих" ценностях не говорили, а, напротив, — о своих национальных ценностях и святынях.

Мы говорим о здоровье нации, они говорят то же самое, что и мы, только применительно к себе, своему обществу. И вот я Фрэнсису Фукуяме толкую: да, в течение более трехсот лет, со времен Петра, голова России была повернута на Запад, под Западом подразумевалась, соответственно, старушка-Европа. Ну, а что такое Запад для Европы? Америка, Новый Свет. Но вы благополучно переплыли, освоили континент и теперь, когда вышли на Тихий океан, то что такое для вас Запад? Для вас Запад — это Тихий океан, это Восточная Азия, Дальний Восток. Значит, ваш Запад — это Япония, Китай, Корея и Россия? Так, говорю, мы, выходит, к вам и с вами гораздо ближе не через старушку-Европу,

а протяни руку — через Берингов пролив, через Камчатку, через Тихий океан. Так давайте тогда здесь и будем толковать, на просторах Тихого океана, давайте и будем вести этот диалог о перспективах нашего общего будущего.

Мы тоже должны видеть и различать, что по отношению к России существуют три Запада: это традиционная Европа, это Америка, и это — Восточная Азия. Ведь в технологическом, цивилизационном отношении что такое сегодняшняя Япония, та же Южная Корея, тот же Тайвань или даже бывшая туземная британская колония Малайя, которая сейчас интенсивно развивается? И, что любопытно и очень важно для нас, весь этот восточноазиатский "Запад" начисто отрицает и отвергает буржуазный индивидуализм, эгоцентризм, "права человека" и так далее. Он сейчас, стремительно входя в XXI век, декларирует те свои ценности, которые как раз ближе всего нам, русским: ценности семьи, приоритет общества над правами человека, ценности государства и т.д.

И вот на этой ноте я и хотел бы закончить свое выступление. Я бесконечно рад тому, что Собор за Собором наши дела все-таки продвигаются, идут вперед, и, конечно, мы должны в большей степени сегодня, нежели вчера, используя любые возможности, идти к людям, идти в народ во всех регионах. Во всех республиках нашего расчлененного Отечества мы должны сплачивать, поднимать, воодушевлять людей. Тут сидят единомышленники, нам не нужно убеждать друг друга. Я за вечный союз наших народов, союз, который длится более двух с половиной тысяч лет. Не семь дней, не семь лет и не семь десятилетий, а две с половиной тысячи лет со времен Древней Скифии мы стоим плечом к плечу, и нам навеки вместе стоять, если мы хотим сохранить всемирно-историческую значимость великого понятия "Россия".

Москва,
Свято-Данилов монастырь,
5 мая 1997 г

КТО НОВЫЕ РУССКИЕ?

Выступление на Пленуме Союза писателей России

Дорогие друзья!

Прошу прощения, я еще не вполне собрался с мыслями и уважаемый председатель, как всегда неожиданно предоставив мне слово, застал врасплох. Как в известной песне поется: "Редко, друзья, нам встречаться приходится", — и тем не менее мы встретились сегодня, спустя два года. После Якутского Пленума много воды утекло не только по Лене, но и по другим нашим большим и малым рекам России.

И много, очень много потерь мы понесли за это время, и, слушая перечень нашего скорбного списка, я вспоминал прошедший в начале мая 4-й Всемирный Русский Народный Собор, в котором часть наших товарищей приняла участие, и где речь шла о важнейшем состоянии нашей страны — состоянии здоровья нашей нации. Так вот, по писательским потерям, по нашим невосполнимым утратам мы тоже со всей остротой чувствуем состояние здоровья нашей нации, потому что литература есть нерв, это тот самый, что ни есть самый чувствительный и мыслящий орган народа, страны, общества. И при всем при том, если мы еще чувствуем эту боль, то это значит одно — наш организм все-таки жив. Это означает, что пока еще нет подъема, но во всяком случае некое равновесие духа достигнуто. Я почувствовал это по тональности доклада Председателя нашего Союза и по выступлениям В. Кострова и В. Гусева, с которыми мы давние друзья, несмотря на издержки запала полемики. Я вижу — это хороший задел. Мы все говорим, ноем и ноем, что плохо и плохо, а вот посмотрите, сколько заделов хороших, пусть незаметно для внешнего взгляда и для общества, но в целом все-таки действует наша литература, действует наш Союз, даже в этом состоянии замалчиваемого окружения.

А чем была, есть и будет сильна наша русская литература, наш Союз писателей России, так это единением языков и литератур народов нашей страны. И коль в России пока не происходит со-

бирания земель и народов в политическом, государственном смысле этого слова, то в любом случае это духовное собирание земель, народов, языков должно продолжаться. И битву за сохранение, сбережение единого духовного пространства мы должны вести до конца, стоять, не отступая ни на пядь. Я хотел бы остановиться именно на этой стороне дела.

Тогда, выступая на Соборе, я говорил о том, что нам нужен совершенно новый лексикон, потому что в этой путанице, каше, желе, в котором мы находимся и варимся, всем нам очень мешает смешение понятий. Мы сами, того не замечая, употребляем чужие словечки, чуждый нам понятийный аппарат, а это дезориентирует нас с вами, творцов языка, а не только народ и общество. Да, мы пока, полагаю временно, действуем в рамках Российской Федерации, но исторические поля российской цивилизации, русского народа никто не отменял. Это наша земля, одна шестая часть света, поэтому мы должны и обязаны поддерживать контакты с нашими писателями, где бы они ни находились — в Кушке или Термезе, Нарве или Риге.

Мы сейчас употребляем выражение "ближнее зарубежье". Не может Уральск быть ближним зарубежьем. Не могут Рига или Киев называться зарубежьем. Ближним зарубежьем является для нас Япония, до которой через пролив всего три километра, ближнее зарубежье — Китай и Монголия. Страна наша вечная и великая во все времена и пространстве. Меняется форма государственности, не так важно, как это будет называться — республикой, штатом. Но главное — это единая страна!

Вот говорят: "новые русские". Это вы о ком? О бизнесменах? О новом сословии нуворишей? Нет, новый русский — это я, без кавычек! Новый русский — Виктор Алкснис. Новый русский — Аман Тулеев. Так происходило некогда, когда погибала одна и нарождалась другая держава, тогда татарские богатыри после погибели ордынского Центра переходили на службу в Москву, потому что Москва приняла эстафету государственного строительства и начала новый процесс собирания земель и народов. Те татары ничуть не изменяли Родине и воинской присяге — Ясе. Они из погибшего Центра переходили в, как мы сегодня скажем, "субъект федерации" и продолжали служить делу своей Родины ...

Об остальном не буду говорить, вы лучше меня это знаете по истории России.

Очень интересные вещи происходят, когда таким же вот образом центральная литературная жизнь перемещается в так называемую нашу провинцию. Там выходят журналы. Вот у Михаила Петрова в Твери — "Русская провинция". В Нижнем Новгороде одноименный. "Горница" в Новосибирске. И происходит не умирание, а такое вот медленное пробивание подобно прорастанию цветка из-под асфальта. Для многих этот процесс происходит очень мучительно, с болью и шоком. Да, этот подъем на перевал будет медленным, но он идет. И тут для всех важно, как никогда, нравственное единение, своего рода перегруппировка рядов и позиций. Мы, писатели, должны преодолеть свои собственные недостатки на этом поприще битвы, чтобы понять: здоровье нации, народа начинается прежде всего с нас самих. И мы должны отныне как никогда ранее беречь всемерно друг друга как целостность, как сообщество духовное, так и каждого в отдельности, потому что наш писательский цех отличался тем, что мы не всегда были единомышленниками, ибо каждый из нас — это изделие как бы штучное. И эта пагуба эгоизма единоличников многими из нас доныне не преодолена, что совсем не простительно, поскольку мы должны будем работать и жить в этом чрезвычайном режиме неопределенно долгое время, возможно, даже и пожизненно, пока не наступит наша победа.

Вначале мы договорились, что я расскажу о Всемирном форуме писательском, который проходил месяц назад в Вашингтоне. Называлась эта конференция "Новая мировая культура 21-го века: Перспективы азиатской литературы". Она собрала более 300 представителей литератур из 30 стран Азии. А наша российская делегация, как выяснилось, в отличие от других делегаций, собиралась по регионам чисто случайно. Но поскольку мы все-таки друг друга знаем, то и собрались само собой вместе представители бывших союзных республик: казахи, армяне, киргизы, туркмены, узбеки и другие. И с одной стороны, с иронией, а с другой стороны, с горькой усмешкой говорили меж собой: "Получается, что мы, люди родные друг другу, встречаемся то в Турции на фестивале тюркских народов, то, как сейчас, в Вашингтоне. А что

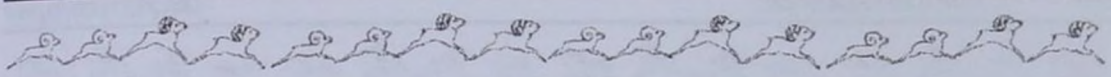
Москва родная — когда она-то вспомнит про своих?" Мы-то это видим, что Азия состоит из нескольких блоков. Азия — русскоговорящая. И Азия — англоговорящая. И Азия — Китай. И мы заметили, это важно отметить и помнить, и американцы-то, видать, очень даже озабочены болезнями собственного общества. Они говорят о своих национальных ценностях, о необходимости восстановления семей. Они, те, с кем мы общались, примерно говорят с нами аналогичным языком. И американцы боятся проиграть схватку с "Западом"...

(с места: С Востоком ... С Европой)

Почему с Европой? Посмотрите, земной шар он круглый. Американцы начинают проигрывать схватку со своим "Западом" — регионами Восточной Азии. А Восточная Азия, овладев западной технологией, в то же время противопоставляет ему свои цивилизационные ценности, которые близки нашим, российским. Уже третья по весу община в Америке, я имею в виду США, — азиатская община. Это японцы, это корейцы, китайцы и вьетнамцы, я не буду всех перечислять. Вот поэтому они озабочены, их, бедных американцев, очень даже можно понять. Отливаются кошке мышкины слезы.

И мы сто очков можем дать вперед по широте и размаху проведения наших писательских съездов. Они этому только учатся. Но они это хотят делать под своей эгидой, чего мы не должны ни в коей мере забывать. Они уже говорят о слиянии Востока и Запада. Но в лице России это уже давно произошло в нашей стране во времени и пространстве. Хотя, прямо скажем, этот потенциал лежит втуне, недостаточно используется. И когда не было в нашей делегации ни одного русского писателя, кроме одного из Новосибирска, я встал и сказал: "Коль тут нет больше русских, тогда я — русский". Башкир, бурят и хакас поддержали: "Да, мы — русские, потому что у нас русская культура, русская цивилизация". На этом уровне мы и будем общаться с Востоком и с Западом. *(Аплодисменты).*

Москва, Комсомольский проспект, 13
29 мая 1997 г.



ЧТО С НАМИ ПРОИЗОШЛО?

Выступление на Всероссийском конгрессе интеллигенции

Дорогие сотоварищи!

Я приветствую вас от имени наших сограждан и собратьев — тюркских народов России, которые с вами находятся в нерасторжимом единстве более чем 2,5 тысячи лет в нашей великой и вечной Родине. Я задаюсь тем же вопросом, каким задаетесь и все вы: "С кем, наконец, мы — мастера культуры?"

Сейчас ходит много толков-пересудов о том, что интеллигенция, дескать, показала себя недостойно и плохо в эти годы лихолетья. Но при этом забываем, о какой интеллигенции идет речь. Много толкуем, почему же молчит русский народ. Почему он не встает на защиту самого себя и своего Отечества? Нам с детства и в зрелые годы так внушалось, а мы и сами себя осознавали своего рода прослойкой в почти однородном советском обществе.

И вот наступило время понять, осмыслить себя с другой стороны. Мы ведь с вами не с неба спустились и не из преисподней вышли, не "голубая" кровь аристократов, очевидно, течет в жилах всех наших советских людей, даже тех, кто себя именует демократами и либералами. Очевидно, все мы из одной советской страны, следовательно, мы не дети баронов, графов, князей и других. Мы — дети рабочих и крестьян, мы — из этого народа! (*Аплодисменты*). И нам этот народ дал все. Дал лучшее, что в нем есть: слово, кисть, звук. И за этот народ мы с вами в ответе. Мы должны осознать, что наша интеллигенция — это и есть та мыслящая, действующая, творящая собственный мир, часть нашего народа, нашей Родины.

Сегодня мы и есть народ, а не те мужики, которые толпятся возле пивного ларька. Мы с вами сегодня — пролетарии умственного труда. Вот почему, я думаю, наступило время выработать собственный язык и не употреблять коварные штампы, которые всех нас зомбируют и вводят в заблуждение через огонек голубого экрана. Сегодня слово стоит целых дивизий. Наши ракеты не ощетинились грозно, ни один самолет не поднялся в воздух, танки не двинулись, пехота не побежала — все застыли в то время, когда

судьба Родины была на лезвии ножа, потому что впали в летаргический сон, нас как бы опоили, одурили, погрузив в некий шок, большинство все еще находится в этом состоянии, а те, что очнулись, только начинают робкие попытки к выходу из него.

И когда задумываешься о будущем, мне кажется, истинным патриотам нашей Родины не следует склонять голов, не следует жаловаться и стенать, потому что черти и бесы радуются, когда люди плачут. И наоборот, они плачут и слабеют тогда, когда мы смеемся, когда мы поем свои собственные песни. (*Аплодисменты*).

Кроме того, к сожалению, вследствие потери национального духа мы потерпели временное историческое поражение. Однако мы должны учиться — из поражения извлекать уроки, а поражение превращать в победу. (*Аплодисменты*). Во всем, что произошло с нами, со страной, народом, нацией за эти годы, если и есть нечто рациональное, полезное, то оно заключается именно в том, что все мы с вами получили великий урок, все испытали на собственном горбу, и мы еще увидим, как на территории нашей страны возникают и распадаются для того, чтобы снова подняться, великие гигантские общности типа Советского Союза. (*Аплодисменты*).

Советский Союз не был "империей зла", так же как царская Россия не была "тюрьмой народов". (*Аплодисменты*). Если мы вспомним весь этот многотысячелетний период нашей истории во времени и пространстве, если мы обратимся к дорусским периодам существования нашей страны, то увидим, что ни один народ, ни одно племя, как бы оно ни было мало числом, войдя в лоно России и обитая в недрах русского народа, не потерялся, не исчез, не ассимилировался и не растаял. А если появилось на рубеже XVII–XVIII веков новое понятие, новое собирательное имя "русский" как прилагательное, то это стало означать, что русскими шло собирание земель и народов. Шла и продолжалась историческая преемственность.

Мы всегда жили в больших многонациональных сообществах на территории Северной Евразии. Еще незабвенный отец истории Геродот писал, говоря о скифах, то есть о нас с вами, что, если идти от Крыма, Северного Причерноморья до высоких гор, то есть имея

в виду Урал, Алтай, Тянь-Шань, то чтобы общаться с ними, нужно иметь семь переводчиков. Так же и сегодня существует семь языковых семей, если идти последовательно с запада на восток.

Поэтому мы с вами жили и продолжаем жить в VI великом периоде истории нашей страны. Мы должны понимать, что государства, династии, монархии, союзы меняются подобно тому, как человек меняется, сменяя одежду, фасоны в связи с сезоном, изменением климата и времени. А страна у нас одна, другой страны нет.

Почему наши офицеры стреляются, Василий Иванович*? Потому что они дух утеряли. Почему генералы разжирели? Потому что они забыли, для чего, собственно говоря, рождаются военные люди. Что не для собственных дач и не для прихотей жен, не для исполнения воли президентов или генсеков, а во имя Родины, для выполнения своего воинского долга и чести. И когда надо, в означенный час им необходимо умереть, защищая ее, как подобает солдатам. Потому что двум смертям не бывать, а одной не миновать! (*Аплодисменты*).

Хочу сказать также о том, что такое Российская Федерация, Россия. Как вы понимаете, я имею в виду под своей Родиной одну шестую часть света. Ту часть, которая является нашим русским, российским миром. (*Аплодисменты*). Эта территория, как вы видите, в связи с событиями в Афганистане, простирается извечно к северу от Гиндукуша. к северу от Памира, к северу от пустыни Гоби и до Кольского полуострова, там, где мчатся на своих оленях наши братья саамы. Это территория к востоку от Карпат, от Вислы и Немана до Камчатки. (*Аплодисменты*).

Если бы русский народ был слабым, немощным, ленивым, а сегодня его пытаются зомбировать и внушить именно это, то такой народ не освоил бы, не заселил, не облагородил целый континент. Это не британская империя, не французская или португальская империя в классическом смысле слова, где в заморских провинциях была только колониальная администрация и откуда, отслужив положенный срок, почтенные джентльмены возвращались к себе на родину. Нет, эта земля была заселена от океана до океана русским народом. Мы должны помнить о том, что русские появились и встретились с "курильскими мужиками" — айнами на Хоккайдо раньше самих японцев. Русские перешли на Аляску и

дошли до Калифорнии раньше англосаксов. Разве ленивый народ, как Емеля, который лежит на печи, мог бы так пройти?! (*Аплодисменты*).

А когда мы говорим об интересах русского народа, я хочу сказать, что надо четко различать понятия "этнос" и "нация". Мы все русские по нации, к какой бы национальности ни принадлежали. И поэтому мы должны защищать, скажем, в Казахстане не только атамана Гулькина, но мы должны защищать и отстаивать наших сограждан, наших казахов — потомков Абая и наследников Чокана Валиханова — Мурата Ауэзова, Сакена Жунусова и многих других, которых терзают этнократические режимы в наших внешних республиках. (*Аплодисменты*).

Вы посмотрите, как сейчас дружно бывшие члены Политбюро ЦК КПСС за малейшее шевеление пальцем в сторону российских интересов направляют стрелы критики, нет, нет, не в адрес Народно-Патриотического Союза, а в адрес Президента Ельцина. Стоило ему только высказаться на закрытом совещании глав государств СНГ, как и Шеварднадзе, и Алиев, и Назарбаев, как будто сговорившись, уже загоняют его обратно в угол. И об этом мы тоже должны думать. Поэтому, я думаю, обращаясь к уважаемым руководителям Народно-Патриотического Союза, что надо бы в таких случаях возвыситься над вашими идеологическими и нравственными распрями. Интересы Родины превыше партийных споров. И прошлогодние выборы показали, к моей великой радости, что не было побежденных на президентских выборах — не было! Наоборот, была великая победа.

Заканчивая, хочу сказать следующее. Дух Алтая, дух России, дух Евразии — этот триединый Дух, что движет мною, требует и повелевает мне сообщить вам следующее: мы с вами выстоим, мы с вами поднимемся, проснется и встанет наша спящая царевна-Россия. Но для этого мы должны обратиться к глубинным, сокровенным пластам нашей культуры — к нашим былинам и сказаниям, к нашим пословицам, в них заложены все политические лозунги и рецепты спасения — вспомните все русские пословицы. И знайте, и помните — с нами не только Илья Муромец и Добрыня Никитич, но с нами и Гесер, с нами и Манас, с нами и Джангар, с

нами в этой величайшей битве все герои прошлых веков, потому что народ бессмертен, он идет из прошлого в будущее через настоящее.

А настоящее нам необходимо, еще раз повторяю, для того, чтобы понять, что мы имели и что потеряли, что мы должны снова добыть — только своей честью и только своей борьбой. Спасибо. (*Аплодисменты*).

Москва,
Парламентский центр,
30 мая 1997 г

У НАС ОБЩИЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬ

Выступление в Московской мэрии на заседании Комитета содействия Союзу России и Белоруссии

Уважаемые сотоварищи по Комитету содействия воссоединения России с Белоруссией, братья-славяне, представители триединого русского народа! Я, представляющий интересы и точку зрения ваших сограждан, тюркских народов России, могу сказать, что наконец-то сделан первый шаг по преодолению того коллективного безумия и временного умопомешательства, которые охватили наших политиков и депутатов, нашу элиту и номенклатуру, наши народы и республики на рубеже 80-90-х годов.

Это первый шаг. Но, услышав о заключенном Договоре между руководством двух наших республик, люди в горах Алтая, откуда я родом, сказали: "А почему же только двух республик? Надо бы всех, мы же одна страна и одно Отечество".

И думается: кто же теперь будет третьим участником нового Союза? Может быть, Армения? Может быть, этот шаг сделает мудрый армянский народ, у которого нет другого стратегического выхода, как быть вместе с нами, в рамках одного общего государства? А может быть, Киргизия во главе с просвещенным правителем-академиком Акаевым последует примеру двух президентов?

После всего того, что произошло с нами всеми за эти годы, когда все натерпелись и наклюкались всего вдоволь и с избытком, всему нашему народу, за исключением, быть может, очень узкого слоя, напоминающего нам плесень, поразившую большие столичные города нашего Отечества, очевидно и понятно: да, наделали и натворили не то, что следовало. Ну, а как выходить из этого положения? Вы все знаете, в реке существует ложный рукав, рыба заплывает не туда, куда надо, и кружится на одном месте. Но люди и народы — это ведь не глупые рыбы. Надо понять, что рядом существует протока, надо повернуться, выплыть, и нас поток понесет дальше, в будущее.

Поэтому, думаю, для преодоления прежде всего чуждых, навязанных извне штампов решений, необходимо нашему обществу выработать новый лексикон, переработать прежний понятийный аппарат. Только с новым словом мы можем победить в борьбе за умы и сердца. Посмотрите, даже в этом зале, за этим ответственным круглым столом, мы, сами того не замечая, употребляем неправильные, политически неверные выражения. Мы говорим об интеграции России и Белоруссии. Мы можем соглашаться со словом "интеграция", когда объединяется романо-германская Западная Европа, которая до того никогда не представляла политико-государственную, культурно-цивилизационную общность, например, Португалия и Норвегия, Турция и Великобритания. Ну что же тут придуриваться, когда мы всего шесть лет тому назад были частями одного-единого государства! Поэтому речь на самом деле должна идти именно о воссоединении как о восстановлении прежних и установлении новых форм связей и сотрудничества между нашими внешними республиками.

Вот мы говорим "страны". Извините, в моем понимании моя страна одна. От Гиндукуша и Памира до Кольского полуострова, от Немана и Вислы, где соприкасаются православные и католические цивилизации, и до края континента, до Чукотки, — это все одна страна.

Мы говорим "ближнее зарубежье". Какое "ближнее зарубежье" для нас Минск и Киев, Усть-Каменогорск и Ташкент? И, наоборот, для украинцев и белорусов — Москва и Питер, Смоленск и Ростов? Ближнее зарубежье — это Америка: если через

Берингов пролив — 50 километров; ближнее зарубежье — Япония. (*Аплодисменты*). Мы говорим и носим великое русское имя, а начинаем прикладывать его бездумно по отношению к какой-то презренной шайке, бандитам и прочим отбросам общества, называя, "величая" их "новые русские". В моем понимании новые русские — это другие люди, это новые богатыри, зачастую люди нерусского происхождения, которые осознают свою принадлежность к русскому языку, к русской культуре и к нашей Родине — России, которая существовала под названием Советский Союз последние 70 с лишним лет. Вот что такое для меня Россия.

Я не могу признавать, когда говорят "белые и красные". Вот вчера, например, правительственный чиновник выступает в газете: "Вы знаете, там в красном поясе в Тамбове наш белый губернатор". Помилуйте, господа. Откуда "белый" губернатор? Его, как князя Шаховского, привезли из Парижа, или представителя харбинско-русской эмиграции в Австралии отыскали, чтобы величать "белым"? Откуда эти "белые" и "красные" у нас появились? Насколько я понимаю, у Зюганова и Гайдара одно общее прошлое, у них одни общие корни, одни родители. В моем понимании Гайдар даже более "красный", нежели Зюганов: он же красный аристократ трижды — внук Аркадия Гайдара в отличие от сына бедных сельских учителей из глубинки. Предыдущий оратор говорил, что мы все едины, когда речь идет об объединении, о восстановлении нашего государства. Поэтому мы и должны поначалу договориться по этим самым условностям наших политических игр внутри России и тем признать безусловно то, что у нас один общий знаменатель, если хотите, тот самый, который существовал до 1991 года.

Но если мы хотим идти в XXI век с высоко поднятой головой и открытыми глазами, мы должны договориться о правилах игры и сказать: да, у нас у всех один общий знаменатель, но мы дальше играем по-другому — ты идешь так, а ты идешь так, но там, на вершине перевала, мы все равно сойдемся, тогда и посмотрим, чья линия, чей путь окажутся более верными, более скорыми к намеченной цели во благо всем нам и общей Родине.

Я думаю, что для укрепления и расширения плацдарма нашего общественного Комитета содействия Союзу Белоруссии и Рос-

сии необходимо привлечение новых, свежих сил, а новые силы находятся и внутри, и вне современной Российской Федерации в виде национальных организаций, движений других народов нашей страны.

Мы никогда не должны забывать, особенно в Российской Федерации, что все эти люди в пределах одной шестой части света являются нашими согражданами, а не каким-то иностранцами. И если мы хотим успешно бороться против сепаратистов внутри и вне России, мы должны защищать не только русскоязычное население в республиках, мы должны защищать от всех этнократических режимов во всех 14-ти остальных республиках наших украинцев, наших казахов, наших узбеков, наших латышей, то есть тех самых новых русских, памятуя о том, что это наши сограждане, а не чужие нам люди. А вот другой страной мы можем считать, хоть и братской, но все-таки другой, ту же Болгарию или Монголию и т.д.

И, наконец, я бы хотел пожелать успешной работы в деле воссоединения и восстановления единства нашей единственной в мире страны тем благородным людям, которые стоят во главе этого движения. Большое начинается с малого. Спасибо. (*Аплодисменты*).

Москва, Мэрия, Круглый зал.
26 июня 1997 г.

....НАША СУДЬБА — НА ОСТРИЕ НОЖА

Из выступления Бронтоя БЕДЮРОВА на встрече с земляками в Куладе

В конце июля газета "Алтайдын Чолмоны" опубликовала текст выступления писателя и общественного деятеля Бронтоя БЕДЮРОВА на встрече с земляками в Куладе. Эта публикация вызвала столь широкий резонанс, что стали появляться один за другим переводы его выступления. Сопоставляя труды переводчиков, трудно избавиться от ощущения, что сказанные слова принадлежат совершенно разным людям. Вот почему, чтобы не было разночте-

ний, редакция "P.S." предлагает вниманию читателей лучший из всех вариантов перевода (в сокращении).

...Где бы я ни находился, на какой бы перевал ни восходил, через какую бы реку ни переправлялся, со мною всегда моя Родина — Каракольская долина, пуповина алтайской земли — моя гора Юч-Сюмер. Я всего лишь маленькая капелька Владыки Юч-Сюмера — Владыки Алтая — Владыки Евразии. И по той причине, что я проистек из Юч-Сюмера, тем более высока моя признательность Алтаю, и, продвигаясь по шести сторонам белого света, называясь его именем, я способствую и содействую возвышению его имени всемерно и посильно. И все-таки я все еще не совершил свое главное дело, не сказал еще свое основное слово.

...Вы терпите этот знойный жаркий день, чтобы выслушивать меня и оказывать знаки почтения, и это вызывает во мне горечь, поскольку причина тому — я, и поэтому моя признательность ко всем прибывшим сюда возрастает вдвойне. Будь это только возможно, я обнял бы вас, молитвенно преклонился перед вами, отдал бы вам все, что есть у меня, но вот, смотрите: руки мои пусты — нет в них сегодня ни бюджета, ни денег, ни чинов, потому как ныне в своем Алтае я нахожусь в заложниках — как в плену, словно на дне ямы. Я вижу насквозь, как те, которые преследовали меня в течение 25 лет, стремились извести, задавить оковами и изничтожить, — хотели сорвать даже этот праздник, давали наказы и распоряжения своим приспешникам и конюшенным. Но тщетно, ничего не выйдет. В конечном итоге нынче они, развалившись, сами вылетят вон.

Мы должны нынче искупить свою карму, свою историческую вину. В прошлом году, выступая здесь по случаю празднования алтайским народом 240-летия своего вхождения в состав России, на своем алтайском и на русском языках, я воздерживался от окончательного прояснения этого наказания и этой кармы. Эта вина пала на нас в 1754 году. Из-за нее распался наш великий Ойротский Союз. Ибо в ту пору в нашей среде появился шилемир*, который, взойдя на престол, привел царство к гибели. Подобный шилемир есть в нас и поныне. Накануне выборов, когда надо будет пройти в депутаты, они будут клясться вашим именем, именем алтайского народа, но только для обмана и получения голосов. В то же время

---

* бес, шайтан.

они никогда не думали и не будут думать о простом люде, об алтайском деле и алтайском народе. Вы не должны нынче поддаться их лести и обману. Их приспешники, прихлебатели, слуги и рабы назавтра же явятся сюда, к вам, они шесть раз обегут весь Алтай, дабы постараться ложью и хитростью забрать ваши голоса. Человек, не способный быть вашим Главой, не должен им стать. Ворье, хапуги, потакатели убийц, потерявшие доверие народа, не должны более приходить к власти. Сидящие на сессиях Эль Курултая не должны отныне вновь избираться в депутаты.

Мы, алтайский народ, — народ будущего. Наша Белая Вера — это вера века грядущего. Гости, прибывшие к вам, говорят об этом со всей очевидностью и сокровенностью. Если бы у всех моих друзей, которые могли приехать сюда не только со всего Алтая, но и со всей России, со всего мира, появилась бы возможность собраться сегодня здесь, они многое поведали бы вам о вас самих, об алтайском народе, о том, что нам давно пора понять и осознать, что быть алтайским человеком, быть рожденным на Алтае — это великая гордость и счастье, — и просветили бы нас, способствуя снятию пелены невежества с наших глаз и душ. Если же мы нынче не сделаем правильного шага, то весь наш путь окажется блужданиями в логу, который ведет в тупик. И тогда у этой республики не окажется перспектив, алчные демоны, грабители-проходимцы, нахлынув со всех сторон, пройдут по нашим головам, вытопчут наш народ, как траву.

Будь у нас истинный лидер, то, появившись перед народом, пусть даже раз в году на Эль Ойыне, не стал бы читать текст, написанный другим человеком, а обратился бы к своему народу на своем языке и без бумажки, показал бы, что, мол, и я ничем не отличаюсь от вас, и здесь, среди народа, я не первый секретарь, не глава парламента, а такой же вот, как и вы, человек. Разве лидер не должен говорить вот так, искренне, без лукавства?

Наша судьба сегодня — на острие ножа. Повторяю еще раз: наш путь велик и высок. Но, чтобы ступить на него, мы должны нынче осилить этот перевал. Будущее во многом зависит от самих алтайцев — от природных, настоящих алтайцев. Как только смогут настоящие алтайцы поднять головы, осознать себя человеками, обрести свою честь — судьба республики сразу решится. Не Вадим Гевель избавит нас от пьянства, не Рашит Губайдуллин нас

обогатит. Это люди без почвы, явившиеся для низвержения вас в нищету, это так, но кто их породил и взрастил?

...Никогда не говорите, что нас, алтайцев, мало, что мы — алтайский улус — ма-аленький люд. Нет! Реки и моря начинаются с капли воды. И точно так же судьба России — сгинуть ей или возродиться — будет зависеть теперь и от нас, алтайцев, от наших с вами умов и голосов. Вот та великая миссия, что дана нашему народу. В том дальнем веке, 240 лет назад, когда рушился и исчезал Ойротский Союз, Алтай-Кудай Белый Бурхан осознанно спас малую частицу народа, укрыв его за пазухой Алтая, и влил в Россию, чтобы в будущем мы исполнили великую миссию, великое дело. Оттого-то нам в течение 7–9 поколений необходимо было пребывать до срока в темноте и утеснении — через испытания возвращалась наша сила. И вот приходит наш срок. Видя, как народ великой России страдает и мучается, не может найти свой путь, мы должны будем открыть этот путь, должны будем сказать новое Слово.

...Сегодня мне ни ночью, ни днем не дает покоя то, как страдает и погружается в нищету наш народ. Знайте, что основная причина того, что наш народ не может обрести волю, заключена в том, что якшылары, заполучившие республику благодаря таким, как я, теперь держат меня в этой республике в плену и унижении. Те, кто раньше не знали дорог дальше Барнаула, став ныне депутатами и заполучив от имени народа всю его волю, — наживаются, жрут и пируют. И эти бесстыдники вновь собираются сесть на наши шеи. Что вы думаете по этому поводу?

Судите сами: слово алтайского народа не звучало в Верховном Совете страны ни разу в течение 60 лет. Почему? В нашем народе всегда были, есть и будут достойные мужи, у которых есть все, что требуется — и ум, и талант, и мужество, и честь. А первопричина того, что им не дают прорасти и проявиться, преграждая их пути и всячески препятствуя — в нас самих, в нашей собственной среде, братья. Вас подстрекают и вы всегда поддаетесь, способствуя "поеданию" лучших и достойных среди вас. Мы можем сегодня развязать эту нашу карму, искупить исторический грех. Только в таком случае, и никак иначе, мы сможем преобразиться в тех, кому предначертано пойти к народам во всех четырех сторонах света, чтобы вести их к праведной истине, открывать и вместе

искать новые пути к спасению от всеобщего и глобального духовного кризиса.

Русские пришли к нам не случайно. Они явились, чтобы к головам прибавилось голов, к населению — население. В лихую годину, спасаясь, пришли к нам и казахи. Им также предначертано нести истину и весть Белой Веры от имени Алтая к другим тюркам-мусульманам. Вот почему мы все вместе создаем свой юрт. Почему русские, что бежали в Сибирь, не осели в ту пору в Кемерове, Иркутске, под Барнаулом? Почему именно им выпала эта доля? А потому, что им суждено стать ратью, несущей от нашего имени благую истину к подобным себе христианским народам.

Если я неправ, то кто сможет ответить: в чем истинное предназначение Алтая?

В пору, когда для России наступило кризисное, тяжкое время, я называю себя русским — и это вовсе не угодничество перед московскими друзьями. Сегодня как внутри, так и вне России очень тяжко быть русским, называть себя русским вовсе не так престижно, как это было когда-то. Вот почему в это тяжкое для русских время, будь то в Америке, Китае или Монголии, я от имени вас, своего малочисленного черноголового рода-племени, сознательно встаю на их защиту и называю себя русским, тем самым прикрывая, заслоняя их собственной грудью. Потому что я помню: в свое время они не дали прерваться нашему роду, помогли нам взрасти и приумножиться, а сегодня мы должны их поддержать, а через них и себя, в этом смысл всех моих шагов последнего времени. Прошу вас знать об этом и правильно понимать меня.

...Мы все, в целом алтайский народ, и прежде всего поколение первых послевоенных лет, являемся сиротами вдвойне. Отцы наши чуть ли не поголовно погибли на войне, полегли на полях сражений. Поэтому-то Алтай-Кудай и способствует нам в избавлении от исторического сиротства и прозябания, в преодолении этнического одиночества с тем, чтобы стали мы мужами как мужи, народом как народ, и обрели наконец национальное достоинство и честь. Поэтому-то, посмотрите, прошел всего год, как мы поставили памятник-субурган Аба-Кегену, а весть об этом разнеслась по всему миру. Теперь не мы к ним, а они к нам едут прекло-

ниться, помолиться в святых местах, едут прославлять нас и наш Алтай.

Дорогие братья! Предстоящий нам путь все еще далек. Нас ждет великая и славная судьба. Если сегодня каждый алтаец — будь он стар или мал, осознает мои слова и вложит себе в душу и пойдет вперед целеустремленно, мы смогли бы достичь этой высокой судьбы, этого победного удела не через 100, а через 10 лет... Почему же сегодня некто, не значащий ничего для Алтая, подобно гевелям, за счет продажи пантов наших же маралов может роскошествовать, покупая дворцы в Америке, и почему люди, живущие и отработавшие всю свою жизнь в Боочы или Куладе, в Уймоне, должны прозябать в бедности и нищете? Почему "варяги" должны распоряжаться деньгами нашего народа, а наши никчемные правители, которых мы сами же возвели во власть, лелеют их и всячески потворствуют им? Своими замашками наши правители напоминают туземных князьков, которые рассуждают и действуют, исходя из принципа: я должен править, и пусть никто из моих сородичей, ни один алтаец, кроме меня, не пробивается наверх, будь то депутат, писатель или какой-либо руководитель.

Вот эти-то повадки и замашки мы и начнем нынче искоренять — на то и суд Владыки Алтая, таково предначертание Ак Буркана. Если же мы сами не совершим этого, то за нас это сделает народ, проживающий вместе с нами. Но тогда карма и вина за несвершенное нами снова падут на головы всех нас. Благодарю за внимание.

На этом заканчивается выступление Б. Бедюрова на алтайском языке. Далее, обращаясь к гостям, прибывшим на встречу, он говорил по-русски, называя людей, которые довели республику до нынешнего катастрофического положения, по именам и фамилиям. Фрагменты второй русскоязычной части выступления есть в газетах "Молодежь Алтая" и "Честное слово" (Новосибирск).

Каракольская долина, Туйук-Кобы.
11 июля 1997 г.

ПРИКАЗ УЧИТЕЛЯ: "НА СЕВЕР — НА СВЕТ ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ"

Выступление на выездном пленуме СП России в Санкт-Петербурге "Россия — Санкт-Петербург: история, литература, культура"

Друзья, дорогие друзья!

Так же, как и вы все, я испытываю большое воодушевление и радость в связи с тем, что находимся под сводами Пушкинского Дома, священного для всех нас, почитателей поэзии Пушкина, всем, к ому свято и дорого это имя и его бессмертное, нетленное слово.

Право дело, даже не знаю, с чего и как начать, потому что повестка нашего пленума "Россия — Санкт-Петербург: история, литература, культура" настолько переполняет сердце, что по каждому из обозначенных направлений можно и нужно говорить бесконечно.

Я, только один из представителей множества чад России, носитель языка и традиций одного из тех народов, составляющих океан "единства в многообразии", которое именуется Россией, того единства, что с необычайной глубиной постижения выразил гений русского духа Александр Сергеевич Пушкин.

Пушкина и впрямь необыкновенно влекло всегда на Восток, в ту часть нашего пространства, которая именуется азиатской Россией. К сожалению, ему, которого кружила и заносила вьюга в Оренбурге на самом краю киргиз-кайсацких степей, не суждено было двинуться дальше. Что бы мы тогда могли иметь, какие шедевры, кроме воспетых им вершин Кавказа! Пушкина влекло и в Сибирь, и на Алтай, и в Туркестан, и в Китай — всему и до всего ему было дело и неспроста…

Зимуя в суровых нагорьях Северо-Восточного Тибета в 1877 году, один из знаменитых представителей плеяды русских исследователей-путешественников полковник Петр Кузьмич Козлов отмечал: "По всему краю отмечается удивительная любовь к русским, к России, к Белому Царю среди тутошних народов — тибетцев, тангутов, монголов. И, глядя на сапоги моих казаков, тибетцы

называли эти сапоги ногайлинскими", т.е. татарскими, булгарскими сапогами.

Почему было такое доброе отношение у народов Центральной Азии к русским, к Белому Царю, к России географ Козлов, конечно, не мог знать, поскольку не был историком. Но он верно почувствовал и подметил глубинное осознание нашими народами великой державной миссии России. Ведь в ту пору народовольцы еще не бросали бомбы в царя, еще не было ни Ленина, ни Сухэ-Батора, чтобы утверждать, что дело в дружбе, основанной на классовых принципах.

Так в чем же секрет? А секрет в том, что эти народы, томясь под властью маньчжурского богдыхана, находясь в тенетах другой цивилизации, понимали, узнавали и видели в русских своих подросших племянников, возмужавших внуков, которые пришли их вызволять из неволи и кручины, хотя сами русские этого вовсе и сполна еще не осознавали. К этому времени народы Азии уже прекрасно разбирались, видели отличия в нравах и разницу в поведении и отношении к ним западных европейцев и русских.

Не случайно первый корабль современного типа в Японии, после того как русский корабль разбило во время цунами в бухте Симода, был построен русскими мореплавателями. Мы начисто забыли о том, что первый фотоаппарат в страну высочайшей электроники завезли именно русские моряки. Японцы оказались несомненно хорошими учениками. А что говорить о влиянии на японскую культуру, так же как и на культуру других народов Азии, русской литературы и русской музыки?

Имена Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова являются священными и трепетными для всех нас, народов Востока, которые так или иначе, причастны к русскому слову, к русской культуре и русской государственности.

Для меня, носителя и выразителя духовных и культурных традиций Алтая, слишком многое связано с Санкт-Петербургом — Петроградом — Ленинградом во все времена существования этого замечательного средоточия, которое возникло как форпост России на северо-западном направлении. Ленинград для нас — город трижды священный. И мы в 1987 году, несмотря на соблазнительные призывы наших тогдашних прибалтийских собратьев,

для проведения Дней алтайской литературы направились именно сюда, к берегам Невы, чтобы поклониться трижды священному городу.

Почему? Да потому, что в середине XVIII века, когда наше Отечество — Ойротский Союз — рушилось под ударами маньчжурских завоевателей, в погибающей стране в эпоху "серой смуты", где друг за другом вослед шли междоусобица, гражданская война, иноземное нашествие, когда наша кровь текла по острию клинка, перед нашим народом встал выбор: пойти к своим степным сородичам и, тем самым, потерять свою духовную и этническую сущность, или же подпасть под власть могущественного богдыхана, либо же устремить свой взор на север — на свет Полярной звезды, звезды России? Нас никто не принуждал, более того, маньчжуры звали к себе, гнались, чтобы не допустить наш переход к России. Но нам необходимо было еще пробиться с боями на север, к пограничным русским пределам. И остатки, малые остатки, моего истребленного народа сделали этот выбор... *(замолчал в волнении, аплодисменты).*

...Мой предшественник, мой предок, джунгарский принц Эр-Шуну принужден был недругами — собственными сородичами — уйти в Россию, в Отечество деда своего, хана Аюки. В нашей мифологии, эпосе, исторических преданиях повествуется о том, как он явился в северную столицу России, где застал русских в час битвы со змеями, которые являлись из моря. Русские изнемогали в этой битве, не в силах одолеть этих змей, не находя способа и решения, им крайне нужна была его помощь. Эр-Шуну стал оказывать чудодейственную помощь русской царице. И он до поры остался при ней. Он поступал так, потому что понимал, что тем самым выполняет вечный приказ Ригден Джапо сохранять и держать мировой баланс.

Вот почему мой народ, следуя его заветам, вослед ему устремился к России...

На исходе нынешнего тяжелого века, когда Россия снова подвергается суровым испытаниям на прочность и крепость, многие и многие народы нашей страны, даже те, которых помимо их воли пытаются превратить в иностранцев, отлучить от русской культуры, от русского языка, все-таки с надеждой и верой устремля-

ются к русским, к русскому народу. Они надеются, что русские справятся со своим унынием, временной растерянностью и, преодолев расслабленность, соберутся волей и духом, восстановят национальное единство и целостность своей Родины, оставив позади колдовские годы ценностной дезориентации, произошедшей в условиях информационно-психологической битвы.

Многие наши народы удивленно спрашивают: с чего это русские впали в такое непомерное уныние и грусть? Что приключилось? Отчего же русский дядюшка-Медведь сидит на пне и плачет? Что же остается тогда в тайге делать маленьким зверюшкам? Надо, чтобы он встал, надо, чтобы он воспрянул, осознав свою силу и мощь. России дана великая судьба!

...В ту самую пору, когда только заканчивался ледниковый период, начали таять льды в горах Скандинавии и побежали ручейки, образуя будущее Балтийское море, там, в ледяных пещерах сидели белые братья. И был среди них, представьте себе, один, над которым его братья потешались, посмеивались втихомолку, считая дурачком, хотя он был скромным трудягой, таскал топливо, поддерживал огонь в очаге, обогревал их, дрожащих и скулящих от холода и голода, в одиночку ходил на охоту, возвращаясь с богатой добычей, со всеми делился поровну. А те все время ерничали, подтрунивали над ним. Настало время, когда рассердился этот брат и решил с ними расстаться, уйти от них навсегда. Взял лук и стрелы, рогатину-копье, заткнул топор за пояс и перемахнул через море, ушел на восток, туда, где всегда встает солнце. И был таков, вроде как сгинул, пропал в веках. И долго о нем не было слышно ни духу, ни слуху. И вдруг доходит до них весть — решают они проверить ее. И когда приплывают они из-за моря, то видят: точно, лежит их брат на печи и поплевывает в потолок, окруженный чухонцами и чудью, мордвой и весью, степняками и горцами — многим множеством народов. Оказалось, и впрямь создал он огромное и богатейшее царство на Востоке, которое раскинулось от океана до океана. И подивились они, и порастерялись, да напугались крепко от мощи и силы, богатств и славы Ивана.

И это своеобразное отношение западных европейцев к россиянам, эта неуемная зависть, а временами лютая ненависть, которая в минуты слабости России неизбежным образом проявляется

у них, объясняется тем, что Иванушка-то оказался и умнее, и сильнее, и крепче, и посмекалистее. На этом большом евразийском Континенте — в своей Деревне — стал он первым парнем. Что делать ему в одной только тесной Европе, где не могли найти себе ширь и размах Джоны и Гансы? Оттого-то Иван и является для всех нас родным и близким. Мы знаем, что наша судьба навеки связана с Россией.

Сейчас, когда нашу страну раздирают на части, я многим тюркским сородичам и братьям говорю: "Но Иван лучше, чем Осман, Иван нам ближе, чем Осман". И нет в мире другого такого Ивана, который бы все свое отдавал. Где вы найдете такого сахиба, который бы своим подданным, своим подвластным построил города, заводы и фабрики, ГЭС и каналы, курорты и порты, создал и образовал, развил и поднял республики? Всем все отдал, а про родную-то матушку, про свою избушку, собственную деревню забыл? Какой же это имперский народ! *(Аплодисменты).*

Если это империя, то совершенно другая, это то самое классическое общество равных и свободных людей, какими мы являлись всегда, сидя возле своих общих лесных костров и степных походных котлов, общество, которому завидовали образованные эллины, говоря, что у скифов справедливей и лучше, да и рабства нет. Общество, которому дивились даже ханьцы — при постройке Великой Китайской стены многие китайцы, не вынося тягот неволи, убегали на север, говоря, что у гуннов жить веселей и вольготней. И наш социализм еще впереди, это общество будущего, мы только-только подвели дом под крышу, где обустраиваться бы надо, а не руки опускать да все бросать на полном ходу, позарившись на чужой дом, дескать, там все сияет. Да ведь не все то золото, что блестит.

Я верю, наша страна возродится из пепла, восстанет обновленная — еще лучше, еще краше. Мы еще больше возлюбим нашу Родину, мы еще сильнее ощутим наш братский союз, мы в еще большей степени украсим и поднимем нашу страну. Все в наших собственных руках. Не будем малодушными, стиснем зубы, закатаем рукава и — за дело!

Но для этого мы должны сверять часы с ходом истории. Да, 300 лет назад нужно было пробивать окно в Европу здесь. Но

никому из народов Бог не дал такого раздолья — так вольготно, так широко обосноваться от Чукотки до Золотого Рога. Бог дал русским великое счастье владеть северной частью Азии, всем северо-восточным регионом Тихого океана.

Так что ж мы приуныли, братцы? Пойдем, еще раз пойдем на восток — встречь солнцу!

Туда, где в XXI веке там должна воссиять новая столица — третья столица России. Нам нужен там выход, пока есть еще время...

(Аплодисменты).

* * *

Б. Я. Бедюров. Поскольку я, как алтаец тут с сыном первый и пока, полагаю, единственный посетитель Пушкинского Дома, то хотел бы преподнести работу родоначальника сибирского пейзажа, тоже петербуржца, нашего великого художника Чороса Гуркина, который учился в Петербургской академии художеств в начале нашего века.

Пользуясь случаем, могу сказать еще, что первая книга на алтайском языке — на алтайском языке! — вышла тоже здесь, в Санкт-Петербурге. Это первый том "Образцов народной литературы тюркских племен Южной Сибири и Джунгарской степи". Вот где истоки нашей культуры, нашей литературы и нашего искусства! Я в начале оговорился, что мог бы об этом говорить бесконечно.

— Кому я могу вручить?

В. Н. Ганичев:

— Александру Федоровичу Ларченко — заместителю директора Института русской литературы.

(Б. Я. Бедюров вручает представителю Пушкинского Дома работу Чороса Гуркина. Бурные продолжительные аплодисменты)

Б. Я. Бедюров:

— Несмотря на трудное время, мы на Алтае готовим однотомник Пушкина — переиздание переводов на алтайском языке. И все народы сейчас, как могут, готовятся к этой большой юбилейной дате. Потому что Пушкин, он, для всех нас — наш!

(Аплодисменты)

А. Ф. Ларченко:

— Я передам эту картину в музей как один из самых дорогих наших экспонатов. И впоследствии я, может быть, скажу несколько слов о Пушкинском Доме и о том, что мы сделали к юбилею.

Санкт-Петербург, Пушкинский Дом,
19 июня 1998 г.

В сокращении опубликовано в виде статьи "Старший брат, на тебя все смотрят!" в журнале "Форум" №1, 1998 г. и в "Буддийской Газете" (№1–2000 г.)

«...ВРЕМЯ, КОГДА ВОДА СТАНЕТ ДОРОЖЕ ЗОЛОТА...»

Краткое изложение выступления Б. Я. Бедюрова на Международной конференции по устойчивому развитию «Стратегия развития Центральной Азии» в Урумчи (Синьцзян-Уйгурский АР КНР, 13–18 сентября 1998 г.)

М-р БЕДЮРОВ, представитель Республики Алтай (РФ):

Леди и джентельмены!

Господа и товарищи!

Я рад приветствовать вас на этой конференции в Урумчи, в центре Западного Китая. "Придет время и вода станет дороже золота", — гласит заповедь моего народа, и он уже много веков живет в согласии с этой истиной. Она справедлива, потому что на рубеже третьего тысячелетия человечество сталкивается с серьезными проблемами, связанными с чистотой окружающей среды. Центральная Азия — это территории, интересные для всех народов мира. Я благодарен Совету по устойчивому развитию Центральной Азии за организацию подобной конференции, на которой могут встретиться представители различных государств этого региона.

Несколько лет назад, когда мы находились с визитом в соседней Монголии, я выдвинул идею развития культурного и эконо-

мического сотрудничества между государствами Центральной Азии. В то время мы еще не знали ничего о нарождении такой организации, как CoDoCa, и тем более о планах проведения конференции в Урумчи, и я счастлив, что такая конференция проходит уже во второй раз, после Улан-Батора.

Китай граничит с республикой Алтай, которая является частью России. Алтай — это большая горная страна, которая простирается с севера на юг от таежных сибирских лесов до пустыни Гоби. С запада на восток Алтай раскинулся от р. Иртыш до озера Байкал. Сердцевина Евразии — Алтай, а сердце Алтая — Республика Алтай. Алтай — уникальное место, где сходятся границы четырех нынешних государств — Монголии, России, Китая и Казахстана. Кроме того, здесь пересекаются другие границы — религиозно-культурные границы ислама и конфуцианства, христианства и буддизма. По этой причине алтайский народ издавна терпимо относится к другим языкам, культурам, религиям. Алтайцы ценят жизнь любого живого существа — начиная с муравья и заканчивая растением и человеком.

Когда я говорю о геополитических и духовных границах на Алтае, то имею в виду, что все страны региона должны представлять, как им развиваться в нашем общем будущем.

Я хочу сказать, что, хотя Алтай, как и вся Россия, переживает процесс реформ, алтайцы все еще обладают почти нетронутой природой. То же самое можно сказать о Западной Монголии, Западном Китае. Все мы — регионы будущего, и потому мы верим, что в нынешней бедности и неразвитости как раз залог нашего потенциала и нашей силы в будущем. И мы счастливы тем, что нам еще только предстоит настоящее развитие без повторения ошибок индустриального пути других регионов. Я надеюсь, что во время дискуссий в ходе конференции мы найдем наилучшие пути для развития.

Именно по этой причине я считаю чрезвычайно важным принятие здесь, на этой конференции, Алтайской Декларации. Мы готовы, став крепко на ноги, поделиться с вами, народами региона, нашим бесценным богатством, стратегическим ресурсом — чистой питьевой водой. Ведь Республика Алтай обладает вторым по величине запасом питьевой воды в странах СНГ, уступающим только

озеру Байкал. Наша сибирская тайга — это второй по величине после лесов Амазонии лесной массив планеты. Я думаю, что очень скоро придет время, когда строительство водопроводов с питьевой водой станет таким же важным делом, каким сейчас является строительство газо-и-нефтепроводов.

Мы благодарны организаторам конференции за то, что они дали нам возможность принять в ней участие. Все мы хотим проложить пути в будущее. С огромным удовольствием мы приняли предложение участвовать в конференции.

Позвольте мне приветствовать всех вас от имени народа Алтая, Правительства Алтая и делегации Республики Алтай. От тюркских народов России, представителем которых являюсь, хотел бы поприветствовать, пользуясь возможностью, также братские народы Синьцзяна. Кроме того, я хотел бы приветствовать моих коллег-ученых от имени четырех российских академий и Союза писателей России, членом которых я имею честь быть.

Я надеюсь, что окружающие нас огромные пространства гор, степей и пустынь будут вдохновлять нас, и желаю всем присутствующим успеха в нашей совместной работе.

(речь Б. Я. Бедюрова была перед выступлением м-ра Тогтоха, члена монгольского парламента, руководителя Комитета по окружающей среде. Это блеклый и синхронный устный перевод с русского на английский и обратный перевод с английского из сборника материалов Конференции, изданного в 1999 г. в Нидерландах)

Китай, г. Урумчи,
13.09.1998 г

О ПОПЫТКАХ ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК

Выступление на совещании депутатов Государственной Думы, Членов Политсовета Ассамблеи НД и ПС России и полномочных представителей республик при президенте РФ

Б. Я. БЕДЮРОВ, Полномочный представитель республики Алтай при президенте РФ:

Уважаемые товарищи, коллеги! Мы сегодня собрались по очень важному поводу — говорить об основах Федерального устройства Российской Федерации и попытках изменения конституционно-правового статуса национальных республик. Мы все с вами видим и наблюдаем, как в обществе при очень зыбкой обстановке ведутся провокационные разговоры об изменении существующего федеративного национально-территориального устройства страны.

Я думаю, все присутствующие здесь — это люди, имеющие непосредственное отношение к вопросу и понимают, что ни один народ, независимо от его количества, никогда не откажется от тех великих достижений советского периода, которых достигли наши народы в политическом, национальном, культурном и образовательном смысле. Только провокаторы, которые действуют сознательно, по умыслу, или дремучие невежды не понимают, что мы все с вами сегодня на одной шестой части света являемся советскими людьми. Не аборигенами, туземцами и не "инородцами". И нас ни в какие бантустаны и резервации не загонишь. Это нужно понимать.

Я прекрасно помню, как в конце 80-х годов внешние силы, стремясь погубить нас, натравливали народы прежде всего на русских — в виде творческих элит союзных республик, в виде их политического руководства. Сейчас, спустя 10 лет, когда они увидели, что народы нашей страны не поддались в подавляющем большинстве своем на удочку, то они, сменив пластинку, пытаются под ультрапатриотическими, псевдорусскими знаменами натравливать

уже русских на братские народы, которые для русских всегда являлись в течении столетий своими.

Я хотел бы, пользуясь случаем, находясь здесь, в стенах Государственной Думы, поприветствовать таких людей, как уважаемый докладчик Чехкоев, которые вели самоотверженную борьбу в рамках группы "Союз" за нашу Россию, которая тогда называлась Советским Союзом. Только недоучки не понимали, что РСФСР — это не вся Россия. И поэтому не народы нашей страны начали эту пагубную деятельность. От суверенизации республик, и прежде всего РСФСР, начался подрыв и демонтаж нашего единого Отечества.

Но я согласен с тем, что и тот Союзный договор, о котором благополучно забыли, и все нынешние хороводы с разговорами о перезаключении нынешнего Договора, — все это была и есть, конечно, провокация. И было учтено то, что советский период продолжался слишком мало. Мы прошли слишком короткий, для устойчивой общности, срок этногенеза и политогенеза — 70 лет.

Для того чтобы окончательно сложилась новая общность на территории Евразии необходимо примерно 150 лет. Вот почему, к сожалению, несмотря на универсальную идеологию, которая сплачивала тогдашнее общество — коммунистическую идеологию, советский народ между тем, живя в огромном, гигантском сообществе, не сумел и не успел обрести единое общеисторическое самосознание. Не обрел общеисторическое самосознание потому, что наша история писалась с точки зрения "норманнской" теории возникновения Русского государства. Потому что начало Руси вели только с основания Киева и якобы с прихода трех мифических граждан из-за Балтийского моря. И вот на это клюнули как русские, так и нерусские.

А я спрашиваю славян: "Братья-славяне, а вы что, до того сидели на деревьях или вы прежде вообще не входили в какие-то государственные сообщества? Так сразу из "небытия" вдруг да стали народом-гегемоном? Так же не бывает в природе и истории. Где вы были до этого времени? Ведь и до этого времени на территории Евразии существовали большие многонациональные полиэтнические сообщества со времен скифов, сарматов и даже киммерийцев". — "Да, — отвечают, — совершенно верно".

И также я спрашиваю у националов: "Вы что, братцы, думаете, что нас вот так просто загнали в стойло и мы жили с вами в одном государстве только 70 лет или только со времен Российской империи? А где мы с вами были во времена монголов? Где мы с вами были во времена Тюркского Каганата? Где мы с вами были во времена Гуннской державы? Скифского сообщества? Разве мы с вами тогда не встречались? Разве не демократизму, справедливому и стройному устройству вольных скифских сообществ, которые сохранились до недавнего времени у горских народов Кавказа, — поражались, восхищаясь, просвещенные эллины? И они ведь завидовали, что у этих народов нет рабства, у них существует равноправие, взаимоуважение. Эллины сообщали, что прежде, чем достичь высоких гор на Востоке, нужно иметь семь переводчиков. То есть народы, как и ныне, говорили на разных языках. И в то же время существовало поразительное единообразие материальной культуры на берегах Днепра, Кубани, в Казахстане, на Урале, на Алтае... Из этого следует, что несомненно существовала общность. Общность была, если людей хоронили по одному обряду, пользовались одними и теми же предметами. Вот я, находясь в Адыгее в 89-м году, с удивлением обнаружил, что люди на берегах Катуни и Кубани пользовались одного типа утварью, снаряжением, оружием еще в те ранние времена. Это самое веское и наглядное доказательство.

И вот, я думаю, этот очень важный момент обретения единого исторического самосознания, то есть чувства общности истории, сегодня нужно культивировать всеми политическими и общественными движениями на правильной основе, помня, зная, что и Русь, и Москва появились не откуда-то, а наследуют и продолжают традиции Великой Евразийской государственности из века в век, из периода в период. Но этого, к сожалению, ни в России, ни в СССР не знали, не понимали политики, не знали невежественные унитаристы и сепаратисты. Вот одна из важнейших предпосылок того, что привело к разрушению и крушению нашего Союзного государства.

Кроме того, я думаю, в нашем современном, постсоветском обществе нам очень мешает смешение понятий и стереотипов. Мы заблудились в этих категориях. И поэтому за деревьями не видим

леса, а в лесу не различаем деревьев, за горами не видим равнины, а из равнин не узреваем вершины. То есть не умеем увязать частное и общее, федеральное и региональное. Не умеем увязывать региональное с местным. Все, абсолютно все смешалось в доме Облонских в эти годы! У нас, как с той, так и с другой стороны, очень много маргиналов, которые находятся не на уровне державного, государственнического сознания. Не осознают себя в полной мере гражданами великого сообщества. Это присуще, к сожалению, не будем скрывать, очень многим, и в том числе официальным лицам.

Если взять более ближнее время, конечно, по Конституции 93-го года, которая была принята наспех, при известных политических и исторических условиях, так оказалось, что исчезла величайшая трибуна, которой мы все десятилетия обладали — Палата Национальностей. В настоящее время, по условиям этой Конституции, многие коренные народы нашей страны вообще не могут быть представлены в высшем органе представительной власти, о чем говорил представитель Карелии.

В 1989 году я встречаюсь в Трускавце с представителем Грузии. Он спрашивает меня: "Почему вы так относитесь к абхазцам? Они, что, вам — братья родные? О, мы дали им университет! Чего им еще надо? Да их же всего 11 процентов!" Я отвечал, что если вы будете проводить такую политику, то скоро их останется на отчей земле лишь один процент.

При чем тут количественный подход?

Каждый народ — это Божий промысел. Каждый народ — красив и уникален. Чукчи или эскимосы представляют уникальные цивилизации! Это богатство России! Не должен ни один цветок, ни один вид живого существа исчезать. Это образует биоразнообразие нашей страны. То же самое и этническое многообразие. Этим мы сильны. Пока у нас представлены все уклады, все цивилизации.

И вот, к сожалению, многие народы сейчас не могут по этому поводу высказаться, тем более нет у нас и трибун, и выходов к средствам массовой информации. Все, что позитивного в этом смысле, забивают, не пропускают, не дают трибуну. Об этом уже сказал чеченский представитель.

Что касается наших русских братьев. Я хотел бы сказать, что впервые в нашей истории для русской нации создалась угроза сжимания русской "галактики". Со времен возникновения централизованного Русского государства такого не было еще, чтобы русская государственность сжималась территориально и пространственно. Унитаристы до того так могут договориться с идеей "Русской республики", что действительно смогут себя загнать в десяток губерний Центральной России, то бишь обратно превратиться в Московию. Русского человека никто не лишал его державного бремени на просторах Евразии. Мне кажется, иногда наш старший брат Иван понапрасну плачется и кручинится, и не с руки завидует всяким иностранным словечкам. Ведь Горбачев тоже не знал этимологии слова "президент". Он, жутко завидуя, произносил: "Мы вот с нашим президентом Помпиду!" Президентом Помпиду! Надо было это слышать в интонациях! Так это всего лишь председатель, или лучше, предстоятель. Всего лишь избранный на четыре года человек. Кавказские народы знают, что тамада избирается только на застольный срок, не более, это не более чем водила шумного застолья...

Хотел бы также отметить, что еще один отрицательный фактор был заложен в неравноправии народов в виде четырехступенчатой системы устройства СССР. По какому праву одни народы были объявлены союзными, другие автономными, третьи автономными областями, четвертые автономными округами? Вот и сейчас, когда мы обрели исторический опыт за эти десять лет, за жизнь одного поколения (думаю, будущие лидеры нашей страны должны будут учесть то, что следует по законам диалектики и понимать как малое становится большим, а большое — и малым), не надо говорить, что адыгейцев мало, а нас много. Или — алтайцев мало, а почему они имеют республику, почему их Главе подают "Ауди", а мне дают "Волгу"? Так высказывался губернатор Томской области, так высказывался наш уважаемый Тулеев, что меня чрезвычайно удивило. Это что за мелкий обывательский подход! Как можно у сироты или у бедного отнимать последний кусок? Или вода льется через нижний край, смотрите-ка, какой униженный нашелся, ему, что, "Ауди" не хватает или что, я не знаю! Понимаете, вот это тоже очень нехорошо!

И в заключение. И чего мы не должны бояться, когда мы говорим о формах существования нашей Федерации, и что мы должны помнить: на территории нашей страны и в прежние времена Федерация существовала в очень различных сочетаниях: в жестких федеративных формах, конфедеративных и ассоциативных связях, в виде унии... Помните, как Уния Польши и Литвы благополучно существовала. Великое княжество Финляндское, царство Польское, Калмыкское и Касимовское ханство внутри России, вольные горские общества Северного Кавказа, Бухарский эмират, область войска Донского, Запорожская Сечь, Алтай как земля Каби нета, то есть правительственная резервная территория.

Почему мы боимся иметь несколько столиц? Страна у нас огромная, мы целый континент — от Петербурга до Владивостока.

Австро-Венгрия имела три прекрасные столицы — Вену, Будапешт и Прагу. В этом смысле нет ничего вечного. Кстати, говорят, вот, распады и развалы. Мы употребляем понятие "распад" в отношении Советского Союза. Извините, распада не было. Распад — это когда что-то выпадает в осадок. Развал — это когда само собой в результате собственного саморазвития происходит развал. Здесь же произошло, как говорится, субъективное воздействие. Скорее произошел *роспуск*. Поэтому этого не следует забывать. Мы не должны забывать и хорошие примеры из истории. И особенно сейчас, когда бомбы падают на Белград, мы должны понимать, что, может быть, началась эпоха новых крестовых войн.

Когда западные крестоносцы пришли в Константинополь, они разрушили Византийскую империю, вырезали всех восточных христиан как еретиков. Они к ним относились с большей ненавистью, чем к мусульманам... Но, тем не менее, Византия через 63 года снова восстановилась и стояла еще почти двести лет, она могла бы благополучно существовать и далее, если бы ее не завоевали вновь турки-османы. Танская династия Китая, когда погибла, после нее было 60 лет Смуты, но затем наступил еще более блестящий Сунский период, который длился 300 лет. И если возьмем периоды существования больших государств на территории России, они имеют возраст в промежутке от 100 до 300 лет. Наш Советский Союз

просуществовал меньше. Поэтому я хочу сказать: умен-умен З. Бжезинский, но, к сожалению, Евразии и России он не знает.

.....

P.S.

Б. Я. БЕДЮРОВ:

Извините, можно реплику. Когда я говорил о сжимании и разжимании галактики, я как раз предостерегал с тем, чтобы этого не происходило. Потому что сегодня идет накат и именно со стороны людей, которые со знаменем России идут против России. Они провоцируют наши народы. Они провоцируют вот эти разговоры ни с того, ни с сего. И я поэтому обращаю внимание, что всего 10 лет назад точно так же все и начиналось. Мы это знаем, ибо мы участвовали в той битве.

А что касается национального представительства, понимаете, я уже говорил на эту тему на многих уровнях и понимания не находил. Национальная политика не может быть отраслевой. Не может быть национальная политика сведена к Миннацу. Там даже золотой Абдулатипов сиди, но национальная политика — это политика всего государства. Почему мы говорим, что мы — многонациональная страна — вы разве видите себя, разные облики наших народов на каналах нашего телевидения? Где они? У меня такое ощущение, что мы живем, наоборот, в мононациональной стране. В Нью-Йорке включи — пожалуйста, на итальянском, на испанском, на японском, на китайском, на английском языках каналы, комментаторы. Дикторы сполна отражают многообразие этнических типов Америки. Чем это плохо? А почему у нас не так?.. То-то же...

Москва, Государственная Дума.
март, 1999 г.

ОБ ИСЛАМСКОМ ДУХОВНОМ КОМПОНЕНТЕ РОССИИ

Выступление на круглом столе "Ислам и проблемы государственной безопасности России."

Угрожает ли ислам безопасности России? Когда задают этот вопрос, то хочется спросить с учетом зимней погоды: угрожает ли моему организму вирус гриппа? Угрожает, конечно, если мой организм ослаблен. Но, если он здоров, то любая инфекция мне нипочем.

Я полагаю, что и государство, как живой организм, представляет собой единое целое. Вот потому я и думаю, что ислам сам по себе — такая же "угроза" России, как православие или католицизм. А между тем ислам являлся одним из важнейших духовных компонентов складывания нашей российской государственности на самых ранних этапах ее зарождения и становления.

В своем выступлении уважаемый Умар-хазрат Идрисов очень правильно поставил вопрос о необходимости создания российской нации, но новое — это хорошо забытое старое! Зачем нам создавать новую нацию, когда она существовала, да и существует, на всех просторах не только России, но и на территории всех суверенных государств распущенного Советского Союза?

И в этом смысле я хотел бы подчеркнуть, что российские мусульмане не являются пришельцами откуда-то из иных миров или окраин ислама — Марокко, Саудовской Аравии, Пакистана и так далее. Российские мусульмане — это такие же, как и все мы, наши граждане, поскольку являются уроженцами и СССР, и России, являются представителями ее коренных народов, которые изначально проживали на замечательной земле нашей вечной страны. В этом же смысле следует различать понятия "государство" и "страна". Страна-то у нас одна — она была, есть и будет. Другой нам не дано историей и географией. А вот государство, да, оно меняется. Оно приобретает разные очертания, разные формы. В одной и той же стране могут существовать два очень разных государства, как, например, в Корее, или на территории Германии еще десять лет

тому назад были два разных государства — ФРГ и ГДР. А полтора века назад там вообще существовала тьма-тьмущая мелких государственных образований.

Также, именно в этом смысле, мы должны помнить, что наше российское государство является правопреемником не только Советского Союза, но и других федеративных по сути и форме государств, которые существовали на его исторической территории. Если же мы правильно прочтем нашу российскую историю, то четко увидим процесс перехода власти от Сарая к Москве, которая до того в течение весьма длительного времени являлась, говоря современным политическим языком, не чем иным как субъектом "Ордынской" Федерации, и нам станет понятно и все остальное, что происходило вслед за этим в связи с возвышением Москвы, ее расширением во все концы и края, и постепенным превращением в Россию. На некоторое время, в период смут и распрей, внутри одной Евразийской Системы единая федеральная власть перестает существовать на этой огромной территории, затем появляется новое организующее начало, новый Центр притяжения страны.

Мы должны помнить, что долгое время до появления названия "Россия" существовало всемирное государство на территории Старого Света. Это было единое государство, которое включало в себя территории не только Средней Азии, Туркестана и Монголии, но и России, и Китая, Ирана и Кореи, Северной Индии и Восточной Европы. И эта общность существовала на протяжении нескольких веков. Народы на этой территории жили не только единой политической, но и общей культурной, экономической, духовной жизнью. Но после того как это большое государство стало приобретать самостоятельные формы, образовалось пять конфедеративных частей, которые, тем не менее, поддерживали меж собой определенные связи. Применительно к русской истории мы знаем чуть больше только ее западную часть — Золотую Орду или Улус (государство) Джучи, но мы должны помнить, что на территории Среднего Востока, Ирана и Кавказа существовало монгольское государство Иль-ханов. И лишь позже, по прошествии определенного времени, в трех из пяти частей государства восторжествовал ислам, как религия ос-

новной массы населения западных улусов, в то время как в восточных частях в Юаньскую эпоху восторжествовал буддизм.

Я на этом историческом ряде останавливаюсь более детально, так как это нам нужно для понимания того, что с нами сегодня происходит. Что означают сегодня отношения ислама и России? С каким исламом она имеет дело? А имеет она дело, в основном, с исламом народов тюркского происхождения, включая компоненты соседствующих кавказских и других народов.

Россия также имеет отчасти отношение и к исламу иранского мира. Я имею в виду таджиков и Азербайджан.

И только в последнюю очередь имеет отношение к исламу в арабской, его классической форме. Но и с арабским исламом Россия благополучно соседствовала, дружила, имея самые тесные и весьма обширные связи.

И все это в целом давно ей известный и вовсе не враждебный ислам.

И вот, когда Москва вместо исчезнувших Сарая и Кара-Корума стала восстанавливать с XV века государственное единство на территории нашей страны — вот в этом новом государстве, которое изначально не было только славянским по этническому составу и не было исключительно православным в своей духовной основе, то именно тюрко-татарский, мусульманский элемент сыграл самую положительную роль. Почему? Да потому, что Москва проводила гибкую восточную политику посредством своих мусульман. И те татарские полководцы и ханы, мурзы и воины, которые переходили к Москве, ничуть не изменяли своей Родине — они просто переходили на службу к новой Центральной федеральной власти. И после этого, в качестве представителей уже московской власти (а мы должны помнить, что все назывались "московитами" — и чудь, и татары, и чуваши, и мордва, а не только одни русичи-славяне), они убеждали своим словом своих единоверцев, своих единоплеменников принять власть московского великого князя, признавая его в качестве легитимного Белого Царя — правопреемника прежней Орды, то есть Центра.

Сейчас, когда новая государственность России на исходе тысячелетия ищет собственной самоидентификации, самоосмысления в современном мире, ей очень важно понять те духовные компоненты, из которых она состоит.

И слушая некоторых наших ура-патриотов (я не хотел бы их называть в отрицательном смысле, хотя решительно против участившихся за последнее время выступлений, где налегают лишь на православие и только на "славянское единство"), сожалеешь о том, как они так глубоко ошибаются, недооценивая, не сознавая наш общий духовный потенциал и скрытые до поры жизненные ресурсы! Россия, конечно же, русское государство, но Россия в то же время — тюркское государство, и угро-финское государство, и азиатское государство. Россия — это огромный континент, и у нее неисчерпаемые национальные и духовные ресурсы и множество, множество союзников. И когда некоторые ерничают, говоря, что Россия не имеет ни одного союзника, кроме Таджикистана, я думаю, как люди заблуждаются! А разве чукчи — не великий союзник? Разве мордва — это не выдающийся народ — материнское начало великороссов? Да вся Азия — союзник и брат русским! В этом отношении Россия обладает огромными духовными, физическими, этническими компонентами.

Я думаю, что в ближайшее время именно российские мусульмане должны будут взять на себя очень важную и большую ответственность в проведении российской политики на очень большой части земного шара. От Марокко на западе до Индонезии на востоке.

И в этом смысле нужно вспомнить наши замечательные государственные и духовные традиции.

Москва,
Духовное Управление Мусульман Европейской Части России,
22 декабря 1999 г.

НЕРУШИМАЯ СТРАНА

Выступление на I-м учредительном съезде
Союзной Общественной Палаты

Дорогие сограждане и соотечественники! Делегаты Первого учредительного съезда Союзной общественной Палаты! Дорогие гости съезда! Братья-славяне, представители трие-

диного русского племени Восточной Европы и Северной Азии! Триединого, повторяю, потому что в мире есть только один Иван, а не три разных, как некто думает на берегах Днепра или склонах Карпат. *(Продолжительные аплодисменты).*

И есть только одна Россия — она и Малая, она и Белая, она и Червонная, она и Великая! И об этом знают все народы, как внутри России, так и за ее пределами. *(Аплодисменты).*

В этом замечательном историческом Колонном зале, где проходили различные большие и малые мероприятия, связанные с историей нашей страны в XX веке, вас, всех присутствующих делегатов Съезда, не надо ни призывать, ни агитировать за Союз России и Белоруссии, за воссоздание государственного единства нашей вечной Родины. Вечной! Потому что история наша началась не с Беловежской пущи 7 декабря 1991 года, и не с Алма-Атинской Декларации 21 декабря 1991 года, и не с октября 1917 года, и не с восшествия на Московский трон Михаила Романова, и даже не с основания Киева. Нет, наша история идет корнями в глубь времен, в седую древность. Наша родина — оттуда! Со времен седой скифской древности, со времен киммерийцев и сарматов, гуннов и славян, тюрков и монголов. За истекшие тысячелетия на территории нашей страны возникали и распадались малые и большие государства, соединялись и расходились племена и языце. Династия за династией, государство за государством. И это вечная диалектика нашей истории, как приливы и отливы, как взлеты и спады, подъемы и падения. Вот почему непонимание именно этого обстоятельства, отсутствие общего исторического знаменателя у нашего советского народа, концептуальная слабость наша послужила одной из основных причин ликвидации и гибели Советского государства.

И сегодня мы находимся с вами в историческом цейтноте. Мы с вами на последнем берегу! Времени больше нет на колебания и размышления, эксперименты и разрушения. Вот почему урок истекшего десятилетия является огромным историческим опытом в отрицательном смысле этого слова. Мы с вами все, народы от Карпат до Чукотки, убедились на собственном горбу, что такое разъединение и что такое размежевание. И в то же время все наши народы, как внутри, так и вне России, во внешних наших респуб-

ликах, также осознали факт преимущества жизни в одной большой семье, в какой мы жили, я подчеркиваю, в истекшие тысячелетия. И вот поэтому наше прошлое десятилетие облекло нас глубинным отрицательным знанием. Теперь мы сами знаем, что можно, а что нельзя. Теперь мы понимаем, как исчезают и заново возникают новые Центры, новые точки притяжения, знаем, что государственные центры на территории нашей страны перемещались во времени и пространстве с востока на запад, и с запада на восток. Начинается новый этап. Новый этап развития нашего государства. И этот этап определяется воссоединением двух из пятнадцати частей нашей общей Родины.

Я — уроженец Алтая, представитель тюркских народов России, коренных ее народов, а не пришельцев на ее территории, народов, которые всегда верой и правдой служили Родине, зная и понимая, что она для нас не только Мать-Родина, но и Дочь-Наследница, историческая правопреемница всех великих государств прошлого на ее территории. Не сказать-пересказать, не счесть-перечислить их заслуги и достоинства перед Россией. Только об одном из них, а именно о калмыках, к примеру, можно будет вести целый сказ. И я могу с этой трибуны декларировать то, что в нашем лице, в лице наших народов, Россия и славяне обладают гигантскими ресурсами, практически еще далеко не востребованным потенциалом. Потому что мы, помимо того, что мы буддисты и мусульмане, иудаисты и шаманисты, мы, кроме всего прочего и прежде всего, народы русской культуры, русского языка, русской евразийской цивилизации! *(Аплодисменты).*

Да, конечно, мы гордимся, хотя и с горечью, с большим привкусом горечи: не мы, тюрки, повинны в разрушении нашего общего Дома, не люди в тюбетейках и папахах, чалмах и тюрбанах разрушили Советский Союз. Нет, и наоборот, это мы, сибиряки и туркестанцы, кавказцы и угро-финны, держали фронт во время Великой Отечественной войны от Балтики до Черного моря вместе с украинцами, белорусами, русскими и другими народами. Это о нас писал немецкий генерал в районе Сталинграда, что Красной Армии нет, она, дескать, разбита, а фронт держат монголы. Конечно, глазам немецкого генерала наши скуластые сибиряки, смуглые туркестанцы в ушанках, полушубках и валенках и впрямь

казались монголами Чойбалсана. Да, мы гордимся тем, что держали фронт под руководством Атиллы и в пятом веке, когда столкнулись силы Рима и Востока на Каталаунских полях Северной Франции. Мы держали этот фронт в битве под Лигницей, когда разбили на голову объединенное войско немецких и польских рыцарей. И мы же держали этот фронт в двадцатом веке в 1945 году, когда стальная конница маршала Жукова вышла к берегам Эльбы.

И могу заверить, что мы наш общий российский фронт на всем пространстве запада, востока и юга будем держать и в XXI веке! *(Аплодисменты).*

Москва,
Дом Союзов, Колонный Зал,
26 марта 2000 г.

НЕРУШИМАЯ СТРАНА. АЛТАЙСКАЯ ИДЕЯ

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ СУЛИТ?

Вот и тогда, проходя по улицам хмурой, пасмурной Москвы, думалось, переживалось мною многое и разное. Иногда вдруг, нет-нет да кольнет по-подлому: ну, а тебе-то чего до всего до этого, больше всех надо или шибко умный выискался тут, ведь ты человек с Алтая, далекой окраины этой страны, сын, по существу, неведомого никому народа…

Бывая в Москве, имеешь всегда множество встреч, порой самых невероятных. На улице или в гостинице. На собраниях или в гостях. Со знакомыми, а то и с прохожими. С друзьями-товарищами или просто коллегами. Доводилось выслушивать мнения людей, занимающих противоположные точки зрения, нежели моя. На митингах был? Нет, хотя на Пушкинской площади все видел, слышал и читал. Сколько мнений, толков, суждений — ну, прямо котел — Москва кипит, клокочет, бурлит! Оптимисты, сомневающиеся, пессимисты, озабоченные. Вздыхающих много. Есть плачущие, есть и смеющиеся. Отмалчивающиеся или же, наоборот, чрезмерно разговорчивые. И даже поющую бабушку разговорил. Узнал, чем живет, дышит. Говорит, все равно лучше не будет, так что лучше петь себе, все лучше на душе. Представьте себе, верит тем не менее, хоть и сомневается, что не отвернется он, Боженька, от нас, народа, от России в сей нелегкий, трудный час. Но кого я не встретил, так это равнодушных. Торжествующих. Злых. Где они, такие-сякие? Да, большинству людей тревожно, очень тревожно. Люди эти озабочены и не столько своим положением в свете все ухудшающейся экономической ситуации, бытовыми неурядицами. Похоже, люди наши привыкают к тому, что плохо и будет еще хуже. Но это честные, добрые, любящие Отечество люди. Никто из них не безразличен к судьбам страны, а значит, и к народу своему. К себе.

Встречал я людей, представляющих многие национальности. От востока до запада. От представителей союзных республик до тех, кто вообще не имеет таковых. И с такими я говорил, у кого, как говорится, родина там, за пределами Союза. Но люди не будут людьми, если не будут питать иллюзий, вынашивать надежды, чистые, светлые ожидания. Особенно после Пленума ЦК по национальному вопросу. Хотя есть, и немало, скептиков, маловерцев, реалистов. С глазами, которые видели все. С душою, понимающей и принимающей все. И лучшее, и худшее. Слышал я мрачных людей, предрекающих обществу гибель, подобно экипажу подводной лодки, пошедшей на дно, что, мол, мало кто спасется, даже если останутся на плаву, все равно не дождаться подмоги вовремя. Да, такие тоже встречались. Понять их можно, хотя невозможно согласиться. И не потому, что я — оптимист розовощекий, не от мира сего.

Как проявляются ожидания — спокойно или нетерпеливо? С чувством достоинства или же молча, затаив дыхание? Выдвигая каскад встречных идей, предложений? О, как это важно именно сейчас решить, — не откладывая, хотя бы один вопрос! Развязать хотя бы один, даже не очень крепкий, национальный узел. Ведь основа-то уже есть. Крепкая основа. Нет слов, это дало б огромный толчок к стабилизации обстановки, заставило многих борющихся, барахтающихся, прекратив возню, приподнять головы, оглянуться, задуматься. Даже этого достаточно в сей час. Даже если рано иным одуматься, откинуть наваждение, массовое национальное ослепление, исторический психоз.

Вот почему сказанное мною безусловно отражает и точки зрения, пожелания, размышления многих людей, — тех, с кем я общался или спорил, говорил, беседовал. Но это и мои мысли. В общем, это сплав осенних октябрьских дней. Равно как и мартовских. А может, я услышал лишь то, что хотел? Может, так надо нам?

Итак, все ждут. Люди. Народы. Общество. Москва и окраины. Больших, этапных решений ждут. Так, как ждут, когда ожидание затягивается. Так, как ждут новой квартиры. Переезда на новое место жительства. Перестройка — это большая переправа. Перестройка — это трудный перевал. Восхождение не бывает лег-

ким. Многие сильно приустали, притомились на подъеме. Приотстали, наконец. Медленно, но идем. Все же поднимаемся. Не спешите на переправе — поток очень бурный. Может и снести. Может и с ног сбить. Только не бойтесь, только двигайтесь. Повернуть на стремнине невозможно, даже опасно.

Однако полумеры, полурешения никого не устроят. Дефицит доверия еще не исчерпан. Пока не исчерпан. Но уже наполнена чаша. Капля, осталась только капля. А котлы кипят, клокочут, выпуская пар, и страсти кипят, испуская дым, клубы пара застилают многим взор. Кое у кого рождаются панические настроения. У иных опускаются руки.

Что делать? Кто виноват?

О, эти вечные вопросы русского общества!..

Да, но все же как увидеть процесс? Как ухватить нить? Где находимся в данный момент, движемся или стоим? Или это имитация, или несет нас рок событий? Где текучка, а где суета?

Кичились ли мы не в столь отдаленные времена своим национальным многообразием? Своей уникальностью, равноправием? Мнимым или действительным. Скорее, иллюзорным. Да, отчасти оно было так. И есть еще. Хотя люди перестали уже удивляться, видя, как протуберанцы национальных эмоций взлетают порой выше здравого смысла и даже чувств элементарного соизмерения с реалиями перестройки, давшей всем полный, свободный голос. Правильно ли мы воспользовались им, иль кое-кого качнуло, пошатнуло в сторону, не туда? Иные ведь даже простое чувство благоразумия теряют, не говоря о простом приличии и соблюдении норм национального поведения в многонациональном сообществе.

В современном мире немало других стран, подобно нашей, многонациональных. Где-то тише, ровнее в эти дни, а где-то дела надолго зашли в тупик, похоже, не видать скорого выхода. Ольстер, Югославия, Индия, Ливан. Идут, с одной стороны, центробежные процессы по различным параметрам — языковым, конфессиональным, национальным. Но не менее важной отличительной чертой современного мира является и стремление народов, стран различных регионов к интеграции, соразвитию, сообществу, причем зачастую при существенных различиях государственно-

политического устройства. Взять, к примеру, страны Арабского Магриба. АСЕАН — сообщество стран Юго-Восточной Азии. В одиночку трудно выстоять. Одному нелегко выживать в век сверхдержав и транснациональных корпораций.

И в нашем советском сообществе, полагаю, тоже все откипит, шлак выйдет, пена уйдет. Известно, что периоды даже самых страшных изуверств, фанатизма, религиозных или национальных противостояний проходили, принося затем мир и покой, просветление и очищение. Иначе и нельзя, в любом случае движение вперед происходило по закону неизбежности. Таковы уроки всеобщей истории. Правда, уповая на естественность движения, не следует при этом совершать другую ошибку — не занимая активной позиции, не совершая энергичных действий, не принимая ответственных решений.

Полумеры, текущий марафет, замазка облупившейся штукатурки вряд ли придадут нашему общенациональному Дому ту крепость и устойчивость, который хотят все без исключения. И коль подойти трезво, взглянуть спокойно на суть всех этих вещей, да ясно же станет в миг как божий день: и люди, и народы, все без исключения, хотят мирно жить, иметь нормальные условия для этого. Ведь нет же средь нас виноватых и заклейменных навеки народов! Нет же того злодея и поджигателя как такового, который хотел бы спалить свой собственный Дом, где он к тому же не единственный жилец.

И что важнее всего, и что мы вообще-то не очень ценим — это немалый уже опыт существования нашего государства как союза народов, нашей цивилизации как сообщества, как "единства в многообразии". Пусть этот путь был нелегким, с ошибками и трагедиями, но тем не менее это наш путь, это наш опыт. На заре становления нашего общества многого, конечно, не было в помине, устроители и создатели Советского Союза шли путем проб и ошибок. Но ценность опыта не только в том, что он несет в себе одно лишь положительное, нет, и отрицательный опыт также необходим, как бы ни хотелось избежать этого. Но того, что было и происходило, — не изменить, не поправить: прошлое уже состоялось, оно неизменяемо, вот почему так необходимо все учесть, извлечь поучительные уроки. И главное я вижу в том, что

мы сильны уже тем, что знаем, как и что не надо делать или ладить. Вот почему, хотя сегодня и сложней, и трудней решать национальные вопросы, усугубляемые бедственным социально-экономическим положением государства, но зато и народ наш намного мудрее: повторяю, мы как целостность, как общность людей, полагаю, мудрей и осмотрительней на целый человеческий век, согласитесь, это тоже немало — 60–70 лет. И не следует ерничать, ехидничать — что это за опыт такой, сплошные эксперименты на судьбах поколений, на трагедии, крови и слезах народов. Да, все было, все, но это наше, и нам от этого никуда не деться, оно в нас, и продолжится наш подъем или восхождение только через нас, смотря по тому, что и как будет происходить в нас самих — в обществе, в умах и сердцах людей, как по совокупности, так и каждого по отдельности, как личностей, как индивидуумов.

Потом, имея сегодня необходимые концепционные посылы и волю к разрешению, развязыванию конфликтов и проблем, стремясь к безусловному совершенствованию, а значит, укреплению нашего все еще молодого многонационального, полиэтнического общества, мы знаем и отличаем наследие прошлого в виде религиозно-культурных противоречий, территориальной чересполосицы от иных, тех, что вышли, вытекли, как следствие, уже в процессе развития самого советского государства. Если видим ошибки, то уже знаем, какие наши, собственные, что мы наделали, наворочали, а какие все же идут от более дальних корней. Раньше все, что было непонятного, сложного, что не укладывалось в прокрустово ложе наших советских догм и построений, мы привычно и небрежно отсылали в "проклятое прошлое" царизма и колониализма, старались отмахнуться, уйти попросту от назойливых вопросов, неотложных проблем. Жили в счет будущего, особенно в годы застоя, перекладывали на плечи будущих поколений. Думали таким образом обмануть время, увильнуть от него, по-воровски петляя, занимаясь словоблудием, облаченным в покрова софистики и демагогии, — не тут-то было, не удалось увернуться, глядь, оно, будущее, хватает нас за рукава. Надо, надо решать, двигаясь, а не останавливаясь! Да и остановка-то невозможна. Остановка в пути чревата крушением.

Да, остро злободневна повестка дня. Сколько событий уже за период перестройки! При всей непохожести их отличает общее. Но через общие причины в каждом конфликте надо изучить свои корни, свои подспудные истоки. Карабахская проблема глубоко отлична от событий в Фергане и Новом Узене. Прибалтийское противостояние не сравнить с тбилисской трагедией. А если все свалим в одну большую торбу, то концов не найдем и причин не поймем. Уже на примерах событий перестройки можно по этому ряду вопросов выявить несколько разных вариантов. Хорошо, что все это все-таки вылезло, теперь уже понятно, как следует прогнозировать, как предвидеть или упредить нежелательные события и катаклизмы, чтобы вовремя уберечь от них самих себя, наших людей, наши народы. Есть и неизбежное, оно и должно было произойти. Существует местами простая неотладка, значит, надо подтянуть, пригнать приводные ремни. Где-то надо произвести обыкновенные профилактические работы, а где-то нужен капитальный ремонт, без него никак не обойтись, иначе необходимо будет менять весь механизм.

Видим и понимаем, как иное было порождено безо всякого злого умысла, по простому незнанию, а другое получили сами же — в результате сознательных, или, иначе говоря, субъективных, волевых вмешательств в идущий естественный процесс. Третьи обусловлены местными искривлениями, обстоятельствами внутреннего порядка. Были случаи, когда в почву был заложен заряд с самого начала в расчете на то, что он когда-то должен будет сработать.

Удивляюсь: неужели всего этого по сей день не видели, не анализировали штатные идеологи, хорошо оплачиваемая армия всякого рода консультантов, экспертов, обществоведов, политологов? Ведь и правительству, руководству страны нужны простые, емкие рецепты относительно того, каков должен быть наш общественный идеал в изменившихся условиях. Ни одно общество не сможет жить нормально без своего идеала, без внутреннего духовного стержня, без души. Как совместить нам идеалы свободы и идеалы равенства? Осознанной необходимости и сыновнего почитания родителей и государства? Совмещения интересов гражданина и общества? Достижения гармонии между обществом и

природой? Имея в нашем сообществе целый космос народов, несущих в себе если не почти весь, то уж значительный культурно-исторический генофонд человечества, мы используем, да и то лишь в малой толике, в основном опыт государственности и культуры одних восточнославянских народов. Не мало ли для такого гиганта, как мы? Археологи и историки Евразии хорошо знают, что почти все современные народы, за небольшими исключениями, образующие Советский Союз, со времен эпохи ранней бронзы так или иначе входили в сообщества, существовавшие, а временами объединявшие почти все этносы, на этой же почти территории. Об этом свидетельствуют памятники материальной культуры, их поразительное единообразие. А это говорит в пользу единства или тождественности их духовной культуры, их воззрений на мир и общественный уклад, на мироощущение. А значит, общности были!

А наша всеотрицающая революционная идея все "закрыла" и все "открыла" лишь после Октября. Таким образом, мы невольно укоротили свою историческую память, которая должна была в совокупности включать в себя весь необъятный исторический опыт всех народов. Это и было бы, поистине, настоящим открытием для себя, для нового общества как прошлого, так и будущего. Наша духовная мощь от этого могла бы возрасти в десятки, сотни раз! Но нет, все отбрасывалось, все отрицалось, не только история, культура, религия других народов, но и вся российская духовность тысячелетнего государства!

Но — пора! Наступило время осмысления, подведения итогов, а через это — прикидки перспектив и перипетий дальнейшего развития.

Развития!? Вы верите в наше судьбоносное развитие, при этих обстоятельствах, под небом хмурой и пасмурной Москвы? — так не раз переспрашивали и даже вопрошали у меня. А еще с того дальнего, махрового края, с обеих сторон могут добавить угрюмо, с насмешкой, как прежде бывало не раз: "А тебе-то, нерусскому, чего, больше всех надо? Тебе не все ль равно, ты-то чего получишь, кроме пары ушей да тени своей?"

Отвечу, потому что знаю: да, и мне надо, не больше, не меньше, но столько же, как и другим. Отвечу, потому что знаю: все, что происходит — это не распад, это еще не развал, но это — бо-

лезни роста, болезни возмужания. Мы только обретаем возраст воли. Мы только входим в полосу новую, неизвестную никому полосу преображения. Лес густой, но он не страшен, надо пройти, не страшась дремучих дебрей да диких зверей.

Что же, коль время бросает вызов стране и обществу в вопросе великом и значимом — в смысле крепости и устойчивости — мы обязаны принять его и ответить со всей глубиной понимания, сопричастности, личной ответственности, поскольку слово имеет ныне первостепенное значение и долговременное воздействие на умы и сердца.

Слово — и яд, и бальзам. Слово любви или ненависти. Слово, сеющее семена раздора, и слово, собирающее камни для созидания. Какое слово нам нужнее всего всем и каждому — не в этом ли суть сегодняшних споров?

Уже не обойти острые углы. Не уйти от осмысления, пусть и запоздалого, состояния этого вопроса, как это водилось в не столь отдаленном прошлом. В комплексе и в частностях. Раньше, например, мы говорили о соотношении элементов русского и национального. Теперь же стало понятнее нам всем наше двуединство. Наша неразрывность. Как в глобальном масштабе, так и в конкретных проявлениях, взаимодействии на местах, крупных и обширных регионах. Как отрицательных, так и положительных. Сочетание центробежных и центростремительных тенденций — как тут находить нам правильное решение? — и таким мы задавались вопросом. Ответ найден и тут: синтез, баланс.

Понятно, что время идет, все постепенно меняется, не всегда и к лучшему, как это трактовалось прежде, когда и в этом вопросе развитие мыслилось только как непременное движение по восходящей прямой. И, глядишь, что было устойчивым вчера, сегодня покачнулось, что казалось незыблемым позавчера, уже рассыпается как песок. Но в час беды, в час трудностей мы все, народы России, глубже и верней осознаем ее как Родину-мать. Не все приемыши, когда подрастут, уходят от матери с чувством признательности. Но и не все родные сыновья, как оказалось, поддержат ее в испытаниях. Кому-то, оказывается, богатый чужой дядя милей и желанней чем родная, но обедневшая мать.

Но будем ли мы достойны уважения со стороны чужих, если будем охаивать свое прошлое потому только, что на нем отпечаток деспотизма и застоя? И разве это прошлое не в нас самих? От истории своей мы никуда не денемся, как и не уйдем от самих себя. Давайте подойдем диалектически. Давайте вглядимся более пристально. Давайте не будем уподобляться кораблю Таманго из новеллы Проспера Мериме. Если капитана скинуть, если друг друга порешить матросам, то как же плыть потом, не умея управлять и не ведая курса?

Будем ли мы отрицать великую мечту нашего общества о добром согласии, единении всех трудовых людей? Если мы сами оказались ничтожными, то зачем же винить в том поколения отцов и дедов? Но если мы все же сберегли в себе идеал и мечту, тогда давайте противопоставим национальному эгоизму, религиозному фанатизму, духовному нигилизму, взаимному ослеплению и прочим "измам" такие простые, извечные понятия как *доброта, любовь, честь* и *совесть, мир* и *лад*. И тем отчетливей тогда будет для всех нас осознание столь непреходящей ценности, как дружба народов, которая все-таки не лозунг, но живая необходимость. Тем непреложней очевидность такого всеобщего знаменателя, как интернационализм. Народу от народа, соседу от соседа некуда сегодня уйти, укочевать, как некогда. А значит, живи сам и давай жить другим. Пусть у каждого свой обычай, у всякого свой язык, но разве от этого люди перестают уважать друг друга, проявлять участие и добросердечие! Да, диалектика такова, очевидно, что должен, как в горниле, выгореть весь шлак, все то, что накапливалось исподволь в недрах самого общества.

За последнее время усиленно декларируется тезис о том, что советский человек везде и всюду, в любом уголке страны должен чувствовать себя как дома. Правильный тезис. Да, как дома. Но не забывая все же и о том, что ты в гостях. Что у дома есть хозяин. Я это говорю к тому, что в иных местах, особенно таких, где коренное население составляет значительное меньшинство или не имеет достаточно крепкой власти, там пришельцы, "варяги", в большинстве своем временные люди, ищущие легких денег, скорых удач, стремительной карьеры, зачастую берут верх над хозяевами, оттесняют их в задний угол, а то и на кухню или совсем к

передней. Так дело обстоит в ряде сибирских областей, особенно автономных областях и округах. Неслучайно на этой именно почве возник конфликт в Новом Узене да и, пожалуй, Фергане. У нас так повелось, что всегда при проведении официальных церемониалов, торжественных собраний в докладе непременно говорится, что в Горном Алтае проживают представители стольких-то и стольких-то национальностей. Все было бы ничего, если б не забывалось при этом, что эта автономия конкретно алтайского народа, что в других областях и республиках мы вовсе не представлены, что, в общем-то, в области проживают две основные группы населения — алтайцы и русские, да имеется еще локальная приграничная группа казахов. И все. Остальные-то "представители" нигде не составляют компактно ни одной деревни, даже одной улицы. Так зачем же унижать извечных хозяев своей земли!

Я, например, могу сказать очень много хороших слов о конкретных людях той или иной национальности, с которыми рядом живу, работаю или же встречаюсь в связи с теми или иными обстоятельствами. А в ответ рассчитываю на такую же взаимоприязнь и уважение. Встречаясь с ними каждый день, мы не спрашиваем прежде всего о национальности, а судим о человеке по его делам, труду, по его морально-нравственным качествам. И еще по тому, несет в себе или нет те добрые качества, которыми отмечен, известен его народ. Вообще говоря, в традициях русской интеллигенции, передовой ее части, всегда было и остается по большому счету понимание, глубинное понимание дел и забот тех малочисленных наций и народов, средь которых она живет и работает, тех, кто входит в российское сообщество.

Если возьмем, к примеру, русское старожильческое население то у нас оно издавна было практически двуязычным. Безо всяких насильственных побуждений, без принятия статуса государственных языков. Эту переимчивость русских людей к языкам отмечали с давних пор исследователи. Теперь же, к сожалению, везде стало наоборот. Везде нации двуязычны, есть и такие, что трехъязычны в быту. А русских на местах, в республиках оставили только с одним языком, неким таким усредненным "пиджином", именуемым русским языком. И это была официальная партийная ли-

ния. Кроме того, заботит еще одно обстоятельство. Наша алтайская молодежь в силу ли тяготения к родной земле, национальных ли привязанностей, все же тянется отовсюду к родному очагу, стремясь возвратиться домой, на родину. Но дети нашего местного русского населения, почти или как правило, уходят, выучившись, безвозвратно. Правильно ли это? Россия, конечно, большая и великая, русскому человеку везде дом и простор (во всяком случае ныне в РСФСР), но где-то и обойдутся без них, а мы-то, мы, Горный Алтай, теряем своих сыновей и дочерей, теряем свои человеческие ресурсы. А ведь их места заполняют другие, пусть и русскоязычные, но ведь все-таки совсем другие люди, им эта земля не близкая, еще не родная и народ чужой, непонятный. А для нескольких поколений русских людей, укоренившихся в горах Алтая эта земля уже родина. В этом отличие "архаровцев", современных кочевников без корней, от людей местных, глубинных, как отмечает В. Г. Распутин.

Сибирь для нас не просто территория, это наш общий очаг, это уже единый культурно-исторический регион, а не только сырьевой придаток. Здесь сложился новый тип русского человека, который и свое сохранил, родное, кровное, но и приобрел немало, находясь в иных природно-климатических, историко-культурных условиях, взаимодействуя с соседствующими народами и племенами. Здесь происходит активный синтез русского и других национальных начал, не совсем понятный тем, кто не знает Сибирь. Сибиряка надо понимать. Без него сегодня Россия немыслима. Сибиряк — понятие не географическое. Это уклад, это мироощущение, это новая духовность.

Вот почему нам не страшно прослыть сегодня патриотами. Сибирскими патриотами. Для нас, алтайцев, это как триада. Как три вершины.

Триада эта — Алтай, Сибирь и Россия. Единство прошлого, настоящего и будущего. Нерушимость Отчизны. Одно складывается из другого. Вытекает и втекает друг в друга.

Так же может сказать, осознать себя и любой другой народ России. А Россия для нас — это не только административно-политическое образование РСФСР, куда мы входим как автономная область. Это — наша судьба.

Многие ль из вас знают, памятуют о том, что некогда в географическом смысле земля наша именовалась Русским Алтаем? Да, историческая закономерность заключается в том, что именно в пределах русской части Большого Алтая и была образована наша автономия, поскольку алтайский народ уцелел, сохранился только здесь и нигде больше, хотя всего два-три столетия тому назад этнический ареал его занимал не только весь Большой Алтай, но и значительные сопредельные территории. Вот почему мы с Россией не только в минуты ее славы, величия или торжества. Но мы с нею и в тяжкие времена, когда глумятся над нею, плюют в нее кому не лень. Мы с нею в ее Судьбе. Ужо вам, стоит она, как и горы Алтая!..

Москва — Горно-Алтайск,
весна — осень, 1989–1990 г.

МЫ — ЛЮДИ ОДНОЙ РЕКИ

Обратим взор на Западную Сибирь. Это — бассейн великой сибирской реки Обь, издавна, еще задолго до Октябрьской революции сложившийся как экономический, хозяйственный организм. Но осмысление и восприятие Сибири как единого культурно-исторического региона, где весьма активно протекал симбиоз культур, соединение и сочетание двух национальных начал — русского и местного сибирского, еще только началось. Ведь первые русские, казаки, пришедшие вместе с Ермаком в 1582 году, поначалу обосновывались и обустраивались именно здесь, по берегам сибирских рек, на благодатной и плодородной земле, особенно в южной части, а затем, уже отсюда, пошли осваивать свою будущую великую родину — Сибирь на восток, до Тихого океана и на юг, в Степь и Туркестан, Среднюю Азию — до нынешних государственных границ, по пути встречаясь и активно взаимодействуя со многими племенами и народностями. За четыре столетия в Сибири возникла очень своеобразная местная культура, включающая в себя как чисто русские, так и ме

тные национальные элементы, сформировался и новый тип русского человека — сибиряка, крепкого душой и телом, мужественного, несгибаемого в своих убеждениях и устремлениях человека. Сибиряки ныне осознают себя единым целым, со всеми присущими им особенностями культуры, быта, черт характера. В отношении Сибири, особенно Западной, следует подчеркнуть, что это прежде всего не просто территория, но именно отечество, колыбель, к тому же это и единый экономико-хозяйственный, культурно-исторический регион. Не будет преувеличением сказать, что, если Киев — мать городов русских, то Тобольск и Томск — это отцы городов сибирских. Именно из Томска выходили в свои важнейшие стратегические путешествия великие русские люди, шли в глубь азиатских просторов, в пределы Монголии, Туркестана, Тибета и Китая, не говоря о самой Сибири, добывая славу и пользу своему Отечеству — Русскому государству.

А что мы видим ныне в политико-административной ситуации в Западной Сибири? В течении 20–30-х годов она неоднократно подвергалась административным переделкам и была окончательно расчленена в 1937 году на части в виде разных областей и краев, и по сей день все бьется мученически, растрачивая свои жизненно важные ресурсы, стараясь, зачастую бесполезно, нарастить, восполнить могучий потенциал.

Ну подумайте сами, что это такое — Новосибирская область? Фактически — это область одного города, пусть и миллионного, хотя де-факто является естественным центром если не всей Сибири, то во всяком случае западной ее части. А Кузбасс? Можно назвать его своего рода промзоной Сибири. Да, именно так, именно "Зона". Посмотрите — однобокое, поистине уродливое промышленное развитие этой области, где человеку нормальному нечем жить и дышать. А могучий прежде Томск, центр и светоч всей огромной губернии от Северного Ледовитого океана до Монголии? Притулился, отрезанный, с краю родного региона. В рискованнейших природно-климатических условиях занимающаяся и земледелием, и добычей нефти область. А Приалтайская степь? Край-хлебороб. А Омская область? Чем она-то отличается от Новосибирской, в чем ее своеобразие само по себе и сила как прежнего центра по управлению Сибирским генерал-губер-

наторством, то есть Прииртышьем и северо-восточной частью нынешнего Казахстана? Откуда появилась так называемая Восточно-Казахстанская область, уже два века населяемая сибирским, чисто русским населением? Почему, из каких соображений исходили при ее образовании с передачей западной части Алтая в состав соседней республики? Почему Рудный Алтай, как и все остальное Прииртышье, — наследие Джунгарии, не находится в составе России, ведь это неотъемлемая часть современной Сибири?

А между тем до революции здесь, на территории Западной Сибири находились всего две губернии — Тобольская и Томская — и довольно сносно управлялись.

А в советское время, до 1937 года, на месте бывшей Томской губернии существовал с центром в г.Новосибирске сильный и крупный Сибирский, а затем Западно-Сибирский край, оправданный со всех точек зрения будущего развития. Необходимость его воссоздания ныне является тем очевидней и непреложней, чем более мы наталкиваемся на перекосы и трудности в развитии данного региона, не в последнюю очередь в связи с резко изменившимися политико-административными и социально-экономическими реалиями развития.

До 1924 года здесь находилось сверх того и Сибирское бюро ЦК ВКП(б). Такого рода региональный орган власти совершенно необходим и сегодня, и не только здесь, но и в других регионах для координации деятельности местных обкомов, крайкомов, структур исполнительных и экономических.

А чем же, собственно, отличаются сегодня, например, в правах и возможностях, соответствующие крайкомы от соседних обкомов партий, равно как и крайисполкомы от облисполкомов? Статус один и тот же, разница только в наименовании и обозначении.

В то же время реальность такова, что нужно одно из двух: либо край — это соединение, объединение под единой региональной властью нескольких областей, либо должно быть все-таки иное, но взаимосвязующее развитие соседних и близких регионов, что будет означать воплощение на деле принципов местного управления, стоящего на порядок выше существующих областных, краевых и республиканских уровней. Лишь таким образом, хоть в

какой-то мере, можно упорядочить управление раздробленными и далеко не однородными по типу и экономическому укладу частями огромной Российской Федерации с тем, чтобы эти регионы точно также остро ощущали как свои собственные внутренние интересы, повышая чувство ответственности, так и общероссий-ские, общенациональные.

Вот тогда и будет с кого спрашивать, учинять спрос, а также намечать совокупные перспективы и возможности развития того или иного региона. Тогда и будет видно в общей панораме региона откуда брать энергию для местных производственных мощностей, нужно или нет где-то насаждать ГЭС или очередной комбинат-гигант. Уже яснее будет, например, решать вопросы размещения производительных сил, где что оставлять на запас, а где, наоборот, интенсифицировать. А так, к примеру, руководство края Алтайского только и заинтересовано, скажем, в строительстве Катунской ГЭС, а для обоснования этой безумной, прожектерской затеи ссылаются на отсталость экономики Горного Алтая, а то и на национальные интересы алтайского народа. Правда, эти кровные интересы заключаются как раз в обратном — сбережении своего чудного Алтая не только как отчего дома, но и вообще как всесибирской рекреационной зоны. Как всемирной природной святыни, и не только природной, но и культурно-исторической. Не так давно, в конце 80-х годов местные должностные лица в Алтайском крае доходили до того, что вводили в заблуждение самого Председателя Совета Министров СССР т. Н. И. Рыжкова, имитируя и организуя встречи на чабанской стоянке с чабаном, устраивали своего рода "потемкинские" приемы или выставляя профессора — как выразителей дум и чаяний алтайского народа, — якобы поборников строительства ГЭС.

Да, "героические" усилия руководящих лиц края или области в этом направлении понятны. Может быть, и не хватает энергии. Но это опять же только подтверждает вышесказанное. Край это все предпринимает, строит без учета обстановки и энергетической ситуации в соседних областях — Кемеровской, Омской или Томской, Хакасии, Красноярском крае. А вот если бы они координировали

действия, интегрировали собственные хозяйства, энергетические проблемы, то и не было б нужды, как это водится у земноводных, в попытках регенерирования мышц в нечто подобное мозгу.

Допустим, значит, как вариант № I воссоздание Западно-Сибирского края с включением в его состав Алтайского края, Кемеровской, Томской, Новосибирской и Омской областей. Разумеется, с краевым руководством на уровне и в ранге заместителя Председателя Совета министров Российской Федерации со всеми подобающими полномочиями и задачами. Соответственно воссоздается региональный орган — своего рода Совет Сибири. Включение в состав этого края Тюменской области пока несколько проблематично, но как вариант № 2 допустимо, и вероятно преобразование этой области в соответствующий край, поскольку необходимые автономии (свои внутренние субъекты) в виде округов Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого уже наличествуют. С учетом огромных размеров территории внутри края возможно образование новой административной автономной единицы в местах компактного расселения коренных сибирских татар, в этнолингвистическом отношении далеко отстоящих от казанских или крымских татар. Фактически это самобытный, сибирский этнос, именуемый с пор стародавних "татарами".

* * *

Крайне актуально и жизненно важно для России широкое развитие Дальнего Востока перед лицом наступающего XXI века как века АТР (Азиатско-Тихоокеанского региона). А США, Канада, Япония, Китай, Корея и другие страны ЮВА подразумевают это условие уже как непреложную реальность и соответствующим образом строят всю свою нынешнюю и будущую политику и экономику с уклоном на доминирование в этом огромном регионе. Сама жизнь и скорое будущее потребуют от нашей страны активной работы в этом именно направлении. Нельзя сказать, что этого не происходит, но все же представляется донельзя медленней, чем требуется все нарастающими темпами развития мирового сообщества.

Мы как государство, как общество, как народ едва ли еще осознаем до мозга костей, до глубины сознания, до каждой клеточки своей, как и куда прикладывать основные направления нашей геополитической мысли. Не следует ли нашим политикам и политологам еще и еще раз возвращаться к мыслям поэта-философа, профессионального дипломата Ф. И. Тютчева, так остро и точно чувствовавшего, что требуется для России и что для этого следует делать и свершать. Нельзя нашей стране, уже в силу своего географического положения смотреть лишь в одну сторону, на Европейский Запад, нет, следует смотреть и двигаться в обеих направлениях. Само провидение вело русских людей к востоку, к Тихому океану.

Но сегодня надо смотреть всегда еще и на юг — к бассейну Индийского океана. Вот три направления мысли, три вектора приложения наших сил как государства. Не уверен, почитывают ли наши политики, дипломаты, военные иногда, освежая память, историю русской дипломатии, иначе чем нам объяснить нашу афганскую трагедию? Неужели никто не подумал, что и почему заставило Македонского повернуть назад, когда в тогдашней Индии, кроме климата, у него не было противника? Почему, завернутые в овчинные шубы, непобедимые монголы Чингис-хана также повернули назад, загнав за Инд дерзкого Джелаль-эд-дина? Военной силы, способной противостоять монголам на индийском субконтиненте вовсе не было. Англичане не могли сунуться севернее Гиндукуша, хотя поползновения в нашу туркестанскую сторону имели всегда.

Но была и есть сила другая, она и заставляла всех вовремя оглянуться, остановиться у края бездны: это — межцивилизационные законы и геополитические пределы.

Так вот, потому именно нельзя допускать нам на исходе этого века, чтобы восточный окаем великой страны перед лицом таких могучих стран, как Япония, США, Канада, Китай и Австралия, как и два–три столетия тому назад, продолжал оставаться глухими задворками. Надо помнить, что "ахиллесова пята" России всегда была с востока, ее уязвимое место располагалось как бы назади, а с лица, с запада ее не могли взять никогда. Достаточно указать на самые выдающиеся попытки взять нас с этой

стороны, как Наполеон и Гитлер. Ничего у них не вышло, как не вышло ни у ливонских крестоносцев, ни у сильных в свое время поляков и шведов. Все нашествия захлебываются, когда речь идет о противостоянии с западной стороны. Но сегодня Запад заходит к нам как бы с тыла, с востока, со стороны восходящего солнца. Запад к России ближе с востока? Запад восточнее России! Туда перемещается мировой финансовый и экономический центр. А вот тут-то не все у нас благополучно. Некогда далекий, надежный, глухой тыл как бы перестает существовать. Это обозначилось после вступления Японии в эпоху Мейдзи — мы этого не осознали, хотя потерпели поражение в русско-японской войне в начале 20-го века. Возникли новые аспекты мирового сотрудничества и взаимодействия в АТР после второй мировой войны. Каково должно быть наше место в этом регионе? Случайно ли, когда "новое мышление" явственно пробивает везде и всюду дорогу себе, то именно японцы, обсчитывающие все и вся в мире как нынешнем, так и особенно в будущем, с такой прохладцей наблюдают за нами? Только ли в двух–четырех несчастных островках дело? Думается, собака зарыта гораздо глубже. Или же они чураются нашей экономической и технической отсталости? Нет, японцы прекрасно понимают, каким ближайшим соседом для них мы являемся, и отдают себе достаточно хорошо отчет в том, что будет происходить, если наш гигантский Дальневосточный край придет в действительное экономическое движение, раскрывая год за годом необъятный свой потенциал. Но для этого надо перестать смотреть из Москвы на Дальний Восток, равно и на всю Сибирь, как на сырьевой придаток, на задворки, лишенные к тому же единой экономической жизни. Дальнему Востоку давно пора дать простор, пробудить по-настоящему его дремлющие жизненные силы. Это отныне должен быть не только и не столько военный форпост, сколько финансово-экономический, жизненноважный для судеб страны регион.

Нам нужен свой русский, российский Нью-Йорк! Великие восточные врата России.

США давно имеют пару опор — два столпа, на которых они зиждятся — атлантический, первоначальный, исходный, скажем, и второй — тихоокеанский, но уже основной. И чередующиеся ад-

министрации США официально каждый раз провозглашают себя более тихоокеанской, нежели атлантической державой. Помните, как первую поездку, воспользовавшись кончиной императора Сева (Хирохито), сразу месяц спустя после вступления на должность президента, Дж. Буш предпринял в Японию, КНР и Южную Корею? Очень волнует их, надо думать, предстоящая поездка нашего руководителя в КНР и перспектива полной нормализации отношений между СССР и Китаем. В основе опять-таки лежат, очевидно, соображения далеко идущего порядка.

А что же мы до сих пор? Не очнулись? Или напоминают нам время от времени лишь журналисты-международники и ученые-востоковеды? Да нет же, и опять же, еще на заре становления Советской России, был, был добрый прецедент у нас, да затем, посчитав дело исчерпанным, свернули и сдали в исторический архив периода гражданской войны как временный, к тому же и вынужденный, политический эфемер. Политически — да, но Сталин и его окружение в ту пору еще патологически боялись, видать, появления внутри страны сепаратистских проявлений, местнических тенденций, отчего и расчленяли все, что можно было рассечь, расколоть на куски. (Только вот, заметим, в скобках, отчего же не пришло им в голову в свое время расчленить Казахстан как Сибирь, Туркестан или Закавказье?) ДВР, как и Сибирский край, ликвидировали, очевидно, испугавшись не столько самураев, сколько своих собственных дальневосточников.

ДВР, Дальневосточная республика, ее организационная структура наподобие Калифорнии была необходимой для активного освоения, развития восточных регионов страны уже тогда, но ее, увы, нет. А какой был бы необходимый для укрепления российской государственности административно-политический инструмент. И чем такая республика была бы и ныне менее весомей для нашего государства, чем, скажем, республики молдавская или таджикская, образованные по этническому признаку? В десятки и десятки раз значимей такое образование в жизни страны не только сегодня, но еще более — завтра и послезавтра. Вот она — опора, вот он — второй геополитический выход России как мировой евроазиатской и тихоокеанской державы! Разумеется, ДВР не как этнонациональное образование, а как Дальневосточный

стороны, как Наполеон и Гитлер. Ничего у них не вышло, как не вышло ни у ливонских крестоносцев, ни у сильных в свое время поляков и шведов. Все нашествия захлебываются, когда речь идет о противостоянии с западной стороны. Но сегодня Запад заходит к нам как бы с тыла, с востока, со стороны восходящего солнца. Запад к России ближе с востока? Запад восточнее России! Туда перемещается мировой финансовый и экономический центр. А вот тут-то не все у нас благополучно. Некогда далекий, надежный, глухой тыл как бы перестает существовать. Это обозначилось после вступления Японии в эпоху Мейдзи — мы этого не осознали, хотя потерпели поражение в русско-японской войне в начале 20-го века. Возникли новые аспекты мирового сотрудничества и взаимодействия в АТР после второй мировой войны. Каково должно быть наше место в этом регионе? Случайно ли, когда "новое мышление" явственно пробивает везде и всюду дорогу себе, то именно японцы, обсчитывающие все и вся в мире как нынешнем, так и особенно в будущем, с такой прохладцей наблюдают за нами? Только ли в двух–четырех несчастных островках дело? Думается, собака зарыта гораздо глубже. Или же они чураются нашей экономической и технической отсталости? Нет, японцы прекрасно понимают, каким ближайшим соседом для них мы являемся, и отдают себе достаточно хорошо отчет в том, что будет происходить, если наш гигантский Дальневосточный край придет в действительное экономическое движение, раскрывая год за годом необъятный свой потенциал. Но для этого надо перестать смотреть из Москвы на Дальний Восток, равно и на всю Сибирь, как на сырьевой придаток, на задворки, лишенные к тому же единой экономической жизни. Дальнему Востоку давно пора дать простор, пробудить по-настоящему его дремлющие жизненные силы. Это отныне должен быть не только и не столько военный форпост, сколько финансово-экономический, жизненноважный для судеб страны регион.

Нам нужен свой русский, российский Нью-Йорк! Великие восточные врата России.

США давно имеют пару опор — два столпа, на которых они зиждятся — атлантический, первоначальный, исходный, скажем, и второй — тихоокеанский, но уже основной. И чередующиеся ад-

министрации США официально каждый раз провозглашают себя более тихоокеанской, нежели атлантической державой. Помните, как первую поездку, воспользовавшись кончиной императора Сева (Хирохито), сразу месяц спустя после вступления на должность президента, Дж. Буш предпринял в Японию, КНР и Южную Корею? Очень волнует их, надо думать, предстоящая поездка нашего руководителя в КНР и перспектива полной нормализации отношений между СССР и Китаем. В основе опять-таки лежат, очевидно, соображения далеко идущего порядка.

А что же мы до сих пор? Не очнулись? Или напоминают нам время от времени лишь журналисты-международники и ученые-востоковеды? Да нет же, и опять же, еще на заре становления Советской России, был, был добрый прецедент у нас, да затем, посчитав дело исчерпанным, свернули и сдали в исторический архив периода гражданской войны как временный, к тому же и вынужденный, политический эфемер. Политически — да, но Сталин и его окружение в ту пору еще патологически боялись, видать, появления внутри страны сепаратистских проявлений, местнических тенденций, отчего и расчленяли все, что можно было рассечь, расколоть на куски. (Только вот, заметим, в скобках, отчего же не пришло им в голову в свое время расчленить Казахстан как Сибирь, Туркестан или Закавказье?) ДВР, как и Сибирский край, ликвидировали, очевидно, испугавшись не столько самураев, сколько своих собственных дальневосточников.

ДВР, Дальневосточная республика, ее организационная структура наподобие Калифорнии была необходимой для активного освоения, развития восточных регионов страны уже тогда, но ее, увы, нет. А какой был бы необходимый для укрепления российской государственности административно-политический инструмент. И чем такая республика была бы и ныне менее весомей для нашего государства, чем, скажем, республики молдавская или таджикская, образованные по этническому признаку? В десятки и десятки раз значимей такое образование в жизни страны не только сегодня, но еще более — завтра и послезавтра. Вот она — опора, вот он — второй геополитический выход России как мировой евроазиатской и тихоокеанской державы! Разумеется, ДВР не как этнонациональное образование, а как Дальневосточный

единый край со всем подобающим статутом, с безусловным сохранением внутри нее основных существующих административных единиц. Тогда найдется, конечно, место внутри него и для небольших автономных образований местных народностей. Может найтись место и для корейцев, если это понадобится в будущем, ведь через них, через активный и предприимчивый элемент, был бы найден необходимый рычаг для взаимодействий с Кореей (КНДР и Южной Кореей).

И тогда нынешние Хабаровский и Приморский края, Еврейская, Амурская, Сахалинская, Камчатская и Магаданские области, сложившись в один организм, сразу могли бы почувствовать себя, как говорится, при живом и растущем теле. Да и соседи скорей осознали бы, какова наша мощь и сила как державы евроазиатской. И разве такому краю не сподручней было б решать свои неотложные вопросы? А разгрузка для Центра страны какая! Правительству станет меньше надобности ломать голову почем зря над пустяшными с московской высоты вопросами, которых с такой дали толком и разглядеть-то невмочь.

А что же остается вокруг и рядом Байкала? Восточно-Сибирский край с центром в г.Иркутске — старой столице Восточной Сибири. В этот край войдут Иркутская, Читинская области с тесной интеграцией своей экономической жизни с Бурятской и Якутской автономными республиками — крупнейшими национально-территориальными образованиями среди сибирских народов. Тут и будет простор и поле для развития инфраструктуры в пустующей пока обширнейшей зоне БАМа. Поодиночке тут никому не справиться, не одолеть освоение столь ценного, но и столь пустынного массива. Понадобится по крайней мере еще сто лет для полного жизнеобустройства этого региона. А кто этим будет заниматься — только восточные сибиряки вместе с дальневосточниками, пришлым же "архаровцам" вскоре тут делать будет нечего.

Что касается Бурятии и Якутии, то они вполне могут быть и на данном этапе преобразованы в республики союзные. Действительно, почему бы нет? Что и в этих случаях послужило камнем преткновения? Отчего мы, собственно говоря, зациклились сегодня на 15 союзных республиках, ведь иные из них стали таковыми

по чистой случайности, в обиду таким крупным нациям, как татары /на Волге/, башкиры, чуваши, дагестанцы, мордва и ряд других? Собственно, и штатов в Северной Америке вначале вовсе не было ровно пятьдесят, как мы это видим сейчас. Кстати, на глазах нашего поколения Аляска и Гавайские острова обрели статус полноправных штатов. Того же добиваются и для владения о.Пуэрто-Рико. И в конституции США вовсе не оговорено, что количество в 50 штатов — это венец и завершение политического устройства США как федеративного государства. Почему же мы, столь динамичная и огромная страна, расширяясь стремительно пять столетий во всех направлениях, отныне должны отказывать самим себе во внутреннем самоусовершенствовании, отладке существующих административных структур и пересоздания вновь народившихся или имеющих тенденцию к появлению? Да и только ли внутренними аспектами на все времена, раз и навсегда должно быть законсервировано наше развитие и движение?

Ссылки на количество коренного населения, уровень развития культуры и экономики, языка, короче, сталинское определение нации при всей внешней логичности давным-давно несостоятельно, *служа* теоретической основой конституционного обустройства, оно и стало в сильнейшей степени помехой для совершенствования нашего государственного организма. Оно не давало возможности совершенствоваться, преобразовываться Союзу как союзу народов. Как же быть с нациями, у которых не имеется внутри государства собственной этнической территории? Между тем иные из них составляют компактные массивы в местах проживания, например, немцы Поволжья или венгры в Карпатах. Корейцы. Евреи. Поляки. Уйгуры на юго-востоке Казахстана.

Вопиющим примером того, как историческое сознание отстает от государственного, от современных политических реалий, является отношение к крымским татарам как к нации. Война давным-давно закончилась победным образом. Простили всех преступников. Но мстительное, злорадное чувство к трагедии этого народа не дает никому возможности проникнуться пониманием к их судьбе. Власть видит в них экстремистов, и только экстремистов. Но ведь не только у человека, но и у каждого народа имеется, должен быть свой дом. Какие бы хоромы ему не предложь в

единый край со всем подобающим статутом, с безусловным сохранением внутри нее основных существующих административных единиц. Тогда найдется, конечно, место внутри него и для небольших автономных образований местных народностей. Может найтись место и для корейцев, если это понадобится в будущем, ведь через них, через активный и предприимчивый элемент, был бы найден необходимый рычаг для взаимодействий с Кореей (КНДР и Южной Кореей).

И тогда нынешние Хабаровский и Приморский края, Еврейская, Амурская, Сахалинская, Камчатская и Магаданские области, сложившись в один организм, сразу могли бы почувствовать себя, как говорится, при живом и растущем теле. Да и соседи скорей осознали бы, какова наша мощь и сила как державы евроазиатской. И разве такому краю не сподручней было б решать свои неотложные вопросы? А разгрузка для Центра страны какая! Правительству станет меньше надобности ломать голову почем зря над пустяшными с московской высоты вопросами, которых с такой дали толком и разглядеть-то невмочь.

А что же остается вокруг и рядом Байкала? Восточно-Сибирский край с центром в г.Иркутске — старой столице Восточной Сибири. В этот край войдут Иркутская, Читинская области с тесной интеграцией своей экономической жизни с Бурятской и Якутской автономными республиками — крупнейшими национально-территориальными образованиями среди сибирских народов. Тут и будет простор и поле для развития инфраструктуры в пустующей пока обширнейшей зоне БАМа. Поодиночке тут никому не справиться, не одолеть освоение столь ценного, но и столь пустынного массива. Понадобится по крайней мере еще сто лет для полного жизнеобустройства этого региона. А кто этим будет заниматься — только восточные сибиряки вместе с дальневосточниками, пришлым же "архаровцам" вскоре тут делать будет нечего.

Что касается Бурятии и Якутии, то они вполне могут быть и на данном этапе преобразованы в республики союзные. Действительно, почему бы нет? Что и в этих случаях послужило камнем преткновения? Отчего мы, собственно говоря, зациклились сегодня на 15 союзных республиках, ведь иные из них стали таковыми

по чистой случайности, в обиду таким крупным нациям, как татары /на Волге/, башкиры, чуваши, дагестанцы, мордва и ряд других? Собственно, и штатов в Северной Америке вначале вовсе не было ровно пятьдесят, как мы это видим сейчас. Кстати, на глазах нашего поколения Аляска и Гавайские острова обрели статус полноправных штатов. Того же добиваются и для владения о.Пуэрто-Рико. И в конституции США вовсе не оговорено, что количество в 50 штатов — это венец и завершение политического устройства США как федеративного государства. Почему же мы, столь динамичная и огромная страна, расширяясь стремительно пять столетий во всех направлениях, отныне должны отказывать самим себе во внутреннем самоусовершенствовании, отладке существующих административных структур и пересоздания вновь народившихся или имеющих тенденцию к появлению? Да и только ли внутренними аспектами на все времена, раз и навсегда должно быть законсервировано наше развитие и движение?

Ссылки на количество коренного населения, уровень развития культуры и экономики, языка, короче, сталинское определение нации при всей внешней логичности давным-давно несостоятельно, *служа* теоретической основой конституционного обустройства, оно и стало в сильнейшей степени помехой для совершенствования нашего государственного организма. Оно не давало возможности совершенствоваться, преобразовываться Союзу как союзу народов. Как же быть с нациями, у которых не имеется внутри государства собственной этнической территории? Между тем иные из них составляют компактные массивы в местах проживания, например, немцы Поволжья или венгры в Карпатах. Корейцы. Евреи. Поляки. Уйгуры на юго-востоке Казахстана.

Вопиющим примером того, как историческое сознание отстает от государственного, от современных политических реалий, является отношение к крымским татарам как к нации. Война давным-давно закончилась победным образом. Простили всех преступников. Но мстительное, злорадное чувство к трагедии этого народа не дает никому возможности проникнуться пониманием к их судьбе. Власть видит в них экстремистов, и только экстремистов. Но ведь не только у человека, но и у каждого народа имеется, должен быть свой дом. Какие бы хоромы ему не предложь в

чужих краях, зачастую человеку, как и народу, милее, ближе прежде всего свой дом, где жил он сам и его отцы.

С каким лицом, отняв у народа его родину, вырвав, выдернув его с корнем от родной земли и не имея ни чувства сострадания и жалости, ни справедливости, мы хотим, чтобы мир понимал нас, сочувствовал нашим бедам и заботам? Всем прекрасно известно, что среди крымских татар были такие, кто пособлял фашистам, сотрудничал с ними. Но разве меньше было их среди украинцев, прибалтов? Была, наконец, и РОА генерала Власова. Но никому не приходит в голову зачислять эти нации в предатели как таковые.

Между тем среди крымских татар гораздо больше было партизан, руководителей подполья, воинов, сражавшихся за Советскую Родину. Вправе ли мы забыть об этом? Как можно уверять, что оснований для восстановления автономии крымских татар нет?!

А происходит это не только потому, что Крым — чудесный край, куда очень не хочется пущать прежних хозяев и насельников, а потому, прежде всего, что в народном сознании, на бытовом уровне крымские татары все еще кажутся грозной силой для Москвы и, вот-вот, глядишь, они перейдут Москву-реку в районе Крымского моста и сожгут ее снова, как это было в последний раз в 1571 году. Насколько же отстает историческое сознание от современных реалий — на триста–четыреста лет! Ведь с точки зрения здравого смысла, что же это такое крымские татары для такой державы ныне — горсточка! Для сравнения. Вот случилось ведь страшное бедствие в Армении — землетрясение. Аукнулось бы это за пределами Кавказа, не будь современных средств информации? Да навряд ли. Лишь дойдут, глядишь, со временем слабые отголоски стихийного бедствия при всех ее ужасающих разрушениях.

Далее. Кто сказал, что буряты или якуты, чуваши или алтайцы ныне менее развиты как нации, как люди, нежели туркмены, киргизы, молдаване, азербайджанцы? Разве что количеством несколько поменьше, да и только. Правда, многие нации Поволжья, составляющие по милости сталинской конституции автономные республики, не меньше числом латышей, эстонцев, литовцев, молдаван, киргизов, туркменов или таджиков, либо во всяком слу-

чае равнозначны по удельному весу в составе населения страны. А экономически — Башкирия, например? Якутия? Ханты-Мансийский автономный округ? Сравнений нет никаких!

Отсюда закономерным образом следует мысль о том, что **необходимо совершенствование всех форм политико-административных национальных образований, не ограничиваясь лишь 14 республиками, помимо РСФСР.** С необходимостью совершенствования, пожалуй, согласны все. Но как? В каких пределах? Откуда начинать и где завершать?

Безусловно, в РСФСР. Внутри нее. И в ее основных взаимосвязях с другими союзными республиками. А ежели не так, ежели иначе, то что это означает — "сильный центр и сильные республики"? Как ни говори, РСФСР — это основная республика, равноправная, но все же главная, поскольку даже ее небольшие составляющие в виде автономных республик и автономных областей, не говоря о крупных краях и областях, количественно и территориально равновелики или превышают другие союзные республики, за исключением лишь Украины, Казахстана, Белоруссии и Узбекистана. В самом деле, нельзя же, чтобы верблюд и мышь определяли себе равноправие в своих отношениях друг с другом, а другие существа, не обладающие их правами, пребывали в несколько ином качестве, хотя конституционно, как граждане, все равны. Ну, а как эти права осуществляются на деле? Чукча и грузин имеют одни и те же конституционные права. У тувинцев и украинцев разные совершенно возможности для самовыражения как наций. Одну-единственную газету на родном языке у алтайцев и хакасов нельзя сравнивать с могучей прессой у литовцев, латышей или эстонцев.

Значит, надо вернуться не на словах, а на деле к ленинским принципам национальной политики. Тогда, быть может, как это также витает в воздухе общественного мнения страны, даже не будет необходимости в градации на ступени автономий, **а сделать просто республики. Пусть побольше, пусть поменьше. С крошечным или великим потенциалом — все наши, все — республики. Можно допускать и такой вариант?** Вполне.

Но что конкретно, сегодня же необходимо, так это как раз то, **что декларировалось в период принятия Конституции 1936 года,**

должно неукоснительно претворяться и поныне, и завтра в жизнь. Дальнейшее образование, преобразование имеющихся национальных и территориальных структур в сторону укрепления, совершенствования в более гибкие модификации общего государства. И никаких "выходов" или отделений.

На самом деле декларации того времени были очень хорошие. Замечательные слова были. Лучше, пожалуй, и ныне не скажешь. Но все затем было забыто. Практической реализации в дальнейшем не происходило. Наступила стагнация. Не в последнюю очередь это было связано, по всей вероятности, с начавшейся войной, потребовавшей гигантского напряжения всех сил и мыслей. Но только ли за счет войны отнести эти издержки? Ведь уже в конце войны, когда и без того было ясно, что победа не за горами, ликвидировали автономии и сослали целые народы, из которых немцы и крымские татары по сей день не обрели того, что они некогда имели. А коль особой опасности не было, так зачем же надо было тогда свертывать государственное строительство?

Затем, в конце 40-х годов в ряде мест, например, в южной части Сибири, были предприняты попытки ликвидации автономий уж и вовсе безобидных, честнейших по отношению к России и русскому народу, народностей, как шорцы, алтайцы, хакасы. Еще в 1939 году был ликвидирован Горно-Шорский национальный район. Ойротская автономная область превратилась в географическое понятие Горный Алтай. Очевидно, область как автономную единицу не сумели ликвидировать, но оставили от нее фикцию, что и по сей день сказывается в подборе и расстановке национальных кадров. Разве это мыслимо, что с тех пор и по сей день не было еще прецедента, чтобы из природных, этнических алтайцев первым секретарем обкома партии, то есть руководителем родного региона был избран хоть один человек? А между тем, если и вооружить поголовно всех алтайцев самым современным оружием, они не составят угрозы даже для г.Бийска, не говоря в целом об Алтайском крае, где они составляют в удельном весе населения лишь три процента!

Кого и чего бояться? Тогда зачем же декларировать, что человек, а тем более коммунист, оценивается лишь по деловым, партийным и другим качествам? В прошлом 1988 году, когда ре-

альным было избрание первым секретарем наиболее способного, наиболее подготовленного человека, то оказалось, что у него есть один, но весьма существенный недостаток — национальность. Все группы населения — алтайцы, русские, казахи, немцы, были за избрание из их среды достойного. Не приняли в расчет даже то, что не самостоятельный это обком, а подчиненный краевому комитету партии, так что, куда там с автономией и самостоятельностью. То же самое следует отнести и к другим обкомам партий автономных областей РСФСР, за исключением Еврейской. Там уже никак нельзя, не еврея, весь мир заголосит, хотя если подсчитать процент коренного населения, то и евреев как таковых в этой автономной области раз-два и обчелся.

Так что, видимо, дело все же не в войне. А после войны в обратную сторону была реорганизована Карело-Финская ССР в Карельскую автономную. Насколько был оправданным этот шаг — трудно судить, хотя перспективы и реалии сотрудничества с Финляндией говорят все же не в пользу подобного шага.

Затем, почему забываем лозунг о якобы "полном и окончательном построении социализма в стране"? **Следовательно, выходит, что и национальный вопрос стал для властителей как бы ни к чему,** как мера временная и вынужденная, по сталинской идее автономизации.

Затем, клич о том, что к 80-му году "нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме". А коль так, то, выходит, и языки ни к чему. А нации — это уродливый пережиток прошлого. Все будут говорить на одном, "коммунистическом" языке. Ну, чем это не полпотовщина? А ведь говорили, громогласно заявляли! И начали было решительно претворять в жизни. В Бурятии, желая оказаться наиболее передовыми, кажется, в школах отменили преподавание на родном бурятском языке. Такие же попытки "коренизации" прошли по всем республикам, областям и округам РСФСР с коренным населением. **Именно эти тезисы являются непосредственными предтечами того страшного языкового вопроса, с которым ныне столкнулась страна. Не было проблемы, и на, вот тебе, искусственно сами себе придумали в 1961 году наряду с принятием Программы построения коммунизма.**

А параллельно, в соответствии именно с этим постулатом русских стремительно начали превращать в моно-язычных, свое-

го рода ущербных людей в национальных регионах, хотя до того во многом все обстояло как раз наоборот, русские старожилы почти везде были двуязычными, отлично говорили на местных языках.

Все это на деле же было ни чем иным, как забеганием вперед, желанием побыстрее достичь несбыточного, неосуществимого. Это было ни чем иным, как дезориентацией партии, народа и всего общества, вместо того чтобы объяснить простым и доступным языком, что спешить не надо, впереди очень большое поле, которое будем переходить в течение жизни нескольких поколений, а на каком языке будем общаться -это дело наше. Будем идти вперед, по пути и будем решать. А пока общайтесь на своих, на близких. Как можете, как хотите. Лишь бы общему делу не мешало. И никто бы не испугался, не закричал, не забегал, боясь утраты родного языка, этнической ассимиляции. То, что мы и видим сегодня, когда со всех сторон стоит "вавилонский крик", и никто никого не слышит и не слушает.

Нужны по всей стране референдумы по поводу языков, культур и традиций с тем, чтобы вырабатывать на основе их результатов Основы всеобщего законодательства на всей территории СССР с учетом локальных особенностей тех или иных наций, народностей, этнических групп...

Москва,
март 1989 год.

КТО ОНИ — "И ДРУГИЕ?"

В последнее время в документах, статьях, выступлениях много говорится о том, что необходимо принять все меры к решению проблем незаконно репрессированных народов: крымских татар, советских немцев, греков, курдов, корейцев, турок-месхетинцев... Далее следует многозначительное — "и других". Вот об этих "других" мне и хотелось бы поговорить.

В государстве нашем более ста наций и народностей, но за относительно больших числом наций союзных республик почти

не слышно о других этнических группах. Их немало, но в большинстве своем они не имеют ни автономных, ни национальных образований. А между тем в хорошей семье не грех подумать обо всех, особенно о слабых и малых.

У нас на Алтае говорят: если надо, и муравей будет вестником. Как жаль, что в наше сложное время великий опыт, огромные знания и возможности каждого народа еще мало используются нами, лежат втуне, без нужды и пользы. А ведь стоит только оглянуться, собрать все воедино....

В мире немало многонациональных стран, но все же столь разнообразной страны, как наша, в расовом, этническом, культурном, религиозном отношении, пожалуй, больше нет. В этом и сила ее, в этом и сложность. Но все-таки прежде всего — большое преимущество, ибо разнообразие предполагает и богатство мышления, уникальное средоточие человеческого опыта. Ведь наши народы — носители всех исторических и культурных генотипов, всех основных мировых религий. И тем более в таком обществе человек любой национальности должен чувствовать себя дома, иметь гарантии защиты национального достоинства и чести, возможности реализации себя как личности в любой сфере. Каждый из нас уникален, неповторим, необходим, наконец, для нашего общества в его продвижении вперед и выше.

Итак, кто же они — "и другие"?

Ближе всего к Москве, к Центру, — вепсы. Они не только живут территориально вместе с русскими, но и близки к ним всем своим жизненно-бытовым укладом. Похожи и не похожи на русских, и ничего странного в этом нет, наоборот, все это лишний раз подтверждает, как могут жить народы рядом, контактировать друг с другом сотни, а то и тысячи лет, и сохранить свою самобытность.

Вот они, вепсы, рядом — в Калининской, Ленинградской областях, на Вологодчине и на юге Карелии. Их называют еще тверскими карелами. Но суть не в названии, суть в том, что они есть и взывают к нашей совести, а с названием разберемся сообразно с тем, как сам народ именует себя со времен стародавних. На мой взгляд, целесообразно создание Вепсского автономного округа или области в составе РСФСР. Урона от этого никому не будет, зато радость-то какая и перспективы развития народу.

А многие ли слышали о гагаузах? Живут они на юге Молдавии и в ряде районов соседней Одесской области. Гагаузы тоже проходят по графе "и другие", хотя численность их довольно значительна. И это тоже народ с примечательными культурными и трудовыми традициями. Они пользуются доброй славой самоотверженных тружеников. Замечательные земледельцы, виноградари, механизаторы. Несмотря на неблагоприятные для национального самовыражения условия жизни, среди гагаузов немало видных писателей, ученых, экономистов. На гагаузском языке выходят книги, учебники. Новый Закон Молдавской ССР о языках предполагает для гагаузского языка достойное место среди языков республики.

Язык гагаузов относится к тюркской группе, близок к турецкому, но в то же время имеет свои особенности. Гагаузы исповедуют православную веру. Иные считают их потомками степных печенегов, о которых часто упоминают русские летописи IX–X веков. Некоторые ученые видят в них праболгар, сохранивших свой первоначальный язык. В культуре, этнографии, обычаях у гагаузов с болгарами больше сходства, нежели различий. На свою нынешнюю территорию они переселились в конце XVIII — начале XIX столетия из северо-восточной части Болгарии во время русско-турецких войн по разрешению царского правительства как православный народ, призванный укреплять новые, южные границы государства. Кроме того, гагаузы проживают в Болгарии и Румынии.

Но национальные мытарства нашего времени не обошли и гагаузов. В годы застоя вдруг ни с того ни с сего начали перекраивать административные районы, где они жили. Ни в одном из районов гагаузы не могли уже составить преобладающий процент. Прикрепляли их то к районам молдавским, то к украинским. Разумеется, и для гагаузов нужна автономия либо в составе Молдавии, либо Украины. Считаю, что предпочтительнее эти вопросы решать, только если будет проведен референдум. Народ сам подскажет верное решение.

А теперь пристальнее взглянем на восточные пространства нашей страны. На карте Сибири лишь несколько автономных республик, автономных областей и автономных округов. А ос-

тальные народы Севера и Дальнего Востока не имеют своих территориальных образований, хотя нуждаются в защите, возможно, более, чем кто-либо. Двадцать шесть малочисленных народностей Сибири, Севера и Дальнего Востока объединились нынче в Ассоциацию. Хоть минимум, но внимание к ним есть. А другие, тоже малочисленные, нигде не учтенные? В основном все они тюркского корня. Оттого их по привычке именуют, как это повелось еще с царских, воеводских времен, татарами. Сибирские татары рассыпаны по всем областям Западной Сибири. Это коренное население, искони проживающее здесь. Именно эти народы называли Сибирь своим Отечеством. С ними встретились первые русские казаки, перейдя Уральский хребет 400 лет назад. В Тюменской области, на территории бывшего Сибирского ханства, татары образуют компактные группы. Они по сей день представляют собой особый этнос, отличающийся от основных, поволжских татар.

Мы часто говорим правильные слова об уважении наций друг к другу. Но ведь коренное население этих мест наименее изучено по языку, культуре, традициям. Взять, к примеру, барабинцев, проживающих в Новосибирской области, "чулымцев" в Томской области. Не так давно в Новосибирске проходил "круглый стол" по национальным проблемам Сибири, и выяснилось, что никто не интересуется этими позабытыми народами. Вакуум, образованный партийными и советскими организациями, заполнила церковь: мусульманами занимается мечеть, протестантами — кирха, католиками — костел, а так называемыми язычниками — шаманы. Никто не отрицает роли любой религии в воспитании нравственности, и, однако, только ли ею должно определяться влияние на души наших современников?... Ответ, как говорится, излишен...

А многие ли знают о шорцах? Искони живут они на Северном Алтае и всегда почитались замечательными металлургами, мастерами кузнечного дела. Оттого их земля и прослыла "кузнецкой". Однако, то, в каком состоянии оказались шорцы, трудно поддается объяснению. Сами шорцы желали объединиться с единоплеменными алтайцами, получившими автономную область в начале 20-х годов. Объединение не состоялось, шорцы были выделены в особый национальный район, правда, в рамках тогдаш-

него Западносибирского края, так что надежда на последующую интеграцию еще сохранялась. Но в 1937 году единый Западно-Сибирский край был расчленен на Новосибирскую область и Алтайский край. А в край, не спросив ни сам народ, ни местное руководство, включили Ойротскую автономную область. А шорцы остались в составе Кемеровской области. С тех пор появилось и название народа — шорцы, хотя это имя всего лишь одного из крупных родов абаларов.

Ныне коренное население под этим именем — шорцы — насчитывает около 20 тысяч человек. Однако демографическая ситуация вызывает глубокую тревогу. Не только родовая тайга шорцев, но и прекрасные реки стали жертвой бездумного индустриального освоения, приведшего и их, коренных насельников, как и все население Кузбасса, к экологической трагедии.

Не числится на этнической карте Южной Сибири и небольшое племя телеутов, — оторвавшейся ветви алтайцев. Хотя они живут на той же территории, где их предки охотились еще на мамонтов. Остались ли еще среди них охотники?... Как же быть с этими субэтносами? Подключить к соседним хакасам или алтайцам, как более или менее благополучным, поскольку существуют аналогичные автономные области? Или разумнее было бы все-таки воссоздать для шорцев и телеутов автономные районы?...

Припоминаю, лет десять назад, когда я занимался в аспирантуре Института востоковедения АН СССР, на одной из встреч подошли ко мне американские тюркологи из Индианского университета, специализирующиеся на изучении урало-алтайских народов и их языков. Спросили на моем языке: "Вы человек Алтая или человек Леса?"". Тем самым они хотели узнать, к какому алтайскому этносу я отношусь — к таежному, охотничьему или же к алтайскому, скотоводческому. Поинтересовались, учатся ли в Москве студенты или аспиранты из числа шорцев. По утвердительному или отрицательному ответу вполне можно было представить себе современное положение народа, его нынешний культурный уровень, а также степень ассимиляции. Американским тюркологам было уже известно то, что стало осознаваться нашей общественностью лишь спустя годы, после начала перестройки. Но до конца ли?

А ведь свои проблемы у ингерманладцев, ижорцев Ленинградской области и Карелии, тофаларов Саян, греков Донецкой области, крымчаков и караимов Литвы и Крыма, памирских народностей — ваханцев, язгулемцев, сарыкольцев Горного Бадахшана, агулов и рутульцев Дагестана, коми-пермяков и других....

И других. Сколько их? Подумаем же о них.

Ведь Россия, великая Русь для всех нас — и родина, и семья. И только осознание всеми нами этой российской открытости, российского двуединства, наконец, российского суперэтноса позволит нам правильно строить жизнь.

Газета "Литературная Россия",
22 декабря 1989 года

О ЮБИЛЕЕ ЭПОСА "ГЭСЭР"

Заместителю председателя правления СОЮЗА писателей Бурятской АССР тов. Б.С.ДУГАРОВУ

Уважаемый Баир Сономович!

Бюро Горно-Алтайской писательской организации СП РСФСР всецело поддерживает Вашу замечательную инициативу о праздновании 1000-летия великого эпоса "Гэсер", являющимся продуктом гения монгольских народов. Нашу точку зрения по этому поводу разделяют и Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

В этом огромном по своей общественно-политической и культурно-исторической значимости мероприятии должны безусловно принять участие творческие и научные круги и всех других народов, входящих в центральноазиатский эпический ареал. На наш взгляд, необходимо значительно расширить участие в праздновании юбилея "Гэсэр" монголистов-фольклористов из зарубежных стран, не только МНР, например, венгров, японцев, ученых из Внутренней Монголии, Тибета, Синьцзяна, где также бытует "Гэсэр".

Алтайский эпос генетически и структурно, а также по идейно-тематическим мотивам довольно близок к бурятскому эпосу,

да и в стадиальном отношении они составляют наиболее архаичные пласты эпоса тюрко-монгольских народов. С алтайской стороны в свое время убедительные разработки в этом плане осуществлены выдающимся сибирским эпосоведом, ныне покойным доктором филологических наук С. С. Суразаковым. Мотивы "Гэсэра" имеются во многих алтайских эпических сказаниях. Очевидно, на Алтае бытовала своя версия "Гэсэра", о чем свидетельствует наличие в эпическом сознании алтайцев могучего персонажа. "Кезер Боодо". К сожалению, версия эта своевременно не была записана и, быть может, утеряна безвозвратно. Невосполнимая для всех нас утрата!

"Гэсэр", конечно же, намного старше скромного возраста одной тысячи лет, если не еще на одну тысячу лет.

И, тем не менее, мы будем рады принять активное участие в чествовании "Гэсэра" с тем, чтобы достойно и широко отметить сей прекрасный юбилей.

Руководитель Горно-алтайской писательской организации Б. Бедюров, 1988 г.

ЧТО ПРАВИТ АМЕРИКОЙ

После продолжительного визита в составе делегации писателей России из Соединенных Штатов Америки вернулся директор Горно-Алтайского книжного издательства Б. Я. Бедюров. Бронтой Янгович охотно согласился поделиться впечатлениями с читателями нашей газеты.

— Кто организовал эту поездку?

— Литфонд РСФСР, который был создан чуть более года назад. Одна из многих его инициатив — обмен писательскими организациями в рамках международного сотрудничества. Первый такой обмен уже состоялся нынче. В августе Россию посетила делегация американских писателей. В сентябре в Америку отправились россияне. Литфонд РСФСР не имеет валютных средств, но располагает широкой сетью своих организаций и учреждений.

Плюс дома творчества, книжные лавки. Поэтому средства нашлись. Цель таких визитов — установление творческих контактов между представителями гуманитарных кругов разных стран, писателями.

— Несколько слов о российской делегации.

— Ирина Стрелкова, председатель президиума Московской организации Литфонда, Яков Козловский — поэт, переводчик. Сибирь представляли Виктор Потанин из Кургана и я.

— Бронтой Янгович, я понимаю, сколь банален вопрос "ваши впечатления?" и сколь он сложен. Ведь Америка многолика. И все-таки... Писатель воспринимает мир по-особому. Интересно, какой увиделась великая держава вами?

— Америка трудится. Переполненные полки магазинов, безукоризненный сервис, автомобильная феерия, чудеса техники, градостроительство — словом, все создано трудом простых тружеников, министров, парламентариев, ученых. В этом мы могли убедиться благодаря очень насыщенной разнообразной программе, предложенной нам. Четыре дня — Нью-Йорк, три дня в Вашингтоне, неделя в штате Вирджиния, на Атлантическом побережье, в Доме искусств (это что-то вроде наших Домов творчества).

Начнем с Нью-Йорка. Мы побывали в национальном центре искусств, где состоялась встреча с русскоязычной, в основном, общественностью города, в знаменитом "Метрополитен-музеум", где экспонировались сокровища наших курганов из коллекции Эрмитажа. Искусство алтайцев-кочевников представлено в разделах "Иран" и "Древний Китай". Там я познакомился с коллекционером ковров. Он утверждал, что имеет подлинный ковер из Пазырыка. Меня поразило множество буддийских памятников, зал-храм Древнего Египта. Да-да, весь целиком завезен сюда. И, как заверили, это единственный подобный экспонат в мире. Посетили мы здание ООН, просто поездили по городу, увидели разные его ипостаси. Нью-Йорк действительно многолик.

— Не опасно ли вечером бродить по Бродвею?

— Нет. Мы чувствовали себя спокойно и на Бродвее, и в Гарлеме. Некоторую тревогу испытали в знаменитой подземке. Но в гигантском городе-мегаполисе хорошо работает полицейская

служба. Нью-Йорк — это мосты, небоскребы. Поражает созидательная мысль человека. Ну и, конечно, нельзя не отметить изобилие товаров в магазинах. Видя это, больно было вспоминать нашу страну, пустые прилавки. Наш лозунг "все для человека" претворен у них. Но все это не свалилось с небес. Все производится руками американцев. Люди там не митингуют, а работают. В будничный день на улицах мы не видели праздно гуляющих. Вообще пусто. Все работают.

— Что же это за феномен — американцы?

— Больше всего, конечно, поражают именно люди. Жители этой страны при всей своей деловитости — очень открытые, доброжелательные, доверчивые. Не увидели мы грустных лиц, злых взглядов, не услышали грубых слов. Ни в ресторанах, ни на улицах, ни в магазинах. Многие американцы — выходцы из России, русские в третьем, четвертом поколении. И они гордятся своим происхождением, как все живущие здесь, — китайцы, немцы, мексиканцы. Нью-Йорк — многонациональный город. Но никакого антагонизма мы не заметили. Может, плохо смотрели?

— И все же в Америке правит доллар?

— Доллар — просто деньги. В первую очередь закон, нравственные принципы.

— По данным социологических опросов, американцы мало читают.

— Да, в домах мало книг. Но все охотно пользуются публичными библиотеками, связаться с которыми можно сидя дома, с помощью компьютера. А то, что советский народ один из самых читающих в мире, по-моему, уже неверно. Американцы очень культурны. Очень просто одеваются. Ни золотых колец, как у наших женщин, ни жемчужных ожерелий. Американцы поняли, что технократическое общество, которое ставит своей целью безудержный рост материального благополучия, рано или поздно оказывается в тупике. Неслучайно, я думаю, большой интерес проявляют американцы-интеллектуалы ныне к индейской мифологии и духовности.

— Но в чем выражается примат нравственных принципов?

— Американское общество вообще довольно консервативно в хорошем смысле слова. Оно чтит семью. Американцы очень патриотичны: на многих домах висит американский государствен-

ный флаг. И обязательно он есть в каждом офисе. Воспитывая детей, американцы стремятся дать им прежде всего хорошее образование. Обеспеченные родители предпочитают отдать ребенка в приватный колледж. Представьте себе, в Америке есть институт благородных девиц, где воспитанниц обучают хорошим манерам, езде на лошади.

— Так, получается, свобода нравов в Штатах — миф?

— Безусловно, "масскультура" существует. Государство мирится с ее существованием, но не поощряет. В номере мы крутили разные каналы телевизора. Их — множество. Однако нигде не увидели сцен насилия, секса, террора. Нигде, ни по одному из общенациональных телеканалов, уверяю вас. Американские коллеги недоумевали: как можно демонстрировать на всю страну фильмы, которые рядом с детьми смотреть неудобно? Так что в отношении "порнухи" мы их превзошли. Причем за такое короткое время. "У вас не демократия, а анархия", — говорили нам американцы. В США же есть свобода и строго определенные обязанности.

— Что вы скажете об экологии? В Америке эта проблема стоит достаточно остро.

— Да. Но в Нью-Йорке воздух чище, чем в Москве И небо голубее. Нет смога, хотя и машин, и заводов хватает. Среди каменных кварталов повсюду разбиты сады. Они являются частными, посажены по доброй воле жителями близлежащих домов, ими же и охраняются. Я видел в этих парках в центре Нью-Йорка белочек. По дороге в Колорадо, куда я отправился по частному приглашению, встретилось стадо антилоп.

— Как видно, характеристика дореволюционной России — "мощь, богатство, счастье" — в полной мере подходит к Америке конца XX столетия. Но что вам запомнилось еще, Бронтой Янгович?

— Совершенно неожиданно моя поездка продлилась еще на неделю. По приглашению Ханны Стронг, президента Службы ООН "Возрождение ресурсов Земли", я побывал в штате Колорадо, в долине Бака на юго-западе штата, где она создала духовно-культурный Центр. Надо сказать, что с Ханной Стронг мы уже были знакомы. Вместе с лидерами ассоциации "Мир через куль-

туру" она посещала Горный Алтай. Предлагалось воплотить идею Рериха о строительстве Звенигорода — духовного начала всех культур — в Уймонской долине.

Зная глобальные планы Валентина Сидорова, президента ассоциации, и увидев долину, она не поддержала его. Почему? Это я понял, встретившись с Ханной в Америке. Представители американской интеллигенции, с которыми я встречался в Колорадо, считают, что допускать коммерсантов в Уймонскую долину нельзя. Это должен быть культурный, духовный центр. Такой, какой создали они в долине Бака. Долина эта раскинулась высоко в горах. Там на лоне девственной природы выстроены буддийский и индусский храмы, православная, баптистская церкви, индейское капище. Одним словом, это собрание мировых культур и религий, всех ее течений и толков. И без всякого ущерба природе. Не допускается никакая предпринимательская деятельность. В долину собираются ученые, писатели, философы со всего мира. Жителей двести-триста человек, их пришлые интеллектуалы, безусловно, никоим образом не притесняют. "Вот так должно быть и на Алтае", — говорили мне американцы. "Алтай — природная святыня, — считают они...

— И является всемирным наследием"

— Они имели в виду список всемирного наследия, в который занесены 288 памятников в 65 странах, имеющие мировую ценность! В 1972 году ЮНЕСКО приняло Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия.

— Ханна Стронг предложила мне начать работу по регистрации нашего региона в качестве такого памятника. Комитет ООН по окружающей среде и комитет по делам коренных народов мира могут оказать нам безвозмездную помощь в развитии и охране Горного Алтая. Получив статус заповедной зоны, мы оградим свою землю от бездумного расхищения.

— Но нам уже предложили безвозмездную помощь рокфеллеровского фонда по созданию эколого-экономической зоны.

— Эколого-экономическая зона — это и есть та самая предпринимательская деятельность на кабальных, не выгодных для жителей Горного Алтая условиях, от которой предостерегали меня в Америке. Это удавка на нашей шее. Как можно было на-

шим депутатам голосовать, не зная, что это такое? Человек, который любит свою родину, никогда не допустит к ее воротам пожар. Я имею в виду этот эколого-экономический эксперимент. "Вы не представляете, что такое капитал. Вы что, хотите разорить свою землю?" — говорили американцы.

— Значит, доллар в Америке все же правит?

— Да, но закон превыше всего. А закон в Америке охраняет ее историю и культуру.

Беседу вела С. ВЛАСОВА.
Газета "Звезда Алтая", №227 от 27 ноября 1990 г.

СОВЕТСКИЙ НАРОД СУЩЕСТВУЕТ

28 ноября 1990 года в Москве, в Кремле состоялась встреча Президента СССР М. С. Горбачева с деятелями культуры страны, на которой шел разговор о роли культуры в общественной жизни, о влиянии творческой интеллигенции на судьбу перестройки в ее крутой, переломный момент. Публикуем интервью с участником этой встречи Б. Я. Бедюровым.

— Бронтой Янгович, Президент СССР не впервые встречается с представителями творческой интеллигенции страны как, впрочем, и других слоев нашего общества. Каковы, на ваш взгляд, мотивы и задачи данной встречи? Кто был ее инициатором?

— Сам Президент пожелал встретиться с работниками творческих союзов, именно с теми, кто создает культуру. Присутствовали представители, если не ошибаюсь, шести творческих союзов. Идея проведения такой встречи возникла еще два месяца назад на встрече Президента с московскими деятелями культуры, скажем так, верхушкой творческой интеллигенции. Сегодня он решил привлечь деятелей культуры со всей страны, со всех республик.

Такая встреча назрела давно. Ее надо было проводить раньше. За пять с лишним лет М. С. Горбачев неоднократно встречался с представителями творческой интеллигенции. Но меня не

покидало ощущение, что собирали туда некую "элиту элиты". Многие из них — люди уже старой генерации, даже не брежневские — они восходили еще при Хрущеве. А перестройке нужны новые силы. Мне кажется, она не нашла своих приверженцев в лице творческой интеллигенции. Самозванные "прорабы", так сказать, которые сами себе присваивают этот титул, — не в счет. На каком-то этапе перестройки (а ведь она задумывалась как благое дело, как перевод нашего государства в качественно другое состояние) к ней, полагаю, примазались совершенно другие силы. Во всяком случае, если и не подменили, то достаточно приложили сил для этого.

Я понимаю, что назад у нас пути нет, и в обществе это достаточно понимают. В истории не бывает пути назад. Но кое-какие коллизии, ситуации повторяются — у истории надо учиться. Через болото часто только один путь — вперед, и надо идти по этой зыбкой почве. И мы должны пройти.

Я был на этой встрече, пожалуй, единственным представителем так называемых малочисленных народов Советского Союза. Да и одним из немногих представителей более молодого поколения. А жаль. Очень много имеется у нас смелых и сильных людей, которые находятся на окраинах, в глубинке. Все эти люди пока, к сожалению, к активной созидательной деятельности не привлечены. А вместо этого вовлечены в вакханалию, в безумства. И в этом, конечно, сыграли не лучшую роль средства массовой информации. Я говорю не о всех, а о тех, которые ведут сознательную политику на подрыв устоев, на разрушение нашей великой государственности, что, конечно, претит подавляющему большинству советского народа.

— Вы сказали "советского народа"? Кажется, сегодня многие историки и политики отказываются от этого понятия.

— Я думаю, советский народ существует, как бы это ни пытались отрицать, потому что мы объединены единой историей, общностью жизни в единой семье. Как бы то ни отрицали, это существует. Потому что, даже когда распались обручи единой идеологии, скреплявшей, цементировавшей нашу единую государственность, мы, работники культуры, озираясь, оглядываясь друг на друга, откуда бы мы ни приехали, все-таки чувствуем, что есть у нас нечто общее, объединяющее, от чего мы при всем желании

избавиться, отказаться не сможем. Как бы кому-то этого не хотелось. Я думаю, что попытки расчленения нашего государства, которые возникли и возникают в республиках, опираются на определенные процессы, определенные силы и здесь, в центре, они отсюда разжигают страсти, раздувают пламя межнациональных конфликтов.

— Как вам показалось, Президент ясно видит цель и дорогу перестройки или нас опять ждет метод проб и ошибок?

— Мне показалось, что он достаточно ясно высказывается по этому поводу. Он говорит, что есть вещи, на которых мы должны стоять. Он так и прямо сказал: есть тот последний окоп, как под Сталинградом, под Москвой, дальше которого мы отступать не можем. Он высказал твердую приверженность социалистической идее. И смыслом встречи было то, что он призывает нас как раз к ее поддержке.

Вся беда в том, что под перестройкой различные политические силы понимают разные цели. Если перестройка замышлялась как благое дело, как переход в новое качество, то на каком-то этапе к этому движению, к этим идеям примешались другие. Появились новоявленные "демократы", которые опять топором, ценой крови хотят загонять людей в демократию, опять готовы устроить кровавую баню.

Я считаю, что не может быть демократии без сильной государственности. Нельзя подтачивать устои государственности, тем более в такой многонациональной, такой громадной державе, как наша. Если не будет самого государства,, если не будет такого понятия, как великий советский народ, который создал державу, сломал хребет фашизму, если он разбредется по разным национальным квартирам, станет требовать от правительства только хлеба и зрелищ — ради чего тогда демократия?

Народ тоже должен задумываться о своей судьбе, не ждать манны небесной, не ждать, когда ему дадут хлеба, а работать. И когда народные депутаты разглагольствуют на различных уровнях только о том, как накормить страну, я считаю так: да, накормить страну надо, но пусть это не будет стратегической самоцелью. Ни одно общество не может жить без социальных ориентиров, без

идеалов. Не может ни одно общество куда-то двигаться, если оно не имеет своей яркой выраженной мечты, охватывающей всех, своей мега идеи.

Чем мотивировались деяния, поступки людей предыдущих поколений, наших отцов и дедов, которые голыми руками строили и созидали? Тем, что у них была светлая мечта. Сейчас мы называем ее иллюзорной, а новой предложить не умеем.

— Безусловно. Безусловно, нужно было, прежде чем идти в большое наступление, подготовить необходимые силы, резервы, смотреть, оценить все имеющееся хозяйство: государственное, политическое, экономическое, духовное, культурное. Мы же представляем собой целый космос народов. Мы фактически — одна шестая часть света. Советский союз — это и есть космос. Мы имеем различные человеческие культуры, историю, традиции. Сколько религий в нашей стране! Мы имеем все, фактически все, что есть у человечества. И надо, по-моему, было начинать с некой новой целостной, понятной и объединяющей всех идеи. Я не знаю, чем занимаются бесчисленные наши ученые — эксперты, обществоведы, академики, если они не могут ничего дельного здесь предложить. Ведь и правительство, и рабочий, и чабан, и сталевар, — все они нуждаются в простых и емких формулах, которые должны быть понятны и доходить до сердца каждого: что нужно сегодня сделать, что нужно делать завтра.

— Бронтой Янгович, как вы считаете, встреча будет иметь какие-нибудь определенные результаты?

— Принята декларация, которая обсуждалась нами. Суть ее в том, что ни одно государство не может успешно продвигаться куда-либо, если оно отдаст культуру на потребу коммерции и торгашеству. Были выступления, пронизанные тревогой, болью за Отечество. Были и полемические выступления уровня творческих внутрицеховых распрей. Это — тоже отражение политической борьбы, идущей в обществе, только в творческом преломлении.

Я бы не сказал, что мы разошлись после встречи удовлетворенными и довольными. Наоборот, уходили с чувством того, что этот разговор надо продолжить. Я думаю, что немедленно нужно собрать объединенный пленум творческих союзов, причем надо

собирать не только и не столько "аксакалов", а людей думающих, людей, которые должны отражать мнение не только элиты, а всех, потому что по крупице мы можем услышать очень много нового.

Сейчас, когда мы идем на прорыв, когда мы либо погибнем, либо прорвемся, свалку устраивать не следует. Если корабль имеет пробоины, нужно срочно заделывать эти пробоины, а не устраивать борьбу на ножах в трюмах и на палубах, когда капитан взывает о помощи. Надо всем вместе спасаться. Некоторые говорят, что хотят спастись в одиночку. Мне кажется, что когда мы находимся на одном корабле и ни челнов, ни лодок, чтобы отплыть всторону, у нас нет, мы можем спастись только вместе. А утонуть можем врозь. В этом смысле и нужно не только провести пленум, но и выработать на нем четкую стратегию действий. Потому что именно слово художника фактически подменяет сегодня идеологию.

Слово художника играет большую роль. Но слово может быть и словом любви, и словом ненависти, словом вражды. Как это слово будет использоваться, куда оно будет звать? И к чему оно направлено будет? Вот в этом суть.

Беседу вел майор И. ЯДЫКИН.
("Красная Звезда", 2 декабря 1990 г.)

АЛТАЙСКАЯ ИДЕЯ

(Радость взаимного узнавания)

Понадобилось очередное великое потрясение (стыдливо существующее под эвфемизмом "перестройка"), чтобы в который раз перед нами встали вечные вопросы: кто мы, откуда и куда держим путь? 73 года под гром литавр нам вещали об интернационализме, дружбе народов, стирании всех и всяческих граней и различий, об угрозе шовинизма, а в результате... За всей этой идеологизированной дымовой завесой скрывался голый король. Как оказалось, мы едва ли не меньше, чем в 1917-м, знаем друг о друге. А ведь, по меткому замечанию А. Гулыги, "дру-

жить могут народы с развитым чувством достоинства. В безликой толпе не дружат, только давят друг друга".

Некоторыми своими размышлениями на эти и другие близкие темы делится с читателями "Дня" алтайский писатель Бронтой БЕДЮРОВ, избранный на последнем съезде российских писателей рабочим секретарем правления СП РСФСР.

— Как вам должно быть известно, Бронтой Янгович, древние называли Алтай ключом ко всей Центральной Азии.

— Этнически мы находимся как раз между двумя мирами — тюрков и монголов. К нам забредали представители всех мировых религий. Наши предки приняли раннюю форму буддизма, постепенно переродившуюся в исповедуемый до сих пор пантеизм, есть приверженцы шаманизма, часть православные — результат работы Православной миссии в прошлом веке. И при всем этом Алтай, естественно, прародина, золотая колыбель всех тюрков. Мы являемся изначальным, корневым (не коренным, а именно корневым) тюркским этносом, который создал Великий Тюркский каганат, просуществовавший с середины VI до середины VIII века. Именно со времени его заката предки алтайцев навсегда отреклись от брани и войн, называя себя с тех пор "народом чистым и безобидным как жеребенок". В своем эпосе, фольклоре мы врагов никогда не именуем этнически, хотя сказители и слушатели, собравшиеся у костра под вековым кедром, прекрасно знали, о ком шла речь в том или ином сюжете. Кстати, у нас, как и у казахов, киргизов, калмыков и бурят, существовала родовая экзогамия — запрет жениться на девушках и женщинах своего рода, но у нас никогда не было эндогамии — запрета брака с людьми другой национальности.

— Это доказывает открытость вашего народа.

— И в этом мы очень близки русским. Алтайцы — один из тех народов, которые совершенно добровольно вошли в состав России. Сейчас много говорят о Союзном договоре, а у нас был Союзный договор с царским правительством. По нему вплоть до 1865 года наша территория была заповедной землей Кабинета Его Императорского Величества. Переселение в Алтай, а также промышленное освоение были строжайше запрещены. Сами русские,

поселившиеся на Алтае еще до присоединения к России, были рады очутиться в положении ясачных инородцев, освобожденных от рекрутской и других государственных повинностей. Интересно, что в других местах расселения алтайцев — Китае, Казахстане, Монголии — они как народ не сохранились: были, где истреблены, а где и ассимилировались, слились с другими племенами.

— Вот и верь после этого наигранному возмущению некоторых наших профессиональных "интернационалистов", до сих пор норовящих кинуть ком грязи в писателя В. Личутина, предложившего использовать опыт резерваций для сохранения малочисленных народов. Что же, по-вашему, кроме административной системы, позволило алтайцам сохранить свое лицо именно в России?

— В дореволюционной России русский человек, среди какого бы народа ни жил, как правило, был двуязычным. У нас на Алтае вы до сих пор найдете немало русских старожилов, замечательно говорящих по-тюркски, прекрасно знающих наши обычаи, хранящих предметы быта, которые даже в коренной национальной среде давно исчезли. Как видите, никакого принудительного обучения государственному языку, как это делается сегодня в республиках Прибалтики и Молдове, у нас не было и нет. Насильственное обучение языку не только вызывает справедливый протест, но и противоречит элементарным правам человека, создает условия для национального апартеида. Еще в 1976 году я встречался с эстонцами. "Нас так мало, — говорили они,— всего два миллиона, а тут такая громадина!" "Чего вы, — спрашиваю, — боитесь? Нас 70 тысяч. По сравнению с нами вы великий народ. У вас столько газет, журналов, свои радио, телевидение, вузы. Мы же, ничего этого не имея, не скорбим, живем с верой в лучшее". Нам бы не мешало понять, что все мы — русские и другие — жертвы советизации. В республиках же это предпочитают именовать русификацией. Но ведь это не совсем так. После революции на русских, как на самую многочисленную цементирующую нацию, было возложено, перефразируя известное выражение, бремя советского человека. Вот доносил он это бремя, пока не надорвался, пока собственный дом не оскудел. А ведь от этого стало всем плохо.

— Все, о чем вы до сих пор говорили, — составная часть Алтайской идеи, о которой недавно довелось услышать?

— Да, эта идея в основе всего сказанного. Дело в том, что в 1904 году произошло религиозное обновление мировоззрения нашего народа. Оно было связано, с одной стороны, с влиянием христианства, с другой — с остатками древней пантеистической традиции и, наконец, с влиянием буддизма, но уже в ламаистской форме. В результате синтеза этих трех элементов, обогащенных экологическими идеями, и родилась новая Белая вера, приемлемая для верующих всех исповеданий и национальностей. Законы Белой веры — беречь, терпеть, принимать окружающий мир и людей другой веры и культуры.

— "В разбросанных юртах, — писал побывавший на Алтае Н. К. Рерих, — шепчется легенда, что на реке Катуни произойдет последняя битва людей и что из-за далекой Белой горы сияет уже свет Белого Бурхана".

— Мне кажется, некоторые сокровенные знания не следует широко оглашать. В наших сказаниях немало тайн. К примеру, для того, чтобы победить злого богатыря, нужно отыскать его душу. Иногда я думаю, что душа народа или государства тоже может где-то укрываться, и вовсе не обязательно в своем историческом центре. Наверное, не случайно старая допетровская Русь утекла на Алтай в поисках Беловодья. Есть в этом некий сокровенный смысл. Таким образом, интерес к Алтаю Н. К. Рериха, его супруги, семьи и их последователей объясним и понятен: значит, наступают сроки, когда Алтай должен открыться. Становится понятным, почему о нашем народе, культуре и Алтайской идее целые века почти ничего не было известно. Мы находимся в духовном резерве планеты.

— Какие реальности вытекают из тюркского происхождения вашего народа?

— Сегодня, впервые после падения Великого Тюркского каганата в VIII веке, большинство тюркских народов объединено в составе СССР. Вы только представьте, что с тюрками Кавказа (карачаевцами, балкарцами и кумыками) мы расстались самое малое полторы тысячи лет назад, а с ногайцами — не менее 500 лет, никогда затем не встречаясь. И когда я без переводчика раз-

говариваю с любым тюрком (кроме чувашей и якутов), — вот это и есть подлинная радость взаимного узнавания.

— Алтайская идея и пантюркизм — есть ли какие-то точки соприкосновения у этих идеологий?

— Тюрки в Советском Союзе составляют вторую по численности и значительности этноязыковую группу после славян. Но вы обратили внимание: долгое время никто из тюркских писателей или политических руководителей об этом не смел и обмолвиться, хотя каждый и понимал... Правда, антропологически тюрки все разные: монголоиды, европеоиды, кавказоиды, ираноиды и т.д. — результат смешения с разными этническими группами. И религии у них разные: есть христиане (чуваши, хакасы, якуты, часть алтайцев), буддисты (тувинцы, алтайцы-ойроты), но большинство исповедуют ислам. Однако все относительно. Чокан Валиханов, например, пишет о киргизах: какие же это мусульмане, если они не знают даже имени Пророка? Казахи же, как известно, стали мусульманами под русской властью. Царское правительство, опасаясь проникновения буддизма, специально допустило в Казахстан мулл из Оренбурга и Казани. До сих пор у казахов ислам бытует в чисто внешней обрядовой форме. Иное дело оседлые народы — узбеки, татары. Таким образом, тюркский мир, как и арабский, представляет из себя сейчас осколки, стремящиеся к единству, но сегодня это нереально. Некогда племенные языки народов Средней Азии развились в национальные, а этнические группы — в самостоятельные нации. И вряд ли кто-нибудь из них пожелает поступиться достигнутым, а кроме того, не существует пока такой силы (народа-лидера), которая могла бы взять на себя объединительную миссию.

— Однако вспомните такие попытки начала 1920-х годов, исходившие, правда, извне?

— Подобно панславизму, пантюркизм тоже можно понимать по-разному. Для малочисленных и разрозненных тюркских народов пантюркизм всегда был живительной идеей, помогавшей им выстоять, выжить в трудные годы, особенно в эпоху сталинизма, когда каток унификации проходился по мозгам и миллионам жизней. Пантюркизм же, который предлагали из Турции, это совсем другое. Создание Великого Тюркского государства с цент-

ром в Турции для тюркских народов, живущих в России, — это неприемлемо. Никто из советских тюрок не желает оказаться на периферии мусульманского мира.

— Нужно считаться с реальностями: у нас существует исламофобия, боязнь нарушения веками сложившегося равновесия. Пока что немногие в состоянии понять, что сохранить наше государство могут только две исторически не очень дружественные идеологии.

— Уверен, что должен возникнуть симбиоз, дуализм. Наша общая задача сегодня — создать, образно говоря, катамаран, который не сможет опрокинуть никакая волна. Когда в 1976 году О. Сулейменов выдвинул идею единства Руси и Степи, общественное сознание еще не было готово принять ее. Но сегодня мы к этому подошли вплотную. И особенно хорошо это понимает выдающийся ученый Л. Н. Гумилев. Что касается исламофобии, то истоки ее понятны: ощущение чего-то неимоверно огромного, непонятного, колышащегося в легко уязвимом, якобы, подбрюшье. Но самое время отказаться от стереотипов: ислам исповедуют народы разных культурных, этнических и языковых корней. К сожалению, никто из нас, сосредотачивая внимание на различиях, серьезно не задумывается над смыслом соединяющего нас единого евразийского пространства. Ведь нынешние границы страны — это естественные геополитические пределы: Россия расширялась до тех пор, пока не уперлась в твердыни Гиндукуша, Тянь-Шаня, Алтая, пока не вышла к Тихому океану. Наконец, мы объединены традициями вековой государственности. Причем русские этого тоже не понимают, не заглядывая глубже Киевской Руси. Но ведь она возникла не на пустом месте. Ведь был и Великий Тюркский каганат, простиравшийся от Хингана и Маньчжурии до Дуная, объединяя многочисленные народы на всей этой огромной территории. А еще раньше существовала держава Хунну, противостоящая Китаю, Византии и Ирану. А скифская полиэтническая общность? Единый исторический процесс, единое духовное пространство. Ф. И. Тютчев это прекрасно понимал. Почитайте его блестящие статьи "Россия и Германия", "Россия и революция", переизданные недавно после длительного перерыва. И если сегодня наши христиане, мусульмане, буддисты, предста-

вители других религий объединятся вокруг идеи Отечества, я буду считать, что осуществляется Алтайская Идея, идея, приемлемая для всех.

Записал С. ФОМИН.
"День", № 2, февраль 1991 г.

О НОГАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

367025 Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
Союз писателей Дагестана,
Председателю правления,
поэту РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ
357100 Черкесск, ул. Международная 33–24,
творческое объединение ногайских литераторов,
члену правления СП РСФСР ИСЕ КАПАЕВУ
Копии:
в редакцию газеты "Ленин йолы" —
357100 Черкесск, Дом Печати,
главному редактору МУРАДИНУ БИЮКОВУ
Махачкала, Дагестанское РАДИО,
Редактору ногайских программ АНВАРБЕКУ КУЛТАЕВУ

Уважаемые товарищи, собратья по перу и духу! Внимание Бюро Совета национальных литераторов СП РСФСР привлек сборник ногайской классической поэзии "Оьсиет", выпущенный в свет Дагестанским книжным издательством в начале текущего года, о чем поведала обстоятельная рецензия в газете "Ленин йолы" (№ 69 от 27 июня 1991 г., автор С. Рахмедов). Выход такого издания на языке ногайлинских тюрков — одного из числа полузабытых было народов в РСФСР — это, несомненно, примечательное явление в культурной жизни могучего, многонационального Дагестана в это столь сложное, неординарное время, когда семена зла и раздора буйно восходят в опостылевших и ожесточившихся душах людей, отвернувшихся от всевышних истин добра и братства, согласия и милосердия. Оттого и радостно вдвойне сквозь информационную лавину, в бурном потоке собы-

тий углядеть, приметить выход столь редкостной книги. Не следует ли продумать нам всем вместе о достойной презентации таких изданий не только на местах, но и в Москве?

Просим также от имени Секретариата СП РСФСР передать наши поздравления ногайским товарищам, дагестанским книгоиздателям, предпринявшим издание этого собрания сокровищниц бессмертного народного духа, а малый тираж /1500 экземпляров/ лишь увеличивает необычайную ценность книги. Особо приветствуем составителя книги — ученого-филолога Ашима Имам-Мазем улы Сикалиева, известного мастера, художника Сраждина Батырова.

Отрадно видеть, как оживает — после длительного забвения и анабиоза — старинное ногайское слово, а новое поколение ногайского народа обретает заново нетленное наследие предков — замечательных златоустов и мудрецов. Предполагаем необходимым надеяться, что в не столь отдаленном будущем увидим переводы поэзии средневековых ногайских классиков и на русском языке, с тем чтобы ввести в широкий художественный оборот для российских читателей.

И, в заключение, просим Вас своевременно знакомить наш Национальный Совет со всеми литературными, фольклорно-этнографическими, историческими и духовными новинками на всех языках ваших братских народов.

С пожеланием творческих высот,

секретарь правления,
председатель Бюро Совета национальных литератур
Б. БЕДЮРОВ.
Москва, Март, 1991 г.

ПРОДАВЦЫ "ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ"

О проблемах охраны памятников культуры и истории Горного Алтая рассказывает секретарь правления Союза писателей РСФСР, поэт Бронтой **БЕДЮРОВ.**

Как известно, Горный Алтай является огромным некрополем, своеобразной археологической сокровищницей. Голубые долины Алтая сплошь усеяны курганами, которые были сооружены древними племенами. Многие из них, закончив фазу своего исторического существования, давным-давно сошли с исторической арены, а другие продолжают жить в том же ареале, составляя сегодня современный алтайский народ. Начиная с эпохи ранних кочевников оледенелые курганы Алтая составляют собой царские некрополи этнических общностей, последовательно населявших всю степную полосу Евразии. Благодаря вечной мерзлоте в этих курганах прекрасно сохранились в течение более двух с половиной тысячелетий настоящие сокровища — произведения искусства — выполненные в так называемом "зверином стиле", предметы культуры и быта алтайских "скифов" и хуннов — предков всех тюркских народов. Раскопки этих курганов, осуществленные отечественными учеными, привели к возникновению целой науки.

В России первые находки этой эпохи стали известны во времена Петра Первого. По его повелению редкие вещи — изделия из курганов с изображениями зверей, птиц — доставлялись в Петербург, в столицу. Знаменитый сибирский купец, горнозаводчик А. Демидов преподнес в подарок Петру Первому находки — золотые изделия, произведения искусных мастеров древности, представляющие собою верх совершенства.

Эти курганы раскапывались своего рода грабителями, так называемыми "бугровщиками", которые искали золото в древних захоронениях. Поэтому теперь трудно установить, в каких конкретно курганах находились те или иные сокровища. Но несомненна их принадлежность к приалтайским степям и предгорьям.

Крупные археологические открытия были сделаны в прошлом веке знаменитым академиком В. В. Радловым, потом были продолжены целой плеядой русских ученых-археологов. В советское

время мировую сенсацию произвели раскопки С. И. Руденко, который в конце 40-х — начале 50-х годов раскопал Пазырыкские и Башадарские курганы. Его находки ныне экспонируются в основном в Эрмитаже, в разделе "Древний Алтай". В этих же Пазырыкских курганах был найден самый древний в мире ворсовый ковер, колесница, ныне неизвестные музыкальные инструменты, к примеру, типа арфы, саркофаги с поразительно сохранившимися мумиями и масса прекрасных по своему художественному вкусу и совершенству изделий.

Но, к сожалению, не только С. И. Руденко, но и М. П. Грязнов, С. В. Киселев, ряд других советских археологов отчасти из-за несовершенства методики раскопок, отчасти из-за трудоемкости работ, а более всего из-за пренебрежительного отношения к нашей духовной и материальной культуре, грабительски раскапывали эти курганы, ничуть не считаясь с чувствами народа — исконного насельника этой земли и законного наследника этой культуры. Курганы раскапывались подобно сурочьим норам, нетронутые тленом веков трупы лошадей, редкостной, ныне неизвестной породы, выкидывались на съедение волкам и лисам. Бревна из могильных срубов выбрасывались и разбрасывались — археологов интересовали лишь материальные ценности. Пользуясь некомпетентностью местных властей и отсутствием тогда собственных научных кадров на Горном Алтае, иные именитые археологи вывозили за его пределы находки без контроля и учета. Особенно это практиковалось в последнее десятилетие. Говорят, что под Новосибирском, в Академгородке, иные археологи украсили свои дачи бесценными каменными изваяниями — скульптурой древних тюрков. Я хорошо помню с детских лет (в 50-х годах) на полях целые комплексы каменных изваяний. Теперь их нет.

Кроме того, буквально в последнее время стало известно, что была налажена археологическая контрабанда: бесценные находки — каменные изваяния и другие предметы из археологических раскопок — вывозились за рубеж. В прошлом году в Нью-Йорке, на одной из встреч, ко мне подошел коллекционер древних ковров. Он представился и сообщил, что является владельцем ковра из Алтайских курганов. Я сказал, что этого не может быть, поскольку единственный такой (и древнейший в мире!) ковер нахо-

дится в Эрмитаже. Он ответил, вы не помните, но был найден ведь не один ковер, а несколько. Так каким же образом этот ковер попал в руки заокеанского коллекционера — профессора и ценителя древнего искусства?

Итак, долгое время вся территория Сибири, особенно ее южная часть — Хакасия, Тува, не говоря уже о Горном Алтае, Минусинской котловине, Прибайкалье, — является монопольной территорией, на которой вольготно распоряжаются, хозяйничают археологи Сибирского отделения Академии наук. Сейчас же, в период смуты, развала и хаоса, даже почтенные археологи превращаются в определенного рода международных дельцов. Они заключают с местными — сельскими! — властями, как правило, липовые соглашения, а поскольку местные власти, которые, кроме заботы о трех вещах — мясе, молоке и шерсти, — об ином, недвижимом богатстве, не задумываются, то, не ломая долго голову, охотно отдают заезжим археологам бесценные курганы, находящиеся на их территории.

Местному населению отводится роль сторонних наблюдателей, своего рода зевак или же подсобных рабочих.

То, что в последние годы археологи начали развивать международное сотрудничество, вначале имело, конечно, благие цели. К памятникам Алтая проявляют огромный интерес ученые из Южной Кореи, Китая, Японии, Монголии, в США, ЮНЕСКО... Казалось бы, все это должно вызывать гордость и радость. Ан нет, и если всерьез подступиться к проблеме, то подобная эйфория быстро сменяется глубокой печалью и озабоченностью по поводу нашего Алтайского Дома.

Так, директор Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР академик А. П. Деревянко заключил соглашение с японскими археологами о проведении совместных раскопок последнего нетронутого древними грабителями кургана царского типа в священной Каракольской долине, там, где сорок лет назад производил раскопки С. И. Руденко (теперь эта работа поручена группе члена-корреспондента АН В. И. Малодина). Ясно, что японцы, снабдив новосибирских археологов новейшей археологической техникой, захотят получить нечто солидное взамен. Но нужны ли японцам советские рубли? Так чем

же будет это "нечто"? Однако дельцы от науки не учли того, что общественность Горного Алтая пробудилась и намерена не только сохранять свои культурные и исторические ценности, но и возвращать их законному хозяину.

Мы помним, что в связи с предполагаемым строительством Катунской ГЭС неоднократно ставился вопрос о судьбе археологических памятников в Прикатунской долине. Тогда археологи высказывали свою глубокую озабоченность по поводу судьбы бесценных археологических памятников Горного Алтая. Они прекрасно знают, что археологические памятники Прикатунской долины находятся в ужасающем состоянии, поскольку более девяноста процентов их уже сильно разрушено в результате воздействия антропогенного фактора. Поэтому независимо от того, будет строиться ГЭС или нет, они нуждаются в экстренных спасательных работах. Так почему же новосибирские археологи пошли по сомнительному пути компрадоров от науки и вместо спасения аварийных памятников пытаются переключиться на раскопку царского кургана — памятника, который сохранился в течение более двух с половиной тысяч лет и которому и в ближайшие годы ничто не угрожает?

Двадцать седьмого апреля 1991 года в селе Кулада в Каракольской долине состоялся митинг местного населения, посвященный судьбе этого кургана. Местные жители, многие из которых участвовали сорок лет назад в раскопках других царских курганов в урочище Башадар, в один голос заявили о недопустимости раскопок. Их поддержала научная и творческая общественность Горного Алтая. Прослышав о митинге, туда прибыл академик А. П. Деревянко. Поначалу, мило улыбаясь по поводу потешной затеи местных "аборигенов", он пытался, как пришелец из небесных миров, вразумить несмышленышей. Однако по мере оживленного обмена мнениями почтенный академик понял, что тут лапшу на уши людям не навешаешь, как это обычно проделывали ловкие археологи на огромных пространствах Сибири. Такие люди очень любят поговорить об общечеловеческом наследии, ссылаться на общечеловеческие ценности. Но очевидно, что ценности общечеловеческого значения принадлежат прежде всего самому народу, который является хозяином своей земли, един-

ственным ее сувереном. На митинге было принято постановление не разрешать раскопку кургана. А. П. Деревянко не рассчитывал обнаружить столь высокое сознание среди местных жителей, и ему пришлось ретироваться с постановлением сессии Куладинского сельсовета, поддержавшей решение, принятое на митинге. Но на этом борьба не заканчивается, потому что академик может подыскать в других местах Горного Алтая более покладистых "местных жителей", и те не смогут оказать должный отпор.

Местные жители сказали А. П. Деревянко: если хотите, то езжайте, раскапывайте могилы собственных предков. Дело в том, что народ относится к курганам не только как к археологическим памятникам, но и как к могилам своих предков. Такие раскопки считаются святотатством. Академику был также задан вопрос и о каменных изваяниях...

Люди знают, что после археологов остаются развороченные могилы, ямы, что они проявляют грабительское отношение к памятникам истории и культуры.

В год сорокалетия Победы, в 1985 году, местные жители еще раз могли убедиться в этом. Тогда в устье Каракольской долины сооружали обелиск, посвященный памяти воинов, не вернувшихся с фронта. При этом совершенно случайно был обнаружен художником В. П. Чукуевым курган. В это же время неподалеку находилась партия новосибирских археологов, их пригласили на осмотр, и они, сами того не ведая, не ожидая, сделали открытие мирового значения эпохи энеолита, синхронного эпохе Египта Раннего Царства. И как, думаете, "поделились" бесценными сокровищами с хозяевами этой земли археологи? Все могильные плиты были раскопаны и вывезены в Новосибирск. В Горном Алтае была оставлена только часть плит, а именно такие, на которых не имелось никаких надписей. Фотографии же вывезенных плит Каракольскому школьному музею археологи, рассказывают, уступили только за деньги, несмотря на то, что раскопки проводились на территории самой этой школы, а ведь в этих тяжелых физических работах участвовали школьники. Так поступает археолог, который сделал себе мировое имя на этих раскопках!

Кроме того, здесь есть еще один момент. На митинге выступила хранительница древних обычаев и сокровенных знаний, це-

лительница Тана, которая сообщила, что ее дед, всем известный в долине провидец Ада, скончавшийся в начале 50-х годов, завещал потомкам ни в коем случае не трогать именно этот курган в урочище Нижнее Сору, поскольку в недрах этого кургана таится величайшая опасность: в 90-х годах из него могут выйти два желтых мангуса, которые "пожрут" всех жителей. И мне тогда подумалось: это знание почему-то шло по цепочке от поколения к поколению, из века в век. Поэтому именно этот курган и не трогали, его обходили еще древние грабители. И когда она так сказала, я вспомнил, что в своем далеком детстве тоже слышал об этом. Тогда в силу детского восприятия я представлял себе этих мангусов в виде чудовищ. Теперь же, изучив с определенной степенью полноты семантику алтайского языка и дойдя до определенных пластов сокровенных знаний, хотя и все еще до конца не познав, я сознаю, что здесь речь может идти о невиданных и незнакомых людям и современной медицине вирусах, которые могут вызвать эпидемию. В результате раскопок эти вирусы могут выйти наружу и, подобно губительному недугу СПИДу или чему-нибудь еще, скосить всех людей, и не только в этой долине. Ведь, насколько нам известно, ученые с подобными явлениями сталкивались в Египте и при раскопках древних могил в Африке и в Америке. Археологи сами становились первыми жертвами неведомого человечеству недуга. Такие смертоносные бациллы могут сохраняться в этих заледенелых курганах. Не будет ли это возмездием веков, проклятием древних неразумным потомкам? Находясь вне определенных нравственных категорий, не обременяя себя чувством ответственности не только перед будущим, но и перед прошлым, современные археологи в безумной жажде наживы, охватившей сегодня все наше общество, не отдают, очевидно, сами себе в этом отчета. Разрушая наши памятники, они могут стать не столько слугами Мефистофеля, сколько жертвами. Знаю, тот, кто выпустит или созовет злых духов, не имея достаточной власти для их обуздания, — сам бывает "поедаем" этими духами. Это характерно для плохих шаманов и никудышных политиков, а также и для археологов, для безнравственных ученых. Они возомнили себя умниками, вершиной человеческого развития, не понимая, что они — всего лишь одно из звеньев в бесконечном разви-

тии человечества, причем не самое лучшее. Казалось бы, именно археологи, в силу специфики своей профессии, должны более чем кто-либо глубоко понимать, обозревать, видеть живую, наследственную связь времен и культур. Им наиболее, чем кому бы то ни было, должно быть это понятно. Однако они лихорадочно гонятся за куплей-продажей, занимаются суетой сует, не понимая, что награбленное ими их родные и близкие в их могилы не положат…

Записал Ю. Чехонацкий,
Газета "Согласие", №5, 1991 г.

ПИСЬМА О ПРИГРАНИЧНЫХ ВСТРЕЧАХ

Письмо первое:

МОСКВА, Краснопресненская набережная, 2,
Дом Советов Председателю Верховного Совета Российской Федерации
Р. И. Хасбулатову

Уважаемый Руслан Имранович!

На основании Вашего письма № РХ 01-00472 от 01 июля 1993 г. по поводу организации приграничных встреч в связи с Протоколом, подписанным между председателем группы "Монголия-Россия" Великого Государственного Хурала Монголии Ж. Болдбаатаром и председателем парламентской ассоциации "Россия-Монголия" Верховного Совета России В. Б. Нимаевым, делегация ВС Республики Алтай выезжала в приграничный пункт Цагаан-нуур Баян-Ульгийского аймака, где провела плодотворные переговоры с монгольскими парламентариями и руководством Баян-Ульгийского аймака вкупе с представителями пограничных и таможенных служб Монголии.

Подписанное в результате переговоров Соглашение явилось продолжением ранее достигнутых договоренностей между правительствами нашей республики и Монголии в конце июня 1993 года

в Улан-Баторе, а также восстановлением ранее имевшихся и установлением новых форм сотрудничества и взаимодействия наших сопредельных сторон в свете современных политических и экономических реалий Российской Федерации и Монголии.

Во встрече в Цагаан-нууре с нашей стороны участвовали народные депутаты Республики Алтай, заместитель председателя правительственного комитета по внешнеэкономическим связям, глава приграничного Кош-Агачского района Республики Алтай, сотрудники пограничной, таможенной и торговой служб.

Наши приграничные связи ныне успешно развиваются с тремя приалтайскими аймаками Монголии — Баян-Ульгийским, Кобдинским и Гоби-Алтайским.

В ходе встречи мною было выдвинуто предложение о проведении в недалеком будущем Встречи парламентариев республик, краев, областей и государств всего Алтайского региона, что было с пониманием и одобрением встречено представителями монгольской стороны. Алтайский круг образуют вокруг нас, республики, занимающей центральную часть Алтайской горной страны, такие территории РФ, как Алтайский край, Кемеровская область, республики РФ — Хакасия, Тува, Бурятия и Убсу-нурский, Баян-Ульгийский, Кобдинский, Гоби-Алтайский аймаки Монголии, Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР (аймаки Алтайский и Тарбагатайский), Восточно-Казахстанская область республики Казахстан.

Целью подобной четырехсторонней Встречи явилось бы обсуждение возможностей и перспектив сотрудничества в различных сферах, налаживание взаимовыгодной торговли, культурно-духовное сближение народов Сибири и обширного Центральноазиатского региона и в конечном счете это отвечало бы интересам общероссийской внешней политики, ведь Алтай — это, вообще говоря, стратегический узел между Россией, Монголией, Китаем и Казахстаном.

Прошу Вас внимательно рассмотреть предложенную идею для последующего внесения в планы деятельности ассоциации "Россия-Монголия" (В. Б. Нимаев) совместно с парламентским комитетом по международным делам и внешнеэкономическим связям (Е. А. Амбарцумов). Быть может, потребуется рассмотрение дан-

ного вопроса и на более высоком уровне в связи со складывающейся в регионе ситуацией с учетом перспектив взаимодействия на данном участке трех великих миров — буддизма, ислама и христианства. Что касается нас, то мы готовы активно участвовать как инициаторы в работе такого совещания, если оно состоится, в качестве депутатской группы "Алтай-Монголия" ВС Республики Алтай.

Есть у нас и другая идея. В ходе визита нашей правительственной делегации в Улан-Батор она была доведена до сведения руководства Монголии Председателем правительства РА, членом ВС РФ В. И. Петровым и воспринята в целом благожелательно. Речь идет об организации российско-монгольского правительственно-парламентского Совета или, скажем, клуба, который имел бы постоянно действующий статус и созывался периодически в различных приграничных пунктах, не только в столицах, а непосредственными участниками стали бы сибирские республики, области, края, округа, непосредственно граничащие или соседствующие с Монголией и приграничные аймаки этой страны. При последующей проработке и возникновении интереса к сотрудничеству, к нему могут присоединиться и приграничные китайские провинции и автономные районы, такие, как Хейлунцзян (Маньчжурия), Ляонин, Внутренняя Монголия, Цинхай, Ганьсу и Синьцзян. Таким образом, возникла бы трехсторонняя межпарламентская и межправительственная организация.

При успешном претворении в жизнь этих предложений аналогичные многосторонние сообщества и организации (от двух и более участников) можно было бы образовать и в других сопредельных с другими государствами регионах Российской Федерации, скажем, на Кавказе, Северо-Западе, Дальнем Востоке, Урале и Нижнем Поволжье, бассейне Каспийского моря.

В заключение, хотелось бы выдвинуть еще одно предложение, а именно: неплохо будет, если комитет по международным делам и внешнеэкономическим связям созовет в ВС РФ специальное совещание представителей республиканских, краевых, областных и окружных Советов, занимающихся непосредственно международными, приграничными взаимосвязями на региональном уровне для обсуждения и последующей выработки геополитических

векторов проведения внешней политики России на местах и конкретных направлениях. Российское государство могло бы лишь выигрывать, повышая эффективность, гибкость и оперативность действий по всему периметру своих границ, поскольку региональное (и практическое) взаимодействие с сопредельными странами стало бы, как это и было некогда в правилах дипломатии исторической России, одним из существенных компонентов дальновидной государственной политики, будучи помноженной многократно на мудрый исторический опыт и генетический государственно-дипломатический потенциал населяющих ее народов, даже в слабой степени не используемый доныне, оставаясь втуне. А ведь наши родственные народы веками успешно взаимодействуют со всеми соседями в обширных параметрах евразийской геополитики, в которой им и впредь жить, развиваться во всей полноте пространственно-временной перспективы.

С глубоким уважением,

Председатель Комиссии по вопросам внешних сношений и защите интересов Республики Алтай Верховного Совета Республики Алтай,
27/IX–93 г.

Письмо второе:

Москва, Краснопресненская набережная, 2, Дом Советов Российской Федерации, Председателю парламентской ассоциации "Россия–Монголия" В. Б. Нимаеву

Уважаемый Владимир Бадмаевич!

Направляю к Вам для сведения следующие документы:

а) Протокол переговоров между заместителем премьер-министра Монголии Ч. Пурэвдоржем и председателем правительства Республики Алтай РФ В. И. Петровым;

б) Соглашение между правительством Республики Алтай и Кобдинским аймаком Монголии;

в) Протокол переговоров между делегациями Республики Алтай и Великого государственного Хурала Монголии, руководства Баян-Ульгийского аймака Монголии.

Таким образом, задачу, поставленную согласно Протокола между Вами и председателем группы "Монголия–Россия" Великого государственного Хурала Монголии Ж. Болдбаатаром, как видите по этим документам, мы выполнили и развиваем связи вглубь Центральной Азии.

В процессе всех этих встреч, в которых я принимал непосредственное участие как председатель ПК ВС РА по международным делам, возникли некоторые соображения, которые я изложил особо в ответе на имя Председателя ВС РФ Р. И. Хасбулатова в связи с рекомендательным письмом, с целью обратить внимание руководства российского парламента к сердцу Азии, где стягивается ныне один из важнейших стратегических узлов внешней политики, что многим профессиональным дипломатам невдомек в связи с их полнейшим незнанием исторических и политических особенностей этого гигантского региона — своеобразного "котла народов", в котором вновь начались процессы этногенеза и становления новых государств и республик. Вот почему со стороны МИД РФ, не в пример, скажем, царской дипломатии, на данном участке, как и вообще к Востоку и Югу Евразии, следует констатировать серьезнейшие упущения и геополитическую недооценку перспектив развития буддийского мира. В то же время из государств СНГ Казахстан, например, проводит тут весьма энергичную, целенаправленную и долгосрочную политику, обходя вчистую по многим статьям Российскую Федерацию, только слабо рефлексирующую на тревожные сигналы из отдаленных, на взгляд Москвы, частей своего (все еще) огромного государственного тела. Вот у кого надо бы брать пример нынешним российским дипломатам в отношении динамизма, свежести и глубинного понимания своих национальных интересов и приоритетов внешней политики, — а ведь это юное государство, делающее первые самостоятельные шаги на внешнеполитической арене.

И оттого-то российским республикам в качестве составляю-

щих частей России на данном историческом этапе, полагаю, надобно, не робея, принимать на себя определенную нам историей и географией долю российской внешней политики на своих именно конкретных направлениях с учетом наших вековых международных традиций взаимодействия с соседними странами. Убежден, это будет только лишь на пользу общим и глобальным интересам укрепления российской государственности как Федерации всеевразийского порядка.

О каких "европах" и "общеевропейском доме" говорят наивные люди, когда Россия ныне в геостратегическом плане отбросила себя добровольно с берегов Эльбы к верховьям Днепра, из сердца Европы — к центру самой Русской равнины, из конца XX века к исходным рубежам XVI–XVII веков. Это на Западе. А ведь по Сибири границы ее пролегли по линии середины восемнадцатого столетия, эпохи уничтожения Джунгарии — последнего к тому времени независимого государства кочевых тюрко-монгольских народов, к началу вхождения Алтая в состав Российского государства.

Владимир Бадмаевич! Полагаю, что послание мое к руководству ВС РФ не затеряется и найдет отклик, взаимопонимание в сердцах членов Вашей ассоциации, а также Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям ВС РФ. В связи с чем и присовокупляю к настоящему письму соответствующую копию. В свете вышеизложенного, считаю, крайне необходима эффективная координация действий всех — и парламента, и правительства с его МИД, как Федерации, так и, в особенности, ее приграничных субъектов — республик, краев, областей, округов со всеми заинтересованными кругами и задействованными службами.

Жду Вашего ответа по предложенным мною вопросам.

С уважением,

Председатель ПК ВС РА
по международным делам
и защите интересов республики
Б. Я. БЕДЮРОВ.

О ПРОГРАММЕ "ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ РФ"

(С межрегиональной встречи в Абакане)

— Каково ваше отношение к проекту государственной программы "Возрождение и развитие тюркских народов Российской Федерации" и к тем разделам, которые конкретно относятся к Республике Алтай?

— Проект, над которым продолжают работать специалисты из Министерства по делам национальностей, а также специалисты из Башкирии, очень интересный. Правда, познакомиться с ним нам удалось только в Абакане.

Дело в том, что вследствие бурных политических событий прошлого года проект Программы у нас в республике не рассматривался, у нас нет даже общих наметок, не создана рабочая группа. Поэтому было очень интересно услышать суть концепции, которую изложил башкирский ученый Салиев.

Итоговые материалы конференции послужат для разработки конкретной программы "Возрождение..." для республики Хакасия, чем руководство соседнего с нами региона осталось очень довольно. На конференции выступили С.С.Каташ и я. На подобных совещаниях, особенно в наше бурное время, почти всегда возникают по отдельным проблемам споры, сталкиваются противоположные мнения. В этом нет ничего странного, так как хорошо известно, что только в спорах рождается истина. Так было и в Абакане. Надеюсь, что и наши выступления сыграли положительную роль в успешном завершении работы конференции, в выработке общей позиции.

Говоря об итогах конференции, не могу не коснуться положения дел в нашей республике. Беда в том, что у нас до сих пор нет общей концепции по выработке программ социально-экономического, культурного и национального развития республики. Программа "Возрождение и развитие тюркских народов", входящая составной частью общефедеральной программы "Возрождение и развитие народов России", является тем каркасом, скеле-

том, на который можно наращивать любую плоть с учетом специфики конкретного региона. Для успешной деятельности, на мой взгляд, необходима на правительственном уровне соответствующая структура, которая смогла бы взять на себя координацию этой работы, привлекать необходимых специалистов, экспертов, представителей общественных организаций и объединений.

В Горном Алтае на протяжении двух столетий происходит продуктивный симбиоз культур двух народов, тесное соприкосновение различных духовных, религиозных традиций. Но этим вопросом серьезно, на концептуальном уровне, никто никогда не занимался и не занимается. Мы должны суметь достичь становления своеобразного взаимодействия национальных, этнических, конфессиональных групп населения, направляя развитие общественного сознания на то, что все мы являемся народом Республики Алтай, составляющим единую совокупность из людей разных национальностей. Вот на этом базисе и нужно строить всю нашу социально-экономическую, культурную и кадровую политику.

— Как вы оцениваете итоги работы межрегиональной встречи в Абакане?

— Об итогах конференции достаточно ясно уже сказал Сергей Сергеевич, и я целиком присоединяюсь к сказанному им. Могу только повторить, что мы довольны результатами проделанной работы. Они интересны для нас и тем, что ситуации в Хакасии и Горном Алтае довольно схожие. Но вместе с тем есть и немало различий. Наша республика аграрная, в основном животноводческая, а Хакасия — промышленно-аграрная. Естественно, что и демографические ситуации у нас разные, экономический потенциал несопоставим.

Вот что еще хочу отметить. Там многие представители хакасской интеллигенции объединены в различные неформальные общества и организации. И вот эти неформалы находятся в глубокой оппозиции к своему правительству, которое, на мой взгляд (и Сергей Сергеевич согласен со мной), проводит целенаправленную, взвешенную, последовательную политику. Неформальные, национальные организации постоянно атакуют руководство, ставят ему палки в колеса, своими амбициозными устремлениями и

непродуманными заявлениями мешают использовать могучий экономический потенциал этой республики.

И еще одно. Состоявшаяся конференция не последняя. Следующий этап — встреча в столице Башкирии. В этой республике имеются серьезные наработки программы "Возрождение". Ученые, политики, общественность давно и серьезно работают над их осуществлением.

— Бронтой Янгович, как вы считаете, нужна ли нам программа возрождения славянских народов?

— Безусловно. Я уже говорил, что наша работа является частью федеральной программы "Возрождение народов России". Возьмем конкретно Горный Алтай. Мы ни в коем случае не должны забывать о русской части нашего народа. Я повторяю, нашего народа, потому что мы действительно один народ, состоящий из людей разных национальностей. Простые люди, особенно ярко это было видно на первом съезде северных субэтносов Алтая, выступали очень взвешенно, говорили о своих болевых точках, проблемах, не впадая в крайности. Вот вам конкретное проявление истинной мудрости — народной.

Другое впечатление от выступлений интеллигентов. На уровне ученых и политиков жонглирование словами, терминами недопустимо — другой уровень и соответствующий резонанс. В первую очередь потому, что нужно четко различать понятия "народ, этнос и субэтнос" как в советском терминологическом обиходе, так и в международной практике. И когда я говорю "русская часть нашего народа", то, естественно, подразумеваю все русское население Республики Алтай, которое имеет свои богатые, уникальные традиции, вместе с тем и свои немалые проблемы. Как и в прежние времена, поныне не уделяется внимания подготовке необходимых кадров из представителей местного русского населения.

К сожалению, старообрядческая культура в Горном Алтае за годы советской власти подвергалась гонениям, был нарушен весь многовековой уклад жизни старообрядцев. А ведь это же был осколок допетровской Руси, это была алтайская Русь. Они сохраняли принесенные с собой культуру, обычаи, традиции, которые, может быть, в материнском очаге исчезли навсегда, а это все — огромная ценность.

Я — сын, а потому патриот Сибири. Сибирь — это не только народно-хозяйственный комплекс, откуда вся страна черпает ресурсы. Это отечество для всех народов, ее населяющих. Здесь выработался новый культурно-исторический тип русского человека, который сохранил традиции своего этноса, но в соответствии с новыми географо-историческими реалиями, во взаимодействии с другими этническими группами он вобрал в себя немало нового. Это, безусловно, русский, но — сибиряк! А у нас он еще и алтайский человек.

— Мне стало известно, что делегацию Республики Алтай принял председатель Верховного Совета Республики Хакасия Владимир Николаевич Штыгашев — давний друг нашей республики. Прошу вас, поделитесь впечатлениями об этой встрече. Какие конкретно шаги, на ваш взгляд, могли бы предпринять наши республики для еще большего укрепления контактов регионов и их развития?

— Начну с прелюдии. В бытность свою председателем комиссии по внешним сношениям и защите интересов республики Верховного совета РА я написал письма председателю Верховного Совета Хакасии Штыгашеву и главе администрации Кемеровской области Кислюку. Поводом послужила находка нового сочинения известного христианского писателя-алтайца И.М.Штыгашева "Путешествие алтайца в Киев, Москву и ее окрестности летом 1883 года" и "Продолжение учебы алтайца". Вы спросите: при чем здесь руководители соседних регионов? Потому что Штыгашев по сегодняшней точке зрения принадлежит трем народам — хакасам, шорцам и алтайцам.

Иван Матвеевич Штыгашев — самородок, человек замечательного ума, что видно из его сочинений, сыграл заметную роль в истории трех наших народов. Он закончил Казанскую семинарию и долгое время занимался на Алтае просветительской деятельностью в сане священника.

Так вот. По отцу он был из рода шор (современное — шорцы), по матери — из племени сагаев (одно из двух крупных подразделений хакасского народа). Но при всем этом называл себя алтайцем, и вся его жизнь была связана с Алтайской духовной миссией. Кроме того, в те времена понятие "алтаец" было шире

современного этнического значения этого слова. К ним относили и хакасов, и шорцев. Во времена Пушкина Алтаем называли всю горную страну от Иртыша до Байкала. Это потом уже ввели понятие Саяны по имени "Сойонов".

Чтобы получить финансовую помощь в переиздании этого интересного труда ("Путешествие алтайца..."), я и обратился к руководителям соседних регионов.

Выяснилось, Владимир Николаевич Штыгашев — правнук просветителя, но выяснил он это после знакомства с моей книгой "Памятное завещание". Но все это вступление.

В беседе с В.Н.Штыгашевым мы говорили о взаимоотношениях между Хакасией и Горным Алтаем. Пришли к выводу, что, несмотря на то, что мы ближайшие соседи, имеем одинаковый статус, как ни странно, связи между нашими близкими народами и республиками рушатся. Конечно, это можно объяснить всеобщим развалом в стране, но нам самим на местах нужно действовать энергичней для укрепления и восстановления прежних и установления новых связей.

Вспомните, в свое время жители Горного Алтая были хорошо осведомлены о делах в Хакасии. На страницах "Звезды Алтая" и "Алтайдын Чолмоны" присутствовала постоянная рубрика "В соседней с нами Хакасии", шли подборки информаций, сводки о состоянии дел в промышленности и сельском хозяйстве.

Сейчас все это ушло, к сожалению. Это наша общая недоработка. Не стало обмена делегациями, взаимных поездок на самых разных уровнях. Более того, даже отменены авиарейсы Горно-Алтайск — Абакан. А ведь, по-моему, сам Бог велел нам иметь тесное экономическое, культурное сотрудничество.

Наша республика испытывает недостаток электроэнергии, а наши соседи не знают, кому ее предложить. И это только один пример.

— Мы наслышаны, что в Хакасии сохранены Советы. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Позиция Верховного Совета, руководства Республики Хакасия была в этом вопросе твердой и однозначной. Верховный Совет был сохранен, но под давлением сверху там были вынуждены пойти на роспуск районных и городских Советов. Предсе-

датели этих органов стали работать заместителями глав администраций.

В разговоре, в то время там бастовали черногорские горняки, Штыгашев сказал, что положение в республике, особенно в промышленности, очень сложное. И это он связывал именно с отсутствием представительной власти на местах. Он рассказал, что буквально на днях к нему приходили главы администраций и жаловались на отсутствие на местах представительных органов местного самоуправления. Сказал: "С ними мы чувствовали бы себя свободнее, были бы в большей степени ограждены от административного своеволия".

— Могли бы вы рассказать о культурной программе в дни совещания в Абакане?

— Культурная программа была насыщенной. Перед нами выступил очень интересный фольклорный ансамбль "Ульгер".

Побывали мы в краеведческом музее имени Мартьянова. Впечатление осталось самое прекрасное. Мы были гостями в бывшей областной национальной школе. Теперь это республиканская гимназия. Это действительно гимназия.

Построенный в Хакасии учебный комплекс, на мой взгляд, соответствует мировым стандартам. Дай Бог, чтобы и мы имели когда-нибудь такие учебные заведения.

Беседу вели В. Кущцын, А. Чепрасов.
газета "Звезда Алтая" № 71
от 21 апреля 1994 года.

РЕСПУБЛИКА — ЭТО ОБРЕТЕНИЕ ИНОГО КАЧЕСТВА

(ОТ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ К ДОВЕРИЮ И СОТРУДНИЧЕСТВУ)

Б. Я. БЕДЮРОВ:

— Прежде всего оговорюсь, что к настоящему моменту являюсь частным лицом, своего рода "одиноким монахом, бредущим по миру с дырявым зонтиком". Я хотел сначала послушать, что

скажут по этому поводу укажаемые участники круглого стола со стороны Государственного Собрания — Эл Курултая и правительства. Хотя у меня, естественно, имеются определенные соображения в связи с этим.

Вот уже три года как вместо автономной области на территории Горного Алтая существует Республика Алтай. Достаточный срок для того, чтобы всем нам, — и на государственном уровне, и представителям общественности — подвести какие-то итоги, посмотреть, каковы имеющиеся наработки, отметить упущения, недостатки в кадровой политике. Если взять серьезно, то так получилось, что образование республики совпало по времени с устранением с арены КПСС, началом смены общественно-политической формации. Хотите вы или не хотите, уже с сегодняшней точки зрения, хорошо это или плохо, но при той Системе, при прежнем характере власти у нас все-таки имелась определенная кадровая политика. Учитывались те или иные профессиональные, деловые качества выдвигаемого на ту или иную высокую должность лица. И хотя тогда работа с кадрами была, в той или иной мере, слишком заформализованной, даже более чем строгой, когда, как это всем известно, добирались и до "грязного белья". Думаю, это делалось с тем, чтобы не ошибиться при подборе и выдвижении. Обращали внимание не только на деловые, но и на морально-нравственные качества.

На мой взгляд, преобразование автономной области в республику, которое происходило на фоне все более нарастающего развала и слома Системы, в умах у многих местных номенклатурных работников, к сожалению, не произвело революции. Думали, что это не более чем обычная смена вывески, простая мимикрия. На самом деле, республика должна была стать обретением иного качества, как в мышлении, так и в подходе к делу. Раз так, то это иное качество требовало и другого, более глубокого отношения к кадровой, национальной и государственной политике. Давайте поразмыслим, обрели ли этот высокий — государственный уровень мышления большинство из ныне выдвинутых должностных лиц?

При прежней, административно-командной системе от руководителей районного, областного звена, кроме первых лиц, как такового государственного мышления по сути не требовалось.

Кроме как исполнения директив. Нужно было только выполнять указания и циркуляры, спущенные сверху, потому что Система в ее высших, верхних эшелонах власти, продумывала за всех все. Вот когда все изменилось, самостоятельность, обретенная нами в связи с образованием республики (а мы ведь привыкли к области, к уезду), требует как раз подлинного государственного подхода к решению, прежде всего, кадровых задач во всех сферах. На примерах истории из других эпох и стран мы это хорошо знаем. Там, где были умные правители, они и людей подбирали соответствующим образом. Даже если человек не очень нравился кому-то личностно, но смотрели — подходит он для того или иного дела или нет. Или же он должен пройти до этого определенные ступени и "коридоры", чтобы иметь возможность приобрести опыт и наработки управленческого характера. Без этого нельзя было ставить человека на высокую должность.

К примеру, можно ли поручить прапорщику командовать дивизией? Или, скажем, кто-то завтра будет ходить и требовать, чтобы его назначили главным врачом республиканской больницы. Назначить можно, но будет ли от этого толк. Как в том случае из басни Крылова, когда сапоги будет тачать пирожник, а печь пироги сапожник. Ясно, что проку не будет. Или, как можно редактора стенгазеты, а такие попытки сегодня налицо, рекомендовать главным редактором республиканской газеты? Причем, газеты уникальной, единственной в мире, выходящей на алтайском языке. Видимо, такой претендент должен был бы проявить себя, прежде всего, показать в деле глубоко специфическом, требующем не только творческих, но и организаторских качеств, разбираться в финансовых и хозяйственных вопросах. Прежде следовало бы поработать корреспондентом, зав.отделом, заместителем главного редактора.

Иные лица думают, что достаточно, чтобы он был "своим", послушным и смирным подручным. Неужели эти люди из краха КПСС не извлекли по сей день уроков? Это не к тому, что в республике у нас нет способных людей. Напротив, их очень много – умных, талантливых, смелых, неординарных.

Из всего того, что произошло за эти годы, мы обязаны сделать сегодня определенные выводы. С момента образования рес-

публики необходимо было провести самоидентификацию того, что представляет собой Горный Алтай и его народ. Кто мы, народ Горного Алтая? В каком отношении мы находимся внутри и вне себя? Я вижу, что у политиков и должностных лиц понятия — народ и нация, этнос и этническая группа — смешиваются. В головах у многих все еще сидят старые, довольно смутные догмы прежнего мировоззрения — нет четкости, осмысленности по всему параметру таких категорий. Иначе они немедля отреагировали бы на действия Международной лиги малочисленных народов как посягательство на национальное единство и территориальную целостность РА.

В мировой государственно-правовой практике существует общепринятая терминология. В это дело необходимо внести ясность. Ведь говоря о республике и его народе, необходимо было с самого начала определить, выработать объединяющую идею, цель и, если хотите, идеал, в конечном счете, во имя чего должна быть, существовать эта республика. Этого не обьяснили также своему народу. На чем, на какой сплачивающей цели должно вести эти двести тысяч, этот народ, это сообщество, которое проживает на определенной территории и состоит из людей различных национальностей? Из определения коренных интересов основных групп и слоев населения, которые не всегда и во всем совпадают. Каков он, тот общий знаменатель, на котором мы должны взаимодействовать и развиваться? Выработана ли общая цель благоденствия, если да, то назовите кратко и ясно вслух — чтобы всем стало понятно. А жизнь-то, она не стоит на месте, движется все.

Вот, например, далеко не будем ходить — Босния и Герцоговина. По существу, это один славянский народ, который религии разделили на три части. Хорваты — те же славяне, но католики. Сербы — православные, а босня́ки — мусульманского вероисповедания. Когда была единая Югославия, даже сам И.Б.Тито, будучи хорватом, не давал поблажки "своим". Он хорошо понимал, что надо соблюдать баланс. И сохранялась единая Югославия. К сожалению, после Тито не было выработано соответствующей концепции, на основе которой можно было бы объединять впредь шесть братских народов. И не было того яркого лидера, который

бы сплотил вокруг себя эти народы. Как результат — началась братоубийственная резня, внутренние противоречия усугубились вмешательством извне, прежде всего, германского элемента, претендующего на былое наследие Австро-Венгерской империи.

— Что необходимо делать в данной ситуации?

— Я говорил об этом в своем выступлении на первой же сессии Верховного Совета Республики Алтай пятого февраля 1992 года. Так же, как об этом говорится и в моих книгах. Я этим занимаюсь половину моей сознательной жизни, работаю для укрепления, взаимопонимания между народами. И не только у себя дома в родном Горном Алтае, но и в пределах России и бывшего Советского Союза. Я имею право так говорить, так как за этим стоит моя реальная деятельность. Возьмите все мои выступления последних лет, конца 80–90 годов — в Москве, Новосибирске, Ленинграде, Латвии, Башкирии — да мало ли где — даже за рубежом. Даже в Америке. Именно на это направлял все свои усилия.

На Алтае должен быть выражен общий исторический и национальный, духовный, политический знаменатель, на основе именно такого патриотизма мы должны сплачиваться, ведь у нас происходит, пусть и не осознаваемый, но продуктивный симбиоз, взаимопонимание между основными этническими группами населения Горного Алтая — русскими, казахами и алтайцами, не забывая при этом и другие группы населения. А для этого необходима выработка концептуальной идеологии, если хотите, республиканской политики для выработки общей цели, общей идеи.

— То есть, именно то, на чем и следует сплотить народ?

— Да, во имя процветания этого сообщества, которое именуется народом Горного Алтая. Во имя нашего движения вперед. Мы уже прожили здесь вместе два с половиной столетия и впредь нам жить следует вместе, не отталкивая и не тесня друг друга. К тому же, вымывание кадров русской национальности, как это происходит в некоторых других регионах бывшего Советского Союза, ни к чему доброму не приведет. Надо хорошо понимать и наши интересы именно и в том, что мы являемся неотъемлемой частью России. Но и не забывать, что находимся в стратегическом узле Центральной Азии, между тремя великими мирами. Мы должны будем с ними контактировать, со всеми соседями, в то

же время четко представлять свои коренные, жизненные интересы.

— Бронтой Янгович, как вы считаете, наши братские народы, населяющие Горный Алтай, обречены на дружбу между собой?

— Естественно. Наши народы обречены на взаимодействие, на родство, на дружбу и братство. Но мало благих пожеланий, подчеркиваю. Нужно, чтобы на уровне индивидуума, на уровне семейном, групповом, на уровне всего сообщества люди понимали, что мы являемся единым целостным явлением, народом Республики Алтай, что мы — сограждане. В то же время, мы являемся частью Сибири, а через сибирское сообщество — частью Российского сообщества. Но если проанализировать процесс становления республики, то можно заметить, и пусть тут на меня не обижаются участники круглого стола, что республика-то идет, как корабль без руля и ветрил. Не может самолет лететь без навигационного управления, не может подводная лодка двигаться без перископа. А таким перископом должна являться осмысленная национальная политика в республике.

Скажите, кто в республике конкретно за это отвечает? Не создана структура, занимающаяся вопросами национальной политики, в Государственном Собрании — Эл Курултае и в правительстве Республики Алтай. Правительство, конечно же, по роду своей деятельности занято текущими социальными, экономическими, финансовыми и другими вопросами, которых не счесть, всем клубком многосложных проблем. А структуры, которая вплотную бы занималась вопросами национальной политики, стратегией развития в аналитическом плане, так вот, ее нет, хотя соответствующие документы, рекомендации федеральных органов имеются давно. Я полагал, и по этому поводу был разговор на высоком уровне, что Госсобрание — Эл Курултай при формировании правительства предусмотрит создание соответствующей структуры, которая бы взаимодействовала с федеральными органами, где уже сегодня разрабатывается Государственная Программа развития народов России. В ней предусмотрено крупным блоком развитие тюркских народов России. Это касается и алтайцев, и казахов, которые являются тюрками. Другой блок Программы — развитие и возрождение малочисленных народов, к ним относятся на-

роды Севера и Дальнего Востока. Но существует Программа возрождения и развития русского народа? Вот из этой Российской Программы, применительно к нашей республике, мы и должны исходить. А у нас даже не создана рабочая группа по разработке своей республиканской программы, не говоря уже об официальной государственной структуре. За последние три года, и это всем очевидно, в республике произошли серьезные перекосы в кадровой политике, они насторожили и встревожили всю общественность республики, и это не только мое мнение. Говоря о возрастном цензе, принятом Госсобранием — Эл Курултаем, замечу, что есть сферы, например, финансово-экономические, где его не следовало бы применять. Если человек способен по состоянию здоровья плодотворно работать и руководить, соответствует профессиональным требованиям, то возраст с годами как раз становится преимуществом. Необходимо всегда сочетание молодых, энергичных и умудренных опытом и возрастом кадров. Должна быть ротация и постепенная смена поколений. Пока человек работает, он воспитывает, готовит себе достойную замену. Почему человек в расцвете сил должен уходить, унося с собой знания и опыт, согласно возрастного ценза, в 55–60 лет? Считаю, что это неверно. А при других случаях, напротив, засиживаться нельзя. Вот есть сферы, где, наоборот, вовремя необходимо ставить молодых, так, чтобы они проявили, показали себя. Например, в течение 17 лет наш театр постоянно испытывал потрясения, все время "импортировали", привозили каких-то периферийных режиссеров извне — незнакомых с местным искусством, культурой и бытом, которые через два года уезжали. В то же время своих не ставили, ни-ни! Скажем, того же Шумарова, надо было еще в 1980 году ему доверить коллектив, творческую группу. Помочь на первых порах, если ошибется, поправить. Надо сказать, за пределами республики, куда бы ни поехали, наши специалисты котируются высоко, они везде уважаемы, их ценят, к сожалению, только не свои, только не дома. У нас с кадрами происходит патовая ситуация потому и оттого, что все знают друг друга в лицо. Но не всегда за лицом видим суть человека. Вследствие мелкотравчатости, не видим и масштабы личности. Зачастую большое не отличаем от малого, ничтожное принимаем за великое. В резуль-

тате у нас возникли перекосы в кадровой политике, многие ответственные посты заняты серыми посредственностями, которые оттого и удобны кому-то, что ничего собой не значат. Но они мешают, прежде всего, делу, потому что не в состоянии брать на себя ответственность, не в состоянии решать и распутывать проблемы.

— Может быть, тут виновато наше мышление?

— Об этом я уже сказал, что необходим государственный уровень мышления. Не племенной, не клановый. Не родственный, не земляческий принцип должен лежать в основе подбора кадров, а именно то, что отработано мировой практикой.

— Вы хотите сказать, что нужно учитывать исторический опыт в кадровой политике?

— Конечно. В великую Германию объединились некогда десятки разрозненных немецких княжеств и герцогств. А Бисмарк только выполнил то, что уже было наработано философией Гегеля, трудами Гете, Шиллера, Канта и других, то есть людьми Знания.

— Как вы считаете, в Германии нация однородна?

— Я бы не сказал. Если немец будет писать стихи на швабском диалекте, то его никто не поймет. Надо писать на немецком литературном языке. Там существует множество территориальных диалектных языков, но коль есть государство, значит, есть и объективная необходимость в объединяющем языке. Как у нас повелось выражаться, в языке межнационального общения.

Возвращаясь к кадровой проблеме, хочу сказать, что процесс этот идет самотеком и приобретает негативные очертания. Проблема существует. Это подтвердил съезд северных субэтносов. И недооценивать этого нельзя.

Небольшая у нас республика, но все-таки республика. Поэтому, если и в дальнейшем в кадровой политике все будет идти самотеком, то при первом же историческом повороте или по-настоящему серьезных политических потрясениях, которые неминуемо заденут и нас, такие люди, не совладав с управлением, опрокинут телегу, могут и себя задавить заодно, и всех нас, грешных. Сидим все в одной телеге.

И то, что происходит в нашей стране, в пределах бывшего Союза, нас сильно-сильно должно тревожить, нам следует постоянно держать в поле зрения малейшие подвижки в ту или иную сто-

рону. Видеть и предугадывать, прогнозировать, определять стратегию, вырабатывать тактику на тот или иной период. То, что произошло в Таджикистане, Абхазии, Осетии, Молдавии, требует серьезной оценки и изучения. Ошибки надо не только учитывать, но и не повторять. Мы говорим, что у нас политически стабильный регион. Да, пока так оно и есть, но нельзя забывать, что процессы, происходящие в стране, везде одинаковы. Развиваются по очень схожему сценарию. Вот почему для обеспечения такой стабильности необходима рутинная, обыденная, повседневная работа. В этом случае нельзя пускать дело на самотек, уповая на авось.

— Бронтой Янгович, видимо, в этом плане высока мера ответственности руководителей?

— Вы сами же ответили вопросом. В руководстве республики именно первые лица эти вопросы должны держать под своим неослабным и непосредственным контролем. Не аморфные комиссии и отраслевые подразделения. Знать, понимать и направлять процесс. От политической стабильности региона зависит вся наша дальнейшая жизнь. Надо ли заниматься всевозможными прожектами, далекими от нашей сегодняшней действительности? Ясно же всем: мы не можем стать островком, оазисом благополучия, когда по всей России наблюдается коллапс экономики, государственное управление сильно порушено по всей вертикали. Здесь, в республике, нам крайне необходимы органы местного самоуправления. Об этом и должно подумать Госсобрание — Эл Курултай. Необходимо, вплоть до низовых, воссоздать новые органы самоуправления. Все руководители, начиная с низовых, должны избираться, что и будет означать демократию в действии.

— То есть, Советы были ликвидированы, а взамен ничего не получилось?

— Совершенно верно. Неважно, как это называть — Советом или Курултаем, важно, чтобы было народное представительство, важно, чтобы снизу доверху руководители могли избираться именно народным волеизъявлением. Тогда и будет происходить естественный отбор и ротация лучших из лучших, а не потому, что это сват или кум, товарищ или друг, племянник или дядя. Горный Алтай исторически всегда был периферией, окраиной, и не только

России, но и в другие эпохи. Суровые природно-климатические условия нашей земли мы не в силах изменить. Определяющим в развитии экономики республики является аграрный сектор, а конкретнее — животноводство. Что делают сегодня руководители наших хозяйств? Шерсть и пух девать некуда. Делается опасный крен в сторону резкого сброса поголовья овец, крупного рогатого скота в пользу маралов и оленей. Но не думают при этом о судьбах людей, их обеспеченности рабочими местами. В прошлом году я специально изучал опыт Швейцарии — горной страны, находящейся в сердце Европы, а мы находимся в сердце Азии. Изучая опыт таких горных стран, следует понимать, что индустриальный путь развития является тупиковым для всего человечества. И передовые страны уже переводят свое движение на другие рельсы. Они являются постиндустриальными обществами. Россия запоздало повторила индустриальный путь, но он уже пройден. Такой путь не ведет к высотам. Расплатой — экологическая катастрофа. Поэтому для Республики Алтай нужна максимально приближенная к нашим условиям Программа как социального рынка, так и экономического развития республики, наряду с национальной Программой и продуманной кадровой политикой.

Когда мы говорим о взаимодействии этнических групп населения Горного Алтая, то она должна проявляться в общем паритетном представительстве, с конкретным учетом профессиональных, деловых качеств. Дело еще и в том, и это стоит подчеркнуть, что с образованием республики, интеллигенция, люди духа и знания, специалисты-практики, как никогда ранее, оказались оттеснены в сторону, их энергия и опыт не востребованы, а новоявленные "нувориши" и тепличные "предприниматели" заправляют всем. Это не хитрое дело получать, "поработав" от имени республики, в Москве кредиты, а потом их распределять между "своими". На этом далеко не уедем. Можно все должности заполнить "своими", и что, будет прок? Вон, посмотрите, как разваливается экономика республик Средней Азии — и ответ будет ясен. Крокодил проглатывает буйвола, но не может переварить и погибает. Когда-то канцлер Чингис-хана сказал ему: "Не завоевывай того, что не удержишь". Да, нужна политика поддержки настоящих, предприимчивых пред-

принимателей — производителей, создающих продукцию и открывающих новые рабочие места.

В свое время тем людям, которые отвечали за кадровую политику в нашей области, говорилось мною и не раз, что у нас имеется огромный кадровый потенциал из коренного русского населения, для большинства которых Горный Алтай был и будет не местом пересидки, а их родиной, где лежат кости их дедов и прадедов. Из местных русских людей надо было воспитывать, готовить свои русские кадры для республики.. До образования республики к нам посылали на многие руководящие должности людей из края. А из местных мало кто выдвигался. Это я не в обиду говорю тем, кто когда-то прибыл и укоренился здесь, многие из которых состоялись как личности не где-то, а у нас в Горном Алтае. Такие, как, например, кандидат сельскохозяйственных наук, бывший директор совхоза Виктор Иванович Завражнев.

Есть еще резерв — это наши земляки — русские и алтайцы, люди в зрелом возрасте, в большинстве своем все специалисты, которые могли бы, желали бы вернуться на родину из-за пределов республики.

— Вы говорите о том, что надо вернуть наш утерянный интеллектуальный потенциал и создать им условия для работы?

— Собрать их по стране, призвать их по возможности к возвращению домой, в республику. Это огромный потенциал. Наших земляков, которые хотели бы приехать на Родину, встречаю немало и в Москве, и в Новосибирске, и в Барнауле, и в Бийске, и в других городах России и ближнего зарубежья. Мы должны знать их и по-возможности возвращать на Родину во благо республики, используя их опыт, знания, наработанные связи. Взять тех же телеутов в Кузбассе, это ведь территориально обособившаяся часть нашего народа. Почему бы их не привлечь для работы в сфере промышленности? Это уже готовые кадры горняков, шахтеров, технической интеллигенции. Мы смогли бы даже сэкономить, не обучая, а привлекая их для работы в Горном Алтае. Это тоже наш потенциал.

И еще один резерв — это друзья и патриоты Горного Алтая, которых можно тоже привлечь к практической работе. Это и Рериховское движение, зеленые и другие. Среди них немало пред-

ставителей технических профессий, точных наук. Это — люди-подвижники, бескорыстные люди.

Да, Горным Алтаем очень сильно "интересуются" и транснациональные корпорации, чьи сладкоголосые сирены уже залетают к нам, они готовы, могут освоить этот лакомый пирог размером с Венгрию или Португалию, но с очень редким населением. Соблазн большой. Но забывают, что Алтай — это не необитаемая страна, это особое духовное средоточие, где живут далеко не простодушные люди, загодя "прочитывающие" их насквозь, вот почему все красивые прожекты лопаются один за другим, не находя в наших душах своей "точки опоры".

Проблемы наши, ко́нечно же, сложные. Вот, вспомните трагедию алтайских казахов, особенно молодежи, которые до недавнего времени уезжали в Казахстан, а сейчас возвращаются. Об этом, в свое время, у меня был разговор с А.Джаткамбаевым и другими мыслящими представителями казахов. О возможности такой коллизии я предупреждал их еще в 1988-1990 годах. Но, к великому сожалению, понадобилось пройти через людское горе, лишения, через боль, чтобы понять, горькую истину и великодушие алтайского народа.

— Видимо, предки, которые ушли когда-то из казахских степей к нам в Горный Алтай, имели основательные причины для этого?

— В конце февраля 1990 года, в период предвыборной кампании в Верховный Совет РСФСР, выступая в Кош-Агаче, я акцентировал внимание именно на этих вещах, напомнив, что юный, но мудрый Абдолда не случайно привел в Чуйскую степь своих сородичей числом от тридцати трех до семидесяти семейств. А сегодня они разрослись в этнос числом около девяти тысяч — за 120 лет. В результате сохранилась своеобразная и самобытная культура наших, алтайских казахов. Тогда это вызвало большое оживление, но не более. Испытания лежали впереди. А я тогда считал крайне актуальным со своей стороны теоретически и концептуально помочь им осознать себя частицей Алтая, что для алтайских казахов Чуйская степь — уже не место жительства, но является родиной, и для развития, процветания которой и они должны деятельно и честно трудиться.

Или другой пример. Старообрядцы, гонимые властями и церковью, пришли за Камень — это случилось, как видим, по воле провидения — не только в силу жестокой жизненной необходимости. Схоронившись за Камнем Алтая, они сохранили в чистоте и свою Алтайскую Русь. Этих людей я считаю своими сородичами и собратьями. Разве они не являются неотъемлемой частью нашего народа, среди которых вижу немало истинных патриотов Горного Алтая?

— Позвольте поблагодарить всех участников "круглого стола" за участие в разговоре.

Газета "Звезда Алтая" № 79 от 5 мая 1994 года

О ПРИСОЕДИНЕНИИ РОССИИ К КОНВЕНЦИИ МОТ № 169 И РАТИФИКАЦИИ ЕЕ РОССИЙСКИМ ПАРЛАМЕНТОМ

Председателю Комитета по делам национальностей Государственной Думы Федерального Собрания РФ Б. Б. Жамсуеву,
Председателю оргкомитета Парламентских слушаний К. Д. Аракчаа

Правительство Республики Алтай в ответ на Ваше письмо за № 317–689 от 16 сентября 1994 г. имеет честь сообщить следующее. Присоединение России к Конвенции МОТ № 169 считаем безусловно необходимым, ратификацию ее парламентом многонационального, полиэтнического Российского государства безотлагательной.

1) Многие народы Сибири, от наиболее крупных, образующих пять сибирских республик, до самых малочисленных, включая обособившиеся этнографические и этнические группы, в той или иной мере подпадают под положение настоящей Конвенции, имеющей универсальный характер. Коренные народы, даже имеющие, казалось бы, национально-государственный статус, не го-

воря о тех народах, ведущих племенной образ жизни, иначе говоря, сохраняющих традиционные формы хозяйствования, в силу известных социально-экономических, демографических и промышленных причин испытывают на своей исконной этнической территории стеснение и дискомфорт. А между тем, ни федеральное, ни тем более местное законодательство по инерции — еще с советских времен — попросту не учитывают этих особых и абсолютно объективных обстоятельств развития последних десятилетий, когда в расчет принимались интересы административной территории (будь это республика, край, область, округ, район, поселок), а не народа как такового, как конкретного сообщества людей, имеющих свои боли и свои проблемы. В первую очередь это касается коренного народа.

Взять, к примеру, Туруханский район Красноярского края. Там проживают практически три малочисленных этноса. Нигде в мире за пределами данного административного образования их больше нет. В структурах управления и власти в том или ином качестве они, за редкими исключениями, практически не представлены. Это кеты, это селькупы, это енисейские остяки. Так кто и каким образом должен учитывать их особенный статут и положение, если данное обстоятельство не будет законодательно и практически закреплено в местах их компактного проживания.

Механизм реализации положений Конвенции в Российской Федерации, на наш взгляд, должен быть по каждому региону, по всем этносам и субэтносам, ведущих или сохраняющих племенной образ жизни, строго конкретным и индивидуально-персонифицированным — с глубоким и проработанным учетом местных этнохозяйственных особенностей, исторических и географических причин и даже природно-климатических условий.

Вместе с тем на основе Конвенции МОТ должны быть выработаны и приняты соответствующие законодательное акты (целый пакет), обязательные к выполнению как на общефедеральном, так и на местном уровнях органами представительной и исполнительной ветвей власти. В области судебной практики необходимо введение в качестве дополнения и приложения, как в УК, так и в ГК, норм обычного юридического права данных народов — важнейшее обстоятельство, которое не учитывалось и не

принималось во внимание за весь советский период существования нашего государства и приведшее к неисчислимому росту конфликтов, преступности в этнической среде.

2) В результате демографических подвижек, вызванных промышленным освоением регионов обитания подразумеваемых народов, резко снизились повсеместно по Сибири, за исключением, пожалуй, Тувы, как удельный вес коренного народа в общей массе населения, так и пределы самой этнической территории, которые оказались либо размыты, либо разорваны. Образовались целые группы, которые оторвались в силу установления произвольных административных границ от основного этнического массива своего народа. Таково положение прибайкальских и читинских бурят, эвенков, хакасов, шорцев, северных групп алтайцев внутри и вне Республики Алтай, телеутов, чулымских тюрков, тофаларов, так называемых сибирских татар на всем пространстве от Урала до Енисея. В административных местах проживания эти народы никоим образом не учитываются в настоящем измерении ни как коренные народы, ни как группы, ведущие племенной, общинный образ жизни.

А потому они не имеют надлежащих социально-экономических и политико-правовых условий для ведения своего самостоятельного хозяйства, для саморазвития и самовыживания. Примеры даем в основном по нашему региону Западной и Южной Сибири, населенной народами алтайской этноязыковой семьи, хотя такая ситуация характерна и для многих других районов Российской Федерации — по Северному Кавказу, особенно Дегестану, по всему Поволжью, Европейскому Северу и Уралу.

3) Необходимо также правовое обоснование понятия "коренной народ" применительно к сложившейся российской действительности на той или иной территории конкретно к автохтонам, как давшим название данной этнической территории и имеющим национально-государственный, национально-административный статус, так и таковых не имеющим (группы малочисленных народов Севера, Кавказа и Дальнего Востока), поскольку международные, зарубежные, в основном западные, терминологические наименования далеко не всегда и не во всем идентичны российским, как нынешним, так и, в особенности, предшествую-

щего советского периода, категориями и стереотипами которых продолжают оперировать, мыслить по привычке, инерции, устоявшемуся шаблону .

Между тем надлежит внести ясность и по этой немаловажной позиции. Например, определенные этнические группы русских, издавна обособившихся и представляющие собой достаточно замкнутые, сложившиеся в определенную этническую целостность группы, имеющие четко очерченный ареал обитания, также следовало бы относить к вышенаименованным народам.

Таковы индигирцы на Севере Саха-Якутии, поморы Олонецкого края, кержаки-старообрядцы на Алтае, Туве, Хакасии, Эвенкии, Красноярском и Алтайском краях, семейские в Бурятии и во всем Забайкалье, локальные казачьи группы, к примеру, терские, гребенские. Нагайбаки, тептяры на Урале, Оренбуржье, Башкортостане или ногайцы Астраханской области.

При их собственной самоидентификации и желании им целесообразней было бы отнестись к народам, ведущим племенной, то есть общинный образ жизни и чьи земли (этнические территории) никоим образом не могут, не должны отчуждаться, продаваться в частное пользование либо сдаваться в той или иной длительной форме в аренду, как угрожающие самой среде и характеру их обитания.

4) Даже в царское время права коренных малочисленных народов (туземных, инородческих сословий) особо оговаривались. С переходом к могучему общенародному государству, с появлением всеобъемлющего понятия "советский народ", парадокс, но факт, даже эти мизерные права, учитывавшие как-никак в той или иной мере особенности быта, хозяйствования, религии и культуры этих мелких, крошечных этнических групп, были размыты, размазаны, а по существу, практически сведены на нет.

Так, например, произошло в северных районах республики Алтай и Алтайском крае, на юге Кемеровской области в послевоенное время, когда на их землях были созданы леспромхозы, появились рудники и шахты, а в 70-ые годы в связи с освоением нефтегазовых месторождений в Ханты-Мансийском округе подобная беда постигла малочисленное коренное население — хантов, манси, ненцев.

Если бы им выделялась хотя бы одна тысячная доля от нефтяных и газовых прибылей, то относительное благополучие их потомкам было бы обеспечено вплоть до седьмого колена. А ничего из этого им дано не было, местные оленеводческие, охотничьи или рыбацкие хозяйства, по существу общинные, были распущены, народ утонул в алкоголе, опускаясь в пучину беспросвета и нравственно-физической деградации.

Как же понять после этого попреки и обвинения этих несчастных устами маститых писателей и политиков!

Подготовил Б. Я. Бедюров.
11.10.1994 г.

ПО ЗАВЕТАМ АМЫРСАНЫ

Исторический выбор телengитских зайсанов

В ряде весенних выступлений известный общественный деятель Алтая, историк Б. БЕДЮРОВ высказался о том, что предстоящее 240-летие вхождения Горного Алтая в состав России содержит в себе другую, не менее знаменательную дату — 130-летие добровольного принятия российского подданства улаганским и чуйским волостями-отоками. Как мы должны оценивать оба события с высоты нынешних познаний? Об этом — интервью с Б. БЕДЮРОВЫМ.

— Сейчас самое время сказать полную правду об этих исторических событиях — считает Бронтой Янгович. — Такие исследователи, как Л. Потапов, находились в свое время под прессом коммунистической идеологии. Все исторические события до последнего времени рассматривались с точки зрения теории классовой борьбы. Многие труды историков созданы в период, когда Китай представлялся исключительно дружественным и миролюбивым соседом. Мы живем в страшное, смутное время, и поэтому наш долг в том, чтобы отказаться от устаревших представлений, сместить акценты в толковании исторических событий и, во всяком случае, начать новые исследования, свободные от догм.

— Все события сводятся, как правило, к роли той или иной личности в истории. Если говорить о двух знаменательных датах в истории Горного Алтая, кого из политических деятелей прошлого мы должны переоценивать заново?

— Считается, что Джунгария погибла в результате междоусобиц. Отчасти это верно. Вместе с тем, я считаю, что Амырсана — единственный лидер ойротского народа, который вел до конца национально-освободительную войну против династии Цин и потерпел в этой войне поражение прежде всего из-за предательства алтайских зайсанов. Символично, что Амырсана с остатками разбитого войска вышел к русским рубежам. Его противник Табачи провел остаток жизни при дворе богдыхана, обласканный пекинскими властями, и я думаю, что комментарии здесь излишни.

В монгольском городе Кобдо стоит памятник Амырсане. Потомки ойротов помнят своего лидера и героя. А что касается Табачи, нигде нет ни одного памятника в его честь. Нет о нем ни песен, ни преданий. Чтобы осознать масштабы личности Амырсаны, надо быть буддистом. Повсюду — в Западной Монголии, на Алтае, в Туве и в нынешнем Синьцзяне — помнят Амырсану и ждут его воплощения, т.е. нового пришествия.

Амырсана был убежденным государственником. Он привел на трон своего сородича Табачи, думая, что тот будет жить интересами своего народа. А сам Амырсана хотел довольствоваться малым, он просил у Табачи земли Алтая (включая Западную Монголию и Туву), но тот возомнил себя единоличным диктатором. Амырсана понимал: перед угрозой, исходившей от династии Цин, надежда у него — только на Россию. Он наивно считал, что при дворе Романовых заинтересованы в том, чтобы на юге у них был могущественный союзник в лице Джунгарии, и неоднократно Амырсана посылал своих людей в Санкт-Петербург. Но, к сожалению, у России в то время были сложные отношения с Пруссией, вспомним ту же Семилетнюю войну, да и силы русских на востоке были еще немногочисленны — до 40 тысяч жителей, не более. Кроме того, были и при царском дворе силы, заинтересованные в ослаблении Джунгарии, эти "советники" внушали императрице, что падение ойротского ханства быстрее поможет Рос-

сии укрепиться в Средней Азии, что было, кстати, глубочайшим заблуждением. Царедворцы не понимали, что гибель буддийской державы только усугубит в перспективе позиции самой России в Центральной Азии. Кто помнит сегодня о буддийских монастырях на землях современного Казахстана? Сами казахи этого не ведают.

Амырсана видел прообраз государственного устройства для ойротов в лице Калмыцкого ханства, которое сохраняло свою самостоятельность, находясь в составе России. Джунгария могла стать уже в середине XVIII века надежным коридором на пути в Индию. Жаль, что царедворцы того времени были увлечены, опять-таки, только Западом.

— Вы действительно считаете, что поражение Джунгарии было обусловлено предательством алтайских зайсанов? В исторической литературе на этот счет ничего определенного нет...

— Амырсана известен по историческим документам как "хойт", т.е. "северянин". Его первая жена Телек-Торди происходила из знатного теленгитского (алтайского) рода. Я понимаю, что родственники его жены (а это два отока — чуйский и улаганский) еще сто лет после поражения Амырсаны продолжали его дело. Почему они не вошли в состав России в 1756 году? Историки умалчивают, не осознавая, не вчитываясь в контекст эпохи, об истинных причинах двоеданства алтайских теленгитов, которое продолжалось до 1865 года. А причины на самом деле просты. Надо знать психологию родо-племенных отношений, чтобы понять нежелание теленгитов входить в подданство России одновременно с кан-каракольскими, тау-телеутскими зайсанами.

В 1754 году Амырсана просил помощь у зайсанов Алтайского улуса. Вместо этого их восьмитысячное войско ударило ему в спину. На стороне Амырсаны были только верные ему теленгиты. Он бежал через Алтын-Көль и далее по Чолушману, потому что знал: теленгиты его не выдадут. Сейчас, изучая документы того времени, мы понимаем, что зайсаны Алтая в борьбе Амырсаны против Табачи были бы решающей силой. Но предав его, они сделали вторжение Цинов неминуемым и погубили свое будущее.

— Сохранились ли в памяти алтайского народа предания о том времени?

— Разумеется. Одно из таких преданий сохранилось в Кош-Агачском районе. Люди Табачи дали приказ чуйскому зайсану Монышу задержать Амырсану. Он ехал чуть-чуть впереди следовавшего за ним теленгитского отряда. Его ждали, конечно, остановили, приказав сойти с коня. Амырсана, улыбнувшись, выполнил приказ Моныша и сказал: "Что ж, повеселимся напоследок... Будем араковать! А потом ты поведешь меня к Табачи." Моныш не мог отказать в этом, велел принести побольше араки, и они стали пить. А тем временем теленгитский отряд приближался, и пока противники араковали, отряд вошел во владения Моныша. Увидев бойцов Амырсаны, зайсан Моныш понял, что проиграл, и на глазах у всех заколол себя. Амырсана распорядился похоронить доблестного зайсана с почестями. По древнему теленгитскому обряду положено ставить на могилу каменную плиту, но ее под рукой не оказалось. Амырсана распорядился установить памятник из крепкой лиственницы. Кöжö-Агаш (или на современный манер: Кош-Агач) — это в переводе "памятник из дерева". Своим названием Кош-Агач обязан герою алтайского народа Амырсане.

— А что можно оказать о других алтайских преданиях, связанных с приходом Ойрот-хана? Понятно, что их не могли сохранить зайсаны, служившие тому же Табачи. Как вышло, что легенды ожили на Алтае в начале XX века?

— Кан-каракольские зайсаны сражались против Амырсаны на стороне Табачи. Одержав победу, они захватили двор — людей Амырсаны в плен и привели их в канские степи. Прорицательница Чугул была родом из племени чагандык, которое служило Амырсане. Нет ничего удивительного в том, что именно она выступила провозвестницей возрождения "белой веры". Я должен сказать, что в пределах Алтая "белая вера" была известна еще во времена Рубрука и Плано Карпини, они зафиксировали ее у найманов и кереитов. Амырсана защищал белое знамя, т.е. он был "беловерцем". В понятие Белого царя привыкли вкладывать расовую принадлежность, на самом же деле оно гораздо шире. У тюрков "ак" — это "запад", т.е. западная сторона для них — Белая. С другой стороны — что такое "белые выезжие калмыки" которые служили в казаках с XVII века? Здесь есть над чем поду-

мать нашим ученым, и я полагаю, что понятие "белой веры" до конца еще не осмыслено.

— Многие задаются вопросом: как удалось двум просветителям — М.Чевалкову и о. Макарию — в течение нескольких лет обратить теленгитов в христианство? Для многих это остается загадкой до сих пор.

— Ничего удивительного в этом нет. Я уже говорил, что в бурханизме сохраняются многие обряды несториан. Русские миссионеры по ошибке считали эти обряды языческими, на самом же деле часть алтайских племен Южного Алтая сохраняла память о древних христианских обрядах, принесенных в Центральную Азию несторианами. Разумеется, эти обряды имели мало общего с католическими или православными. Но что значит культ сына Неба Эрке? Что это, если не пережиток прежней веры в единого Бога? Почему бы нам не предположить, что теленгиты в Средневековье могли, как и найманы, исповедовать несторианство? В китайских хрониках теленгиты упоминаются как воинское сословие. А это значит, что они могли бывать во многих странах, в том числе на Западе, откуда и могли привезти с собой "белую веру". Не исключено, что с приходом М. Чевалкова и о. Макария они просто оживили в памяти древние заповеди и соотнесли их с православными. Почему бы и нет?

— Что заставило Вас в свое время опубликовать "Памятное завещание" М. Чевалкова? Ведь оно, согласитесь, стоит в культурно-историческом наследии алтайского народа как бы особняком. В чем значение "Памятного завещания" в наши дни?

— Я считаю, что особняком стоит всякий мыслящий человек. М. Чевалков учит каждого из нас не бояться идти собственной дорогой. Всякий думающий человек должен стоять выше групповых или корпоративных интересов. Русские путешественники, попадая на Алтай, почитали за честь взять с собой М. Чевалкова в качестве толмача. "Памятное завещание" — это прежде всего исторический документ, и мы обязаны время от времени его перечитывать.

М. Чевалков рассказывает о своей поездке с А. Принтцем летом 1864 года по Чолушману и далее в Чуйскую степь. Он приводит свидетельства зайсана ак-кöбöков Чичкана о том, что бремя

китайских властей стало к тому времени непосильным. Чичкан соглашался перейти в подданство к Белому царю, но сомневался, захочет ли царь принять его людей. Тццлцсский зайсан был того же мнения, и оба просили М. Чевалкова быть посредником в переговорах с царской администрацией.

На следующий год М. Чевалков приехал в Чуйскую степь с томским губернатором Лерхе, это было в июле, и сам губернатор, признавая заслуги М. Чевалкова, с улыбкой сказал ему, что он "взял в плен две волости". По просьбе зайсана Чичкана в верховьях Чуи был выставлен казачий пикет, и теленгиты, как при Амырсане, снова стали воинским пограничным сословием, но уже на русской службе.

Сменилось три поколения, прежде чем призабылась обида чуйских зайсанов, связанная с предательством Амырсаны. Если бы не мудрое решение зайсанов Чичкана и Тадыша, их земли навек отошли бы к другому государству, и половины алтайского народа мы бы не имели. Граница с Китаем могла бы пройти по Чике-таману. Царский двор мог с легким сердцем отдать земли двоеданцев южному соседу, такой клочок земли в масштабах Российской империи ничего не стоил, и им можно было поступиться ради того же дипломатического этикета. Но чуйские зайсаны сами сделали свой выбор.

Кстати, небезынтересен, на мой взгляд, в наши дни и такой исторический факт. С образованием Каракорума теленгиты были тем меньшинством, которое выступало против такого подхода к решению национального вопроса. Я думаю, что историческая правда была на их стороне, и вот почему. Другие алтайские племена к 20-м годам успели забыть, что значит жить особливо, вне рамок мощного государства. Находясь под надежным крылом Белого царя, они потеряли чувство самосохранения. У теленгитов же чувство внешней опасности продолжало сохраняться, потому что с 60-х годов прошлого века прошло чуть больше 50 лет, и они лучше других почувствовали угрозу отрыва от России. Вот об этом нам не мешало бы помнить и сегодня.

— Выходит, что сама история и даже сама география определили особый статус Кош-Агачскому и Улаганскому районам. Мы привыкли приравнивать их к "северным". Но, наверное, значение этих двух районов гораздо шире?

— Это твердыни Алтая — как для русского человека Новгород или Суздаль, так и для нас, алтайцев, Чуйская степь и Улаганское нагорье. Это сокровенные места, и было бы величайшей трагедией потерять их в середине 60-х годов прошлого века. Мы имеем памятный обелиск на Семинском перевале в честь 200-летия. Но почему до сих пор никак не увековечен подвиг зайсанов Чичкана и Тадыша? Я думаю, что самое подходящее место для нового обелиска — урочище Янгыс-Тобе в районе Кош-Агача и Улаганский перевал. По преданию, Амырсана был спасен теленгитами именно там.

В середине 30-х годов в Кош-Агаче была разрушена православная церковь. Старожилы знают место, где видели остатки стен буддийского храма, это в районе Кокори. Мусульманская мечеть в Кош-Агаче уже действует. Я приветствую инициативу депутата А.Джаткамбаева по воссозданию в Кош-Агачском районе буддийского храма и православной церкви. Он осознает себя далеким потомком найманов, о которых писали Рубрук и Плано Карпини, ему чужды рамки национальной ограниченности, и это самое важное. Мы можем дать миру пример гармоничного сожительства мировых религий. Вместо этого Чуйскую степь продолжают считать местом, пригодным для козоводства, на худой конец — для строительства "ветряков". Откуда у нас такая узость мышления?

— Но, наверное, не все люди смотрят на значение наших "северных" районов с точки зрения бывшего партхозактива. Не может такого быть, чтобы все смотрели одинаково на земли, оставленные республике в наследство зайсанами Тадышем и Чичканом. Кого, на Ваш взгляд, можно назвать их продолжателями?

— Я думаю, что таких людей много, судя по тому, что оба района продолжают жить себе на уме. В Улаганском районе по-прежнему непререкаемым остается авторитет Арсентия Васильевича Санаа. Его имя останется в истории хотя бы потому, что никому до него со времен гуннов не удавалось построить мост через Чолушман.

А возьмите дорогу из Улагана на Балыкчу, к Телецкому озеру. Десятки и сотни народов прошли по Алтаю, но ни один из них не знал дороги через перевал Кату-Ярык. Эту дорогу пробил Санаа. Он всегда был неформальным лидером района. Его давили

проверками, наказывали по всем линиям, а он продолжал свое. Где, кроме Балыктуюля, есть такой же богатый краеведческий музей? Санаа понимал, что народ жив, пока жива его память, его дух.

Возьмите, наконец, его последние выступления на пленумах тогдашнего обкома. Не боясь товарищей из крайкома, он требовал отдать Горбачева под суд. В отличие от функционеров, Санаа уже тогда осознал предательскую роль Горбачева. Он видел: все идет к развалу. Санаа понимал, что Алтай может снова оказаться перед угрозой расчленения, Бухтарма может оказаться за границей. Но функционеры были слишком самонадеянны, чтобы прислушаться к голосу сельского руководителя. Время показало, однако, что это был настоящий государственный муж. Ему бы районом руководить, а может, и всей областью — но вместо этого Система его загубила. Таких людей прежний режим ни под каким предлогом не допускал к власти.

Мне кажется, что нам еще предстоит осмыслить значение его встречи с Президентом России Б. Ельциным. Санаа знал его как борца против линии Горбачева, и, вполне возможно, что он искренне заблуждался перед встречей с ним. Одно я знаю точно: Санаа ездил в Кремль, думая не о себе, а о тех людях, которые продолжали связывать с ним свои надежды. И последнее, о чем я хотел бы напомнить. Санаа пробивал (в отличие от некоторых нынешних политиков) дорогу на Север. Давайте об этом не забывать.

...Подход к двум высокогорным районам до недавнего времени был сугубо потребительским, смотрели, сколько пуха и шерсти они дают, забывая о том, какую богатейшую историю и культуру имеют оба района. Где сделаны величайшие открытия археологов? Где, как не там, сохранились в чистоте древние обычаи и традиции? Где истоки вдохновения народного сказителя А. Г. Калкина? Кто из путешественников и исследователей Алтая не воспел Чуйскую степь? Нет более уместного повода, на мой взгляд, для того, чтобы попытаться найти ответы на подобные вопросы. Торжеств в честь Тадыша и Чичкана на алтайской земле еще не было. Но разве они не заслужили этого?

Беседу вел Николай ВИТОВЦЕВ.
Газета "P.S.", апрель, 1995 г.

СТРАНУ ПОДБИЛИ НА ЛЕТУ

Беседа о Родине с алтайским поэтом Бронтоем Бедюровым.

— Страна наша вечная. Она была и есть, и пребудет, — эту мысль Бронтой Бедюров высказал твердо, с упорной настойчивостью, и мне вспомнилось, какими страстными, резко публицистическими бывали его выступления на творческих форумах писателей, частых еще в недавнее время. Теперь писатели из республик и автономий — редкие гости в Москве, дорога не близкая, и поэтому разговор наш, едва начавшись, пошел о самом главном.

— Сегодня мы являемся свидетелями и участниками трагических процессов, происходящих со страной, в которой мы родились, — продолжал Бронтой Бедюров, — мы на перевале истории, мы свидетели крушения великого государства СССР и страшных его последствий. Думающие люди обязаны осмыслить происходящее на фоне развития мировой истории, тем более что мы на перепутье, на пороге третьего тысячелетия.

— Завершается век. Он не раз уже ставил Россию перед выбором. В этой связи чрезвычайно важно ответить сегодня на вопрос: что же происходит в нашем обществе с точки зрения духовного его состояния?

Бронтой Бедюров задумывается, резкая складка ложится на чистый крупный лоб, и он формулирует свои мысли, стараясь не поддаваться так свойственному поэтам увлечению:

— Происходит переоценка ценностей, и страна, глубоко и жестоко страдая, выходит на новый виток духовного состояния.

— Порой на душе очень тревожно, наш социальный статус и нравственный тонус резко снижен.

— В истории России не в первый раз случается такое. И все же она всегда находила в себе духовные силы. Думаю, что и на этот раз они не исчерпаны. И давайте для сравнения обратимся к примеру эллинистических государств возникших далеко на Востоке в результате завоеваний Александра Македонского, вспомним, что даже тогда, когда эллины-македонцы сошли с историче-

кой арены, а Греция переживала упадок, огонь ее цивилизации был подхвачен другими странами и народами вплоть до Гиндукуша и Памира. Эллинистические государства возникли на всем пространстве тогдашней Азии. Думается, нечто подобное происходит и сегодня — расколотый Советский Союз, подведенный к своему трагическому крушению помимо воли и желания народов, его населяющих, бросает отсвет своего величия на дальние окраины, и там зажигается пламень развития национальных культур.

— Но не переоцениваете ли вы процессы, происходящие в национальных республиках и автономиях?

— Эти процессы взаимные, восходящие и нисходящие навстречу друг другу потоки. С одной стороны, да, в социально-экономическом отношении мы отброшены назад — каждый регион России, будь то край, республика, область или вся страна в целом. То же в полной мере можно сказать и о союзных республиках, которые именуются новыми независимыми государствами. Но с другой стороны, если говорить о русской культуре, ее богатстве, то она "проросла" в душах других народов, стала неотъемлемой частью национальных культур.

Русская культура — это и образ жизни, это и отношение к окружающему миру, это и взаимоотношения между людьми. К пониманию себя представителем русской культуры я приходил постепенно, встречаясь с другими людьми, бывая за границей. Впервые в этой связи очень сильное впечатление я пережил весной 1986 года на съезде писателей Латвии, когда меня представили участникам съезда как представителя России. До этого я всегда воспринимал себя только представителем Горного Алтая. Но я вдруг ясно понял, что я действительно представитель России, и позже, когда бывал в Германии и Дании, когда встречался с людьми в Америке, я в полной мере ощущал себя именно носителем великой русской культуры. Часто происходил такой диалог: "Вы японец? — Нет. — Китаец? — Нет. — Кореец? — Нет. Я из Советского Союза. — А! Русский!" И ко мне пришло постепенно осознание: я же действительно плоть от плоти русской культуры и образования — я говорю и пишу не только на родном, но и на русском языке, хотя до шестнадцати лет жил в далекой горной деревне, окруженной со всех сторон горами, и там была лишь одна

русская семья, а до десяти лет вообще не говорил по-русски. Так это происходило не только со мной.

Еще в бытность Советского Союза я встречался с немецкими студентами-эмигрантами, и они говорили: "Когда мы жили в Советском Союзе — считали себя немцами, а оказавшись здесь, на родине предков, в Германии, чувствуем, что мы русские, — у немцев и стиль жизни, и склад души другой..."

— Да, главный надлом за последнее десятилетие произошел именно с русскими. Казалось, система общественно-политических отношений, в которой мы рождались и жили, была одинаковой и для чукчей, и для грузин, и для эстонцев, и для казахов. Но русские были основной, цементирующей частью нашего общества, которая формировала советский народ. Но вместе с тем именно за годы Советской власти понятие "русский" опустилось и сузилось до узкоэтнического уровня великороссов. Интернациональный универсализм породил серьезные противоречия в нашем обществе. К сожалению, все это не подверглось глубокому осмыслению ни одной партией, ни одним общественным движением. Становление нового государства, я в этом уверен, также начнется с осознания русским народом своей ведущей и объединительной братской миссии в сообществе людей, продолжающих жить на территории Советского Союза. Только неумные люди, уровень мышления которых чрезвычайно ограничен или подвергся влиянию чуждой пропаганды, не понимают сильнейшей пассионарности и всемирности понятий "русский", "русскость".

— Но ведь гонения на русских в той же Прибалтике, Казахстане, Молдавии — реальность. 25 миллионов русских в одночасье оказались эмигрантами, этого-то вы не можете отрицать, и их гонят из мест, где они были дома.

— На это у меня ответ однозначный — я этого не признаю. Они имеют полное право жить в пределах своей Родины, потому что СССР — это псевдоним России, большой России, исторической России, а не административно-территориальной единицы РФ. Я как гражданин моей Родины не могу примириться с тем, что мои соотечественники вдруг вынуждены страдать от искусственно созданных границ в пределах эфемерных образований. Не только русские, но и граждане СССР всех других национальностей.

— Но что же делать, если они стали реальностью?

— Русские не должны убегать, проявляя малодушие, они должны постоянно помнить, что там, где они живут, и есть их дом, Родина. Она создавалась в "буднях великих строек", как поется в песне, и это факт истории, проводилась государственная политика освоения Сибири, целины, создания индустрии Прибалтики, других окраин, новоселы перемещались, ехали по призыву долга и требованию государства. Были вложены огромные средства в освоение западных республик, в послевоенные годы восстановления народного хозяйства массы людей направлялись туда с благородной строительной миссией. Для кого это секрет, что русские, те, кого там именуют "мигрантами", на деле были всего лишь индустриальной, рабочей силой во всех союзных республиках. А в то же время оголялось "сердце" России. Срединная Россия оставалась без молодых и энергичных трудоспособных людей.

— Часто, однако, в общественном мнении стремление русских защитить себя, особенно на национальных территориях, не находит понимания.

— Я могу ответить на этот вопрос, обратив взоры своих оппонентов к мировым процессам, происходящим на нашей планете. Смотрите, что происходит в мире, — создаются по всему миру гражданские общества, Южная Африка покончила с апартеидом, там коммунисты пришли к власти. И это на фоне того, что в нашей стране появилась тяга к созданию этнократических государств по национальному признаку. Я не говорю уже о том, что все эти "выходы" из состава СССР, а теперь и попытки уйти из России, незаконны с точки зрения международных государственно-правовых норм. Необходимо восстановить целостность нашей Родины, другого не дано, и не надо пугать людей гражданской войной.

Когда с высоты 103-го этажа я смотрел на Манхэттен, то перед взором моим вставали несчастные индейцы, которые плыли по этой реке и били острогой рыбу. Да, думал я, это было всего лишь третьего дня, то есть 300 лет тому назад. Они, несмышленыши, продали свой остров безжалостным хищникам за бутылку рома. Я вспоминал великую историю своего народа и понимал, что моя генная память хранит чувство гражданина великих империй и огромных сообществ, в которых жили мои предки извечно.

Вот почему мой народ в свое время не столько вынужденно, но в силу исторической необходимости входил в состав России, а затем СССР, это было естественно для него, и тяга к жизни в составе великой державы осталась. Ныне убогие насильники, разрушившие Советский Союз, утверждают, что это веление времени. Не верьте! Только вспомните, какой была, например, Якутия или Казахстан 60 лет назад, или что представляли собой "хуторские" республики Прибалтики? В тяжелейших условиях за кратчайший срок было построено огромное и мощное государство, да, ценой невиданных лишений, жертв, но и миллионные массы народов, прямо скажу, пребывавшие в туземном состоянии, получили доступ к образованию и знаниям, поднялись до уровня так называемых просвещенных, передовых наций. Это ли не достижение социалистической цивилизации, причем на ее начальной, довольно скудной стадии? Где, в какой классической империи Великобритании, или Германии, или тех же США это было возможно?

— И все же Советского Союза не стало. Можно, конечно, ссылаться на пример падения крепости Соловецкого монастыря, когда всего лишь один монах показал врагу подземный ход и монастырь пал. Можно, но...

— Когда смотришь на все в исторической ретроспективе, становится понятно, что нас, как страну, подбили на лету. И в том, что такое произошло, во многом виноваты мы сами. Это мы позволили сделать, совершить над собою подобное. А предпосылки распада, стагнации, застоя возникали в нашем советском обществе исподволь, в процессе развития, и мы их видели, знали о них. Ведь ни Горбачев, ни Ельцин с неба не спустились, не вышли из преисподней. Они — типичный продукт, взращенный нашей партноменклатурной системой. Они не знают законов истории, перипетии общественного развития, не считаются с ними и действуют вразрез, ввергая в пропасть страну и народ, доверивший им свою судьбу. Какую страну получил Горбачев и что он оставил? Это же политический банкрот, как бы его ни расхваливали подкупленные журналисты... Это Герострат всех времен и народов, спаливший из тщеславия собственную страну...

Он вдруг надолго ушел в себя, горькая складка легла на губах, обидой засветились глаза.

— Нет, Советский Союз не был империей… — сказал он, как будто на что-то решившись, — если говорить о жизни нашего маленького народа, то мы жили, как наши люди говорят, при коммунизме. В 70–80-е годы люди уже вели нормальный образ жизни, и казалось, что чего бы ни пожелала душа, можно достичь — иметь работу, которую хочешь, продвинуться по службе, в творческом отношении добиться того, чтобы тебя хотели читать люди. Но… начали разевать рот на чужой каравай, эх! — Он с горечью махнул рукой.

— Вы считаете, что социализм в нашей стране погиб окончательно?

— Нет, ни в коей мере. Но дело в том, что мы в нашей советской ортодоксии были убеждены, что мы нечто уникальное, неизменное и незаменимое. Вспомним конфликты с братскими партиями, той же КПСС и КПК. Надо было прислушаться к предостерегающей критике. Теперь Китай продолжает строительство страны на социалистической базе, а нас отбросило назад, к началу века — строим якобы "дикий капитализм", то, от чего весь мир давно ушел, то, что давно отринуто мировым развитием. Но ведь гибель КПСС показательна. В ней самой был заложен механизм самоубийства, ибо людей принимали в партию не по убеждениям, а по разнарядке, исходя из управленческо-производственных потребностей Системы. Людям здравым, неординарно мыслящим, там неизбежно был уготован конфликт. И что особенно горько, в самой КПСС была внутренняя партия, номенклатура, и она-то сегодня всех обхитрила. Это очень хорошо видно на местах — до Бога высоко, до Москвы далеко, и те же партийные господа, которые при Советской власти хотя бы дисциплины и съездов боялись, считались все же, даже исповедуя двойную-тройную мораль, с общими нравственными нормами, полностью распоясались, теперь у них и власть, и деньги. Сегодня тех, кто открыто и честно, убежденно называет себя коммунистом, немного, так же, как и на заре становления этой партии, и они заслуживают уважения.

— А вы верите, что идея коммунизма жива и партия должна жить и работать?

— Сегодня особенно. И в первую очередь в связи с тем, что стыдливо называют сегодня "социальным расслоением". Пожалуй,

самое время не предавшим себя коммунистам идти в народ. Я знаю много людей, никогда не состоявших в КПСС, у которых пробуждается интерес к трудам Ленина. Их надо заново читать и перечитывать применительно к сложившимся современным условиям.

— Журнал "Наш современник" настойчиво предупреждал, что унижение русского национального самосознания чревато бедой не только для русских, но и для всей России, всего Советского Союза. Их предостережения, к несчастью, жизнь подтвердила, но народное осознание этого пришло слишком поздно. И еще беда: наблюдая поведение национальных окраин России, с горечью приходится констатировать, что многие хотят убежать, оставив "больную мать" наедине с собой решать свои проблемы. Не считаете ли вы, что это неблагородно?

— Что касается малых народов, то поведение такое объясняется интересами местных номенклатур и правящих структур, которым стала тягостна существовавшая форма зависимости от Центра. И ни в коем случае их нельзя смешивать с народом, его мыслящей национальной элитой. В подтверждение своих слов приведу в пример поведение писателей малых народов. Еще на рубеже 80–90-х ни один из малых народов России не поддался на провокации и призывы к суверенитету и сепаратизму. К сожалению, это произошло в Чечне. И связано это, конечно, в первую очередь, с войнами, разором, депортацией, у них интеллигенция не заняла ту общественную нишу, которую она имеет у других народов России. И еще на одно обстоятельство, высвеченное историей, хочу обратить внимание — не те народы, которых в Советском Союзе называли носителями древних культур, проявили государственную мудрость и зрелость, а те, к которым, что греха таить, зачастую относились свысока. Но они выстояли, до последнего стояли за единую семью. И это произошло потому, что в нас жива генная память. Мы понимаем, что нельзя нам друг без друга. Все мы — славяне, тюрки, угро-финны, кавказские народы, ираноиды, за исключением, может быть, палеоазиатского северного круга народов, несколько тысячелетий жили вместе. Бывали времена острых противоборств, но это были разногласия внутри одной совокупности. Поэтому нашим народам был так близок и понятен стиль жизни в СССР, ибо он был не только правопреемни-

ком Российской империи, но и всех тех государств, которые были на нашей территории. И к этому мы еще придем на обновленной основе. И объединимся вокруг русского народа. Я верю в духовные силы своей страны. Если бы это было не так — смысл жизни для меня был бы потерян. Моя судьба связана с судьбой моей Родины.

Я вижу уже ростки будущего — у нас, например, в Горно-Алтайске недавно прошел праздник русского фольклора. Впервые за эти последние годы. Бурный расцвет переживали национальные культуры, но почти не звучали на Алтае, как и во многих других регионах, настоящие русские песни. И вот фестиваль. Я слушал древние русские напевы, и звенела от радости душа, я понял, если такое происходит в столь отдаленных окраинах России, значит, это движение неизменно пойдет в глубь страны, в центр России. И тысячи ручейков сольются в большое русло единого духовного потока. Мне кажется, самое страшное мы уже миновали. Мы получили тяжелый удар. И в то же время это урок, полезный, нужный урок. А в истории немало примеров, когда восстанавливались большие государства.

Память народа цепко хранит достижения советской цивилизации, и она должна воплотиться в новое качество жизни.

Республика Саха, Якутия, река Лена,
газета "Советская Россия", 27 июля 1995 г.
Беседу вела Галина Ореханова

КОГДА КОРАБЛЬ ТЕРПИТ БЕДСТВИЕ, НУЖНЫ СОГЛАСОВАННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВСЕГО ЭКИПАЖА...

В проблеме взаимоотношений интеллигенции и власти, традиционно предполагающей разделение, а то и противопоставление этих полюсов, в последнее десятилетие отчетливо выделяется новый интересный аспект. Часть интеллигенции за время демократических преобразований сохранила свою "чисто интеллигентскую" принадлежность. Другая часть,

активно включившись в политическую деятельность, вошла во властные структуры. К этой части принадлежит и известный алтайский поэт, публицист и историк Бронтой Бедюров, возглавлявший Горно-Алтайскую писательскую организацию до 1990 года, а затем, будучи секретарем СП России по национальным литературам, он был избран депутатом Верховного Совета республики, членом его президиума и председателем Комиссии по внешним связям. Поэтому, жертвуя литературной и общественной карьерой в Москве, он вернулся на родину, в свою маленькую, возникшую в результате демократических преобразований, республику.

Во время новых перевыборов в 1993 году баллотироваться отказался: "Как писатель, я и так вечный депутат своего народа, его полпред в России и за рубежом". Но государственные заботы все же не минуют его: ныне Бронтой Бедюров — председатель республиканского Комитета по печати и информации.

Много лет зная его как талантливого и государственно мыслящего человека, я попросил ответить на некоторые вопросы, касающиеся строительства новой многонациональной России.

— Бронтой, как Вы оцениваете влияние последних политических перемен на жизнь национальных республик?

— Как государственному чиновнику мне было бы трудно говорить об этом, но у меня есть еще писательская ипостась, позволяющая сохранить свою индивидуальную точку зрения и твердую позицию. От чувства ответственности за свои слова и дела меня никто не освобождал и освободить не может.

Нынешние местные власти — региональные и прочие — теперь обзавелись суверенитетами. Но это их суверенитеты, а не народные. Прежние властные и другие структуры реорганизованы. Но мало было поменять их названия, старая шуба не станет новой, оттого что наденешь ее наизнанку. Реформация должна быть по сути. И надо иметь концепцию долгосрочной политики, например, в области строительства межнациональных отношений. Ее пока нет, но я сам ее вижу. В этом видении мне помогла многолетняя работа в Союзе писателей, образующем собой, собственно говоря, совокупность, сообщество национальных литератур, а следовательно, языков и народов.

Конечно, прежняя система должна была рухнуть, ибо многим людям, хотя бы таким, как и я, в ней не было места, даже при членстве в КПСС. Другое дело, что перестройка не выполнила до конца своих задач. Ситуация вышла из-под контроля.

Наше время показало, что многие из прежних партийных руководителей были людьми без убеждений и крепких нравственных устоев. Потому они быстро побросали свои партийные билеты. Но сами уцелели и нередко в новом качестве еще лучше чем прежде, чувствуют себя, сидя в тех же кабинетах, обзаведясь рычагами экономического и финансового воздействия на политику. И готовы пойти на союз с самим дьяволом, чтобы сохранить свое положение, а беды народа их мало интересуют.

— Что, по Вашему мнению, надо предпринять для оздоровления сложившейся ситуации и позитивного развития общественной жизни?

— Прежде всего, надо трезво, без розовой публицистики, осмыслить, что с нами произошло и к чему мы пришли, не сбрасывая со счета имевшие место достижения прежних десятилетий в области образования, науки, здравоохранения и в других сферах. Конечно, многие формы жизни в прежние годы стали окостеневать (и мы это хорошо видим и понимаем), мешая обновлению и преобразованию страны. Мы, творческие работники, ощущаем это как никто другой.

Затем надо выработать четкую концепцию нашего движения вперед. Меня пока не устраивает ни одна партийная программа, хотя в каждом из основных политических течений я вижу рациональное и полезное. В идеале необходима единая государственная программа на базе соединения лучших элементов всех политических движений и течений общественной мысли.

В этом процессе, я думаю, следует ориентироваться на признание того, что общество не может быть здоровым без утверждения крепкой государственности, глубокого чувства патриотизма. Поэтому правы те, кто радеет за единую неделимую Россию, основываясь на правильном понимании национальных интересов каждого народа. Ведь исторически сложилось так, что Россия строилась как государство многонациональное. И в национальной политике надо использовать многовековой опыт духовного, культурно-экономического взаимообогащающего общения.

В осмыслении происходящих процессов необходимо использовать весь мыслительный потенциал творческой интеллигенции, прежде всего писателей. Недаром же их называли властителями дум. Исходя из высших интересов Родины надо вернуть обществу высокое значение писательского слова.

К тому же интеллигенция и власть должны сделать шаг навстречу друг другу и вступить в конкретный диалог по волнующим всех проблемам. События последнего времени меня особенно убеждают в этом.

Когда корабль терпит бедствие, нужны согласованные действия всего экипажа и пассажиров, чтобы заделать пробоины, если они не хотят утонуть все вместе. Мне кажется, что и народы, и правители, и мыслители все отчетливее понимают: наклюкавшись лиха, в бушующем море не спастись поодиночке. Нам, писателям, живущим в республиках и областях, эта истина видится, может быть, более ясно, чем иным нашим коллегам, живущим в столице и других крупных центрах, где они, будучи охвачены партийными и иными страстями, подчас не могут возвыситься над уровнем приземленного бытия. Поэтому я и ценю объединительную, собирательскую деятельность Союза писателей России, представляющего совокупность всех национальных литератур, деятельность, направленную на сбережение наших общих духовных ценностей. Многонациональная литература и культура России являются уникальным целостным континентом, созданным космосом наших народов. Она всегда была и остается мощным резервом нашей государственности. Еще в дореволюционные времена многие выходцы из народов России сыграли выдающуюся роль и в структурах государственного управления, и в военном деле, и в области культуры.

Теперь особенно стоит обратить внимание и на дороссийские периоды существования государств и цивилизаций народов, вошедших затем в состав России. Это похоже на освоение еще не разработанных залежей полезных ископаемых. И это все — наше. Нам, как никогда прежде, на основе осознанных богатств каждого народа необходима выработка общего исторического знаменателя самосознания российского общества в целом. Только тогда мы все сможем, утвердясь в осознании своей единой государственности,

устоять и плодотворно сотрудничать с другими цивилизациями и мирами.

— Какое место в жизни национальных республик занимает русская культура?

— Если раньше русская культура оказывала благотворное воздействие на культуру других народов и этот процесс продолжается и по сей день, то сейчас мы можем говорить и об обратном воздействии. Не только в прошлом, а особенно в нынешнем веке шло интенсивное обогащение русской культуры, филологии, литературы духовными свершениями других народов России.

Теперь, под влиянием новой волны возрождения национальных культур, русское население на местах и в республиках тоже начинает проявлять интерес к своим собственным культурным традициям. Например, снизу, в основном на фольклорной основе, начинается развитие народного творчества. И похоже, что оно пойдет не по партийным направлениям, раскалывающим, а не сплачивающим общество, а именно по духовной стезе вековых традиций. Когда люди начинают слушать и ценить свое слово, свое национальное искусство, начинают петь — тогда очищается душа, светлеют глаза и мысли, наступает нравственное преображение. Я очень хорошо это почувствовал на русском песенном празднике, проведенном у нас в Горном Алтае на Троицу. Сколько собралось фольклорных коллективов! Значит, жив русский дух! И если мы сохраним слово русское, алтайское, юкагирское, нанайское и все другие — сохраним Россию.

Может быть, мы начинаем выздоравливать? Пример такого выздоровления я видел в Республике Саха (Якутия) во время проходившего там нашего российского писательского пленума. Якуты ничего не забыли из своего национального существа, но в то же время они являются носителями и продолжателями замечательных традиций русской культуры. Вот пример: ныне 89-летний якутский народный писатель Суорун Омоллон (Сивцев) основал 5 музеев (из них два — литературные), хранящих традиции русской и национальной культуры. Побольше бы нам таких подвижников! Как можно говорить после этого, что Россия "загибается"? Я в это не верю! Мое убеждение подкрепляется моим знанием историка, востокове-

да, мыслящего категориями и масштабом столетий, а не годов и дней.

— В моменты общественных потрясений очень важно, как Вы сказали сами, значение писательского слова. Как оно звучит и откликается сегодня?

— В течение последнего десятилетия, я, к сожалению, как и многие мои собратья по перу из национальных республик, не имею широкой трибуны, даже занимая общественные и государственные посты. Между тем, такие замечательные писатели как Алим Теппеев (Кабардино-Балкария), Равиль Бикбаев (Башкортостан), Ринат Мухамадиев (Татарстан), Александр Даржай (Тува), Баир Дугаров (Бурятия), другие представители национальных литератур могли бы внести новую струю в обсуждение острейших проблем, способствуя принятию более разумных парламентских и иных властных решений. Они, появившись на небосклоне Российской словесности на смену таким корифеям, за плечами которых целая эпоха, как Р. Гамзатов, Д. Кугультинов, К. Кулиев, М. Карим, А. Кешоков, представляют новую генерацию мастеров слова, продолжающих лучшие традиции нашей многонациональной литературы и отчетливо понимающих реалии нового времени. Они не менее талантливы, чем их предшественники, хотя кризис издательского дела не способствует их большей известности, которую они заслуживают.

К сожалению, сейчас многие в отличие от них напоминают офицеров, которые после революции, после поражения в гражданской войне, приставляли пистолет к виску, в то время когда надо было выстоять, выдержать, перетерпеть. Мы не можем позволить себе поддаваться такой слабости, необходимо работать в сложившейся исторической обстановке, имея в виду заветную цель — возрождение нашего многонационального Дома — с тем, чтобы каждому народу в нем нашлось свое достойное место.

Республика Саха, г.Якутск, июнь 1995 года
газета "Российские Вести", беседу вел Валентин Новиков

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С АЛТАЯ

Интервью с президентом Конгресса тюркских народов России

— Бронтой Янгович, в конце сентября прошлого года, давая сообщение об избрании Вас президентом Конгресса тюркских народов России, еженедельник "P.S." обещал дать вслед за этим Ваше интервью. Как мы можем объяснить сейчас эту задержку нашим читателям?

— Если бы я сказал, что задержка связана с командировками в Москву и другие города, это было бы лукавством. Приближались, как мы помним, выборы в Госдуму России, и, если честно, меня вывели из борьбы задолго до выборов. На кого я мог бы рассчитывать? К сожалению, декабрь показал, что настоящих патриотов у нас в республике еще нет. Во время предвыборной кампании я был занят другим, более конкретным делом — подготовкой к 1450-летию первого Тюркского каганата.

— Связано ли это событие каким-то образом с началом работы Конгресса тюркских народов России?

— Конечно, без создания нашего Конгресса празднование столь знаменательной даты в столице Родины было бы невозможно. В сентябре нам удалось достичь главного — от имени 15-миллионной тюркской общины провозгласить, что без России у нас нет будущего. И в Москве это услышали. В отличие от сепаратистов всех мастей участники нашего Конгресса заявили о своем намерении крепить российскую государственность. Мы должны были подтвердить свое право на участие в делах Российского государства. И в феврале на праздновании 1450-летия мы это право подтвердили.

— Можно ли сказать, что среди российских тюрков царило с самого начала полное единодушие?

— Нет, конечно. Особую позицию пытались занять на первом съезде Конгресса представители Татарстана. Тогда я спросил у них: от какого наследства они собираются отказываться? Что значит отказ от "имперской политики"? Если идти на это, то надо отказываться от культуры, которую созидали Карамзин,

Тютчев, Аксаковы, Тургенев, Рахманинов, Уланова. И многие, многие другие имена пришлось бы забыть тюркам России, зная, что они принадлежат нам в той же мере, как и русским. Я спрашивал у казанских татар: неужели вы собрались отказываться от князей Шереметьевых, Юсуповых, Урусовых? А если мы обратимся к историческим документам, то сплошь и рядом наравне с русскими упоминаются "служилые татары". Так кто же проводил "имперскую политику" на Востоке? Кого восторженно встречали в Тибете — разве не татар или башкир? И разве не они с благословения Царя обратили казахов в свою веру? Пусть на Западе пишут что угодно об "империи зла", нас это не касается.

Были и другие проблемы. Чувашская делегация во главе с Миши Юхма пыталась занять на Конгрессе более привилегированное положение по сравнению с остальными. Но давайте посмотрим честно правде в глаза: разве вклад чувашей сопоставим с тем вкладом, который внес, допустим, татарский народ в становление Российского государства? Если идти таким путем, татары и калмыки снова окажутся в таком же положении, в котором находились в годы правления КПСС. В то время эстонцы, молдаване или туркмены занимали в Союзе более привилегированное положение, хотя их заслуги перед Отечеством были гораздо скромнее. Я думаю, что чувство ущемленности, засевшее в тюркских народах России со сталинских времен, дает о себе знать до сих пор. К счастью, первые шаги на пути его преодоления уже сделаны.

— В свое время нам внушали со школьной скамьи, что история СССР начинается с государства Урарту на территории нынешней Армении. Теперь среди учителей некоторая растерянность. Что же они должны теперь говорить, на Ваш взгляд?

— Армения показала после 1991 года, что отношения к традициям Российской государственности она никогда не имела. Литва тоже отказалась от общего исторического наследия, идущего со времен Московской Руси. Из всех союзных республик пока что одна Белоруссия подтвердила свою верность традициям Российского государства.

Наша история начинается, конечно же, не с Урарту. Если бы это было так, то армяне должны были выступать в предшествую-

щей истории как народ-собиратель. Но этого нет. И если говорить о феномене Российского государства в нынешних его границах, то задолго до Киевской Руси на просторах Евразии первыми построили государство гунны во главе с Атиллой — это было во времена римлян. Киевская Русь была сравнительно невеликим государством — я же говорю сейчас о традициях евразийской государственности, пытаясь понять, что же помогает России стоять в своих границах на протяжении веков. И прихожу к выводу, что ее будущее — только в славяно-тюркском союзе, который уходит своими корнями вглубь столетий.

— Но Запад по-прежнему надеется на крушение Российской империи, многим из тамошних политологов и геополитиков кажется, что этот час близок. Как Вы считаете — их прогнозы оправдаются?

— Никогда. Я согласен с российским историком В. Алексеевым в том, что XXI век — это век империй. Скорее всего, к их числу будут принадлежать Китай, Россия, Германия, Япония и, по всей видимости, одна из мусульманских стран Ближнего или Среднего Востока. Мы живем в период уходящей англо-саксонской эры, пишет В. Алексеев, наблюдая ее последние судороги в виде "нового мирового порядка", "бури в пустыне" и т.д. XXI век будет веком возрождения национальных традиций государственности, и никуда нам от этого не деться.

Запад долгое время навязывал России собственное видение нашей истории. В наши дни, на основе новой теории этногенеза, ведущей к пересмотру исторических дат, базировавшихся на европоцентристских представлениях прошлого века, следует осознать исключительность Российской Федерации как единственной в мире евразийской державы нашего времени. Для удобства отсчета и понимания преемственности государствообразующих традиций, условно говоря, можно выделить пять историко-культурных периодов в истории нашей страны: скифский, гуннский, тюркский, монгольский и русский (включая советский), которые, преображаясь и развиваясь, продолжаются до сих пор. Об этом я сказал на праздновании 1450-летия первого Тюркского каганата.

— Бронтой Янгович, считаете ли Вы, что эта дата будет иметь какое-то значение в переосмыслении истории России?

— В своем докладе я напомнил слова князя Н. Трубецкого из его работы "Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока". Название работы говорит само за себя. Так вот, с его точки зрения: "Государственное объединение Евразии было впервые осуществлено туранцами (тюрками), и носителями общеевразийской государственности сначала были тюркские кочевники". В наше время много рассуждали об особом предназначении Алтая, но при этом как-то забывали до последнего времени, что именно Алтай в VI веке стал одним из центров мировой цивилизации. Алтайские тюрки создали прообраз будущей Российской империи, считает современный историк С. Кляшторный. С точки зрения евразийства, русские продолжили в Азии дело собирания тюркских и других народов в единое государство, заставляя каждого из них смотреть на русскую государственность как на свою собственную, родную. Вот где должны мы искать объяснение тому феномену, о котором я уже говорил.

История России в свете новейших открытий представляется нам как смена династий с V века, когда Атилла соперничал с Римом, и VI века, когда Ашина дал начало тюркской династии, вплоть до наших дней. Тюрки передали эстафету киевским князьям, от них власть перешла к Рюриковичам, потом было время, когда Александр Невский заключил в Каракоруме союз с Ордой против посягательств Запада, позже возвысилась династия Романовых, но славяно-тюркский союз оставался нерушимым, и русские витязи вместе с монголо-татарами ходили в походы на Индию, Китай, в Среднюю Азию и на Ближний Восток, не говоря о Европе, которая всегда хотела господствовать над Россией.

Так что мы сейчас стоим на пороге переосмысления всей предшествующей историографии. Люди, затеявшие в 1985 году перестройку, не имели осмысленной исторической концепции, которая помогла бы им не только сохранить, но и укрепить Союзную страну. Они не смогли выстроить такой приемлемый и понятный всем ряд, когда каждый из народов страны, в том числе и мы, тюрки, имели бы под собой общий исторический знаменатель и чтобы никто не ощущал себя завоеванным, покоренным или приведенным помимо воли под общий российский кров.

К сожалению, авторитет З. Бжезинского для "прорабов перестройки" оказался выше, чем авторитет Л. Н. Гумилева, впервые доказавшего, что все народы России — дети одной семьи.

— Республика Алтай в феврале впервые получила широкое признание на федеральном уровне. Какой видится Вам в дальнейшем ее роль во внутренней и внешней политике России?

— С распадом Советского Союза взоры наиболее здравомыслящих российских политиков обращаются на Восток. Будущее России — на просторах Сибири. Когда я путешествовал в прошлом году по Якутии, мне показалось, что наша республика в географическом отношении безнадежно проигрывает северному собрату. В XXI веке Якутия будет вовлечена в большую геополитику — это бесспорно. Будущее мира — в Сибири, на Востоке. Какую же роль история отведет нам? Вслушиваясь в откровения наших мудрецов и пророков, вглядываясь в очертания российской общности конца XX века, начинаешь зримо различать соединение трех миров, рождение буддийско-исламско-христианского союза. Силы зла пытаются разрушить его, но Россия уже имеет небольшой островок, где рождается прообраз будущего миропорядка, — это наша республика. Три мира соединились на Алтае в единое целое, и наше будущее — в этом триединстве. Нигде в мире этого больше нет.

Встречаясь с послом тибетского Далай-ламы, бывая в Турции и общаясь с участниками III Всемирного Русского народного Собора в прошлом году, я пришел к тому, что Алтай снова может стать, как и 1450 лет тому назад, объединяющим началом — и не только для России.

Интервью подготовил Н. ВИТОВЦЕВ.
газета "P.S.", 1996 г.

ВСЕ МЫ... СКИФЫ?

— Сейчас считается очень современным искать свои корни, причем каждый старается найти что-нибудь особенное. Как вы относитесь к таким "поискам", считаете ли вы, что после стольких веков это имеет какое-нибудь значение?

— Если человек ищет свои корни в целях чисто исторических, то это вполне нормально, я бы даже сказал, оправданно, по крайней мере это служит еще и самообразованию. Куда хуже, когда человек пытается найти что-то, что послужит корыстным целям, зачастую на неверных исторических сведениях строят политику, точнее, просто спекулируют заведомо ложными фактами. А что касается интереса граждан к своему происхождению, таким "корневым" поискам есть очень показательный пример: представьте себе "брежневские времена". Некий господин Каганович требует выпустить его из Союза на историческую родину. Его требование законно с точки зрения прав человека, но вот только родина его не там, где он ее желает видеть. Я имею в виду этническое происхождение: он не семит, но тюрк. Когда распался Хазарский каганат, в XI веке часть приняла ислам и христианство, а часть — иудаизм. Так что на территории Восточной Европы господин Каганович не меньший абориген, чем чуваш, мордвин, русский, кумык и так далее. С исторической точки зрения формулировка требования о выезде должна была бы звучать как "для воссоединения с единоверцами", а то ведь ирония получается: хотите на родину, пожалуйста, вы уже здесь. Вот вам и корни.

...Все мы на протяжении многих веков жили на одной огромной территории, и вопрос, "кто, где, раньше кого" может довести до того, что начнутся выяснения, кто где жил в каменном веке. И дело здесь не в корнях, не в происхождении, просто этнический вопрос всегда был самым удобным для политических интриг. А я предлагаю подход исторический, следовательно, наиболее верный, отстоявшийся во времени и пространстве. Наша вечная Евразия — это Россия — правопреемница и наследница всех предшествующих ей по времени государств и династий. Все мы — не только советские, но все мы — скифы...

— В скором времени ожидается празднование 1450-летия образования первого тюркского государства на территории России. Такая дата у многих вызовет недоумение, поскольку этот вопрос крайне редко освещается. Поэтому, Бронтой Янгович, расскажите поподробнее, что это за тюркское государство, как и когда оно образовалось.

— Эта дата отмечается впервые. И не только в России. Как всем известно, каждый народ имеет свою исходную точку, от которой исчисляется его история. Скажем, русские историки приняли 862 год началом истории существования Руси, римляне приняли весьма условную дату — основание Рима, арабы вполне реальную — бегство Мухаммеда из Мекки в Медину, а для всех современных тюркских народов, не только на территории России, явился такой отправной точкой 545 год, когда в горах Алтая зародилось государство тюрков под главенством династии Ашина. Тюрки, вышедшие из хуннской общности после ее раскола, около 460 года переселились к отрогам Алтая и занялись добычей железа. В ту пору они находились в вассальной зависимости от государства абаров, народа, который занимал территорию современной Северной Монголии. Тюрки плавили железо и охраняли западные границы этого государства. В то время на территории Китая бушевали войны, и одна из сторон решила обратиться к испытанной силе — кочевникам-тюркам. И неожиданно в тюркскую ставку на Алтае прибыл посол Северо-Китайского государства, говоря современным политическим языком, это было признанием тюрков как суверенной стороны. В это же время восстали алтайские телеуты. Они снарядили народное ополчение и пошли в поход на абаров. Тюркский хан, как вассал, должен был отразить их, выполнив свой долг по отношению к государству, но телеуты изъявили покорность тюркскому хану, потому что из ущелий Алтая им навстречу вышла необычная панцирная конница, воины, закованные в латы, с длинными копьями. Это всего лишь малая, начальная часть истории, которую чтят и хранят народы Алтая. Границы тюркской державы расширились — на востоке она граничила с Китаем, а границей между ней и иранским миром был Дербент, в районе Причерноморья, западного Кавказа — с Византией. Таким образом, Тюркский каганат стал

четвертой мировой державой того времени. Сфера экономических и политических интересов того времени — это именно торговые пути с востока на запад, из Китая в Византию, — контролировалась тюрками.

— Какие тюркские народы проживают на территории России?

— В настоящее время тюркские народы в России являются вторым по величине этносом после русских. Каждый десятый житель России — тюрк, итого — 15 миллионов. На протяжении своей долгой истории тюрки контактировали со многими народами, и вливания из тюркского языка очень четко проявляются и в русском языке. Вся история современной территории России — это история смешения языков и рас. У тюрков представлены практически все типы: среднеазиатские, алтайские тюрки — монголоидного облика, тюрки европеоидного и угро-финнского типа — это башкиры, чуваши, татары в Поволжье и Урале. В современной России четыре основных региона, населенных тюрками. На Северном Кавказе горские тюрки — карачаевцы, балкарцы, кумыки и степные ногайцы, которые возникли на гунно-болгарской, хазарско-половецкой основе, в Приуралье и Поволжье — башкиры, чуваши и татары, в Сибири — алтайские тюрки, хакасы, тувинцы, шорцы, телеуты, далее от Урала — еще несколько маленьких этносов, которых обобщенно называют сибирскими татарами. И крупный массив на севере — якуты, это самостоятельная ветвь. В хуннскую эпоху они составляли периферию тюркского мира, а потом отошли на север, но тем не менее, изучая якутскую мифологию, язык, историю, я убедился, что в экстремальных условиях Севера они сохранили культуру и традиции своей южной родины. Сохранили коневодство, изготовляют кумыс..

— Сохранились ли исторические свидетельства древнего государства в районе Алтая, на территории современной России?

— Конечно, во-первых, сохранились народы — носители традиций древнетюркской государственности. До сих пор стоят древние курганы на юге России, в Сибири, на Алтае, в Туве, Хакасии, Семиречье и Монголии. И самые яркие памятники — это каменные стелы с письменами на тюркском языке. Они были обнаружены в 1889 году известным сибирским ученым-этнографом Ни-

колаем Михайловичем Ядринцевым. Это произвело сенсацию в академических кругах, в том числе и в Европе. Расшифровкой занялся известный датский лингвист Томсен, он нашел ключ к расшифровке через год, в 1893 году, передал его российскому академику Радлову, поскольку тюркским языком сам Томсен не владел. Этими письменами заинтересовались финнские ученые, которые упорно искали свою прародину, и, поскольку письмена напоминали скандинавские руны, они подумали, что надписи сделаны на древнефиннском языке. Но "к сожалению", это оказался тюркский язык, и до сих пор ученые не знают, когда и как зародилась тюркская письменность. Имеются также письменные свидетели иностранных посольств: так, например, Земарх, византийский посол, прибыв в ставку тюркского хана, был повержен великолепием его двора, о чем и оставил записки. Это свидетельствует о многом: Земарх видел пышные покои константинопольских дворцов.

Остались, конечно же, предметы материального искусства, в основном результаты археологических раскопок. А в духовном: до сих пор у тюркских народов России сохранился богатейший древний эпос, культура, обычаи, древняя религия.

— Ваша организация называется Конгрес тюркских народов России. Какие задачи ставит перед собой организация, нет ли в ней модного ныне духа сепаратизма?

— Ни в коем случае. Ни о каком сепаратизме или, что еще хуже, национализме нет и речи. Мы сознаем себя не просто тюрками, а тюрками России. Надо смотреть прямо в глаза исторической реальности: Советского Союза больше нет. Есть новая Россия, здесь наш дом на протяжении многих веков. Мы хотим сохранить культуру, которая всегда была и культурой России, ее составной и неотъемлемой частью. Мы готовы взаимодействовать со всем тюркским миром, но осознавая себя именно с позиции России и российских граждан.

— Как вы относитесь с стремлению некоторых лидеров национальных движений получить суверенитет с исторической точки зрения, не говоря уж о политике?

— Я коснусь не только проблемы желания некоторых политиков, а подобных тенденций вообще. К сожалению, это последствия исторического бескультурья. Мы живем именно в тот период, когда вместо исчезнувшего старого — союзного — центра

возникает новый. И по-другому быть не может. Не было такого еще в мировой истории. Так или иначе этот центр возникнет.. И те политики, которые охвачены сепаратизмом, ставят свои народы на край.. Дело здесь не в завоеваниях, о которых так много говорится, их теперь величают "имперскими интересами", а в том, что такая историческая необходимость объединения рано или поздно возникает. Что же касается завоеваний как таковых, криков об оккупации, так это не более, чем политическое невежество. Вспомните Вьетнам, Афганистан и так далее. Даже великие державы не в состоянии завоевать народ, который вовсе не стремится к воссоединению с ними. Если бы люди понимали, что мы переходим из одной фазы в другую, что все это не иначе как плавный исторический путь, то они бы поняли, что Россия никого не завоевывала, собрала прежнее "ордынское" наследие. От действительно завоеванных народов и малых племен в истории остаются лишь названия, звук, и тому много примеров. Посмотрите на состав Советского Союза с позиций исторических — это же одна и та же евразийская семья, кроме, может, прибалтов. Когда-то над всей этой территорией главенствовала другая власть, но все мы были так или иначе связаны ею. А это уже означает родственные корни.

— Бронтой Янгович, вы как-то сказали, что "все мы вышли из серой советской шинели". Многие оппоненты ухватились за эту фразу. Особенное внимание привлекло слово "серый": мол, "серость". Какой смысл вы вложили в эту фразу?

— Нет, Этой фразой я хотел подчеркнуть, что история неизменяема. Она уже состоялась и действительно только прошлое. А поскольку мы ее наследники, будь ты хоть демократ, хоть монархист, хоть коммунист, хоть жириновец, все мы вышли из советского периода, кроме разве что пятилетних детей. И все мы хотим блага своему Отечеству, но каждая политическая сила понимает это по-своему. А "серая шинель" — каждый может понимать по-своему. Для меня же это и гоголевская "Шинель", и суровая солдатская, пропитанная кровью наших отцов и дедов. Кому-то не понравилось слово "серый", но на нашу историю каждый день выливались потоки черной грязи, и что же, все равно на это уже никто не обращает внимания. Люди и народы помнят свое прошлое. Возвращаясь к

национальным движениям, я хочу напомнить тем, кто озабочен локальными вопросами суверенизации: вспомним своих великих предков, нет, не только степных воителей и созидателей империй, но и носителей знаменитых русских фамилий — Юсуповых, Шереметьевых, Кутузовых, Урусовых, Баскаковых — все они были сторонниками державного подхода, а значит, защищали интересы России как страны. В древней истории следует искать опору, общий знаменатель, который сплачивает, а не разъединяет нас посреди обломков общей Родины. Нам всем крайне необходимо чувство общности и сопричастности к судьбам друг друга.

Беседу вела Елена Алекперова.
"Литературная Россия"
19 февраля 1996 г.

Беседу вел майор И. ЯДЫКИН
("Красная Звезда", 2 декабря 1990 г.)

У НАС ПУТЬ ОДИН

Бронтой Бедюров — личность яркая, незаурядная. Востоковед, историк, фольклорист, общественной деятель и, самое главное, поэт — глубоко национальный, талантливый, самобытный, широко известный не только у себя на Алтае, но и по всей России и за ее рубежами. Журналист Т. Сартакова встретилась с известным поэтом и попросила поделиться с читателями "Витрины" тем, что больше всего волнует его сегодня. Вот что он рассказал:

— Меня, как и всех здравомыслящих россиян, волнует искусственное расчленение народов России. Ведь мы не кочевники, и нам некуда деваться друг от друга на одной шестой части Земли, существовавшей последние семьдесят лет под именем Советский Союз. И не в названии дело. Дело в том, что мы — единая великая семья, в которой все мы выросли, которой должны и благо-

дарны. Мы спаяны такими крепкими узами, что наше расчленение может быть только временным. То, что происходит с нами последние десять лет, это миг в историческом потоке. Периоды раздробления были уже в России, были они и в Великой Монгольской империи, и в Тюркском каганате, и во многих крупнейших империях мира. И всегда эти периоды деградации неизбежно заканчивались возвратом к единению. Произойдет это и у нас. А вот как скоро — зависит от народа. Когда пахарю станет невозможно пахать, скотоводу пасти скот, а купцу спокойно торговать из-за разбоя-рэкета, когда даже богатым людям — банкирам — станет невозможно жить на своей родной земле, тогда из глубин народа появится новый вождь-объединитель, лидер-созидатель. Так всегда было в истории человечества. Само общественное развитие вызывает к жизни и деянию такие исторические личности, которые возбуждают в обществе появление центростремительной силы. Наша страна всегда держалась на балансе центробежных и центростремительных сил: объединяющего всех Центра и разбросанных на сотни тысяч верст окраин. Сейчас баланс нарушен, люди, целые регионы в смятении, везде беззаконие, бесправие, бездуховность, растущая нищета, разбой, войны, кровь. И ведь не сами народы вдруг рассорились между собой, разорвали многолетние дружественные связи, разрушили свою мощную державу. Это сделали политические клики. В Советском Союзе, безусловно, было много негативного, ошибочного, но не надо забывать, как много было хорошего. На будущем этапе нам придется многое переосмыслить и многому поучиться на нашем временном историческом поражении.

Посмотрите: те народы, на которые у нас порой поглядывали пренебрежительно (будем откровенны!), до конца остались с Россией, с русскими — мордва, марийцы, удмурты, чуваши, калмыки, алтайцы, хакасы, буряты, еще многие другие. Те же народы, которые находились на особом привилегированном положении, на дотациях Центра и были всячески обласканы, теперь, забыв добро и помощь России, забыв, зачем и почему они добровольно присоединялись к ней, с непонятным злорадством бросили ее, стали как бы независимыми государствами и с дикостью варваров убивают друг друга. И что их ждет впереди? Какие новые порабощения? Я, ал-

таец, хочу подчеркнуть, что русская цивилизация — совершенно особая в мировой истории. Она никогда не истребляла ни один входящий в нее народ, не подавляла ничью веру, язык, обычаи. Наоборот, способствовала движению навстречу друг другу, взаимодействию и взаимовлиянию культур, всем и всячески помогала. Такого больше не было в истории землян. Немецкая цивилизация — ассимилирующая, американская — поглощающая, китайская — растворяющая. А русская — сохраняющая, оберегающая. Только русская!

Сегодня тело русского народа разрублено, впервые за пятьсот лет — со времен основания Московского государства. Над этносом нависла смертельная опасность. Но русский народ еще не пришел к осознанию этого. Он пока не испытал, не почуял этнического смертного страха. А ведь положение гораздо хуже, чем в Отечественную войну. Там враг был впереди, тыл позади, и все предельно ясно: или ты врага, или он тебя. Теперь враг невидимый, трудно обозначаемый и распознаваемый. Коварные политики обманули народ, втянули в братоубийственные войны, посеяли рознь между людьми. И сегодня, как никогда, возросла роль слова, роль писателя в обществе. Писатели обязаны бить тревогу, звонить во все колокола, будить, просвещать народ, звать к единению, пока не стало слишком поздно. Когда мы все поймем, что у нас только два пути, всего лишь два: погибнуть или победить, — вот тогда мы и победим. Мы — это все народы, составляющие Великую Россию.

Журнал "Витрина", №3, 1996.

ОБ "ИСТОРИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЕ"

(Ответы на вопросы)

1. Необходимость создания такой газеты вызрела давно. Она обозначилась еще в советское время: среди множества изданий не было ни одного, кто мог заняться восстановлением исторической правды. Особенно сейчас, когда общество переходит из одной формации в другую.

2. Потребность спокойного взгляда на проблемы истории советского периода, ибо на наших глазах завершилась великая эпоха: отделить зерна от плевел. Самое благодатное время для анализа прошлого для поэта и историка, ибо пока нет идеологического диктата. Мы видели только красных героев, теперь видим только белых героев. Но и те и другие — персонажи одной русской истории. И нам пора узнать настоящую правду происшедшего.

3. "Историческая газета" должна быть газетой российской государственности.

4. Поскольку я — представитель восточного окоема государства, предлагаю ввести рубрику "Вечная родина". Это понятие более глубинное, чем просто родина, более емкое, чем узкоэтнические интересы, близкое к понятию "праматери" — территориально объединяющее.

5. Я могу предложить археолога Д. Г. Савинова, историка С. Г. Кляшторного, председателя росийского комитета тюркологов Э. Р. Тенишева, якутского академика А. И. Гоголева, алтайских писателей А. О. Адарова, С. С. Каташа, бурятского поэта и ученого Баира Дугарова... Многих!

6. Конечно! Солидное, респектабельное, независимое издание.

Напутствие: Достичь глубин прошлого и высот будущего, твердынь и крепости духовной.

Предупреждение: Помнить, что история — мощный поток и не выходить из его русла. Не следует уподобляться щепке, мечущейся между левым и правым берегами. Избегать крайних форм политизации.

Пожелание: Не боясь бурных рек, искать переправу.

История — это путь в вечность.

15 марта 1996 г.

ХРАНИТЕЛИ ЗНАНИЙ, МУДРОСТИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Один из самых близких мне людей — это библиотекарь, наряду с учителем. С ним я иду и работаю бок о бок всю свою сознаваемую жизнь. С библиотекой я дружу с тех пор, как еще до школы научился читать по складам в горном селении Кулада, что у подножия горы Уч-Сюмер, где я вырос.

Библиотекарь — это человек, который дарит нам знания, помогает расширять свое сознание и крепить свой дух.

Что такое вечность и смысл человеческой жизни, его трудов и радений, я начал понимать, лишь общаясь с древними манускриптами в стенах разных библиотек страны — Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Томска, Барнаула, в разные годы своей жизни.

Очень многое мне дали наши горно-алтайские — ныне республиканская и детская — библиотеки.

Первые мои научные, творческие интересы начали складываться в стенах этих библиотек.

Я не только читал, но имел и прямую радость и удовольствие работать в стенах самой республиканской библиотеки, где располагалась наша писательская организация в течение 16–17 лет, вплоть до осени 1985 года, пока мы не переехали.

Многих библиотекарей я помню и люблю: Р. П. Кучияк, С. П. Арыкову, А. С. Семиллер, Л. Т. Баштыкову, С. П. Чинчикееву, С. Ч. Мекечинову, А. П. Черепанову, Н. И. Сальченко и из молодых Г. Т. Арбаеву и других, которых помню, но не могу всех назвать поименно.

Добрые слова хочу сказать библиотекарям Онгудайского аймака, которые выдавали мне книги под честное слово, еще несмышленому юнцу с вечно разбитыми очками.

Я считаю, Республика Алтай будет иметь достойное будущее лишь тогда, когда власть предержащие разных уровней всерьез и с вниманием отнесутся к библиотекам, школам, архивам, всему, что составляет основу просвещения и знания, культуру в большом, а не ведомственном смысле слова.

Я бывал в старинных городах Германии, которые и по сей день не больше нашей столицы, упоминаю об этом в связи с тем, что всем нам следует осознавать, что именно в таких малых городках в свое время вызревала и развивалась большая европейская наука, совершившая переворот в мировом масштабе.

Я обращаюсь к молодому поколению читателей, нашим детям, чтобы они большую часть времени проводили в библиотеке, а потом уж ходили на вечеринки и танцульки. Поверьте, что у вас не меньше, а даже больше условий, чем у живущих в больших городах.

Берите пример хотя бы с меня и других наших не менее знаменитых людей. Они росли и формировались не в тепличных условиях, а в нашем суровом и очень отдаленном краю. И когда люди в Европе, в Америке, Турции спрашивали меня, удивляясь, откуда и где получил такие знания, то я им отвечал, что обязан этим нашим школам и нашим библиотекам, а они с недоверием покачивали головами, им казалось, будто я учился в Сорбонне, Оксфорде или Гарварде.

Я считаю, нужно бережно относиться к библиотекарям, как к главным хранителям знаний, мудрости и просвещения, особенно если учесть, как стремительно дичает и отвыкает от чтения наше общество. Это люди, которые представляют связующее звено между прошлым и будущим.

Читаталь, помни, получая из хрупких рук библиотекаря книгу, ты касаешься глубин прошлого и высот будущего!..

Я от души рад поздравить библиотекарей с их первым праздником, и пусть этот праздник будет всегда с нами.

Газета "Звезда Алтая", 24 мая 1996 г.

ТЮРКИ ЗДЕСЬ НЕ ПРИШЕЛЬЦЫ

Наш собеседник — Бронтой Янгович Бедюров — алтайский писатель, ученый, президент Конгресса тюркских народов.

— В середине января я был в Москве и встречался с министром по делам национальностей, представителями Госдумы. Конгресс — это неправительственная общественная структура, которая могла бы работать в интересах России и углубления сотрудничества с нашими бывшими согражданами и соотечественниками — представителями тюркских народов. Но деятельность конгресса наталкивается на ряд финансово-экономических препятствий. Вопрос я поставил так: нужны ли тюрки России?

— Удалось ли что-нибудь разрешить в связи с такой жесткой постановкой вопроса?

— Трудно, но я их озадачил. Наша организация была создана по распоряжению российского правительства за подписью Черномырдина и непосредственно под эгидой Министерства по делам национальностей. Но ребенка-то они родили, а пуповину отрезать забыли. Надо же его выхаживать, ему пеленки и обутки нужны.

И беда в том, что все наши политики так же, как и раньше, не до конца понимают тип нашей государственности, т.е. России как таковой. Кто такие чеченцы? Они более 1000 лет находились в орбите тюркского мира. Распад Советского Союза на территории Евразии создал совершенно другую расстановку сил. Политики же в Москве этого не понимают, для них в общем-то ничего как будто не изменилось. Они не понимают, что Московский военный округ есть пограничный округ, южнее Воронежа — уже Дикое поле, образно говоря, границы Крымского ханства. Здесь у нас, в Сибири, Алтайский край, Новосибирская, Омская области — прежде внутренние области России — стали пограничными (граница проходит, как в середине XVIII века). И сейчас у нас, на Алтае, ситуация, как в середине XVIII века — время подданства Алтая России. Это чрезвычайно! Мы находимся здесь, на Алтае, на стыке трех цивилизаций, трех миров. Хорошо, когда эти миры

взаимодействуют, но когда эти тектонические плиты начнут стукаться друг о друга, мы можем получить Боснию и Герцеговину или Ливан.

Внешние силы сегодня чрезвычайно заинтересованы в слабости Российского государства. А сила или слабость страны в немалой степени зависят от позиции именно российских тюрков, для которых Россия является их отечеством издревле. Они здесь не пришельцы. Некоторые политики начинают утверждать, что мы не евразийцы. Почему же американцы, во всяком случае потомки переселенцев из Европы, не бьют себя в грудь кулаком и не кричат, что они — европейцы, а говорят: "Мы американцы"? Почему у нас, в России, люди кричат, что они — европейцы. Из Европы мы вытолкнуты, а все уверяем себя, что мы европейцы. Даже в территориальном отношении большую часть страны составляет Сибирь, иначе говоря, Северная Азия. В этом смысле Россия пока что является единственным (по праву) и географически, и территориально, и культурно-исторически, по типу государственности евразийским государством. Единственная страна, которая точно так может претендовать на это пространство, — это Турция, тоже евразийское государство. И Турция, и Россия имеют одни общие корни. Россия от Византийской империи унаследовала духовность в виде православия. Турция от Византии унаследовала территорию, а также бытовую и материальную культуру. У этих стран одни истоки. Следовательно, ослабление России означает автоматическое возвышение другой силы. Ни китайцы, ни немцы не могут претендовать на Россию: они не являются евразийскими государствами.

Сегодня впервые за 500 лет баланс сил, к великому сожалению, складывается не в пользу России, чего не понимают политики всех оттенков и мастей в Москве. Евразия имеет свои четко очерченные границы, за которые нельзя переступать. Монголы в XIII веке к 1242 году дошли до Вены, и уже не было никакой военной силы, которая могла бы их остановить. Но вмешалась Божественная сила, нужно было, чтобы император Угедей в Каракоруме скончался и войска отозвали назад, но монголы успели перед этим разбить лучшие силы польских и немецких рыцарей в битве при Лигнице. Там же действовали не только монголы, но и

русичи. А за 700 лет до этого события произошло то же самое на Каталаунских полях. И тоже угодно было Богу, чтобы Аттила скончался. Есть в мире некая сила, которая спасает и разворачивает ход событий. Кстати, об этом есть интересное рассуждение Толстого в романе "Война и мир" о движении народов с Востока на Запад и с Запада на Восток. И с этой точки зрения тюрки со славянским родом с изначальных времен находятся в нерасторжимом единстве и союзе.

В VI веке, когда возникло тюркское государство, именно на Алтае был Центр Евразии. В XIII–XIV веках весь Старый Свет находился под единым руководством, когда и Китай, и Монголия, и Алтай, и русские княжества, и Средняя Азия, и Кавказ, и Индия, и Персия находились под единой властью очень длительное время. С тех пор это единство не прекращалось. Только в XVI веке пальма лидерства перешла к Москве. Москва переняла эстафету, как сын от отца. Это был естественный переход. Говоря современным языком, один субъект Федерации стал законным Центром. Тибетско-монгольские народы, да и все тюркские народы, это хорошо понимали, у них всегда был почитаем "белый государь".

— В чем конкретно Вы свои задачи видите сегодня?

— В решении вопроса о тюрках как гражданах России. Мы должны себя осознавать в новом качестве — не просто тюрками, алтайцами, казахами, башкирами, татарами, калмыками, ногайцами, хакасами. Мы — тюрки России. Только в этом качестве, ощущая за спиной свою страну, свое Отечество исконное — Россию, мы можем и должны взаимодействовать с остальным тюркским миром и с другими мирами. Уникальность тюркского этноса заключается в том, что тюрки не только многочисленны, они принадлежат к пяти основным культурно-историческим типам. Тюркские народы одновременно исповедуют в разных частях России пять религий. Многие думают, что тюрки — это только мусульмане. Нет, мусульманство тюрки приняли позже всех, их большая часть стала мусульманами, но распространению этой религии среди них способствовали не арабские завоевания, а образование единого евразийского государства под эгидой чингисовой династии. Тюрки исповедуют с древнейших времен буд-

дизм. Тюрки давно познакомились и с христианством. Причем не только в православной форме, якобитские проповедники — несториане появились у них уже в V веке. А православие появилось здесь в прошлом веке, и проповедники находили в мифах алтайцев какие-то христианские аналогии. Но проповедники не были историками, они не понимали, откуда такие совпадения, почему вдруг в мифологии содержится пласт христианских тем. А это как раз говорит о том, что тюрки соприкасались во времена Тюркского Каганата с Византией. Четвертая религия — иудаизм, принятый западными тюрками во времена хазарского Каганата, его исповедуют караимы. Сейчас это небольшая народность. Но тысячу лет назад они были сильны и многочисленны. И пятая религия — это пантеизм, который разлит среди всех религий, который существовал и существует до сих пор как национальная тюркская религия "Культ Неба".

— Вы себя считаете приверженцем какой религии?

— Мои предки были буддистами, но и не только, поэтому я уважаю все религии и ценю их. Если говорить о психическом складе алтайцев (хотя само название алтайцы неправильно, неграмотно: алтайцами называли вообще-то русских жителей Алтая), то в них очень много буддийских элементов. А уж про обрядовую культуру, быт, образ жизни не прибавить, не убавить — все очевидно, все перед вами — воочию. Например, привязывание ленточек, почитание природы, молочный культ. На Алтае то, что мы называем буддизмом, — это терпимость в характере, гибкость, уважение к другим людям, к другим религиям, умение сосуществовать мирно, уступать, даже зачастую во вред себе. Это, кстати, отмечалось всеми русскими исследователями, путешественниками; алтайцы, например, сначала накормят гостя, а свою семью могут оставить голодной. Все это происходит от понимания, сострадания к другим. Но такое понимание потом стало действовать нам же во вред...

Марина Булатова.
Газета "Молодежь Алтая" № 16 (10082)
17 апреля 1997 г.

ЕЩЕ РАЗ УБЕЖДАЮСЬ В ПРАВОТЕ СВОЕЙ ПОЗИЦИИ

По итогам писательской конференции в Вашингтоне.

В числе писателей, литературных руководителей Азии секретарь правления СП России, известный алтайский поэт и общественный деятель Бронтой Бедюров с 22 по 27 апреля 1997 года находился в Вашингтоне, где принимал участие в работе международной конференции "Поиск новой мировой культуры XXI века: перспективы азиатской литературы". Сегодня он гость нашей редакции.

— Бронтой Янгович, для начала вот такой концептуальный вопрос о самой теме конференции — "Поиск новой мировой культуры XXI века: перспективы азиатской литературы". Но ведь мировая культура не ищется. Она создается гениями, они не рождаются просто так, по заказу. Так, чем же вызвана такая постановка вопроса на этой конференции?

— Понимаете, во-первых, это перевод с английского, что может привнести в наше сознание несколько иной смысл. Во-вторых, надо же понимать, что американцы мыслят несколько в иной плоскости, чем мы. В-третьих, мы все-таки жили в замкнутом мире — Советском Союзе. Всю Азию и Америку мы очень плохо понимаем. Мы знаем нашу Среднюю и Центральную Азию, "кочевую" Азию. А о Восточной, Южной Азии мы имеем лишь приблизительное географическое представление, а современной реальности не видим и не понимаем. Между тем, особенно в нынешний период Америка и Восточная Азия очень активно взаимодействуют в районе Тихого океана. Уже сегодня в американском обществе выходцы из Азии составляют третью по количеству общину.

Запад мы также воспринимаем упрощенно. Наше историческое сознание отстает от политического примерно лет на 200–300. Мы воспринимаем Запад так же, как во времена Петра I. У нас все делится на "измы" — капитализм, социализм... Американцы же, кроме политологов, слово "капитализм" вообще не употреб-

ляют по отношению к своему обществу, и оно, действительно, не является таковым. Нас же в России по этому поводу сознательно дурят. Америка давным-давно находится на другом стадиальном уровне развития, а мы представляем, что там живут как бы в XIX веке, ну, в лучшем случае, в начале XX века.

С другой стороны, в духовном отношении по сравнению с американцами мы гораздо богаче. Только сейчас они пытаются делать то, что у нас давным-давно уже делалось. В советское время вся лучшая западная и восточная литература переводилась на русский и языки других крупных народов СССР. И мы имеем достаточное представление о них. Подчас мы знаем о немецкой литературе больше, чем рядовой немец, чем средний или рядовой американец о своей литературе. Но тут опять-таки у нас несколько устаревшее, отстающее хронологически, по времени, представление об их обществе, потому что мы воспитаны на их классической литературе. Например, читая Т.Драйзера, Д.Лондона, мы представляем эпоху конца XIX — начала XX веков. Даже Хемингуэй, Фолкнер — это уже история.

— Сколько было участников конференции, из каких стран?

— В работе конференции участвовало более трехсот писателей почти из всех азиатских стран, за исключением арабских. Российская делегация была представлена Татарстаном, Башкирией, Алтаем, Хакасией, Бурятией, Якутией и Новосибирском. Из стран СНГ были литераторы из Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и трех кавказских республик: Армении, Азербайджана и Грузии. Были также и монголы.

На конференции оказалось, что по языковому признаку Азия делится на три части: русскоговорящая (это территория СССР и Монголия), китайская (это не только Китай, но и Тайвань, Малайзия, Гонконг, Сингапур, Индонезия) и англоговорящая.

— Такие конференции, встречи дают что-то для сближения малых народов России, СНГ?

— Несомненно. Однако термин "малые народы" я не признаю вообще. Я нигде и никогда не ощущаю себя представителем малого народа. За рубежом становлюсь представителем великой России, и в том числе родного Алтая.

— Года 3–4 назад в Горный Алтай был высажен целый десант американских учителей. И они учили наших. Наши педагоги буквально ползали, стелились перед ними. И, видимо, как результат этого — открытие республиканского лицея. Но ведь лицей — это духовность, это культура, это Пушкин. А что у нас за лицей? В основном в нем изучают английский язык. Так вот, суть вопроса: заокеанские организаторы конференции стремились поучать вас или все-таки хотели поучиться сами?

— Они хотят опереться на писательское мнение в поддержке их наметок по выработке новой общемировой идеологии, узнать наши взгляды. На Западе некоторые не признают теории слияния Востока и Запада, а другие стоят именно за это. В США можно видеть слияние восточно-азиатских стран. И когда финансовый, экономический центр мира уже практически переместился в Тихоокеанский регион, мы как-то сознанием, сердцем этого не ощущаем. Нам кажется, что мы живем в глухом захолустье, хотя именно это захолустье является сердцевиной Евразии. Когда меня спрашивают, откуда приехал, я говорю? "Из России, Алтая". "А где это находится?" Я говорю: "Вот Евразия, видите? А сердцевиной Евразии являются Алтайские горы. А в сердцевине Алтайских гор находится Республика Алтай".

У нас в России в официальном лексиконе исповедуют "общечеловеческие" ценности. Это все чепуха. Надо говорить о национальных ценностях — русских, американских, китайских, а не о каких-то абстрактных общечеловеческих ценностях, которые нам начали первыми "вталкивать" Шеварднадзе с Горбачевым, исказив и переврав концепцию великого Вернадского. Задурили нас на этом и поймали, что мы от всего отказались, дали кувалду "Ване" и сказали: "Ну-ка, Ваня, давай, круши в родном доме все, разломай мебель, ломай отцовскую машину и т.д., а мы будем аплодировать". И "Ваня" начал все ломать.

А на Западе тем временем переняли нашу систему образования, нашу литературу, нашу культуру. Ведь что может быть в мире выше Достоевского или Толстого, или русской музыки, культуры для формирования духовности? В той же Японии, например. Но мы многого этого не знаем и не понимаем. Например, того, что Япония — наш ближайший сосед 3 километра через пролив

Хоккайдо. А нам кажется, что Япония находится где-то очень далеко, чуть ли не на Луне. А все почему? Потому что голова России со времен петровского "Медного всадника" повернута на Европу, а в эту старушку-Европу большую голову российского коня не втолкаешь. Там Фрицу тесно и без Ивана, а нам начали говорить об "общеевропейском доме". В результате все это кончилось тем, что теперь нас выбросили из центра Европы пинком под музыку "Калинка"... Более того — мы побежали добровольно, все там побросав. А потому мы должны понимать, что через Тихий океан находится Запад. Он рядом с нами.

— Бронтой Янгович, мы не случайно затронули вопрос о том, как наши учителя перед иностранными стелились, о нашем лицее. Большое видится на расстоянии, и Родина познается тогда, когда ты вдалеке от нее. Вот еще что смущает. Некоторые наши чиновники от образования тоже побывали в Америке и начали у нас здесь внедрять так называемую программу полового воспитания и обучения. Идет тотальный процесс обезьянства. Бронтой Янгович, что вы думаете по этому поводу?

— Вопрос стоит о здоровье нации, о цене реформ. Стоят ли так называемые реформы здоровья нашей нации? Во имя чего все это делается: для укрепления здоровья нации или для уничтожения ее? Американцы выступают против полового воспитания. У нас же пытаются его внедрять, а они говорят, что мы калечим наших детей. Не успев познать эмоциональную, духовную стороны любви (что самое главное!), они вступают в физическую близость и на всю жизнь становятся нравственными калеками. От этого в Америке очень много молодых семей не могут иметь детей.

По пути туда я летел на американском самолете авиакомпании "Дельтааэрлайнс". Смотрю: что такое? Кругом пищат, плачут дети. Ну, думаю, ничего себе американцы! Они же любят путешествовать, но почему все с грудными младенцами? Потом стюардесса пояснила, что я попал на так называемый детский рейс, который осуществляется раз в неделю. Оказывается, американцы увозят наших детей — усыновляют, удочеряют брошенных наших русских детей.

— Только ли русских?

— Да, и об этом стоит поговорить особо. Кто такой русский? Мы придумываем термин "россиянин". Но это же выражение Мустая Карима по отношению к тогдашним нерусским жителям РСФСР. Ну как может русский человек называть себя как-то не по-русски: я россиянин. Мы все русские, но русские в смысле нации. А мы зачастую путаем понятие "нация" с понятием "этнос". Мы русские как нация, т.е. все коренные народы, живущие в России, так нас все в мире называли и называют. Тайванцу или канадцу бесполезно объяснять, что ты алтаец. Это тюркологу или ученому можно еще растолковать. А простому человеку при разговоре следует сказать: "Я из России, — и уточнить: — сибиряк". А что касается этноса, то, да — ты алтаец. Поражаешься, когда депутат Госдумы не знает, что такое коренные жители и жители коренной национальности. У нас алтайцы — жители коренной национальности, а те, кто здесь родился и вырос — да еще не в одном поколении, — коренные жители Горного Алтая.

— Бронтой Янгович, вы, как говорится, посмотрели на нас из Америки. На что нужно нацелить интеллигенцию творческую, мыслящую? Что у нас необходимо сделать писателям, журналистам, чтобы в Республике Алтай была стабильность, мир, высокая мораль?

— Я еще и еще раз убеждаюсь в правоте своей жизненной и общественной позиции. Я как раз за то, чтобы обеспечивать целостность, единство нашего общества, как маленького, внутри Республики Алтай, так и России в целом. Я собственно этим и занят полностью, в течение всех истекших 12 лет я участвую в духовных битвах за свою Родину. И считаю, что необходимо восстанавливать единство страны, которая называлась Советским Союзом. Развал этой страны — глупейшая ошибка политиков, если не назвать преступлением. От этого сегодня страдают все вместе и каждый народ, каждая семья и человек в отдельности.

Беседовали В. Купцын, В. Тримаскин.
Газета "Звезда Алтая" 6 июня 1997 г.

МЫ ПЕРВЫМИ ВОШЛИ В ЭТОТ ЛАБИРИНТ...

В интересное время мы живем. Еще вчера, затаив дыхание, слушали выступления прожектеров и отдавали им свои симпатии. Буквально на глазах ситуация изменилась. Лидеров мы теперь начинаем оценивать по масштабам личности. Сегодня в гостях у редакции "P.S." Б. Я. Бедюров, хорошо известный в России поэт и писатель, президент Конгресса тюркских народов, член двух академий — славянской и евразийской. Не так давно Бронтой Янгович встречался в Москве с лидерами Союза реалистов в связи с подготовкой ко II съезду. О нарождающемся в России новом движении мы попросили его рассказать более подробно.

— Бронтой Янгович, как Вы оказались в числе сторонников Российского Движения за новый социализм?

— Случайности в этом нет никакой. Чтобы мое заявление не показалось кому-то нескромным, подчеркну, что в период становления республики местные лидеры делали вид, что меня на политической арене не существует, блокировали любое выступление. На всероссийском же уровне это выглядит несколько иначе. Начиная с 1985 года, начала перестройки и гласности, после моего нашумевшего выступления на VI съезде писателей России, я попал в орбиту общественно-политической жизни страны. К писательскому слову тогда прислушивались, поскольку литература и политика были идентичными понятиями. Приглашения выступить на форумах разного уровня, вплоть до московской мэрии в июне нынешнего года, где восседали Ю. Лужков, С. Бабурин, С. Глазьев, Е. Лахова и другие, сыплются одно за другим.

Почему социалисты обратили внимание на меня? Наверное, в их глазах я сумел себя обозначить человеком, которому не чужды ни социалистические, ни патриотические, ни демократические ценности, в конце концов. Ведь если все ныне существующие ведущие партии друг друга отрицают, то я повторял неоднократно, вплоть до пресс-конференции в июне в Госдуме, и повторяю

вновь, что, как творческий и мыслящий человек, как писатель, не могу быть приверженцем только одного политического течения.

Было бы странно, если бы я не был за демократизацию общества и не понимал, в какой удушливой атмосфере мы жили в предыдущем обществе. Но как сын малочисленного народа, в буквальном смысле возрожденного Октябрем и советской властью, я не могу не быть приверженцем общества социальной справедливости. И как гражданин России не могу не быть ее патриотом. Видимо, потому, что я не отрицаю ничего и никого — коммунисты, демократы и патриоты пожимают мне руку. Втайне же я давно мечтаю увидеть такую партию или движение, которая бы воплощала в себе самое лучшее, чтобы ее голова не была повернута назад, а ее лидеры не говорили устаревшими штампами.

— Есть ли какая-то разница между коммунистами и российским Движением за новый социализм?

— Есть, и притом существенная. КПРФ, на мой взгляд, очень трудно назвать той, прежней партией. На низовом уровне ее члены видят в ней наследницу КПСС. А по сути она становится русской партией. Такова линия Г. Зюганова. То есть КПРФ становится партией, которая хочет основываться на национальных русских ценностях. Но и номенклатурные мастодонты не дают партии полностью обновиться, и в ней все больше усиливаются номенклатурно-сектантские позывы. Именно эти догматики превращают КПРФ в узко-корпоративную организацию. Их партия устаревает не столько физически, сколько концептуально, на мировоззренческом уровне.

Многие из моих московских друзей в трудное время поддержавшие КПРФ, сегодня говорят о том же. Писателям уже неинтересно читать ту же "Советскую Россию", в которой одни стоны и вопли. КПРФ не смогла дать историческую оценку (прошу не путать с идеологической оценкой) всему советскому периоду. Она не смогла обновить свою идеологию, и по этой причине продолжает терять интеллектуалов. Шесть лет я воздерживался от каких-либо оценок деятельности КПРФ. Воспитанный в традициях кочевой культуры, я не мог действовать по принципу "бей лежачего". Но сейчас, когда КПРФ окрепла, я могу выразить свое критическое отношение к этой партии.

Когда люди голосуют на выборах за КПРФ или Зюганова, это вовсе не означает, что они голосуют за их достоинства или идеологию. Об этом я не раз говорил ее лидерам. В данной ситуации народ просто голосует за ту страну, которой нет, но которая продолжает жить в их душах, за те ценности, на которых они выросли.

Это я к тому, что на последних выборах у Зюганова и Ельцина не было ни победы, ни поражения. Своим голосованием народ сказал двум ветвям номенклатуры, что никто из них не прав. То есть в очередной раз народ показал, что он умнее, чем о нем думают демократы, считая плохим, поскольку он якобы не меняется. И зря на него серчают коммунисты, мол, не понимает народ, как его оболванивают. На самом деле народ интуитивно чувствует правду. Потому-то в общественной жизни страны и сложилась патовая ситуация, когда ни одна сила не в состоянии одолеть другую. Но это не так уж плохо. А говорит это о том, что все мы хотим одного: чтобы наше государство восстановило свои утраченные позиции и внутри и вне страны, что мы не хотим ни погибать, ни загибаться, а политика властей в экономической области обанкротилась. Чувствуя приближение конца, демократы пытаются перестроиться, называя себя либералами. Хотя во всем мире наблюдается крах ценностей либеральной идеологии.

Кстати, учеными доказано, что концепция устойчивого развития, к которой, наконец, пришли западные государства, — это предел, дальше — путь в никуда. Исчерпав свои возможности, Запад боится, что весь мир захочет жить по их стандартам. Капитализм, который мы знаем, который мы узнали и увидели, далеко не безоблачен, его экономика заходит в тупик. И если говорить о конце света, то он уже наступает в сфере экономики развитых государств. Вот почему все чаще со стороны западных идеологов мы слышим о духовно-нравственной революции, о необходимости нового мирового порядка. Все это служит еще одним доказательством того, что не только у нас, но и в развитых странах либеральные силы утрачивают свои позиции.

В период господства КПСС мы не имели четкого представления об успехах социал-демократического движения в мире. Нас все время пытались убедить, что то, что у нас построили и суще-

ствует — единственный вариант социализма. Это оказалось в корне неверно. Азиатский социализм продемонстрировал чудо. Чем не пример — Китай, который движется такими опережающими темпами и приводит в дрожь и изумление весь мир. И если дальше ничего не изменится, то уже через десять лет он станет центром мира и ведущей промышленной державой.

Почему я заговорил о Китае? Да потому, что он взял курс не на капитализм, как можно было бы ожидать, а на социализм, но не брежневский, а свой. Помните, как китайцы протестовали против навязываемой им модели советского социализма, который был ущербен и для нас самих. Мы их не слушали. В результате имеем то, что имеем. Китайцы переживали синдром неполноценности с середины XIX века после "опиумных" войн. Нечто подобное творится сейчас с нашим народом — неверие в собственную цивилизацию, культуру, страну. Объединение Китая под красным флагом революции вывело эту нацию прагматиков в передовые страны. Какой флаг объединит российский народ и приведет к возрождению, еще не ясно.

Пока же мы можем лишь размышлять, что же с нами произошло и почему мы оказались в упадке, которого по идее не должно было быть. Ведь социализм — особый строй, он, пожалуй, вобрал в себя все лучшее, к чему человечество всегда стремилось. Долго я думал над этим вопросом и пришел к следующему выводу. Мы не добились успеха в строительстве социализма потому, что свою модель строили в условиях вражеского окружения. После революции провозгласили военный коммунизм, когда сверхцентрализация экономики была необходима, потому что мы готовились к новой войне. Не случайно Сталин знал поименно всех директоров военных заводов. И эта модель срабатывала до тех пор, пока мы выигрывали войны и восстанавливали разрушенное хозяйство. Дальше же, по всему видно, нужно было не праздновать Дни Победы, а идти вперед, как это делали поверженная Германия и "деревянная" Япония. Мы же топтались на месте. И сами не заметили, как прохлопали не одну научно-техническую революцию. Застой не заставил себя долго ждать, как и понимание, что после Сталина в стране не было у руля сильного, умного лидера, способного реформировать политическую и экономическую системы страны соответственно мировому развитию.

— Может ли Движение за новый социализм повести за собой народ, перерасти в партию?

— Возможно. Но для этого оно должно иметь выход в СМИ. Не секрет, что власть сегодня находится у тех, у кого есть деньги и доступ к средствам массовой информации. К сожалению, СМИ, особенно это сегодня касается телевидения, принадлежат очень узкой группе людей и делают свое гибельное дело. Абсурд, но факт. Нынешние руководители СМИ пытаются блокировать подвижки даже Б. Ельцина. И очень часто им это удается сделать. А подобное недопустимо в нормальном государстве. Не без помощи средств массовой информации сегодня создается искусственное мнение, что в стране существуют только две политические силы — КПРФ, якобы устаревшая, и демократическая, якобы реформаторская.

— Но лидеры КПРФ в последнее время пытаются встать еще и во главе патриотического движения. Как вы думаете, могут ли их попытки увенчаться успехом?

— Весной я встречался в Москве с М. Антоновым, С. Михалковым, Э. Володиным, В. Бушиным, В. Бондаренко, С. Лыкошиным, другими серьезными людьми, всегда стоявшими (не ошибусь, если скажу, — с юношеских лет) на позициях патриотизма. И вот что характерно для их нынешних взглядов на сотрудничество с КПРФ. Патриотическое движение в канун последних президентских выборов оказалось обманутым. Ведь что происходило у нас в 1991–1993 годах? Часть партийной номенклатуры, успев "перестроиться", быстренько перешла под демократические знамена. Но количество мест и должностей там было ограничено. Аутсайдеры оказались временно не у дел. Но им удалось сохранить организацию, чего не было у патриотов. Идея была заманчивой — создать на базе КПРФ новую организацию и назвать ее НПСР. А что получилось в итоге?

Все ветви бывшей партноменклатуры — "центристы", "правые" и "левые" — сейчас смыкаются, передел собственности в ее интересах давно прошел, а истинные демократы и истинные патриоты снова в загоне.

— Без конкретных примеров читатель вряд ли поверит на слово...

— В наши дни даже такие представители эмиграции, как В. Буковский, В. Войнович или А. Зиновьев разочарованы переменами в стране. А что говорят сегодня истинные демократы Ю. Афанасьев, Г. Попов, С. Говорухин, А. Солженицын, Ю. Власов или Ю. Лужков? Они тоже приходят к пониманию, что так дальше жить нельзя. Невозможно на российскую почву перенести западный капитализм. Ведь все либеральные рецепты западных экономистов у нас не прижились. Не случайно они заявляют на полном серьезе, что анатомия российской экономики в корне отличается от западной. Почки, сердце и все остальные органы имеют у нее совершенно иное устройство. И это не заблуждение, 70 лет жизни в новой формации дают о себе знать. Пусть даже завершившейся не совсем удачно. Но эта неудача совсем не означает конец. Просто мы первыми вошли в это ущелье, опередив Запад на целую формацию. Запад сейчас с трудом начинает понимать, что мы оказались старше них на целую формацию, хотя бы даже на бытовом уровне видно, что наши люди мудрее и умнее. Вы посмотрите, как быстро наши соплеменники адаптируются в западных странах и не просто адаптируются, а через очень короткий промежуток времени уже начинают на всех посматривать свысока. Нужда, лишения, в которых долго находилось большинство россиян, сделали ум народа изощреннее.

Итак, мы первыми вошли в лабиринт по имени социализм. И только мы сами можем найти в нем разумный выход и подъем на другую ступень.

— Партия Г. Зюганова считает, что только ей ведомы сейчас пути выхода из этого лабиринта...

— Эта самоуверенность, к сожалению, слишком дорого обходится для России. Посмотрите, кого выдвигают КПРФ и НПСР в депутаты Госдумы или на посты губернаторов. КПРФ считает, что ей удалось приватизировать патриотическое движение. Пользуясь чужими лозунгами, продвигает только своих людей. Истинным лидерам патриотического движения места в ее спис-

ках нет. Я думаю, что отход от нынешнего НПСР таких величин, как С. Бабурин, В. Распутин, В. Алкснис или С. Умалатова, будет означать полный крах псевдопатриотического движения.

С другой стороны, серьезная опасность таится сейчас и внутри КПРФ. Лидеры партии совершают непоправимую ошибку, делая ставку на "темных лошадок", политиков городского или уездного уровня. Может сложиться ситуация, когда масштабы и категории, которыми мыслит тот же Г. Зюганов, войдут в противоречие с представлениями "серой массы" — и тогда вчерашние комсомольцы сами выберут себе вожака одного уровня с собой. По моим наблюдениям, именно к этому идет сейчас КПРФ, все более превращаясь в кастовую организацию.

— Вы не преувеличиваете, Бронтой Янгович? Сторонники КПРФ заявляют: за ними, дескать, миллионы и даже вся Россия. Чем вы можете обосновать свои утверждения?

— В отличие от людей, имеющих узкую, сугубо партийную ориентацию, будь то демократы или коммунисты, я одинаково вхож во все партии. Почему я должен быть ограниченным? Так вот, мне представилось присутствовать на одном из последних съездов КПРФ. На съезде я не увидел ничего нового, полезного для себя, да и веры в свои силы, в свое будущее особо не ощутил. При этом не допускается никаких путей сотрудничества с другими партиями. И я подумал: "Нет, при такой тактике у партии не может быть реального будущего".

Посмотрите, как они ведут себя у нас, на местном уровне. Не секрет, прежний обком КПСС предложил им варианты сотрудничества. Те собрались, обсудили поступившие предложения — и ответили отказом. Но в начале потребовали вступить в члены КПРФ — т.е. стать под их начало. Что это, если не попытка присвоить себе право на истину в последней инстанции, пусть и в одной, отдельно взятой республике?

— Как Вы думаете, у нас в республике КПРФ может прийти к власти?

— Почему бы и нет? Но тогда у Президента России сразу возникнет вопрос: для чего я дал вам республику — чтобы вы объя-

вили Кремлю бойкот? Я понимаю, когда КПРФ приходит к власти в таких самодостаточных регионах, как Кубань, Алтайский край или Кузбасс. Там всегда у руля стояли личности общероссийского масштаба. Тому же Кузбассу не страшны противоречия с Центром. А как быть нам, живущим за счет федерального бюджета? Тувинские руководители, работающие точно в таких же условиях, действуют в отношении Кремля по лучшим образцам дипломатического искусства. Кому нужны узкие партийные интересы, когда речь идет о судьбе народа и всей республики? Наши лидеры этого, к сожалению, не понимают. И полностью глухие по отношению к национально-религиозным вопросам, особенно в отношении коренного населения. Послушайте, о чем они говорят на своих митингах, и сразу станет ясно: их приход к власти на данном этапе будет означать одно — катастрофу для республики.

— В начале беседы мы говорили о вашем участии в съезде Союза реалистов. Исходя из названия этого Движения, на кого реалисты сделали бы ставку на предстоящих выборах главы Республики Алтай?

— На человека, руководствующегося прежде всего здравым смыслом, а не с какими-то политическими лозунгами. Я думаю, что ни у одной партии нет шансов на победу. Нам нужен во главе республики человек, который наделен даром объединять людей. Это должен быть человек, умудренный житейским опытом, имеющий богатый стаж практической работы. Я уже говорил неоднократно о том, что никакие перемены в нашей республике невозможны, пока не начнутся перемены в Кремле. Увы, мы не в Казани и даже не в Улан-Удэ. Будущего главу республики ждет самая рутинная и черновая работа. Единственное, что от него потребуется, — помочь всем нам удержаться на плаву до лучших времен. Никаких чудес после декабрьских выборов я, во всяком случае, не жду и надеюсь, что все здравомыслящие избиратели рассуждают точно так же.

Беседу вел Николай ВИТОВЦЕВ,
газета "P.S.", ноябрь, 1997 г.

Я — РУССКИЙ АЛТАЕЦ

В наше скорбное время тотального разрушения духовных и нравственных ценностей, накопленных многонациональной Советской страной, второе место по оголтелому конформизму, агрессивному предательству интересов Отечества после алчной, цинично продажной партноменклатуры «по праву» занимает столь же малоприглядная по своим устремлениям и действиям часть творческой интеллигенции, прилежно и не без вдохновения обливающая грязью тот строй, которому, собственно говоря, обязана практически всем — и широкими возможностями реализовать свои дарования, и щедрой государственной поддержкой, и искренним народным признанием. Однако любителей плевать в колодец, из которого большую часть жизни утоляли жажду, у нас нашлось немало, а благодаря тому, что их услуги человеконенавистническому режиму им шедро оплачиваются, эти «господа» теперь получили возможность изображать из себя единственных носителей исключительно тех «истин», которые приятно ласкают слух властей предержащих.

Компания этих услужливых «правдолюбцев» весьма разнолика и разнонациональна.

Но, к счастью, не все соотечественники таковы. Один из настоящих патриотов нашей Отчизны — Бронтой Бедюров. Писатель, ученый-востоковед, президент Конгресса тюркских народов России. Его размышления по поводу взаимоотношений русского народа со своими соотечественниками иных национальностей и верований предлагает сегодня своим читателям газета «Патриот».

Писатель, президент Конгресса тюркских народов, член корреспондент Международной Славянской академии Бронтой Бедюров:

«Я — руский алтаец»

— К сожалению, современные алтайцы, а точнее тюрки Алтая, будучи в свое время загнаны в горы после падения Великого Тюркского Каганата, долгие века находились в стороне от основных магистралей евразийской истории, и вследствие того пока еще недостаточно четко осознают свое место и роль как в России, так

и среди других тюркских народов. Хотя первое в мире евразийское государство возникло именно в самом Алтае и было основано их далекими предками из династии Ашина в VI веке. Это был первый в истории народ, который назвал себя именно «тюрк».

Почему я говорю о событиях, казалось бы, очень уж далеких от нас по времени? Да потому что от того, как мы ответим на него, как осмыслим наше прошлое, зависит и будущее нашей страны.

Я полагаю, что нам не следует особо страшиться истерических криков о распаде и конце России. нужно четко различать понятия «государство» и «страна». Государственные формы меняются, а страна остается всегда. Я вижу, что у нас в стране начинается процесс осмысленной консолидации народов на суперэтнической основе. Происходит преображение наших умов и сердец: сквозь ожесточение и ненависть, озлобление и неприязнь заново прорастают зерна любви и добра, мира и согласия, взаимного притяжения братских народов. После всего пережитого нами за эти годы люди еще острее почувствовали потребность друг в друге по принципу «живи и давай жить другим!»

Мы — тюрки. Но мы — российские тюрки. И поэтому не в меньшей степени ответственны за судьбы нашей Родины — России.

Наша задача — решительно встать в защиту непроходящих, вечных ценностей своей Родины.

Вот почему именно в этой связи тюркам не следует забывать, что в постепенном формировании русского этноса как великого народа активно и продуктивно участвовали, по крайней мере, четыре основных элемента — славянский, финно-угорский, варяжский и тюркский. Потомки тюрков становились красой и гордостью русской истории и литературы, дипломатии, политики и военного искусства. разве мало говорят русскому уму и сердцу имена Суворова и Кутузова,Карамзина и Тютчева, Державина, Тимирязева, Урусовых и Юсуповых. Не буду перечислять фамилий русской аристократии, особенно княжеских титулов. Практически все настоящие русские патриоты появлялись и рождались именно на стыках межэтнических связей. В. Г. Распутин, В. М. Шукшин — они не только наши земляки-сибиряки, но и сами — наглядный пример плодотворности такого рода взаимородства.

— Если следовать вашей логике, то бытовавшее в 70 — 80-е годы в СССР определение «единая общность — советский народ» не так уж и абсурдно...

— Скажу больше: такая общность не только имелась, она осталась и продолжает существовать, пусть и в насильственно расчлененном пока виде. А как долго это состояние продлится увидим.

Я за границей много раз убеждался в том, что наши русские, евреи, кзахи, татары, немцы и другие народы, несмотря на этническую схожесть, коренным образом отличаются от своих же сородичей, которые не жили в условиях Советского Союза. В сущности, все тюркские народы, кроме турок и уйгуров, в основном прожили в одной и той же стране, и это, конечно же, накладывает дополнительную близость в ценностной ориентации, мироощущении, образе жизни.

Что ни говори, а у нас был и остался один тип, единый менталитет. А это никоим образом не стирается начисто и даже спустя целые периоды дает о себе знать. Вот, например, куда алтайским и тувинским тюркам деть свой пятисотлетний монгольский период, ведь это въелось в кровь, впечаталось в быт. Языки у нас разные, но обычаи и традиции складывались в результате общей жизни в рамках одного государства.

Или другой пример. сейчас участились контакты в рамках тюркского мира. И что же? Мы, тюрки, попадая в Турцию и другие страны, на себе самих убеждаемся, что остаемся не только советскими, но даже русскими, как мы. Возникает вопрос, как же нам, народам меньшим, теперь в нынешней России обозначаться? Коль Советского Союза нет, то и советскими сейчас не назовешься, хотя мы продолжаю, пребываем ими, независимо от политической конъюнктуры. Россияне. Но это не совсем звучит по-русски. Когда башкирский поэт Мустай Карим сказал: «Не русский я, а россиянин», то это был поэтический образ. И если я тоже могу так называть себя, то русскому человеку именовать себя россиянином — это уж просто нонсенс.

Как известно, в советское время понятие «русский, российский» сузили до уровня одного определенного этноса — великороссов, хотя русскими являются и белорусы, и украинцы, и русины. Поскольку партия в свое время проводила под флагом интер-

национализма глупейший курс на унификацию, денационализацию, нивелировку этносов, их языков, культур и религиозных традиций, то сопротивляясь такому обезличиванию и манкуртизации, национальные движения народов на некоторых период перестали различать, безусловно, большее и положительное, что заключалось в надэтническом имени «советский», и осознавать преимущества принадлежности к суперэтнической цивилизации России, как Евразии. А русскость — это тип культуры, образ жизни и строй души.

Задача наша сегодняшняя заключается в том именно, что, сохраняя и признавая за каждым народом право на его самобытность и самоценность, уважая их языки, культуру, историю и религию, в необходимости возвышения на государственном уровне до нового осознания самих себя как частей общего, более высокого суперэтноса, мы, как тюрки, являемся неотъемлемой составляющей единства в многообразии. Это, собственно, и является стержневой сутью российской, евразийской цивилизации, основанной на великих духовных ценностях России. Во взаимодействии и союзе традиционных конфессий нашей страны, которыми являются православие, ислам, буддизм, тенгрианство и другие.

Вслушайтесь в речения буддийских и мусульманских пророков, а также и их последователя Николая Рериха, вглядитесь повнимательнее в очертания складывающейся российской и алтайской общности — разве это не начало соединения трех великих миров, симбиоза исполнения великого буддийско-христианско-исламского союза?

— Ну вот, а некий татарский писатель, очевидно, претендующий на звание пророка, все беспокоится, что его «малый» народ то ли растворился или пока еще недорастворился в многочисленном «имперском» русском народе. И не он один...

— Это либо глубочайшее заблуждение, либо явное недопонимание и незнание законов этногенеза, рождения и развития народов. Сегодня перед самим русским народом, как этносом, стоит цель не растворения в себе каких-то народов, а задача другая, жизненно важная — как сохранить и укрепить свой собственный дух, как сбить отрицательную демографическую кривую, когда русская популяция сама пошла на убыль, когда в XX веке с русскими, как

нацией, произошел страшный надлом, когда ее единое в течение 500 лет тело ныне расчленено на 15 частей — тут уж не до жиру, а быть бы живу! Эти благоглупости — плод незнания законов исторического процесса в рамках нашей евразийской цивилизации — ведут к неверным оценкам и мешают становлению национального самосознания, производя мутации духа, не только отдельных людей, но и целых этносов.

Каждый простой русский человек, особенно более старшего возраста и проживающий с тем или иным народом бок о бок всю жизнь, знает и скажет, как неизмеримо выросли и развились эти народы за очень короткий исторический срок, как поднялись в своей культуре и образованности, даже в быту именно в бытность советского периода, социализма. Ни один малый народ или племя, уже как историк и политолог добавлю к этому, войдя некогда в лоно России, не исчез, не растаял, наоборот, укрепился и приумножился. Это относится не только к малым, но и ко всем другим народам Советского Союза. А вот у русского народа в бывших советских республиках и автономиях никогда не было ни поблажек, ни преимуществ ни в в политическом, ни в духовном, ни в материальном плане. Это надо понимать и видеть в масштабах всей страны, во временно-пространственном измерении. Извините, но такое видение дается, увы, не каждому! Вот отсюда и рождаются эти очень глупые суждения.

А возьмите, к примеру, казахов нашей республики. Они сами себя называют казахами, и это правильно. Так же верно называют себя все наши земляки. Так вот, эти казахи своими корнями, образом жизни, даже языком и обычаями приросли к русским и алтайцам. В начале 90-х годов, поддавшись националистической агитации извне, они хлынули вместе с монгольскими сородичами в поисках сулимого процветания в Казахстан. И что же они там увидели? То, что они чужаки, не вписываются в этническую нишу нового национального государства, не говоря уже о социальных и административно-политических сферах. Там, оказалось, все схвачено от самой Алма-Аты до аулов. Какая-то малая часть наших земляков там, конечно, прописалась, но это уже ценой потери своей этнической самостоятельности, путем именно «растворения».

Нынешнее поколение начисто позабыло заветы своих предков, тех, которые привели их некогда оттуда, из степи, к нам на Алтай, вследствие межплеменных распрей и притеснений. Кстати, это очень наглядный пример того, как, отпочковываясь от основной массы, образуется постепенно новый субэтнос в условиях иного климата, географии, истории и другого этнического окружения.

За сто с лишним лет пребывания в Чуйской степи, на стыке народов, культур и языков, они не только сохранили свое родное, но и немало ценного приобрели. В отличие от нас с вами в Кош-Агачском районе каждый казах свободно говорит на трех языках — это ли не их преимущество? Прекрасно знают и разбираются в тонкостях и особенностях не только своей, но алтайской, русской души — это ли не их сила? А иные из нас, всю жизнь живя рядом с другим народом, не удосуживаются выучить хотя бы несколько слов, научиться готовить хотя бы одно национальное блюдо. Разве это красит таких людей?

А было когда-то наоборот. Каждый русский алтаец, то есть кержак, всегда знал язык и обычаи своих соседей, был дву- или трехязычным. В ту пору каждый кочевник — алтаец или казах — стремился заиметь в русской деревне или городе хотя бы одного таныш-друга среди русских, и русские поступали точно так же, даже дружили семьями, детьми.

Мы все — алтайские. Русские тут похожи на алтайцев, алтайцы — на русских, казахи — на тех и других. Это же пре-красно!

— Собственно говоря, этот ваш тезис можно спровоцировать на всю Россию с ее великим множеством народов и «двунадесятью» языками?

— Разумеется. Наш Алтай — это действительно наглядная и характерная модель. Эту особенность алтайской культуры очень хорошо понимают и ценят везде по стране. И не только интеллектуалы и мыслители, но и простые люди, те, кто знает нас неплохо. Что касается России, то это не секрет, что тюркский элемент сыграл большую роль в становлении и возвышении Москвы как нового центра русских земель. Помни, в декабре 1995 года состоялся III съезд Всемирного Русского народного собора. В нем приняли участие наряду с делегатами руководители государства и лидеры 18

ведущих партий и движений России. Я был там, если необходимо подчеркнуть, единственным формально «нерусским» человеком. И мне предоставили слово в числе первой десятки ораторов. Конечно, не только как президенту конгресса тюркских народов (это ведь совсем новая и еще малоизвестная всероссийская организация), но и потому прежде всего, что меня давно уже знают, как своего среди русских писателей и мыслителей.

Я ведь, по существу, новый русский, что вовсе не мешает мне оставаться алтайцем, быть тюрком. А среди монголов как бы и монголом, что они подчеркивали мне не раз, а это в их устах — высшая похвала.

Что плохого в том, если тебя люди приемлют как своего? То же самое со мной происходит и среди казахов, киргизов, тувинцев за пределами Алтая. Они вовсе забывают через некоторое время, что я не казах. Этим хочу только подчеркнуть, что, являясь носителем и творчом истинной алтайской культуры и языка, я способен воплощаться в дух другого народа, способен созвучно мыслить и чувствовать. Вот это и есть бесценное свойство нашей алтайской культуры и национального духа, проистекающего от нашего Алтая-Кудая. Но для того, чтобы стать таким, необходимо беспрерывное развитие души во времени и пространстве. Конечно, это дается тоже непросто и неспроста. Но, для того, чтобы стать таким, необходимо беспрерывное развитие души во времени и пространстве. Конечно, это дается тоже непросто и неспроста. Но, оглядываясь в прошлое вижу: эдак лет тридцать назад и я в своих рассуждениях и миропонимании был недалек от тех, кто сегодня озадачен национальной ситуацией в рамках узкой Улалы — Горно-Алтайска. Но чтобы избавиться от этого комплекса, необходимы только два условия: за деревьями видеть лес, а за Тугаей — всю Россию. То есть от частного идти к общему. А в общем различать и особенное. Ратуя за единство России, не забывать о многообразии Евразии. Только на этом мы и сможем выстроить наш единственный, неповторимый мир.

Беседовала Ирина ПИРОГОВА.
Газета «Патриот»
№ 48— ноябрь 1997 г.

ТЫ С КАКОГО АЛТАЯ?

Среди русских крепостных бытовали разговоры о сказочной стране Беловодье. В этой стране не было никаких форм угнетения, религиозных притеснений, люди там жили свободно и счастливо. Крестьяне бежали от своих помещиков в поисках Беловодья. Некоторые из них селились в Горном Алтае. В конце XVIII века русские линейные отряды, двигаясь вверх по Иртышу и его притоку Бухтарме, в диких зарослях, за Камнем (так в то время русские называли Алтай), неожиданно обнаружили поселения своих соотечественников — вольных хлебопашцев-староверов...

Долгое время староверы оставались единственными русскими жителями горной части Алтая. Согласно договору, заключенному местным принцем Эр-Шуну с императрицей Елизаветой Петровной, земля эта была объявлена собственностью Кабинета Ее Императорского Величества, закреплена за алтайским народом и оставалась закрытой для поселения. Здесь не было крепостного права, не велись промышленные разработки. Только в 70–80-х годах прошлого века земля стала быстро заселяться.

До революции ее называли Русским Алтаем. Другие части Алтая после поражения Джунгарского государства в войне с Цинами вошли в состав Китая и Монголии. Коренные же алтайцы-ойроты были там либо истреблены, либо ассимилированы. Нигде они не сохранились, кроме как в России.

— Вот вам особенности русской цивилизации, — говорит секретарь Союза писателей России, известный алтайский писатель, культуролог и ученый Бронтой Бедюров, который помог нам совершить исторический экскурс в прошлое этой древней страны. — Я всегда подчеркивал с разных трибун: ни один большой или малый народ, войдя в состав Русского государства, не исчез, не растворился...

Недавно общался с группой китайских писателей, приехавших на Дни культуры своей страны в Москве, и убедился, что для них алтаец — это нечто малопонятное, из сферы запредельного опыта. Что значит для жителя миллиардной страны представитель какой-то малочисленной народности? Профессиональный поэт

Бронтой Бедюров задался целью исследовать поэтическое миросозерцание, духовную культуру коренного алтайского народа, возвратить из небытия его наиболее значимые литературные произведения. Под его научной редакцией, с предисловиями, послесловиями и комментариями вышли солидные антологии. Им написана книга "Слово об Алтае" — первый опыт осмысления истории и культуры древнего народа.

Бронтой Бедюров неоднократно бывал за границей и пришел к любопытным выводам. Он считает, что на новом витке развития западный мир возвращается к осмыслению духовной и экологической культуры народов, которых не очень точно нарекли языческими. Американцы, которые ранее истребляли индейцев, теперь вынуждены реанимировать их социокультурную среду. Но ведь не только индейские племена, а и древний мир Алтая заслуживает пристального внимания. Здесь соприкасаются и взаимодействуют три великие культурно-цивилизационные системы: христианство в его православной форме, буддизм и ислам. До сих пор не изучено такое уникальное явление, как шаманство, которое в советские годы было объявлено "пережитком прошлого".

— Для нас, алтайцев, родной Алтай священный, — говорит Бронтой Бедюров. — Мы молимся и поклоняемся Алтаю-Кудаю. Более того, Алтай мы понимаем более широко, для нас Алтай и Земля — синонимы. Когда у нас хотят спросить: "Откуда ты родом?", то обычно говорят:"Ты с какого Алтая?".

У Бронтоя Бедюрова удивительная судьба. Трижды он жил в Москве и каждый раз предпочитал малую родину уютной столичной обстановке. Будучи студентом Литературного института, в 24 года стал членом Союза писателей. Стихи молодого алтайского поэта выходили в переводах Ярослава Смелякова, а сам он занимался в семинаре Льва Ошанина. Уже будучи известным поэтом, Бронтой Бедюров вдруг решает поступать в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Известные ученые отговаривают его: "Вы же писатель, состоявшийся человек. Зачем вам наша черновая работа?". Откуда им было знать, что наряду с сочинением стихов Бедюрова с детских лет влекли история и философия. В аспирантские годы он "вращается" в Доме творчества в Переделки-

не и усердно штудирует объемные фолианты в Ленинской библиотеке. Из Москвы уезжает с кипой ксероксов, в канун Олимпиады 1980 года.

Третий раз оказывается в столице уже в перестроечное время, когда его избирают секретарем Союза писателей России по национальным литературам. Ранее руководитель писательской организации автономной области, будь даже семи пядей во лбу, с трудом мог рассчитывать на выступление на съезде СП, а тем более — на избрание в руководящие органы творческого союза. И вдруг все изменилось! Впрочем, даже теперь Бедюрова ненадолго увлекает шум столичных собраний. Он выбирает повседневные заботы своих земляков и в 1992 году отправляется в недавно созданную Республику Алтай, где его избрали депутатом местного Верховного Совета. Он в числе тех энтузиастов, которым не терпится побыстрее приступить к государственному строительству.

К моменту "обретения суверенитета" Горный Алтай представлял собой аграрно-сырьевой придаток Алтайского края. По меньшей мере так на него смотрело краевое начальство.

Немудрено поэтому, что робкие голоса в пользу повышения статуса автономной области, просьбы выделять ей деньги отдельной строкой в краевом бюджете вскоре переросли в требования политические. Впрочем, несложно оказалось переименовать автономную область в республику, облисполком обозвать правительством, а остатки обкома КПСС объявить по ходу дела парламентом. А что дальше?

Теперь, почти шесть лет спустя, анализируя пройденный путь, Бедюров с грустью замечает, что во многом это было время упущенных возможностей. Социальные и экономические проблемы не решались и еще более обострились. Депутаты как будто бы сами искали себе осложнений в работе. Раньше в Горном Алтае никогда не было каких-либо национальных трений; этот регион даже мог стать моделью для решения национального вопроса. В последнее время, однако, споры вызвало положение Конституции республики о том, что ее глава должен владеть двумя государственными языками — русским и алтайским. Хорошо знающий историю Бедюров утверждает, что от одного только факта обретения статуса

государственного язык еще не становится таковым, необходим длительный процесс. Да и русских людей, как показывает прошлое, жизнь заставляла всегда изучать язык того народа, среди которого живешь. В том числе и алтайский.

Интерес к межнациональным проблемам в республике обострился после того, как депутаты предприняли, как считает Бронтой Янгович, ошибочный шаг — отправили в отставку правительство прагматика Владимира Петрова. До этих пор в Горном Алтае существовал негласный паритет: глава парламента был алтаец, а глава правительства — русский. Но местные законодатели в начале года этот паритет нарушили.

Сейчас даже в этом маленьком субъекте Российской Федерации накалились политические страсти: 14 декабря грядут выборы главы Республики Алтай. Выборы проводятся согласно Конституции, принятой в августе этого года депутатами Государственного собрания — Эль Курултая. Но, не успев принять Конституцию, депутаты тут же начали вносить в нее поправки. Немудрено, что и сегодня она представляет собой довольно-таки сумбурный документ. Если раньше в Горном Алтае фактически существовала парламентская республика, то теперь, скорее, это республика президентская. Посты глав республики и ее правительства совмещаются. Депутатов не смутила опасность концентрации власти в одних руках. Возражавшего против введения поста главы республики бывшего премьера Владимира Петрова и его правительство, как уже было сказано, депутаты отправили в отставку, сформировав правительство из самих себя. Что являлось, по мнению Бронтоя Бедюрова, грубым нарушением существовавших законов. К тому же выборы главы республики проводятся в один тур, а агитационная кампания кандидатов начинается за месяц до выборов. Фактически Эль Курултай принимал Конституцию и Закон о выборах под одно лицо — нового главу правительства Валерия Чаптынова. Казалось бы, законодатели учли все, за исключением одного — физического здоровья. Неожиданно Валерий Иванович скоропостижно скончался, и местный парламент оказался в неловком положении. Пришлось играть по уже утвержденным правилам. Ныне главой республики и правительства является Владилен Волков,

бывший заместитель Чаптынова. Он в числе других кандидатов претендует на то, чтобы опять занять эти посты. Но, как считают многие, по деловым и профессиональным качествам Волков явно уступает своему предшественнику.

Впрочем, у Горного Алтая уже были руководители областного уровня, но не было просвещенных лидеров. Это обстоятельство и заставило Бронтоя Бедюрова выставить свою кандидатуру на пост главы республики. Однажды (в 1993 году) он отказался от борьбы за депутатское место, предпочтя этому пост председателя Комитета по делам печати, информации и связям с общественностью. Однако, как показали последующие события, избранные в парламент чиновники, а также номенклатурные бизнесмены и мараловые дельцы оказались не самыми лучшими парламентариями.

Однако под силу ли ученому-тюркологу предложить не только изменения в конституционном устройстве и избирательной системе, но и реальные шаги по улучшению социально-экономического положения в республике? Оказалось, под силу. Такие предложения им уже разработаны. Прежде всего Бедюров хочет развить в республике единый экономический рынок обмена товарами, ресурсами, финансами. Не дело, доказывает он, когда районы не связаны друг с другом.

Экономические интересы Алтая, считает он, — в тесной кооперации и интеграции с соседним Алтайским краем, другими регионами Западной Сибири. Необходимо также реанимировать Чуйский тракт — некогда главную здешнюю торговую артерию, пролегающую в Монголию. Если он не будет использован для транзита товаров, оживления деловой жизни, республика Алтай может превратиться в экономический аппендикс Западной Сибири.

Республика почти полностью дотируется из федерального бюджета. За "годы реформ" в ней разрушено животноводство, некогда составлявшее гордость Горного Алтая. В еще более тяжелом положении оказались леспромхозы. По мнению Бедюрова, реформы следовало проводить разумно, обдуманно. Не разрушая того ценного, что было создано в советские годы. Именно поэтому ему близки идеи российского Движения за новый социализм.

Бронтой Бедюров предлагает самые насущные меры: взяться за восстановление ценных пород лесных деревьев, что позволит занять часть безработных в сельской местности. Восстановить дойное стадо, вернуть былую славу овцеводству и коневодству. Создать предприятия по переработке алтайского бесценного сырья (например, козьего пуха, шерсти) и найти для него рынки сбыта.

Бывшая номенклатура, как считает Бедюров, недопонимает, где находятся настоящие богатства республики. Богатства эти — неразрушенная природная среда, незагрязненные промышленными отходами местные реки и ручьи. Придет время, мечтает он, и мы еще построим водопроводы из Горного Алтая в засушливые регионы.

Недавно Бедюрову удалось побывать в Швейцарии. Алтай же, как известно, называют "сибирской Швейцарией". Однако, обозрев прелести Женевского озера и другие пейзажи, наш ученый и писатель пришел к однозначному выводу: страна эта уступает Алтаю как по природным красотам, так и по климатическим условиям. Но, пожалуй, самое главное в том, что Алтай — страна будущего. "У нас еще все впереди, в отличие от густонаселенной Швейцарии, которая по территории в два раза меньше нашей республики".

Звучит слишком смело и задиристо, не правда ли? Но таков он, Бронтой Бедюров, кандидат на пост главы Республики Алтай.

Александр Мешков,
Газета "Рабочая Трибуна", №234, 6 декабря 1997 г.

ЧТО Я ПРЕДЛАГАЛ НАРОДУ ГОРНОГО АЛТАЯ В 1990 ГОДУ

Тезисы предвыборной платформы на выборах в Верховный Совет РСФСР

Добиваться повышения статуса нашей автономной области вплоть до преобразования ее в республику, входящую в состав РСФСР и Западно-Сибирского региона. Вернуть республике пре-

жнее наименование — Ойротия или выбрать новое название для Алтайской автономии. Горный Алтай — понятие географическое, а не этнически-социальное. Я выступаю за подраздел о статусе РСФСР в национальной платформе партии, о переходе к управлению ею по крупным регионам.

Все реки Алтая текут в бассейн Сибирский. Точно так же нам следует расширять и крепить в будущем наши взаимосвязи прежде всего с регионом Западной Сибири. Это наша опора и это наша защита.

О России. Все автономии — республики, области и округа — должны быть представлены равным числом мест в будущем Совете Национальностей. Все они должны быть просто республиками Российской Федерации независимо от количества населения, промышленного или экономического потенциала, уровня культурного развития. Все народы России равны и не имеют преимуществ друг перед другом.

Программа "Агаш-Таш" — Экология. Рожденный в Горном Алтае не может не быть экологистом независимо от политических и иных убеждений и взглядов, профессии или служебного положения.

Храм природы. Храм духа. Храм будущего. Сберечь и сохранить Алтай.

Никакие ведомства не должны бесконтрольно хозяйничать на нашей территории без ведома Верховного Совета России. Вся земля, леса, недра, все виды хозяйственной деятельности на ней должны решаться только на основе референдумов: местного Совета, районного, области и республики.

О Катунской ГЭС. Нашей области, нуждам ее экономики и социального развития не нужна такая гигантская ГЭС. Она рассчитана на нужды развития производительных сил всего края, а не нашей области.

Нельзя противоречить самим себе. С одной стороны, мы за выход из состава края, а с другой — за строительство гигантской ГЭС. ГЭС — это заводы, фабрики, вредные производства, пагубно влияющие на окружающую среду. Хотим ли мы стать подобием соседних регионов, например Кузбасса, Рудного Алтая, превратившихся в зоны экологического бедствия?

Здравоохранение. Я против использования нитратов и пестицидов. Нам нужна собственная санитарная служба. Опыт показывает, что полагаться на санитарную службу г.Бийска не только бесполезно, но и преступно. Нам легче самим контролировать завоз в область продуктов питания по единственной дороге — Чуйскому тракту.

Откуда большинство болезней? В том числе и от взрывов на ядерном полигоне в Семипалатинске. Их нужно запретить.

Я — за новое экологическое сознание нашего общества. За гармонию между природой и обществом, между человеком и живой природой вокруг нас. Все живое имеет право на жизнь, и это лежит в основе национального мышления алтайцев. Теми же чувствами проникнуты и русские старожилы. Необходимо ввести уроки экологии в школах, опираясь на достижения современной науки и традиционного экологического сознания. Отношение народа к природе можно выразить так:

"Не губи живое, не бери от природы лишнего, соблюдай естественный баланс. Живи и давай жить другим. Не руби живой лес".

Лесное хозяйство. Лес — это наша жизнь. Нужно научиться хозяйствовать в лесу так же, как человек хозяйствует в своем огороде или в своей отаре. Переход к разумному ведению лесного хозяйства предполагает прежде всего внедрение в сознание лесников экологических идей. Лесники должны быть экологами по определению.

Строго ограничить рубку деревьев ценных пород — кедра и лиственницы. Выделить приоритетным направлением деятельности местных и центральных органов власти лесовосстановление.

Нужны "зеленые" отряды охранителей лесов, трав, растений из числа добровольцев. Нужны "синие" отряды — охранителей чистоты наших озер и рек, следящих за качеством воды. Горный Алтай — это огромный резервуар чистой воды. И этот факт имеет огромное значение, учитывая, что ниже Бийска вода Оби непригодна для питья.

Индустрию туризма необходимо поставить под всенародный контроль. Нужно прекратить практику "дикого" туризма. Создать зоны туризма и отдыха в отведенных для этого местах. Хозяевами лесов, охотничьих и рыболовных угодий, ягодников должны

стать местные общины, охотничьи общества и их хозяйства. Через сельсоветы, райсоветы, областной Совет организовать патрули на всех границах.

Программа "Ак-Санаа" (Светлый дух). О духовной культуре. О свободе совести. Возрождение забытого и утерянного. Движение вперед, опираясь на достижения самых развитых наций. Язык, традиции, фольклор, религия.

О разнице между цивилизацией и культурой. У нас, алтайцев, русских и казахов, традиционно существовала и существует большая экологическая и духовная культура. Ее нужно поднять на современный уровень, способствовать ее восстановлению и пропаганде.

Обращаюсь к верующим: проникнитесь важностью переживаемого Отчизной момента. Вы должны помочь стране, помочь России. Помочь нашему обществу искупить свои прошлые грехи перед лицом тяжких испытаний, ниспосланных нам.

В области население не очень религиозно, тем не менее к верующим, их чувствам мы, миряне, должны быть максимально терпимы. Православные, старообрядцы, бурханисты и мусульмане — все живут в своем законе, уважая друг друга, чувства и убеждения каждого. Духовность и религия особенно важны сейчас в деле укрепления традиций, высокой морали и нравственности нашей молодежи.

Программа Демография. Развитие семьи "Бала-Чага". Национальный состав. Рост казахского населения как пример. Поощрение семей, в которых имеется 3–4 ребенка. Общественная и государственная поддержка многодетных семей.

О кадрах. В области нет целенаправленной, рассчитанной на будущее, кадровой политики. В руководящих кадрах мало представителей русских, обосновавшихся здесь с незапамятных времен. А они составляют две трети населения. Даже в числе кандидатов в депутаты Верховного Совета РСФСР выдвинут лишь один В. Петров из местных, коренных русских. С чем это связано? Почему так происходит? Необходимо систематическое обучение, специальная подготовка внутри страны и за рубежом.

Молодежь уходит в города, уходит за пределы республики. Их нужно возвращать на родину, с ними нужно работать. Наш Алтай — их родная земля, их Россия.

Особую ценность представляют дети из тех семей, которые издавна живут бок о бок о коренными жителями, прекрасно знают их обычаи и традиции, психологию и язык алтайцев или казахов. Обратить особое внимание на то, чтобы детям из таких семей давать приоритетное обучение, воспитывать их как патриотов Горного Алтая. Вспомним, что издавна русские люди без всякого принуждения изучали местные языки.

Несколько слов о местной этнической группе русских — кержаках. Это старая Русь, сохранившая старинную культуру, язык, нравы Древней Руси. Такое наследие нельзя терять ни при каких условиях.

Национальный консенсус в Горном Алтае. Три группы. Пропорции в представительстве русских, алтайцев и казахов, других национальностей в подборе и расстановке кадров. При этом нельзя действовать в этом вопросе бездумно, механически. Нужно учитывать, что представители той или иной национальности традиционно имеют лучшие навыки, умения, более приспособлены для осуществления тех или иных функций.

Единое мировоззрение. Идеал и идеология. Их утрата вызвала к жизни все негативное, что мы видим сегодня. Нужно освобождаться от некомпетентных, в особенности коррумпированных чиновников — ставленников "теневиков" и преступных элементов.

Кому выгоден нынешний кризис, нынешний паралич власти? Только хапугам, коррупционерам, мафии, антисоциалистическим, сепаратистским и националистическим силам в обществе.

О кооперативах. Всемерная поддержка производственных, бытовых, обрабатывающих и иных форм кооперации.

Защита и укрепление правоохранительных органов: МВД, суда, прокуратуры. Нужны хорошие специалисты-практики, грамотные юристы.

Мы и наши соседи. Тува, Хакасия, Казахстан, Кузбасс. Сибирь — особо. Внешняя торговля — чему и кому приоритеты. Каким отраслям предпочтение. Нужна концепция. Отношение к краю. Край как крупный регион. Интеграция с общей системой Западной Сибири. Координационный Совет. Укреплять связи через равноправное партнерство.

Разработка комплексной программы развития Горного Алтая в политической, социально-экономической, национальной и культурной областях. Пока что в этих сферах царит полная неразбериха.

Подготовка кадров. Обучение дефицитным специальностям. Самый большой дефицит в настоящее время — квалифицированные, неподкупные, инициативные, преданные делу кадры. Подготовка их в лучших вузах страны и за границей. Тщательный отбор по способностям, а не по связям.

Преобразование ГАГПИ в университет. Создание новых кафедр, исходя из потребностей народного хозяйства. Открытие филиалов других вузов, необходимых области.

Развитие культуры, здравоохранения, науки и спорта на новом уровне. Как это мыслится? **Создать программу "Культура".** Усилить борьбу с алкоголизмом и наркоманией. Народное образование. Открытие сети лицеев — гуманитарных и технических. Поиск талантов. Привлечение новых сил. Ускоренная подготовка менеджеров, экономистов, дизайнеров, юристов, концептуалистов-аналитиков.

Модель Алтая — триада. Само местоположение, определенное природой, географией, историей.

* * *

Вот то, что я предлагал еще 7 лет назад. И сейчас я не отступил от своих основополагающих принципов развития нашей республики. Единственные, несущественные изменения, которые произошли в моих взглядах, обусловлены глобальными изменениями, которые произошли в окружающем нас мире. Прежде всего, появилась Республика Алтай, за создание которой я боролся все эти годы. Эту борьбу я вел не только и не столько в пределах Горного Алтая, сколько в центре, где, собственно, и решалась судьба нашего дальнейшего развития.

К сожалению, наша Республика Алтай — это пока что голая декларация. Эти высокие слова не наполнены конкретным содержанием. Республика — это новая ступень нашего развития, которая требует нового мышления, новых подходов, новых методов работы.

Именно поэтому я дал согласие баллотироваться на пост Главы Республики Алтай. Глава — это голова, это стратег, а не завхоз, финансист или экономист. Вокруг меня начали объединяться люди, способные к напряженному созидательному труду. Люди, на плечах которых не лежит груз прошлых ошибок, которые не замешаны ни в каких сомнительных делах. Поэтому мы не принадлежим ни к какой из ныне существующих партий. Мы создаем партию честных людей. Присоединяйтесь к нам все те, кто хочет положительных перемен в нашей собственной жизни, кто чувствует в себе силы для неуклонного следования вперед, в работе на благо всего народа, родного Алтая.

Бронтой БЕДЮРОВ.
Газета "P.S.", №50 (181), 1997 г.

БУРХАНИЗМ: БЕЛАЯ РЕЛИГИЯ АЛТАЯ

Традиционная мораль народа веками складывалась из религиозных заповедей и обычаев. Бурханизм — религия алтайского народа. Этот феномен мало изучен, но есть люди, которые понимают значение события и возрождают идею, подразумевая прежде всего мессианский смысл, то есть неслучайность всего происходящего.

О бурханизме мы попросили рассказать писателя Бронтоя Бедюрова.

— Бронтой Янгович, когда и как возникла эта религия?

— Любая религия появляется свыше, от Бога, поэтому религия нашего народа — не исключение. Бурханизм — термин условный, введенный учеными в 20–30-е годы для объяснения того духовного феномена, который возник в центральной части Алтая. В ту пору у нас произошла духовная трансформация, которая вызвала к жизни новую религию, или обновленное учение. Историки и этнографы ввели этот термин, чтобы разграничить новую религию с шаманизмом и христианством, которые также

исповедовали алтайцы. Бог — по-алтайски "Кудай". Постепенно это слово стали употреблять применительно к христианскому Богу. Последователи новой религии для разграничения предпочли слово "Бурхан", тем более что оно употреблялось тюрко-монгольскими народами с уйгурских буддийских времен. Сами алтайские тюрки — ойроты называют свою веру: учение Белого (или Светлого) Бурхана. Слово "Бурхан" — синоним слова "Бог" с древнейших времен. Это слово было в употреблении в уйгурском языке еще в VI веке. Оно употребляется во многих современных языках: монгольском, калмыцком, тувинском, бурятском и других. Кроме того, Бурхан является синонимом Будды. Все 90-е годы у нас на Алтае шла разъяснительная работа, так как многолетний атеизм привел к некоторому забвению и подмене понятий.

— В чем заключается суть этой религии?

— Суть та же, что и в традиционном северном буддизме, — это своего рода алтайский вариант буддизма с местными традициями, то есть дополненный культурными, этническими и политическими особенностями Алтая.

Феномен бурханизма должен был развиваться, но социально-политические катаклизмы, а затем и эпоха атеизма его во внешних формах искоренили. Были уничтожены глашатаи и проповедники-ярлыкчи новой религии. Интересно, что окропляли они молоком и окуривали можжевельником, то есть самым чистым и достойным.

— В середине первого тысячелетия в Центральной Азии было распространено в разных вариантах христианство. Нет ли здесь какой-то взаимосвязи?

— Безусловно. Православные священники в 30-е годы прошлого века с удивлением обнаруживали в алтайском "язычестве" христианские мотивы. В древности различные племена Центральной Азии — в Монголии, на Алтае, в Семиречье — исповедовали разные варианты христианства: несторианство, арианство, и другие. Например, найманы и кереиты в эпоху Чингисхана и ранее уже были христианами. Они называли свою религию Белой верой, отличая таким образом от Желтой веры (буддизма). Но мы-то как раз и происходим от найманов и кереев. Где-то на рубеже XV века, когда появился ламаизм в результате реформации буд-

дизма Цзонхавой, куда-то исчезло несторианство. А на деле произошло слияние, синтез. Алтаю вообще присуща веротерпимость, там всегда бытовало множество религий.

— Как бурханизм распространялся в прошлом, что ему препятствовало?

— Бурханизм, алтайский вариант северного буддизма, подчеркиваю, одновременно был компромиссом буддизма и православия, но проявился он еще и в борьбе с так называемой Черной верой, то есть с религией духов. Она была присуща всем народам. Ее мы не совсем правильно называем язычеством. Бурханизм от традиционного буддизма отличается тем, что это — монотеизм. И у нас нет, например, института монашества. Ярлыкчи должны были быть семейными. Они подавали пример в семейной жизни для подражания другим верующим. Женщины, а особо непорочные девушки, могли также посвятить себя духовному служению.

Так было до 1930 года, когда все уничтожили. И не только у нас, но и в православии, и в других религиях. Подобное положение сохранялось до начала 90-х годов. Сейчас идет возрождение. Некоторые никак не могут понять, что на новом витке развития все религии (ислам, иудаизм, христианство, буддизм) должны взаимодействовать. Их пытаются столкнуть, например ислам с христианством, но ничего не получится. В этом треугольнике, я считаю, для России очень важен буддизм. Бурханизм — это буддизм новой формы. Он очень быстро распространяется. Я вижу, что русский, российский буддизм, носителями которого являются сами русские, имеет великое будущее. Они будут новой, пожалуй, самой сильной ветвью буддизма, так как весь мир, особенно западный, сейчас стремится к буддизму, а русские буддисты обогащены еще и ценностями православия. Алтай — это тот мост, который лежит между христианством, исламом и буддизмом.

— Каково современное состояние дел, насколько успешно возрождается новая религия?

— Если в других религиях дела формально идут неплохо, то на Алтае у нас — все впереди. Невозможно ни в одной из религий полностью вернуться в прошлое, не рискуя впасть в мракобесие, догматизм и схоластику. Сегодня все религии стоят по одну сторону — против сил мрака и зла. В религии современные люди

ценят светлое и чистое, ищут морально-нравственную опору в эпоху духовной дезориентации и мировоззренческой деградации. У всех религий основа одна, несмотря на внешние различия.

Ни одно из духовных учений не проповедует культ золотого тельца, зло и насилие, разгул и разврат. Сейчас важно не повторить ошибок советского времени, когда с размахом возводили дворцы культуры и клубы, не наполняя их внутренним живым содержанием.

Стройте, воздвигайте храмы, но — прежде всего в собственных сердцах. Наш храм — Алтай. Храм нерушимый, нерукотворный.

Беседу вел Владимир ПОПОВ,
газета "Литературная Россия", №32, 7 августа 1998 г.,
журнал "Тюркский Мир", №3–4, 1998 г.

НАМ МЕШАЕТ НАША ОГРАНИЧЕННОСТЬ

Как уже сообщалось в средствах массовой информации, с 13 по 18 сентября в Урумчи, столице Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, прошла очередная II-ая конференция по обсуждению перспектив дальнейшего развития Центральной Азии. В работе конференции участвовали 170 делегатов из 24 стран , в т.ч. 11 — из стран Центральной Азии. Российскую Федерацию на этой конференции представляла делегация Республики Алтай. Об итогах поездки в Урумчи рассказывает постоянный представитель РА при Президенте России Б.Бедюров:

— Для начала я хотел бы рассказать предысторию этого события. Летом 1993 года мне довелось побывать в Улан-Баторе в составе делегации, которую возглавлял тогдашний глава правительства РА В.Петров. Во время официальных встреч мы выдвинули идею о некоем сообществе, которое стало бы заниматься проблемами Центральной Азии. Сейчас я вижу, что идея с самого начала нашла живой отклик у монголов и китайцев. Во всяком случае, подготовка к сентябрьской конференции шла у них давно и основательно.

Китайская сторона весьма заинтересованно отнеслась к первой конференции 1994 года в Улан-Баторе. Тогда это было лишь начало той работы, которая продолжается сейчас, и в Урумчи я увидел, что проблемы Центральной Азии в такой же мере занимают сегодня и Западную Европу. Мир стал тесен, и проблемы той же экологии объединяют в наше время всех, независимо от места проживания.

— А как выглядит Алтай на новой карте Центральной Азии?

— Да, она стала сейчас новой, и на ней теперь обозначены бывшие союзные республики Средней Азии. Если говорить точно, нам в Горно-Алтайске предстоит в ближайшие годы пересмотреть многое из того, что мы сами себе внушали в последнее время. Мы даже не подозреваем, в какой глухомани живем. Наслушались разных теорий, начитались всякого — и мним, будто наш Алтай — центр Вселенной. Но какой Алтай имеем мы в своем сознании? Тот, что ограничивается Кош-Агачем и Долиной Свободы? Но на самом деле Алтай гораздо шире границ республики, и рано или поздно нам предстоит это осознать.

Люди будущего, как мне кажется, станут мыслить масштабнее. Нашей республике предстоит выполнять роль буфера между странами Центральной Азии и Сибирью. Я напомнил участникам конференции слова Н.К.Рериха о том, что Алтай и Гималаи — два полюса и два магнита, дающие равновесие в отношениях Запада и Востока. Мы живем на стыке четырех государств — России, Китая, Казахстана и Монголии. Алтайский узел мог бы уже сегодня многое определять на мировой арене, но, к сожалению, нам мешает чисто улалинский кругозор.

— Как Вы считаете, может ли сложиться в Центральноазиатском регионе что-то вроде АСЕАНа?

— А почему бы и нет? В Урумчи речь шла об интересах 13-ти стран. Все понимают, что в XXI веке роль горных регионов будет возрастать год от года. Горы будут основными источниками питьевой воды. Мы на самом деле сказочно богаты и, догадываясь об этом, бережем свой Алтай. По отношению к странам Центральной Азии мы — богачи, живущие среди лесов и полноводных рек. В отличие от улалинских обывателей, жители приграничного Кош-Агача тоньше чувствуют пульс жизни своих соседей и лучше понимают истинные ценности. Кстати говоря, это

стали понимать и коммерсанты, начавшие торговать алтайской живой водой.

В Средней Азии уже сейчас стонут, видя трагедию Арала. Алтай окружен с востока, юга и с запада полупустынями, и именно наши природные ресурсы вызывают сегодня наибольший интерес в сопредельных странах. Важно только не продешевить, не превратиться в очередной сырьевой придаток.

В чем наши преимущества? Они в точности одни и те же и в Синьцзяне, и в Баян-Ульгийском, Кобдинском аймаках, и в Восточном Казахстане, и в Республике Алтай. Мы в равной мере оставлены один на один со своими проблемами в силу удаленности от своих центров, будь то Пекин, Москва или Улан-Батор. А почему бы нам не объединиться по-соседски? Зачем искать товары на Дальнем Востоке или в Европе, когда они совсем рядом? Именно добрососедство может стать главным нашим преимуществом в XXI веке.

— Но в таком случае какие могут быть выгоды от такой интеграции странам Европы?

— Я не сказал пока самого главного. Совет по устойчивому развитию стран Центральной Азии, сокращенно CoDoCa, имеет свою штаб-квартиру в Нидерландах. Я общался с руководителем этой организации С.Тидманом и могу сказать, что Нидерланды заинтересованы в процветании центральноазиатских стран ничуть не меньше, чем европейских. В работе конференции участвовали также представители германских неправительственных организаций. Наши встречи с немецкими экологами также были на редкость плодотворными.

История освоения Центральной Азии неразрывно связана с именами крупнейших немецких ученых — Мессершмидта, Палласа, Радлова, Гумбольдта и многих, многих других. В российской армии начиная с XVIII века несли доблестную службу немецкие офицеры и именно они в немалой степени способствовали успехам России в продвижении на Восток. Когда я напомнил об этом представителям Германии, они готовы были приложить все силы к тому, чтобы Алтайская Конвенция четырех стран была принята и чтобы ее основные положения перекликались с принятой ранее Альпийской Конвенцией.

Многие европейцы лучше нас понимают, что в будущем геополитика начнет определяться запасами природных ресурсов.

Ведущие экологи Запада предупреждают: если и возможна широкомасштабная война в Азии, то она может начаться только из-за воды. Но мы живем в цивилизованном мире, и никто не мешает нам наладить взаимовыгодную торговлю. Водные ресурсы Алтая уже сейчас эквивалентны товарам, в которых мы остро нуждаемся. Так почему бы не наладить этот товарообмен?

— Вы упомянули об Алтайской Конвенции. Что она из себя представляет и каковы основные ее положения?

— Отчасти я уже коснулся той проблематики, что отражена в нашей Конвенции, подписанной представителями Казахстана, Монголии, Синьцзяна и Республики Алтай, представляющей интересы России. Мы были связаны с Югом на протяжении столетий. Гибель Джунгарии привела к разрыву исторических и культурных связей. Но мы просто обязаны прийти на современном этапе к согласованному развитию. Разве это порядок, когда Алтайский округ в составе СУАР имеет в общем торговом обороте 60 процентов за счет Казахстана, и только 10 процентов — за счет России? С другой стороны, зачем нам искать желающих наладить у нас лесопереработку где-нибудь в Америке, когда такие предприниматели есть на той стороне Алтая?

Алтайская Конвенция констатирует, что в наших странах нет политики по устойчивому развитию Алтайских Горных Регионов. В течение года предстоит сформировать рабочую группу, которая будет действовать в рамках CoDoCa. Координатором избран председатель Госкомитета по защите окружающей среды Правительства РА В.Манышев. Инициативу делегации Алтая по выработке Конвенции поддержали PAN, ИСИМОД (Международный Центр по интегрированию горных систем, Непал), Мировой Фонд Природы, экологические организации Индии и Нидерландов. Так что могу сказать со всей ответственностью: над проблемами Алтая сегодня думают во всем мире.

— Где-то пять лет назад в одном из интервью на страницах "Республики" мы говорили с Вами о перспективах строительства автомагистрали, которая связала бы Синьцзян с Алтаем и в целом с Сибирью. Об этом тоже шел, наверное, разговор на сентябрьской конференции в Урумчи?

— Да, конечно. Мы прибыли туда рейсом из Новосибирска. Я увидел, что наша республика находится между двумя гиганта-

ми — Новосибирском на севере и Урумчи на юге. В наше время преодолеть это расстояние можно за два часа. Но все-таки самым перспективным для нас будет автотранспорт. В Урумчи я убедился в том, что проект строительства автомагистрали через перевал Канас был ошибочным. Китайцы прагматичны, и они уже подсчитали все плюсы и минусы проекта, более выгодным для них оказался проект оживления Чуйского тракта. Дорога должна пройти через Кобдинский аймак и через Алтайский округ в Китае, там есть удобный перевал Тай-Кечкен. При таком проекте будет вовлечено больше территорий, и, следовательно, торговля получит более мощный импульс. Что же касается непосредственно наших интересов, то и зона покоя на Укоке будет сохранена, и граница останется каменной стеной, и потомки скажут нам только спасибо.

Я упомянул воздушный путь от Новосибирска до Урумчи, пробитый нашими "челноками". Два гигантских города вовремя увидели друг друга, это как в пословице: рыбак рыбака видит издалека. Пример подан, теперь власти республики должны поработать над тем, чтобы вымерший Чуйский тракт наконец-то ожил.

— Бронтой Янгович, о чем Вы говорили, выступая перед делегатами конференции в Урумчи?

— Есть видеозапись этого выступления, и если руководство ГТРК "Горный Алтай" сочтет его интересным, телезрители смогли бы сами увидеть ту атмосферу, в которой проходила работа конференции. Я говорил о том, что нашу слабость (имея в виду отдаленность регионов) мы в скором будущем превратим в силу. Да, мы были до поры до времени как бы брошенными и находились на задворках исторического процесса. Мы искали партнеров не там и, как видим теперь, не тех. Все, что нужно нам для нормальной жизни, — вот оно, рядом. Алтайский узел развяжет пути-дороги из Европы в Китай и дальше, в Юго-Восточную Азию, это показали первопроходцы прогремевшего на весь мир "Мастер-Ралли". Таково предназначение Алтая и основа его экономического благосостояния.

— Если отвлечься от конференции в Урумчи, — как Вы расцениваете итоги VI сессии Госсобрания — Эль Курултая республики?

— Извините, но мне как раз не хотелось бы отвлекаться от той важной работы, которую вела в Урумчи наша делегация. Мне неинтересно говорить об улалинской мышиной возне вокруг стульев, должностей, говорить о каких-то сиюминутных корыстных интересах. Для каждого человека, с которым мне довелось встретиться и поговорить в Урумчи и Алтайском Аймаке СУАР, я нашел нужные слова и старался, чтобы они стали жить интересами Алтая. Да, я говорю иногда о вещах, может, и малопонятных местному кругу, и недаром один мой родственник выразился недавно: "Это никому не нужно". Да, людям его круга это не нужно. Им нужно сию минуту урвать, ухватить маленький кусочек, а дальше — хоть трава не расти. И дальше носа своего не видят. Но я вовсе не для них говорю те вещи, которые будут определять судьбу нашей республики в XXI веке. Даже если меня тут услышит и поймет всего тысяча человек, а не "подавляющее большинство", — я буду счастлив.

Все, что я делал прежде, и все, что продолжаю делать сейчас, — мне самому понятно, и я знаю, что именно делаю. Возвращаясь из дальних поездок, я с каждым разом все больше убеждаюсь в том, что Улалу как центр выбрали случайно. Чужие люди далеко за пределами моего Алтая говорят о нем то, что могли бы сказать, но не могут, увы, мои земляки.

С делегатом из соседнего Алтайского округа (а там живут 500 тысяч человек) мне говорить гораздо интереснее, чем с депутатом, у которого кругозор никак не простирается дальше Кош-Агача или Долины Свободы. Когда я встречался в Урумчи с уйгурами (а их в автономном районе 8 миллионов), и они узнавали, что у нас, алтайцев, *своя республика*, и когда они узнавали, *сколько* нас в России — у них была такая тоска в глазах. Мы просто не знаем до сих пор, какими возможностями располагаем, и какое будущее ждет нас, если судьбу Алтая начнут определять мои единомышленники, встреченные и там, в Урумчи, и во время московских встреч, и в ходе недавних поездок в Орел, Санкт-Петербург. Когда мы только выйдем за пределы своей ограниченности?!

Беседу вел Н. Витовцев.

"P.S.", №38 (221), октябрь 1998 г.

СЛОВО О МОСКВЕ

В час утра чистый и хрустальный
У стен московского Кремля
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

Александр Блок.

Трепет от прикосновения к нетленным святыням, детский восторг от того, что ты не только живешь в непосредственной близости (кровной, родственной) с тысячелетней государственностью, культурой, духовностью, семь московских холмов, сорок сороков, земля, омытая кровью предков — русских людей разных национальностей, образовавших в течение веков нерасторжимую связь, нерушимый этнический евразийский сплав — все это было, и есть, и должно быть!

Но кто, скажите, в сегодняшней суете, испытывает подобные чувства, ощущает преемственность традиций и непрерывность поколений — в нашей-то буче, передрягах и перекосах?

"Восторг души первоначальный", о котором писал Блок, остался ли он лишь в поэзии, в песнях да славном московском прошлом, а недостойные и беспутные потомки все наследие свое поразвеяли, порастеряли да промотали впустую? Но нет, нет, восклицает и утверждает душа, дух Москвы, дух Георгия Победоносца, дух столицы нашей державы великой жив!

И если внимательно присмотреться, то можно заметить, как он постепенно, пядь за пядью возвращает Первопрестольной ее достоинство, ее исконные черты и красу, прокладывая дорогу к сердцам россиян.

Что более всего греет душу и радует взгляд — ожившие храмы. Воссоздание Храма Христа Спасителя — залог будущего воссоздания державы. Этот символ очевиден.

А то, что в Москве уходит в прошлое главное из двух российских пакостей — плохие дороги, дает надежду и на то, что дураков и самодуров станет поменьше. Дай-то Бог, может быть, Пушкин хоть через двести лет в чем-то окажется не прав.

Мы сегодня, как никогда, нуждаемся в позитивной информации, хорошей вести, положительных эмоциях. Нельзя держать людей в постоянном напряжении, нагнетая ощущение, причем довольно искусственно, близкой катастрофы, скорого конца света. Неприемлемо это для живой человеческой натуры. Не бывает так, чтобы в жизни нашей все было черно и темно, надоели всем чернуха и порнуха, криминал и коррупция. Нельзя, невозможно вечно ныть и плакаться, уповая на судьбину да плохую годину. Это не просто грех великий — уныние, это тупик — и этнический, и государственный.

Восстань, Москва, воспрянь, Россия, ведь все в твоих собственных руках, — взывают к тебе с надеждой и верой большие и малые народы, ближние и дальние соседи, братья и сестры твои, особенно те, кого ты собрала в течение столетий под своей высокой государевой рукой. С Москвы пошла Россия. И с Москвы же начнется новое собирание земель и народов Евразии — так утверждает вся история страны, так подтверждает тот огромный, хотя и отрицательный, но крайне поучительный, опыт истекшего цикла за 10–12 лет.

Москве сегодня есть чем гордиться и есть чем делиться. Надо активнее рассказывать, показывать, и не только самим москвичам, но и всей стране, что уже удалось сделать, что делается и что намечается сделать. Работающие предприятия, фирмы, сообщества, службы, перспективные проекты, новации, открытия, опыт инвестиций и вложений в дело, духовное строительство, культурное созидание — все, все, все, что может нынче помочь России воспрянуть духом, поверить, уверовать в себя и свое будущее, должно быть обращено из столицы вовне, в регионы, к окраинам и дальше — во внешние ныне республики, где не на четверть, а на все сто процентов не бывший, а самый что ни есть настоящий наш народ.

Не следует забывать, когда мы говорим о нерасторжимости понятия "Москва — Россия", что и восточные славяне, русичи назывались московитами, а Россия была Московией, Московским Царством, тем, что в духовном обиходе мыслилось, понималось Святой Русью. Именно Москва, собирая и объединяя народы, и

не только славянские этносы — рязанцев, суздальцев, тверичей, новгородцев и других, но и совсем другого этнического корня, из всех них стала творить, созидать новый, крепкий и могучий народ — русских, то есть народ, относящийся, принадлежащий к Руси Московской, — татар, чухонцев, чуди, мери и муромы, черемисов и чувашей и так далее от моря до моря, от океана до океана, до гор высоких, до естественных границ мира нашего, населяемого со времен незнаемых к северу от Китая, иранского и эллинского миров, к востоку от Рима, от Дуная и Карпат.

Святой Георгий Победоносец, победивший лукавого Змия, — духовный покровитель Москвы. Так вот, по одной из версий жития святого Георгия утверждается, что схватка между Змием и будущим небесным покровителем нашей столицы совершилась бескровно, без применения холодного оружия, без былинных подвигов. В том и дело, что святой Георгий — не Илья Муромец, а значит, битва происходила на ином уровне, в ином плане — духовном. Поэтому в первоисточнике можно прочитать, что в долгом и мучительном, изнурительном, истовом противостоянии святой Георгий "истомил Змия праведной молитвой". Вот она, Победа!

Праведное, правдивое, действенное, победоносное Слово — вот чего мы сегодня ждем, жаждем услышать в информационной, психологической битве, идущей без конца и без края, без фронта и тыла, во всех весях и городах, во всех семьях, сердцах и умах. И пусть оно будет сказано, произнесено, изречено в Москве, из Москвы — этого хотят истомленные люди во всем Отечестве нашем. И Змия можно приручить. Поразить — не обязательно означает убить. Ибо когда в лесу пожар, из огня вместе бегут, спасаясь, волки и олени, лисы и зайцы, никому в одиночку не дано уберечься. Ни людям, ни регионам, ни народам и республикам. Только вместе, ибо и беда, поразившая нас вместе и разом, — общая.

Чингисхан говорил, что если конь хорошо бежит, будучи в жирном теле, это еще не значит, что это хороший конь. Если же конь хорошо бежит, не будучи накормленным, — это неплохой конь. Но если хорошо бежит конь, будучи в худом теле, — это настоящий конь.

Россию невозможно остановить. Там, где Западу уже давно бы пришел конец, мы продолжаем свой путь и, я уверен, достигнем обильных пастбищ и чистых вод.

И тогда на вопрос Александра Блока ответим утвердительно: "Да! Моя земля мне вернет все самое светлое и самое дорогое, а Кремль никогда не будет гнездом Змия, а останется цитаделью и символом нашей Родины с именем Россия". И в этом, полагаю, единодушны со мною все мои единомышленники, ибо всех нас вскормила и вспоила, укрепила и подняла Москва.

1998 г. Москва, Митино.
(Запись совместно с Вл. Берязовым)

ДУХ ГЕОРГИЯ-ПОБЕДОНОСЦА ЖИВ

Отрывок из выступления на заседании Совета глав представительств республик в Московской мэрии

Два с половиной года назад я неожиданно для себя участвовал в работе Московского межнационального собрания. Был несказанно удивлен тем, что в Москве, в этой очень "большой тайге", никто не забыт, что Москва собрала под своими могучими крыльями всех представителей больших и малых национальных диаспор. И я обрадовался тому, что дух Москвы, этот замечательный дух Георгия Победоносца, собирателя земель и народов, жив.

Когда мы говорим о Москве, подразумеваем, что Москва — это вся Россия. А Россия — это Москва, которая раскинулась на одной шестой части света.

У России сегодня имеются огромные стратегические запасы и огромные ресурсы, которые, к счастью, неведомы и недоступны нашим противникам, но мы о них ведаем. И мы, представители народов России, это очень четко и чутко понимаем. И понимаем, что наш потенциал еще не в полной мере поставлен на службу родному Отечеству.

Сегодня нет больших противников, больших врагов для дела России и русского народа, чем псевдопатриоты, которые якобы

радеют о единстве Российского государства. Я их именую условным термином "унитаристы". Они не понимают, что мы все являемся людьми русскими по отношению к Западу и Востоку. И все мы нуждаемся в нашем Центре, в нашей столице не только как в субъекте Федерации, но и как в столице, потому что Москва — всему голова. И вот, когда на всех окраинах нашей страны люди ощущают это энергичное пассионарное начало, этот импульс обновления, призыв к труду и созиданию Отечества, который исходит из Москвы, мы это ощущаем как предвестие большой надежды.

И когда мы говорим о Центре, мы это должны понимать, как сердцевину, как круг, который притягивает к себе всех, соединяя и преобразуя общественный хаос в стройный системный порядок.

И когда мы говорим о возрождении России, это не означает перемещения на машине времени на 100 или 200 лет назад. Возрождение России означает подъем на новую качественную ступень по сравнению с советским периодом. Унитаристы не понимают, что народы, как и люди, вырастают из детских-штанишек и меняют свои туземные одеяния. Никого уже сегодня не загонишь в Казанскую или Уфимскую губернии.

Поэтому наши отношения следует строить на совершенно другом уровне, понимая и чувствуя баланс наших общих и частных интересов, баланс национальных и региональных интересов. Россия — страна вечная. Она была, есть и пребудет как наше Отечество.

Журнал "Президент. Парламент. Правительство."
№5, декабрь, 1998 г.

ИНАКОМЫСЛИЕ НЫНЧЕ НЕ В ПОЧЕТЕ

По поводу деятельности Информцентра коренных народов

С информационным Центром коренных народов я познакомился случайно. Просто однажды мне позвонили мои друзья — шорцы и телеуты и сказали, что вот приехали в Москву учиться и хотят услышать мое выступление. Так я узнал, что в Москве есть структура, где на трехмесячных курсах обучаются представители малочисленных этносов — от Кольского полуострова до Сахалина. По-моему, в наше время, когда расстояния из-за непомерно высоких цен на билеты вновь отдалили нас друг от друга, такой центр крайне необходим. Все-таки без общения жить очень трудно. А разве не полезно человеку из глубинки окунуться в гущу столичных проблем?

В общем, я с радостью помчался в редакцию журнала "Северные просторы", чтобы встретиться с близкими мне людьми.

Свои лекции я построил так, чтобы слушатели могли глубже узнать историю тюрков и понять роль и значение великого братского русского народа. В отношениях славян и тюрков много чего было. Увы, присутствовали и отрицательные моменты. А куда больше было позитива. Ну куда мы сегодня денемся друг без друга!

Однако не всем такой мой настрой понравился. От меня явно ждали, чтобы я больше сделал акцент на колониальные походы русского народа. Я, честно говоря, этому очень удивился.

Да, не надо скрывать, при расширении российского государства были войны. Это факт. Но почему-то забываются другие вещи. Царская Россия при всех ее издержках сумела сохранить практически все коренные малочисленные народы. Не в пример, кстати, Америке. Или уже все забыли, что стало с многочисленными индейскими народами во время освоения Америки европейцами?! Ведь там произошла самая настоящая этническая чистка. А давайте возьмем советскую эпоху. Кто в конце концов воспитал у народов Севера высокообразованную интеллигенцию? Так

зачем же теперь всех собак, образно говоря, вешать на русский народ? Об этом я тоже говорил, когда выступал в Информцентре перед слушателями.

А вообще, как я считаю, Россия должна на самом берегу Тихого океана поставить памятник не только русским землепроходцам, но, помня слова Николая Ядринцева, и безымянной тунгуске. Ведь без участия народов Севера, без их содействия русские землепроходцы не смогли бы за столь короткий срок пройти от Каменного пояса до Охотского моря. А они прошли. Менее чем за один век. И мало кто теперь знает, что русские появились в Нижней Калифорнии раньше белых (русские застали там даже потомков выродившихся испанцев, метисов). Представляете, русские не только до Аляски, они до Калифорнии дошли. Такая была пассионарная, динамическая сила русских землепроходцев. Но появилась эта сила у русских в XVI–XVII веках именно в результате тесного взаимодействия с, как тогда говорили, туземными народами. Не случайно Ядринцев говорил, что Ерофея Хабарова вела через дебри, через тайгу безымянная тунгуска. Вот почему я, смотря сегодня на эвенков, считаю их великим таежным народом Сибири, который сумел освоить такое гигантское пространство — от Енисея до Сахалина. Это же огромный подвиг.

Я все это говорю к тому, что проблемы надо рассматривать во взаимосвязи и уж тем более без ненависти к другим народам. Хватит подчеркивать чью-то исключительность. Но вот этой-то мудрости и не хватает руководителям Информцентра. Кстати, после моих добрых слов в адрес русского народа они враз перестали меня приглашать к себе. Что это — случайность или тенденция?

Меня удивляет, что наши государственные структуры, которым надлежит, образно говоря, "пасти" Север, самоустранились от своих задач. У чиновников одна ссылка — нет денег. В этих условиях место государства занимают всевозможные зарубежные фонды и миссионеры. А дальше — полная неясность. Фонды-то ведь тоже разные. Кто-то озабочен выполнением гуманистической миссии. А у кого-то задачи совсем другого плана.

Конечно, хотелось бы знать, какие фонды стоят за Информцентром и "Северными просторами". Меня интересуют програм-

мы, по которым работает Информцентр. Но такое впечатление, что все это составляет страшную тайну. Это, естественно, настораживает.

Еще раз вернусь к проблеме участия в делах малочисленных народов государства. Сегодня кто только с нашими народами в России не пытается работать, чуть ли не вся заграница. Я, алтаец по национальности, сужу это по себе. А что же наше государство? Власть почему-то считает, что нашими проблемами должен заниматься один Миннац, к слову сказать, бедный, как церковная мышь. Но это в корне неверно. Пока так будет продолжаться, подготовку национальных кадров полностью в свои руки возьмут непонятные структуры типа Информцентра.

Газета "Литературная Россия", запись В. Огрызко, №31, август 1999 г.

ПРИШЛО ВРЕМЯ ПОНЯТЬ И ОСОЗНАТЬ...

— Боронтай-ага, Ваше выступление на Форуме мусульман Азиатской части России* зажгло многих, люди подходили и благодарили за выступление. Хотелось узнать об евразийской школе, которую вы представляете.

— Евразийская историческая школа представлена такими именами, как Трубецкой, Савицкий, Вернадский... Это были ученые, смотревшие на историю России не с западной точки зрения, а с восточной. И они были первыми, кто заговорил о безусловно положительной роли и месте тюркских народов в истории России.

Если брать с начала христианской эры, 1500 лет руководство государственным строительством на территории нашей страны принадлежало тюркам.

Помню, когда учился в Литературном институте, очень поразило меня, молодого студента, в "Истории дипломатии",

* 24 февраля 1999 г. в г. Тюмени

том I, оценка и роль в становлении российской государственности законов (Яса) Чингисхана, уставы, традиции Золотой Орды в русском армейском, стратегическом и тактическом строительстве. Мы даже не знаем, что таможенные, финансовые, почтовые, дорожные дела отладились на Руси именно в эпоху Золотоордынской Федерации.

— Книги евразийцев до сих пор под запретом?

— Нет, сегодня в свет вышло уже много книг историков евразийской школы. В советский период нам они были недоступны, ведь евразийцы после гражданской войны ушли в эмиграцию и их труды издавались в Праге, Белграде, Берлине, Париже… Наше поколение знало только Льва Гумилева.

Сейчас в официальной науке, к счастью, уже признают, что евразийская школа обладает серьезной исторической концепцией, но школьные учебники пока отстают от веяния времени, и вчера выступавшие на Форуме мусульман АЧР отмечали это. В этой отрасли политика министерства образования все еще остается косной и консервативной. Но, к нашей радости, сегодня многие русские ученые, писатели начинают правильно понимать историю России и признавать вклад тюркских народов в становлении России.

— Происходят ли в связи с этим какие-нибудь сдвиги в общественном сознании?

— Крайне медленно. Причиной тому постулат о "монголо-татарском иге" в школьных учебниках. Кроме того, очень пагубную роль сыграло появление в 30-е годы трилогии Яна: "Чингисхан", "Батый", "К последнему морю".

Эти книги страшно далеки от исторических фактов. Например, возьмем такой эпизод: Батый выезжает на берег Москвы-реки и на противоположном берегу видит людей, которые выскакивают из каких-то домишек, голые, красные, и ныряют в прорубь. И Батый якобы недоумевает: "Что делают эти безумцы?!". Этим автор подчеркивает: Батый не знал, что такое баня. Ну кому, как не Батухану, воспитанному в культуре Золотой Орды, куда уже тогда проникло мусульманство, с ее ежедневным пятикратным омовением, чистотой, не знать о бане! Или возьмем писателя более позднего

времени: во время похода на Русь татары закололи лошадей на мясо, и все кишки вывалили в овраг. Это, конечно, просто смешно. Так мог написать только человек, который не знает этнографию и кухню наших народов, ведь конские кишки — это для нас самый деликатес. И воины-кочевники скорее мясо выбросят, чем кишки. Вот такие неправильные вещи и рождают между народами и культурами отчуждение, непонимание, неприязнь.

— Лживая история, она к этому и ведет?

— Да, совершенно верно. И в этом смысле, против Ислама, из-за незнания, непонимания, также создается много негативного. Думаю, что это прежде всего ветер, который дует с Запада. Оттуда пошли крестовые походы против мусульманского мира еще в средние века, ну, и не будем идеализировать наше российское общество. Из-за незнания и невежества имеется очень много предрассудков в отношении восточных религий. Если бы изучали по-настоящему мусульманскую религию, то поняли бы, что Ислам — это религия очень большой терпимости, мира и созидания. Наша задача это снимать. Я считаю, что на исходе века, когда в мире господствует культ денег, стяжательство, все религии должны стать по одну сторону баррикады против тайтанизма, дьявольщины, против всего темного, что ежедневно льется с экранов ТВ, со страниц газет.

Сейчас, к счастью, мы видим, что на уровнях федеральной представительной и исполнительной властей проявляется правильное, конструктивное отношение к другим религиям, не только к православию, открывается сотрудничество, диалог и на нижних уровнях, на уровне областных администраций, хотя и там, бывает, сидят реакционеры. Вот, вчера в нескольких выступлениях прозвучали факты безобразий, происходящих на местах, во многих регионах.

— Откуда вообще это непонимание?

— Непонимание идет от низкого уровня общественного сознания, от бескультурия, от дремучего невежества. Объявлять все чужое, непохожее на тебя, отсталым, пережитком прошлого, — это от самомнения и ограниченности.

— Расскажите о Вашей деятельности.

— Особенно активно за последние 12–14 лет выступаю за единение народов и взаимопонимание между различными конфессиями. Сегодня нужно писать правильные учебники и романы, повести, чтобы они звали не к разъединению, не к вражде, а к пониманию общности наших корней. Вот если бы в советское время был найден исторический общий знаменатель, когда бы историю нашей Родины начинали не с Киева, а погружались бы вглубь веков, то совсем по-другому бы ощущали себя и калмыки, и чеченцы, и другие, потому что вся история народов на этой территории является нашей общей историей.

И тогда мы поймем, что живем в пятый период нашей общей истории — если исходить из глубин веков: киммерийская (скифская) общность, затем гуннская общность, период Великого Тюркского каганата, монгольский период, потом наступил пятый, русский период, и все это вытекало одно из другого. Поймем, что не было завоевания Московским царством поголовно всех тюркских ханств, так же как не было и татаро-монгольского ига. Просто государственные центры перемещались с востока на запад, с запада на восток. Князь Николай Трубецкой, русский аристократ это говорит, а не я, тюрк-алтаец. Трубецкой говорит, что впервые объединение народов Северной Азии и Восточной Европы осуществили именно туранцы, то есть тюрко-татары.

— Если брать во внимание, что Московское княжество в процентном отношении составляло лишь 5% Монгольского Улуса, то чем объяснить невероятный рост населения?

— Увеличение населения происходит за счет роста, включения в свой состав других народов, слияния, симбиоза. Дело в том, что этнос великороссов сложился на базе соединения славянского, угро-финского (чухонцы, чудь, мурома, мери, мещеряки) и тюркского компонентов. Тюрками было большинство тех русских дворян, чьи предки ушли на службу к московскому царю. От ордынских мурз пошли Кутузовы, Суворовы, Годуновы, Тургеневы, Юсуповы, Улановы, Достоевские, Менделеевы, Карамзины, Тютчевы, Кантемиры и многие-многие потомки ордынцев. Благодаря им не в последнюю очередь маленькое московское княжество вновь стало Державой Евразии — Россией.

— Встречаетесь ли вы сегодня с тюркскими писателями из стран СНГ?

— Я был бы неискренним, если бы не жалел о распаде Советского Союза. Потому что в советском государстве, после распада Тюркского каганата, почти для всех тюркских народов, кроме турков и уйгуров, были созданы условия, чтобы тюрки, которые разошлись в течение тысячи лет, могли узнать друг о друге. Вот я, тюрк Алтая, встретился с тюрками Кавказа — карачаевцами, кумыками, балкарцами — в Москве, в Литературном институте. Наши народы настолько давно разошлись еще со времен гуннов, а, познакомившись, удивляешься близости языков, сходству характеров. Мы с тюрками Кавказа, как и с другими горцами, всегда дружили, делили еду, хлеб, пили один чай и никогда не ссорились.

В последний раз я со своими братьями — тюркскими писателями из Киргизии, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана — встречался в апреле 1997 года на международной конференции в Вашингтоне, и когда мы встретились, обнялись, то сказали: "Вот видите, как получается, на другом конце земного шара встречаемся, но не в родной Москве".

— Несколько слов о вашей организации, Конгрессе тюркских народов.

— Конгресс тюркских народов был создан в 1995 году в Москве под эгидой Миннаца, но именно сам Миннац не сумел раскрутить работу Конгресса. Вы сами понимаете, что с Алтая управлять Конгрессом тюркских народов невозможно, для этого нужно быть в Москве, но там пока что у меня нет даже офиса. Кроме того, наши региональные организации действуют на своем уровне, потому что нет центрального финансирования. Я с этой целью обошел все правительственные структуры и мне откровенно говорили: а почему вы, тюрки, создаете свою организацию по этническому признаку?! Потому и вызывает наша деятельность некоторые скрытые противодействия.

Я добиваюсь, чтобы главной целью Конгресса была самоорганизация на внутрироссийском уровне. К сожалению, этому мешает самосознание самих наших тюркских народов. Внутри большинство считает себя, в первую очередь, башкиром, татарином, казахом, кумыком, а вот носителей общероссийского тюркского сознания еще мало. И я вижу, что наша беда в том, что мы, в от-

личие от других этносов, не добиваемся поставленных целей только из-за нашей многоэтничности. Да, многочисленность с одной стороны — это наша сила, с другой — слабость.

— Возьмем арабский язык в Ираке и этот же язык в Алжире — между ними такая же разница, как между ногайским и сибирско-татарским языками, но и первый, и второй вариант называется арабским языком, а не алжирским и не иракским, или же английский язык в Англии и английский язык в Америке. Можно ли то же самое сказать о тюркском языке?

— Да, конечно. Некогда тюркский язык был единый, общий для всех тюрков. По закону этногенеза, когда исчезает единое государство, исчезает и единый язык, одна нация.

Вот когда я, как историк, смотрю сейчас на то, что происходит с нашей страной, все это мне до боли напоминает произошедшее с Тюркским каганатом, Золотой Ордой. Историки обычно не пишут, что случалось с людьми, когда рушились большие государства, что они испытывали, с кем смешивались. Они рассказывают, где какая битва произошла, что случилось с тем или иным каганом, царем, а жизнь народа не затрагивается. На примере сегодняшних тюркских народов можно увидеть, что же произошло с единым тюркским народом. Когда распался Великий Каганат, тюрки, которые жили на севере, стали смешиваться с финно-угорскими народами, со славянами, и постепенно принимали их облик, изменился и быт; тюрки, которые охраняли границу Каганата в Дербенте, стали родниться с горцами Кавказа, и также постепенно принимали их облик; тюрки, жившие на границе с Сасанидским Ираном, смешивались с персами и т.д. Языки и культуры тюркских народов показывают нам сегодня, с какими народами мы контактировали, как единый тюркский язык разбился на разные группы. Но я бы хотел сказать, чтобы мы не огорчались, поскольку, по законам лингвистики, когда появляется новая общность, постепенно диалекты могут соединиться и образовать единый язык. Так, например, было в Греции.

Если бы нам удалось осознать себя, в первую очередь, тюрками России, может быть, нам удалось бы подняться на новый качественный уровень. Потом, вспомним, что сегодня образовались новые реалии, в связи с возникновением тюркского мира. Се-

годня мы должны взаимодействовать: первое — внутри России, второе — в рамках СНГ, третье — на международном уровне.

— С кем из тюркских писателей вы поддерживаете отношения?

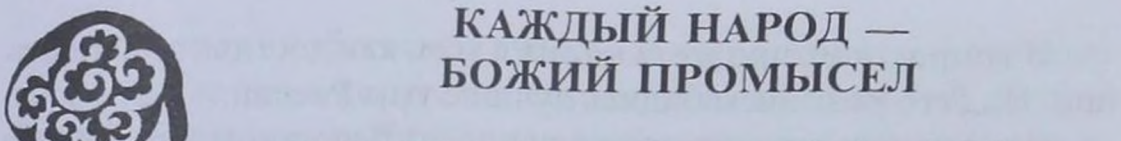
— Я знаю многих: и Чингиза Айтматова, и Олжаса Сулейменова, особенно хорошо я знаю киргизских, казахских, татарских, башкирских, хакасских, тувинских, балкарских, кумыкских писателей. С многими сейчас общение, к сожалению, затруднено. Мы упустили время. Когда были финансовые возможности, мы из-за своей лени, самодовольства не общались, друг к другу ездили мало, а если и встречались, то больше пьянствовали. Я, например, в Казахстане всегда журил их издателей и писателей: "У вас есть огромная полиграфическая база. В один год, вместо того, чтобы толкать свой сборник (вас много), издайте книгу ногайских писателей, этим окажете огромную услугу братскому ногайскому народу, в следующий год издайте том кумыкских писателей, потому что им трудно в Дагестане, где 30 народов, издаваться. Один год издайте хакасов, алтайцев". В то время большинство не понимало такую необходимость, вот начали понимать, да прежних возможностей, увы, нет, теперь сами они бедствуют.

— Ваши впечатления о Тюмени?

— На этом форуме ДУМ АЧР, на земле древнего Сибирского ханства, для меня было большой радостью узнать, что наша тюркская молодежь Тюмени не унывает, не склонила головы, думает о будущем своего народа, издает газету. Я бы хотел, чтобы газета жила и развивалась, обретала бы подписчиков в соседних областях Сибири. Хотелось бы, чтобы спонсоры, которых, я думаю, в нефтяной Тюмени более чем достаточно, помогали инициативе тюркской молодежи.

От редакции. Мы благодарим Боронтая-эфенди за интервью, его точку зрения, позицию писателя и публициста. Боронтай-ага — истинный мусульманин.

Халиль БУЖБАН,
газета "Мусульмане Сибири", №3(4),
январь 2000 г., Тюмень.



КАЖДЫЙ НАРОД — БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

поэтому и знания каждого народа должны быть востребованы...

Разговоры о том, чего в нас все-таки больше — "неметчины" или "азиатчины", — являются постоянным атрибутом всех гуманитарных собраний, сообществ, изданий. Спор этот — между славянофилами и западниками, их последующими продолжателями — был затеян, увы, не нами, на нашу долю выпало лишь обновлять его своими аргументами.

Аргументы Бронтоя Бедюрова — поэта и философа, секретаря правления Союза писателей РФ — расставляют иные акценты в этом споре.

Корр.: Прежде чем говорить о судьбе и роли северных народов с их территориями, хотелось бы получить ответ на вопрос, чем, по вашему мнению, определяется характер взаимоотношений между территориями в нашей стране?

Б.Б: Поначалу нам самим надо уяснить: что такое Россия — как страна, и Россия — как государство. А это ведь далеко не одно и то же, и нет между ними, особенно в нынешних границах, — тождества. В российской истории мы постоянно наблюдаем очевидное противоречие между государством и страной. В моем понимании страна — это земля и народ, ее населяющий. А государство есть формосуществование страны во времени и пространстве. Это как одежда, которую мы меняем со сменой климата и моды. Вот почему главная задача на данном этапе развития и заключается в том, чтобы наконец обрести гармонию в сочетании этих понятий. Согласитесь, Россия как страна — это одно из прекраснейших средоточий в мире, и в то же время государственность в ней во все периоды ее существования была, как мне кажется, далека от совершенства. Она оказалась недостаточно пригнанной для удобного жития-бытия не только отдельной личности, но и народа, общества в целом.

И вопрос, конечно же, состоит в том, как достичь этой гармонии. Над его решением бились лучшие умы России.

Что мешало решению этого вопроса? Дело в том, что в России изначально существовало (и продолжает существовать!) противоречие между державным, государственным, организующим, образующим в целостность, началом и началом стихийным, аборигенным, местным. (По отношению к русскому социуму такое обозначение ранее никем никогда не применялось, а в советское время даже "национальное" прилагалось как бы ко всем остальным, кроме только самих русских. А тем самым даже этноним "русские" — собирательное, всеохватывающее понятие сузилось, опустилось постепенно до уровня московитов-великороссов. Так и пишем, говорим: "русские и националы". А между тем в категорию националов попадали даже самые что ни на есть корневые русские — украинцы, белорусы.)

Именно это аборигенное, исконное начало, веками подавляемое, загоняемое вглубь, в социальные низы, временами прорывалось, растекалось, наподобие вулканической лавы в виде мужицких бунтов, мятежей, крестьянских восстаний — "бессмысленных, беспощадных", тех самых, пророчески предсказанных Пушкиным. И, если хотите, то, что произошло лет десять назад, не было никакой революцией или контрреволюцией, но самым что ни на есть бунтом, впервые в истории увенчавшимся успехом, когда Россия на деле оказалась вывернутой наизнанку, супротив самой себя, собственной государственности, хотя облечено все это было в нарядные, но чуждые ее духу и сути, модные с точки зрения фасона того периода, политические одеяния. Да и трактовалось, объяснялось и воспринималось происшедшее, и все проистекшее вослед, в рамках привычного марксистско-ленинского стереотипа, антитез "социализм-капитализм", "революция-контрреволюция" и т.д. как сторонниками, так и противниками. Так было проще, хотя истинной сути никак не проясняло, а тем самым не давало понимания происшедшего катаклизма.

И что самое трагичное — так это то, как все обернулось неслыханными потерями четверти, а то и больше территории и половины ее наличного народонаселения, предельным разрушением и ослаблением всех институтов государственности. Аналогов

происшедшему в собственно русской истории, пожалуй, и не сыскать, — разве что в дорусских этапах падений династий, низвержений великих царств Евразии найдем нечто отдаленно похожее. Но это дело не совсем обреченное, коль уцелело, сохранилось основное ядро под именем Российской Федерации.

Например, реформы Никона привели к духовному расколу, непреодоленному доныне. Но если тогда разломилось ее духовное тело, то тут речь идет о рассечении страны и государства на 15 кусков и фрагментов. Случай небывалый, крайне затруднительный для здравого смысла, логически малообъяснимый, иррациональный.

Корр.: Сказывается ли это на сфере взаимоотношений, которые условно можно назвать "Восток-Запад"?

Б.Б: Мир в действительности гораздо сложнее, нежели эта условная схема. Вопрос в том, что мы, северяне, называем Востоком, а что — Западом. Мы привычно, со времен недавних блоков, Запад осмысливаем, понимаем как целостный мир, а в культурно-цивилизационном отношении подразумеваем под ним Европу романо-германских культур, но в реальном мире существует еще и второй, и третий Запад: это Америка, это Дальний Восток. В советский период, что плохо, мы перестали чувствовать эти цивилизационные различия, своего рода тектонические разломы, и это сказалось в роковые 90-е для нас самым пагубным образом — дезориентацией и ослеплением, которые далеко еще не преодолены, но, надеюсь, правда, с трудом, что они носят временный, преходящий характер. Цивилизационные различия нам заменили упрощенным политико-идеологическим, военно-блоковым клише "Восток-Запад". А мы, наивные, чисто в географическом смысле воображали себя проживающими в Европе (до Урала), хотя никто в Восточной Европе, да и в мире в отношении нас подобных иллюзий не строил. Еще Наполеон говаривал, что Европа кончается на Висле и Немане. Пожалуй, это верно, если проводить границы между православно-христианским и протестантско-католическим мирами континента Евразии. Эта иллюзия в наши дни, например, сыграла плохую шутку с украинцами да молдаванами, и отчасти с грузинами, путающими мир Византии с пост-Ренессансной Европой. Когда и в какие эпохи не только

они, но и Россия жили с Европой в единой и общей семье? С османами, заместившими Византию, да, было дело. А с германцами — когда?

Да, Россия после Петра подверглась усиленно внешней европеизации, но она не могла дойти до глубин того самого аборигенного, исконного начала, как и ныне массированная вестернизация уже захлебывается, крутясь вхолостую, но это, как говорится, из другой оперы — вопросов взаимовлияний соседствующих культур и народов. При этом следует иметь в виду и то, что Запад, в свою очередь, особенно Америка, подвергается не меньшей ориентализации как следствие взаимопроницаемости нашего мира.

Самым наглядным доказательством существующих различий является то, как они, эти различия, вмиг о себе дали знать, как только мы сами распустили так называемое социалистическое содружество и Варшавский Договор, что на деле являлось тем самым славянским единством. И оно реально и впервые в истории славян существовало добрых полвека, где вперемежку с мадьярами да валахами, прихвачены были еще и немцы понемножку (ГДР). Но братья-славяне, заполучив волю, тут же врассыпную разбежались, иные второпях уже кинулись, как кролики, в пасть к своему германскому удаву — на этот раз в виде и образе НАТО. А что их там-то ждет, вот забавно, не будь так печально для их этнокультурных перспектив. Для этого не мешало бы им заглянуть во II век н.э., когда они чахли под гнетом готов — вот где иго-то было настоящее!..

Американцам простительно, они — акселераты. Корней своих не помнят, коллизий европейских, подспудных, не ведают.

Конечно, следовало ли после Победы так жестко привязывать к державной колеснице России всех славян подряд? Разумеется, сталинский режим не понимал истинной природы и типа российской государственности, иначе бы уразумел, что татары, и все другие восточные и северные народы России, к русским гораздо ближе и роднее, нежели западные славяне-маргиналы католического Рима, не говоря уже о хуторянах-прибалтах, чей удел быть амортизатором между Европой и Россией со статусом вечного нейтралитета, вне блоков — себе спокойнее. Нет, они туда же... Тоже все позабыли — конюшни остзейских баронов, например.

Корр.: По вашему выходит, что татары русским гораздо ближе и роднее, нежели западные славяне, не говоря уже о "чужих" прибалтах. Какое отношение ко всему этому имеет Север?

Б.Б: Самое что ни на есть прямое. Все, что я говорил о России, весь пафос мой именно о Севере. Правильнее будет Россию, как и вообще северную Евразию, воспринимать как мировой Север, а не пресловутый "Восток". Из сказанного мною только не следует делать ложный вывод — я не антизападник. Я только подтверждаю свое право на свой мир, как самостоятельный вектор в мировом балансе сил.

Да, мы — Север с древнейших времен. Все, что лежало, покрытое дремучими лесами к востоку от Дуная, Карпатских гор, Балтийского моря, к северу от хребтов Кавказа, Памира, нагорий Тибета, пустыни Гоби — все это было Севером, "особливым миром". От сердцевины Центральной Азии до Северного Ледовитого океана — наш северный мир, мировой Север — Древняя Скифия — наша Родина, страна саков и саха, славян и сарматов, гуннов и тюрков, монголов и тунгусов. В течение веков и тысячелетий она постоянно меняла очертания, названия, но всегда оставалась Севером.

Корр.: Но это все географические дефиниции...

Б.Б: Нет, не географические, но прежде всего культурные, цивилизационно-хозяйственные, обусловленные климатом и землей. Отсюда все и вытекает. Это не я говорю, а просвещенный европеец Монтескье. Незнание, невежество в понимании именно этого фактора как раз и лежит в основе противоречий российского сознания. Популярно могу охарактеризовать его как "синдром Дуньки, которой постоянно хочется в Европу". И политические потрясения, экономические шарахания — в недопонимании собственного места в мире и цивилизации человечества. Этим объясняется, почему реформы удаются в Малайзии, а в России решительно нет. Слишком близко, да непохоже — антиподы!

Посудите, не только все природные жизненноважные ресурсы сосредоточены на Севере, но и огромные духовные ресурсы в лице наших народов и культур. Но мы это не видим, не знаем, не ценим, а зарimся на чужой каравай. На все, что блестит у соседа. Имея — не ценим, потерявши — плачем. Россию правильно мож-

но понять и представлять только если рассматривать ее как целостный культурно-цивилизационный континент. Не только по размеру и географическим параметрам.

Евразийские ученые, например, Петр Савицкий, впервые применили такой термин, как "континент". Я с ним согласен.

Поэтому возникновение такой структуры, как Северный Форум, организации северных стран, чьей органичной частью является, безусловно, Россия, можно только приветствовать.

Прежде всего, я имею в виду культурно-цивилизационные параметры. Каждый народ — это Божий промысел. Мировой Север представляет собой удивительную мозаичную цивилизацию "единства в многообразии", где каждая составная часть по-своему уникальна, бесценна и совершенна. Для меня цивилизация чукчей или инуитов (эскимосов) — это удивительные культуры, существовавшие еще со времен мамонтов. Я не сомневаюсь в том, что все может схлынуть, многие сверхдержавы рассыпятся в прах, сгинут в небытие могучие нации, а эта, представьте себе, будет развиваться, совершенствоваться, видоизменяясь, пока на Севере останется хоть один человек, ибо он — единственное существо, которое расселено на земном шаре повсюду от Арктики до Антарктиды.

Корр.: Если говорить об отличительной особенности менталитета тех, кто населяет территории Заполярного круга, кроме уникальной живучести, которая сохранена, что бы вы еще могли назвать?

Б.Б: Народы Севера, как никто другой, находились в органическом взаимодействии с окружающей средой. Это были общества охотников, рыболовов, корабелов-мореходов, если взять норвежцев, финнов, наших архангельских мужиков-поморов. Уникальный северный этнос сохранился в Якутии, в местечке Русское Устье, так называемые русскоустьинцы. Вот где убереженный, схоронившийся древний русский дух! И таких мест по России вовсе немало.

А как нам сегодня необходимо обретение этой гармонии с природой. Современная техногенная цивилизация подошла к краю. Необходимо новое решение. Своего рода второе пришествие Христа. В этом случае северяне могут стать главным состав-

ляющим элементом трансформации и преображения на пути к новой цивилизации.

Каждый народ — это Божий промысел. Поэтому и знания, и опыт каждого народа не только должны остаться в нашей памяти, но и срочно востребованы для будущих поколений. Если прежде я читал эпос как сказки, теперь нахожу в них практический смысл как в философских трактатах, получая необходимые ответы на все почти вопросы нашего бытия. Если хотите, это своеобразный зашифрованный код, посланный в будущее нашими предками, которые, несомненно, обладали более глубинными знаниями. Надо только суметь правильно прочесть. Найти пароль, как в компьютере, войти. Извлечь квинтэссенцию духа.

Корр.: Вы писатель и философ, но, кроме того, еще и государственный человек. Вам известны какие-либо примеры и факты реальной государственной поддержки программ, связанных с Севером, которые дают надежду на то, что рано или поздно такого рода принципы существования будут востребованы или будут развиваться или пропагандироваться? Какие органы или структуры занимаются подобными проблемами?

Б.Б: Я — государственный человек скорее не по должностной обязанности, но по отношению к делу, к судьбам, к будущности своего отечества. И говорю это не ради красного словца. Наоборот, с горечью отмечу, что наши знания по сей день не востребованы. Мы вне игры, не задействованы государством, потому что, как уже отмечал, государственная кадровая политика оказалась размытой до предела, заменена клановой, корпоративной, земляческой, что глубоко порочно и весьма пагубно. Структур, которые реально занимались бы подобными проектами, увы, нет. Я не могу говорить плохо о людях, работающих в Министерстве по федеративным отношениям и национальной политике. Но у них нет денег даже на приобретение карандашей и ручек, не говоря о серьезных проектах, тем более о национальной политике, которая на 100 % социально-экономическая. Но отраслевые или добывающие структуры считают, что этой проблемой должно заниматься только соответствующее министерство. Нет, в данном случае не может быть отраслевого подхода. К сожалению, в нынешнем государстве отсутствует головная, консолидирующая, координирующая структура. Как туловище без головы.

Если говорить о деятельности депутатов, то и здесь неутешительная ситуация. Государственная Дума третий созыв подряд не может принять Закон, который бы защищал и охранял права не только северных, но и всех малых народов. А Палата национальностей — трибуна народов вообще ликвидирована. Не это ли безумие: в такой стране, как наша, лишиться столь важного органа. Не оттого ли почти все партийные движения сбились на урапатриотический узколобый уровень, отказались от интернационализма, союза и братства народов страны, оболгали нашу историю, плюнули в собственное прошлое, то есть в своих отцов и дедов, а ныне как заклинание повторяют через каждое слово "Россия-Россия", а ее все меньше и меньше.

В этой связи опять же уместно сопоставление не с западными странами, с которыми мы не совпадаем стадиально, а с той же КНР, построенной по образцу и подобию нашему, где помимо многопартийной системы изначально существует Народно-политический Консультативный Совет — консультативно-совещательный орган наряду с официальным парламентом. В компетенции этой структуры — выработка стратегии в принятии важных решений относительно государственных и национальных интересов, проблем малочисленных народов, урегулирование вопросов, связанных с территориями, партиями, общественньми кругами, зарубежными соотечественниками и т.д. Существование такого органа не является противопоставлением существующей ветви представительской власти, как раз наоборот — это необходимый баланс. В Совете представлена вся палитра общественных течений, движений. Там вырабатываются, зреют предложения, позиции, формируются тенденции. На мой взгляд, аналогичный орган — будь он создан — безусловно был бы полезен в нашем, далеко еще не сформировавшемся в окончательных формах государстве Российском.

В: Бронтой Янгович, что бы Вы пожелали новому издательскому дому "Полярный круг" и "Розовой чайке" ?

Б: Я бы сказал, что это замечательное событие — появление такого издательского дома, оно очень ко времени и весьма кстати. Полярный Круг... Я бы назвал его по аналогии с Великим Северным Морским путем — Великий Северный путь наших на-

родов, нашей цивилизации. И это правильно, что вы хотите освещать события не на уровне одного региона, а от Мурманска до Чукотки, и вообще, события в контексте мирового Севера, всей циркумполярной цивилизации.

Нашему российскому Северу — северу Севера — много, очень много есть о чем сказать и что показать. Хотелось бы пожелать, чтобы этот путь не прерывался, чтобы оказался не пунктиром на карте, а единой, прямой линией — линией Великого Северного Пути, с парящей розовой чайкой над ним.

20.VII.2000 г. Москва, Матвеевское.
Елена Никифорова

"Розовая Чайка", литературное приложение к газете "Полярный Круг", № 1, июль, 2000 г.

ИЗБРАННИК ДУХОВ

СЛОВО О ПРЕДТЕЧАХ

Это слово — о предтечах.
Всякая река имеет истоки.
Свое начало и у нашей литературы.

Небольшая книжица "Мудрый богатырь"* предложила вниманию читателей произведения первых алтайских писателей, живших в прошлом и начале нынешнего столетий. Впервые в переводах на русский язык публикуется поэтическое наследие зачинателей нашей письменной поэзии, и, хотя представлено оно лишь отчасти, тем весомее значимость настоящего издания.

Пусть и запоздала эта встреча на несколько десятилетий, но тем неожиданней и радостней, в особенности для тех, кому, к сожалению, недоступен язык оригинала.

Нет особой нужды повторять очевидную истину о том, насколько важным является перевод на русский язык нашей устной словесности, произведений зачинателей письменной традиции. В этом заинтересована вся наша культурная общественность. Поэтому писательская организация Горного Алтая, областное отделение Алтайского книжного издательства наряду с ГАНИИИЯЛ прилагают конкретные усилия по введению в широкий литературный и научный оборот творчества основоположников алтайской письменной литературы.

Знаменательно, что знакомство с поэтическим творчеством М. В. Чевалкова, П. А. Чагат-Строева, М. В. Мундус-Эдокова происходит в пору, когда во всех сферах жизни советского общества идет обновление и советская многонациональная литература открывает для себя и для читателей творчество малознакомых или незаслуженно забытых писателей предыдущих поколений.

Отрадно и другое, тоже не менее важное обстоятельство.

---

* Мудрый Богатырь. Поэмы. Стихи. Басни. Пер. с алтайского. Составитель и автор послесловия Б. Я. Бедюров. Горно-Алтайск, 1987 г.

Новосибирские товарищи с пониманием откликнулись на просьбу нашей писательской организации сделать литературные переводы. Несмотря на сжатые сроки, работу они выполнили добросовестно, с глубинным проникновением в дух алтайской поэзии. Уместно вспомнить, что первыми переводчиками алтайской литературы на русский язык еще в 20–30-е годы тоже были новосибирцы, ясно осознававшие сопричастность свою к Алтаю, а нашу — к Сибири. Образно выражаясь, мы и воду пьем одну, из одних истоков. Творческое содружество стало для нас как бы нравственно-этической нормой взаимоотношений, традицией, заложенной еще в XIX веке лучшими демократическими силами Сибири, которые вели пропаганду достижений духовной культуры всех народов, населяющих ее необъятные просторы.

Алтайская литература издавна пользовалась приоритетным вниманием сибирской периодики, особенно журнала "Сибирские Огни". В наше время горизонты творческого сотрудничества писателей Горного Алтая значительно расширились. Мы дорожим связями с писателями, переводчиками Москвы, Ленинграда и других городов России, с представителями братских национальных литератур. И тем не менее всегда помним и ценим роль Новосибирска, его литературных сил. И в дальнейшем работы у нас — непочатый край. Разумеется, не вследствие лишь территориальной близости, но именно по причинам творческого созвучия и близости духовной. Ведь Сибирь еще только начинает осознавать себя не просто территорией, а единым, во всем многообразии своей духовной мощи, культурно-историческим регионом. Уже невозможно представить современную русскую литературу без сибирских представителей, столь весом, значителен их вклад в ее развитие на современном этапе, а двуединый синтез наших культурных традиций, в силу общности развития, только начинает складываться как естественный процесс.

Закономерен возросший интерес к раннему, начальному периоду становления нашей культуры, к истокам рождения алтайской письменности. Закономерно и стремление осмыслить этапы пути, пройденного алтайской литературой до 80-х годов, когда она становится одним из приметных факторов среди литератур многонациональной России.

К настоящему времени о наших предшественниках написано немало исследований,* которые создают уже достаточно солидную основу для более углубленного изучения, более широкой пропаганды и популяризации их творчества через литературные, научные публикации в центральных и региональных изданиях. Творчество первых алтайских писателей заслуживает большей известности. Не следует полагать, что их произведения — это лишь памятники нашей словесности на ее начальной стадии формирования. За последние годы мы как бы заново открыли их для себя. Они стали ближе нам, созвучней. И тем неподдельней интерес читательской общественности, хотя пока еще явно не хватает более полных, добротно подготовленных изданий, снабженных серьезным исследовательским аппаратом. Настоящее издание — только прелюдия к ним.

Текущая литературная критика, особенно в центре, не в пример местному литературоведению, зачастую делает серьезные ошибки в отношении национальных литератур, подобных нашей. Происходит это, конечно же, вследствие недостаточной осведомленности, поскольку критика не имеет необходимых данных. То, глядишь, пытается она необоснованно отнести нашу литературу к младо- или ново-письменным, полагая, что зародилась она чуть ли не в послевоенные годы. То пытается поднять на щит ту или иную конкретную личность, вопреки и в ущерб объективному литературному процессу в той или иной национальной литературе. И вот это-то незнание языка, реальной ситуации, в особенности культурно-исторического фона, приводит к печальному явлению, когда те, кто органично вписывается в свою культуру, чье творчество являет собою и плод, и проявление национальной языковой стихии, оказываются незаслуженно в тени, а то и вовсе пребывают в глухой неизвестности. А по эффекту обратной связи такая невольная передержка, смещение оценок приводит национальные литературы к трансформации и другим довольно серьезным негативным последствиям, что особенно характерно

* См., например: С. С. Суразаков, «Алтай литература» (на алт. языке), Горно-Алтайск, 1962 г., З. С. Казагачева, «Зарождение алтайской литературы», 1972 г., Горно-Алтайск, «Очерки по истории алтайской литературы», 1969 г. В разрезе русско-алтайских литературных взаимосвязей: Г. В. Кондаков, «Связь времен». 1979 г. и «Духовное согласие», 1983 г.

для текущего момента. Не надо ходить далеко за примерами. Достаточно назвать Лазаря Кокышева — этапное явление в нашей литературе. Кому он известен за пределами Горного Алтая? И вот почему важно, очень важно видеть, понимать предыдущий культурный фон, уже сложившиеся традиции и достижения той или иной национальной литературы. В этом отношении — достойное слово за нашим литературоведением, которое может и должно оказать серьезную помощь своей родной сестре — текущей критике, четко обозначив все ориентиры, расставив необходимые акценты по всем этапам развития алтайской литературы: от самых истоков до наших дней.

Зрелость литературы определяют не только создаваемые сию минуту произведения, не просто сам текущий процесс и даже не ее современный уровень, как бы ни был он высок. Зрелость определяется и отношением к пройденному пути, к тому, как мы осознаем и оцениваем в самих себе своих предтечей, предыдущие поколения.

Сказанное в свое время Н. А. Баскаковым применительно к алтайской литературе является справедливым и в отношении соседних, родственных литератур: *"Алтайский фольклор и литература представляют собой чрезвычайно сложный комплекс вопросов, входящих не только в круг исследований филологов-литературоведов, но и специалистов смежных дисциплин: историков, археологов и этнографов Востока. И поэтому, если мы обратимся непосредственно к историографии алтайского фольклора и литературы в дооктябрьский и послеоктябрьский периоды, то должны привлечь не только труды фольклорного и литературного характера, но частично и труды специалистов по смежным дисциплинам, касающиеся в той или иной степени вопросов истории и генезиса алтайского народа и его культуры".* *

В связи с этим имеющиеся работы, наметив общие контуры и очертив основные, узловые моменты развития, дают в настоящее время реальную основу для более глубоких теоретических исследований аналитического характера, которые могли бы привести к естественной необходимости — ввести в обиход советского

* Н. А. Баскаков. Алтайский фольклор и литература, Горно-Алтайский облиниздат, 1948 г. с. 5

литературоведения такой своеобразный, но все еще слабоизученный регион, как Южная Сибирь, представляющий собой целостный культурно-исторический комплекс. На основе синтеза фольклора и современной письменной традиции сложились в разное время, но развиваются согласно общим закономерностям братские литературы Алтая, Тувы, Хакасии и Горной Шории. Конкретные изыскания начинаются и в этом направлении, о чем свидетельствует появление заслуживающей внимания работы Р. А. Палкиной.* Генетически все они восходят к древнетюркской и древнеуйгурской литературе, имеют немало таких черт, которые их роднят с другими литературами народов Центральной Азии. Общепризнан в советской науке вклад С. С. Суразакова в алтайскую фольклористику и особенно в эпосоведение. Но многие ли знают о том, что именно он вывел из тьмы забвения имена и творчество многих поэтов, еще остающихся в общем ряду лишь предметом литературоведческих ссылок и констатаций, когда говорится о литературе 20–30-х годов? Он не только подготовил их первые публикации, но и начал первым изучение начальных истоков алтайской литературы, очертил этапы развития. Еще раз подчеркнем, как многим мы обязаны светлому имени этого подвижника.

Отрадным фактом является и то, что к вполне творческому осмыслению жизни и деятельности своих литературных предтечей, наряду со специалистами обращаются сегодня и современные писатели Горного Алтая. Это говорит о стремлении к более глубокому прочтению произведений предшественников в пору, когда мы итожим пройденный алтайской поэзией путь за 70 лет. Имеется в виду антология, которая готовится на алтайском языке параллельно с этим изданием.

Творчество этих поэтов мы пытаемся рассматривать в этом контексте, отчетливо представляя себе весь культурно-исторический фон их времени.

Особое место в алтайской литературе занимает М. В. Чевалков. Это основоположник, с него начинается наша письменная словесность на основе русского алфавита. Первое художествен-

* См.: Палкин Р. А. «Роман в литературах народов Южной Сибири: (формирование и развитие жанра в связи с эволюцией прозы)». Горно-Алтайск, 1979 г.

ное произведение было написано им в 1860 году в виде повествования о собственной жизни. Жизнь его уложилась почти в весь XIX век (1817–1901 гг.). Долгим и многотрудным для жизни нашего народа был этот век, век анабиоза, век накоплений внутренних сил; в его сумерках еще нелегко было разглядеть предстоящую историческую судьбу, поверить в наш завтрашний день. Его жизнеписание, впоследствии дополненное и переадресованное к собственным детям, вместо обращения к Радлову, вышло отдельным изданием в 1894 году в Москве. В сносках переводчиком сделано примечание о том, что в оригинале оно называется "Ундулбас кереес". Оригинал этот, равно как и факсимиле Чевалкова, до сих пор не найдены.

В наше время его стихи, басни и поэмы выходили в Горно-Алтайске в 1958 и 1980 годах. Последнее издание было дополнено его первым прозаическим произведением, которое, к сожалению, осуществлено по первоначальному варианту: так, как оно было опубликовано в первом томе "Образцов народной литературы тюркских племен" в санкт-петербургском академическом издании 1866 года.*

Кроме прозаического "Жития", перу этого самородка принадлежат аллегорические поэмы, стихотворные притчи, басни, дидактические афоризмы, ставшие, благодаря доскональному знанию и пониманию изобразительных средств родного фольклора, удивительно созвучными народному духу. Уже при жизни Чевалкова книги его стали любимым чтением на Алтае, разумеется, для тех, кому была доступна миссионерская грамота. Но народ, веками воспитанный в традициях устной словесности, умел хорошо слушать и легко запоминать.

Литературное творчество было только частью того, чем жил этот человек. Многими, порой бесценными материалами были обязаны ему, как крупнейшему знатоку духовных и фольклорных, исторических и этнографических традиций народной культуры Алтая, крупные ученые и исследователи, путешественники и разного рода чиновники царской администрации. Объем настоящей статьи не позволяет суммировать все стороны его многогранной

* См.: «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи», Санкт-Петербург, 1866 г., том I, с. 113—159.

деятельности, можно лишь очень коротко остановиться на основных его произведениях.

Неподдельный интерес к имени и творчеству М. В. Чевалкова, конечно же, обусловлен прежде всего общим возрастанием интереса к истории родного народа, формированию его самобытной духовной культуры, генезису алтайской художественной литературы. Сведения о его творчестве появлялись в исторической литературе и литературоведении крайне неравноценные. Иногда акценты невольно смещались, бывали попытки представить его творчество чуть ли не проявлением миссионерской идеологии, основанные, очевидно, на позднейшем издании "Памятного завещания" в переводе Макария Невского, вдохновителя кровавой расправы с бурханистами в 1904 году в долине Терен, самосуда над революционерами в Томске в период событий первой русской революции. Между тем иные исследователи наверняка охладили бы пыл своих крайних суждений, будь они знакомы с языком и сумей познакомиться в оригинале с его поэтическими произведениями, глубоко народными как по форме, так и по духу.

Вот почему, на наш взгляд, столь актуальна необходимость полного осмысления путей развития и специфики движения общественной и творческой мысли Горного Алтая. Трактовка вне конкретного социально-исторического контекста роли и значения той или иной творческой личности неизбежно приводила к серьезным методологическим ошибкам. Впадать в крайности категоричных суждений и оценок, считать свою точку зрения конечной инстанцией истины непозволительно. В немалой степени столь порочный метод, длительное время господствовавший в нашей науке, особенно в сфере общественных дисциплин, отрицательным образом повлиял, например, на преемственность традиций, надолго притормозил и сам процесс осмысления предыдущих этапов. И, надо признать, до сего времени еще у современного поколения проявляются остаточные явления нигилистического отношения к творческой деятельности собственных предтечей.

С конца 1950-х годов наступает качественно другой этап развития алтайской литературы. Но это новое поколение шло как бы по литературной целине, поскольку почти не имело представления о своих предтечах, кроме П. В. Кучияка и Ч. И. Енчинова.

А произошло это по той причине, что не только отдельные личности, но и целые периоды были изъяты из активного литературного обращения. Подлинных сведений о характере литературной ситуации довоенной поры, не говоря о дооктябрьском периоде, у молодежи не было. Гигантский скальпель периода культа личности начисто срезал довольно значительный слой и нашей алтайской литературы.

Правда, на сегодняшний день многое уже встало или становится на свои места. И, хотя в истории нашей литературы заметно поубавилось "белых пятен", сил литературоведческих все же явно не хватает. Нашими литературоведами сделано немало позитивного, тем не менее, очень серьезная, очень кропотливая работа все еще впереди. Нет пока "Истории алтайской литературы". А это на сегодня — главное. И нет уверенности в том, что она, эта будущая "История", все расставит по местам. Объясняется такое положение в немалой степени недостаточно собранным и обработанным творческим наследием наших первых писателей, практически отсутствием в то время текущей критики. Не хватает, что очень ощутимо, и живых свидетельств, воспоминаний их ближних, записок очевидцев и современников, мало сохранилось документальных, архивных материалов.

Десятитомное фундаментальное собрание "Образцы народной литературы тюркских племен" В. В. Радлова, издававшееся под его началом Российской Академией наук с 1866 по 1907 год, пользуется в мировой и отечественной тюркологии заслуженной славой. Начало этому изданию положил алтайский том, вышедший на языке оригинала с параллельным переводом на немецкий. Это сразу же сделало книгу достоянием европейской науки того времени. Интерес к ней значителен по сей день, хотя конспективность и фрагментарность некоторых записей, в отличие от современных, а также отсутствие необходимой паспортизации, несколько снижают ее уровень.

К столетию со времени выхода книга была переиздана Индианским университетом США с английским предисловием. Появилось и западногерманское издание. Не обходят ее вниманием исследователи и в других странах, в частности, в Англии, Венгрии, Швеции, Турции и Японии, не говоря уже о фольклористах и

востоковедах-тюркологах СССР. Все это в совокупности свидетельствует о неослабном интересе к памятникам народной литературы Алтая, зафиксированным в середине прошлого века. М. В. Чевалков был своего рода сотворцом этой уникальной книги, что как-то прошло мимо внимания как зарубежных, так и наших исследователей, в чем, видимо, сказалась магия имени и значения самого Радлова. Только мимоходом об этом факте упоминается в главе "Алтай" книги Элизе Реклю "Земля и люди": *"Улала, центр православной миссии на Алтае, обладает любопытной коллекцией народных песен, собранных в этой стране Радловым и Чевалковым".**

Между тем сам Радлов сообщает в предисловии: "Большая часть телеутских текстов записана мною под диктовку инородцев. Доставлением текстов пословиц, биографии Чевалкова, некоторых из легенд, переводов с русского басен и части песен импровизированных обязан я Чевалкову".**

Открытие же Чевалкова, как писателя, произошло при следующих обстоятельствах. В 1860 году, возвращаясь после первой поездки в глубь Алтая по рекам Катуни и Чуе вплоть до китайской межи в сопровождении жены и толмача Якова, в Улалу заехал учитель немецкого и латинского языков в Барнаульском горном училище. Это был еще никому неведомый, совсем молодой исследователь Вильгельм Радлов, двадцати трех лет от роду, питомец Берлинского университета, который только за год до этого прибыл на Алтай. Он еще только приступал к научной деятельности, которая в течение последующих шестидесяти лет охватит последовательно все области тюркологии и ознаменует собою качественно новую эпоху в ее развитии.

Выехав в Россию вначале с целью изучения тунгусов-эвенков, этого загадочного для европейской науки великого таежного народа, освоившего громадные просторы Сибири от Енисея до Тихого океана, Радлов намечал для себя обширный план научных исследований по изучению жизни народов азиатской части России. Однако обстоятельства сложились так, что он очутился

---

* Э. Реклю. Земля и люди, М., 1883 г., перевод с французского, стр. 494.

** «Образцы народной литературы тюркских племен», Санкт-Петербург, 1866, предисловие, стр. XIV.

в Барнауле, будущем центре Алтая. Столь счастливое для тюркологической науки стечение обстоятельств, подобно историческому провидению, точно определило Алтай как исходную точку его научных изысканий, что впоследствии убедительно было доказано всем дальнейшим ходом изучения истории, культуры, языков, этнографии, фольклора тюркоязычных народов.

И вот, первая же поездка Радлова привела его к встрече с Чевалковым. Нет ли в этом элемента случайности? Вряд ли. Такая встреча была предопределена заранее, и вот почему. Чевалков, которому в ту пору было сорок лет, пользовался на Алтае как среди своих сородичей, так и среди миссионеров, представителей местной уездной и губернской администрации, достаточной известностью. Встреча эта оказалась весьма знаменательной для них обоих. Встретились люди, нуждавшиеся друг в друге. Кстати, очень своевременно. Чевалкову нужен был именно к этому времени, когда он внутренне созрел и возмужал, такой внешний толчок с тем, чтобы проявить в нем дремлющий, подобно зернышку в земле, талант. Радлову же требовался толковый и вполне грамотный переводчик, который мог бы помочь ему в обработке и осмыслении собранного лингвистического и фольклорного материала в качестве информатора и комментатора. Чевалков и был наиболее подходящей кандидатурой. Другого на Алтае в то время, пожалуй, невозможно было сыскать, учитывая почти поголовную неграмотность населения.

Правда, были люди, знавшие другую грамоту, буддийскую. Жили они среди алтайцев Уймонской, Урсульской и Каракольской долин, а также в районе Каспы и Улус-Черги. Их было довольно мало, считанные единицы. Народная память сохранила о них достоверные свидетельства. Это — и мудрый Боор, сын Солтона, живший в Боочи, Шиме-судурчы неподалеку от Каспы, Кундий и Оруска Шабураковы из телеутов, не подпавших под крещение, Кökул в урочище Верх-Карасу выше Кулады, Учар-Ака из Каирлыка, народный поэт, неутомимый путешественник-летун. Эти лица владели буддийской ойротской письменностью, хранили и читали судуры — книги мудрости, вынесенные в свое время их предками из глубин Джунгарии и монастырей Тибета, куда продолжали хождения еще в XIX веке, подобно своим соседям —

кержакам Уймонской долины и Бухтарминского края, которые, блуждая по горам и пустыням Центральной Азии, упорно искали сказочную страну — Беловодье.

К сожалению великому, знание это скрывалось ими, особенно от миссионеров и представителей администрации. В силу этого возможность встречи и общения с ними Радлова была исключена, иначе наука обогатилась бы интереснейшим материалом в плане этнокультурных взаимосвязей народов центрально-азиатского ареала и помогла бы пролить дополнительный свет на источники некоторых материалов, несомненно буддийского характера, помещенных в этом томе "Образцов". Этим вопросом задавался академик А. Шифнер в предисловии к их немецкому переводу. На каком языке были эти судуры-сутры — монгольском, тибетском, ойротском или даже древнеуйгурском? Такие книги имелись, по сведениям очевидцев, еще не столь давно, вплоть до 30–40-х годов у отдельных жителей Каракольской долины, Чуйской степи. Надо полагать, что эти позднейшие книги появились уже в результате оживления торговли и культурных контактов с Монголией по Чуйскому тракту со второй половины XIX века, и они, должно быть, написаны были на монгольском языке. Это обстоятельство остается загадкой для исследователей до тех пор, пока такие книги не будут обнаружены у нас, на Алтае где-нибудь в укромной пещере или ином глухом месте, куда были запрятаны, либо в местах захоронений. Интересует и вопрос, где и от кого были записаны они Радловым? А, быть может, и от самого Чевалкова? В диалектном отношении, во всяком случае, они носят характер алтайско-телеутский. Такое свидетельство очень ценно, особенно в свете установления фольклорных источников его поэмы "Спор Водки с Чаем", о чем разговор ниже.

Прослышав по пути о Чевалкове, Радлов непременно захотел увидеться с ним. Встреча убедила молодого ученого, что он не обманулся в ожиданиях. Правда, неожиданное предложение о сотрудничестве довольно сильно смутило Чевалкова. И, как он сам о том пишет, испытал вначале необычайное душевное волнение. Только после глубоких колебаний он согласился поехать в Барнаул. Работал он с Радловым три месяца подряд, помогая

составлять книгу, первую на его родном языке, в том виде, в каком она известна теперь всему тюркологическому миру.

По настоянию Радлова, кроме записей народных песен, преданий и сказаний, он написал повествование о своей жизни. В этом сказалось его природное чувство долга и желание "содеять полезное для своего аймака", хотя его точили сомнения в собственных возможностях. Впоследствии миссионеры, да и другие исследователи того времени, называли его труд попросту "биографией", в чем невольно проявилось их снисходительное отношение к Чевалкову и недооценка художественной стороны этого произведения. Да и Радлов поначалу хотел его сочинение использовать только как лексический материал. Но когда Чевалков закончил свой труд, давшийся ему ценой неимоверной, Радлов увидел перед собой первое на алтайском языке художественное произведение, занесенное на бумагу. Он писателем не был и оттого, быть может, не оставил эмоциональных свидетельств происшедшего события, хотя мог по праву испытывать гордость за непосредственную сопричастность к зарождению письменной литературы у алтайцев, которым, по его мнению, в то время, подобно и другим кочевым и охотничьим племенам Сибири, неизбежно грозили регресс и вырождение. Но закономерно то, что не миссионеры, которым толмачил Чевалков и переводил Священное Писание, а Радлов, великий ученый, раскрыл в нем ум и талант, по достоинству оценил его знания и способности самим фактом первой публикации его сочинения в "Образцах народной литературы"! А ведь не случайно так настойчивы были миссионеры еще при Макарии Глухареве, ученом монахе, основателе православной миссии, предлагая Чевалкову работу переводчика. Они очень даже ценили и понимали художественное качество переводимой им литературы, но по существу помыслить не могли, чтобы Чевалков развился как творческая личность. Все превратности его последующей жизни напрямую были связаны именно с этим обстоятельством.

Уже тогда Радлов метко подчеркивал недоверие алтайцев к миссионерам. Причины этого явления он объяснял совершенно недвусмысленно. Миссия, по его словам, кажется алтайцу учреждением, враждебным его быту. На того, кто принял христианство,

смотрят как на изменника своему народу, тем более что новообращенный переменяет не только имя, но даже и одежду, вынужден отказаться от образа жизни своих сородичей, отчуждается внешне и внутренне от них. А поверхностное усвоение цивилизации без создания надлежащих к тому социально-экономических и культурно-бытовых предпосылок вредно отражается на народной нравственности; честность и прямота кочевников быстро исчезают там, где они переходят к оседлости и образу жизни крестьян, воровство и обман становятся обычным явлением. Это же самое обстоятельство подчеркивал и Г. Н. Потанин, путешествовавший по Алтаю спустя двадцать лет после Радлова, когда описывал быт и нравы миссионерского селения Онгудай. Миссия, заботясь о количестве душ, принявших крещение, всячески "оберегала" их от светской культуры, а получение образования считала даже вредоносным, и не прислушивалась к разумным доводам таких людей, как Радлов, Потанин или Ядринцев.

Вот что писал, горестно сетуя, сибирский публицист и исследователь Н. М. Ядринцев: *"Путешествуя по Алтаю, мы видели образцовую школу в Улале, устроенную для целей миссии. Преподавание велось на алтайском (тюркском) языке. Но из этих школ не было никакого другого выхода, как поступить в служки миссии. Между тем, мы видели здесь людей с выдающимися способностями, именно братьев Чевалковых, из которых один достиг священнического сана. Отец Михаил своими познаниями служил для многих путешественников, а именно для Принтца, Потанина, ориенталиста Радлова, снабжая их материалами из области народного творчества алтайцев и их мифологии. Другой брат Чевалков оказывал страсть к медицине, делал даже операции; он знал много ремесел, выказывал способность к музыке. Как жаль, что способности подобных людей не имели выхода. Из алтайцев и телеутов мы не знаем ни одного, достигшего даже уездного училища, нет ни одного образованного телеута, хотя многие из них совершенно обруселые".**

Через повествование о прошедших годах жизни в своем "Житии" М.В. Чевалков глубоко реалистически раскрывает тогдаш-

---

* Н. Ядринцев. Сибирские инородцы, СПб., 1894, С. 229.

ний мир Алтая: описывает жизнь алтайских племен во всем их этнографическом своеобразии, их быт, уклад, обычаи и верования. Язык и стиль произведения оставляют впечатление первозданной чистоты. Многих, кто впервые прикасается к его книгам, поражает ясный строй изложения, образная гибкость, лексические богатства телеутского диалекта. Ведь это, как ни говори, первое сочинение человека, который и образования-то в нашем понимании не имел, а читать научился практически тайком, прячась в чулане от сурового отца. Где источники этого стиля? Успел ли он отшлифовать слог, занимаясь переводами церковных книг? Это возможно, однако лишь отчасти. Главное, видимо, заключается в нем самом, в личности его как носителя народной культуры, языковой стихии, устного художественного творчества, имеющего древнейшие корни и богатые традиции.

И в последующих дидактических поэмах "Пахарь и Охотник", "Спор Араки с Чаем", "Сеноставка и ленивая Лягушка", "Звери Алтая", "Бедный Крот и богатая Сорока", а также во множестве стихотворений-притч, крылатых слов, М. В. Чевалков умело использовал возможности еще не развившегося в литературном отношении языка, придав ему и образность, и звучность. Тут — мир, который нам, потомкам, порой трудно представить.

В его поэтическом творчестве предстает синтез поэтики, заимствованной им в процессе освоения у русской и библейской литератур, с традициями устной поэзии Алтая. Поэмы Чевалкова поразительным образом напоминают алтайские сказки о животных, хотя это его оригинальные творения. Им присущи добродушный юмор, жизнерадостность, не лишены они и трезвой народной морали. В них нет ничего, что подтверждало бы влияние религиозной идеологии, подминающей под себя свободное народное творчество, как это подмечали В. В. Радлов и В. В. Бартольд в отношении "всеиссушающего воздействия ислама на произведения словесности тех тюркских народов", которые оказались в его культурно-религиозной орбите. Особенно демократичен дух его стихов, напоминающих пословицы и поговорки и относящихся к древнейшему народному жанру наставлений-сургалов.

Литературоведение и фольклористика еще должны окончательно уточнить и определить жанры алтайской народной поэзии,

равно как и произведений первых, еще непрофессиональных литераторов Горного Алтая. Такие жанры, как *алкышы* — благопожелания, *каргыши* — проклятия, *сургалы* — дидактические нравственно-этические наставления, *мактаалы* и *уткуулы* — оды, гимны, восхваления, приветствия, *ченежӱ-сӧгӱши* — споры-состязания, изначально присущи как народной поэзии, так и древней литературе наших предков тюрков и хунну-теле, а также других народов Центральной Азии, с которыми во все века исторического существования происходили ареальные контакты и прочное взаимодействие при определенном билингвизме. Следовательно, надо полагать, что при внимательном изучении должны быть введены в обиход нашего литературоведения и текущей критики также обозначения жанров.

Очевидно, необходимо очертить фон социально-экономических условий, складывавшихся в ту пору, когда творил поэт и которые так или иначе преломились в его произведениях.

С середины 60-х годов прошлого столетия начинается постепенная колонизация внутренних долин Алтая, что, в свою очередь, связано с развитием капиталистических отношений после отмены крепостного права в России. В горы первым ринулся неистовый торговый капитал, чьи фантастические операции с детьми природы так достоверно описаны рядом сибирских исследователей, например, Н. М. Ядринцевым. Процесс колонизации закономерным образом ведет к сокращению пастбищ для скота кочевников и охотничьих угодий для населения черневой тайги. Эти обстоятельства обращают кочевника и охотника в земледельца. Переход к оседлости совершался только под давлением экономической необходимости. Обитателям горной тайги — *јыш* оставалось одно: либо погибать от нищеты и голода, либо переходить к оседлости, сочетая занятие хлебопашеством с традиционным скотоводством. Телеуты ранее других племен вынуждены были прийти к решению изменить вековой уклад жизни, что было альтернативой неизбежной гибели.

Очевидец и свидетель этого явления Чевалков по-своему искал ответ на этот многотрудный процесс. В поэме "Пахарь и Охотник" он доказывает сородичам естественные преимущества земледелия. Но недостаточно доказывать очевидное, считал он, —

надо было прививать необходимые для новой жизни навыки. Совершая по Алтаю поездки, занимаясь меновой торговлей в районах черневой тайги, он звал свой народ смелее учиться у русских крестьян, не только заимствуя у них орудия земледельческого труда, но прежде всего обучаясь навыкам хозяйствования. Так, уже в 70-е годы, находясь в Чолушмане, у жителей восточной части Горного Алтая (нынешний Улаганский и Кош-Агачский районы), которые лишь незадолго перед этим и при самом непосредственном участии Чевалкова окончательно стали подданными России, соединившись наконец с основной частью алтайского народа, он "**обучал их всему тому, что нужно было для них: и сани делать, и телегу устраивать, и соху направлять, и избу строить, и тес пилить; обучал и другим делам**".*

Надо было также побуждать кочевников к систематическому труду, преодолению праздного образа жизни. Отголоски этих побуждений слышны в поэме "Сеноставка и ленивая Лягушка". Мотивы имущественной дифференциации, неправедной системы управления и правосудия, выражавшейся в наследственном институте власти (зайсанат), еще более укрепившимся под эгидой царской администрации и тесно сраставшимся с ней, нашли отражение в "Бедном Кроте и богатой Сороке", "Зверях Алтая". Однако, в силу исторической ограниченности своих взглядов, Чевалков был далек от понимания законов общественного развития — он был сыном своего времени.

Удивительным произведением является поэма-действо "Спор Араки с Чаем". В данном случае имеется в виду не традиционный алкогольный напиток кочевников Евразии, приготовляемый из квашеного молока — *чегеня* или *кумыса*. "Огненная вода" купцов с 70-х годов стала морем разливаться по долинам и урочищам Алтая, спаивая народ, не имевший иммунитета к этому страшному яду. Трагические последствия этого явления достаточно освещены в исторической литературе, произведениях сибирских русских писателей, и нет нужды повторяться. Нас интересует другая сторона, на которой следует остановиться подробнее, тем

* М. В. Чевалков, «Памятное завещание». В журн. «Православный благовестник», 1894 г., № 21, стр. 233.

более, что эти сведения приводятся впервые в плане сравнительно-сопоставительного изучения.

В мировых литературах средневекового Востока значительное место занимают произведения аллегорические, использующие так называемые "звериные" и растительные мотивы. Классическое воплощение эти мотивы получили, например, в прикладном искусстве эпохи ранних кочевников Алтая (находки из оледенелых курганов Башадара, Пазырыка, Катанды, Туекты и Шибе). А такого рода произведения на ранних этапах развития литератур имеют явно дидактический характер. По смысловому содержанию они приближаются к европейским басням и моральным наставлениям. В позднесредневековый период эти мотивы используются больше для создания открыто сатирических поэм, повестей или даже романов. Разного рода "споры" — вообще чрезвычайно распространенная форма в средневековых литературах едва ли не всех народов, восходящая к народным обрядовым играм и испытавшая влияние формы ученых и религиозных прений и диспутов. Это явление особенно характерно для Центральной Азии, где всегда сталкивались и соприкасались различные религии и философские течения. Для примера сошлемся на "Спор Зимы и Лета" в литературе древних тюрков. Эти игры-прения тюркских народов, они и по сей день сохранились в алтайской народной поэзии, например, в песенных состязаниях, происходящих на свадьбах и пирах, игрищах и обрядовых действах. Такие состязания зафиксированы в 90-х годах прошлого столетия у теленгитов.* Споры-дразнилки между родами, носившие, впрочем, шутливый характер, в прежние времена, очевидно, не были столь мирными. Мы хорошо знаем песни-споры знаменитых певцов Улагана, таких, как Калан и Колонди.

Любопытно, что среди рукописей, обнаруженных в начале XX века в пещерной библиотеке Дуньхуана, сохранилась запись диспута между Вином и Чаем (список 970 года), построенного абсолютно по тому же типу, что и ученые диспуты в средневековой Европе, сообщает Б. Л. Рифтин. Вино и Чай спорят меж собой, доказывая свое превосходство ссылками на исторических деяте-

* А. Калачев. «О народной поэзии теленгитов», см. в журнале «Живая старина», 1896 год, вып. III и IV.

лей Индии и Китая. В конце концов в спор вступает Вода, призывающая их к согласию и миру, так как без нее никто из спорящих не мог бы существовать. А ремарка в начале текста ("Чай выходит и говорит") явно свидетельствует о разыгрывании "ученого" диспута. В нашем примере то же самое происходит в поэме Чевалкова, где к судье Амзуру приходят с жалобой друг на друга Арака и Чай и яростно спорят. Споры цветов (роза и нарцисс) или предметов (меч и нож) были популярны в средневековой арабской литературе.

А теперь зададимся вопросом: откуда мог Чевалков знать о подобных произведениях, когда не был знаком ни с арабской, ни с европейской или китайской литературной традицией, тем более тексты из Дуньхуана не были обнаружены при его жизни? Ведь между временем создания "Спора Араки с Чаем" и поэмой Чевалкова лежит пропасть промежутком в 900 лет!

Здесь очевидно не только типологическое сходство — налицо прямая генетическая связь с литературой древнетюркского, а еще более древнеуйгурского времени (VI–XII вв.), относящейся к эпохе существования тех кочевых государств, откуда вышли предки алтайцев-телеутов. Значит, такого рода произведение, несомненно, существовало в устной передаче в течение многих столетий, не прерываясь из поколения в поколение. А это подтверждает связи древнетюркской литературы с другими литературами Востока, например, в области переводов сочинений религиозно-философского и нравственно-этического содержания. Как бы поведали о многом сейчас судуры Алтая, будь они каким-нибудь образом обнаружены вновь! При определенном дву- или трехязычии возникает зачастую не просто перевод, а изложение и творческая переработка. Вспомним эпитафийные поэмы в честь Кюльтегина, Бильге-кагана или Тоньюкука, высеченные на каменных стелах на двух языках — тюркском и китайском эпохи Тан. Таким же образом, очевидно, Чевалков переосмыслил в 70-х годах бытовавший в народе поэтический "Спор Араки с Чаем", переакцентировав его применительно к условиям появления "кабацкого зелья" на Алтае. Чем иначе объяснить появление такого рода поэмы у Чевалкова? Истоки ее, несомненно, в народной литературе, сохранявшей свою устойчивость с незапамятных пор. В то

время, как у тех тюркских народов, вошедших в лоно ислама еще в средние века, поэтическая традиция, трансформировавшись под влиянием арабо-персидской поэтики, влилась в другой, мощный поток, то у нас народная литература, равно как и наш эпос, сохранила в себе поэтические традиции древнетюркского времени, присущий себе строй идей и образов, достаточно сильных даже для того, чтобы сохраниться в условиях воздействия иноязычной монгольской эпохи (XIII–XVIII вв.).

Жизнь и творчество М. В. Чевалкова являют собой символ неустанного подвижничества и просветительства в немыслимых условиях отсталой колониальной Сибири, символ подвига во имя родной литературы и родного народа. С великим вниманием и бережностью должны мы относиться к заложенной им традиции: преемственности, что идет от всего лучшего в народной культуре и у предтеч; взаимосвязей с передовой литературой и наукой, отечественной и зарубежной. Укреплять и развивать эту прекрасную традицию — наша непременная задача во всех поколениях.

Прямым продолжателем и творческим наследником М. В. Чевалкова с полным правом можно назвать М. В. Мундус-Эдокова (1879–1942 гг.), также уроженца Улалы и его сородича. Начало века ознаменовалось открытием в нескольких алтайских селениях церковно-приходских школ, куда требовались учителя. Год кончины Чевалкова молодой учитель встретил в ближних от Улалы селах Карасук и Сайдыс. Сам Мирон закончил в Улале четыре класса школы того же типа, описанной подробно Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым.

Отец его, Василий Федорович, был человек среднего достатка, занимался усердно крестьянским трудом, разводил скот и содержал пчел. Мирон, пока перед ним не открылась с новым веком учительская стезя, помогал ему в хозяйстве, хотя душа его не очень лежала к этому. Любил он очень природу, уединенную тишину, мечтал и не верил попам. Хотелось ему найти истину, найти и сказать об этом людям, чтобы жили они лучше, светлее и чище. Но к этому еще надо было идти да идти через годы, пока не наступил тот самый рассвет...

Творчество Мундус-Эдокова стыкует собою два принципиально отличных этапа развития алтайской литературы — дореволю-

ционный и советский. Свои первые опыты в области литературного творчества он начал в предреволюционные годы в период учительства. Сам выйдя из педагогического лона православной миссии, дерзким поведением и разоблачением поповских россказней он неоднократно навлекал на себя гнев миссионеров, за что часто изгонялся из школ и вынужден был менять места своей работы. Были в его биографии Чибит, Туекта, революцию застал учителем Муйтинской школы.

Революционный рассвет учитель Мундус-Эдоков встретил ликующей "Песней", призывавшей родной народ смело подняться навстречу наступающей нови. Когда в конце 1917 года в Шебалино возник первый Совет, Мундус-Эдоков оказал содействие его деятельности без колебаний. За это во времена реакции и разгула каракорумовщины, в июле 1918-го карателями белогвардейского офицера Сатунина он был подвергнут наказанию — получил пятьдесят ударов розгами. Только чудом избежал расправы: заступились земляки, уговорили не губить единственного учителя.

С установлением Советской власти в горах Алтая и образованием автономной области Мундус-Эдоков активно включается в общественную жизнь. Работает поначалу в переводческой комиссии, которая занимается переводами на алтайский язык документов партии и правительства, принимает деятельное участие в выработке новых норм алтайского литературного языка в соответствии с духом времени. Начинается всплеск творческой активности Мундус-Эдокова: он принимается за одно из важнейших и безотлагательных дел — составление школьных учебников. Ему принадлежат первые книги для чтения в алтайских школах. "Ойрот школа" издана в Москве в 1924 году, через год выходит в Улале сборник "Тан Чолмон" ("Утренняя звезда"). Если учебники других авторов содержали в основном материалы политграмоты, то учебники Мундус-Эдокова представляли собой художественные сборники, состоявшие из материала его собственных творений.

В двадцатые годы вышли его книги "Светоч" (сборник стихов и басен, Улала, 1929), "Невестка" (пьеса, Улала, 1927), "Прежде и теперь" (пьеса, Улала, 1928). В 1959 году книга "Светоч"

переиздана. Новое, значительно дополненное издание — в 1979 году. Вот и весь небольшой перечень его изданий, исключая публикации в коллективных сборниках, областных газетах, хрестоматиях и школьных учебниках. К сожалению, в настоящей книжке поэзия Мундус-Эдокова представлена в гораздо меньшей степени, чем двух других авторов.

Внимательный читатель, очевидно, уже заметил, что творчество Мундус-Эдокова, наряду с Чагат-Строевым, определяет уровень алтайской советской поэзии 20-х годов. Оно, это творчество, также зиждется на родном фольклоре. Вместе с тем Мундус-Эдоков творчески продолжил поэтические традиции своего предшественника М. В. Чевалкова. Прежде всего это проявилось в поэтике его произведений, дидактически-назидательном характере, аллегоричности, обращении к сюжетам народных легенд и преданий, сказок о животных. У него появился и новый компонент — четко выраженный лиризм, индивидуальное начало. Разнообразнее стала и ритмическая структура стиха. В переводах произведений русских писателей он придерживается не принципов общего переложения применительно к алтайскому ладу, а старается сохранить и довести до читателя оригинальный поэтический облик переводимого автора.

Главным моментом в его поэзии является морально-нравственный аспект, но в прозе, и особенно драматургии, преобладают сатира и гротеск. Характерны в этом плане его аллегорические поэмы и такие пьесы, как "Калым", "Трубка", "Прежде и теперь" и, в особенности, "Невестка". Эти вещи занимают значительное место не только в его собственном творчестве, но и во всей алтайской литературе 20-х годов. Правда, не все пьесы Мундус-Эдокова были изданы, некоторые, быть может, безвозвратно потеряны для потомков. Жаль.

Коренной перелом в социально-экономической жизни и гигантская историческая перестройка в масштабах обновляемой страны с самого начала определили дух и пафос нашей алтайской литературы. Выход в свет газет на родном языке, таких, как "Кызыл Ойрот", "Белен бол!" ("'Будь готов!"), "Ойрот комсомол" и других, создание областной Литколлегии, национального издательства, переводческой комиссии, составление на родном языке

школьных учебников и хрестоматий — все это в совокупности сыграло исключительную роль в становлении и поступательном развитии новой алтайской литературы, коренным образом отличавшейся от дореволюционной.

Уже не одиночки и подвижники, а целая плеяда из самых глубин народа пришла в литературу. Чистые и светлые люди, полные боевого, революционного энтузиазма и вдохновения, пели о великом времени. Недаром их стихи назывались прежде всего "*кошок*" — песня. И создавались эти гимны порой малограмотными людьми на высоком художественно-поэтическом уровне. Многие из произведений тех лет и теперь созвучны нашим чувствам и помыслам.

Павел Александрович Чагат-Строев (1887–1937 гг.) был одним из тех поэтов, которые зачинали эти гимны на заре новой жизни. Его выдающаяся роль еще только осознается и оценивается общественностью Горного Алтая. Надо прямо признать, что его имя и творчество, хранившееся в народной памяти, вернул потомкам XX съезд КПСС. Достаточно только раз прочитать его произведения, чтобы убедиться: странный навет на него — не более чем недоразумение, стоившее ему жизни и двадцати лет умолчания.

Столетие со дня рождения поэта отмечалось в этом году литературной общественностью автономной области, представителем которой во ВЦИК он избирался в 1922 году на X Всероссийском съезде Советов. И, надо сказать, это был первый официальный юбилей для певца. Таким образом, наступило заслуженное, хотя и запоздалое, признание. Вся его жизнь, с ранних сиротских лет, когда он лишился отца, а затем и матери, была связана с Чуйским трактом, этой жизненной артерией Алтая. Весь тракт он прошел насквозь — от Бийска до Монголии. Двенадцать лет он был батраком у онгудайского купца Филатова, который вел транзитную торговлю с соседней страной. Как никто другой, Чагат-Строев сполна хлебнул горечи, увидал бедность, бесправие простых людей — алтайцев, русских, монголов. Все это крепко-накрепко отложилось в его сознании.

Исследуя творчество Чагат-Строева, другой замечательный поэт Лазарь Кокышев отмечал, что *"так может писать только*

поэт, который был сыном своего народа, делил с ним горе и радости. "Кара-Корум" написан кровью сердца". Именно кровью. Просчитались те, кто, пролив алую кровь поэта революции, чужими холодными руками надеялись похоронить его навсегда для будущего. Черная хула каракорумовцев, которых он развенчал в поэме так яростно и ярко, никогда не бросит тени на светлый образ — поэзия Чагат-Строева с нами, она живет и работает на правду и гласность. Как ныне, так и по отношению к прошлому. Прозрев, мы обретаем истину. В отношении литературных предшественников — тоже.

Эпичность, тяга к созданию широких исторических полотен наиболее ярко проявились в таких поэмах Чагат-Строева, как "Мудрый богатырь", "Кара-Корум", "Три песни", а высокий накал гражданственности в сочетании с лирикой — в его стихах и песнях.

Поэма о Ленине вышла в 1925 году, то есть непосредственно после кончины вождя, и это указывает на то, что автор первым в алтайской поэзии и, быть может, вообще среди национальных литератур Сибири обратился к ленинскому образу. А его стихотворение "На кончину Ленина" — как прелюдия к написанию эпической поэмы — создано в форме народного плача. Теперь очевиден и тот факт, что поэма "Зажглась золотая заря" П. В. Кучияка могла быть создана лишь после творческого освоения чагат-строевской вещи. Она действительно появилась десять лет спустя, и в ней довольно заметно влияние "Мудрого богатыря", творческого метода опоры на эпос.*

Появление поэмы вызвало огромный интерес у алтайских читателей, которые сердцем и слухом привыкли к эпическим канонам отображения действительности. Поэтому они восприняли очень чутко это произведение как эпический сказ, как *"кай чӧрчӧк"* о новом, необычном герое времени — вожде Ленине. Во многих урочищах и долинах Алтая неоднократно устраивались коллективные читки поэмы — прекрасная традиция, которую не меша-

---

* Памятное завещание. Составитель и автор предисловия Б. Я. Бедюров; редактор кандидат исторических наук Ю. В. Фельчуков; рецензенты кандидат искусствоведческих наук В. И. Эдоков, чл. СП СССР А. О. Адаров; художник Б. Н. Лупачев; ответственный за выпуск Б. У. Угаров. Горно-Алтайск, 1990 г.

ло бы возродить и нам. Помечтаем услышать эту поэму в исполнении горловым пением с большой сцены нашим молодым талантливым кайчи, и не только в юбилейные дни Октября.

Поэт вполне сознательно обратился к эпической повествовательной традиции как к единственно возможному, наиболее естественному художественному методу. Он так раскрыл свой замысел: *"В наших героических сказаниях богатыри всегда борются за справедливость, за лучшую жизнь, выступают защитниками обездоленных в борьбе с многочисленными могучими врагами. Вот почему я решил показать историю Октябрьской революции, следуя традициям устного поэтического творчества с тем, чтобы она была доступна и понятна алтайскому народу"*. Вот и вся политграмота. И лучше нельзя было придумать. А каково воздействие — подумать только! Мы, сегодняшние профессионалы, едва ли сможем найти столь простую и столь совершенную форму самовыражения...

Всего двумя годами позже публикации "Мудрого Богатыря", к 10-летию Октября, выходит в свет отдельным изданием другое, уже монументальное эпическое полотно — поэма "Кара-Корум", где чеканным, торжественным слогом великого эпоса Чагат-Строев почти с документальной точностью и большой художественной экспрессией воспроизвел события гражданской войны в Горном Алтае, историю создания и падения Кара-Корумской управы.

В своих поэмах Чагат-Строев был на пути к созданию своего рода нового эпоса об узловых моментах жизни Горного Алтая. Если бы не роковой 1937 год, как знать, какие еще произведения могли появиться из глубин горячего сердца, сложись его жизнь не так, а иначе...

На следующем витке развития нашей литературы творческие принципы и поэтические традиции Чагат-Строева были подхвачены другим поколением. Наиболее заметно отразились они в поэзии Лазаря Кокышева, который считал его своим творческим учителем. Достаточно указать на поэму "Туба" — явление, с которого, собственно говоря, начинается современный этап развития алтайской литературы.

На высоком и крутом рубеже 70-летия Великого Октября мы впервые подводим творческие итоги своего развития за эти десятилетия. Помнить нравственный и творческий подвиг своих предтечей и продолжать их дело — наш долг и наша задача.

Это — слово о предтечах.

Всякая река имеет свое течение.

Свое оно и у нашей литературы.

Б. БЕДЮРОВ,
руководитель горно-алтайской
областной писательской организации.
Август–сентябрь 1987 г.

СВЕТОЛЮБЫ АЛТАЯ

Предлагаемая вниманию читателей книга продолжает знакомство русскоязычных читателей с произведениями зачинателей алтайской письменной литературы, начатое два года тому назад выходом в свет поэтической книги "Мудрый богатырь". Как отмечалось в послесловии к сборнику, руководство писательской организации Горного Алтая, отделение Алтайского книжного издательства при содействии сотрудников ГАНИИИЯЛ стремится ввести в широкий литературный и научный оборот лучшие образцы творчества основоположников алтайской письменной литературы. Параллельно с "Мудрым богатырем" вышла в свет антология алтайской советской поэзии (1917–1977 гг.) на алтайском языке. В качестве первых шагов такого рода издания публикуются в Горно-Алтайске. Но мы убеждены, что недалеко то время, когда имена и творчество наших классиков станут широко известны за пределами Горного Алтая через публикации республиканских и всесоюзных издательств.

После длительного перерыва вновь зазвучали голоса молодых революционных поэтов 20–30-х годов — жертв репрессий и павших на фронтах Великой Отечественной войны. Предстоит длительная и кропотливая работа, прежде чем будет восстановлена

вся непрерывная цепь развития от истоков до наших дней, которая позволит получить более или менее полное представление о непростом пути развития алтайской литературы, становлении общественной мысли, борениях и прорывах духовной культуры Горного Алтая.

Если в "Мудром богатыре" читатели познакомились с поэтической стороной творчества М. В. Чевалкова, М. В. Мундус-Эдокова и П. А. Чагат-Строева, то в этом издании представлена проза дореволюционного периода. Причем необходимо учесть, что это проза раннего, начального периода становления нашей литературы, когда духовное и светское в ней было слабо дифференцировано, что особенно наглядно видно в "Памятном завещании" ("Ундулбас кереес") М. В. Чевалкова. Впрочем, смешение светского и духовного характерно для начальной стадии становления литературы европейских народов, в том числе русского, не говоря уже о литературе восточных народов, где религиозно-культурный синкретизм вообще является чуть ли не отличительным свойством не только в начальной стадии, но и позднее, в достаточно зрелый период развития.

Необходимо отметить еще одну характерную черту дореволюционной алтайской литературы — она с истоков создается параллельно на двух языках — алтайском и русском. Так что билингвизм был присущ нашей литературе и письменной культуре изначально! "Путешествие алтайца" И. Штыгашева, стихи и очерки Г. И. Чорос-Гуркина написаны на русском языке. Поскольку к грамоте алтайцы того времени могли идти и шли лишь одним доступным им путем — через школу Алтайской духовной миссии, то христианская культура и идеология неизбежно накладывали отпечаток на их мировоззрение, стереотип поведения и мышления. Однако, тем не менее, в их творчестве отчетливо и ярко проявляется свое, самобытное, алтайское. Видимо, уж слишком сильна была стихия Алтая, та самая буйная "языческая" сила, против которой боролись и не смогли совладать православные миссионеры. Читая произведения священников-миссионеров, мы отчетливо видим, насколько их захватило обаяние Алтая. Даже в духовных гимнах и песнопениях они наряду с восхвалением

Бога, сами того не замечая, воспевают от всей души и "Батюшку-Алтай".

Первоначальный вариант повествования о жизни М. В. Чевалкова под названием "Чöбöлкöптүң jүрүмү" ("Житие Чевалкова") был опубликован в 1866 году в "Образцах народной литературы тюркских племен Южной Сибири и Дзунгарской степи"*. Автор облек свое произведение в форму письма-обращения к В. В. Радлову, который по праву может считаться "крестным отцом", побудившим 40-летнего толмача Михаила Чевалкова заняться литературным творчеством. Думается, что именно с этого произведения, созданного Чевалковым в 1860 году в Барнауле, нужно начинать отсчет начала алтайской художественной литературы.

"Образцы" представляют собой первое достаточно полное собрание алтайского фольклора. Все вошедшее в книгу было записано сжато, кратко, и скрупулезно тщательно обработано таким великолепным специалистом, как В. В. Радлов. Естественно, трудно переоценить роль М. В. Чевалкова в работе над сборником. В нем представлены также и переводы М. В. Чевалкова — это отрывки из Священного Писания, молитвы, псалмы, христианские заповеди, переложения басен И. А. Крылова в форме народных алтайских сказок о животных.

Образцы фольклора, включенные В. В. Радловым в это издание, были собраны во время его летних путешествий в 1860–1863 гг. Некоторые произведения позаимствованы Радловым из других изданий, информатором, судя по всему, был М. В. Чевалков, принимая во внимание сообщение автора о совместной работе с Н. А. Ананьиным.

В первую научную экспедицию В. В. Радлов отправился в мае 1860 года в сопровождении жены и алтайца Якова, знатока местных диалектов. Молодой ученый, ему тогда было 23 года, совершил увлекательное путешествие по долинам рек Катуни и Чуи вплоть до китайской границы, практически через весь Горный Алтай. Он побывал в самой гуще алтайского народа, среди тогдашних территориально-племенных групп алтай-улус и чуй-улус.

---

* «Образцы», СПб. 1866 г. том. 1, стр. 158. Перевод составителя.

Группы эти в то время почти не были изучены, поскольку область деятельности миссионерских исследователей, в частности В. И. Вербицкого, ограничивалась в основном черневыми районами Северного Алтая.

В следующем году В. В. Радлов вел исследования в северо-западном Алтае, в долинах рек Байат, Мрас, Куу (Лебедь), Бий, Чолушман, на берегах Алтын-Кёля. Здесь он изучал диалекты, обычаи, верования и образ жизни телеутов, шорцев, лебединцев — куу-кижи, тёёлёсов. Его маршруты пролегали также в район Западной Тувы (современный Бай-Тайгинский район), принадлежащей тогда маньчжурам. Надо отметить, что эти путешествия были не из легких. Пройти по пути Радлова не просто и в наши дни. Близ озера Кара-Кёль ученый записал несколько сойонских песен, которые, по его признанию, дались ему не без труда из-за недостаточного знания данного языка. Очевидно, то были первые сведения о тувинском языке, записанные европейским ученым и ставшие достоянием науки.

Возвращаясь домой после первой экспедиции, Радлов направился в Улалу, где вскоре произошла его встреча с М. В. Чевалковым. Она была неизбежна. Чевалков был широко известен как толмач и знаток Алтая широкому кругу людей — от чиновников и миссионеров до исследователей и путешественников. Незадолго до приезда Радлова в Улалу Чевалков возвратился из поездки по Алтаю, в которой он в течение трех недель сопровождал в качестве толмача некоего чиновника Седячева. Не прошло недели как он вернулся домой, в Улалу прибыл Радлов.

Как только молодой ориенталист узнал о существовании столь примечательной личности из телеутов, как Чевалков, то тотчас послал за ним для знакомства и беседы. При этом выяснилось для Радлова весьма существенное обстоятельство: он обретал в лице Чевалкова вполне грамотного и способного человека, компетентного помощника при сверке и обработке собранных материалов.

Особенно поразило Чевалкова при первой встрече с Радловым, что тот обратился к нему на его родном языке. Правда, ему и ранее приходилось знать людей, бегло говоривших по-алтайски, но ведь языку-то их обучал он сам. А тут, надо полагать, он

впервые видел чиновника-бия, который так свободно говорил на языке его народа. "Вы обратились ко мне на нашем языке, — пишет он. — Вы сказали мне: услыхав, что ты горазд толмачить, я тебя пригласил особо. А я же ездил по Алтаю вплоть до китайского обо (насыпи-межи, обозначавшей в то время границу) и записал наречия, обычаи, нравы всех этих аймаков.*А теперь им во благо, думаю, составить книгу на их языке. Не поможешь ли ты мне в этом? Не поедешь ли вместе со мной в Барнаул?"*

Чевалков согласился, правда, не без колебаний. Он испытывал сильное душевное волнение. Это была вторая, после крещения, встреча с необходимостью принять непростое решение, хотя он был уже сорока лет от роду и повидавшим виды человеком. Находясь на службе у Миссии в качестве переводчика, Чевалков знал, что отцы-миссионеры крайне неодобрительно относились к устному народному творчеству, пытаясь из всех сил искоренить, истребить в душах новокрещеных любые следы былого "язычества". Все, что жило в их душах от века, объявлялось "выдумками шаманов", "бесовскими наваждениями", пустым суеверием. Другого отношения к фольклору и народной культуре, как к проявлению чуждой им идеологии, естественно, быть не могло. А как же тогда быть с немалым фольклорно-этнографическим материалом, собранным и опубликованным православными миссионерами в разных изданиях? Об этом немного ниже.

Вот почему Чевалкову, как он сам впоследствии признавался, приходилось постоянно "раздваиваться". Особенно он почувствовал это после отъезда своего первого наставника Макария Глухарева в Россию.

Предложение Радлова застало врасплох не только его самого, но в большей степени семью, которая не одобряла этого шага. Весть эта взбудоражила всю Улалу. Поездка в Барнаул представлялась родичам Чевалкова из ряда вон выходящим событием в силу необычности его занятий, в сути которых простодушные сельчане-телеуты совершенно не разбирались. Дело усугублялось тем, что за тридцать лет с начала основания миссии в Улале, ее насельники пребывали, как сейчас говорят, под гнетом своего

---

* «Aus Sibirien», часть 1, стр. 325, Лейпциг, 1893 г. см. перевод: «Из Сибири», Москва, 1989 г.

рода информативного стресса: год от года все более нарастало воздействие извне на их психику, на привычный дотоле уклад, а еще больше на душевный склад и мировоззрение.

И все же сознание долга перед своим народом перевесило в нем сомнения. *"Чтобы содеять полезное для нашего аймака, носящего кожаные пояса, имеющего черную подать,* — пишет Чевалков, — *поехал в Барнаул, оставив в слезах жену свою и двоих детей".*

Он сумел превозмочь себя, хотя поначалу не мог представить себя в качестве составителя первой книги на родном языке. Все было внове, ко всему надо было привыкать, безропотно принимать вызовы судьбы, а давалось все это, конечно же, нелегко и не сразу, тем более, когда вся жизнь его, как и соплеменников, протекала под неусыпным, строгим надзором миссии. Ни уйти, ни деться куда-либо, подобно своим сородичам-кочевникам, возможности не представлялось никакой.

Переход к оседлости и принятие христианства усугубили родоплеменные различия. Да и уходить желания не возникало, выход был только в одном — движении вперед по жизни, принимая все испытания как неизбежную необходимость. Да и куда уходить? В горную тайгу, в неудобицы, где невозможно заниматься земледелием, или же в "Алтайские стойбища", и без того скученные из-за нехватки земли и пастбищ для скота? Или выселяться назад в Кузнецкий округ, где подавно не было свободных для обустройства земель? Вот и остались телеуты в благодатной долине Маймы, пожертвовав в пользу миссии внутренней "языческой" свободой. Здравый житейский смысл и природное чутье подсказали им как жить, приспосабливаясь к изменяющимся условиям, помогли проявить удивительную жизнеспособность, так поразившую Радлова в ту пору. Пророчество Радлова относительно быстрого угасания и вымирания кочевых алтайцев, к счастью, не сбылось. Но, к великому сожалению, телеуты, которые вплоть до XVIII века по праву считались главным племенем алтайцев, оказались практически под полным влиянием миссии вопреки ожиданию В. Радлова. В отношении этого племени миссионеры сумели осуществить программу, начертанную Макарием первым. Алтайские телеуты обрусели, почти полностью, потеряв свое эт-

ническое "я". От них ныне остались только фамилии. И лишь совсем небольшая группа телеутов, тех, что извечно жили в Кузнецкой степи, еще остаются в нескольких деревнях Беловского района Кемеровской области и близ г. Заринска в Алтайском крае. Они остаются как реликт, и до последнего времени пребывают в состоянии изоляции от основной массы алтайского народа, консолидировавшегося в пределах Горно-Алтайской автономной области.

*"И живя тут три месяца, собирали мы слова и речения телеутские, составив вместе книгу. Ну, а теперь, коль исполненные труды наши окажутся столь полезны Господу на небе и великому государю на земле, то Вы, Василий Васильевич, выслушайте меня, подобно тому, как отец выслушивает свое дитя. Имеющий воду, стремится к воде своей, имеющий землю — к земле своей, говорится у нас. И я теперь возвращаюсь. Вы просили меня, чтобы я записал все что видел и слышал, что было за всю мою жизнь, а я не хотел писать. Но вы день за днем уговаривали меня писать, и я написал это свое житие. Ну эту книгу я написал среди племен, имеющих кожаные пояса и черную подать-калан и смуглую плоть, начиная с племени белых телеутов. Ежели же написанное мною окажется несовершенным и будет иметь недостатки, то Вы простите мне сию провинность, благородный Василий Васильевич! А мне же описывать в этой книге жизнь и земли этих племен потелеутски было весьма нелегко. Но хоть и трудно пришлось мне, однако, благодаря вашей заботе и вниманию, начал я разуметь и описал смысл и значение всего сущего".**

Да, Чевалков нигде не учился, букварь он, можно сказать, осилил самостоятельно, с "божьей" помощью. Следующая книга, которую он начал читать, это Священное Писание. Едва ли он был знаком со светской литературой до встречи с Радловым, так как за пределы Алтая никогда не выезжал. Все, что имелось в его распоряжении, было из библиотеки Миссии, исключительно духовного содержания. Конечно, судьба его сложилась необычно под воздействием Макария Глухарева, который привлек его после забавного случая с находкой алтайского синонима слова "ибо" к активной

---

* «Предисловие» цитируется как раритет полностью впервые — после издания 1866 г. *Прим. сост.*

переводческой деятельности. Разумеется, работа над переводом на родной язык Священного Писания — великого литературного памятника всех времен и народов — исподволь подготовила Чевалкова к занятиям литературным творчеством. Это была не только переводческая, но литературно-художественная и, что очень важно, лингвистическая работа. Ведь создание письменности на основе русского алфавита и рождение литературы как таковой, несмотря на ее чисто религиозные цели и задачи, шли параллельно и одновременно. По сей день мы все еще не можем возвыситься до осознания величия этого подвига во имя нашей культуры, во имя просвещения нашего Алтая.

Произошло это выдающееся событие — написание книги — в доме у Радлова, который поначалу хотел его сочинение использовать только лишь в лексических целях для большей полноты материала и жанрового разнообразия.

Чевалков закончил свою работу, испытав тяжкие муки творчества, поскольку предшественников у него не было и не у кого ему было учиться, некому подражать, брать поучительный пример. Заслуга Радлова в том, что он увидел в книге Чевалкова оригинальное художественное произведение, первое письменное произведение литературы на алтайском (телеутском) языке. И произошло это в его доме, он побудил Чевалкова к творчеству.

Сейчас мы можем только гадать, что испытывали они вдвоем в эти минуты, о чем говорили и как обсуждали первое сочинение. Радлов мог по праву ощущать и гордость, и радость за свою сопричастность к зарождению письменной литературы алтайского народа. Это важно отметить, поскольку иные исследователи пытались приписать Радлову чуть ли не расистские воззрения, навешивая ярлык едва ли не апологета колониальной политики царизма, не принимая во внимание ни социально-экономических условий, в которых он застал народы, ставшие предметом его исследований, ни его мировоззренческие постулаты. Внимательно изучая труды Радлова, довольно четко можно увидеть совершенно иное — он с искренней симпатией относился к тому, в чем видел проявление жизненных сил, энергии и жизнерадостной бодрости. Ярким примером могут служить отрывки, где он говорит о телеутах — сородичах Чевалкова. Он считал совершенно необ-

ходимым продолжительное время прожить вместе с народом, чтобы узнать его по-настоящему, оценить в полной мере все его хорошие качества. Через двадцать лет Радлов называл годы, проведенные на Алтае, лучшим временем своей жизни. Он писал: *"Ни у какого тюркского народа Северной Азии не чувствуешь себя так хорошо, как у алтайцев"*. Ему импонировали, например, такие качества алтайцев, как честность и прямота. Правда, Радлов нередко переоценивал значение бытовых особенностей, внешних реалий, характерных для жизни народа в то время, делал на основании этого не всегда верные выводы. Например, он говорит о таких отрицательных явлениях, как лень, пьянство. При этом не принимает во внимание, что "праздность" кочевников определялась прежде всего образом их жизни, социально-бытовыми условиями, незанятостью населения в летнее время, не в пример нашему времени. Сезон "большого" молока, которое практически некуда было девать, кроме перегонки в араку при изготовлении традиционных продуктов питания, совпадал с порой летних путешествий Радлова. На этом совпадении и основывались его суждения о "льющейся рекой" араке. Кроме того, Радлов во время пребывания на Алтае пытался убедить миссионеров, что вместо основания русских школ следовало бы стремиться к сохранению крещеными алтайцами их самобытности, так как только через их посредство можно оказать влияние на неукрощенных сородичей.

Об уважении Радлова к "инородцам" достаточно красноречиво свидетельствуют его работы. В качестве примера можно привести хотя бы книгу "Образцы народной литературы тюркских племен". Своей задачей он считал глубокое изучение культуры этих народов, в частности языка, о чем он и пишет в "ПРЕДИСЛОВИИ":

"Нет на земном шаре ни одного наречия, которое бы распространялось на столь огромное пространство, как тюркское. Племена, говорящие тюркским языком, живут в трех частях света, начиная от северо-восточной Африки и Европейской Турции до южной полосы Сибири и самой степи Гоби.

Вследствие принятия уже несколько столетий тому назад исламской веры, тюрки вступили в ближайшие отношения с народами, достигшими уже гораздо более высокого образования. Та-

ким образом, они поневоле подчинились во всех отношениях превосходящим их в умственном развитии, в промышленности и в искусствах персиянам и арабам. Такая зависимость ясно обнаруживается в умственных их произведениях, именно в литературе. Они не только приняли арабский алфавит, совершенно не подходящий их языку, но и подражали с рабскою точностью учителям своим, арабским и персидским писателям. Таким образом, заимствовав у них для украшения слога множество слов, они создали себе искусственный письменный язык. Этот язык был и остался до сих пор непонятным для простого народа созданием, не имел никакого влияния на развитие народа и высох.

Хотя, правда, каждое тюркское племя говорит своим особым диалектом, но в письменном языке свойство этих диалектов обнаруживается весьма неудовлетворительно. По недостаточности арабского алфавита нельзя точно выразить звуки, свойственные живым народным поднаречиям, и по причинам, зависевшим от истории, перемешались даже грамматические формы разных диалектов. Оттого для изучающего тюркские поднаречия необходимо прежде всего оставить в стороне письменный, то есть искусственный язык, и избрать предметом исследования исключительно разговорный язык простого народа.

Во время моего пятилетнего пребывания в Южной Сибири, я старался изучать поднаречия тюркских племен, живущих между Тянь-Шанем и рекою Енисей, и собрал много лингвистических материалов, достаточных для того, чтобы дать европейским ученым точное понятие об этих поднаречиях, никем до сих пор не обработанных. Так как эти поднаречия, исследованные мною, никогда не подвергались влиянию могамметанской цивилизации, то они остались гораздо чище и оригинальнее языка южных племен, и тем важнее они для изучения общего тюркского идиома. Первое отделение представляемых мною материалов заключает в себе образцы народной литературы в трех частях, второе — словарь, и третье — сравнительную грамматику всех поднаречий.

Издаваемая ныне первая часть литературных образцов заключает в себе поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черневых и бебединских татар, шорцев и "саянцев".

Как видно из оглавления первой части, я больше всего обратил внимание на алтайское и телеутское поднаречия. Более сохранивший первоначальный тюркский характер, алтайский язык избран мною исходною точкою для исследования остальных наречий.

Разница между алтайским и телеутским наречиями весьма незначительна, а потому я счел лишним строго отделять их друг от друга.

Большая часть телеутских текстов записана мною под диктовку инородцев. Доставлением текстов: пословиц, биографии Чевалкова, некоторых легенд, переводов русских басен и части песен, импровизаций, обязан я Чевалкову, но переписал их правильно по произношению его самого. Сказка о светопреставлении заимствована из "Томских губернских ведомостей", но после проверена.

Тексты по остальным диалектам записаны под диктовку инородцев на означенных по принадлежности местах.

У черневых татар, язык которых составляет средний тип между поднаречиями алтайцев и Лебединских татар, пространные тексты собраны мною на устьях реки Лебедь.

В конце тома помещено несколько образцов саянского наречия. Они собраны мною во время четырехдневного пребывания на берегах озера Кара-Кёль. Тексты эти не могли быть вторично проверены на месте, так как китайские власти не дали мне разрешения на дальнейшее пребывание на их территории.

Вследствие того и за недостатком познаний моих в саянском поднаречии, нельзя не сказать, что тут, быть может, вкрались ошибки и неточности, исправленные уже в настоящее время. Тем не менее надеюсь, что, несмотря на их несовершенство, эти тексты важны в лингвистическом отношении, так как по саянскому языку, сколько мне известно, до сих пор подобных образцов никогда еще издано не было, собрание этих немногих образцов стоило мне без того уже довольно труда, так как я для этого должен был совершать продолжительные поездки верхом по пустому бездорожью тайги.

Так как издание грамматики и словаря должно быть отсрочено на некоторое время, то я счел нужным включить в сие "преди-

словие" первую главу грамматики, которую я издам позже...

...Собирание и записывание текстов по изустной передаче дело столь трудное, что мне нельзя будет поставить в вину неизбежные в таком труде недостатки.

Единственное мое желание и цель моего труда состояли в том, чтобы посредством собранных мною материалов обогатить запас наших сведений о тюркском наречии".

Санкт-Петербург, 30 сентября 1864 года. В. Радлов.

Правда, деятельность Радлова, вдохновляемая его либерально-гуманистическими устремлениями, была далека от того пути, который принес народам России подлинное освобождение от нищеты и невежества, но тем ценнее для нас его последовательная гуманистическая позиция по отношению к простым людям в эпоху, когда весь Алтай являлся "землей Кабинета Его Императорского Величества". И не следует нам сегодня, как это делалось до сих пор, противопоставлять Радлова или Потанина деятельности миссионеров, среди которых также были люди незаурядных способностей и дарований как Макарий Глухарев или Василий Вербицкий.

Следует подходить к этому диалектически, рассматривая деятельность и тех, и других как две стороны одного явления. И те, и другие действовали, изучали Алтай и его народ, исходя из своих позиций и воззрений. Мы же сегодня берем и наследуем все то, что было создано ими положительного и полезного с точки зрения осмысления их просветительской и научной деятельности среди алтайского народа, вне зависимости от того, в какую оболочку и форму она была облечена — религиозно-миссионерскую или же светско-демократическую. Разумеется, миссионеры, равно как и питомцы их — Чевалков ли, Штыгашев или Гуркин никак не могли быть атеистами и двойной моралью не обладали, как, договариваясь до абсурда, пытаются "обелить" первого алтайского писателя ретивые исследователи в наши дни, стоящие на позициях псевдоматериализма. Радлов, Потанин, Ядринцев были далеки от только еще нарождающихся в их время социал-демократических убеждений. Как бы мы ни старались, намного опередившими свое время никого из них не сумеем изобразить.

Важно отметить, что в отношении "пробуждения" творческого дара Чевалкова необходим был только толчок. И он был сделан Радловым. Это факт неоспоримый, хотя не следует приуменьшать и влияние Макария Глухарева. И все же, как бы то ни было, главное заключалось в самой художественной натуре М. В. Чевалкова — хранителе и носителе, а позже и собирателе народных традиций, знатока духовной культуры Алтая, жившей в нем даже под рясой протоиерея, кстати, первого алтайца, посвященного в столь высокий сан, что в условиях его времени свидетельствовало о незаурядности личности Чевалкова.

Спустя год после отъезда В. В. Радлова в Казань, там в 1872 году выходит первая книжечка поэм-притч и наставлений М. В. Чевалкова под несколько забавным названием "Поучительные статьи на алтайском языке". Нет сомнений в том, что Радлов внес свою лепту в ее издание наряду с ученым-педагогом Н. И. Ильминским, который также живо интересовался одаренным телеутом. Уверяют, Алтаю, его языку, фольклору, этнографии, географии и археологии крупно повезло тем, что у истоков их изучения стоял не кто иной, как В. В. Радлов. Но надо признать сегодня и другое: Радлову самому необыкновенно повезло, что он начал свою исследовательскую деятельность ученого-тюрколога с Алтая. Дело не только в том, что Алтай — это "отечество тюрков", по выражению Н. А. Аристова. Радлову повезло в том, что он в лице М. В. Чевалкова и других алтайцев встретил необыкновенно даровитых, бескорыстных "информаторов", живых носителей и хранителей нетронутой еще народной культуры.

Мы должны быть глубоко признательны Радлову, чьи труды со временем составили "целую энциклопедию совершенно новых данных" еще и потому, что по воле истории он стоял у истоков зарождения новой, письменной литературы алтайского народа. Это немаловажное обстоятельство, к сожалению, не отмечалось до сих пор. Полагаем, что данное издание принесет определенную пользу всем тюркологам. Надеяться на это позволяют доброжелательные как в литературной периодике России, Сибири, так и на местах, отклики Н. А. Баскакова, А. Л. Коптелова, Ю. Б. Лукина и других на появление первого переводного поэти-

ческого сборника основоположников алтайской литературы "Мудрый богатырь".

"Житие Чевалкова" спустя почти тридцать лет было дополнено автором описанием последующих событий своей жизни. Расширенный вариант под названием "Памятное завещание" был опубликован в 1894 году московским миссионерским журналом "Православный благовестник" в №№ 5, 9–16, 21. Тогда же оно было выпущено отдельным оттиском. С тех пор по настоящее время первое произведение алтайской литературы не публиковалось в светских изданиях. Таким образом, оно, равно как и произведения И. Штыгашева, Г. Чорос-Гуркина, получает фактически новую жизнь и, верим, навсегда обретет прописку в самом начале улицы алтайской литературы.

Перевод "Памятного завещания" сделан Макарием Невским. Второй, расширенный и дополненный оригинал этого произведения, который носит название "Ундулбас кереес", пока что не обнаружен. Но, судя уже по переводу и сличая идентичные места по первоначальному варианту, видно, что в "Памятном завещании" сильнее, чем изначально, ощущается влияние миссионеров. Не следует, однако, считать это привнесенным или усиленным переводчиком, в свое время прилежным учеником М. В. Чевалкова в алтайском языке и мифологии. Нет, на наш взгляд, это результат эволюции мировоззрения автора. Ко времени выхода "Памятного завещания" он уже был старцем 74 лет, в сане протоиерея, ветераном Алтайской православной миссии. Первоначальное обращение к Радлову в данном издании заменено обращением к детям, а если вникнуть, вообще к потомству, к будущим продолжателям его дела в родном Алтае.

В новом варианте появились существенные дополнения, проливающие свет на то, что происходило как с ним, так и на Алтае в 60–80-е годы. Так, например, описаны имеющие принципиальное историческое значение факты крещения улаганского населения и окончательного присоединения к России территории Восточного Алтая, (ныне Улаганский и Кош-Агачский районы Горно-Алтайской автономной области), что, безусловно способствовало консолидации ранее разобщенных племен алтайцев в единый этнос в границах "Русского Алтая". В этой связи опреде-

лились и границы Русского государства по водоразделу бассейнов Северного Ледовитого океана и Центральной Азии. Конечно, весьма значительные части Алтая остались в пределах Цинской империи (ныне входят в состав КНР и МНР), а такие наши родичи, как алтайские урянхайцы, омонголившись по языку, оторвались от своего этноса. Ныне они проживают в Баян-Ульгийском и Кобдосском аймаках МНР, а также на Южном Алтае в пределах Алтайского аймака Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Некоторые родо-племенные группы восточных алтайцев, такие, как куулар, телег, тулюш, иркит, тодут и ряд других, вошли в процессе этногенеза, в условиях раздельного существования в течение последних двух столетий, в состав родственного тувинского народа.

В переводе М. Невского имеются некоторые пропуски и купюры, например, в описании обычаев тӧӧлӧсов Чулышмана и их торговых поездок в соседнюю Туву, включая обычаи и нравы тувинцев. Кем это опущено — автором или переводчиком — мы пока можем только гадать. Помимо этого в переводе не всегда сохранены элементы экспрессии, метафорические обороты и образные сравнения, так характерные для речи Чевалкова, что, конечно, не на пользу художественной стороне произведения. Понятно, что переводчика больше интересовала религиозная духовная сторона, художественность для него составляла, пожалуй, элемент сопутствующий, неизбежный. Например, "Меня как будто обдали кипятком, я не мог ничего проговорить отцу и плакал" (у Чевалкова) — "После этого я не мог ничего проговорить, сидел и плакал" (в переводе Макария). В то же время в первоначальном варианте, по сравнению со вторым, отсутствуют многие конкретные детали, эпизоды, названия мест и фамилии упоминаемых в ходе повествования реальных лиц. Очевидно, что все это проделал сам автор при доработке и подготовке своего произведения к изданию в "Православном благовестнике".

Так, мы узнаем, что, когда родители Киприйена переехали в местность Улалу (ныне г. Горно-Алтайск), то там вместе с их "находилось всего четыре тюннюка-дымохода". А на второй год "по водворении их", к ним "приселился" из г. Бийска некто Афанасий Каньшин, мещанин, с женой и тремя сыновьями "и стало в

Улале всего пять дворов". Кстати, это первая русская фамилия, упоминаемая среди старожилов Горно-Алтайска. Это внешне как бы малозначительное событие, упоминается Чевалковым, видимо, не случайно. Здесь точно подмечено начало стихийного переселения русских людей за пределы тогдашней Бийской казачьей линии в горы Алтая, на территорию "Алтайских калмыцких стойбищ", куда доступ им был официально запрещен вплоть до 1865 года.

Упоминаются в повествовании пасечник Ащеулов, Андрей Щетинин, Ермолай Шабалин, Илья Корольков, чиновник Сосунов, толмач Карбышев, крестьянин Пихтовников, Антонов, Лучшев, братья Тузиковы, купец Гилев, заседатель Судовский, фельдшер А. Д. Воинов, заседатель Борисов. Многие из этих фамилий бытуют и поныне среди русского старожильческого населения Горно-Алтайска и его окрестностей. Стало быть, потомки этих людей продолжают жить, укоренившись, у нас на Алтае.

Не менее интересны алтайские фамилии: Кочаев (Кочеев), Табакаев, Яраскин, Каланов, Наурчаков, Кулашев из с. Майминского (ныне с. Майма, а фамилия пишется как Кулачев), Тюдюнеков и другие. Встречаются имена алтайцев — родственников, знакомых Чевалкова — это дядя Ченот (правильнее — Чонот или Чынат), Йыбан (Иван), Таныла (Данила), демичи Мотко, Тарбаган, Табышту, Кочкор-ан, Кадик, Каака из Эмери, Коорjок-пай, отец невесты — Алтайчы, Кайбаш, живший в верховьях реки Улалы, сирота Тадужек, седой человек по имени Тискенек, инвалид Каланак из Чопоша, первый улаганский грамотей из учеников Чевалкова Николай Майзам, Семеен, Чадан, зайсан Чычкан из рода ак-көбөк, при котором Чуйский народ, то есть жители Улагана и Кош-Агача перешли в русское подданство, а для юридически-правового оформления этой важнейшей акции вместе с Томским губернатором Лерхе выезжал и Чевалков.

Чевалков построил свое жизнеописание в форме обращения вначале к Радлову, а затем, в "Памятном завещании", к детям.

Очень интересен с точки зрения формы традиционный зачин в виде описания исторической родословной своего народа — телеутов шестидесяти туменов, династии Дербен-Ойротов, ведавших четырьмя племенными союзами, событий в Джунгарии, в

канун перехода алтайцев в подданство Белого Царя. В свое время в связи с этой реминисценцией нами было написано специальное историческое исследование "Как рассеялось племя телеутов или родословная Чевалкова как исторический источник". Объем вступительной статьи не позволяет подробно остановиться на этой стороне проблемы, однако в следующей книге "Капли из камня" (Слово об Алтае) этот вопрос будет освещен более подробно.

Заканчивая представление творчества М. В. Чевалкова, добавим еще несколько штрихов. В повествовании Алтай показан человеком, прожившим долгую жизнь на протяжении почти всего XIX века. Разумеется, охват событий того времени не полный и не всего Алтая. Чевалков подробно описывает события лишь вокруг себя, ведет нас по маршрутам своей жизни, описывает события так, как они преломились в его восприятии. Это естественно. Мы видим постепенно меняющуюся Улалу и жизнь ее насельников — телеутов. Повествование ведет нас и к лесным людям — тубаларам, шорцам и кумандинцам, а далее через Алтын-Кёль к тööлöсам Чолышмана, чуйским теленгитам. Характерно, что более скупо описаны алтайцы центральных районов Горного Алтая. И почему-то нет упоминания о двух знаменательных встречах с выдающимися людьми — В. В. Радловым и Г. Н. Потаниным. Полагаем, что эпизодичность знакомства с этими выдающимися учеными; очевидно, была связана с его миссионерской деятельностью в отдаленной, глухой части Горного Алтая — в селах Чолышман и Улаган, где он находился более десяти лет. Несомненно и то, что все-таки священнический сан ограничивал его контакты с мирянами, особенно с вольнодумцами и атеистами. Следует сказать и о том, что в его повествовании вообще не упоминается и крупнейший ученый-миссионер В. И. Вербицкий, с которым он жил и работал бок о бок. Почему, остается пока только гадать.

Произведения М. В. Чевалкова при его жизни издавались в Петербурге (1866 год), Казани (1872, 1881 гг.), Томске (1883 г.), Москве (1894 г.). Как "Памятное завещание", так и аллегорические поэмы, стихи, притчи и наставления отнюдь не исчерпывают его творческое наследие. За пределами наших литературоведческих и культурологических изысканий до сих пор остается обширная переводческая деятельность Чевалкова, его переложения, адап-

тированные рассказы из Священного Писания, представляющие огромный литературно-художественный и филологический интерес как памятник и языка и литературы XIX века. Поскольку эти переводы относятся к жанру литературы духовно-религиозного содержания, то наши литературоведы, критики и другие исследователи избегали малейшего упоминания об этой стороне его творчества. А жаль.

С позиций сегодняшнего дня, с высоты современного уровня нашего историко-культурного мышления мы должны видеть ценность этих произведений не только в религиеведческом плане, а относиться к ним так, как относятся к Библии во всем образованном мире — как к выдающемуся памятнику древней словесности человека. Назрела необходимость в переиздании не только этих памятников, но и вообще всего творческого наследия М. В. Чевалкова.

Кроме собственных произведений, он бескорыстно передавал огромное количество фольклорно-этнографического, религиозного материала, представляющего квинтэссенцию народной культуры, для изучения и использования В. И. Вербицкому, Н. И. Ильминскому, В. В. Радлову, Г. Н. Потанину, Н. А. Ананьину, Н. М. Ядринцеву, Г. А. Принтцу и другим. Очевидно, немалая часть его материалов не была в свое время опубликована, и, будем надеяться, придет время, когда их отыщут в архивах Барнаула, Бийска, Казани, Москвы и Ленинграда. Немалую помощь могли бы оказать в этом плане и деятели Русской православной церкви.

История Алтайской духовной миссии сегодня также заслуживает более глубокой и менее политизированной оценки, объективного, беспристрастного подхода. Неуместны как преувеличивание заслуг, так и огульное охаивание или голое отрицание роли и значения этого учреждения. Ее деятельность надо оценивать по конечным результатам, четко разграничив, что нового, положительного привнесла Миссия в духовную и культурную жизнь Алтая, а что отняла навсегда. Только при таком диалектическом подходе мы сможем правильно оценить ее роль.

О положительных сторонах христианского просветительства православной Церкви известно немало, начиная со времен Стефа-

на Пермского. Однако значительная часть современной алтайской интеллигенции, вышедшей из недр алтайского бурханистского, пантеистического по культурно-религиозному складу населения, скептически относится к факту крещения алтайцев, не испытывает в связи с этим особого воодушевления, более того энтузиазма, когда идет речь о деятельности первых алтайских просветителей православного толка, учителей, писателей и т.д. "Да, говорят они, все это так: хорошо, что развивалось земледелие, прививались начала оседлой жизни, но разве распространение грамотности и культуры на Алтае в более ранние времена было связано только с православием, только с Миссией? Разве первоначальная собственная письменность у наших предков — алтайских тюрков, не зародилась в VI веке во времена Великого Тюркского каганата? Разве не перебывали на нашей земле представители почти всех мировых религиозно-философских учений — буддисты, даосы, манихеи, христиане-несториане, мусульманские проповедники? Но Алтай всегда оставался самим собой, переживая одну волну за другой. Разве крещение не лишило наших людей, подпадавших под влияние миссии, их собственной духовности, вселяя в них сознание неполноценности, ущербности в национально-этническом и религиозном отношении? И куда ж подевались те, кто в свое время принял крещение? Остались ли они со своим языком, своими песнями и сказками? Не превратились ли они просто в безликое население, даже не слившись с пришельцами, попросту растворившись в их среде? Ведь Миссия требовала от священников и учителей не только отказа новообращенных от привычного образа жизни, но и вообще от самой своей сути. Им не только запрещалось употребление конины, но тем, кто стал священником, учителем, запрещали даже жениться на женщинах своей национальности с целью скорейшей ассимиляции их потомства".

Разумеется, подобного рода факты имели место. Миссия порой предписывала поступать именно так. Непросто подытожить во вступительной статье к литературному изданию всю сложную, неоднозначную и многогранную деятельность Алтайской духовной миссии. Конечно, и создание письменности, и распространение грамоты на Алтае было для нее прежде всего не целью, а средством приобщения иноверцев к христианству. Но никому из деятелей Миссии,

когда начались известные события 1904 года, всплеск возврата к буддийским истокам, не могло прийти в голову, что именно они сами, своей собственной деятельностью вызвали у алтайского народа весьма своеобразную реакцию на эти события в виде реформации ойротской, пантеистической религии и возвращения к полузабытому алтайцами буддизму. Это было связано с тем, что буддизм, как никакая другая религия, гармонировал с внутренним миром, душевным складом миролюбивого и незлобивого народа Алтая, тем паче подобные рецидивы имели место в течение ряда сменявшихся культурно-исторических эпох в VI, IX, XIV веках.

А вспомним хотя бы XVII век — начало интенсивного распространения буддизма школы гэлуг-па уже в пределах Ойрот-ского союза народов, в том числе на Алтае, когда шаманы-камы подвергались гонениям, даже подвергались физическому уничтожению, если не отрекались от прежней "черной веры". Именно об этом повествуют дошедшие доныне легенды и предания, многие из которых в различных интерпретациях даются в настоящем издании. Вспомним, каким жестким был католицизм испанцев, которые огнем и мечом распространяли свою веру среди народов Латинской Америки. И тем не менее, везде, где он соприкасался с "язычеством", вынужден был все же с течением времени искать, находить компромиссы, вступать в симбиоз с религией-противником, что находит затем своеобразное преломление в культуре воспринимающего народа.

Алтайская миссия, как можно видеть, постепенно так же шла к такого рода синтезу. Не прервись ее деятельность, вполне возможно, что на Алтае, в духовных представлениях алтайцев, мог бы возникнуть именно такой религиозный синтез, как, например, в Улагане, когда одно не противоречит другому, но дополняет и расширяет сознание, тем более у народа с такой развитой мифологией, с отголосками более ранних, очевидно, несторианских наслоений, созвучной отчасти древним религиям Индии и Египта, чему изумлялись не только исследователи, но и сами отцы-миссионеры. Такого рода симбиоз наблюдался у якутов, полностью христианизированного народа, в чьем сердце Иисус Христос мирно соседствует с Юрюнг Айыы-тойоном и другими традиционными божествами.

Сегодня наступил такой момент, когда мы имеем возможность объективно оценить влияние Алтайской миссии на развитие духовной жизни если не всех, то на принявших православие слои населения Горного Алтая. В силу того, что вплоть до недавнего времени официальные установки на освещение роли и деятельности не только русской православной, но и других церквей и религий были однозначно отрицательными, то серьезные исследователи в этом вопросе предпочитали фигуру умолчания, а в работах конъюнктурного характера или отдающих дань воинствующему атеизму деятельность православных миссионеров на Алтае оценивалась только негативно.

Однако требования объективного подхода заставляют вносить существенные поправки, понимать и принимать как положительные, так и отрицательные моменты в деятельности миссии. Самим фактом издания настоящей книги, состоящей из произведений первых алтайских писателей, воспитанных в духе христианской культуры, мы делаем попытку пересмотра "традиционных" подходов к этой проблеме, стараемся дать свободную от конъюнктурных соображений трактовку роли и значения 85-летней деятельности православной церкви на Алтае. Известно, что миссионеры, особенно те, кто с искренней симпатией относился к нашему народу, внесли основной вклад в дело разработки и создания алтайской национальной письменности на основе русской графики и единого литературного языка. Более того, нельзя игнорировать и то, что неоценимой заслугой духовной миссии является создание первой научной и практической грамматики алтайского языка — классического труда, вошедшего в золотой фонд отечественной тюркологии XIX века. На основе этой "Грамматики" впоследствии разрабатывались грамматики многих других тюркских языков. 120-летие ее создания широко отмечалось общественностью области с привлечением научных тюркологических кругов в 1989 году. Не следует забывать и факт издания Миссией не менее замечательного труда — первого "Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка".

А перевод впервые на современный русский язык Библии — причем не с церковнославянского или эллинского, а с древнееврей-

ского — был осуществлен на Алтае архимандритом Макарием Глухаревым. Как знаменательно, что работа эта была начата им в 1837 году в ночь на Пасху не где-нибудь в просвещенных православных центрах, а на далекой окраине, казалось бы, глухом и темном "языческом" Алтае, в Улале! Значит, таково было историческое провидение, определившее будущность Алтая как некоего сокровенного духовного средоточия. Для сравнения следует подчеркнуть, что Пушкин не имел возможности читать Священное Писание на родном языке, пользуясь не иначе как церковнославянским переводом, осуществленным к тому же с древнегреческого.

В связи с этим нельзя обойти стороной личность основателя Алтайской духовной миссии, архимандрита Макария Глухарева.

"Припоминаю еще: в один день я пришел к товарищу своему Якову, — пишет Чевалков, — сижу у них и вот входят к ним два человека в черных одеждах, на головах шапки с накрышкой. Я, увидевши их, хотел убежать вон, но один из них остановил меня, посадил возле себя и дал мне пирожок с красной смородиной. Я взял пирожок и думаю: есть или не есть. Тогда он, погладивши меня по голове, спросил: как твое имя? Киприйен, — ответил я".

Этот "абыс" и был Макарий Глухарев, который только что приехал на Алтай распространять христианство. Миссия была учреждена в 1828 году, но практическую деятельность смогла начать лишь спустя два года по приезде этого священнослужителя сначала в Бийск, а потом в село Майма, где по одну сторону реки жили некрещеные алтайцы, а по другую уже обрусевшие, к которым только недавно стали приселяться русские крестьяне.

Обращение алтайцев в христианство началось с момента перехода Алтая в подданство России в пограничных крепостях, но после того, как указами от 1789 и 1799 годов миссионерские должности были упразднены, почти все алтайцы, скоропалительно обращенные в христианство, возвратились к исконной вере. Исключение составили лишь немногие обрусевшие семьи в предгорных селениях по долине Катуни (Майма, Березовка, Тарханское, ныне Быстрянка и т.д.).

Отец Макарий был без сомнения фигурой незаурядной. Прекрасно образованный богослов, талантливый человек, владевший многими языками, к тому же такими редкими, как древнегреческий

и иврит, он был первым, кто перевел Библию на современный русский язык.* Глухарев изучал философию Гердера, был знаком с трудами ботаников Линнея и Денандаля, астронома Гершеля, вообще проявлял большой интерес к естественным наукам. Некоторое время отец Макарий был профессором духовной семинарии. Впоследствии, спустя почти пятьдесят лет, в популярном очерке, посвященном Алтаю и его народу, Г. Н. Потанин следующим образом характеризует Макария Глухарева: *"Первым начал проповедывать Евангелие в Алтае скромный и ученый монах о. Макарий, оставивший в крае глубокую память своею святой жизнью, бескорыстным служением делу и любовью к забитому инородцу. По своему богословскому образованию, по своим познаниям в языках греческом и еврейском и при своих знакомствах о. Макарий мог бы занять видное место в рядах нашей церковной иерархии, но он с редким самоотвержением променял более глубокую известность на жизнь в алтайских лесах. Он должен был оставить Миссию не по своей воле и умер на отдыхе в Худынском монастыре".*

К данной характеристике следует добавить то, что Макарий Глухарев оказался "в алтайских лесах" не только в силу самоотверженного подвижничества. К этому его в немалой степени побудили обстоятельства собственной судьбы, заключавшиеся в следующем. В своих кругах он слыл за вольнодумца, который придерживался либеральных буржуазных взглядов, что являлось в ту, постдекабристскую, эпоху в глазах высшего церковного начальства чуть ли не ересью. Он вел с Синодом упорные споры из-за перевода Библии на русский язык, причем мотивировал это тем, что такая могучая Церковь, как русская, вправе иметь на родном языке все оригиналы (см. "Письма Макария"). В этих спорах он нередко доходил и до царя, о чем свидетельствуют его письма к Николаю I. И не кто иной, как он, Макарий, имел общение с лютеранским пастором Дитрихом, французским аббатом Отраном. Отец Макарий мечтал о соединении православной, римско-католической и лютеранской церквей в единую христианскую церковь. Это он, Макарий, молился однажды вместе с квакерами. В результате такого поведения его отношения с Синодом столь обо-

* Полный перевод Евангелия вышел в Томске в 1910 году.

стрились, что встал вопрос о заточении его в монастырь. Вот тогда-то ему пришлось уехать в Сибирь и стать на Алтае простым миссионером. В Сибири он пытался привлечь к миссионерскому делу сосланных декабристов, с которыми был знаком, в частности с теми, которые находились в Тобольске, как, например, М. А. Фон-Визин, П. С. Бобрищев-Пушкин, П. Н. Свистунов и др. (см. "Письма Макария"). В связи с этим любопытно будет отметить, что вначале Глухарев, подобно Радлову, который намеревался ехать к тунгусам, вовсе не думал об Алтае, а хотел проповедывать среди остяков (ныне — ханты) Тобольской губернии, но здоровье не позволило ему оставаться там, и он выбрал Алтай с его благодатным сухим климатом.

В качестве руководства отец Макарий получил тоненькую брошюру, содержавшую инструкции православным миссионерам, которую Синод издал в 1769 году. Убедившись на месте в непригодности полученных рекомендаций для ведения столь многотрудного дела, каким являлось обращение людей одной веры в другую, он сам разрабатывает методику ведения миссионерской работы на Алтае с дальним прицелом на ее использование в других местах применительно к условиям и особенностям тамошних народов. Макарий проводил миссионерскую деятельность постоянно, систематически и упорно. *"Ибо в нашей службе,* — писал он, — *делание без хранения оказывается тщетным и суетным"*. Его программа, выдержанная в либеральном духе, в то время не могла быть принята официальными властями, и реализовать ее Алтайская миссия, ставшая к тому времени образцовой в Российской империи, смогла лишь в начале XX столетия.

Как отмечает историк Л. П. Потапов, главная особенность этой программы заключалась в методе обращения некрещеных в православие и целевой установке: не только окрестить "инородца", сделать его "истинно русским" сыном царя небесного и земного, но и сделать его оседлым, грамотным и заставить перейти к более культурному и рентабельному способу ведения хозяйства. Эта программа требовала от миссионера непременного знания языка алтайцев, основ естественных наук и медицины и основательного знакомства с сельским капиталистическим хозяйством. Макарий выписывал в миссию специальную литературу, русскую и иностранную,

семена огородных и садовых культур, лекарственных трав, сельскохозяйственные орудия и т. п. Он впервые стал переводить на алтайский язык молитвы и церковную службу. Глухарев впервые в истории миссионерства организовал работу с новообращенными женщинами, создав для этого в миссии институт женщин-"помощниц". В их числе были, например, француженка София Вальмон, русская Прасковья Ландышева. В их обязанности входило обучение крещеных алтаек уходу за детьми, шитью, приготовлению хлеба, привитие элементарных медицинских знаний, основ акушерства, чтобы практиковать среди алтайцев, оказывать необходимую помощь. Планы Глухарева предполагали проведение реформы всего миссионерского дела в России. Для осуществления своих проектов он предлагал учредить миссионерский институт. Его предложения были доложены царю, но Синод не дал им хода. Высшее духовное начальство, напуганное "либеральным духом" проектов, не смогло понять, что деятельность Макария, его предложения отнюдь не противоречат политике, проводимой правительством и церковью.

В книге впервые в советское время публикуются литературные произведения выдающегося алтайского художника Г. И. Чорос-Гуркина. В этой связи необходимо отметить, что миссионеры были также причастны к становлению профессионального изобразительного искусства в Горном Алтае. В Улале при местной миссионерской школе была открыта иконописная мастерская, в которой к азам живописи приобщались алтайцы: среди них было немало одаренных юношей. Из мастерской иконопись, как своеобразное течение в живописи, проникала в самые отдаленные уголки алтайской земли. Кстати, Г. И. Гуркин, получивший широкую известность как художник, освоил начальные навыки в живописи именно в Улалинской иконописной мастерской. Кроме него в ее стенах начинали свой путь к профессиональному искусству Н. И. Чевалков и многие другие.*

Историко-этнографические, лингвистические и фольклорные материалы, равно как и мифологические, религиозные материалы по буддизму, и особенно по шаманизму, собранные М. В. Чевалковым, В. И. Вербицким, В. Постниковым, заслужен-

* «Живописная Россия», (1884 г. изд., том XI, с. 268—269).

но считаются классикой, практически единственными в своем роде, что в источниковедческом плане приобретает исключительное значение. В особенности это касается материалов, собранных в книге "Алтайские инородцы" В. И. Вербицкого, увидевшей свет уже после кончины этого выдающегося ученого в 1893 году.

Вербицкий приехал на Алтай в 1853 году в возрасте 26 лет. Во время пребывания в Улале он овладевал алтайским языком, а также изучал быт, обычаи, нравы и религиозные воззрения алтайских племен. Его учителем был М. В. Чевалков. В. И. Вербицкий в скором времени становится активным сотрудником миссии. Но религиозная деятельность никоим образом не помешала его ученым занятиям как этнографа и фольклориста. Мы должны быть признательны В. И. Вербицкому не только за его деятельное участие в создании "Грамматики алтайского языка" (Казань, 1869 г.), "Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка" (Казань, 1884 год) и сборника "Алтайские инородцы" (Москва, 1893 г.). Его заслуги более весомы.

К сожалению, труды В. И. Вербицкого недостаточно использовались в исследовании истоков алтайской духовной культуры, а также генезиса алтайской национальной религии, в чем до сих пор нет должной ясности, существует масса разночтений и толкований. Между тем, при первом знакомстве, например, с религиозными историческими преданиями алтайцев, собранными В. И. Вербицким, трудно не заметить их буддийской первоосновы. Не будет преувеличением назвать эти записи первой по времени фиксацией изначальных буддийских преданий у нас на Алтае, хотя сам Вербицкий не уделил им достаточно внимания, поскольку не был специалистом по буддологии. Значительную часть времени он вынужден был уделять борьбе с шаманизмом, "язычеством" как миссионер. Парадокс, однако, заключается в том, что именно благодаря такого рода деятельности им были собраны, изданы и тем самым сохранены для будущих исследователей прекрасные образцы преданий, которые к настоящему времени не сохранились в алтайской национальной среде.

Сегодня отчетливо прослеживается связующая нить, которая позволит через эти записи напрямую выйти к буддийским памятникам классического уйгурского периода, когда они переводились

непосредственно с санскрита, минуя язык-посредник. Как же мы сможем определить непосредственные истоки этих преданий? Сейчас несомненным кажется лишь их более ранний, доламаистский характер. Однако такое предположение нуждается в доказательствах и подтверждениях. Где, у кого из алтайских судурчы (книжников) были записаны эти материалы? Самим ли Вербицким, если учесть, что его миссионерская деятельность проходила в основном в северном, таежном регионе Алтая, у племен, казалось бы, далеких от центральноазиатских религиозно-философских влияний?

Представляется, что традиционное деление алтайцев на северных и южных, на лесных охотников и горностепных скотоводов-кочевников достаточно условно. Существование этой концепции во многом обусловлено некритическим восприятием гипотез ученых европоцентристской школы (Радлов, Гельмерсен, Кастрен и др.), которым в населении северных районов Алтая очень хотелось увидеть генетических угрофиннов или остатки древней европеоидной расы Северной Азии. А между тем, именно в языке племен "аладагского наречия" как раз и сохранились архаические древнетюркские и древнеуйгурские элементы как в лексике, так и в грамматических формах.

В алтайском тексте "Жития Чевалкова", при описании эпизода крещения старика возле Кебезени и злоключений Дибана из рода тюргешей, Чевалков наиболее часто употребляет для обозначения понятия "книга" алтайский синоним "судур" — термин, как известно, сугубо буддийский. Вряд ли можно безоговорочно отрицать, что у кумандинцев, которые в свое время обитали в "недрах" Телеутского улуса, не было своих знатоков уйгурского или монгольского языков? Для воссоздания целостной картины духовного мира наших предков необходимо привлечение, как указывал в свое время Н. А. Баскаков, комплекса всех данных по широкому спектру алтаистики.

Думается неправомерно умалять значение записей В. И. Вербицкого из-за его религиозности, веры в потусторонние силы, о чем иронично писал академик В. В. Бартольд в статье-некрологе "Памяти Радлова": *"Протоиерей Вербицкий искренне верил, что шаманы совершают свои действия при непосредственной помощи*

нечистой силы, а для Радлова шаманы были носителями этической идеи своего народа". * Если абстрагироваться от некоторых неверных акцентов В. И. Вербицкого в трактовке, например, произведений алтайского эпоса и мифологии, то мы неизбежно придем к новому прочтению его бесценного наследия — составной части золотого фонда памятников народной культуры Алтая.

В настоящем издании публикуется лишь часть материалов из его книги "Алтайские инородцы", заслуживающей полного переиздания, снабженного серьезным научным аппаратом.

Помимо "Памятного завещания" в книгу включены фрагменты из IV тома "Очерков Северо-Западной Монголии" Г. Н. Потанина, которые оговариваются автором как материалы М. В. Чевалкова. Г. Н. Потанин более 40 раз ссылается на него, обильно цитирует и свои комментарии дает на основании материалов Чевалкова. Алтайские сказания, предания, легенды, песни, шаманские мистерии, описания этнографического характера занимают значительное место во II и IV выпусках "Очерков". Зачастую они дополняют друг друга, перекликаясь с аналогами подобных произведений народной литературы других народов Центральной Азии, таких, как тувинцы, хакасы, дцрбеты, халхасы, буряты, казахи, татары и другие. Характерно, что потанинские записи произведений алтайского фольклора во многом перекликаются с теми, что в основном и поныне бытуют в устном народном творчестве. К сожалению, в силу незнания алтайского языка Потанин в "Очерках" излагает лишь краткое содержание произведений. Его записи носят конспективный характер, хотя, в отличие от радловских, сопровождаются подробной паспортизацией с указанием места, времени записи, обозначением этнической и родовой принадлежности информаторов. *"Вечером к нам приходил обыкновенно молодой урянхаец-сказочник: наш переводчик, алтаец, передавал сказку по-русски, а муж мой записывал ее"*, — пишет жена Г. Н. Потанина, Александра Викторовна в записках "Путешествия в С.-З. Монголию" (1879 г.).

К сожалению, в подавляющем большинстве исследовательских работ по фольклору, этнографии и религиеведению Алтая прак-

* См. В. В. Бартольд. Сочинения, том, 9, стр. 658.

тически отсутствуют сведения, проливающие свет на совместную работу Потанина с Чевалковым. Очевидно, это обусловлено все той же предвзятостью в отношении к личности Чевалкова, которого принято считать "всего лишь" информатором. Между тем, накануне второго путешествия в Северо-Западную Монголию через Алтай, Г. Н. Потанин специально приезжал в Улалу для встречи с М. В. Чевалковым. В течение трех апрельских дней 1879 года он имел с ним продолжительные беседы и впоследствии с похвалой отзывался о нем. Приведем дословно эти примечания Г. Н. Потанина, тем паче, что никогда ранее они полностью не цитировались и не публиковались:

"Апрель, 1879 год.

В составе экспедиции телеут из селения Улалы И. Чевалков в качестве переводчика алтайского и урянхайского (тувинского) языков. Прежде чем двинуться в Монголию через селение Онгудай и местность Кош-Агач, я проехал в селение Улалу, отстоящее от Бийска в 90 верстах вверх по Катуни. Цель этой поездки заключалась в подыскании грамотного переводчика из телеутов, который был бы способен записывать тексты алтайских и урянхайских сказаний. Архимандрит о. Владимир, с которым я познакомился еще в 1877 году, рекомендовал мне вышеупомянутого И. Чевалкова, который и совершил с нами весь путь, пройденный в 1879 году от Бийска до Иркутска".*

Далее — в сноске:

"И. Чевалков был одним из лучших учеников миссионерской улалинской школы, в нем прекрасно отразились и хорошие стороны и недостатки ее. Прежде всего надо отдать справедливость улалинской школе за то, что она воспитывает своих учеников в высокой нравственности; по своему постоянному христианскому настроению и по прямоте и честности характера Иван был самым мирным и всеми любимым товарищем путешествия. Нельзя, однако, не пожалеть, что улалинская школа мало развивает своих учеников в умственном отношении. Правда, записывание былин и сказок требует навыка, но Ивану Чевалкову, кроме неопытности в этом новом для него деле, мешало также малое общее развитие, вследствие которого он не всегда понимал цели собирания и не

* Живописная Россия, т. XI. М. 1884, стр. 269—270.

всегда умел при передаче на русский отличить существенное от неважного, несмотря на совестливость, с которою он исполнял свою обязанность переводчика. Тем не менее я весьма многим обязан ему: без него мое собрание не обогатилось бы драгоценными урянхайскими сказками. То была не его вина, а вина школы".

И еще: *"В Улале я записал много сведений от священника о. Чевалкова, родом телеута, а также имел случай пользоваться услугами и некоторыми указаниями знатока алтайского языка о. Макария.* Пробыв в Улале три дня (17–19 апреля), я вернулся в Бийск. Священник о. Чевалков, старик лет 60, замечателен своим знанием мира алтайских и телеутских верований. Он известен как старый деятель миссии: он был переводчиком еще при покойном о. Макарии, основателе алтайской миссии, потом он помогал г. Радлову в собирании сказок, а в позднейшее время занимался составлением книжек для первоначального чтения на телеутском языке".*

Такие примечания сделаны Г. Н. Потаниным во II выпуске "Очерков Северо-Западной Монголии" от 1881 года. Спустя три года уже в IV выпуске "Очерков" в разделе "Примечания" на стр. 649 находим следующее сообщение:

"Главный сбор алтайских и урянхайских сказаний был сделан в последнюю поездку: часть алтайских сказаний записана мною от миссионера о. Чевалкова; о. Чевалков — природный телеут, знает достаточно русский язык, занимается переводами с русского языка на алтайский по поручению Алтайской миссии и издал несколько брошюрок для чтения на алтайском языке, сочиненных им самим, другие сказания были переведены взятым мною в путешествие телеутом Ив. Чевалковым, родственником миссионера. И. Чевалков учился в миссионерской школе в Улале и умеет писать по-алтайски; некоторые тексты переданы мною Н. И. Ильминскому в Казани. Тот же И. Чевалков служил переводчиком при сборе сказаний у тувинцев в долинах Улухема и Хуахема".

Для полноты информации приведем еще одно высказывание Потанина:** *"О. Чевалков — первый писатель на алтайском языке; кроме переводов статей духовного содержания, которые он де-*

---

* Это Макарий Невский, не путать с М. Глухаревым, основателем миссии.

** «Живописная Россия», (1884 г. изд., т. XI, стр. 268—269).

лает по поручению начальника миссии, он занимается изредка сочинениями; в собрании г. Радлова напечатаны его воспоминания; кроме того, в Казани издано несколько мелких сказок, сочиненных о. Чевалковым...

Кроме трудов Чевалкова, издано миссией несколько статей духовного содержания, перевод Евангелия от Матвея, напечатанный в Томске, и "Грамматика алтайского языка" со "Словарем". Если прибавить к этому сборник алтайских сказаний, составленный Радловым и напечатанный нашей Академией Наук, — вот и все, что пока напечатано на алтайском языке".

Г. Н. Потанин стал своего рода связующим звеном между первым алтайским писателем и поколением появившейся на рубеже XIX–XX веков творческой интеллигенции Алтая, получившей более или менее полное светское образование и воспитание. Особая дружба связывала его с Г. И. Чорос-Гуркиным. Для Г. Н. Потанина, корифея сибирской общественной мысли, пламенного патриота Сибири, присуще удивительно проникновенное чувство единения и братства со своими согражданами, представителями угнетенных племен. Этому в немалой степени способствовали его путешествия в глубь Азиатского материка, равно как и вспышки гениального озарения в толковании им фольклорной и духовной стихии народов Южной Сибири, Центральной и Средней Азии. Он видел и хорошо понимал глубокое внутреннее единство культур этих народов не только между собой, но и во взаимосвязях с русской народной культурой, прослеживал "восточные мотивы", "ордынские параллели" в средневековых европейских эпосах. Местами у Потанина имеются и фантастические сопоставления, натяжки, но весь пафос его научной концепции и общественной позиции в условиях того времени носил ярко выраженный демократический, передовой характер.

Дело не в его частных ошибках или приверженности к миграционной теории заимствований. Он мужественно отстаивал свою позицию, отличающуюся антирасистской и антинационалистической направленностью. Несмотря на упорное стремление опорочить его взгляды, замолчать непреходящую ценность его трудов, жизнь доказала правоту взглядов Г. Н. Потанина и его сподвижника Н. М. Ядринцева. Особенно актуально звучат их мысли в пору на-

циональных конфликтов, призывая к консолидации и единению всех здоровых сил общества, к какой бы нации они ни принадлежали.

Объем книги не позволил включить в достаточном количестве образцы художественно-публицистических произведений предтечей сибирского патриотизма и самосознания, относящихся непосредственно к Алтаю, его народу и культуре. Поэтому очерк "В дальних странствиях" Н. М. Ядринцева является необходимым дополнением и естественным завершением этой книги.

Особняком стоит среди опубликованных в книге авторов имя великого алтайского художника Г. И. Чорос-Гуркина. Всех, кого интересуют жизнь и творческий путь Григория Ивановича, мы адресуем к работам биографа и исследователя его творчества В. И. Эдокова, прежде всего к последней по времени выхода книге-повествовании "Мастер из Аноса". Правда, книга вышла в 1984 году, в период застоя, поэтому в ней довольно глухо говорится о роковых для художника обстоятельствах беспокойного послереволюционного времени 1917–1919 годов, а также о его жизни и творчестве после возвращения из монгольской и тувинской эмиграции. До последнего времени в достаточной степени не был осознан тот факт, что Гуркин был истинным поэтом в прямом смысле этого слова, о чем неопровержимо свидетельствуют его так называемые пояснительные надписи к работам, немногие сохранившиеся очерки и зарисовки.

В книге публикуется лишь часть его поэтического и эпистолярного наследия. Необходимо продолжить поиск и в этом направлении. Выражаем признательность В. И. Эдокову, представившему материалы для публикации, а также Т. М. Садаловой. Надеемся, что все те, кто имеет возможность помочь нам в наших усилиях — укажут архивные материалы, как самого Гуркина, так и о нем либо о его творчестве, представят отдельные, еще не известные произведения, публикации, письма и т. п.

Какой была Улала в юные годы Григория Гуркина рассказывает Г. Н. Потанин:

"В пределах миссии насчитывается теперь более 20 инородческих селений с 10 церквами. Лучшее селение — Улала, где живет начальник миссии. Это селение находится на речке Улале, в восьми верстах от правого берега Катуни и в 80 верстах от города

Бийска. Место под селение выбрано о. Макарием, который провел здесь значительную часть своей жизни.

Улала в настоящее время представляет хорошее село, скрывающееся в тесной долине между лесистыми горами: посредине долины извивается речка, которая разрезает село на две части; в нем насчитывается до 100 дворов и до 500 жителей". (стр. 268).

"...Жизнь в селе проходит под надзором духовных лиц, которых насчитывается до семи человек. Селиться в Улале можно не иначе, как с разрешения начальника миссии, а миссия дает его только людям, отличающимся трезвым поведением; кабаки открывать в селе не дозволяется. По воскресеньям, после обедни, народ собирается в церковь для бесед, где одно из духовных лиц рассказывает что-нибудь из священного писания или знакомит с догматами православия. Улалинские инородцы живут безбедно, они усердно занимаются земледелием, скотоводчеством и пчеловодством, имеют хорошие дома, которые внутри содержатся не только чисто и опрятно, но иногда и изысканно; в горницах встречается городская мебель, на стенах гравюры в рамках, в переднем углу хорошей работы икона, на окнах цветы и плющ. Кухня та же самая, что у крестьян; инородка не только умеет готовить русские щи и другие блюда, но к чаю умеет напечь сладких печений, а на зиму наварить медового варенья. Особенную оригинальность селению придает местный говор: пока разговор обращен к постороннему посетителю селения, он ведется на русском языке; обстановка жителей обманывает до поры приезжего, и он думает, что находится среди настоящих русских, но только стоит ему отвернуться, как за спиной раздается татарская речь.

Жизнь улалинцев смахивает немного на монастырскую; хороводов, пляски, народных гуляний, общественных праздников светского характера совсем нет; в праздники улица села представляет такой же пустынный унылый вид, как и в будни, только увидишь где-нибудь у отворенного окна разряженную прикащицу, щелкающую кедровые орехи: иногда собравшиеся на крылечке девицы поют хором ирмосы; тем не менее ночью вдруг на улице раздается оранье русской скабрезной песни, свидетельствующей что где-то, втихомолку, несмотря на запрещение кабаков и винной продажи, в

запертой избе кутила компания и, пользуясь ночной темнотой, расходится по домам.

По Улале впрочем нельзя судить о других селениях миссии; Улала — казовый конец, она растет под глазами начальника миссии, на нее истрачивается и больше забот, и больше денег.

Значительная часть населения в миссионерских станциях состоит не из новокрещеных алтайцев, а из телеутов, которые переселяются сюда из Кузнецкого округа, и обрусение которых началось до учреждения Алтайской миссии. Другой совсем вид представляют те селения миссии, которые находятся вдали от русских деревень. Так, например, в одной из внутренних долин Алтая, на реке Урсул, есть селение Ангудай, оно существует уже более 20 лет, но состоит из пяти, шести домов, принадлежащих бийским купцам, затем остальная часть селения представляет собрание шалашей из древесной коры, в которых бедные жители часто не имеют войлочной подстилки и никакой утвари, кроме долбленого ведра. Многие из них вовсе не имеют коров и берут их напрокат у богатых язычников, за что потом отрабатывают физическим трудом. Нравственность жителей селения славится не с хорошей стороны; в то время, как язычники алтайцы отличаются честностью и отсутствием воровства, онгудайцы приобрели известность в противоположном смысле. Вообще, услуги миссии важны не столько в отношении введения у инородцев оседлого быта, сколько в том отношении, что в лице миссионера высшая администрация находит новое лицо, которое может дать ей сведения о быте инородцев с другой точки зрения, чем чиновник или купец".

Детство Гуркина было настолько перенасыщено разными церковными службами, что, как он говорил позднее, в зрелые годы, они вызывали у него чувство отвращения. Понятно, что для живой, тонко и остро чувствующей натуры будущего художника была тягостна атмосфера жизни в центре миссии, напоминающая монастырскую. Насколько юный Киприйен был заворожен неслыханным доселе церковным пением и великолепием православного богослужения и тянулся к необычным людям-миссионерам, настолько было

отлично восприятие Гуркина в детстве, поскольку за истекшие между их детством сорок лет жизнь в Улале глубоко изменилась.

Для христианизированных телеутов религиозные отправления стали обыденным делом, привычной, даже приевшейся частью их повседневного быта. Крещенный, а затем возведенный в духовный сан, Чевалков до конца дней своих оставался хранителем и знатоком народных традиций и верований. Повседневно сталкиваясь с проявлениями живого "языческого" духа, пребывая постоянно в общении с сородичами, сохранившими свой быт и уклад, он приобрел поистине энциклопедические знания в этих вопросах.

У Гуркина все было по-иному. Лишь став человеком зрелого возраста, после встреч с Анохиным, Потаниным, побывав в Петербурге, где познакомился с выдающимися людьми, он начинает осознавать потребность в возвращении к своим национальным истокам, чтобы определиться по-настоящему как художник, чтобы по-новому осмыслить свое призвание и найти свое место в искусстве. Такое изменение в творчестве Гуркина наступает в 1902 году, когда он совершает первое путешествие по Алтаю. Поездка стала определяющим моментом, после которой он сознает и понимает себя не просто "инородцем Быстрянского уезда", но алтайцем в национальном смысле этого слова. Ведь христианизация привела телеутов Улалы не только к племенному, но и религиозному отчуждению от своего народа, корней и основ многовековой культуры Алтая.

Эта и следующие поездки по Алтаю в седле по родным горам и долинам привели молодого художника к подлинному открытию Родины. Он быстро и органично вошел в могучую природную и духовную стихию своей земли, чутким сердцем художника уловил величие и красоту своей родины, сделал своим девизом — "быть изобразителем красоты великого Хан-Алтая". Именно этим можно объяснить, — пишет В. Эдоков, — проявившийся у Гуркина в то время интерес к народному искусству, к фольклору, отражавшему не только надежды и чаяния народа, но и его историю. Теперь он не просто много рисует и пишет, а собирает и изучает героические предания, народные сказки, легенды, песни, образцы музыкально-

го и прикладного искусства. Он интересуется всем этим не просто как любитель старины, а изучает основательно, с пристрастием, стараясь найти в народном искусстве традиции, образцы и мотивы для своего творчества.

Урожденный и воспитанный христианином, он становится убежденным пантеистом, ставящим превыше всего природу. Алтай для него не просто камень, но живой дух, все сущее проявляется для него в нерасторжимом единстве Абсолюта. Именно так понимали и воспевали Алтай его сородичи. Он обретает пронзительные по силе художественного выражения образы и понятия. Вчитайтесь в такие эссе, как "Алтай", "Катунь и Алтай", "Плач алтайца на чужбине", сопоставьте эти "подрисуночные подписи" с работами, которым они предпосланы, и вы ощутите двойное воздействие на душу слова и кисти!

В творчестве Гуркина — синтез не только поэзии и живописи, но и синтез религиозно-культурный, тот, к которому с разных сторон шли как православные миссионеры, так и последователи синкретичного бурханизма — белой веры. Еще один век, и, казалось, должно бы произойти слияние культур, сплав духовных начал, который совместил бы в себе все элементы воедино, подобно двуглавому золотому Сумеру Алтая.

Иван Штыгашев, судя по мотивам его творчества, занимал среднее, промежуточное положение между Чевалковым и Гуркиным. Он настоящий, ревностный неофит. В нем ликует, восславляя Бога и сотворенный им мир, душа новообращенного христианина. В настоящем издании он представлен "Записками о путешествии в Киев, Москву и ее окрестности", хотя его литературное творчество не ограничивается лишь этим своеобразным алтайским путеводителем по святым для православного, верующего человека местам. Например, его перу принадлежит и такое сочинение, как "Поступление в училище и продолжение учения алтайца", изданное в Казани в 1885 году. Интересны его последующие записки из глубин Кузнецкой тайги, разбросанные в различных миссионерских изданиях конца XIX века. Первые сведения о Штыгашеве, как одном из ранних алтайских писателей, встречаются в работах Н. А. Бас-

какова, Л. П. Потапова. Он — писатель поистине незаслуженно забытый...

Мы не относимся в подавляющем большинстве своем к потомкам крещеных алтайцев. Мы не являемся кровными потомками Чевалкова, Штыгашева, Чорос-Гуркина и других алтайских писателей, чьи произведения не вошли в настоящее издание. Но именно мы заявляем о том, что их труды, их творчество являются неотъемлемой частью нашей духовной культуры, от которой мы никогда не откажемся. Наследуем и продолжаем. Каждое произведение — не только плод чьего-либо сердца и ума, но и продукт своего времени.

В каждом времени свои подвижники и свои путники.

Семинарист, учитель, а затем и писатель Иван Штыгашев тоже с нами. Его путь — и наш путь. Как и путь Чевалкова. И путь Гуркина. Если они блуждали, значит, и мы тоже. Если они увидели свет, то и мы тоже.

И наши друзья. Наставники наши. Как прежде, так и ныне.

Триада. Три вершины. Вечные, блистающие, сочлененные. Прошлое, настоящее, будущее. История, религия, культура.

Триада. Алтай. Сибирь. Россия. Уч-Сумер. Три высоты. Три твердыни. Вместе и воедину.

Будущее — будет.

Грядущее — грянет.

Так бежит время. Так течет река.

Как будто вчера сошлись здесь, на этом берегу при устье Улалы у впадения ее в Майму, Макарий Глухарев с молодым толмачом Михаилом. Обсуждают, как поставить тут, при ключе незамерзающем, избушку. Зачем? Много лет, всю жизнь размышлял над этим предложением своего духовного наставника Михаил Чевалков. Разгадал или нет? Увидел нас или нет? Наше время? Макарий приподнимается на цыпочках, все хочет разглядеть нечто такое на той стороне, что не виднеется еще, ровно заглядывает вдаль. Видится ль? Невероятно, но именно тут, при устье Улалы стоит наш писательский домик. И книга готовится спустя полтора века в этом, уже в новом Доме писателей Горного Алтая. Книга, повествуемая людьми прошлого. О нас, а значит, о себе.

И река течет. Обмелела, правда, за 150 лет наша Улалушка. Но не время, не природа в том повинны, а мы, нынешние люди. Течет, хотя не та совсем у нее сила, что сносила весной избушку пытливого Михаила. Но сохранилась-таки, слава Богу. И Маймы слышу шум — такой добрый, такой перекатистый. И гора над ней, лохматая, вся зеленая — молодежью послевоенных лет насажен этот лес, все тополь да береза, да тальник. А Потанин видел Улалу, окруженную горами в лиственничном убранстве. Нет их, лиственниц, окрестный лес сожгли, стопили в суровые годы войны. Хоть и другой, но возродился лес на горе, Комсомольской ныне называется. И, пожалуй, не найти сегодня того, кто смог бы поведать, как же называлась она в те времена. Не Дёйгонду ли?

И ключ под горой еще есть. Только нужно очистить от хлама и мусора. Назавтра придут к нему молодые, новые люди, — возьмутся за дело. Возродится вновь этот ключ. Немало и ныне людей, что припадают к нему, утоляя жажду и голод. Незамерзающий ключ.

Но уже в Онгудае открыли мемориальную доску в честь М. В. Чевалкова, На здании бывшего храма, возле алтаря которого он погребен. Ныне здесь библиотека. Скончался он 23 августа (по старому стилю) 1901 года в возрасте 85 лет.

Горно-Алтайск отметил год назад 60-летие обретения им городского статуса. Но люди жили здесь миллион лет назад, порукой тому открытие древнейшего городища на Улалинке. Как центр православной миссии, в качестве населенного пункта значится с 1830 года. В числе первых четырех семей были родители Чевалкова. Но нет до сих пор в областном центре памятника основателю Улалы, основоположнику алтайской литературы, первому просветителю. Нет улицы его имени. Хотя улица, где стоял его дом, сохранилась. И дома почти те же, старинные, как и все постройки, деревянной сибирской архитектуры. Нет ни одного культурного учреждения его имени. Почему? Не достоин? Не удостоили? В самом центре нашей столицы по обе стороны Улалушки еще сохранились и деревянные дома, и две улицы как будто ждут своего часа, чтобы их преобразовали в музей под открытым небом. Для того видно простояли, чтоб поведать потомкам о том времени.

Стоит гора. Течет река. Майма течет. И Урсул течет. И Катунь — царица рек Алтая течет.

Пусть увидят предтечи нас и наше время, как и мы, открывая Врата, видим их, светолюбов Алтая…

Западная Украина, к. Трускавец, сентябрь, 1989 г.

К ВОПРОСУ О ЛЕСНОМ ПЛЕМЕНИ АБАЛАРОВ

(Приложение №1 к статье "Светолюбы Алтая")

Публикуемые "Записки алтайца" И. М. Штыгашева удалось отыскать только в этом году. В марте посчастливилось снять ксерокопию в Библиотеке имени В. И. Ленина в Москве при помощи фольклористки, аспирантки ИМЛИ Т. М. Садаловой. Первые сведения о нем, точнее, лишь упоминание его в общем ряду как одного из первых алтайских писателей, мы встречаем в работах Н. А. Баскакова, Л. П. Потапова и, пожалуй, все. Он — писатель поистине забытый. Позабытый вдвойне. Как алтайцами, к которым он себя по праву причислял, так и шорцами, сагайцами, к которым он этнически принадлежал. Но прервавшиеся, не успев развиться, традиции шорской письменной литературы, бедственное, трагическое положение шорского этноса создали такое обстоятельство, что некому вспомнить о нем, вернуть из небытия его творческой наследие. А наши исследователи, литературоведы прошли мимо него, так и не вспомнив ни разу, видимо, лишь в силу элементарного незнания.

Но это ведь очевидный факт, что шорцы в XIX веке и вплоть до образования Ойротской автономной области, осознавали себя как отрасль алтайского народа, как его субэтнос, что вполне соответствует истине. К сожалению, их послереволюционные чаяния к объединению не осуществились, и впоследствии они стали выделяться в особую народность.

В свое время в виде Горно-Шорского национального района были созданы некоторые предпосылки для национального разви-

тия шорцев. Но с ликвидацией автономии в 1939 году все постепенно кончилось. Перестали издаваться книги, выходить газета, закрылись национальные школы, прекратили готовить и растить национальные кадры во всех сферах общественной, административной и политической жизни. Ныне Горная Шория — это лишь географическое понятие в пределах Кемеровской области, подобно, впрочем, искусственному обозначению и нашей автономной области, как Горно-Алтайской, без этнического, национального знаменателя. Проницательный читатель, видимо, обратит внимание на синхронность ликвидации Горно-Шорского национального района с переименованием Ойротской автономной области в 1948 году. Ныне это очевидно как никогда. Так, если Горную Шорию удалось ликвидировать, то тут, видимо, в конечном счете, между противоборствующими силами был достигнут некий компромисс: область сохранилась как автономная, правда, без национально-исторического обозначения. Подумать только, какая нелепость: разве существуют в природе другие, степные "алтайцы"-ойроты, если нас обозначать как горноалтайцев! Кстати, очень многие демагоги от политики и проститутки от науки глубоко заблуждались, возмущаясь и подстрекая "племенных" сепаратистов, что-де "алтайцы тоже не соответствуют общему названию нашей нации, поскольку "алтай-кижи" называют себя только в нескольких районах. Но кому непонятно, тем следует объяснить: название "алтай улус", которое необходимо переводить не как "алтайцы" в этническом смысле, а как *"Алтайский улус"* в политико-административном понимании применительно к государственному устройству Ойротского Союза или Джунгарии, мы получили в связи со своим статусом корпоративных тюркских племен среди ойротов, и еще, прежде всего и оттого, что занимали исторический Алтай, в основном его срединный регион по притокам и верховьям рек Иртыша и Оби. Именно оттуда, из юго-западных районов Алтая произошел наш вынужденный исход в эпоху маньчжурско-джунгарских династийных войн, завершившихся крушением Джунгарии как самостоятельного государства, а население ее подверглось разорению и истреблению, территория была разделена между двумя империями — Китаем и Россией. Именно с Южного Алтая, который именуется не иначе как Бу-

урыл-Токой Алтай, *мы* передвинулись к русской границе, к Колываново-Кузнецкой пограничной линии, огибавшей Алтай дугой по северу от Кузнецкой крепости до Усть-Каменогорской. Именно те роды алтайских тюрков-ойротов, что уцелели от резни, разора и переселения на чужбину, и составили потом территориально-племенное объединение "Алтай-улус". Так обозначали люди свою территориально-административную принадлежность. Разве не очевидна тождественность алтайцев-телеутов-теленгитов как единого целого, если принять во внимание данные родоплеменного деления, языка, культуры и быта, религии и фольклора, уж не говоря об этногенезе, явственно прочитываемом вплоть до хуннско-скифского времени на Алтае, то есть вплоть до начала нынешней эры и даже несколько ранее? Новейшие данные археологии, историографии отодвигают эту дату еще глубже. Взять, например, во внимание открытие новосибирского археолога В. Кубарева в с. Каракол в 1985 году. И в полном соответствии с историей находится глубинная этногенетическая родственная связь меж собой всех племен не только Алтая, но и в целом Юга Сибири, а если брать шире, то и тюрков Монголии.

Откуда ж сегодня взялись эти поиски "глубоких различий" между алтайцами северными и южными? Причем интенсифицировались эти "поиски" именно с конца 30–40-х годов, когда в отношении целых народов совершались неслыханные преступления в виде репрессий, ссылок, ликвидаций их автономных национальных образований.

А мотивацию нашли в концепциях и классификациях ученых XIX века. Разве не равносильны подобные затеи определению различий между северным и южным склоном одной и той же горы? Ясно, что северный склон порос лесом и там стоит зверь, там обитает охотник-анчы. А на южном склоне, солнцепеке пасется скот, там человеку сподручней быть скотоводом-малчы. Но это одна Гора, это один Алтай, и люди в нем — сыновья одного народа, в силу специфики природно-климатических условий занимающиеся соответственно различными занятиями. Что касается отличий в диалекте, так это как раз подтверждает истину о том, что они части единого этноса алтайских тюрков. Миссионеры это понимали прекрасно. Как раз большая архаичность лексики,

грамматических форм языка у северных племен находится в полном согласии с особенностями исторических перипетий смежной с Алтаем территории Центральной Азии и труднодоступными условиями великой горной тайги — Аба-йыш, куда легче было отступать и схорониться в условиях анабиоза и политической деградации. А разве исконное занятие абаларов кузнечным, металлургическим делом наряду с охотой, за что они получили у русских название "кузнецких людей", а сама земля — Кузнецкой, не подтверждает того факта, что алтайские тюрки так же, как их хуннские предки, до выхода на арену истории в VI веке занимались кузнечным делом и платили дань жужаням железом?...

...Трагедии шорского субэтноса предшествовало и то, что в царское время они находились с нами, хоть и рядом, но не вместе, не в границах единого административного округа. Тюркское население Кузнецкой тайги еще не осознавало себя единым массивом, распадаясь на две основные группы — "абаларов" на севере и "шорцев" на юге. Кстати, надо отметить, что *шор,* или *чор,* — это название не более чем крупного, относительно многочисленного рода у этой этнической группы. В свое время, в голодные годы, часть шоров зачастую переселялись к сагайцам, в Абаканскую степь, оттого ныне в составе современного Хакасского народа имеется подразделение "шор". Языковая, этническая близость с сагаями привела их к быстрой адаптации в составе данной территориально-племенной группы хакасов.*

Такое наблюдалось и во Внутреннем Алтае. Так, Г. Н. Потанин еще в 1879 г. отмечал, что в одном и том же ущелье можно встретить представителей различных сеоков-родов, которые, в отличие от казахских и киргизских родов, не всегда живут вместе в территориальном плане. Правда, он, видимо, не задумывался над тем, что такая чересполосица и смешение различных сеоков произошли в относительно недавнее время, лет за 100 до этого, а именно, после падения Джунгарии, когда каждый спасался как мог — поодиночке, группами или же целыми родовыми подразделениями. В результате этого в составе алтайских тюрков ока-

* См. Кимеев В. М. Шорский этнос: основные этапы формирования и этническая история (XVII—XX вв.). Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Л., 1986 г. (стр. 8).

зались даже исконно ойротские роды, как *дӧрбӧт, чорос, байат, чагандык (цаган+туг), байлагас, могол, торо, меркит, бурут* и другие. После включения Тувы в состав Цинской империи, монголизации в этноязыковом отношении восточных, приалтайских теленгитов — "алтайских урянхайцев", во времена народных восстаний, смут, волнений, а также в период частых голодов через границу из тогдашней Монголии и Тувы, находившихся в составе цинского Китая, зачастую пытались прорываться, иногда довольно успешно, группы смельчаков, а то и просто сородичи алтайских сеоков, оказавшихся разделенными по обе стороны русско-китайской границы. Наличие в составе как алтайцев, так и тувинцев, а также алтайских урянхайцев-теленгитов Монголии, одних и тех же сеоков, таких, как *иркит, сойон (соян), коболы (хобалык), мунгат, тумат, тодош (тодут), танды, саал, тас-кӧбӧк, моол-кӧбӧк,* тӧӧлӧс *(тюлюш), комды-сойон, ак-сойон, тонжоон (донгак)* и ряда других, объясняется как этими обстоятельствами, так и, в меньшей степени, более ранними этногенетическими связями.

Несомненно одно: *знаменатель, основной субстрат нынешних алтайцев и тувинцев един* — это так называемые монголами и маньчжурами *"урянхусы"* или *урянхайцы*, этноним, точнее, этническое прозвище, которым сами себя тюрки Центральной Азии, а тем более Алтая, никогда не называли. Прозвание это появилось в средневековую эпоху, уже на заре складывания монгольской государственности. В "Сокровенном сказании монголов" кузнец, обратите внимание, *кузнец* Джарчиудай приводит своего сына для службы и дружбы к Темучину — будущему Чингис-хану. В качестве самоназвания слово "урянхай" укоренилось лишь у монголизированного по языку тюркского населения Западной Монголии, населяющего ныне восточные склоны Алтая, что лишний раз подтверждает правомерность данного суждения. Это не этноним, а "прилепленная" к народу кличка-прозвище, причем (некогда) с неким уничижительным, очевидно, оттенком. А если привести для сопоставления этнонимы *"туба — тува — тофа"* в приложении к населению приалтайской таежной зоны Южной Сибири, то увидим следующие аналогии.

По языку эти группы племен относятся к уйгурской (восточно-хуннской) группе тюркских языков. Но ведь в субстрате древних уйгуров, как это общеизвестно, лежат *теле,* чьими прямыми потомками являются алтайские *телеуты-теленгиты.* Известно также, что предки якутов назывались *урянхай-саха,* что означает "окраинные урянхайцы" либо еще точнее "урянхайские украинцы". *Саха* — это окраина, край, предел, оттуда, в другом диалектном звучании *"яка" — якуты.*

Из китайских летописей о происхождении уйгуров сказано, что *одно поколение их поселилось по Иртышу, откуда, разойдясь по Алтаю, занялось таежной охотой,* коль скоро природные условия способствовали именно такого рода занятию. Основная часть уйгуров — теле занимала территорию нынешней Халхи (Северная Монголия) и, естественно, была настоящими скотоводами. Вот они-то и были той самой воинской массой, или этносоциальным сословием, "силами которых тюрки геройствовали в пустынях севера", как сообщает китайская летопись Тан-шу. Алтайцы-кочевники называли всех своих лесных сородичей — *тубалар,* а те себя именовали по местожительству "Јыш-кижи", "Јыш-улус", что означает "таежные люди" или "Черневой улус" в отличие от горно-степного "Алтай-улус". Подразделялись же сами, между собой по родовым и территориальным группам и подразделениям: *шор, куу-кижи, тиргеш, комнош, кузен, кубанды, аба-кижи,* а соседние, телеутские в основном, группы назывались также по рекам, как *байаттар, маймалар, чумыштар, барабалар.* То же самое обозначение было известно и у восточных телеутов — теленгитов, которые именовали себя по местожительству иногда как *чуй-кижи, улаан-кижи,* то есть Чуйские люди, Улаганские люди и т.д.

В понимании населения Центрального и Западного Алтая вся горно-лесная территория, лежащая к северу от правого берега Катуни вплоть до Красноярска и Томска, именовалась не иначе, как *"Аба-Јыш".*

Стоит обратить внимание также на этимологию названия реки Абакан. Кузнецкая земля, прежде всего занятая русскими казаками в начале XVII столетия, чье население было обращено в ясашных людей т.е. податных охотников, в течение двух столетий обес-

печивала европейскую торговлю русских царей, поставляя отменную мягкую рухлядь — меха.

И оно же, это абаларское население, с незапамятных времен обеспечивало железными изделиями различных центрально-азиатских владетелей, от которых постоянно находилось в вассальной зависимости. Подобное положение сохранялось вплоть до падения Джунгарии. В течение почти полутора столетий "кузнецкие люди" находились в двойной зависимости — от томских воевод и ойротских зайсанов, представлявших соответственно интересы московского царя и джунгарского контайши.

Кузнецкая земля по-алтайски именуется как "Аба Jери", "Абатура алтайы", ее жителей называли "абалар". В историческом предании, бытующем до сих пор у населения Улаганского и Кош-Агачского районов, предводитель их аристократического рода ак-көбөк называется Аба-Jарынак. Причем говорят, что было два Jарынака, один первопредок, а другой, потомок прозван в его честь.

В сбереженной народной памятью песне Jарынака упоминаются реалии кузнецкой и томской земли, как на места исхода Jарынака:

— *Аба-Тура алтайда*
В Аба-Туринском Алтае
— *Ару алтын артып калт.*
Чистое злато осталось.
— *Том-Туралу алтайда*
В Том-Туринском Алтае
— *Тоғ алтынын артып калт.*
Самородное злато осталось.

(С. Д. Кулков, ябак, с. Улаган, 1980 г. записи)

Как видим, опять же "аба-туринский алтай", иначе говоря "аба-туринская" или Кузнецкая земля.

То же обозначение встречаем в "Памятном завещании" М.В. Чевалкова в эпизоде, когда, осерчав вследствие твердости "языческих" убеждений Андраша, отец Макарий гонит того с сыном назад, в их "аба-туринскую землю", то есть в Кузнецкий округ, в Байат, к телеутам.

Итак, *абалар*. Какова этимология этого этнонима? В аладагском наречии, то есть в шорском, *"аба"* обозначает почтительное прозвание медведя, — батюшка, отче. В алтайском наречии "аба" — это почтительное обращение к дяде по отцовской линии, отсюда и "абай" у южных алтайцев и казахов. Тот же смысл заключен в языке хакасов.

Следовательно, Медвежья чернь, медвежья глухомань? Вполне логично. Но не будем спешить с окончательным выводом.

Момент второй. Некоторое время предгорные, двоеданческие (с точки зрения томских воевод) волости алтайцев назывались в документах XVII столетия как "тау-телеутские", что означает "горно-телеутские" в отличие от степных сородичей районов Верхней Оби, располагавшихся по рекам Чумыш, Байат, Томь. В современном алтайском наречии "гора" произносится не *"тау"*, что характерно для кыпчакских языков к западу от Алтая, а *"туу"*. Для сравнения, по-киргизски — *"тоо"*. В аладагском наречии сохранилось древнее *"таг"*, синонимичное западно-тюркским, огузским — турецкому, азербайджанскому, туркменскому, гагаузскому — *"даг"*. Так же произносится и по-тувински — *"даг""*.

Что, если попробуем сопоставить: *туу+аба-тууаба* — Туба? Не выходит ли, что в результате стяжения образовалось "туба", как обозначение абинцев, проживавших в горной, черневой, горно-таежной зоне? Ведь ойротские сборщики дани, среди которых зачастую были представители "кан-каракольских калмыков", т.е. этнические алтайцы юго-западных районов Алтая, всех лесных людей без разбору именовали "туба", а не только настоящих тубаларов, но и шорцев, кумандинцев, челканцев и даже современные хакасские племенные группы. Значит, абалары каким-то образом отличны от тубаларов? Но чем же? Абалары живут в северной, низинной части Кузнецкого Алатау. Уверяют историки и лингвисты, что по языку и происхождению они ближе к байатским телеутам, нежели к шорцам, хотя и пишутся ныне все скопом шорцами.

Необходимо при этом вспомнить высказывание В. В. Радлова о барабинцах, о том, что их деды еще в недавнее время одевались совершенно по-телеутски и жертвенные обряды отправляли

точно таким же шаманистским образом, как и телеуты. Далее он подчеркивает, что язык и верования так называемых барабинских и других сибирских татар обличают их ближайшее родство с алтайскими телеутами. Вот так.

Только в составе алтайцев Шебалинского района, чьи предки не так давно проживали в междуречье Бии и Катуни, представляющих несомненно поднявшихся вверх по Оби отставшие группы исторических телеутов, имеется род "ӱлӱп" (юлюп). Род, как утверждает Л. П. Потапов, сомнительного происхождения, нигде родственников этого небольшого рода им обнаружить, якобы, не удалось. Между тем именно в составе барабинцев имеется группа по названию *"любей"*. Видимо, часть этого рода и была втянута в движение поднимающимися вверх по Оби, отходящими вглубь Алтая телеутами. Так, среди тонжанов имеются *"суу-тоҥжаны"* и *"туу-тоҥжаны"*. Говорят, что первые пришли вверх по Оби, занимаясь рыбной ловлей, это речные тонжаны. "Туу-тоҥжаны" так прозваны будто бы потому, что они по горным хребтам пришли с берегов Иртыша. Это горные тонжаны.

Теперь подумаем об этнониме "бараба". Кажется, состоит он из двух составных частей. В конце явно слышится и произносится "аба". Что же означает первая, определяющая часть? *"Бар"* — это барс или тигр. Барсовые? Тигриные? Барсоловы? Нет, конечно.

"Бар" означает "имеющийся", "есть". И такое чисто лингвистическое, слуховое определение тоже не подходит.

Западная сторона по-монгольски *"барун"*. Но почему по-монгольски этноним тюркоязычного рода? Хотя барабинцы по отношению к абинцам и телеутам как раз обитают западнее. Вполне заманчиво предположить "бараба" — это западные, степные абинцы, и на этом удовлетворить любопытство в разгадке этнонима Барунаба. Только так ли это на самом деле?

Имеется еще один этноним. Средневековый, монгольский. Там и упоминаются *"баарины"*. Кстати, ведь их потом, после присоединения "лесных народов" к Монгольскому Улусу, укрупнили "до тьмы" вместе с тӧӧлӧсами и теленгитами под начало Хорчи-нойона в 1207 году.

Быть может, барабинцы имеют отношение к этим бааринам? Бааринские абинцы? Барин-аба. У теленгитов имеется раздел: моолкөбөк — могольские или монгольские көбөки. У алтайцев: казак-кыпчак — казахские кыпчаки, то есть указывается происхождение того или иного рода, если оно инкорпорировано, присоединено или включено в основной, принимающий род.

Таким образом, получаем ряд: *аба — туба — бараба*.

Но почему все-таки "абалар" — абинцы. Возможно, это в свою очередь обозначение, признак свойства, родства. Ведь печенеги по-тюркски, по-половецки обозначаются попросту *"баджанак"* — свояки, т.е. племя, которое кому-то доводится в качестве свояков. Тогда почему бы "абаларам" не являться по отношению к какому-то "другому" племени дядьями? Скорей всего, так оно и есть. *Так их могли называть лишь те, по отношению к которым они находились в порядке старшинства, первородства, либо являлись более древними по происхождению, как отцовские братья.*

Есть у них и род *"кобый"*, весьма и весьма напоминающий "ковуев" древнерусских летописей.

Есть род *"кызай"*, ныне имеющийся в составе племени казахских абак-кереев в Китае, Или-Казахском, Тарбагатайском округах Синьцзяна, т.е. в центре земель бывшей Джунгарии.

Да и сам этноним *"шор"* или *"чор"* требует самого тщательного сопоставления с ойротским династийным родом *"чорос"*. Такое рассмотрение может пролить свет на загадочное по сей день происхождение ойротов, язык которых существенно отличался от монгольского еще в XIII веке. С учетом того, что, начиная с XI века на склонах Алтая пошло интенсивное смешение тюркского и монгольского языкового элемента, необходимо развернуть всю этногенетическую панораму тюрко-монгольского взаимодействия в пространственно-временном измерении.

Специалист по этнической истории шорцев В. М. Кимеев называет "собственно шорской" только южную этнографическую группу в составе шорского этноса, тогда как северная группа раньше имела самоназвание "абалар". В дореволюционный период у этих двух групп не было этнического самосознания и общего самоназвания.

Северная группа абалар суть телеуты, утверждает Л. П. Потапов, много сил и времени отдавший изысканиям в области этногенеза алтайцев, шорцев, хакасов, а также тувинцев.

Тогда выходит, что *абалары — связующий компонент алтайцев и аладагцев. А это крайне важно для осознания извечной этнической взаимосвязанности тюркского населения Алтайской горной страны, т.е. современной Южной Сибири.*

Шорский язык, как видно, тот же самый алтайский язык, которым говорим мы поныне, но только сохранивший в еще большей степени "первоначальные тюркские формы", нежели литературный алтайский и телеутский языки прошлого века. Достаточно познакомиться с произведениями прекрасного шорского фольклора, в основе своем телеутского, с эпическими сказаниями, а также послушать шорскую речь, чтобы убедиться в правоте данного утверждения. Вся космология, все обряды и верования, полностью идентичные или чрезвычайно близкие к общеалтайским, также говорят в пользу первозданности и незамутненности тюркской народной культуры, сохранившейся в условиях многовековой консервации и в меньшей мере испытывавшей более поздние центрально-азиатские религиозно-философские влияния. Как целостны, естественны и прекрасны даже имена героев и героинь шорского эпоса. Настоящие древнетюркские имена, менее всего или совсем не тронутые напластованиями последующего общемонгольского имперского времени! Поистине можно допустить, что они впрямь наши абалары, оставшиеся за пределами даже более позднего джунгарского окаема... Можно, вполне вероятно с учетом близкого родства, но все же повременим до полной ясности, беспристрастной оценки, основанных на глубине анализа доскональных исследований...

Сколько насчитывается шорцев по последней переписи? Уменьшилось или увеличилось? Какова степень сохранности этноса? Восстановится ли автономия? Ранее их насчитывалось порядка 16–20 тысяч.

Кто же, наконец, вспомнит и о них?! По "Запискам алтайца" Ив. Штыгашева видно, что век назад они еще не отличали себя этнически от остальных алтайцев. То же самое подтверждает М. В. Чевалков в "Памятном завещании", когда описывает в обычном порядке шорцев. Из его повествования никак не скажешь, чтобы он ощущал себя у шорцев как у посторонних, чуже-

родцев. Он повествует о них тем же тоном, как и о тубаларах, тӧӧлӧсах, кумандинцах или своих кровных телеутах. Разве что смотрит на них, своих сородичей, несколько отстраненным конфессиональным взглядом православного человека, как на язычников, исповедующих пока что "черную веру".

Вначале обозначив себя как алтайца, а в самом конце "Записок" отметив — "Житель Алтая, шорец", И. М. Штыгашев поступил в полном соответствии со своим этническим самосознанием, в котором отказывает шорцам исследователь В. М. Кимеев...

...Итак, Иван Матвеевич Штыгашев вернулся к нам. Отсюда, из Улалы он начал свой жизненный путь, о котором мы знаем пока еще недостаточно подробно. Отсюда, из Горно-Алтайска он начал свой путь заново. Посетил Москву, Киев, христианские храмы, Кремль, Киево-Печерскую лавру, святые для верующих христиан места, увидел древние свитки и пергаменты именно такими, какими увидел только он, зорким, безошибочным взглядом, — и как неофит, совершивший невероятное, сказочное путешествие, и как сын древнего охотничьего племени. Так, как он, мы уже никак не сможем смотреть, воспринимать, запоминать. Мы давно другие. Мы дети другого времени. И еще мы никогда не сможем увидеть Сухареву башню, храм Христа Спасителя. И вид с Ленинских (Воробьевых) гор на Москву сегодня совсем не тот и не вызывает такого восторга.

Циничные, пресыщенные люди, кичащиеся своим атеизмом, а, точнее, отсутствием собственной души, люди без веры, без убеждений, исповедующие двойную или тройную мораль, никогда не смогут оценить правильно смысл и глубину этих "Записок". Кому-то они покажутся скучными, однообразными, местами даже глубоко наивными. Возможно, так оно и есть. Но, опять же, как и в какой плоскости воспринимать. Каждый судит в силу собственной испорченности. Либо ограниченности...

Трускавец, Западная Украина, сентябрь, 1989 г.
(Не вошла в предисловие к книге "Памятное завещание" из-за объема)

ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ ШТЫГАШЕВУ В. Н.

(Приложение №2 к статье "Светолюбы Алтая")

Уважаемый Владимир Николаевич!

Наше издательское предприятие "Ак-Чечек" специализируется на изданиях краеведческой, научно-этнографической, культурно-исторической литературы, преимущественно старинной и редкостной. Так, в течение 1994–1995 годов в связи со 110-летием первых публикаций писателя и просветителя Ивана Матвеевича Штыгашева готовится к выпуску однотомник его сочинений (10 печатных листов).

Как Вам должно быть известно, еще в 1989 году мною была составлена и издана в Горно-Алтайске книга "Памятное завещание" — сборник дооктябрьской художественной прозы. Тем самым, наряду с другими забытыми именами наших предтечей, было возвращено в литературу после длительного периода забвения и полного художественного небытия имя и творчество И. М. Штыгашева — замечательного самородка, человека необычайного, пытливого ума, глубокой внутренней, природной культуры, помноженной на христианские добродетели и образованность, талантливого публициста и лингвиста, отменно владевшего шорским, сагайским и алтайским наречиями тюркского языка, которые все были ему родными. Его роль и значение в составлении и собирании знаменитого "Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка" В. И. Вербицкого, ставшего классическим трудом, вошедшим в золотой фонд тюркологии, не оценена нами, потомками, по сей день, также как и значение его переводов на шорский и сагайский христианских произведений, как образцов языка прошлого века.

В "Очерках Истории Хакасской советской литературы" (год издания 1985 г.) святым духом не упоминается он ни как писатель и просветитель, ни тем более как священник. А между тем он начи-

нал свою деятельность значительно раньше, нежели более известные и знаменитые в своей среде Н. Ф. Катанов и С. Д. Майнагашев.

В свете этих неоспоримых данных нуждаются в научном и общественно-политическом пересмотре и переосмыслении хронологические параметры разработки письменности и появления письменной литературы Хакаского народа. Первая книга на хакасском языке появилась не в 1926–28 годах, а также значительно ранее, а именно, в 1868 году в Санкт-Петербурге вышел второй том (первый, алтайский — 1866 г.) "Образцов народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи" параллельно на двух языках — хакасском и немецком.

Собиранием и исследованием творческого наследия наших предтечей я занимаюсь уже более 15 лет. За это время в целях художественно-творческой реанимации, расширения и повышения уровня общественного сознания в Горном Алтае мною предпринято издание сериала книг, таких, как "Мудрый богатырь" (1987 г.), "Алтайская советская поэзия" (Антология, 1987 г.), "Памятное завещание" (1989 г.), "Слово об Алтае" (1990 г.), "Чингис-хан" академика Б. Я. Владимирцова с моим послесловием "К урокам евразийского" (1992 г.), помимо различных публикаций в местных и российских периодических изданиях.

Вот почему полагаю возможным со своей стороны, с этой стороны Алтая, обратить ваше настоятельное внимание, как руководителя республики Хакасия в период ее нелегкого и многотрудного становления, политического и экономического строительства юной государственности, осложняемого всеобщим для всей России и страны комплексом неблагоприятнейших факторов, на необходимость особо бережного отношения к великому и вечному наследию народа, ко всему, что составляет непреходящее национальное достояние, и к какой бы эпохе оно ни принадлежало — советской или царской — все это наше, вся история наша, которую наследуем и продолжаем в лучших ее проявлениях.

Подчеркиваю эту необходимость как данность — вдвойне и потому, что и у нас на сегодня еще не имеется целостной и стройной, разработанной всемерно концепции духовных опор республики, ничуть не менее, а возможно, и более важных составляю-

щих для внутреннего здоровья, исторического самочувствия многонациональных народов наших республик. На чем, на каких постулатах должны зиждиться эти невидимые глазу "точки опоры" — в этом суть.

Изучение новых, ни разу с тех пор не переиздававшихся за весь 110-летний период записок "Поступление в училище и продолжение учебы шорца (алтайца)" И. М. Штыгашева позволяет убедительно расширить представление о нем, как о фигуре, объединяющей собой, своим жизненным и творческим подвижничеством три современных народа — алтайцев, хакасов и шорцев. По отцу из шорцев, мать — сагайка, он являлся алтайским писателем, равно как и хакасским, и шорским.

Поучительно и похвально то, что для него, как и для всех окружающих, в ту пору понятие "алтайский" носило намного более широкий характер, чем современное, в этническом отношении сузившееся значение.

В виду предпринимаемого издания я обратился к Вам со столь пространным обоснованием не только как к прямому потомку, волей провидения оказавшемуся во главе Республики Хакасия, но в первую очередь в силу вышеуказанных причин.

Принимая во внимание еще более тягостное, прямо-таки катастрофическое положение "кузнецких людей" — абаларов, пребывающих в ужасающем состоянии культурного упадка и национальной деградации в индустриальной Зоне, имеет прямой смысл обратиться к руководству Кемеровской области с аналогичной просьбой о содействии в издании книги замечательного сына шорского народа, о котором подавляющее большинство этого народа, очевидно, и понятия не имеет...

Итак, прагматический смысл данного послания к Вам сводится к двум предложениям:

1. Финансовое содействие с Вашей стороны к настоящему изданию и возможный для Хакасии тираж с учетом того, что часть мы оставим себе, а третьей частью по-братски поделимся с Кузбассом. Издание на русском, поскольку для него и этот язык был не только родным, но и литературным, рабочим.

2. В заключение, пользуясь оказией, прошу Вас еще об одном немаловажном содействии.

В свое время, в августе 1986 года, будучи в Абакане и сопровождая С. В. Михалкова и Э. Ю. Зимина, тогдашних руководителей Союза писателей РСФСР, я передал ныне покойному М. Е. Кильчичакову для ознакомления американское академическое переиздание второго, хакасского тома "Образцов" В. В. Радлова. В дальнейшем, неоднократно встречаясь с нашим общим другом, аксакалом Михаилом Еремеевичем, которого все знали и уважали, я тем не менее отвечал ему отказом на его предложения приобрести эту замечательную и редкостную книгу в личное пользование. Я уже тогда намеревался официально преподнести ее как владелец в дар Хакасии, но тогда просто оказии не представилось. В ту пору экземпляра не было и в библиотеке хакасского НИИЯЛИ, о чем прекрасно был осведомлен М. Е. Кильчичаков.

К сожалению, теперь его нет с нами, и он не может мне помочь подарить ее Вашей республике. А не хочется, чтобы такая Книга потерялась или затерялась. Поэтому прошу Вас связаться с вдовой Вашего классика, попросить вернуть ее от имени Президиума Верховного Совета республики, с тем, чтобы я мог преподнести ее в дар Вашему народу.

Сам я, будучи знаком и близок с ним четверть века, не знал и ни разу не видел его жену, поэтому обратиться к ней не могу.

Для проведения конкретных переговоров по предмету издания можем командировать директора издательства "Ак-Чечек", либо дополнительно списаться.

С глубоким к Вам уважением,

Член Президиума, председатель ПК по вопросам внешних сношений и защите интересов республики, секретарь правления Союза писателей России
Б. Я. Бедюров
25 января 1994 г.

ПИСЬМО ГЛАВЕ АДМИНИСТРАЦИИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ КИСЛЮКУ М. Б.

(Приложение №3 к статье "Светолюбы Алтая")

Уважаемый Михаил Борисович!

Наше издательское предприятие "Ак-Чечек" специализируется на изданиях краеведческой, научно-этнографической, культурно-исторической литературы, преимущественно старинной и редкостной.

Так, в связи со 110-летием первых публикаций писателя и просветителя XIX века Ивана Матвеевича Штыгашева готовится в течение 1994–95 годов однотомник его сочинений (порядка 10 печатных листов).

Возвращение его имени и творчества читающим потомкам после длительного периода забвения и полного художественного небытия состоялось в 1989 году публикацией в Горно-Алтайске книги "Памятное завещание", представляющей собой изборник дооктябрьской алтайской прозы.

И. М. Штыгашев по нынешней этнической классификации принадлежит одновременно к трем братским народам — алтайцам, хакасам и шорцам. Это был замечательный самородок, человек острого, пытливого ума, глубокой культуры, его природный талант, помноженный на христианские добродетели и образованность, дал добротный сплав. Талантливый публицист и лингвист, он отменно владел шорским, сагайским и алтайским наречиями тюркского языка, а русский был языком, на котором он писал и творил. Его роль и значение в составлении и собирании знаменитого "Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка" В. И. Вербицкого, классического труда, вошедшего в золотой фонд тюркологии, не оценены достойно по сей день, так же, как и значение его переводов на шорский и сагайский (предтечи нынешнего хакасского) языки христианских произведений во время его пребывания в Кузедеевском и Матурском отделениях Алтайской православной миссии.

Разумеется, нынешнее этнокультурное положение "кузнецких людей" — абаларов, а по-современному и не совсем точному обозначению — шорцев, не позволяет еще сполна поднять, осмыслить и освоить им свое духовное наследие. Вот почему совместными усилиями мы могли бы содействовать в издании книги великого сына шорского народа, о котором большинство из них, к сожалению, едва ли имеет представление.

В свете расширяющегося социально-экономического сотрудничества наших соседних регионов подобное издание стало бы весьма приметной вехой, началом взаимодействия республики Алтай и Кемеровской области в сфере культурно-творческой, в деле освоения громадных залежей общего духовного наследия. Для этого у нас имеются все предпосылки — стоит только соединить индустриальную мощь Кузбасса с интеллектуально-духовным потенциалом Алтая.

Мое послание к Вам, таким образом, сводится к предложению о долевом финансовом содействии (вполне скромном) и желательном для Кемеровской области части тиража, поскольку одну часть оставим себе, а третью часть отдадим Хакасии.

При положительном отношении к нашему предложению мы могли бы немедля командировать к Вам с целью конкретизации представителей издательства "Ак-Чечек".

С глубоким к Вам уважением,

Член Президиума ВС РА, председатель ПК по вопросам внешних сношений и защите интересов республики, секретарь правления Союза писателей Российской Федерации
Б. Я. Бедюров
31 января 1994 г.

P. S. Ответа от обоих не получил, письма затерялись, а воз и ныне там — книга И. М. Штыгашева так и не издана к настоящему времени, осени 2000 г.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К ТОМИЧАМ

(Приложение №4 к статье "Светолюбы Алтая")

Уважаемые земляки-томичи!

Разрешите сердечно приветствовать вас и передать от имени народа Республики Алтай горячие поздравления в связи с юбилеем Томской области.

Хотя область ваша отмечает всего лишь 50-летие — возраст и впрямь юный в историческом плане, — на самом деле связи Алтая и Томской Земли имеют давние и прочные традиции. Корни этих взаимоотношений восходят к началу XVII века, когда в низовьях реки Томи был заложен острог в пяти днях конной езды от кочевий телеутов — предков алтайского народа. Весьма важным событием того периода было установление союзных отношений между телеутами и русскими властями в 1609 году. В другие времена и при других, более благоприятных социально-экономических обстоятельствах мы могли бы с обоюдным удовольствием отметить 385-летие этого памятного события, положившего начало развитию по восходящей алтайско-томских русских отношений.

С гор Алтая берут свое начало и Томь, и Обь, и другие большие и малые реки Западной Сибири. Мы с вами действительно земляки, поскольку населяем обширный приобский бассейн, который издавна, еще до Октября, сложился как единый экономический, хозяйственный организм, скреплявшийся к тому же крепкими административными рамками великой Томской губернии. Постепенно, по мере дальнейшего развития, он сложился в единый культурно-исторический регион, где, кстати, довольно активно и продуктивно складывался симбиоз культур, соединение и сочетание двух начал — русского и местного, национального.

Именно отсюда начиналось это великое средоточье, имя которому — Сибирь, эта совокупность рек и озер, гор и лесов, степей и тундры, городов и деревень, урочищ и стойбищ, вахтовых поселков и вечных поселений. Ведь первые русские люди — казаки, пришедшие вместе с Ермаком из-за Урала, поначалу обосно-

вались и обустроились именно здесь, по берегам могучих, полноводных рек, на благодатной и плодородной земле. Не будет преувеличением сказать, что если Киев — мать городов русских, а Тобольск — первый плацдарм, то исторический Томск — это отец городов сибирских. Именно из Томска шли осваивать свою будущую родину — Сибирь, на восток до самого Тихого Океана и на юг до Алтая, Тянь-Шаня и Памира, русские люди, по пути встречаясь и активно взаимодействуя со многими племенами и народностями, с которыми впоследствии составили одну большую семью, одну многонациональную и многоликую российскую культуру. За истекшие 400 лет в Сибири постепенно, естественным путем создалась своеобразная местная культура, включающая в себя как чисто русские, так и местные этнонациональные элементы.

Сформировался и новый тип русского человека — сибиряка, крепкого, мужественного душой и телом, несгибаемого в своих нравственных убеждениях, здорового внутренне и внешне человека.

Мы все — сибиряки, и осознаем себя единой целостностью, со всеми присущими нам особенностями культуры, быта, хозяйствования, черт характера, и, конечно же, ощущая свою землю не просто территорией, но отечеством, колыбелью своей и потомков, мы преисполнены решимости жить и трудиться во имя процветания Родины нашей — Державы Российской.

На фоне обезличенных во многом вследствие бурного современного строительства наших городов, приятно и символично видеть старый центр Томска, сохранивший бережно замечательные традиции деревянной сибирской архитектуры, кружевные узоры исконно русского зодчества. Такое ощущение, что сбережена сама душа нашей земли. Томск — не только старая столица Сибири, но и душа ее. Тут, в "Сибирских Афинах", расцветали и наука, и искусство, и общественная мысль Сибири, оказавшие неизгладимое влияние и покровительство всему развитию нашего Алтая — от ступеней административно-территориального устройства до различных сфер науки и культуры. Имена и творчество алтайских художников, писателей, ученых (как прежних, так и ныне здравствующих) тесно связаны с Томской землей и ее прекрасными людьми.

К сожалению, послереволюционные административные перекройки, расчленения Томской губернии, Сибирского и Западно-Сибирского краев в достаточной мере негативно сказались на всем нашем бытии — экономическом, хозяйственном, культурно-научном и даже экологическом, привели к ослаблению и угасанию в значительной мере наших взаимосвязей. И, конечно же, устремления краев, областей, республик сибирских (да и не только сибирских) к взаимодействию и сотрудничеству в региональных рамках — это на самом деле не блажь, не праздные мечтания, а суровая экономическая необходимость, особенно в нынешних многотрудных обстоятельствах; а как, в каких формах и рамках это будет проявляться, видимо, покажет сама жизнь, темпы и параметры будущего развития.

У Республики Алтай и Томской области свои достоинства и возможности, так же, как и свои проблемы. Но именно эти особенности как раз и позволяют нам находить взаимодополняющие точки соприкосновения и взаимодействия. И если правильно сложить и расставить векторы развития, то у нас с вами в сочетании и соединении усилий соседних краев и областей есть все необходимое для экономического общего рынка, за исключением, пожалуй, мандаринов и апельсинов, кофе и чая.

Но для этого мы должны преодолеть один комплекс как в Центре, так и на местах, — взгляд на Сибирь потребительский, ресурсно-сырьевой, топливно-энергетический. Нет, Сибирь — это не только территория, но прежде всего самобытный культурно-исторический регион России с несомненно выдающимся будущим.

Алтайская поговорка гласит: "Человек богат человеком". Перефразируя, можно развить и добавить: "Народ богат народом", а Россия — своими народами и своими областями.

И пусть славная Томская область — одна из прекрасных жемчужин в ее короне, развивается и крепнет, как достойная наследница своего прошлого и как славная преемница своего будущего!

27.XI.1994 г.

КАК РАССЕЯЛИСЬ ТЕЛЕУТЫ

В "Этнографическом обозрении тюркских племен Южной Сибири" В. В. Радлов обронил замечание, что телеуты — это некогда весьма значительное, но ныне рассеявшееся тюркское племя, которое переселилось с Иртыша на север Алтая.

Позднее это же мнение о телеутах было высказано и другим известным исследователем Алтая и Сибири Н. М. Ядринцевым: "Телеуты — это рассеявшееся племя алтайцев".

* * *

Знание своей родословной до седьмого или девятого колена, а иногда и глубже, у алтайцев всегда было традицией, которая передавалась от поколения к поколению.

Вот что сообщает нам Чевалков о своей родословной: "Я происхожу из рода Мундусов, из племени Ак-Теленгет — Белых Телеутов; имя отца моего — Андраш, отец Андраша — Килемеш, его отца Семейек, у Семейека отец Сöогош, — его отец Сеперек, — отец Сеперека Чöбöлöк. При Сепереке предки наши добровольно перешли в подданство "белого царя" и стали платить "алман" (дань). Я, потомок их, до 17 лет был "черной веры" (язычником); отец и мать дали мне имя Киприан. К этому времени я имел свое жилище" (т.е. был женат).

Далее повествуется о легендарных временах предков — *теле*. Правда, как это и бывает при изустной передаче, сведено лишь к ближайшей по времени эпохе — Ойротскому Союзу:

"В старые времена был Тöрбöн-Ойротский хан, который владел четырьмя племенами. Это было тогда, когда 60 туменов Телеутов — Золотая орда — жили между собой в мире и согласии. После этого произошел между этими четырьмя племенами раздор и они стали воевать между собою.

...Телеуты же жили по обеим сторонам реки Ак-Умар (Обь), но и они не стали жить между собой в мире. От постоянных войн и число их весьма уменьшилось, вследствие этого их постоянно тревожили, с одной стороны, монголы, предводительствуемые Чадаком, а с другой "черные киргизы" (Кара-казак).

Тогда телеуты, предводительствуемые Мамытом и Балыком, пришли в Кузнецк и просили воеводу города, говоря, мы желаем платить дань белому царю, чтобы под его покровительством жить на этой земле. Тогда был мой предок Сеперек, сын Чӧбӧлӧка. От него произошли Чевалковы, живущие теперь и в Байате".

В этом семейном предании, своего рода квинтэссенции его, как видим, реальные исторические события разных эпох, причудливым образом сжимаясь, возводятся лишь к тем временам, когда алтайцами-телеутами владели ойротские ханы. Конечно, во времена Джунгарии, как об этом сообщается в достоверных исторических документах, телеуты никак не могли составлять 60 (!) туменов, а было в составе Ойротского союза лишь четыре отока, телеутов из районов верхнего Приобья в количестве 4 тысяч кибиток, что от силы могло составлять лишь два тумена всего народу.

Однако это, казалось бы, мифическое выражение "шестьдесят туменов теленгитов" и другое "теленгитов больше, чем пестрых берез" имеют под собой серьезные исторические основания, а именно, когда племена теле были столь многочисленны, как сообщает Тан-шу, что занимали своими кочевьями огромные степные пространства от Хингана до Каспийского моря, и в это время алтайские тюрки силами их "геройствовали в пустынях севера". В эту эпоху, то есть во времена Великого Тюркского каганата, теле представляли мощную конфедерацию кочевых племен. Наиболее часто среди этих племен фигурируют в китайских летописях такие племена, как: сеяньто, вейхо, хуйхо, паегу (байат-байырку), тунло, секйе, доланьге (теленгит) или толанко, кипи (кӧбӧк), таки, хун, хусйе, тубо (туба), гулигань (курыкан). Большинство перечисленных племен теле обитало на территории современной Монголии, Тувы, Алтая и Джунгарии. Через фантастические искажения названий этих этнонимов, почти не поддающихся точной разгадке, некоторые тем не менее дают возможность прочтения и сопоставления, например, этноним доланьгэ — это, по всей видимости, не что иное, как интересующее нас телеут-теленгит.

Как известно, древнетюркское государство выступило на политическую арену Центральной Азии после победы древних тюр-

ков-тюкю над теле, признавшими над собой власть рода Ашина, после чего последовал сокрушительный разгром абар-жуань-жуаней. В составе Каганата теле составляли внушительную силу, с которой постоянно приходилось считаться тюркским каганам. Так, например, отпадение их от кагана Хели практически решило судьбу Первого Тюркского каганата, а их восстание во главе с уйгурами в 715–716 гг. повлияло на крушение Второго каганата. Позднее племена теле под главенством уйгуров, окончательно решили судьбу государства древних тюрков, навсегда свергнув его власть.

Выступая против тюркских каганов, теле неоднократно создавали свой каганат. Наиболее значительным был каганат теле, возглавленный племенем сеяньто. Он получил известность под названием "тогуз-огуз", что означает "девять племен".

Что же касается выражения "золотая орда" у Чевалкова, то оно опять-таки, видимо, идет по аналогии. Некоторое время — в XVII веке часть телеутов, а именно восточные отрасли, которые впоследствии составили теленгитов и урянхайцев тулушского, долонгутского рода, была в подчинении у западно-монгольских Алтын-ханов, имевших громкий титул, но владевших скромной территорией Тувы и ряда районов современной Северо Западной Монголии вокруг Убсы-нура. Опять-таки события более дальней эпохи — Золотая орда — перенесены на более ближнее время. Кроме того, едва ли племена Алтая, а тем более теле, входили в состав Золотой Орды. На том основании, что старший сын Чингис-хана послан был в поход для приведения к покорности "лесные народы" Саяно-Алтая в 1207 году, трудно утверждать, что они были включены в Улус Джучи. Ведь Улус Джучи как удел, а после как государство, оформилось уже после принятия подданства Кыпчакской степи, а с собой Джучи взял лишь 4 тысячи монголов, которые могли состоять из урянхусов и других тюркских племен.

В "Сокровенном сказании монголов в числе покоренных народов упоминаются теленгуты вместе с төөлөсами и тубасами, входящими ныне существенными компонентами в алтайский народ. Они относились к категории "лесных народов", которые обитали в горно-лесистых районах, простирающихся с запада на восток от вер-

ховьев Эртиша до Хангайского нагорья и далее на восток. По этому поводу Рашид-ад-дин поясняет: "Всякое племя, у которого юрты были по лесистым местам, называли лесным племенем".

Тут же говорится, что управление над всеми "лесными народами" было поручено нойону Хорчи: "Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами бааринцев, но также пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тöölöсами и Теленгут, совместно, однако, с тысячниками Тахаем и Ашихом. Пусть он кочует невозбранно вплоть до приэртишских лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою лесных народов. Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться!".

С этого и началось для теленгутов и других алтайских племен долгое сожительство с теми из монголов, которых "пополнили до тьмы" за их счет, а именно с будущими калмыками и ойротами.

В другом месте "Сокровенного сказания" говорится, что в 1207 году "Чжочи был послан с войском Правой руки к лесным народам. Проводником был Буха. Прежде всего явился с выражением покорности ойротский Худуха-беки со своими тумен-ойротами. Явившись, он стал проводником у Чжочия. Проводил его к своим тумен-ойротам и ввел в Шихшит. Подчинив ойротов, бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов и тубасов, Чжочи подступил к тумен-киргизам. Тогда к Чжочи явились киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек (Ölö?)-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами — шонхот, белыми же меринами да белыми же соболями. Чжочи принял под власть монгольскую все лесные народы, начиная оттуда по направлению к нам (т.е. с запада на восток), а именно народы: Шибир, Кесдиим, Баит, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и Бачджи-тит".

Нетрудно угадать в этнонимах те родоплеменные группы, которые входят поныне в состав алтайцев: кесдиим — кыштым, баит — байат, тухас — туба, тенлек — телек (теленгит-телеут). Что касается этнонима тас, то в составе восточных теленгитов Алтая наличествует до сих пор сеок йети-тас — семь тасов, а байджигиты входят в состав Среднего жуза и считаются, как указывает

Аристов, отуреченным самоедским, т.е. урянхайским племенем Сибири. А Шибир — это, безусловно, сибиры — сибиряки того времени.

Как видно из этого же отрывка, Джучи покорил эти народы "без потерь людьми и лошадьми", т.е. приведение в покорность не имело характера военного завоевания. Отсюда видно, что в это время теленгиты проживали в том же районе Алтайского нагорья. Дополняет и подтверждает данные "Сокровенного сказания" и "Сборник летописей" Рашид-ад-дина, где также упоминаются теленгуты и тццлцсы. Про них сказано, что теленгуты, например, относятся к лесным племенам и "они обитают по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджуитов". Поскольку "страна киргизов" — это Минусинская котловина и современная Хакасия, а также некоторые районы по южную сторону хребта Саян, а Кэм-Кэмджуит — это территория Кема и Кемчика (современная Тува), то и теленгуты-алтайцы жили в это время в пределах сопредельной к Туве и Хакасии территории, а именно на Алтае, включая верховья Иртыша и Монгольский Алтай, т.е. север, центр и юго-запад исторического Алтая.

Л. П. Потапов в своем исследовании установил, что на протяжении периода от VI–VIII до XIII–XIV веков кочевья теленгитов и тїїлісов находились в пределах Хангайского и Алтайского нагорий. Воспоминания об обитании в районах, прилегающих к Хангаю, если не в самом Хангайском нагорье (Отукен), сохранились у современных теленгитов в заклинаниях шаманов, которые, призывая своих духов и чествуя наиболее почитаемые горы, называют и Хангай. Выражение "Алтай-Хангай" сохранилось и в современном языке алтайцев.

"Однако письменные источники позволяют проследить и дальнейшее существование теленгут-теленгитов и тӧӧлӧсов после XIV в. вплоть до появления их имени в русских письменных документах XVII–XVIII вв.", где они выступают в русской транскрипции уже как "телеуты".

Так, в известном сочинении монгольского князя Санан Сэцэна (1604–1662 гг.), излагающем историю монгольских ханов до середины XVII века, написанном на основе более ранних исторических

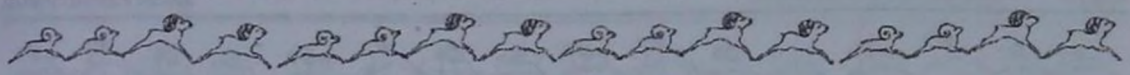
трудов, упоминаются и теленгуты. А. Мостарт сообщает, что название Теленггус встречается как наименование одного из ойротских кланов, входящих у современных ордосских монголов в знамена (хошуны или дивизии) Аукхан и Найман. Таким образом, теленгуты оказались в Ордосе в составе ойротов и более поздних южных ордосских монголов.

А в монгольской летописи XVII века "Шара-Туджи" термин "теленгут" передан как "тэлэнгус". Вот так протянулась цепь непрерывного развития современных алтайских теленгитов, или теленгутов (телеутов) от древнетюркских племен теле через теленгутов монгольского периода до телеутов в русских документах XVII–XVIII веков, до современных алтайцев.

В русских документах название "телеут" впервые появляется в самом начале XVII века. Князь Тоян — глава тюркоязычного племени юшталар, жившего в устье реки Томи, после падения Сибирского ханства и окончательного разгрома Кучума поехал в Москву к русскому царю Борису Годунову с просьбой о принятии его со всеми людьми в состав Русского государства. Он подал свою челобитную 25 марта 1604 года, в которой предлагал "в вотчине его в Томи поставить город" и указал, что с построением здесь города можно будет привести под высокую государеву руку при его содействии и ряд других племен, родственных им, юштинцам, которые кочуют неподалеку, как, например, чатских татар, кыргызов, а также телеутов (теленгутов).

Кочевья телеутов располагались в 5 днях езды южнее его ставки. Телеуты, о которых упоминал в своей челобитной Тоян, распадались на ряд феодальных улусов, которые возглавлялись князьями с наследственной властью. Наиболее крупным из них был князь Абак, упомянутый в челобитной. Он владел тысячью людей, что надо понимать как тысячу воинов. Кочевая ставка Абака (позднее его старшего сына и преемника) находилась по реке Мерет, впадающей в Обь справа, несколько выше р. Чумыша и ниже р. Тальменки.

Именно с этого времени русские письменные источники на протяжении всего XVII и XVIII веков начинают пестрить ссылками на телеутов, поскольку именно с их князьями имели дело томские и кузнецкие воеводы. В эту пору телеуты кочевали на



огромных пространствах прииртышских и приобских степей, примыкающих к горам Алтая, по всей территории Южной и Западной Сибири от Томска и Барабинской степи на севере до Монгольского Алтая на юге. Телеутам были подчинены также как племена Северного Алтая (шорцы, кумандинцы, тööлöсы), так и те, которые вследствие религиозно-политического обособления постепенно выделились позднее в различные группы сибирских татар (барабинцы, чаяты и др.). Это население считалось данниками — кыштымами, которое облагалось различными натуральными поборами (железными изделиями, пушниной, ячменем и т.д.). Телеуты вели экстенсивное скотоводческое хозяйство, занимались кроме того охотой, рыбной ловлей, собирательством, знали различные домашние промыслы.

В политическом отношений телеуты составляли единый Большой улус, разделившийся затем в конце первой трети XVII века на два Больших улуса: во главе одного стояли представители рода Мундус, во главе другого — Тодош.

В XVII столетии — смутное время для истории Центральной Азии, когда происходила постоянно передвижка, переоформление многих племен и поколений, телеуты кочуют, стесненные с обеих сторон Алтая наступающими монголами и казахами, постоянно ожидая нападения то с одной, то с другой стороны.

Название "телеут", как это указывалось выше, в русские письменные источники попало в самом начале XVII века через западносибирских татар, а в монгольских и джунгарских документах оно звучит как "теленгут". На этом основании Л. П. Потапов делает верный вывод о том, что теленгуты и телеуты составляли в прошлом одну тюркоязычную общность, получившую позднее, по крайней мере с XVIII века (если иметь в виду русские письменные источники), различное наименование.

Что касается названия "телеут", то оно может быть с полным основанием приложено по отношению к XVII–XVIII вв. только к той, западной отрасли алтайского народа (теленгутов), кочевавшей в степях Южной и Западной Сибири. А название теленгит появляется лишь в XIX веке для обозначения восточной приграничной отрасли теленгутов, которые населяли Чуйскую степь и Улаганское плато. По существу же это различные обозначения

одного и того же народа алтайских тюрков, когда название алтай-улус еще не стало доминировать как национальное общее имя всех племен Алтая — как северных, так и южных, как скотоводов, так и таежных охотников.

"Из исторических преданий у телеутов сохранилось более, чем у других, воспоминаний о передвижениях. Из них видно, что это было обширное племя, расположенное по Томи и отчасти по Иртышу. У них упоминается Иртыш и река Ак-Умар, причем отмечается Ак-Умар (это Обь.— Б. Б.) и Кök-Умар Оттуда, по их преданиям, они перешли реку Кулунду и Талду (может быть, Кулундинская степь), где их начали беспокоить казахи. У телеутов были вожди когда-то Мамыт и Балык. Подданные Балыка находятся ныне под Томском. Таким образом, телеуты — это рассеявшееся племя алтайцев" — пишет известный исследователь Сибири Н. Ядринцев. Один из предков тодошей называется Нонобут, который казаны ставил на берегах привольного Иртыша ("Кан Эртиште казан аскан").

Теперь обратимся к другому преданию, зафиксированному Гр. Спасским прежде всех. Спасский побывал у телеутов в самом начале XIX века. Вот что пишет Спасский в статье "Телеуты или белые калмыки", опубликованной в "Сибирском вестнике" за 1821 год. "Телеуты имеют предание, что они кочевали вместе с тццлцсами в Алтайских горах по берегам Телецкого озера, от коего, по словам их, получили и самое название свое. Язык, вера и многие житейские обряды телеутов, общие с тццлцсами, доказывают совершенную справедливость такого предания. В Сибирских старинных письменных делах телеуты известны под именем белых калмыков, а төөлөсы — под именем черных. Причиной сих противоположных названий Миллер поставляет цвет их лица, а Георги — прежние жилища телеутов близь гор, покрытых вечным снегом. Вероятнее кажется, что оныя приданы им для отличия их между собою..."

Как известно, по поводу исторической путаницы в русских источниках, когда алтайские тюрки, в том числе телеуты, төөлөсы и другие, долгое время, вплоть до конца XIX века, прозывались горными или белыми, алтайскими или порубежными "калмыками", давно уже даны исчерпывающие разъяснения. Так же обсто-

яло дело с именами и других народов. Казахи, например, назывались невесть почему киргизами, хакасы — татарами, тувинцы — урянхайцами и т.д. Однако в сообщении Гр. Спасского мы видим, что он верно уловил этнический оттенок, хотя также не дает точной, убедительной этимологии такого разночтения. Если же вместо "калмыков" поставить "телеуты", то все становится на свои места и мы увидим то самое деление одного и того же племени на два раздела, которые существуют поныне — теленгеты (телеуты) и теленгиты. Западные и восточные. Белые и черные, подобно тому как существует деление на ногаев черных и белых. Кто знает, а возможно и ногайцы — потомки западных кыпчаков, смешавшихся с монголами, — когда-то называли себя телеутами, поскольку так или иначе происходят все от тех же многочисленных племен теле. Точно так же делились на белых и черных средневековые угры — предки мадьяр.

И вот это самое деление на белых и черных у телеутов в свое время зафиксировано не было и мимо такого обозначения прошли все те ученые, кто изучал алтайцев и их этнический состав. Такие же деления на два или даже более подразделения встречаются у других групп алтайцев: черные и синие найманы, черные, желтые и лысые иркиты, белые, черные и плешивые кцбцки, кыпчаки — черные, белые, котонские, красноглазые, дяйатские, туматские, сурасские, задние (кödöнчи) и передние (ялчы).

Исследователи, в том числе сам В. В. Радлов, не обратили на это достаточного внимания, хотя Чевалков в своем повествовании, опубликованном в "Образцах", неоднократно упоминает об этом, называя себя не просто телеутом, но белым телеутом, причем звучит оно *"ак-теленгет"*, но никак не телеут.

Этноним телеут в документы томских и кузнецких воевод попал через посредство служилых людей, толмачей, средь которых немало было сибирских татар.

В этой связи необходимо уточнить, что до сего времени происхождение названия "калмык" в точности не установлено. Сами себя ойроты этим именем никогда не называли, и тем более тюрки-алтайцы. Но откуда же оно и почему появилось и упорно прикладывалось к народу — алтайцам, которым это название до общения с русскими самим вовсе не было известно. Все, кто ис-

следовал этот вопрос, единодушны лишь в одном: перешло к русским от тюрков. По всей видимости, так оно и было. Поначалу те тюрки, которые продвигались к югу и западу, принимали ислам и чуждую кочевникам мусульманскую культуру, очевидно, так нарекали своих собратьев и и сородичей, остававшихся (калган) в прежней вере своей — калмак. А поскольку в средние века людей разделяли не язык, не этническая принадлежность, но вера, то само собой разумеется, что это название постепенно перешло на всех иноверцев, находившихся позади тюрков по отношению к исламу, то есть оно прикладывалось к сородичам из тюрко-монгольского круга, которые оставались язычниками. Вспомним легенды о первом мусульманском владетеле из тюрков — Огуз-хане и его войне со своим отцом Кара-ханом и сородичами из-за веры. Не с тех ли времен пошло название "калмак"? Неудивительно, что татары-юштинцы Тояна, а также бежавшие к телеутам кучумовичи могли и называли родственных им по языку и происхождению телеутов не иначе, как калмак. А так как телеуты сами себя называли ак-теленгет (белый теленгет), то их нарекли белыми калмыками. Следовательно, утверждения о том, что телеуты сами себя называли белыми калмыками, нуждаются в серьезном уточнении. "Калмык только при разговоре с русским называет себя колмаком. Но точно так русский, говоря с китайцем, называет себя олос, потому что так зовет его китаец. Откуда произошло название "калмак" считают неизвестным, но во всяком случае русские его заимствовали от туркестанцев, которые познакомились с калмыками раньше нас". Отсюда логично предположить, что телеуты только при встрече с теми, кому они были известны под этим названием, могли себя называть совершенно чужим им именем — калмык. Точно так же все исследователи XIX века, как Радлов, Потанин, Ядринцев в один голос утверждают то же самое о горных алтайцах (тау-телеутах), которые называли себя калмыками лишь в присутствии русских.

Любопытно то, что казахи-изгои, перебравшиеся в Чуйскую степь из Западного Юго-Бурул — Токой Алтая по разрешению русской пограничной администрации в лице теленгитских зайсанов в 1882 году, называли теленгитов и всех остальных алтайцев "калмак" безо всякого обидного или уничижительного подтекста, по обыкновению своему. К этому еще приложилось офи-

циальное наименование царской администрацией алтайцев как калмыков, а казахов как киргизов. И по сей день в разговорном обиходе пожилых алтайцев услышишь нередко как они казахов называют "кыргыз", а те их — "калмак", хотя и неправы, взаимно путая этнонимы своих соседей. Как подтверждал еще А. Самойлович, оставивший о чуйских или алтайских казахах очерк, интересный поныне, хотя прошло с тех пор более полувека, казахам и тогда хорошо было известно настоящее имя теленгитов, который они произносили в стяженной форме как телеут. А соседние тувинцы называют их по-древнеуйгурски — телег, телегтер, с глухим "г".

Мимоходом следует отметить, что с тех пор по сей день ни о казахах, ни о теленгитах Кош-Агачского района не появлялось сколько-нибудь толкового, более или менее полезного этнографического или же лингвистического исследования. Факт достойный глубокого сожаления.

Этноним "телеут-теленгут" в свое время был достаточно хорошо известен в казахской этнической среде — близких сородичей и непосредственных соседей алтайцев и прежде всего прииртышских телеутов. В. В. Радлов по поводу этого названия роняет такую фразу: "Достойно замечания, что казак-киргизы, крепостные султана называются "теленгют".

А. Ф. Голубев, исследователь Тянь-Шаня и Семиречья пишет: "На Асы нас встретил сын Али — старшего султана дулатов, который просил меня заехать к нему. Он тогда стоял у верховий реки Асы со своими теленгутами. Так называются рабы султанов, потомки когда-то уведенных в неволю или перекупленных. Теленгут есть название одного рода калмыков (ойротов). Вероятно, вначале количество рабов из этого рода было так значительно, что после теленгутами стали называть всех рабов без различия наций".

Как видим из этих сообщений, понятие "теленгут" в Казахской Степи не имело этнического смысла в описываемое время, будучи в то же время тождественным сословию мамлюков в средневековом Египте. Как там, так и тут они являлись своеобразной кастой воинов — придворной дружиной, составленной из невольников, не связанных с местным населением узами родства, а потому очень подходивших для чингизидов.

Г. Н. Потанин, писавший по этому поводу позже других, вслед за А. Ф. Голубевым поясняет следующим образом: "Летом 1756 года монгольские отряды, служившие авангардом китайским корпусам, появились на северной стороне Алтая; некоторые отряды так далеко углублялись на север, что не дошли до Бийска только верст пятидесяти... К этим врагам алтайцев вскоре присоединились еще новые — киргизы (казахи). Хан Аблай, принимавший деятельное участие в джунгарских неурядицах, являвшийся сначала в Джунгарии в качестве защитника обиженных князей, а потом в качестве их противника и сторонника китайцев, весной 1757 года явился в Алтай с главными своими шайками. Его воины нападали на аулы, всех мужчин избивали, а женщин и детей уводили в плен. Два года сряду казахи нападали на Алтай и страшно его опустошили; эти набеги доставили в Киргизскую степь множество рабов и рабынь из алтайцев, так что их народное имя "теленгит" обратилось в нарицательное для обозначения рабов, подобно тому, как это некогда было с именем славян — саклаб; крепостные люди казахских султанов, еще недавно существовавшие в степи, назывались по-киргизски тюлюнгутами. Бедность и опустошение в Алтае достигли крайних размеров". Как видим, это название у казахов бытовало в социальном значении для обозначения сословия крепостных — воинов, составлявших дружины султанов-чингизидов, без конкретного этнического приложения по причине забвения за давностью времени.

Пояснение Потанина вслед за Голубевым вполне убедительно, если вспомнить при этом трагические события, разыгравшиеся в Центральной Азии при уничтожении целого государства со всем его населением, как это было при падении Джунгарии.

Однако в свете новых данных толкования исторических взаимоотношений ойротов с казахами нуждаются в более углубленном подходе. Необходимо правильно представлять себе исторический фон, этнические передвижки и личностные коллизии. Неправомерно Аблая-султана или других ханов Казахской степи считать казахами в этническом смысле.

Как ханы у казахов, так и ойротские владетели были чингизидами и потомками монгольских господ, воссевших над тюркским

населением Алтая и Казахстана. Более того, все они состояли меж собой в родстве, да и ссорились или оказывали помощь и поддержку как родственники, а вовсе не как выразители на-циональных чаяний. Разница была лишь в том, кем и как они владели.

Понятно, что казахские чингизиды, особенно тогдашний правитель Среднего жуза, умный и дальновидный Аблай, сам выросший при дворе Ойрот-хана. Пытались использовать ослабление соседнего Ойротского Союза во главе с Домом Чорос в своих собственных интересах, а не казахских в национальном смысле этого слова. В Джунгарию они потянулись, конечно, в расчете легкой наживы именно в момент жестокой междоусобной борьбы, тем более, что такие владетели, как Дебачи, а в особенности Амурсана — родственник Аблая, сами призывали к себе на поддержку султанов Среднего жуза, прославившихся алчностью еще в те времена.

Амурсана обратился, например, к Аблай-султану, с которым он находился в тесных союзнических и родственных отношениях, с тем, чтобы с его помощью сокрушить своего соперника Дебачи, "обещая за то учинить плату чем бы он ни потребовал". Аблай-султан оказал Амурсане просимую помощь (4 тысячи лошадей и верблюдов, 10 тысяч овец и баранов), и Амурсана возместил ему долг дорогими бухарскими коврами и оружием, а также людьми — мужчинами, женщинами и детьми, захваченными в улусах Дебачи. Затем Амурсана предложил правителю Среднего жуза, чтобы тот напал на ставку Дебачи, когда последний выступит против Амурсаны, собравшегося со всеми своими силами против Дебачи на р. Боротала. Аблай не отклонил и этой просьбы.

Значительную часть подданных Дебачи (алтайцы называют его Дебечи или Табачы) составляли коренные прииртышские телеуты — они-то и оказались жертвами набегов Аблая. А тем более в междоусобице двух претендентов алтайские зайсаны взяли сторону Дебачи, хотя Амурсана очень надеялся на их помощь, и казахи нападали на улусы не потому, что они были алтайские, вражеские. А в народной исторической памяти они отложились как нападения казахов — иноплеменной, чуждой силы, враждебной Алтаю.

Но из показаний источников явствует, что правители Среднего жуза уже после поражения Амурсаны в 1754 г. не раз вторгались в пределы Джунгарского ханства, уводя богатую добычу — скот, пленных и ценности.

Следовательно, в жестоком конфликте между претендентами на ойротский престол между Амурсаной и Дебачи немалый урон несли и алтайцы-телеуты, открытые со стороны Иртыша нападениям не только воинов Аблая, но и просто разбойничьих шаек барымтачей, промышлявших особенно активно в это смутное время. Пока ойротские ханы и нойоны ссорились и воевали, волости разорялись, и пленные, угоняемые в вечное рабство в степь, были, в основном, не сами ойроты, а беззащитные телеуты, которые и упоминаются в предании, приводимом М. В. Чевалковым.

Одним из центральных пунктов конфликта между Амурсаной и Дебачи был раздел ойротских владений, причем Амурсана энергично требовал себе Алтай с передачей канских и каракольских, телесских и тау-телеуцких волостей (алтайцев) во владение себе, но Дебачи ответил отказом. Об этом сообщает кузнецкий сын боярский И. Максюков в своем докладе. Большой загадкой, неразрешенной поныне, являются требования Амурсаны владеть Алтаем...

Именно в эту тяжелую для истории Алтая и его народа эпоху могло попасть к казахам имя "теленгут". Однако этим объяснение не исчерпывается полностью. Теленгуты были крепостными султанов вообще всех казахских жузов, в то время, как в джунгарских событиях принимали участие, в основном, правители Среднего жуза. Кроме того, у западных казахов встречается род "тлеу", в котором нетрудно заметить более древний, нежели телеут, этноним "теле". Тут следует еще раз вспомнить важное обстоятельство, а именно то, что султаны, все эти тюре, так называемая "белая кость" у казахов, вели свое происхождение от старшего сына Чингис-хана Джучи, которому отец передал в качестве Удела Кыпчакскую степь. Джучи были приданы в качестве опоры 4 тысячи воинов, якобы коренных монголов. А поскольку в то время под разряд монголов попадали все племена тогдашней Монголии, то эти воины могли быть, вообще-то говоря, урянхайцами или урянхусами, чье народное, этническое самоназвание было именно "теленгут", а не иначе. Название-прозвище "урян-

хай" (урянха или урянхус), как мы знаем, прикладывалось монголами к народам как самой Монголии, так и Саяно-Алтайского нагорья — остаткам многочисленного тюркского населения-теле к тому времени, в основном, ушедших на запад и юг. От тюрков-урянхайцев отличали тюрков-сартаулов и котонов, как монголы именовали мусульманское население Средней Азии и Восточного Туркестана без этнического знаменателя. Но сами теленгуты не употребляли между собой такую кличку "урянхай", да еще с обидным оттенком, а сохраняли во все века свое исконное имя в качестве национального названия, что было установлено выше. Они-то у Джучи и его потомков составили надплеменную военную гвардию теленгутов, которые и держали в мире и спокойствии беспокойных кыпчаков, чья знать, как знаем, частью бежала в Венгрию и Русь, но большей частью уничтожена, а лишь покорившиеся, оттого уцелевшие, составили у них институт биев, подчиненных монгольским *тӧре* — чингизидам, имевшим свою независимую от родов и племен кыпчаков военную силу. Вот к этим "гвардейцам" и присоединены были в середине XVIII века невольники-телеуты — жертвы джунгарских междоусобиц.

Вот тут снова вернемся к сообщению Гр. Спасского, по которому выходит, что тӧӧлӧсы будто бы называли себя "черными калмыками". Так ли это на самом деле, попробуем выяснить. Почему? К настоящему времени во всей специальной литературе, посвященной этому вопросу, повсеместно утвердилось единодушное мнение, что под этим именем подразумеваются джунгары, то есть настоящие ойроты в отличие от псевдокалмыков — тюрков. Конечно, с этим заблуждением не будем спорить, поскольку это не входит в тему нашего исследования. Нам только необходимо выяснить соотношение между телеутами и тӧӧлӧсами. Не выходит ли так, что тццлцсы и есть эти черные телеуты, от которых себя различали телеуты западные?

Между терминами телеут и теленгит (теленгут) есть, конечно, разница, но это разница регионального характера для обозначения разделившихся и обособившихся частей одного и того же народа, а по существу это один и тот же этноним, передаваемый в разные времена и в разных транскрипциях по-разному. Телеуты, как убедились, стали известны русским через сибирских татар. Каза-

хи, хотя и живут смежно с чуйскими теленгитами, произносят их название, тем не менее, как телеўт, без носового "нг". Так, видно, его произносили татары в свое время. Кроме того, московским воеводам легче было выговаривать "телеўт" нежели "теленгут". Название "теленгут", как пояснил еще Аристов, образовалось лишь во времена владычества монголов над алтайскими тюрками. Приставка "ут" или "гут" монгольского множественного числа придана к имени теле именно в то время. Поэтому тюркское произношение (татары, казахи) требовало стяжения путем удаления "нг". Что же касается названия "теленгит", то оно стало известно в русской науке только с середины XIX века, когда установили, что так называют себя чуйские и улаганские жители, которые прослыли во многих источниках под именем тööлöсов. Это и были те самые "черные телеуты", от которых себя различали белые телеуты, поскольку за два столетия раздельного существования по обе стороны Алтая появилось немало нового в быту и культуре, а также в языке как у тех, так и у других. А тööлöсы были у "кара-теленгитов" только половиной целого.

Если русские застали "двоеданцев" — теленгитов, населяющих Чолушман, Улаган, Чуйскую степь настоящими номадами, еще к концу XIX века сохранивших в нетронутом почти виде этнографические и бытовые особенности кочевого населения, как о том единодушно сообщают Е. Луценко и А. Калачев, посетившие их в 90-х годах прошлого века, примерно сто лет назад, то телеуты первыми из племен Алтая значительно обрусели, приняли православие, осели и занимались исключительно земледелием наряду со стойловым животноводством на русский, сибирский образец.

Довольно значительная часть так называемого населения "ясашных" волостей предгорной зоны Алтая к северо-западу от нынешнего Горно-Алтайска — это не кто иные, как обрусевшие телеуты, смешавшиеся с русскими переселенцами.

Все эти сибирские "чудики", описанные В. М. Шукшиным, в той же мере русские, равно как и телеуты-алтайцы. Да и в самом облике знаменитого уроженца с. Суртайки, после перебравшегося в Сростки — Учук разве не угадываются черты одного из абаковичей, телеута Суртая, основавшего это село? Понимаю, найдут-

ся скептики, не поверят, усомнятся, таких хотелось бы отослать к работам Н. М. Ядринцева "Сибирь как колония" (1882) и "Сибирские инородцы" (1891), для того чтобы не было сомнений в основательности данной точки зрения. Разумеется, можно было бы попросить работников Дома-музея в с. Сростки рассказать об отцовской линии писателя. Можно и объяснить, что слово "шукшу" по-алтайски означает место сочленения черепа с шейным позвонком, а в таежной части Алтая была некогда деревушка Шукша. И Бийский район — междуречье Бии и Катуни — образован на месте бывшей Быстрянской инородческой управы, сплошь состоявшей из оседлых, православных телеутов. Разумеется, В. М. Шукшин — настоящий при всем этом русский писатель, наш земляк и брат.

Данное отступление понадобилось нам только для иллюстрации того, как и куда подевались телеуты, обитавшие в предгорных районах Алтайского края.

Проживая вблизи черневой тайги, где обитали издревле абалары, шорцы, кумандинцы, барабинцы, как утверждают, отуреченные некогда, в эпоху средневековья алтайскими тюрками, телеуты вобрали в себя и восприняли немало от них. Нам же думается, что все эти таежные люди Алтая — суть уйгуры, а точнее та их отрасль, которая, поселившись на Иртыше, занялась охотой и постепенно распространилась по всей промысловой зоне Алтая, по всей Аба-йыш — черневой тайге, что доказывается их языком, их эпосом, их верованиями и обычаями.

Соседство с татарами Средней или Западной Сибири привело к изменениям в наречии и лексике телеутов, что подмечалось еще В. В. Радловым. Служба у томских воевод в качестве казаков расколола телеутов меж собой. Вдобавок эти "выезжие телеуты", якшаясь с томскими татарами, приняли ислам, что явно отразилось на их национальности. Отатарившиеся быстро телеуты — по языку и происхождению близкие родственники, — числятся ныне средь татар как носители некоего телеутского диалекта — "калмаки".

То же самое, очевидно, произошло и далеко на западе, куда перекинули тау-телеутов, согласившихся после принятия российского подданства покинуть родные кочевья и отправиться на Вол-

гу, к калмыкам. Эти несчастные переселенцы рассыпались, подобно ячменным зернам среди пшеничных и просяных, затерявшись между калмыками и астраханскими, кундровскими татарами-ногаями. Проклиная себя за неразумие, они назвались *"сарт-аймаками"* — отщепенцами своего этноса. Конечно, не сами по себе, не по доброй воле оказались они на чужбине, исторические коллизии, великая нужда и горе способствовали тому, что их, заковав насильно, отправили кошем под началом майора фон Эндена. Перед отправлением их сосчитали, оказалось всего 3989 человек, которые выступили из Бийской крепости 28 июня 1757 года. По дороге к ним присоединялись алтайцы-ойроты, а также отчасти и "бухарцы", разделившие с ними их тяжкую судьбу.

Сможем ли мы отыскать потомков этих людей средь калмыков и татар Астраханской области? У калмыков имеются люди, которые относятся к таким родоплеменным группам, как теленгит, иркит, меркит, урянхай, которые по всем признакам не могут никак относиться этнически к калмыкам, как бы ни были они начисто ассимилированы. А смогут ли осознать себя вновь не правоверными, но сыновьями Алтая, те, чьи предки оказались двести с лишним лет назад среди кундровских татар? Смогут ли хотя бы вспомнить о том, кто они на самом деле?

Те из телеутов, кто бежал в Прибайкалье вместе с другими группами ойротов во время смут XVII столетия, оказались в составе тункинских бурят и прозываются "долонгутами", слывут людьми усидчивыми и усердными, склонными к серьезным наукам и ремеслам, как сказывали мне о том бурятские друзья, уроженцы тех мест. В названии "долонгут" явственно проступает, как видите, этноним "теленгут-долоньгэ".

То же произошло с теми, кто укочевал вместе с хошоутами и уратами в том же столетии на Кукунор и Цайдам. Там они известны среди южных монголов как род теленггус.

Этногенетические связи народов Алтая и Киргизии достаточно хорошо рассмотрены в работе Абрамзона, куда и отсылаю любознательного читателя. Достаточно будет сказать, что среди киргизов значительна доля родов Мундуз, Дөөлөс (весь Джети-Огузский район Иссык-Кульской области), Сары, Найман, причем у них есть разделы кікі и кара, точно так же, как у алтайцев, Кыпчак.

А среди телеутов и группы алтай-улус встречается род бурут. Бурутами называли тянь-шаньских киргизов ойроты и китайцы, причем производя их от племени, обитавшего в древности на склонах Куньлуня, как сообщает Чокан Валиханов.

Что касается так называемых татар Средней Сибири, то В. В. Радлов* относит их без сомнений к телеутам: "По своему происхождению все эти тюркские племена — близкие родственники Алтайских телеутов, только язык их изменился от влияния тюркских пришельцев из Средней Азии и Восточной Европы". Так, он застал, как сам признается, у барабинцев еще таких стариков, которые помнили, что их отцы совершали жертвоприношения Синему Небу так же, как и телеуты, и одежды имели точно телеутские, то бишь, алтайские.

Северные шорцы — абалары — вне всякого сомнения телеуты, устанавливает Л. П. Потапов.

А как объяснить наличие у телеутов таких родов, как будто бы совсем неалтайских, как сарт, чорос, например. Ну, бурутов мы объяснили, это потомки настоящих киргизов, которые наряду с сартами — уйгурами из Восточного Туркестана или Малой Бухарии, как называли тогда эту страну, — попали на Алтай во времена падения Джунгарии.

Чоросы являлись ханским родом в Ойротском союзе, по всем данным, казалось бы, род ойротский, значит, западномонгольский. Ну, а как быть тогда с родом чурас (что, видимо, всего лишь фонетическое разночтение на ново-уйгурском, карлукском наречии) эпохи Могулов в Восточном Туркестане, эпохи, непосредственно предшествовавшей началу Ойротского государства? По-видимому, следует все-таки поставить между ними знак тождества, также как с телеутами и теленгутами разных периодов.

Но тут же прокрадывается еще одно лукавое прочтение этнонима "чорос". Известно, что теленгито-телеутский в отличие от центрально-алтайского говора предпочитает в начале слов вместо *"ш"* ставить и выговаривать "ч". Примеры: *"чикир"* вместо "шикир" — сахар. *"Чил"* вместо "шил" — стекло. "Чуурым или чуургун" вместо "шуурым или шуургун" — самогонный аппарат для

---

* См. «Образцы», том. IV, а также стр. 149 «Тетради».

выгонки араки. "Чорлонор" вместо "шорлонор" — опростоволоситься, попасть впросак. Причем это характерно как для теленгитов, так и телеутов. *"Чор-тенек"* вместо "шор-тенек" — круглый дурак.

Значит, этноним "шор" должен был звучать как "чор" в речи телеутов средневековья.

Азы были таежным, горным племенем, обитавшим в эпоху тюрко-кыргызских войн начала VIII века в Западных Саянах и Северном Алтае. Как повествуют надписи в честь "Трех великих тюрков" — азы были уничтожены. Но это следует понимать не как истребление племени или народа как такового, а как подчинение, приведение в покорность путем устранения военной угрозы. Этноним "ас" или "аз" встречается в качестве составной в названиях различных и очень далеких друг от друга родов:

чор+ас=чорас (чурас)-чорос;

jытас=jыту+ас; но возможно и другое прочтение:

дьети+ас=дитас, семь азов, что означает семиколенный некогда род.

байлагас=байалык+ас, что означать могло — коренастый аз, низкорослый;

байлагас=байлык+ас, что означает именитый или богатый аз.

төөлөс=төөлу+ас, что означает аз, имеющий верблюдов. Очень даже может быть, если вспомнить, что в дразнилке тццлцсов намекается на тяжбу и драку из-за верблюда, а также то обстоятельство, как они пришли на Алтай вместе с Чеби-ханом из степной Монголии.

И даже применительно к самому роду "чорос", памятуя, что ойроты некогда, на заре своей истории, упоминались в качестве "лесных народов" вместе с племенами несомненно тюркского и даже гуннского происхождения, надо будет очень тщательно изучить генезис этнонима "аз" на Алтае и вокруг него. Не являлись ли именно азы аборигенами, во всяком случае, одними из древнейших племен Алтая? Ведь локализуются они именно в этом регионе.

И подумать еще и над тем, что в названии странных существ, похожих на людей, но людоедов и оборотней — алмасов (алмысов) — также слышится в конце этноним "ас/аз". Сказаниями об алмасах полны Алтай, Тува и Западная Монголия. Появление

рода алмат связывается с тем, что парень-тööлöс прижил сына от алмаски, когда, сломав ногу на охоте, остался в горах, где к нему и пришла алмаска.

А коли так, то род чорос может оказаться самым что ни на есть коренным, алтайским, а не монгольским родом, пусть даже он и был ханским в Зенгорском владетельном Доме.

У телеутов основными родами были Мундус, Тодош, Кыпчак, Тööлöс, причем, видимо, род мундус был одним из главных двух родов, наряду с тодош.

В век, когда жил М. В. Чевалков, телеуты уже были далеко не теми, какими они были в XVIII и тем более XVII столетии, когда они доминировали по всей Юго-Западной Сибири. В те века они еще сохраняли относительную самостоятельность, находясь в вассальной зависимости от Джунгарского ханства, причем очень часто эта зависимость была чисто номинальной, обязывающей только признавать верховный сюзеренитет Ойрот-хана в общем Союзе.

Но, не таково было, по всей вероятности, положение другого раздела телеутов, а именно тех, кто жил в горах Юго-Западного Алтая и верховьях Иртыша среди самих ойротов. Их ойроты называли "урянхайцами долонгутского рода", то есть теленгитского происхождения тюрками в отличие от монголизированных ойротов. Они составляли в Джунгарии особый оток — урянхайский и был еще один оток — теленгутский. Вот они и стали известны после падения Джунгарии как этнотерриториальные единицы — алтай улус и чуй-улус.

"Урянхайский оток долонгутского рода", то есть основная масса нынешних алтайцев, войдя в состав России в 1755–1758 годах, постепенно стала консолидироваться в пределах Центрального и Западного Алтая, где и стала понемногу осознавать себя новой общностью. Поначалу само названье "алтай кижи" всего лишь указывало, что малый принадлежит к той группе населения, которое прежде жило на Южном Алтае, в верховьях Иртыша, можно сказать, в самом сердце Джунгарии в отличие от местных, северных или восточных родов телеутов и других лесных племен, составлявших периферию Ойротии. Эта складывающаяся общность включала в себя не только основное ядро в виде телеутс-

ких родов, как тодош, кыпчак, мундус, төөлөс, найман, но и ряд других, которые в период смут и распрей "прилипли" к ним, пристали по пути — это роды западных урянхайцев и осколки других ойротов, такие, как чагандык, дөрбөт, мунгат, богускан, байлагас, могол, иркит, танды, сойон, коболы и т.д. Тут же оказались на территории Канских, коренных волостей центральных телеутов роды енисейско-кыргызского происхождения, которые, по всей вероятности, также утекали на прежнюю родину, но застряли, поскольку уже не помнили путей назад, в Минусинскую долину, откуда их перевели ойроты в начале 18-го века. Это роды — ара, модор, өлүк, чалман, јети-сары, каал, саал (керсагал) и другие. По всей видимости, енисейско-кыргызским, если не сказать, кучумовским, аристократическим родом являлись ак-көбөки.

Таким образом, вновь составившийся Алтайский улус, сохранив прежнюю телеутскую основу, вобрал в себя и другие, более мелкие роды, осколки — тувинские, ойротские и кыргызские по происхождению, а потому и не мог называться прежним этническим именем. Новое сочетание родилось и постепенно стало доминировать над старыми образованиями.

Современный алтайский народ, консолидировавшийся в единый этнос в пределах Горно-Алтайской автономной области [ныне Республика Алтай] на 90 процентов состоит из телеутских, алтайских и теленгитских компонентов.

Прежние телеуты рассеялись, но в горах Алтая — отечестве их — собрался, народился новый этнос — алтайский.

Круг замкнулся. Началась новая фаза этногенеза.

Москва, Очаково,
май–июнь, 1980 г.

К УРОКАМ ЕВРАЗИЙСКОГО*

Великий труд требует к себе и великого внимания.

"Сокровенное сказание" — это, поистине, откровение духа, высочайшее творческое проявление гения, гения вдвойне, не только степного, монгольского, но прежде всего державного, евразийского. Именно так следует понимать и трактовать это бессмертное произведение с высоты времени нам, наследникам духовных культур народов Евразии.

И оттого нам станет понятнее, почему автор пожелал остаться в веках Анонимом — безвестным и безымянным в памяти всех последующих поколений. И тщетно бились и бьются лучшие умы как в прошлом, так и в настоящем, как на Востоке, так и на Западе, равно и у нас в России, пытаясь разгадать имя автора документально-художественной хроники 1240 года, непременного свидетеля рождения и утверждения величайшей Мировой Державы, какой не было ни до, ни после за истекшие семь с половиной столетий.

Академик Б. Я. Владимирцов (1884–1931) — непревзойденный в своем роде авторитет в отечественном монголоведении, и не только. Его сжатый, но емкий очерк "Чингис-хан" вышел в свет в издательстве З. И. Гржебина в Берлине — Петербурге — Москве в 1922 году, ровно 70 лет тому назад — и с тех пор не переиздавался за весь советский период. Вот почему, и прежде всего в связи с 750-летием "Сокровенного сказания", мы решили предпринять переиздание этого столь редкостного очерка, давно ставшего библиографической редкостью. А между тем, заметим для справедливости, полная мистификаций и художественного вымысла трилогия писателя В. В. Яна издавалась и переиздавалась миллионными тиражами почти на всех языках народов СССР, создав тем самым у нескольких поколений нашей страны абсолютно превратные представления о монголах и монгольской эпохе. Поскольку читатль уже одолел сам очерк и рецензию к нему В. В. Бертольда, то отмечу лишь одно; этот действительно научный по сути труд, вместе с тем,

* Послесловие к очерку академика Б. Я. Владимирцова «Чингис-Хан», Горно-Алтайск, «Ак-чечек», 1992 г. стр. 117—130.

чрезвычайно доступен для восприятия даже тем, кто почти или вовсе не имел до того представления об этом трагическом периоде в жизни Евразии, когда сокрушались и падали царства, а на их месте зарождалось невиданное в истории государство.

Конечно, достоинство очерка "Чингис-хан" не только в легком, изящном изложении многослойного громаднейшего материала. Да, как много все-таки значит для историка если не художественный талант, то во всяком случае, хороший, непринужденный слог! Б. Я. Владимирцова от всех его предшественников, равно как и последующих преемников, отличало, безусловно, основательное знание живого языка и быта монголов, их различных наречий, поскольку он длительное время жил и работал в самой Монголии. Разумеется, я оговорюсь особо, что не вправе подвергать критике достоинства и недостатки этого классического труда, спорить с постулатами автора, которого давно уже нет, хотя одно принципиальнейшее возражение все ношу в себе с тех давних пор, как довелось мне соприкоснуться с настоящим очерком.

Нет, не был Он ни предводителем, ни вождем степной аристократии. Наоборот, именно в беспрерывной, непримиримой борьбе с ними, жестокими и алчными "худыми ханами", спесивой знатью, глухой и равнодушной к людским страданиям и горестям, сирота Темучин, этот бедный охотник на сурков и сусликов, преображался, крепчал, закаляясь и духом, и телом, пока, наконец, не стал тем самым грозным Чингис-ханом, объединителем Евразии, создателем Ясы — Великого Закона.

*"Чингис-хан оставил потомству память о себе как о великом полководце и завоевателе, с одной стороны, и как замечательном организаторе монгольской империи, как о громадном государственном уме, с другой стороны".**

Конечно, Чингис-хану пришлось самому заложить основу своей будущей власти, не получив никакого наследства от отца. Поэтому он начал свою подлинную карьеру в значительно более зрелом возрасте, чем все другие завоеватели; до пятидесяти лет его имя, пожалуй, никому не было известно за пределами Монголии.**

---

* Н.Н. Поппе. Халха-монгольский героический эпос. М-Л. 1937 г. стр. 6.

** В. В. Бартольд. Сочинения, том V, М. 1968 г., стр. 616.

Большую часть своей жизни он провел в боях за созидание Монголии, в трудах за объединение своего Отечества, за утверждение в Степи государственного порядка и покоя. Сам он так характеризует в "Изречениях — Биликах" состояние общества, которое он застал при своем детстве: *"Дети их не слушали правоучительных мыслей отцов; младшие братья не обращали внимания на слова старших; муж не имел доверия к жене, а жена не следовала повелению мужа... По той причине были оппозиционеры, воры, лжецы, возмутители и разбойники. Таким людям в собственном их жилище не являлось солнце, т.е. они грабили, лошади и табуны их не имели покоя; лошади, на которых ездили в авангарде, не имели отдыха, пока неизбежно те лошади умирали, издыхали, сгнивали и уничтожались. Таково было это племя без порядка, без смысла".* *

Рашид-ад-Дин, пожалуй, в еще более темных красках рисует некоторые монгольские племена, которые, по его словам, *"непрерывно занимались убийством, грабежом и хищением друг у друга".* ** А в другом месте не менее точно подмечается, почему Чингис-хан, вступив на престол, т.е. победив врагов и будучи поднят ханом на белом войлоке, ввел повсеместно строгий порядок и указал каждому свое место, поскольку перед этим младшие не слушали старших, подчиненные не уважали начальников, а начальники же не исполняли своих обязанностей относительно подчиненных.

А в "Сокровенном сказании" приводятся слова одного сподвижника Чингиса о былых, мрачных временах, обращенные в качестве наставления к ханским сыновьям: *"Когда вы еще не родились, вселенная наполнена была смутами; люди бились и грабили друг друга, и никому нельзя было жить спокойно".*

Злодеяния приняли такой обширный характер, и людям стало так невмоготу, что Небеса не стерпели, — утверждается в другой монгольской летописи XVII века "Алтан Топчи", которая опирается несомненно на более ранние, достоверные источники, — и ниспослали на землю перерожденца самого Хормуста-тенгри (Курбустан-тенгри): *"...в те же времена в восточной стороне вселенной Джамбутиб, на этой земле родились двенадцать пло-*

* Рашид-ад-дин. Изд. Березина, III, 120.

** Рашид-ад-дин. Изд. Березина, I, 52.

*хих ханов, которые заставили все живые существа испытать великий голод. Об этих страданиях узнал великий Шике-муни-бурхан, и тогда появился в монгольской земле у Йисугэй-багатура и Огелен-уджин перерождение Хормусты-тенгри, который и должен ведать всем Джамбутибом — обладающий величием августейший монгольский Чингис-хаган, подчинивший своей власти пять великих народов…"**

Как видим, и с этой точки зрения объединение Степи и установление великого евразийского государства было исторической необходимостью, предопределенной самим ходом вещей, иначе говоря, Божьим провидением. Вот почему бедный и гонимый юноша "с огнем в глазах и светом на лице", рожденный в урочище Делигун-Болдох, в восьми километрах севернее современной российско-монгольской границы, в нынешнем Забайкалье, должен был претворить в жизнь мудрый государственный принцип степных народов, воплощенный в изречении найманского хана: *"На небе не может быть двух солнц, а народ не может иметь двух государей"*. И после того, как в пользу монголов, а точнее чингисидов окончательно был решен вопрос, под чьим руководством объединится Степь: найманов или монголов, в 1206 году на берегу того же Онона собрались все войска на великое собрание — курултай, чтобы доверить все функции управления определенному лицу, именуемому *кааном*. Его поднимали на войлоке над головами окружавшей его толпы сподвижников в соответствии с древними кочевыми обычаями, а та криками выражала свое согласие повиноваться ему. Курултай подтвердил титул Чингис-хана — Повелитель Вселенной. А за вновь сформированным народом-войском закреплено было официальное единое имя "монгол", поскольку монголами были сторонники и сподвижники Чингис-хана, составившие военно-политическое ядро молодого государства.

Но что собой представляла новая военная элита, возникшая из степной вольницы, иначе говоря, из "людей длинной воли"? Элита, "которую нельзя назвать ни аристократией, ни олигархией, ни демократией, ибо это была как бы орда древнетюркского каганата, но разросшаяся на всю Великую Степь и поглотившая племена. Орда — это народ-войско. Считать командиров войсковых со-

* Алтан Топчи, М., 1973 г., стр. 245.

единений за аристократов неправильно по одному тому, что должности они получают за выслугу, а за проступки могут быть разжалованы. Древность рода у всех монголов была одинакова — от Алан-гоа.

Демократией эту систему тоже не назовешь, так как массы связаны железной воинской дисциплиной. И какая же это олигархия, если высшая власть принадлежит хану? Но если это монархия, то весьма сомнительная, потому что хан — всего лишь пожизненный президент, выбираемый всем войском, с настроением которого он должен считаться. Нельзя назвать эту систему и тиранией, потому что судебная власть — Яса была отделена от исполнительной, ханской. По принятому порядку хан имел право требовать соблюдения закона, но не нарушения его".*

И каким виделся для самого Чингис-хана идеал повелителя такого государства, так же хорошо известно по целому ряду изданий, например, в "Поучении Чингис-хана его младшим братьям и сыновьям" из цикла героико-эпических произведений о нем. Как повелитель огромной империи, он был примером идеального сочетания замечательного полководца и выдающегося правителя, он превыше всего ценил и ставил благоденствие страны. Вот как выразил Чингис-хан своим сыновьям и младшим братьям понимание им своего счастья: *"Если дела государственного управления находятся в порядке, если владыка государства мудр и искусен, если начальствующие братья его обладают совершенствами, если давшие ему жизнь отец и мать живы и невредимы, если у него имеются чиновники, знающие дела государственного управления, если он располагает войском, способным подавить не унижающегося врага, если его жены, дети и потомство будут здравствовать до скончания веков, если ему будет покровительствовать могучий Дух Вселенной — то в этом и будет заключаться его несравненное великое блаженство".***

Итак, усердный и пытливый читатель, ты, вижу, имел и терпение, и упорство, а главное, выдержку, чтоб одолеть сей великий перевал, потребовавший от тебя как полета мысли, так и высоты духа. И отныне ты уже имеешь, полагаю, более четкое представ-

* Л. Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства. М. 1970 г. стр. 172—174.

** В. Котвич. Из поучений Чингиз-хана. Восток, кн. 3. Москва-Петербург, 1923.

ление о той далекой эпохе, и ты сам мог видеть как разворачивались события, описанные в этой книге, а оттого и мы вместе уже ближе к истине, хотя бы на полет стрелы, хотя бы на расстояние в день пути.

И как бы далеко ты не жил от нашего Алтая, мы приветствуем тебя, радуясь твоим находкам и радуясь обретению тебя как друга!

Как известно, 750-летие "Сокровенного сказания монголов" по решению ЮНЕСКО отмечалось научной и культурной общественностью в 1990 году.

Конечно, мы предполагали приурочить к этому событию выпуск более солидного издания, составив том, поистине достойный эпохи, хотели к самому очерку приложить еще и само бессмертное творение на русском и алтайском языках, а также записки Юлиана, Плано Карпини, Гильома Рубрука, Марко Поло, сведения китайских, мусульманских, русских, армянских авторов, расположив их в хронологическом порядке. И впрямь, кого не заинтересуют свидетельства очевидцев. Однако трудности, возникшие в книгоиздательском деле в связи с развалом и наступившим хаосом в экономике и финансах, не позволили своевременно воплотить наш замысел.

А это сведения и суждения, пусть не всегда глубоко осмысленные, но, тем не менее, искренние, о жизни, нравах и обычаях, культуре и хозяйстве народов, населявших и тогда необъятные просторы нашего континента. Особенно ныне, когда и мы все сами — не только свидетели, но и невольные участники нового грандиозного и трагического процесса, начавшегося на просторах Евразии, правда, на этот раз, с другим — центробежным знаком. И что есть вечного в этом бренном мире — ведь право только время, этот неумолимый Хронос.

И все же…

Россия преобразится только тогда, когда осознает, что ее солнце восходит на востоке, а не наоборот, и доказательством тому не только твердыни Сибири, но и вся поступательная история Евразии, весь поучительный опыт мировых государств, существовавших на месте нынешней России. Что с ними было и что с ними сталось? Не только подъем и возрождение, но их упадок и закат сегодня должны быть для мыслящего российского ума предметом первоочередной важности. Как сумеем перебороть эту внутреннюю

хворь, занесенную в организм страны очень и очень давно, задолго до 1917 года? Точный диагноз — это полдела, необходимо еще правильное лечение, иначе закат неминуем, гибель неотвратима, и тогда "четвертому Риму" точно не бывать.

Только это никоим образом не будет означать конца нашей евразийской истории. Неизбежным образом возникнут новые центры притяжения высвободившихся евразийских векторов, а такие были, и не раз, в нашей истории — в Семиречье или Алтае, на Нижней Волге или Среднем Днепре. Еще будущая Сибирь не сказала слово мирового значения. Кто знал, что когда-нибудь индейские прерии заговорят с миром сверхдержавным языком? А прошло всего двести лет с тех пор, как в Новом Свете возникла новая держава, та, которой еще и при Петре Первом не было. С точки зрения историка — позавчера. А вы говорите о завершении мировой истории...

И еще к урокам евразийского.

Держава, основанная Чингис-ханом и его сподвижниками, объединила воедино не только люто враждовавшие меж собой племена Монголии, но и соединила в единый государственный организм такие ныне существующие государства, как Монголия, Китай, Корея, Вьетнам, Россия, Казахстан, Туркестан (Средняя Азия), Афганистан, Пакистан, Иран, Азербайджан, Армения, Грузия, Ирак, Сирия, Турция, Сербия, Болгария, Молдавия, Украина и т.д. И даже когда она, полтора века спустя, разделилась на пять, но все еще огромных частей во главе с монгольскими династиями, то общая жизнь продолжалась и поддерживалась так или иначе довольно длительное время.

Если это срок малый, то подсчитайте на пальцах и скажите, сколько же лет всего (!) просуществовала военная империя Наполеона? А эфемерное государство, основанное Александром Македонским, рассыпалось тотчас после его смерти, хотя это и была первая попытка объединить тогдашнюю ойкумену под македонско-греческой эгидой. И когда мы говорим о том, что ни прежде, ни позже монголов никому не удалось свести под одну большую крышу — Восток и Запад, Север и Юг, где, кстати, всем находились и пища, и кров, — то следует помнить, что Западная Европа XIII–XIV веков еще вовсе не была тем, что мы привыкли впоследствии понимать под просвещенным европейско-западно-христианским миром.

В ту пору Китай и Персия, Хорезм и Уйгурия, страны Ближнего Востока намного превосходили по уровню и материальной, и духовной культуры синхронные им европейские королевства и прочие деспотии. И если подобное единение мира называть плохим либо недолговечным, то что тогда благо? Где другой пример? СССР? Но это лишь одна шестая часть суши, и его уже как бы нет, этого геополитического наследника евразийских государств.

На вопрос, каким же образом достигнуто было подобное единение и какой ценой, ответ Б. Я. Владимирцова совершенно ясен, хотя за словами зачастую следует улавливать и особенный, я бы сказал, духовный подтекст эпохи, ее сокровенный смысл. Разумеется, в истории всегда имело место принуждение, основанное на силе. Но только ли на военной силе? А если допустим, что империя держалась лишь на мощи монгольской армии да еще столь длительное время, то как же подобное удавалось им, столь малочисленным, как и ныне, монголам перед лицом всего мира? Неужели тогдашние народы других стран были столь трусливы и беспомощны, чтоб не справиться со 130-тысячным войском, к тому же раскиданным на огромных пространствах? Военные силы только одного Хорезма превосходили всех монголов самое малое в десять раз, не говоря о Китае, Руси или войсках европейской коалиции, разбитых под Легницем.

Кроме того, у Чингиса поначалу еще не имелось ровным счетом никаких грандиозных завоевательских намерений, во всяком случае, на то не имеется убедительных доказательств. Из того, что нам известно по всем источникам, планы сведения мира под одну крышу для установления в нем единого благодетельного порядка, как он понимал, появились у Чингис-хана только после покорения Хорезмийского шахства и возвращения его из индийского, скажем, похода. Как война с Цзиньской династией чжурчженей в Северном Китае и с государством тангутов Си-Ся в Центральной Азии, так и схватка с Хорезм-шахом осознавались самим августейшим Владыкой не столько отмщением или завоеванием, а скорее восстановлением попранной справедливости.

Планы покорения полуночных стран до Последнего моря (поход на Запад) параллельно с завершением войны с Южным Сун, воспринимавшейся как окончательное объединение Китая в одном государственном теле, а затем и "желтый крестовый поход" с це-

лью искоренения власти багдадского халифа, погрязшего в грехах роскоши и разврата, принимались его преемниками на курултаях уже после того, как сам Чингис-хан покинул бренный мир, а уж третье-четвертое поколения чингисидов довольно сильно оторвались от заветов Ясы и во все уши внимали проповедям и наставлениям вероучителей различных толков. А потому, как бы ни была замечательно организована монгольская армия, безусловно лучшая во всех отношениях в тогдашнем мире, но Слово все-таки победило в конечном счете и ее.

Поэтому, принимая феномен Чингис-хана таким, как трактует его Б. Я. Владимирцов, необходимо все-таки иметь в виду фактор, оставленный им за скобками, тот фактор, который историки его школы не могли брать в расчет. Так возможно ли тут обойтись без Гегеля, точнее, без его постулата о саморазвитии мирового Вселенского Духа?

Основное пространство земель Евразии занимают ныне Россия и другие государства на месте СССР. *"Тот вывод, что земли ее не распадаются между материками, но составляют скорее некий третий и самостоятельный материк, имеет не только географическое значение. Поскольку мы приписываем понятиям "Европа" и "Азия" также определенное культурно-историческое содержание, мыслим как нечто конкретное круг "европейских" и "азиатско-азийских" культур, обозначение Евразии приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики"*, — отмечает географ, экономист, публицист, мыслитель, один из основоположников евразийского движения П. Н. Савицкий и продолжает далее: *"Пример монголо-татарской государственности (Чингис-хана и его преемников), сумевшей овладеть и управляться на определенный исторический срок огромной частью Старого Света, несомненно сыграл большую и положительную роль в создании великой государственности русской. Широко влиял на Россию и бытовой уклад степного Востока. Это влияние было в особенности сильно с XIII по XV век".**

Мы действительно являемся целостным государственно-политическим и культурно-историческим континентом, своеобразным евразийским Космосом. Мы — не Европа и мы — не Азия. Мы — и то, и другое воедино. Мы — Евразия. Именно на этом, думается,

* П. Савицкий. Евразийство, журнал «Наш современник», 1992 г. № 2, стр. 146.

историческом знаменателе нам следует строить свое миропонимание как по отношению к европейскому Западу, так и к азиатскому Востоку. Только таким образом мы сумеем правильно представить себе всю динамику евразийского исторического процесса в пространственно-временном измерении накануне третьего тысячелетия. Иное понимание, иная трактовка могут означать всего лишь вариации "взгляда из мышиной норы".

Как много сделано и создано, найдено и добыто подвижниками от науки — историками и археологами, этнологами и культурологами, мыслителями и писателями на этой благодатной ниве! А ведь речь не только о тех, кто отмечен печатью высшей гениальности, таких, как Тютчев, Гоголь, Достоевский, Толстой, Константин Леонтьев, Василий Розанов. Если первых четырех мы еще воспринимаем как великих писателей, то что мы знаем о Леонтьеве и Розанове, которых мыслящая Россия еще только начинает открывать для себя понемногу?

Речь идет о целых поколениях востоковедов различных направлений и специальностей.

Взять хотя бы Б. Я. Владимирцова. Что знает о нем и его трудах широкая общественность, не говоря о других исследователях калибром поменьше? Ничего или почти ничего. Не только в советское время, но и чуточку раньше, их как будто не видели в упор, не слышали, так мало выделяли для их нужд материальных средств и даже бумаги, оттого столь малыми тиражами выходили их труды, тут же становясь библиографической редкостью либо, в лучшем случае, только достоянием узкого круга специалистов. И не потому ли отчасти мы оказались у разбитого корыта нашей вековой, тысячелетней государственности, а народ, люди, везде и всюду переживают одну грандиозную катастрофу крушения Родины, Отечества, Державы, которая выливается по-отдельности в миллионы и миллионы личных трагедий, изломы судеб и поколений! И как много различной макулатуры издавалось да еще издается по сей день.

И все же истина наша заключается в том, что, по крайней мере с эпохи бронзы, на этой громадной территории Евразии существовали всегда сообщества народов и племен. А значит, будут они возникать и впредь в том или ином сочетании. Ведь ученые поражаются, ведя раскопки на берегах Кубани и Дуная, Иртыша и

Днепра, Енисея и Волги, не говоря уже о ближнем к нам круге земель — Монголии, Казахстане, Хакасии, Сибири, когда из груды глины и щебня, в буквальном смысле из глубин веков, извлекают останки древних: поразительное единообразие предметов материальной культуры, сходность или даже тождество погребально-похоронных обрядов, конечно же, предполагают и общность духовного мира этих народов.

Значит, даже в те очень отдаленные от нас времена, когда мы, естественно, подразделялись на локальные сообщества или союзы типа сибирско-скифского или сарматского, славянского или гуннского, тюркского или монгольского, все-таки постоянно возникали и образовывались различные общности орд и племен. И с этой глобальной точки зрения так ли важно, где находились основные центры подобных сообществ — на берегах Иссык-Куля или Прикубанья, на Новгородской земле или в Поволжье, в сердце Великой Степи или посреди Восточно-Европейской равнины.

Суть в том, что нам и поныне некуда уйти друг от друга, не сможем мы укочевать врозь, в разные стороны, мы обречены на всемирно-историческое соседство, панъ евразийский симбиоз в тех или иных сочетаниях — на тюркско-славянско-угро-монгольский, кавказско-хазарский или ирано-туранский. Мы имели всегда свою историю, не менее напряженную и полнокровную, чем история, скажем, Европы или Ближнего Востока.

В ходе своего развития мы создавали оригинальный тип общества и культуры, которые отнюдь не являются ни застойными, ни примитивными. Как отмечал прославленный археолог С. И. Руденко, каждый кочевой народ имел свое неповторимое лицо, свои индивидуальные черты, что убедительно доказано многими поколениями наших и зарубежных ученых, теми, которые не смотрели на нас алчными и хищными глазами грабителей, самоуверенных, а на деле тупых и никчемных крестоносцев-латинян, которые, скажем, истребляли и душили своих же единоверцев — христиан Византии и Сирии — не менее безжалостно и методично, нежели чужих "сарацин" — мусульман Палестины.

Каждая великая эпоха в жизни народов Евразии по-своему оригинальна и неповторима, хотя элементы общего имелись всегда. Это только издалека, как сквозь степное зыбкое марево, можно предположить, что государства кочевых или оседлых народов Ев-

разии невесть откуда возникали и также внезапно исчезали. На самом деле мы видим определенную цикличность во всех движениях народов с востока на запад и с запада на восток. Допустим, у папских легатов были свои предрассудки, свои религиозные предубеждения. Ну, а как тогда быть с ложными представлениями классиков марксизма-ленинизма о реальном кочевом Востоке, о всей евразийской, российской истории, как "патриархальщине, полудикости или самой настоящей дикости"? Что касается России, ее истории тоже ничего утешительного и светлого для себя они не находили — сплошной "царизм" и одна большая "тюрьма народов".

Только вот если подойти к предмету изысканий чуть более объективно и бесстрастно, как и подобает поступать настоящему историку, а не политикану, то нельзя не увидеть неоспоримый факт — евроазиатские государства, причем не только мирового порядка, существовали ничуть не меньше, а гораздо дольше, нежели исторический Советский Союз, переживая циклы от ста до трехсот и более лет, а если и рушились в конце концов, то давали, во всяком случае, боковые, удельные ветви, от которых со временем, отпочковываясь, возникали новые государства и существовали как раз подольше превозносимых в веках государств — империй, основанных Александром Македонским, Карлом или Фридрихом Великими. И даже разрушались и падали для того только, кажется, чтобы, посвежев, обновившись, дать — через некоторый период анабиоза — начало другой династии.

А потому речь может и должна идти об исторической преемственности государственных образований на просторах Великой Евразии под тем или иным смещением к югу или северу от основной магистрали движения народов. Настойчивое утверждение этих, казалось бы, давно очевидных постулатов сегодня необходимо более чем когда-либо, когда нас хотят вновь обречь на очередной виток комплекса неполноценности, на этот раз не только перед Западом, но в равной степени и перед Дальним Востоком.

Пора, давно пора перестать лицезреть самих себя чужими глазами. История Степи и России, Туркестана и Сибири, Алтая и Монголии заслуживает подлинного уважения. Так называемый культурно-исторический "европоцентризм" — это не столько точ-

ка зрения, основанная на определенных, пусть ложных, научно-философских предпосылках, но, скорее всего, это невежественное неприятие непохожих людей, непонятных ценностей других культур и религий. Передовые мыслители на Западе давно уже отвергли подобный подход. Следует и нам избавляться от бремени отсталых суждений. Вселяет оптимизм то, что в национальной русской среде, в части ее мыслящих слоев, наконец-то, на широком концептуальном уровне растет понимание своей более чем двухтысячелетней исторической взаимосвязанности с окружающими или соседствующими народами Евразии.

Очень долгое время русские люди собственную историю постигали в усеченном, подобно "Краткому курсу ВКП(б)", виде, представляя ее себе некоим вековечным противостоянием степной Азии. А коль так, то никоим образом невозможно было правильно объяснить себе исторические миссии Ивана Калиты и Александра Невского, родство князей Киевской Руси с половцами, московитов — с татарами. Решительно ничего нельзя было понять, почему это всего два года спустя после Куликовской битвы, где Дмитрий Донской разбил войско супостата Мамая, Золотой Ордой был подтвержден ему ярлык на великое княжение. Трудно было объяснить обширные торгово-экономические связи новгородских людей с угро-финнами и сибиряками.

Оставалось только замалчивать наше несомненно общее скифо-сарматское, тюрко-хазарское прошлое. Деликатно обходить стороной соединенные гунно-славянские походы вплоть до Каталаунских полей в сердце нынешней Франции. И не могли внятно втолковать детям, что Аттила, скажем, был не более варвар, чем тупые солдатские императоры Рима, а как монарх и государь, как стратег, на голову превосходил их всех вместе взятых, и что народы, жившие за Дунаем к востоку от римских границ, в морально-нравственном отношении вели гораздо более благостный образ жизни, нежели погрязшие в пороках римляне; давно утратившие древнюю доблесть и честь.

"Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более, чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа считает азиатами, преследует нас уже чуть не два века… Этот ошибочный стыд

наш, этот ошибочный взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали быть), — этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века…"

Это — Достоевский.

25 апреля–5 мая 1992 г.
Горно-Алтайск.

АЛТАЙ И МОНГОЛИЯ*

История взаимоотношений Алтая и Монголии уходит в глубину столетий, то сплетаясь, то расходясь, подобно корням арчина-горного можжевельника либо тугим жгутам волосяного аркана, когда на необъятных просторах гор и степей Центральной Азии — этой золотой колыбели народов алтайской семьи в течение более чем двух тысячелетий сменялись племенные союзы, этнические сообщества, ханства и империи, династии и государства.

И вот, спустя два с половиной века ныне возникла новая возможность установления непосредственных, прямых связей на фоне грандиозных политических и экономических преобразований, которыми охвачены наши страны.

Как известно, Алтайская горная страна, составляющая сердцевину евразийского континента, в настоящее время относится к территориям четырех суверенных государств — России, Монголии, Китая и Казахстана. Центральную часть ее, а именно так называемый Горный Алтай, занимает наша республика Алтай, которая отмечает 3-го июля текущего года вторую годовщину своего официального образования. Рождение новой республики стало возможным вследствие бурных общественно-политических изменений, происходивших в Советском Союзе за истекшие восемь лет. Полноправный республиканский статус субъекта Российской Федерации

* * Текст выступления председателя правительства Республики Алтай В. И. Петрова на правительственных переговорах в Улан-Баторе.

мы обрели с опозданием в семьдесят лет наряду с тремя другими бывшими автономными областями вследствие подписания 31 марта 1992 года Федеративного Договора в Москве, Кремле.

В период нахождения в составе могучей мировой державы СССР, а до того внутри Российской империи, мирному народу Алтая, перенесшему в середине XVIII века опустошительные войны между маньчжурами и ойротами, не приходилось утруждать себя заботами-раздумьями о своих внешних границах и геополитических реалиях. *Алтай улус* — этот добросердечный народ, находя общий язык со всеми соседями, старался всегда жить с ними в добром ладу и согласии.

Образование республики наряду с исчезновением с политической карты мира СССР и появлением новой России ставит перед нами необычную задачу осознания своего мироположения, своего места в России, Сибири и Центральной Азии. За истекшее время нашим правительством заключены соглашения с Алтайским краем, Кемеровской областью, Восточно-Казахстанской областью. На очереди в ближайшее время подписание в рамках "Сибирского Соглашения" трехстороннего Протокола о сотрудничестве между тремя соседними республиками Южной Сибири — Алтаем, Тувой, Хакасией. Существует объективная необходимость установления приграничных внешнеэкономических связей с соседним Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР.

Таковы вкратце непосредственные приоритеты межрегиональных и международных связей нашей молодой республики.

Несомненна наша принадлежность к Сибири, равно как и к миру Центральной Азии, поскольку по Алтаю проходит водораздел бассейнов Северного Ледовитого океана и бессточной Внутренней Азии. Безусловно Алтай не разделяет, но, напротив, стыкует, соединяет собою в своей истории, культуре, традициях и религии две половины Великой Степи, говорящие на тюркских и монгольских языках, исповедующие буддийскую и мусульманскую религии. И, конечно же, алтайский язык, как язык корневой и древний, сочетает в себе лексически-грамматические элементы и тюркской, и монгольской этноязыковых групп.

Алтай находится посреди трех великих религиозно-культурных систем — буддизма, христианства и мусульманства. "Хан-Алтай",

"Седой Алтай", "Золотой Алтай, "Голубой Алтай" — неисчислимы эпитеты и названия нашей величественной Родины, столь же священной и для вас, монголов, подобно Хангаю и Хэнтию. Алтай — это нерушимый Дом для всех народностей и этнических групп Великой Монголии, прославляемый в песнях и сказаниях, магтаалах и благопожеланиях от седой древности до наших дней на всех языках. *"Алтай — это жемчужина не только Сибири, но и всей Азии"* — подмечал пророк и бакши, художник и мыслитель, соединитель и собиратель духовных сокровищ народов Евразии Николай Рерих, чья работа "Зеленый конь Шамбалы" украшает государственный музей Монголии в вашей столице Улан-Баторе. На Алтае, как ведают, принял посвящение от Небес и сам великий Учитель — Бурхан-Бакши, Будда Шакьямуни.

И в "Гэсэриаде" — этом бессмертном эпическом творении монгольского гения — неуклонно воспевается заповедный Хан-Алтай, где кони богатырей пасутся мирно вместе с маралухами.

Между сибирской тайгой, величайшим лесным массивом планеты и пустыней Гоби, одной из колыбелей жизни на Земле, воздвигнут наш Алтай, олицетворяющий чудо и мощь Духа и Природы, как светлый Храм, как золотой престол самого Творца Вселенной Курбустан-буркан-тенгри.

Разумеется, уважаемые монгольские руководители-сайды и все присутствующие гости, столь возвышенные слова произносятся нами на данной встрече с особенным, сокровенным смыслом, поскольку это наш первый правительственный визит подобного уровня за пределы страны. Памятуя о своей нерасторжимой принадлежности к этому региону и декларируя свою приверженность принципам доброй воли и международного сотрудничества, с первым визитом мы прибыли к вам, в прекрасную страну Монголию, говоря словами вашего поэта, и, как Вы понимаете, не только потому, что мы — вечные соседи. Нет, мы связаны и видимыми, и незримыми узами не только последних семидесяти с лишним лет советско-монгольских отношений, но и всей географией и историей народов-братьев, стран-соседей. Вот почему некуда будет нам друг от друга ни укочевать, ни расселиться врозь, как бывало некогда в классические времена кочевников. А потому, взвесив и оценив недавнее прошлое, все, что было хорошего в ис-

тории общих советско-монгольских отношений, мы наследуем и продолжаем, а все негативное и наносное, что накопилось в разные периоды, отринем. И на данном поворотном, ответственном этапе развития взаимоотношений России и Монголии, мы движимы как чувствами исторической преемственности, так и расчетами здравого смысла. А в совокупности это означает для нас необходимость местами углубления либо восстановления, местами же установления совершенно новых принципов взаимодействия и сотрудничества. Мы, конечно же, нуждаемся друг в друге, мы взаимно нужны для полноты сотрудничества. Для западных, приалтайских аймаков Монголии наш Алтай и его главная транспортная артерия — Чуйский тракт, обеспечивающий выход на Транс-Сибирскую магистраль, связующий Монголию с Западной Сибирью и Казахстаном, имеет жизненно важное значение. Как северное ответвление "Великого Шелкового Пути", эта дорога, представляет в свою очередь для нас кратчайший прямой путь через вашу страну в Западный и Центральный Китай, а далее в перспективе и в страны Южных морей.

В нынешней Российской Федерации значительные внешнеэкономические приоритеты все больше становятся соответственны регионам, что, на наш взгляд, является одной из осознанных составляющих формирующейся на глазах новой экономической политики нашего государства, а внешние векторы взаимодействия с окружающим миром начинают претворяться по конкретным геополитическим направлениям, где ответственное участие в проведении российской политики принимают и берут на себя российские регионы и республики. И одно не противоречит другому. Напротив, в данном случае Российская держава не следует прежним, строго центростремительным тенденциям советского периода, и обретает небывалые возможности полноправного учета интересов, как федерации, так и республик и регионов, достигая необходимой гармонии в соблюдении и сочетании пропорций большого и малого, общего и частного.

И, конечно же, наша республика, как часть могучего региона Сибири, обладающей, как и Монголия, несметными сокровищами и природными ресурсами, необыкновенно богата. Как ни парадоксально это звучит, но в преддверии нового века и третьего тысяче-

летия, куда большинство развитых регионов мира входит практически без ресурсов, либо с изношеннным донельзя природно-сырьевым потенциалом, именно мы, Сибирь и Монголия, окажемся в несравненно лучшем и выгодном положении, нежели, например, Европа.

Да, именно в нашей, кажущейся до поры, бедности заключается залог нашего процветания в будущем. Именно в нашем нынешнем техническом отставании — наша сила и наши возможности перейти с меньшими потерями и наиболее безболезненно в новый век высоких, наукоемких технологий и безотходных производств. Мы с вами имеем главное — воду, воздух, недра — основные источники жизни, не говоря о горах и степях, реках и озерах, лесах и пустынях с их неисчислимыми богатствами.

И хотя наш первый, представительский визит преследует пока еще достаточно скромные цели и задачи в деле установления торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества, но главное, что мы преследуем и достигаем в ходе наших переговоров — это связь, это *колбу* или *холбоо* по-монгольски. В прямом и переносном смысле. В небесных и земных сферах, равно как в духовных сансарах и будничных проблемах бытия.

Суверенные республики Средней Азии и Казахстан обозначили свое сообщество "Центральной Азией" в английском значении этого понятия. На деле же, географически, как наиболее континентальная часть Евразии, таковым являемся мы — Монголия и окружающие ее территории и народы. Именно мы — Срединная или Сердцевинная Азия.

И в заключение, в связи с вышеобозначенным, хотелось бы выдвинуть инициативу от имени республики Алтай о проведении в недалеком будущем консультативного совещания соседствующих с Монголией российских республик и сибирских областей, а на втором этапе, с участием, по возможности, соседних автономных районов и провинций Китая, на предмет кардинальных усилий по вопросам охраны окружающей среды и сбережения природных ресурсов Центрально-азиатского региона.

— Благодарю за внимание!

* * *

Хотя наши возможности пока еще во многом ограниченны, и тем не менее существуют немалые перспективы как двустороннего, так и многостороннего сотрудничества. Например, 1) открытие новых транзитных путей сообщения — как наземных, так и воздушных: Монголия — Алтай — Западная Сибирь (Бийск — Барнаул — Новосибирск); Монголия — Алтай — Казахстан; Алтай — Монголия — Синьцзян; Кузбасс — Алтай — Монголия и далее — Внутренняя Монголия либо Ганьсу.

2) Открытие совместных предприятий и банков;

3) Создание скоординированного экономического поля для алтайско-сибирского-монгольского-западнокитайского сотрудничества. Монголия в этом случае приобретает немалые возможности и выгоды срединного участника.

4) Для укрепления нашего сотрудничества совершенно необходимым представляется в ближайшей перспективе открытие если не консульств, то, во всяком случае, постоянных представительств в Кобдо и Горно-Алтайске, Улан-Баторе и Новосибирске.

5) Открытие прямых международных авиалиний между Монголией и республикой Алтай: Горно-Алтайск — Ховд — Улан-Батор и далее, с последующим удлинением трасс в обозначенных направлениях.

Улан-Батор, июнь, 1993 г.

НЕСТОРИАНЕ

Христианские миссионеры, работавшие на Алтае в XIX веке с удивлением обнаруживали в легендах и преданиях алтайцев сюжеты, так или иначе связанные с культом Христа. Не имея в то время достаточных знаний по истории сибирских народов, христианские проповедники предлагали собственные толкования, как правило, далекие от истины. Предположить, что алтайцы могли принять христианство раньше русских, православные ортодоксы никак не могли.

Между тем, такое предположение не лишено смысла, и именно сейчас, в последних судорогах воинствующего атеизма, это предположение могло бы стать предметом серьезного научного исследования. Обычно считается, что все тюрки — мусульмане или "язычники". Но еще Феофилакт, византийский автор VI века, рассказывал о пленных тюрках, присланных в Константинополь, которые имели на лбу вытатуированные кресты. Тюрки объяснили любопытному Феофилакту: во время чумы, свирепствовавшей в их стране, христиане-несториане советовали им начертать знак креста на лбу для защиты себя от чумы, и, говорят, это помогло им.

Христиане среди древних тюрков? Вопрос, который может привести в замешательство кое-кого из нынешних тюркологов, вполне серьезно воспринимается всеми, кто знаком с документами Средневековья, с легендами и мифами народов Азии. Сведущие люди утверждают, что Христос пришел как раз из Азии, чтобы спасти свой мир от разложения и разврата, но, как показала история, Спаситель смог лишь отодвинуть на время закат Европы.

Европейцы немало потрудились над образом Христа, и в конце концов они настолько вычленили его образ из реальной жизни, что всякий вероучитель, предпринимавший попытку приблизить христианство к земной жизни, объявлялся клеветником и вероотступником. В Константинополе в V веке жил патриарх Несторий. Он усомнился в божественной природе Христа, сказав, что это был человек, показавший всем людям своего времени путь духовного развития и ставший богочеловеком. Церковь объявила патриарха еретиком. Последователей Нестория изгнали из Византии, и путь у них был один — на Восток.

На Вселенском соборе в Эфесе в 431 году церковная бюрократия низвергла Нестория с патриаршего трона, и где-то в то время первые несториане уже проповедовали свое учение в Центральной Азии. Через уйгуров оно пришло к найманам и кереитам. Археологические открытия последнего времени указывают на широкое распространение несторианства у кочевников Центральной Азии.

Путешествуя в 1253 году в столицу монгольской империи Каракорум, Гильом Рубрук и его спутники в районе озера Алакуль в земле найманов "нашли поселение совершенно несторианское".

Они были удивлены, увидев в Юго-Западном Алтае христианскую церковь.

Плано Карпини в своей "Истории монголов" упоминает о могущественном пресвитере Иоанне, который возглавлял некое христианское государство в Центральной Азии. Легенды о царстве Иоанна были широко распространены в литературе Средневековья. В русских летописях есть рассказ о путешествии о.Сергия в XIV веке в Беловодье, расположенное далеко на Востоке. Русские летописцы упоминали попа Ивана, руководившего страной праведников. Академик В. Бартольд утверждал, что в основе легенд — сообщения о кереитском хане, носившем титул Ван-хан, или, по-монгольски, Онг-хан. Академик писал также в своих примечаниях к "Путешествию Марко Поло", что среди кереитов много несториан, и это тоже могло дать почву для появления легенд.

Гильом Рубрук, как и его предшественники, тоже писал о царстве Иоанна, причем располагалось оно, со слов путешественника, севернее Каракорума. Онг-хан, если верить Рубруку, — бывший покровитель Чингис-хана. Онг-хан был братом пресвитера Иоанна, под его властью были кереиты и меркиты. Пастбища монголов начинались через десять или пятнадцать дневных переходов от владений Онг-хана.

Рубрук называет Иоанна королем найманов, а Онг-хан у него — повелитель двух других племен. Допустим, что это только легенды, никак не связанные с действительностью. Но вот свидетельство Плано Карпини: при дворе монгольского императора много русских священников. Рубрук, в свою очередь, тоже свидетельствует: Мункэ-хан и Сартак "оказывают христианам большее уважение, чем другим народам". Один из сыновей Чингис-хана, Тулуй, спас великого Угэдэя, выпив предназначенную для него отраву. Вдова Тулуя кереитка Соргахтани была несторианкой, после смерти мужа она пользовалась небывалым почетом у монгольской знати. При дворе императора знали, что она — дочь младшего брата Онг-хана, и ей оказывал почести сам Чингис-хан.

Находясь при дворе императора, Плано Карпини писал: "Говорили там также христиане, принадлежавшие к его челяди, что

они твердо веруют, что он должен стать христианином; и явный признак этого они видят о том, что он держит христианских клириков и дает им содержание, также пред большой своей палаткой имеет всегда христианскую часовню; и они поют всенародно и открыто звонят к часам согласно обычаю греков…"

Гильом Рубрук также видел, как по праздникам ко двору императора "приходят в своем облачении христианские священники, молятся за него и благословляют его чашу", потом молятся буддисты, мусульмане, причем "все считают себя его любимцами и все предвещают ему благополучие". Но, в отличие от своего предшественника, Г. Рубрук оказался проницательнее: "хан не верит никому". В Каракоруме он видел 12 церквей разных народов, и среди них две мечети, одну православную церковь, но, по свидетельству Рубрука, монголы не оказывали предпочтения ни одной из церквей. Веротерпимость монголов лишь укрепляла их могущество, но этого западные путешественники в то время не понимали.

Плано Карпини передал хану Куюку послание папы Римского. Хан изучил послание Ватикана и передал с путешественником свой ответ. Наверное, папа Римский не был в восторге от полученного ответа, и долгое время текст письма хана Куюка скрывали, говоря, что письмо утеряно. И только в начале XX века письмо обнаружилось. Вот что ответил Куюк папе Римскому в ноябре 1246 года:

"Вы сказали, что если я приму крещение, то это будет хорошо; ты умно поступил, прислав к нам прошение, но мы эту твою просьбу не поняли". И далее хан Куюк дал понять: "Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам… Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися".

Монголы понимали, что Ватикан ровным счетом ничего не оставил от учения Христа. Они гораздо лучше понимали несториан, свободных от церковной бюрократии. Но притязания Ватикана на мировое господство монголы не приняли. Рубрук был свидетелем и участником диспута представителей трех мировых религий в Каракоруме. Победили буддисты, хотя некоторым предпочтением до визита Карпини и Рубрука в Каракоруме пользовались именно несториане.

В одной церкви Рубрук встретил человека, имевшего на руке выколотый крестик. Это был несторианин. "Почему вы не имеете здесь креста и изображения Иисуса Христа? Он ответил: "У нас это не в обычае". В другом месте Рубрук пишет, что "несториане стыдятся показывать Христа пригвожденным ко кресту". И в этом, если вдуматься, была своя мудрость.

При дворе хана Сартака путешественник наблюдал, как несториане оповещали единоверцев ударами в доску, созывая их на молитву. В других местах они стучали молотом или особым билом в железную плиту, а иногда стучали в бубен. Несториане обходились в Азии без колоколов. Рубрук, находясь в районе Кульджи, свидетельствовал, что местные жители имели прежде собственную письменность, и на своем языке несториане прежде справляли службу и писали книги.

Путешественники отмечали, что во всех городах Монгольской империи перемешаны несториане и саррацины (т.е. мусульмане).

В христианских церквях они видели изображения буддийских святых, и это по-своему шокировало их. Как, впрочем, шокировало и то, что несториане молились, протягивая руки перед грудью. Несториане предпочитали молиться на открытом воздухе. Интересно, что особым почтением пользовался у них великан Христофор.

Служба у несториан мало в чем походила на католическую или православную. Рубрук видел, как они падали ниц во время молитвы, касались земли лбом, а после дотрагивались руками до предметов культа и целовали свои руки после прикосновения, а потом обменивались рукопожатиями со всеми стоящими рядом. Священники одновременно с пением молитв раздавали ладан, и надо было класть его в огонь. Путешественники наблюдали также обряд "ритуального опьянения", причем пьянство среди несториан порицалось разве что в самых безобразных его проявлениях, опьянение же в меру у них приветствовалось.

Несториане верили в переселение душ. "Даже наиболее ученый из несторианских священников, — с изумлением отмечал Рубрук, — спрашивал у меня про души скотов, могут ли они убежать куда-нибудь, чтобы не быть вынужденными к труду после смерти". В отличие от католиков, несториане имели множество обрядов поклонения матери-природе.

Христиане имели большое влияние при дворе монгольских императоров. Мункэ-хан, к примеру, назначил несторианина Булгая главой своей канцелярии, отделов внутренних дел и финансов.

При дворе монгольской госпожи в середине XIII века жила женщина из Лотарингии, которую звали Пакетта. У нее был молодой муж, русский, и они воспитывали троих сыновей, очень красивых. Муж у Пакетты был строитель, и его мастерство ценили необычайно. Тогда же в Каракоруме жил золотых дел мастер Вильгельм Буше из Парижа и русский мастер Косма. Знаменитый фонтан в Каракоруме строил парижанин, а большинство городских построек обязано было своим появлением безвестным русским мастерам. Благодаря Рубруку мы знаем только одного из них — Косму.

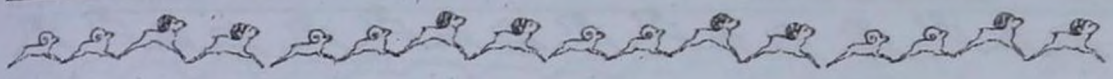
Видел ли Рубрук приметы жестокого, варварского рабства в столице монголов? Таких свидетельств у него нет. Европейцы, взятые в плен, чувствовали себя в Каракоруме вполне свободно. Там были христиане из Армении, из Сирии, случайно встретился Базиль, сын англичанина. "Тогда там было большое количество христиан, — писал Рубрук в 1254 году, — венгерцев, аланов, русских, георгианов и армян..."

Каракорум был в то время по-настоящему свободным городом, и вот лучшее тому подтверждение: спутник Гильома Рубрука, брат Бартоломео, навсегда остался в Каракоруме при дворе Мункэ-хана. Что заставило странствующего монаха остаться в "стране варваров"? Об этом мы можем только догадываться.

Русские миссионеры, пришедшие в XIX веке на Алтай, вполне возможно, находили в мировоззрении алтайцев следы прежнего влияния несторианства. И в бурханизме, возродившемся на Алтае в начале XX века, исследователи находят все чаще остатки несторианства, как, впрочем, и в тех обрядах алтайцев, которые казались православным ортодоксам "языческими".

Как бы то ни было, а телеуты теленгиты, принявшие православие на редкость легко, убеждали миссионеров в прошлом веке, что предки у них были христиане, и, вполне возможно, они могли быть в то время гораздо ближе к истине, чем мы сейчас.

Статья написана в соавторстве с журналистом Н. Витовцевым. газета "Каракорум, март, №3–4, 1994 г.



АЛТАЙ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

(К постановке вопроса)

Обширный регион Центральной Азии или, как именовали его прежде в научной литературе, Срединная Азия, издавна являлась колыбелью многих народов, преимущественно тюрко-монгольского происхождения.

Многие из них, например, хунны, сяньбийцы, жужане, древние тюрки, уже давно сошли с арены истории, завершив фазу своего исторического существования, но оказав при этом определяющее влияние на последующее формирование этнокультурного ландшафта Центральной Азии, а другие, такие, как уйгуры, тибетцы-тангуты, алтайско-сибирские тюрки (алтайцы, тувинцы, хакасы, якуты), буряты, халха-монголы, потомки ойротов (дербеты, торгоуты, баиты, дзахачины, урянхайцы) — прямые наследники культуры древних кочевников — продолжают и поныне обитать и развиваться примерно в тех же ареальных границах, которые были очерчены самой природой и многовековой историей этих народов. Географическое понятие Центральной Азии, как подчеркивает С. Г. Кляшторный, лишь в недавнее время превратилось в термин, обозначающий культурно-исторический регион.*

Поистине, Центральная Азия — причудливое средоточие самых высоких горных массивов евразийского материка, застывших по ее краям и определяющих естественные границы региона, самых могучих рек, стекающих отсюда во все концы континента, великих и грозных пустынь в самом ее сердце и обширных привольных степей, протянувшихся поперек нее с востока на запад — эта удивительная страна никогда не была замкнута в себе самой. В результате еще с конца эпохи бронзы и в эпоху ранних кочевников ("скифскую эпоху") существовало поразительное единообразие основных черт материальной культуры и изобразительного искусства всей степной полосы Евразии от Причерноморья до Ордо-

---

* Тюркологический сборник — 1972, С. Г. Кляшторный, Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии, М., 1973, стр. 254.

са".* Кочевой мир ее находился в постоянных контактах и взаимосвязях, иногда, в отдельные периоды, весьма интенсивных, что подтверждается, при обращении к тем эпохам, в чьих пространственно-временных границах складывались и распадались великие кочевые империи, оказавшие решающее влияние на формирование специфических для Центральной Азии хозяйственных типов, политических общностей и культурных традиций.

Даже первый, самый общий, взгляд на эпос тюркских и монгольских народов, находящихся в отношениях языкового и этнического родства, что на более ранней стадии их развития было намного ощутимей, дает ясное представление о наличии "черт особого своеобразия, существенно отличных от других древних и средневековых повествовательно-фольклорных форм Европы и Азии"**, с которыми, несомненно, имелись реально-контактные взаимосвязи. Значительное сходство форм эпоса при всем их разнообразии и внутренней неоднородности обусловлено прежде всего спецификой кочевого уклада жизни тюркских и монгольских народов на всем протяжении их исторического существования.

Формирование центральноазиатской эпической общности происходило в течение весьма длительного времени, что было связано, как подчеркнуто, с ростом и падением различных государственных объединений кочевников — от мелких племенных союзов до крупнейших государств мирового порядка, какими были империя Хунну, державные Тюркские каганаты и Великий Монгольский улус Чингис-хана. В периоды, когда степь оказывалась объединенной, внутри таких объединений происходила более или менее длительная консолидация, смешение, слияние различных, но родственных в этноязыковом отношении племен и народов, и, напротив, в периоды распада, анабиоза — измельчение и деградация этносов и культур, хотя черты сходства оставались при этом постоянной доминантой.

Границы этой этнической, а, следовательно, и эпической общности временами становились более обширными, перетекая за пре-

---

*Тюркологический сборник — 1972, С. Г. Кляшторный, Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии, М., 1973, стр. 254.

** Журнал «Народы Азии и африки», 1972, № 3, С. Ю. Неклюдов. Черты общности и своеобразия в центральноазиатском эпосе, стр. 369.

делы собственно центральноазиатского региона, в масштабах всей степной полосы Евразии в связи с экспансией и передвижениями кочевников, осваивания ими новых этногеографических регионов, таких, как Средняя Азия, Закавказье и Малая Азия, юго-восточная степная часть Европы, включая районы Поволжья и Урала, а также Сибири.

Подтверждением тому, например, не только собственно среднеазиатские, но и огузские эпические традиции на крайнем западе распространения тюркских племен, которые, несмотря на длительные периоды метисации, переакцентовки в связи с соприкосновением с другим мусульманским, ирано-арабским эпическим регионом, тем не менее сохранили явные следы былой общности. Через среднетюркское (точнее, через "сельджукское" и "золото-ордынское") время они восходят к древнетюркскому времени, к алтайскому, в большом смысле, фольклорному кругу. С падением крупных государственных образований эта эпическая общность как бы сжимается, сокращаясь до нынешних своих пределов, ограниченных в настоящем фольклором монголов, бурят, ойротов и сибирских тюрков — народов Алтая, а также якутов. Явный отпечаток этой былой эпической общности находим в эпосах киргизов и казахов, кроме того, уйгуров и сибирских татар, относящихся к среднеазиатскому ("золотоордынскому") ареальному кругу. Однако при этом приблизительном и весьма общем группировании необходимо учитывать оттенки переходности и нечто вроде постепенного "перетекания" из одного круга в другой, что является предметом другого, более детального исследования.

О глубоком внутреннем единстве фольклорной стихии народов Центральной Азии можно судить не только по дошедшим до нас образцам героического эпоса, который при диахроническом изучении особенно наглядно показывает различные стадии развития, но также и по произведениям древней, самой ранней литературы тюрков и монголов, носящих в себе явные черты эпики.

Поэтическая структура древнетюркских ("енисейско-орхонских") произведений обнаруживает значительную близость к повествовательно-фольклорному стиху не только собственно алтайских тюрков, но и монголов. А первое "настоящее литературное произведение и притом самое интересное, самое яркое", имен-

но "Сокровенное сказание" монголов, созданное в XIII веке, Б. Я. Владимирцов определяет как "эпическое, богатырское сказание, любопытнейший образчик степного эпического творчества, получившего литературную обработку, записанного, во всяком случае".*

Эти произведения глубоко, со многих сторон исследованы крупнейшими специалистами-тюркологами и монголистами, которые отмечают факт влияния фольклорной эпической традиции на язык, стиль и образную систему памятников. "Тексты надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, возможно, являлись литературной трансформацией песен и героических сказаний, складывавшихся вокруг этих героев", — отмечает И. В. Стеблева.

Существование здесь древнейшего эпического региона подтверждается устойчивой локализацией событий в фольклоре не только саяно-алтайских, но и монгольских народов. "Именно на Алтае локализуются события эпоса ряда монгольских и тюркских народов — таким образом, эта область выступает как бы в качестве особой идеальной эпической земли далекого прошлого (показательно, что эта "эпическая страна" находится в самом ближайшем соседстве с тем регионом, где предположительно локализуется тюркская эпическая общность").**

Именно в связи с этим закономерно встает вопрос о восприятии Алтая не только как географического понятия, но и как явления культурно-исторического и этно-эпического порядка.

Речь идет об Алтае не только как о горно-лесистой обширной стране между Иртышом и Енисеем, и даже Байкалом, протянувшейся от великой сибирской тайги до пустынь Гоби, от степных колков Барабы до массивов Хангая, т.е. о северо-западной оконечности Центральной Азии. Но Алтай связует собою Центральную Азию с Сибирью, а далее с Уралом и, во-вторых, с Казахстаном — Дешт-и-Кыпчак, а далее — со Средней Азией.

---

* Б. Я. Владимирцов. Монгольская литература, см. в сборнике «Джангар», Элиста, 1967, стр. 71.

** С. Ю. Неклюдов. Исторические взаимосвязи тюрко-монгольских эпических традиций и проблема восточных влияний в европейском эпосе. — Сборник «Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада», М., 1974, С. 240.

Таким образом, Алтай предстает стыкующим блоком между тюрками и монголами, а также средоточием, где соприкоснулись три мировых религии — буддизм, ислам и христианство. И, естественно, Алтай испытывал в разное время и по-разному влияние этих как бы взаимоисключающих друг друга культурно-исторических и этно-религиозных факторов, но в то же время выстоял, возможно, в результате того, что эти встречные движения взаимно нейтрализовывались. Но, как бы то ни было, Алтай оставался между ними своего рода "ничейной зоной" — самим собой, отчего и сумел совместить в себе именно эту, весьма архаическую, эпическую общность, сохранив в определенной степени традиции древнетюркской культуры, следы которой, после долгих веков консервации, явственны ныне в истории, этнографии, эпике народов Алтая, обретая новое развитие, в то время как эпическая культура других народов, вошедших в лоно ислама, трансформируясь, протекала в другом уже русле.

Однако необходимо подчеркнуть, что эпический Алтай, золотая обитель многих народов, это не только нынешний Горный Алтай, срединный, сердцевинный его островок, но действительно большая страна от Иртыша до Байкала от сибирских дремучих лесов до жарких пустынь центра Азии.

И в эпосе это также страна, олицетворяющая собой среднюю землю между верхним и нижним мирами, тождественная, например, счастливой, благословенной стране Бумбе ойрото-калмыцкого эпоса, Алтай-Хангаю бурятских и урянхайских героических сказаний, Алтаю киргизской эпопеи "Манас". В тувинском и хакасском эпосе само собой фигурирует Алтай, и, например, хайджи — исполнители хакасских нымахов, воспевая Алтай, безусловно, не могли не иметь в виду свою родину — прибрежные равнины Енисея и Абакана, Минусинскую котловину. То же самое относится и к Туве, окруженной хребтами Саян и Танну-Олы, представляющих в географическом отношении восточные ответвления Алтайских гор.

В контексте вышеизложенного под народами Алтая мы подразумеваем наряду с самими алтайцами также и хакасов, тувинцев, шорцев и чулымцев, хотя две последние этнические группы следует рассматривать как обособившиеся в силу ряда политико-админи-

стративных, исторических и географических причин отрасли алтайцев и хакасов. К народам Алтая может быть причислен также ряд народностей Северо-Западной Монголии как тюркского, так и монгольского происхождения — это такие группы ойротов, как дербеты, торгуты, дзахачины, это омонголившиеся не так давно алтайские урянхайцы и дархаты, это камду туба-кök-мончаки, это и хотоны, а также казахи керейского и найманского колен.

Что касается Саян, то это понятие действительно позднее, географическое, произвольно перенесенное с названия "соян", как нарекали захребетных тувинцев, подданных Цинской империи их соседи и сородичи — буряты, хакасы и алтайцы, через которых оно перешло в старую русскую научную и другую литературу. Впоследствии, для удобства географического вычленения, оно закрепилось за этим горным хребтом. Примечательно, что еще в "Сибирском вестнике", издаваемом Г. Спасским, пишется, что Алтаем называются горы от Иртыша на западе до Байкала на востоке, то есть Саяны воспринимались в 20-х годах прошлого века как восточное продолжение Алтайских гор.

И еще. У Г. Н. Потанина в его "Очерках Северо-Западной Монголии" (IV выпуск) встречается сведение о том, что алтайцы именуют страну, лежащую к северо-востоку от Алтая, "Конгурай-Алтай", а именно нынешнюю Хакасию и Минусинскую котловину — родину енисейских кыргызов. Кстати, понятие "конгурай-куурай" сохранилось в алтайском языке и фольклоре, обозначает оно степную страну, сухую степь, подтверждением чему является и название Курайской степи и населенного пункта Курай (в русской транскрипции) в верховьях реки Чуй. У төөлөсов— восточной, чолышманской отрасли алтайцев сохранилось также выражение "Куурай-Сагай" применительно к территории нынешней Хакасии, что созвучно с "хоорай" хакасского языка.

Именно это, думается, проливает свет на то большое недоразумение, которое царит по поводу понятия "Алтай" при исследовании киргизского эпоса "Манас". Почему же в нем воспевается Алтай, но не фигурирует никоим образом историческая родина кыргызов — Минусинская котловина, Кем-Кемчиут — область верхнего течения Енисея, как называлась она в монгольскую эпо-

ху, в XIV веке, судя по описаниям Рашид-ад-дина? Но если же возвыситься до понимания того, что под Алтаем у немусульманских тюрков — алтайцев — понимается земля-родина вообще (а вполне вероятно, и у остальных домусульманских тюрков), то все становится на свои места в полном соответствии с данными истории. В этом случае теряется почва для нелепого утверждения, будто кыргызы выселялись на Тянь-Шань прямиком из прибрежий среднего Енисея и шли через Горный Алтай, что едва ли возможно, если принять во внимание географические и климатические особенности дремучей черневой тайги на севере Алтая да еще припомнить магистральный путь кочевников в их историческом движении на запад и юг.

И так же, как бурятские улигершины воспевают Алтай, понимая под ним Хангай и Хухей (современные Саяны), а ойроты — Буурыл-Токой Алтай — южную подошву Алтая (современная Джунгария), то народ собственно Алтая подразумевает, естественно, землю-воду своей именно Отчизны.

И недаром в шаманских мистериях и бурханистских гимнах алтайцев подразделяются такие понятия, как "Дяон Алтай" и "Кичинек Алтай" — соответственно Большой Алтай и Малый Алтай. А казахи, населяющие южную, джунгарскую подошву Алтая, как бы подтверждая это, именуют собственно Центральный или Горный Алтай как Ӧр Алтай — Могучий, Большой Алтай.

Конкретно же, в алтайском эпосе — это огромная страна с прекрасными величественными горами, дремучими лесами, огромными пустынями и могучими реками, а также безбрежными морями. В этом солнечно-лунном Алтае, как повествует эпос, не бывает ни зимы, ни лета, не смолкает пенье вещих кукушек, и живут в нем шестьдесят каанов, семьдесят кезеров, владеющих разномастным неисчислимым скотом и разноязыкими многоплеменными народами. Собственно говоря, как это видно из эпоса, под Алтаем понимается вообще обитаемая земля, чему свидетельством то, что даже в бытовом обиходе и по сей день "алтай" звучит синонимом словам "земля" и "отчизна". Во всяком случае, в эпосе под Алтаем обозначается ойкумена, по крайней мере, кочевников.

Итак, уже и конкретнее, эпический Алтай героических сказаний тюрков и монголов соответствует в общих чертах региону Центральной Азии.

И это подетальное выяснение всех этно-географических компонентов, составляющих эпический Алтай, нам необходимо для того, чтобы полнее и точнее представить себе место и значение алтайского эпоса в общем ряду центральноазиатской эпической общности, ибо Алтай, по образному выражению Н. К. Рериха, — это северный полюс одного-единственного мира центральноазиатских кочевников, мира, окаймленного с юга грядой Гималаев, и где, собственно говоря, разворачиваются все события великих монгольских эпопей "Гэсэра", "Джангара", "Сокровенного сказания" и киргизского "Манаса", не говоря о других, нециклизованных героических сказаниях тюрков и монголов. При этом соприкосновение идет также с буддийским кругом Тибета.

Характерны и якутские олонхо. В условиях исторического выключения якут из основного, общего пути развития народов Центральной Азии, в них застыл наиболее архаический пласт эпики. В олонхо также говорится об Алтае — это "Отюкен тюрдю", земля антиподов, земля врагов-чудищ, с которыми воюют герои "айыы аймага". Нетрудно определить в этом обозначении вражеской земли то обстоятельство, что предки якутов — курыкане, обитавшие в ту пору в районе Прибайкалья в древнетюркских эпитафиях постоянно называются в качестве непокорных соперников.

В этой связи думается, что многие исследователи тюркского и монгольского эпосов, в особенности, когда дело касается эпоса конкретных народов, до недавних пор допускали весьма существенные упущения в построениях и изысканиях, когда пути развития эпоса своих народов видели только в чисто тюркском либо только в монгольском варианте, а между тем взаимодействия эпосов и народов, населяющих или некогда населявших этот обширный, большой регион было постоянным и интенсивным уже в силу самой специфики кочевой культуры. Действительно, такого рода ограничение и сужение точки зрения приводит исследователей к недостаточной глубине проникновения в материал и не очень емким аргументам, а порой и к заведомо неправильным выводам.

То же самое можно сказать в отношении исследований эпики народов Средней Азии и Закавказья, когда, доходя ретроспективно, например, до эпохи "Кутадгу билик" (X век), как бы теряют связующую нить времен, и, кажется, корни, внезапно обрываясь, теряются. А на самом деле необходимо учитывать длительный процесс трансформации древнетюркской эпической поэтики в поэтику, основанную на арабо-персидской традиции.

Вот почему настоятельной необходимостью в исследованиях по эпосу народов Средней Азии является сопоставление их не только с нашими, саяно-алтайскими, к которым они восходят генетически, но и с монгольскими сказаниями для создания единственно достоверной картины непрерывного развития тюркоязычной поэзии.

Как известно, алтайский фольклор до сих пор находится в живом бытовании, и он весьма богат, разнообразен в жанровом отношении.

Для определения места Алтая в ряду центральноазиатской эпической общности целесообразнее всего в плане сопоставительном привлечь героический эпос. Именно эпос — наиболее значительный жанр, квинтэссенция всего народно-эстетического идеала, в нем наиболее полно отразилось своеобразие художественного мышления алтайского народа в отображении явлений действительности. Для анализа непременно следует привлекать также примеры из эпоса и литератур всех народов обширного центральноазиатского круга.

Кроме того, вопрос этот необходимо рассматривать комплексно, совмещая с фольклористикой историю, археологию, этнографию и этнологию Центральной Азии.

Крайне необходима подготовка кадров алтаистов, способных мыслить неординарно, смело и, конечно, с непременным знанием редких восточных языков — древнетюркского и древнеуйгурского, монгольских (классического, современного, бурятского, ойротского со всеми диалектами), тибетского, китайского, санскрита, персидского и арабского!

Таких специалистов Алтай на сегодняшний день не имеет — ни одного!

Как нет у нас тюркологов широкого и узкого профилей с уклоном в монголистику, синологию, тибетологию, индологию, иранистику.

Москва, Чоботы, январь–декабрь 1979–1980 гг.

ИЗБРАННИК ДУХОВ

или размышления постсоветской поры о духовной реанимации Алтая

Так получилось, что анохинские "Материалы по шаманству у алтайцев" оказались последней, прижизненной, так сказать, публикацией текстов призываний и обращений к божествам и духам еще действующего в ту пору шаманства. Шаманизм, крепко-накрепко обхваченный с разных концов православным христианством и алтайским буддизмом, как идеология и религиозная практика сохранялся к этому времени только по среднему течению реки Катуни и ее притокам на стыке горно-степного Алтая и черневой тайги — Аба-йыш, в зоне этнокультурных контактов скотоводов и охотников, по большому счету — Центральной Азии и Сибири. Потому-то он вовсе не случайно сохранялся именно тут, в своем гнездовье и эпицентре с давних пор, на территории сердцевинной части Алтая, правда, ужавшейся до узколокальных размеров. Рядом грозно и неодолимо, казалось, высился Чемальский стан православной духовной миссии, победоносно распространяющей свое влияние среди "черневых татар" и северных теленгитов, а в центральной и западной частях нынешнего географического понятия "Горный Алтай" уже с начала века потухли языческие кострища и умолкли шаманские бубны.

К обозначенному этнографическому времени эта древняя религия тюрков Алтая прошла сложный, многовековой путь развития от классической эпохи хуннов и тюрков и даже ранее, встречаясь и выдерживая век за веком натиски великих учений Востока — конфуцианства и даосизма, манихейства и буддизма, зороастризма, несторианства и мусульманства.

"Материалы по шаманству у алтайцев" А. В. Анохина со времени публикации и по сей день остались наиболее обширным и обстоятельным собранием шаманских мистерий по сравнению со всеми предыдущими изданиями. Этот ныне всемирно известный труд, по степени и значимости поистине классический, был издан в количестве всего лишь шестисот экземпляров как очередной сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии Наук и с тех пор, на протяжении семидесяти лет, не переиздавался. И за все это время не было, пожалуй, ни одного специалиста по религиеведению, а по шаманизму у сибирских народов в особенности, включая исследователей по смежным дисциплинам, кто так или иначе не ссылался бы или не черпал из собрания материалов А. В. Анохина, этого регента, преподавателя пения и музыкальных дисциплин, не обладавшего никакими учеными степенями и званиями — настолько значителен по первозданному качеству и объему, а также по научной уникальности собранный и освоенный им материал. Хотя эта работа А. В. Анохиным была подготовлена к изданию по "горячим следам", непосредственно по результатам путешествий по Алтаю в 1910–1912 годах еще в то, довоенное, дореволюционное время, просмотрена и одобрена такими корифеями по сибирскому шаманизму как В. В. Радлов и Л. Я. Штернберг, печатание возобновилось только десять лет спустя, после того как миновали бури и грозы. В завершении работы принял самое деятельное участие талантливый ученик и соратник В. В. Радлова, выдающийся русский тюрколог С. Е. Малов. В сверстанном виде работу просмотрел и одобрил академик В. В. Бартольд.

И еще получилось так, что "Материалы по шаманству у алтайцев" остались, как это видим теперь, к великому сожалению, венцом письменной фиксации драгоценных памятников духовного наследия алтайского народа. Все трагически оборвалось. Дело в том, что, помимо ожесточенных гонений на религиозной почве со стороны ортодоксальной буддийской церкви "гелугпа" в Джунгарии "во времена Ойрот-ханства" и с началом водворения на Алтае в 1830 году православной духовной миссии со стороны христианства, шаманизм, точнее его остатки, получил наряду и одновременно со своими гонителями — ровно сто лет спустя! — сокру-

шительный большевистский удар. Удар, искоренивший шаманизм вчистую, поскольку был нанесен всей мощью государственно-политического аппарата, осуществлявшего путем "диктатуры пролетариата" великое социалистическое переустройство на одной шестой части суши. 1930-й оказался роковым годом, оборвавшим естественное течение алтайской духовной жизни. После этого внутреннее саморазвитие Алтая подверглось длительной мутации. Наступил период насильственной обскурации. На протяжении всего полного цикла в шестьдесят лет по лунному календарю, пока вновь не замкнулся круг, мы могли говорить и писать о нашей религии, в частности, о шаманизме, не иначе как в рамках конкретной идеологии и не более как в порядке научно-этнографического изучения. Местные власти Ойротии в том году, по всей видимости, не без подачи научной обслуги из столичных центров, пошли на репрессивные меры, путем директивных распоряжений, запретив любые проявления религиозно-культовой практики.

Запретами на религиозную деятельность дело не ограничилось, всех служителей культа, одновременно с ликвидацией байства и кулачества, как "эксплуататорский класс" сослали: кого в казахские степи, кого на север, в нарымские топи и болота.

Поразительный факт! Вслед за *камами* и *ярлыкчы,* помимо воли расставшихся с родным Алтаем, неожиданно и скоропостижно покинул белый свет и сам А. В. Анохин, обвиненный в свое время в вероотступничестве и объявленный "апостолом идолопоклонства". Случилось это 31 августа 1931 года. Непосредственно перед кончиной он, по обыкновению своему, искупался в куйумской речке. Видимо, произошел резкий перепад температуры тела, вследствие переохлаждения сосуды сузились, ему стало как-то необыкновенно холодно после купания, и он попросил немного выпить, но не помогло, и, упав, больше не поднялся. Разумеется, это внешние, физические причины его быстрой кончины. Сегодня, пожалуй, уместнее было бы констатировать, что духи взяли его к себе. Прекращение насильственным образом биения духовной жизни Алтая закономерно повлекло за собой остановку и его неуемного, горячего сердца, не так ли? Вот так искоренили, изничтожили шаманизм вкупе с бурханизмом и православием, но что потом мы получили

взамен, кроме духовного оскудения и нравственной деградации всего общества?

А ныне — просто душевный вакуум, стремительно заполняемый всеми мыслимыми и немыслимыми атрибутами зла, невежества и порока. Да, воинствующие атеисты не знали и не понимали, к сожалению, тех вещей, что выходили за пределы их обыденных представлений о мироустройстве. Человека, то есть шамана — носителя и хранителя знаний о духах — физически можно уничтожить, только вот духи — на то и духи, что неуничтожимы они человеком, и воздействиям, обычным для людей, никак не поддаются. Их можно в таком случае объявить — для утешения самих себя — несуществующими, поскольку ограниченному сознанию и органам чувств людей во плоти они неподвластны, следовательно, необъяснимы. Только человеческому сообществу легче от этого вряд ли стало, разве что приумножились беды и страдания.

И вот еще какое обстоятельство следует иметь в виду, памятуя о кончине А. В. Анохина. "В 1930 году экспедиция московских этнографов, руководимая С. А. Токаревым, встретилась с Андреем Викторовичем в с. Куйум. Растроганный встречей с коллегами, он, как вспоминал С. А. Токарев, устроил в их честь байрам-праздник, много играл на пианино и пел, — пишет Н. И. Шатинова. — Договорились встретиться еще раз в следующий приезд московских этнографов. "Следующего раза" не состоялось. Это был тот самый год решительного искоренения "докапиталистических пережитков в Ойротии"". Но как раз вслед за этим А. В. Анохина не стало...

Так, значит, все погибло и все было попусту? Нет, к счастью, наступили дни, когда период духовного беспамятства, облаченного в наукообразные одеяния, период темного безбожного поветрия бесповоротно завершается, оставляя за собой страшный век потрясений и испытаний для светлоликих людей и народов. И вновь становится неизбежным и необходимым Божественный Свет и нравственный катарсис для всех, кто осознал и ощутил в себе веру и совесть. Как бы жестоки ни были гонения на веру в предшествующее время и каким бы мучительным ни был ныне процесс внутреннего самоочищения, в обществе зреет и крепнет понимание того, что Божья истина неодолима, и если, бывало, как

это видим уже по истории нашего советского периода, нарушался естественный ход вещей, то все же постепенно, в свой черед все становится на свои места в полном соответствии с законами диалектики, кармы и причинно-следственной связи.

Фанатизм всегда безбожен, даже если рядится в тоги тех или иных религий. Он всегда невежественен, даже если облекается в формы самых модных научно-философских учений. Мы уже стали умнее на целый век, поскольку имели возможность и увидеть, и сравнить великое множество их только в одном этом столетии, не говоря об опыте других эпох и цивилизаций.

Фанатизм всегда нетерпим. К инакомыслию. К иноверию. К непохожему укладу и обычаю, к другому, чем у него, складу и строю души. Не говоря о другом общественно-политическом строе и социально-экономической формации. Наше время показало со всей очевидностью и беспощадной прямотой и этот примечательный факт. То, что мы знали по теории и что, как мы предполагали, не должно приключиться с нами самими или на нашем веку, вдруг лавиной и неотвратимо обрушилось на нас, заставляя нас и прозревать, и прорастать стремительнее к вселенской всеобщей истине. Как замечательно, когда низвергаются ереси и рушатся утопии!

Фанатизм — это нетерпимость прежде всего к Истине. К объективной реальности. А она, Истина Божия, не может быть только лишь двухцветной — черной или белой. Истина — это не только Добро и Зло. Истина охватывает одновременно и то, и это, и еще Нечто большее, что не вполне доступно нам, и Нечто такое, что находится за физическими пределами нашего восприятия и нашего, весьма ограниченного, надо признать, по своим пространственно-временным параметрам, сознания.

Что есть, вообще говоря, проявления или откровения Духа Алтая? Каким образом, если не по тому же божественному промыслу, постигается нами то, что непостижимо вовне? Это что — поэзия, искусство, философия, путешествие, или это все вместе и одновременно? Какая связь — прямая и опосредованная — Неба, Земли, Человека? Эманации духа, излучения мысли, проистекания слова. В виде молитв, обращений, заклинаний и призываний. Соединения, стыки и швы сочленения миров — внутренних и внешних. Золотая Гора. Золотой Кол. Златой Престол. Хан-Алтай.

Белые и синие небеса. Сферы и слои. Девяносто девять миров. И наш мир, наша земля, наш Алтай. Как Земля. Как Родина. Как Дух-Божество. Истина — это Алтай. Истина — это Совесть. Без нее человеку недоступно постижение мира духов.

Ну не парадокс ли? — духи сохранены и сбережены. Нам известны их имена, их функции и предназначение. Мы можем вновь обратиться к ним по имени и величию. Нет ли тут некоего противоречия с точки зрения человеческой логики? Как так получалось, что вопреки сопротивлению и противодействию они тем не менее заносились на бумагу, записывались, ложились в зримые и доступные строчки и ряды, следовательно, фиксировались в основном как раз своим антиподами и принципиальными оппонентами шаманской идеологии? Правда, за шестьдесят лет, миновавших с той поры — всего лишь за одну фазу, один цикл, — мы превратились неким образом в обычных людей, таких, которые лишены коммуникативных свойств души, обеспечивавших нашим предкам желаемые контакты как с духами родной земли, вод, небес, так и со своими *тцсами* — духами предков, обеспечивавших по надобности и доброй воле своей сбережение и защиту, мир и благополучие, здоровье и благодать.

Если существуют закономерности подобного перерождения, следовательно, имеются и пути преодоления и преображения, существуют возможности выхода из духовного анабиоза.

Весьма показательны жизнь и судьба Анохина. Его феномен.

И впрямь, по прошествии столь длительного времени после вечного упокоения в Куйумской долине, с полным основанием его можно наречь настоящим *избранником духов*, которые доверили ему поведать людям о себе на их, доступном им самим, языке. Вся его внешне неустроенная жизнь, которая в личном плане порушилась, изломалась, его необычайно скорое сродство с этнографическим бытом и природой Алтая, особенная дружба с алтайцами-шаманистами, а более всего его научно-исследовательская, музыкально-поэтическая деятельность, изобличают в нем не просто ученого-этнографа, а настоящего *кама*-интеллектуала, который и мог по-настоящему, изнутри, постичь сокровенную суть того феномена, что, именуясь шаманизмом, на самом деле представляет собой удивительно целостный, дуалистический, в то же время

многомерный и многогранный религиозно-духовный комплекс мировосприятия. Вот почему труды А. В. Анохина по алтайскому шаманизму имеют столь непреходящее значение. Светила русской тюркологии, востоковедения, этнографии и фольклористики давно и достойно их оценили. Конечно, счастлив тот, кто удостаивается при жизни похвалы и признания современников. Особенно, когда речь идет о науке, творчестве и искусстве. Но еще важнее для художника и творца, исследователя и ученого, когда его имя и труды будут возвышать и укреплять дух благодарных потомков. Столь высокой награды удостаивается только тот, кто еще при жизни осознает свое дело и призвание — без языческой гордыни — как служение Богу, ибо только Он — истинный судия человека во всем, и только Время выносит настоящую оценку трудам человека. Именно в этом, высшем смысле, А. В. Анохин воистину счастлив.

Да, его подвижнический труд давно признан Алтаем и его общественностью. И нет никакого смысла повторяться в похвальных оценках, подчеркну только, что на новом этапе необходимо глубинное осмысление и освоение его огромного культурно-духовного наследия. Мы еще не открыли его для себя. Еще предстоит его настоящее возвращение в алтайскую национальную культуру. Мы еще находимся пока на дальних подступах к действительному погружению и познанию основ собственной духовности. А тут и риск большой — пока подступаемся, пока раскачиваемся, как бы не смыло всех нас серой и мутной волной бездуховности и антикультуры общества потребления и накопления.

На протяжении двух столетий собирался и накапливался конкретный материал по алтайскому шаманизму. В записках путешественников, рассказах и воспоминаниях очевидцев, изысканиях ученых — по крупицам и фрагментам, капля за каплей и поколение за поколением — откладывались необходимые знания. Анохинским "Материалам по шаманству у алтайцев" предшествовали три наиболее крупные публикации шаманских мистерий — у В. И. Вербицкого в "Алтайских инородцах", В. В. Радлова в книге "Из Сибири. Страницы дневника" (глава VI: "Шаманство и его культ"), Г. Н. Потанина в "Очерках Северо-Западной Монголии". Каждая из них отражала, естественно, не только взгляды и позиции автора и собирателя по данной теме, но и представляла

собой определенную сводку знаний и представлений о предмете на данный момент.

Помимо них следует назвать труды таких деятелей Алтайской духовной миссии, как Ст. Ландышев, М. Чевалков, В. Постников, К. Соколов и других. Немаловажные сведения содержатся в конкретных работах Н. М. Ядринцева, А. В. Адрианова, И. М. Штыгашева, Н. Ф. Катанова, С. Д. Майнагашева, Н. Я. Никифорова, Г. И. Чорос-Гуркина, других исследователей дооктябрьского периода. Значителен и весом вклад в изучение и сбор материалов по алтайскому шаманизму ученых советского времени — Л. Е. Каруновской, Н. П. Дыренковой, Д. К. Зеленина, Г. В. Ксенофонтова, Н. А. Баскакова, С. А. Токарева, С. Г. Кляшторного, И. В. Стеблевой, В. П. Дьяконовой, Н. А. Алексеева, А. М. Сагалаева и многих других — всех не упомянуть и не перечесть. Собственно говоря, такая задача и не ставится. Важно очертить этапы собирания и изучения, наметить ступени освоения и осмысления.

Полвека жизни посвятил последовательному изучению алтайского шаманизма Л. П. Потапов, завершив этот длительный и напряженный отрезок научной деятельности изданием капитального труда "Алтайский шаманизм". В монографии дана, наконец, точнейшая оценка этой классической религии предков алтайского народа как религии, сложившейся естественным путем — без всякого вероучителя и основателя — в ходе длительного исторического развития. "Алтайский шаманизм" Л. П. Потапова также замкнул и суммировал в себе уровень и комплекс знаний научного изучения алтайского шаманизма за советский период.

Письменная фиксация основных догматов и канонов алтайского шаманизма в виде текстов-памятников была завершена уже в самом начале советского периода. Затем, истекший уже, данный период в отношении алтайского шаманизма был характерен в основном историко-этнографическим, фольклорно-текстологическим изучением. Вследствие крайне политизированных ограничений не могло идти и речи об изучении всерьез с основательных духовно-философских позиций. Правда, завершился этот далеко не однозначный, противоречивый период важнейшим признанием Л. П. Потаповым шаманизма как самобытной и цельной религии. Вместе с тем он все же особо оговаривает, что культовая практика

шаманизма исчезла на Алтае навсегда с изничтожением в 1930-е годы рода-племени настоящих шаманов.

Но так ли это? Не преподнесет ли время новые сюрпризы, как это случалось нередко на рубеже веков и тысячелетий, на стыке культур и цивилизаций? История Алтая знает немало примеров того, как после жесточайших гонений и религиозно-философских противоборств алтайская духовность неоднократно возрождалась, и, если даже ее традиции временно пресекались, то, подобно огню лесному, загнанному вглубь, но не совсем потушенному, по системе подземных узлов и корневищ, разгораясь, вспыхивала вновь и вырывалась на поверхность. Вспомним, кто бы мог ровно сто лет тому назад даже робко предположить, когда по лучшим долинам Алтая, отторгая лучшие угодья земли, изгоняя бедных кочевников-шаманистов с родной земли вверх и в стороны, в холодные каменистые ущелья и дикие неудобицы, тесные для скота и стойбищ, шумно валил нахрапистый торгово-ростовщический капитал, благословляемый властями и церковью, что Дух Алтая ответит на это рождением новой и сильной религии, собравшей и сплотившей воедино сыновей и дочерей! Подумаем, не подступает ли вновь такое лихолетье и готовы ли мы ответить на вызов времени...

Одно несомненно: Алтай — на духовном распутье, как и век назад. Возвернемся ли назад, к истокам, а точнее — шлепнемся в аборигенно-туземную грязь под улюлюканье новых, торжествующих хамов и хапуг, или же воспрянем и возвысимся, чтобы предстать перед всем миром малым да удалым батыром? Пожалуй, когда подступает вновь всеобщий кризис системного порядка, нам крайне необходимо незамедлительное обновление, иначе говоря, духовное преображение. Или тлеть, идя к неизбежной погибели и угасанию посреди беснующегося мрака и клокочущего Зла, терзающего и кромсающего на наших глазах огромное тело страны, ставшей жертвой злых духов, порожденных ее несбыточными иллюзиями и призрачной мечтой, или принять вызов и выстоять, подобно былинке-травинке под напором лютого ветра, ее ведь можно и пригнуть, и выпрямить, но невозможно уничтожить, убить.

Алтай — посреди бушующего Океана. Яснее ясного.

Поскольку нет и не бывает абстрактных, так называемых "общечеловеческих" ценностей, то их пытается нам всучить в кра-

сивой упаковке ловкая пропаганда по части ловли слабых человеческих душ. Подобное надувательство не внове. Да, общечеловеческие ценности безусловно существуют, но только как комплекс, складываясь в сокровищнице всего наилучшего и ценного, что накапливается постепенно, из века в век как проявления или откровения национальных культур и теологии, образа жизни, мировосприятия и самоидентификации различных народов и стран. А без такого признания какие или чьи это "ценности"? Марсианские? Внеземных цивилизаций?

Вот почему именно на данном, крайне извилистом и рискованном этапе, на исходе века нынешнего и развилке путей в очередное тысячелетие, нам столь настоятельно требуется скорейшее погружение в глубины своего природного и духовного наследия, правильное переосмысление национальных начал в связи с необходимостью великого духовного компромисса в современном мире, пока человечество в своем космическом и все ускоряющемся витке развития разворачивается в познании законов ноосферы к изначальной (именовавшейся не столь давно уничижительно-скромно — "ранней") религии как философии природы, за которой скрывается некое Высокое Знание, чьи отголоски уловимы в культурах и мифологиях не только Древнего Египта и Древней Индии, но и у народов Алтая, Сибири, Индейской Америки.

Это же древнее, загадочное Знание словно объемлет собою и все мировые религии, как бы они ни отличались друг от друга формально-обрядовой стороной. Высокомерно попираемый и теснимый ими шаманизм, будь он алтайский или американский, арктический или африканский, как раз откровенно предполагает существование предшествующего нашему и некогда погибшего по своему неразумению человечества, и признает также наличие других миров — "верхних и нижних", находящихся не только за пределами видимого, земного Неба, но и в других измерениях и плоскостях. Только Знание это словно закодировано в своеобразной символике, зашифровано в малопонятой, буквально переводимой лексике, намеках и недомолвках, во всем том, что должно разуметься, подразумеваться, но ни в коем случае не должно быть произносимо вслух. Многое и очень значительное сокрыто за позднейшими напластованиями и привнесениями со стороны,

зачастую случайными, наносными. Разумеется, наука, основанная на материалистической философии, логике и фактах, едва ли способна отнестись к этому явлению непредвзято, что мы и видим по тому, как она не может объяснить и растолковать вразумительно происходящее с нами и со всей страной.

Психологический смог заполнил страну прежде, еще раньше, чем подступила к ней беда другая — экологическая. А она, в свою очередь, оказывает все возрастающее влияние на всю внутреннюю сущность человека, заполняя и обволакивая окружающую его среду обитания, оттого любые движения его души, проявления чувств и помыслов оказываются в прямой зависимости от степени чистоты или загрязненности этой среды. Это похоже на возникновение и распространение пандемий, берущихся внезапно, невесть откуда, но, в отличие от них, не развеивается и не проходит, поскольку не принимается никаких очистительных мер нравственно-общественного характера. *Полнейшая атрофия Совести у значительной части населения* — вот название жесточайшей хвори, поразившей ныне нашу страну. Именно от нее, а не от экономической разрухи и социальной неряшливости страдает и мучается весь народ. Никому от этой хвори не отсидеться за толстыми запорами и высокими стенами коттеджей и дач, дворцов и офисов. Всех она найдет и поразит в свой час и срок. От нее не откупиться и не избавиться, поскольку хворь эта зародилась и проросла в наших собственных душах, о наличии которых нам велено было забыть. В свое время столь ничтожно мало уделялось времени и места в нашем внутреннем мире вопросам души и совести, жизни и смерти, добра и зла, что это лишний раз подтверждает, в каком королевстве кривых зеркал мы пребывали да и продолжаем пребывать, даже не задумываясь, в каком плену находимся. И до сих пор мы опутаны сетью ложных представлений, так, что не ведаем истинных — иных — ценностей; более того, продолжаем втаптывать в грязь бесценные сокровища — делаем это просто и буднично, не стыдясь, поскольку не ведаем греха, и не боясь, поскольку не представляем себе цены искупления и суда. Мы привыкли так жить, не заботясь о посмертной чести и вечной душе. Нам так внушили. Нас так скроили. Нас учили и воспитали в дерзостном невежестве, лютующем хамстве, не признающем ни отца, ни мать, ни Бога, ни

черта, ни прошлое, то есть предков, ни тем более будущее, то есть своих же потомков. Значимым, истинным объявлялось только текущее, суетное. Материально-реалистичное. Долженствующее быть, находиться, обретаться тут, под рукой, сиюминутно. А ныне эта сатанинская круговерть, обернувшись ложной свободой, возросла миллионократно, заполнила не только улицы и площади, экраны и страницы, сцены и ристалища, но залила все поры несчастного общества, погружающегося во все более и более глубокий, беспросветный мрак Инферна. Разумеется, такой сгусток труднопрошибаем даже для живительного света солнечных лучей, для очистительных движений ветра и воздуха; если людские мозги проросли шерстью, а сердца заплыли, затянулись жиром, они не способны откликнуться на зов стихий, на солидарность с природой. Слишком тяжела концентрация зла, тьма-тьмущая над землей, и оттого мрак и безысходность воцаряются в душах людей. Весь мир, затаив дыхание, следит, кто с болью и жалостью, а кто с нескрываемым злорадством за Россией: сможет ли, сумеет ли очиститься и одолеть, перебороть зловещую Тьму светлый Дух — Арасей-Ээзи? Неужто, думается иногда в отчаянии, Россию ждет участь Древнего Рима? А почему бы и нет, — нашептывает тихий, но зловещий голосок, — коль не хочет, не желает озарения сам ее народ, так тому и быть, разве не Господь покарал Содом и Гоморру, лишил языка и разума Вавилон, и низверг дерзостный, самонадеянный Рим? Разве не порушились великие царства и империи, отступившие от нравственных устоев и естественных законов? Разумеется, нам, не привыкшим на своем коротком человеческом веку видеть гибель подобных махин, трудно свыкнуться с подобным исходом, даже представить себе невозможно. Слишком несоизмеримы масштабы и величины. Но вот простой пример. Сколько человек ни видит смертей, кончины, гибель людей — близких или чужих, но трудно ему вообразить, представить собственный конец — душа его, живая плоть не смиряется, восстает где-то там, в глубинах и тайниках сознания. Так и с Родиной — своей, а не чужой.

Ну, а ежели присмотреться, да призадуматься крепко, ежели вот так да разом попытаться обхватить мысленным взором все то, что творится с ней, одной шестой частью суши? — жуткая ведь картина предстанет, все равно что бьется, корчится в страшных судоро-

гах и конвульсиях огромное, живое тело, сводит руки, ноги, льется, хлещет кровь, внезапно охватывает беспамятство, словно сводит с ума, издаются какие-то нечленораздельные, невнятные звуки и крики, производятся непроизвольные движения и т.д. И все это продолжается вот уже в течение ряда лет. Как говорится, болезнь затянулась. И есть ли надежда на выздоровление? Посмотрите, какая сверхконцентрация тьмы в обществе потребления и материальной наживы. Культ "золотого тельца" заместил место Бога, а несчастным этим все одно — лишь бы где что урвать да хапнуть. Уже Везувий клокочет, а Помпеи предаются греху и разврату! Уже дороги все разбиты, а все хотят кататься на иномарках! Не работать, не производить, а жить припеваючи, отпихивая от корыта с пойлом более слабых и тщедушных.

Ныне граница проходит не между государствами, но между душами. Не религии разделяют людей, но вера и безбожие, зло и остервенение, добро и любовь. Граница главная пролегла между людьми Бога и людьми дьявола. А для этого нет и не может быть никаких границ и пределов, установленных людьми и для людей.

И вот эта-то, происходящая на глазах у всего мира, болезнь Москвы — это особая пагуба. Она обусловлена особенной и непонятной для непосвященных первопричиной. Эта пагуба не столько политического или социально-экономического порядка, как представляют себе наивные депутаты и хитроумные политики. Воздействие извне? Конечно, это имеет место, но это — побочный отрицательный эффект, который лишь отягощает течение болезни вследствие ослабленности организма, вследствие нарушения общей иммунной системы. Погибель эта — месть Арасей-Ээзи (Духа России) за разор своего Очага-Гнездовья в душах и сердцах ее народов. За забвение заветов предков. За отступничество от своего призвания и своей всемирно-исторической миссии. За жгучую зависть и заглядывание на чужой каравай.

Да, диагноз точный. Только эта погибель — еще не смерть. Духи взяли свое. Понадобился только век для завершения трагического цикла — замкнуло на физической гибели Системы, созданной для борьбы против них, в течение сотен и сотен лет оберегавших и защищавших страну и ее людей от злой напасти, лихолетья и ворогов-татей. Коль добрые, кровные духи отвернулись от пре-

давших и позабывших их людей, то голодные и злые демоны, взращенные и сконцентрированные Системой в самых что ни есть жизненных центрах, съели ее саму, накинувшись вначале на своего творца — Партию. Так всегда происходит с теми, кто незнаком с классическими законами и положениями шаманизма и не умеет обращаться с духами. Все происшедшее настоящие камы, будь они рядом с нами, могли бы объяснить примерно так, как это попытался сделать я. Когда Система была всемогущей, она пребывала в полной уверенности, что дело ее правое, а главное — бессмертное. Так было заложено в ее учении классиками — великими шаманами. А поскольку последующим преемникам было строго-настрого запрещено развивать, улучшать основные положения, которые именовались высокопарно " всеобщими истинами", то Система не понимала, что ее задавят, задушат под конец собственные порождения, как эманации зла, разрушения и безверия — ведь они, будучи раз сотворены либо внедрившись в тело сами, не отстают до тех пор, пока не изведут. Не только человека. Но и страну, народ, государство, как выяснилось.

Способы изгнания бесов-*ӱзӱтов* в шаманизме разработаны досконально. Не хватило умения "шаманам" Системы — они умели пользоваться только своим оружием, они прислушивались только к своим словам, все остальное отвергали как предрассудки и пережитки прошлого. Вот почему они теперь сами стали "пережитками прошлого", с которыми ведут борьбу жрецы другой школы, взобравшиеся тем временем на их места.

Эти также не понимают шаманский язык и символику. Как же они будут лечить эту "особую болезнь" России, применяя заморское зелье?!

И вот сейчас самое время повернуть повествование к другой ипостаси алтайской национальной религии — бурханизму. Это убедительнейший пример того, как сам народ нашел наилучший выход из мучительного кризиса, поразившего все стороны его быта и самого этнонационального существования в сложнейший для себя период. Экономические, социальные, духовные обстоятельства, складывавшиеся на тогдашнем Алтае, были весьма и весьма схожи с нынешними.

В самый канун наступления эпохи великих войн и революций, смут и потрясений необходимо было заложить нерушимые основы

и твердыни для защиты и сопротивления, для укрепления народного духа, усиления устоев традиционного мировоззрения с тем, чтобы Алтай смог выстоять вопреки всем агрессивным вызовам времени в течение XX века. Кто бы смог совершить подобный подвиг? У алтайцев — некрещеной и кочевой части народа — тогда, естественно, не было ни ученой интеллигенции, ни теологов или философов, способных к религиозному реформаторству, ни тем более дальновидных политиков, которые пеклись бы о будущности своего народа, ни даже толковой администрации, кроме полуграмотных *зайсанов*, озабоченных больше своим животом, нежели такими абстрактными вопросами бытия, как добро и зло, свет и тьма, мир и война, земля и воля.

И тем не менее, казалось бы невозможное свершилось! И совершил это, конечно, *ак јанг*. "Бурханизм" — термин, прямо скажем, условный и крайне неудачный. Это был решительный шаг вперед и мгновенное преображение в крайне неблагоприятных условиях надвигающегося века. Внешне неожиданный всплеск новой веры, могучий духовный взрыв произошел в горах и долинах Центральной части Алтая ровно за десять лет до начала грандиозной катастрофы в мире — начала первой мировой войны. Почему-то никто из ученых-специалистов до сих пор не задумывался над этим, не озадачил себя вопросом, как и почему так произошло. Бурханизму в этом отношении повезло еще меньше, чем старому шаманизму. Политизированный подход к этому течению алтайской духовной мысли все еще не преодолен. Его, собственно говоря, не изучали, но скорее бичевали, оплевывали и поносили. В чем причины и истоки столь лютой ненависти к этому светлому Учению? Какой только хуле и клевете не подвергалась наша вера, чего только не слыхивали уши наших отцов и дедов да и нас самих по сей день в отношении наших святынь и непреходящих ценностей! Ведь все продолжалось вплоть до крушения политической системы, основанной на идеологической монополии КПСС. Но это еще не самый конец — подобное холуйско-плебейское отношение к национальной религии — по инерции, пожалуй, и с учетом "уездности", периферийности мышления и в силу отсталости общественного сознания — все еще продолжает гнездиться в умах и нынешних бонз, и псевдоученых — выкормышей прежней Системы.

Бурханизм, или "белая вера" — это как раз убедительный пример той самой успешной "переработки старого в новое", хорошо известный фольклористам и этнографам. Прямой наследник алтайского шаманизма как пантеистического способа восприятия и объяснения окружающего мира, бурханизм вобрал из него все лучшее, решительно вычистив позднейшие наслоения и неизбежные суеверия и пороки. И в то же время, как его непримиримый низвергатель и антипод, бурханизм отбросил мракобесие, кровавые жертвоприношения и фокусы над больными, ритуальную грязь и бытовую неряшливость, присущие шаманистам-кочевникам, столь красочно живописуемые Радловым на страницах его дневника "Из Сибири".

"Бурханизм... по своему содержанию есть совершенно новый вид религии, не встречающийся еще в жизни народов", — такую характеристику дал в свое время А. В. Анохин, хотя "ак янг", на наш взгляд, это не столько "новый вид", но скорее восстановление в изменившихся условиях синкретической религиозно-философской традиции, характерной для Центральной Азии, где веками происходил удивительный симбиоз религий, культур, языков и этносов. И перевод был сделан на скорую руку, не вполне точный в смысловом отношении. Тут мы имеем дело с буквалистской калькой с плохо понимаемого алтайского, в котором слова зачастую имеют двойной, сокрытый подтекст, раскрываемый только посвященным, — то есть верующим, адептам-единоверцам. Алтайский язык — это язык тюрков-буддистов, манихеев и несториан, приобщенных с давних пор к возвышенным учениям Верхней Азии. В сакральном языке алтайских тюрков — теленгитов-телеутов — "белая вера", *ак янг* — это значит, *правая, святая вера*. Для пущей убедительности приведем, например, перевод благоверным протоиереем М. В. Чевалковым шаманистского выражения: "алты өркөштӱ ак ягалым" — то есть "шестишишечный (шестигорбый) мой белый (святой?) бубен"*. Уж он ли не знал христианский лексикон и он ли не сознавал сокровенный подтекст родного языка!

---

* См.: Г. Н. Потанин. очерки Северо-Западной Монголии. — СПб., 1883. Вып. IV. с. 42.

Ак янг — это, значит, *вера чистая, пресветлая*. Иначе говоря, без кровавых жертвоприношений духам, без причинения вреда животным, без употребления *"эки ачу"* — курения табака и винопития и, конечно же, без якшания с царством Эрликовым при любых обстоятельствах. Этим подчеркивалась еще и чистота Учения.

Ак янг — значит, *вера святая*. А *белой*, то бишь *святой*, в отличие от "черной", камской называли свою веру христиане Алтая, Семиречья и Монголии в средние века, в период до и после образования Монгольской империи.

"Для народов Центральной Азии цвет всегда служит и опознавательным, и оценочным признаком. Название "желтая вера" возникло в древности, ибо последователи Будды Гаутамы, Шакьямуни, явившегося людям в образе царевича, носили одежды желтого цвета. Удержалось оно и тогда, когда ламы в Тибете и Монголии ходили в бараньих шубах. Христианство, распространившееся в Монголии в X–XIII веках в форме несторианства, называли "белой верой", а древнюю тибетскую религию Бон — "черной верой".*

"На Алтае шаманизм в XIII веке уже был сильно развит, уживаясь там с несторианством".**

"Христианство несторианского толка еще в IX веке распространилось среди енисейских кыргызов и сосуществовало у них с шаманистскими культами".***

"Не исключено, что следы влияния несторианства прослеживаются в алтайских мифах о сотворении мира".****

Эти цитаты приведены с целью показать, что мы, алтайские люди, ко всему вышесказанному имеем самое непосредственное отношение в течение всего обозначенного периода, а оттого название или термин "ак янг" — *белая вера* — вовсе не является выдум-

---

* Л. Н. Гумилев. Старобурятская живопись. — М. — 1975. с. 7.

** Л. Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства. — М., 1970. с. 300.

*** С. Г. Кляшторный. Историко-культурное значение Суджинской надписи. Проблемы востоковедения. 1959. № 5. с. 166—168.

**** С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии. — Л., 1936. с. 134.

кой бая Манди или реформатора Шуура. Этим названием подчеркивались три обстоятельства, имеющие принципиальное значение как для адептов обновленной веры, так и для окружающих — шаманистов, христианских попов, местных властей: принадлежность к России, то есть подданство Белому Царю, преемственность к древней "белой вере" — несторианству своих предков и трансформированный ее характер — по отношению как к шаманизму, так и буддизму ламаистского толка.

Следовательно, как видим на этих примерах, переходы из одних форм в другие, трансформации культов местных духов и божеств и включения их в пантеоны несторианства и буддизма были нередки как в древнеуйгурские (теленгитские по отношению к территории исторического Алтая) и киданьские, наймано-кереитские, так и монгольские времена. А из этого следует, что с подобным явлением мы имеем дело и в реформаторские для северного буддизма времена Цзонхавы (XIV век) и Зая-пандиты в Ойротском Союзе (XVII век). Так, в примечании 160 на странице 202 своей монографии "Алтайский шаманизм", споря и не соглашаясь с С. Г. Кляшторным, Л. П. Потапов утверждает следующее: "С. Г. Кляшторный в статье "Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках" (с. 133) назвал неточным мое замечание о том, что в памятниках уйгурской письменности Умай как божество не встречается. В доказательство он сослался на уйгурский текст X в., в котором названа "благодетельная Умай-царица и включена в буддийско-тюркский пантеон". Но я не могу принять его упрек, так как исследовал и писал об Умай как об одном из высших божеств древнетюркских шаманистов и не рассматривал буддийско-тюркский пантеон. Перемещение же божеств и духов из шаманистского пантеона в буддийско-ламаистский и обратно является довольно известным и неоднократно отмечалось, например, у телеутов, бурят, монголов. В таких случаях обычно при сохранении божества его сакральные функции изменяются, хотя иногда остаются прежними, но в новом выражении".

Ак Янг (Светлая Вера) — это великий компромисс, найденный мудрой душою алтайского народа между древним изначальным

шаманизмом, пантеистическим буддизмом и христианством, а также исламом. Это Учение, открытое для диалога, для взаимодействия и позитивного развития на синкретической основе, не оскорбляя и отвергая, но сочетая и дополняя друг друга. В нем слышны еще какие-то, нами не вполне осознаваемые, отзвуки Учения Лао о Вечном Пути — Дао. Но Дао — не как *Јол*, а как *Салым*.

Ак янг не подавил, не уничтожил шаманство как комплекс нравственно-этических ценностей тюрков Алтая. Он только прекратил шаманскую практику как способ лечения больных путем жертвоприношений скота духам. Более того, он сохранил и развил светлую пантеистически-экологическую сторону классического шаманизма. Культ гор и рек, отчей земли-воды приобрел еще более отчетливые очертания всеобщего культа Алтая как Кудая на уровне монотеистической религии. Вследствие мягкого принуждения и побуждения многие бывшие шаманы стали вестниками и проповедниками обновленной религии, вероучителями — *ярлыкчы*. Трансформация и обновление религии укрепили духовно-нравственные элементы и общинно-коллективистские тенденции в социальной структуре алтайского общества, несмотря на бурное развитие капиталистических начал в экономике и хозяйстве. Все беловерцы стали осознавать себя единой общиной и одной этнической семьей, что сплотило и укрепило весь Алтайский Улус, состоявший из семи *дючин-отоков*. Более гибкий и динамичный, а главное — сплоченный и единый, по сравнению со старым шаманизмом, ак янг успешно справился с вызовом времени. Выработка особой, коллективистской формы обрядовых песнопений — "*ойойым*" — возвестило о небывалом: произошло духовное преображение народа. Отныне он готов был мужественно и стойко встретить все битвы и бури грядущего века — в эпоху помутнений и помрачений разума. Обо всем, что пришло в горы и долины Алтая потом, мы знаем из нашей недавней истории и политики. Но оценка дается по конечному результату, а он неоспорим. На исходе XX века мы видим, что алтайский национальный дух и традиции, религию и культуру, язык и сам этнический массив в наибольшей степени сумели уберечь и сохранить, более того, развить и приумножить только там, где успешно рас-

пространился, взяв под крыло Учения свой народ, ак янг — *святая вера,* данная самим Алтай-Кудаем Ак-Бурканом.

Отныне не следует допускать противопоставления ипостасей нашей общей религии на кара янг и ак янг. Период диспутов давным-давно миновал. В алтайской религиозно-философской системе они соотносимы меж собой подобно Ветхому и Новому Завету. Народ, озаренный и вдохновленный божественным Духом, избрал свое Учение сам на вечном пути к Богу.

* * *

И уже как это было не раз за эти годы и годы, пред моим мысленным взором предстала пустынная долина Куйума.

Это было около двадцати лет назад, причем заехал я туда как бы по чистой случайности. В связи с приближающимся 30-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне по всем районам-аймакам отправлялись летучие бригады, так называемые агитпоезда. А я был в ту пору, конечно, молодой и неуемный, одержимый желанием ездить и ездить, побывать непременно в самых дальних урочищах и стоянках, маленьких, позабытых Богом и людьми деревушках. Была жажда новых встреч и знакомств, узнавания просторов и далей нашей родной земли. Естественно, я использовал любую возможность такой поездки, тем паче иные, обремененные семьей и службой, маститые люди как-то избегали, казалось, пустых и ненужных им встреч, такого времяпровождения. Понятно, что за такие встречи никаких гонораров не предполагалось и книжка без очереди в план никоим образом не попадала, так зачем же пустые хлопоты? Резон в этом, возможно, был. Но моя правда заключалась в другом. Я приобретал и правильно делал. Последующие годы доказали мне самому мою правоту. Жаль, что все еще и не во всех уголках побывал, а еще более — что редко приходится встречаться с людьми. Но тогда — когда писать? А вот такая суета, она, что, предполагает и располагает, особенно в нынешние-то времена, к писательским и научным занятиям? — И раньше-то у нас негусто было, а ныне разве проживешь таким трудом? Но если вдуматься, если принять во внимание то, как жили и творили поэты и ученые других стран и эпох — им, что, легче было? Да

никаких регулярных литературных заработков, как не было и своих профессиональных творческих союзов. Жили тем, что Бог пошлет. Не спонсорством, но высоким покровительством и вниманием царственных и сановных особ, как правило, образованных и умеющих ценить ум и талант. Не в пример нынешним!

Что и говорить, молодость, горячая кровь! Настояли на поездке в Куйум, хотя серая хмарь, предвесенняя распутица не располагали к поездке. Тут бы поближе да в теплом клубе или конторе. Поехали вместе с критиком Валерием Чичиновым. Мы знали, что значит Куйум для нашей литературы и искусства. Слышали еще, что где-то в глубинах этой долины похоронен композитор А. В. Анохин. В те годы как-то немодно было говорить о религии да еще о шаманизме. "Предрассудки и пережитки прошлого" не поощрялись и мало занимали умы местной творческой интеллигенции. Для тогдашних властей место это было Богом забытое, никчемное. Неперспективное, так сказать, селеньице да и народу там, раз-два и обчелся, все переехали, остались недотепы какие-то, которые как-то живут, чем-то пробавляются, то охотой промышляют втихаря, то коней пасут совхозных.

Местами еще лежал снег, было и ветрено, и холодно, оттого как-то неуютно на душе. Дорога долго петляла по ухабам и рытвинам. Да что за рассказ о дорожных каких-то ощущениях, словно кому-то интересно это, али я не местный человек, а залетный какой-то журналист или европейский путешественник эдак середины прошлого века, чтоб бахвалиться и упиваться собственным мужеством и решимостью — к туземцам заехал!

Мы побывали лишь в нижней, заселенной части Куйума, там и сям стояло около десятка-два домов, точнее, избушек старой поры. Выступали там, кажется, в здании бывшей школы. Помню, распространяли книги — алтайскую литературу, из склада книжного магазина в Эликманаре. Брали, но как-то вяло, без огонька и задора. И это на родине Павла Кучияка, Чалчыка Чунижекова! А чему было удивляться да еще в ту пору — сторона-то какая, закатунская, духа алтайского почти нет, а в школах детишек языку родному не обучают, а такое обстоятельство выяснялось повсеместно, где мы ни побывали — в Уожане, Эдигане, Узнезе, Чопоше, Куюсе. Кроме Бешпельтира нигде язык алтайский был не

в чести. Хотя и прошло с тех пор двадцать лет да на карте мира появилась Республика Алтай, а много ли в этой области изменилось у нас к лучшему? Запомнилась женщина-молодайка. В лисьей алтайской шапке, сразу было видно, что нездешняя, спросили — родом из Бешской долины, замуж сюда вышла. Вот она-то и оказалась ревнительницей возрождения родного языка и народных обычаев.

А что потомки знаменитого кама Сапыра, прославленного по всей округе?..

А куда ж подевались, возникает вопрос, многочисленные жители этой некогда достославной долины? Из Куйумской сокровищницы в свое время немало почерпнули известные всем корифеи науки — Потапов, Анохин, Баскаков, Коптелов. Долина эта дала немало именитых людей, известных на Алтае. Но сами люди-то где? Где куйумский народ? Ушли, утекли. Разъехались по всем весям и аймакам. Больше всего их в нашей Улале, то бишь в столице.

И сидит оглохший от контузии в Австрии Туянин Санат, сын кама Сапыра, в своей избушке, подкладывает маралятины, угощает да рассказывает о своем житье-бытье. Возле него копошились младшие сыновья — от другой жены. А всего детей у него, как выяснилось, шестнадцать. И эта, неслыханная даже по тем временам цифра, поразила мое воображение так, что застряла надолго в памяти. В молодые годы он был могучий мужчина, так загонял на лыжах по глубокому насту марала, что, догнав, заскакивал на него верхом и закалывал ножом. Настоящий охотник! И на войне он был славный труженик.

Центральная усадьба совхоза там внизу, в Узнезе — узкой прикатунской полосе, а здесь, где простор и приволье для хозяйствования, все заброшено. Некогда в этой долине было три крупных поселения, а ныне? Всего ничего. Эти дворы — остатки разъехавшейся деревни. Сколько вот по стране разорили таких мест! Сколько порушено родовых гнезд и вековых традиций! Вот из-за такого оскудения глубинной России и закончила бесславно свое существование Великая Система, оказавшись самоубийцей. Все делалось как нарочно для того, чтобы иссяк, ослаб вечный источник жизни и духа страны — деревня, урочище, стойбище, аул…

И все-таки! Корень-то остался. Вот он, корень! Санат с малыми сыновьями. Даст Бог, и этот корень пустит побеги.

Спустя несколько лет, уже в читальных залах Ленинки и Исторички, в тесных комнатках, которые я снимал, как птица, хоронящаяся возле опушки Большого Леса, то на Мичуринском проспекте, то в Очаково, в подмосковном Переделкино или Лукино не раз вспоминал их, сыновей Саната. Даже в цикл стихов включил эти образы, дополнив вычитанным в работах и трудах Анохина и Баскакова, Потапова и Никифорова.

Почему не в родную Каракольскую, во всяком случае Урсульскую, а именно Куйумскую долину я перенес место действия "Гимнов Земли и Воды", то есть произведений охотничье, обрядовой, по существу пантеистически-шаманистской поэзии? Ответ, думаю, станет понятным, если сообщу, что там, в Каракольской долине, куда всегда влекло Чорос-Гуркина, Павла Кучияка, хотя они сами были уроженцы этих мест, народ исключительно бурханистского вероисповедания и живет он там густо, крепко держась своего. Это моя родина, и этим уже все сказано. Все равно что я сам. А во-вторых, именно в ту первую, памятную встречу, я задался оживить дух, дремлющий или впавший в сонное забытье, дух Куйумской долины, вызвать интерес к ней, чтобы знал и помнил народ об одном из некогда славных очагов нашей культуры и духовности. Затем, что немаловажно для самой собственно задачи этого цикла, в моих краях нет, скажем, ветхозаветных традиций, восходящих к древнему культу гор и рек, почитанию шаманистских духов, непременных спутников всяческой поэзии и искусства.

Дух Каракольской долины, дух Юч-Сумера велик и прекрасен, но это другой дух, имеющий пуповину в нагорьях Тибета и просторах Хангая. А в Куйуме явственней и ближе, как впрочем и в Улагане, сознаешь свою взаимосвязь с извечными духами земель и вод.

Когда мы были в Куйуме, нам показали место, где некогда жила единственная найманская семья. Это было стойбище рода Кучияков. Я ушам не поверил, враз навострил их, когда, наряду с выговором "*майка*" вместо привычного "*майга*", в устах Саната прозвучало "*найман*", а не "*майман*". Сохранилось все же в алтайском лексиконе старинное "найман" — вот оно и доказательство! В первый раз, также несколько лет назад, еще в студенческие

годы я услышал в разговоре нашей первой киноактрисы Яйкан Тугиной, проживающей в Москве, выражение "найман". Но тогда подумалось, что она, бывавшая в киргизской и казахской среде, могла позаимствовать оттуда, из родственных и близких языков. Нет, значит, все же наше, свое слово. А попробуй нынешним "майманам" докажи, объясни, что они за последние сто лет исказили собственный этноним — поди, будут спорить с пеной у рта, не соглашаясь и не принимая свое, родное. Такая вот трагедия, обыденный в общем-то исторический случай — отрываясь от корней, люди постепенно перестают ощущать почву под ногами. Не терплю невежества, особенно патриархально-кондового. Присущего в особенной мере нынешнему поколению — невежество полуобразованщины, а потому агрессивное и нетерпимое к знанию…

Найманов, как насельников, в этой долине ныне нет. И это тоже, пожалуй, характерная особенность долины, как последнего шаманистского региона. Да, найманы некогда пребывали в Прикатунье. Жили они, судя по их прозвищу-дразнилке, в районе от Чемала до Кюю (Кўбў/Куюса) — в верхней, вольготной для скотоводства части долины. Тут они, видать, вступили в стычку с шаманистами, поскольку, как повествуется в предании, осерчав сильно, отрубили голову зятю своему — Тёкию, который был кам, да и засунули ее в золу. От каких времен идут эти отголоски былых религиозных и мировоззренческих противоборств? Найманы ведь еще на самой изначальной стадии своего появления в анналах центральноазиатской истории вместе с соседями и сородичами своими — кереитами — выступали в качестве господ Центральной и Западной части нынешней Монголии и придерживались они "белой веры" — несторианства. Именно так повествуют источники, европейские и восточные. И потому уже во времена второго монгольского императора Угэдэй-каана найманы, обитавшие по Алтаю и Семиречью, также упоминаются в качестве несториан. Не оттуда ли идет еще одно упоминание, что какая-то их группа состояла при дворе Ойрот-хана в качестве винокуров, судя по сообщению, приводимому о. К. Соколовым, Урсульским миссионером?

Алтайские найманы сыграли значительную роль в великой трансформации шаманизма, хотя внешне, как участники грандиозного действа, разыгравшегося летом 1904 года в виде стремитель-

И все-таки! Корень-то остался. Вот он, корень! Санат с малыми сыновьями. Даст Бог, и этот корень пустит побеги.

Спустя несколько лет, уже в читальных залах Ленинки и Исторички, в тесных комнатках, которые я снимал, как птица, хоронящаяся возле опушки Большого Леса, то на Мичуринском проспекте, то в Очаково, в подмосковном Переделкино или Лукино не раз вспоминал их, сыновей Саната. Даже в цикл стихов включил эти образы, дополнив вычитанным в работах и трудах Анохина и Баскакова, Потапова и Никифорова.

Почему не в родную Каракольскую, во всяком случае Урсульскую, а именно Куйумскую долину я перенес место действия "Гимнов Земли и Воды", то есть произведений охотничье, обрядовой, по существу пантеистически-шаманистской поэзии? Ответ, думаю, станет понятным, если сообщу, что там, в Каракольской долине, куда всегда влекло Чорос-Гуркина, Павла Кучияка, хотя они сами были уроженцы этих мест, народ исключительно бурханистского вероисповедания и живет он там густо, крепко держась своего. Это моя родина, и этим уже все сказано. Все равно что я сам. А во-вторых, именно в ту первую, памятную встречу, я задался оживить дух, дремлющий или впавший в сонное забытье, дух Куйумской долины, вызвать интерес к ней, чтобы знал и помнил народ об одном из некогда славных очагов нашей культуры и духовности. Затем, что немаловажно для самой собственно задачи этого цикла, в моих краях нет, скажем, ветхозаветных традиций, восходящих к древнему культу гор и рек, почитанию шаманистских духов, непременных спутников всяческой поэзии и искусства.

Дух Каракольской долины, дух Юч-Сумера велик и прекрасен, но это другой дух, имеющий пуповину в нагорьях Тибета и просторах Хангая. А в Куйуме явственней и ближе, как впрочем и в Улагане, сознаешь свою взаимосвязь с извечными духами земель и вод.

Когда мы были в Куйуме, нам показали место, где некогда жила единственная найманская семья. Это было стойбище рода Кучияков. Я ушам не поверил, враз навострил их, когда, наряду с выговором "*тайка*" вместо привычного "*тайга*", в устах Саната прозвучало "*найман*", а не "*майман*". Сохранилось все же в алтайском лексиконе старинное "найман" — вот оно и доказательство! В первый раз, также несколько лет назад, еще в студенческие

годы я услышал в разговоре нашей первой киноактрисы Яйкан Тугиной, проживающей в Москве, выражение "найман". Но тогда подумалось, что она, бывавшая в киргизской и казахской среде, могла позаимствовать оттуда, из родственных и близких языков. Нет, значит, все же наше, свое слово. А попробуй нынешним "майманам" докажи, объясни, что они за последние сто лет исказили собственный этноним — поди, будут спорить с пеной у рта, не соглашаясь и не принимая свое, родное. Такая вот трагедия, обыденный в общем-то исторический случай — отрываясь от корней, люди постепенно перестают ощущать почву под ногами. Не терплю невежества, особенно патриархально-кондового. Присущего в особенной мере нынешнему поколению — невежество полуобразованщины, а потому агрессивное и нетерпимое к знанию...

Найманов, как насельников, в этой долине ныне нет. И это тоже, пожалуй, характерная особенность долины, как последнего шаманистского региона. Да, найманы некогда пребывали в Прикатунье. Жили они, судя по их прозвищу-дразнилке, в районе от Чемала до Кюю (Кўбў/Куюса) — в верхней, вольготной для скотоводства части долины. Тут они, видать, вступили в стычку с шаманистами, поскольку, как повествуется в предании, осерчав сильно, отрубили голову зятю своему — Тёкию, который был кам, да и засунули ее в золу. От каких времен идут эти отголоски былых религиозных и мировоззренческих противоборств? Найманы ведь еще на самой изначальной стадии своего появления в анналах центральноазиатской истории вместе с соседями и сородичами своими — кереитами — выступали в качестве господ Центральной и Западной части нынешней Монголии и придерживались они "белой веры" — несторианства. Именно так повествуют источники, европейские и восточные. И потому уже во времена второго монгольского императора Угэдэй-каана найманы, обитавшие по Алтаю и Семиречью, также упоминаются в качестве несториан. Не оттуда ли идет еще одно упоминание, что какая-то их группа состояла при дворе Ойрот-хана в качестве винокуров, судя по сообщению, приводимому о. К. Соколовым, Урсульским миссионером?

Алтайские найманы сыграли значительную роль в великой трансформации шаманизма, хотя внешне, как участники грандиозного действа, разыгравшегося летом 1904 года в виде стремитель-

ного и всеохватывающего движения духовной "реконкисты", остались как бы в тени. И тем не менее достоверно известно ныне, что движение зародилось в Урсульской долине, откуда распространилось по всему Центральному Алтаю — исконной обители "канкаракольских калмыков" и южных теленгитов. И возникло оно вовсе не случайно там, где жили и учили народ свой свету и добру, любви и милосердию сыновья мудрого правителя Солтона: мудрец-философ, златоуст-певец, смекалистый умелец и отважный воин-удалец, там, где на земле, осененной светом *трех святых вершин* — Ял-Мönкӱ, Юч-Сюмера и Кадын-Башы, затерялись следы легендарного Далай-Ламы VI...

Так что такое "белая вера" и чего в ней больше? Алтайского буддизма или же реформированного шаманизма? И в каком отношении это находится к христианству — ортодоксальному православию и средневековому несторианству? Кроме того, не следует забывать о долгом сожительстве на этой же территории, а следовательно и духовных контактах старообрядчества с верованиями алтайцев, их несомненном и продуктивном взаимовлиянии. Также не следует упускать из виду долгих бесед за кругленьким столиком в алтайской войлочной юрте заезжих мусульман — татарских торговцев из Бийска и Томска, казахских караванщиков с той и этой стороны Алтая. И возможно ли противополагать сына — отцу, деда — племяннику и внуку? В "белой вере" содержатся значительные компоненты этих религиозно-философских систем, которые развивались бок о бок в горах и степях Центральной Азии, зачастую переплетаясь и сливаясь, а временами сосуществуя, не менее тысячи лет, но не в виде подогнанных механически отдельных блоков или арифметических слагаемых. Это — не легкий коктейль, это органический, нерасчленимый на составные части, сплав.

Не происки мифических "японских агентов", а вполне реальный исход из Лхассы на север в Ургу, вследствие английского вторжения в Тибет, буддийского первосвященника лежит в основе поступившей на Алтай вести о грядущем пришествии Ригден-Джапохана — владыки Шамбалы. Улавливаете созвучие — Джапо-хан и "Япон-хан"? "Буурыл-Токой" — слышится нечто, похожее на "Токио", а между тем это давно всем известная географическая

местность на Южном Алтае, в истоках Иртыша — название, знакомое всем кочевникам от Кобдо до Усть-Каменогорска и Семипалатинска. А для многих алтайцев, в особенности найманов, это земля, которую их принудили покинуть в результате маньчжурско-джунгарской войны в самой середине XVIII века. Следовательно, в центральной части Алтая, вблизи русской пограничной линии, они оказались в ту пору в качестве беженцев. А все беженцы, как известно, мечтают о возвращении на родину, в свои родные места. И не их вина в том, что их страна вдруг исчезла с карты тогдашнего мира, как, например, ныне Советский Союз. Алтай же был поделен и разделен границами двух великих империй — России и Китая. Как ныне, спустя два с половиной столетия, уже границами четырех государств. О возвращении на места, ставшие территорией сопредельного государства, с тех пор невозможно стало вести речь. Разве что в песнях мечталось да грезилось.

И вот, когда земельные притеснения, социально-экономические беды, религиозно-духовное насилие и финансовый гнет, нахлынув на Алтай разом, довели народ до самого края отчаяния и беспредела, сделав жизнь тюрку-калмыку в родном Алтае поистине невыносимой, по бедным урочищам, задавленным нуждой и нищетой, прокатилась весть об ожидаемом чуде — пришествии долгожданного Мессии, избавителя от зол и бед, своего рода Гэсэр-хана, истолкованного в легендарного Ойрот-хана. Сердца людей озарила искорка надежды — а не наступает ли впрямь новый век. Чем черт, как говорится, не шутит… Был Ойрот да сплыл. Кто знает, может, и Муклай-каан того… Какая-то война далеко на востоке, какой-то неизвестный Япон-царь там громит Белого царя. Революция. Всякое слышится и мерещится бедному кочевнику…

Беженцам положено мечтать. Даже если ожидания растягиваются не на одно поколение. А ведь минуло ни мало, ни много как полтора столетия. Географические представления притупились, стали обрастать легендарными чертами и покрываться дымкой и маревом… Песни, легенды, моления, воспоминания. Там Буурыл-Токой, там и золотые купола Сары-сумэ — буддийского монастыря на оставленной в лихую годину родном йурте…

Вот бы на таких аспектах и сосредоточить внимание, отказав-

шись раз и навсегда от бессмысленных усилий, сродни труду Сизифа, по изобличению "бурханизма", когда сам наш народ сделал осознанный выбор и наилучшим образом давным-давно соединил и примирил все струи в один целостный поток. И как все-таки жаль, что алтайская мифология, ее основные духовно-нравственные приоритеты, внутренние, сущностные опоры, прямо скажем, вследствие длительного, перманентно политизируемого подхода, не в последнюю очередь из-за плохо скрываемой неприязни и неприятия "белой веры", как равноценной стороны в религиозно-философском диспуте, не изучены и не распознаны до конца. Надо также признать, что на самом деле, на протяжении всего изучаемого периода мы, как этнос, как духовная и языковая субстанция, являлись для многих всего-навсего лишь предметом этнографического, лингвистического и тому подобного интереса. Когда, не считаясь ни с нашим достоинством и честью, ни с нашими национальными чаяниями, позволялись — всеми, кому не лень, — грубые и высокомерные сентенции и нотации, а то и просто дикие и невежественные разглагольствования по поводу самого святого и сокровенного, что есть в нас — нашей веры, имеющей многовековые традиции и ценности, ни в чем не уступающие в познании и осмыслении окружающего мира, в понимании глубинной сути вещей и смысла жизни другим религиозно-философским учениям. Попирались не только права человека, но и жизненные интересы народа. Какая свобода совести, какого ждать уважения к чужой душе и вере, когда сами ученые — историки и этнографы, тюркологи и религиеведы, философы и востоковеды, — были обращены в научную обслугу невежественных бюрократов и самодурствующих управителей, представлявших собой неумолимое войско железной Системы, вооруженной и оснащенной сверхфанатичной идеологией и неслыханным аппаратом принуждения и подавления. Бедные головки мечтавших о родной земле "Буурыл-Токой" и воспевавших Ригден-Джапохана — избавителя от бед и зол, "Ойрот-хана"! Дурно понятый алтайский и худой перевод (подмена всего лишь 2 букв) сослужили вам плохую службу. Вот она, трагедия безвинного народа, о, жрецы науки и служители муз! Кому — диссертации и звания, а кому — горе и слезы!..

В христианстве — это грех великий на душу. В буддийском понимании — усугубление и ухудшение кармы. А по шаманизму — проклятие на корень-род свой. Не потому ли многие исследователи так и не сумели, хоть и пытались с великим усердием, познать внутренние загадки алтайской души? А как иные из них кончили дни свои? — только что нам из того…

Признаться, только за последнее время начал я призадумываться над тем, почему же мало кто из тогдашних светил сибирской науки, за исключением, пожалуй, Дм. Клеменца, сумел правильно, по-научному среагировать на зарождение нового феномена в духовном бытии Алтая. Буквально на глазах у образованной части общества происходило нечто необычное — религиозный перелом. Подобное случается ведь не каждый день и не каждый даже век. Вдруг, среди ясного неба в душах внешне мало чем примечательных, оборванных и забитых "калмыков" Алтайских гор вспыхнула искорка. Что, божья искорка, хотите уверить, у идолопоклонников? Да полноте, господа, не смешите!

Растерянность миссионеров вполне понятна — вот тебе и труды, успехи и непрерывные приобретения! 75 лет неустанной деятельности во благо Веры Христовой в недрах языческого Алтая! Какой-то там темный пастух выступил с проповедью — и все рушится, новокрещенные отступаются, переходят в невесть откуда взявшуюся ересь — "новую веру"… Объясним и страх, и гнев местного начальства: тут война с Японией, революция на пороге, а под боком ни с того, ни с сего "калмычишки" закопошились, бунтовать зачали!

Из "внешних" исследователей и толкователей алтайской религии к пониманию сути бурханизма как закономерного духовного процесса ближе всех подошли, на мой взгляд, даже вплотную, — А. Сагалаев и Л. Шерстова. Такой качественный поворот в осмыслении внутреннего преображения алтайского народа был, безусловно, необходимым. Более того, неизбежным. Мешали только тенета официальной идеологии, накинутые на полузапретную тему, да клевета и политический поклеп, ведущие начало с миссионерских "Отчетов" и некритично усвоенные последующими авторами. Очень хотелось бы, чтобы многоуважаемый патриарх Л. П. Пота-

пов от "Алтайского шаманизма" перешел в конце концов к "Алтайскому бурханизму" для достойного завершения своих изысканий на этом глобальном, жизненно важном для дальнейших судеб духовности Алтая, направлении. Ведь не убоялся же он на склоне лет своих мужественно выступить в защиту природы и народа Алтая от посягательств промышленных монстров. Будущее поколение алтайцев будет особо признательно ему, если он признает приоритеты бурханизма в качестве национальной религии, имеющей все возможности для саморазвития и укрепления в условиях надвигающегося XXI века.

В связи с новым состоянием общества возникает совершенно настоятельная необходимость переосмысления пройденного нами пути, следовательно, встает вопрос об инвентаризации всех имеющихся ценностей Алтая. Было бы, конечно, замечательно, в связи с вышеизложенным, будь проявлен надлежащий государственный подход. Если бы вопросу был придан неотложный правительственный характер. Причем отсчет следовало бы начать не с привычных хозяйственно-экономических, материально-технических параметров, а с непреходящих и нетленных. То есть с безусловного приоритета духовных ценностей в условиях становления и строительства Республики Алтай. Кстати, не следовало бы забывать и отбрасывать опыт автономной области, а он немалый. Следовало бы оценить и взвесить все упущения и ошибки, достижения и наработки за семьдесят лет. А поскольку республика возникла не на пустом месте, поначалу надо было бы подтвердить свою правопреемственность как единственной наследницы на все ее немалое достояние.

Но кто и как должен организовать столь масштабную работу, как не конкретный правительственный орган, своего рода "мозговой центр", которому должны быть приданы соответствующие статуту функции и полномочия со всеми надлежащими научными учреждениями и техническими возможностями. Поначалу достаточно образовать целостную рабочую группу для переучета и систематизации ценностей как дооктябрьского, так и советского времени с тем, чтобы определить, что следует оставить, а что взять в будущее, которое, конечно, не за горами. Справедливости ради

надо отметить, что, правда, такой подвижки в умах по отношению к своему духовному и культурному наследию пока еще не замечается в России в целом, если под нею разуметь прежде всего Москву как центр. Но особенность нынешнего этапа в том и заключается, что в современном мире тот преуспевает, кто смелее и решительнее расстается с былыми комплексами неполноценности, периферийности и провинциализма. За деревьями необходимо видеть лес, а за Тугаей — весь мир. Ведь мы живем в горах Алтая и оттого хорошо знаем, что с малых ручейков, стекающих с ледников, начинаются большие реки. Большая европейская наука зарождалась в свое время в маленьких и тихих городках. Коммуникативные возможности современного мира облегчают наши задачи. Есть сферы науки, где мы безусловно сможем преуспевать. Это как раз области духа и философии, экологии и поэзии, искусства и энергетики.

Но оглядываюсь по сторонам, осматриваюсь по горам и рекам, и пока еще мало вижу батыров духа, способных к такому подвигу. Замечаю с горечью — нет, не готовили в свое время у нас полнокровную интеллигенцию к столь ответственному занятию да и сейчас не задумываются над ее высоким предназначением. Все жалуются на нехватку средств да финансов. Да в деньгах ли все дело! А между тем миллионы бросают на ветер, на побрякушки для туземных услад и утех. И много ли науке и печати надо, а польза какая!

И вот в чем еще беда. Много у нас ныне "остепененных" — прямое наследие последних лет советской поры, когда во всем гнались за количеством, а не качеством, — но мало ученых. Почти нет концептуалистов. И совсем даже нет мыслителей, как нет интеллигенции в виде целостного слоя населения, который обладал бы комплексными познаниями общенационального масштаба. Немало у нас умных голов, а вот некому их сплотить да направить на осмысление перспектив "глубокого прошлого и великого будущего Алтая".

И есть ли, существует у нас наука как проявление национального духа и мысли, скажем, так, как алтайская литература и алтайское искусство? Имеет ли она свои, отличительные от тех или других, наработки и достижения? Свои имена и авторитеты — вид-

ные и слышимые, признанные в своей среде и сфере как, например, фольклорист и эпосовед С. С. Суразаков?

Надо, конечно, уважать своих научных руководителей и ученых-наставников, но нельзя всю жизнь ходить в учениках и подмастерьях, не имея своих взглядов и позиций. Шаман без бубна — это не шаман. Тот не ученый, кто не имеет мыслительных, аналитических способностей. Гирлянды из цитат без собственных позиций — это не цветы живые духа.

Разумеется, я мог бы написать в академическом стиле обычное послесловие — достаточно стандартное и достаточно холодное, тем более материал знаю не понаслышке и не по верхушкам. Только не могу позволить себе такой отстраненный и чужой взгляд — для меня это не просто тексты и не только памятники старой, ушедшей в прошлое культуры.

Вот, посмотрите, как же это так получилось, что к сегодняшнему дню нет у нас ни одного своего солидного авторитета по алтайскому шаманизму! Ну, просто обычного, как говорят, узкого специалиста. И по бурханизму. По местным культам. По истории христианизации. По взаимодействию религий и культур в пространственно-временном отношении — разве двадцать пять веков наши прямые и отдаленные предки пребывали на пустом месте? Почему всеми этими вопросами занимаются, а, следовательно, ведают, выносят вердикты, специалисты извне? Какое табу, как проклятие, тяготело над нами в течение всех этих десятилетий? Причины внешние, обстоятельства политические вполне объяснимы, они понятны, как божий день. Да, невозможно было заикнуться ученому-алтайцу о шаманизме — ему тут же припечатали бы оживление "пережитков прошлого". Бурханизмом заниматься было крайне опасно просто физически — тут же угодил бы в "японские агенты". И головы, ей-богу, не сносить. Позволено было выпускать лишь брошюры "о реакционной сущности шаманизма и бурханизма". То же самое о православии, исламе в Горном Алтае. Похоже, и казахов в упор не воспринимали как носителей мусульманского образа жизни и культуры. Короче, так все оно и было в период государственной монополии КПСС. Но это — лишь одна сторона правды.

А другая сторона заключается в том, что существовала и существует по сей день причина внутренняя — она в нас самих, в особенностях нашей внутренней натуры и характера. Кто, собственно говоря, не давал нам, особенно в 1980-е годы, когда идеологический пресс носил чисто символический характер, а любой умный режиссер или писатель легко обходил препоны цензуры, заняться углубленным, подлинно научным изучением, скажем, шаманизма? Причем не только и не столько с этнографической стороны, но, к примеру, в отношении психотерапии, внушения и гипноза? С точки зрения искусства, театра, пластики, музыки и пения? Где текстологическое, филологическое изучение блестящих образцов шаманской поэзии? А космогония? Философия? Экология! Этот перечень можно продолжить... Мы не занимались даже сбором и систематизацией просто текстов духовных памятников, не говоря о сопоставительном изучении на стыке других сфер и наук. Что и говорить, путы на ногах, пелена на глазах, и мрак души, как тьма египетская... Душили и продолжают душить косность, невежество, бездуховность.

Видимо, так нужно было, чтобы, прежде чем приняться за осмысление соотношения шаманизма и бурханизма как составляющих частей нашей духовности, когда общественная мысль на Алтае с началом 1990-х годов напряженно пульсирует в поисках выработки путей развития национальной идеи и определения своего места в этом бурном, меняющемся мире, я должен был вновь соприкоснуться с шаманизмом как с субстратом алтайской религии. Я должен был вновь оказаться в Куйуме, добраться до места, где под густой, раскидистой зеленью деревьев, как бы слившись с землей, стихией, природой, покоится могила А. В. Анохина. Я мчался, обежал пол-Алтая, как вдруг оказался там, сам того не зная, не ожидая. Вышло так, что я бежал почти двадцать лет, мотало меня везде и всюду, пока не привело сюда. Привело меня к осознанию тяжкой потребности духовного преображения. Как народа, так и — прежде всего — самого себя. Но слишком глубоки в нас стихия и природа — в этом и сила, в этом же и все проблемы алтайского национального духа, натуры и характера.

А. В. Анохин — один из редких исследователей духовной культуры Алтая, который по-настоящему, пожалуй, постиг, познал его потаенную, сокровенную суть. Оттого он тут и лежит, что сроднил-

ся, сблизился с алтайскими духами так, что они причислили его к себе. Он, несомненно, верил в них и жил с ними, соответственно, соотносясь с ними, советуясь во всех своих жизненных обстоятельствах и превратностях. Земля Алтая вобрала в себя бренное тело А. В. Анохина и, значит, соединила его душу, как частицу, с собой.

Дух Алтая и вечен, и велик. Ниоткуда не приходил, как говорится, и никуда не уходил. Бытие его не подвластно ни Времени, ни Пространству, а тем более людям — оно всевечно.

Может ли правоверный араб-мусульманин понять правильно чувства своих "джахилийских" предков, непросвещенных, как он убежден, светом Ислама, словом Пророка? Современному персу чуждо поклонение огню, но этот священный Огонь Заратустры горел тысячи лет на плоскогорьях Ирана, освещая путь поколений и династий. Способен ли фанатик от православия признать языческую мифологию Древней Руси в качестве первоосновы русского национального духа и народной традиционной культуры? Алчные и невежественные конкистадоры завоевали и растоптали Индейскую Америку, но древние индейские духи все же побороли испанскую цивилизацию: свидетельством тому — появление и расцвет необычайной латиноамериканской культуры как сплава и синтеза трех различных начал европейского, американского и африканского.

Дух Алтая, так всели в потомков мощь и силу, чтоб несли они, не теряя ни при нынешней смуте, ни при будущих испытаниях, веру и свет твоей Истины как суть твоих этических, этических начал; обороны и защити от внешних напастей и внутренней пагубы! Дай выковать пояс — простой и надежный — между нами и миром, между обществом и природой, между стихией и человеком, между живым духом и бездушной антикультурой, между прошлым и будущим, между Словом и Делом!

И весь смысл любых последующих религиозно-философских трансформаций нашего общественного сознания заключается в возможностях духовного оснащения народа. Не погибает лишь тот, кто успевает преобразиться в соответствии с духом времени. И не

следует тешить себя иллюзиями, что в истории развития человеческих сообществ будут некие исключения из всеобщих правил. Следовало бы и нам, как потомкам, помнить всегда о печальной участи младенческих народов и всех их варварских, самодурствующих владык, не понимавших или же не обращавших вовремя должного внимания на необходимость укрепления в народе прежде всего его собственных духовных начал. Иначе духи предков лишают их покровительства и защиты, они становятся безоружными и беззащитными против лести и порока, неги и роскоши, лжи и коварства, стяжательства и накопительства. Слишком большая роскошь — пребывать в вековом этническом сиротстве и духовном малолетстве.

Тот потенциал духовного наследия, который мы имеем, позволяет нам развернуться навстречу новой, нарождающейся духовно-экологической цивилизации, наступающей на смену нынешнему, технотронному веку, чей путь оказался тупиковым в масштабах всего человечества в условиях все большего, необратимого оскудения сырьевых запасов Земного шара. Оттого нам дается важнейший шанс. Для осознания этого с нашей стороны требуется системный подход к собственному духовному наследию, которое может оказаться в конечном счете одной из важнейших составляющих этой будущей цивилизации.

Именно в этом суть духовной реанимации Алтая.

Август–сентябрь, 1994 г.

По горам и рекам Алтая: Улалу-Майма — Катунь — Урсул — Чуй — Кобдо; Ала-Бабурган — Ял-Мöнкӱ — Юч-Сюмер — Кадын-Башы Кан Алтай — Ирбисту — Табын-Богдо.

СИБИРСКИЙ КУТУХТА

(Потанин и «Аносский сборник»)

Восемьдесят лет прошло с того времени, как в г. Омске увидел свет "Аносский сборник".

Много воды утекло по Катуни с тех пор, когда на ее прекрасных берегах жили и творили совместно эту замечательную книгу сказитель Чолтош Куранаков, учитель Н. Я. Никифоров, художник Г. И. Чорос-Гуркин и сибирский патриарх Г. Н. Потанин. День за днем, год за годом набежали, истекли восемь десятилетий, многое изменилось за это время на планете, в стране и на Алтае.

Наступила и сменилась великая советская эпоха, преображались и менялись, став во многом другими, и мы сами, алтайские люди, вместе со всеми другими народами, составлявшими грандиозное сообщество — Советский Союз. Страна в третий раз меняет свой внешний облик, сменяя типы государственного устройства, словно змея свою шкуру, стремясь все так же остаться, быть, Россией, правда, ценой отторжения, — на время или навсегда, покажет только время, — половины наличного населения и двадцатой части своей территории как доставшейся в наследство от предыдущих поколений, так и приобретенной за века исторического существования во времени и пространстве.

Изменились наш быт и уклад, другими стали наши жилища и одеяния, совсем иначе мы ходим и передвигаемся по земле. И повадки, и привычки наши во многом далеко не прежние. Многого мы лишились, но и немало приобрели. Предки нас, пожалуй, едва ли узнали, не услышь они песен и сказаний старинных, сбереженных и сохраненных вопреки всем героическим испытаниям и трагическим потрясениям. Непрерывен как всегда времени поток, уносящий с собой в бесконечном круговороте не только мельчайшие частицы — жизни людские, — но и смывающий в небытие целые государства и цивилизации.

И тем не менее, живо наше Слово, развиваясь из поколения в поколение как в изустной передаче, так и воплощаясь в книжные, письменные строки. А значит, жива душа народа, не пресекся его род, не погиб, не развеялся его дух. И вновь, как встарь, бренчат

под шум катунских волн струны *топшуура*, льются задушевные струи *ыкили* в руках искусного *кайчи*, гремит и рокочет величественный, торжественный *кай*, наполняя собой весь Алтай и все верхние и нижние сферы нашего мира.

И оттого поет и ликует душа, и светло, и радостно при мысли о том, что слово, занесенное на бумагу, не пропало втуне, не растворилось в пространстве, подобно утреннему туману в горах, а продолжает жить и развиваться, укрепляя, возвышая нас, потомков, способствуя очищению и преображению духовному, нравственному, дает прекрасную возможность каждому из нас, кто прикоснется, приблизиться к нему, стать и чище, и краше для продолжения вечного и неустанного полета мысли, творящей в поколениях мир и красоту Алтая, обеспечивая преемственность и непрерывность вековых народных традиций.

И потому мы выражаем глубокую признательность и неизбывную благодарность от имени сотен и тысяч потомков, наследников и продолжателей традиций могучей алтайской культуры, благородным создателям "Аносского сборника", сумевшим еще на заре нашего грозного века сберечь и передать нам эту сокровенную чашу, это драгоценное собрание сокровищ алтайской народной словесности. Тем самым, в переиздании и введении в новый художественно-культурный оборот таких редкостных трудов издательство "Ак-Чечек" видит свой гражданский долг.

Как известно, записи, публикации, научное изучение произведений алтайской народной словесности начались с середины прошлого, XIX столетия. Начало этой научной деятельности было положено В. В. Радловым изданием в 1866 году в Санкт-Петербурге "Образцов народной литературы тюркских племен Южной Сибири и Дзунгарской степи" на всех диалектах тюркского языка Алтая, который сопровождался параллельным, переводным томом на немецком языке. К стыду нашему, следует отметить, что с тех пор и по сей день этот уникальный труд не переиздавался ни в России, ни в СССР, следовательно, и нами самими у нас на родном алтайском языке, несмотря на то, что все издательско-полиграфические и тем более литературно-научные условия имелись, особенно в последние 30–35 лет. Хотя в других странах, например, в США и Германии, к столетию этой книги были приурочены факсимильные переизда-

ния, снабженные необходимым научным аппаратом. Препоной, полагаю, с нынешней точки зрения, если бросить взгляд на наше столь недавнее прошлое, было лишь одно: уровень мышления и отношения к делу нашей научно-творческой общественности, элементарный эгоцентризм. Ссылки на идеологический диктат тут ни при чем. Мы прекрасно помним эти недалекие времена, а также более чем миролюбивые и вполне либеральные, во всяком случае по отношению к такого рода культурно-историческому наследию, настроения и подходы местного партийного начальства. Дело было не в нем, а в нас самих. Надо иметь мужество признавать свои ошибки и преодолевать собственные недостатки. Во избежание мучительных рецидивов прошлого.

Следует назвать еще три замечательных издания досоветского периода, из которых два уже стали достоянием широкого круга нынешних читателей благодаря издательской деятельности В. Э. Кыдыева (ЧИП "Ак-Чечек"). Это следующие друг за другом по хронологии издания: "Очерки Северо-Западной Монголии" Г. Н. Потанина (1881–1883 гг. Санкт-Петербург, выпуски I и IV), "Алтайские инородцы" В. И. Вербицкого (1893 г. Москва, посмертное издание), "Материалы по шаманству у алтайцев" А. В. Анохина (1924 г. Ленинград). Материал был собран и подготовлен к печати еще в царское время, но по условиям военных и революционных лет, гражданской войны в России издание было осуществлено в позднем порядке.

Воздавая должное великим заслугам В. В. Радлова, В. И. Вербицкого, Г. Н. Потанина, А. В. Анохина, несправедливо будет забывать либо недооценивать огромный вклад наших собственных деятелей, таких, как М. В. Чевалков, И. М. Штыгашев, Н. Я. Никифоров, Ив. Чевалков, Г. И. Чорос-Гуркин, С. С. Тозыяков и многих других, которые скромно именуются в досоветских трудах лишь в качестве "информаторов, переводчиков, проводников и помощников". На самом деле их участие было гораздо более весомым и значительным. Научные достижения русских ученых напрямую базировались на этнографических и фольклорных познаниях нарождавшейся алтайской интеллигенции, которые, являясь по существу их питомцами и выучениками, с удвоенным чувством долга и ответственности перед своим, тогда еще младенствующим

и дремлющим народом и для его блага и развития безвозмездно, бескорыстно предоставляли необходимый для работы драгоценный материал.

Так, в рамках совместной деятельности в Алтайской духовной миссии В. И. Вербицкий опубликовал 6 героических сказаний, 29 преданий в прозаическом изложении, 29 песен, более сотни пословиц и поговорок, которые в основном были собраны и обработаны М. В. Чевалковым. О научно-творческом содружестве В. В. Радлова и М. В. Чевалкова мною достаточно написано в таких работах, как "Мудрый богатырь"*, "Памятное Завещание"**, "Слово об Алтае"***, куда отсылаю любознательного читателя.

Что касается столь гигантского труда как "Очерки Северо-Западной Монголии" Г. Н. Потанина, то алтайские сказания, легенды, предания, сказки, мифы и другие этнографические, религиозные материалы опубликованы в основном в IV выпуске, где автор-составитель более 40 раз ссылается на авторитетные сведения М. В. Чевалкова, поместил множество его собственных материалов. Значительная их часть мною была извлечена из "Очерков" и помещена в сборнике "Памятное завещание" под разделом "Материалы М. В. Чевалкова в публикациях Г. Н. Потанина". И это далеко не все, разумеется. Вообще говоря, уместно было бы при надлежащих условиях и возможностях издать отдельным томом "Алтайский фольклор в собраниях Г. Н. Потанина", как это сделали, например, в свое время казахские исследователи, выпустив книгу "Казахский фольклор в собраниях Г. Н. Потанина"****. И тем самым они высоко оценили имя и дело друга, сподвижника Чокана Валиханова, памятуя неоценимые заслуги Г. Н. Потанина не только в связи с тесными узами дружбы со своим национальным гением, но и в целом в изучении, популяризации культурных и духовных ценностей казахов — этого наиболее крупного и цельного кочевого народа среди тюрков. О совместной работе Г. Н. Потанина иМ. В. Чевалкова достоверные сведения приведены мною впервые в предисловии к "Памятному завещанию".

---

* Горно-Алтайск, 1987 г. «Слово о предтечах».

** Горно-Алтайск, 1990 г. «светолюбы Алтая», стр. 3—42.

*** Горно-Алтайск, 1990 г., стр. 92—115, 379—395 и в других местах.

**** ст. там же стр. 141—178.

Между тем, это только подступы к вопросу о плодотворных и длительных творческих и жизненных контактах Г. Н. Потанина с представителями алтайского народа за его долгую подвижническую жизнь, полную трудов и подвигов. В год, когда исполняется 160 лет Г. Н. Потанина и чье 150-летие мы просто-напросто "забыли" отметить, об этом необходимо сказать особо. Ведь он был с Алтаем связан практически всю сознательную жизнь еще с той поры, когда юным, двадцатилетним сотником начал свою службу на станице Чарышской Бийской казачьей линии и вплоть до самой кончины в 1920 году. Мы все еще не возвысились до широкого общественного понимания его роли и значения в судьбах Алтая того времени. Достаточно обозначить, что без него, без его товарищеской и отеческой заботы и внимания не было бы у нас А. В. Анохина и Г. И. Чорос-Гуркина, какими мы их наконец знаем и представляем.

В рамках небольшого предисловия к юбилейному вдвойне переизданию "Аносского сборника" можно отметить только, что это собрание является наиболее цельным и значительным из всего собранного и опубликованного им по алтайскому эпосу как по объему, так и по научной ценности, куда вошло 8 героических сказаний, 19 прозаических легенд. Кроме того, что их содержание характерно для современного алтайского эпоса, они представляют высокохудожественный, глубокопоэтический материал, записанный и переведенный настолько точно и полнокровно, что удивительным образом ощущаешь через русский перевод звучание и особенности оригинала так, что не составит значительного труда восстановить по имеющимся эпическим клише не дошедшие до нас сами алтайские тексты в записи учителя Н. Я. Никифорова, о личности и деятельности которого мы сами знаем до обидного мало. Насколько же за этот век укоротилась наша общественная и национальная память! Собственно говоря, не имей мы столь скрупулезные сведения об авторах и источниках в публикациях Г. Н. Потанина, таких основательных изысканий в комментариях и примечаниях, то не знали бы и эти имена, подобно тому как в работах Радлова и Вербицкого не находим ровным счетом обычных упоминаний о местах записи и данных об исполнителях и рассказчиках. А потанинские издания наглядно демонстрируют пример настояще-

го товарищества: если фактический сбор материала, записи и передачу необходимой информации осуществляли местные деятели из числа грамотных или образованных представителей народа (например, М. Н. Хангалов, бурятский фольклорист, составитель "Балаганского сборника", Томск, 1903 г. изд., по образу которого был составлен "Аносский сборник"), то редактирование, перевод, издание, научный аппарат и необходимое осмысление брал на себя он сам. В условиях того времени и разницы в уровнях интеллекта и образования это было подлинным проявлением творческого сотрудничества и взаимопонимания, необходимого для пользы дела разделения труда. В воспоминаниях современников и сподвижников о нем мы находим удивительные вещи, еще глубже раскрывающие его личность, нежели она представлялась им в ту пору. Вот, например, писатель и общественный деятель, редактор "Восточного Обозрения" И. И. Попов подмечает следующее: *"Монголы, буряты приравнивали его к бодисатве и относились с благоговейным вниманием к его словам и беседам. Отличный знаток буддизма и ламаизма, высокопринципиальный человек, Потанин был проникнут высокой моралью буддийского учения и никогда не прибегал к насилию. Он спокойно и без всякого конвоя проходил среди диких племен Южной Монголии и Северного Тибета, не имея ни одного столкновения даже с воинственными тангутами. Тибетские экспедиции других путешественников, современников Потанина, представляли из себя военные отряды и имели даже пушки (Н. М. Пржевальский), и не раз приходили в кровавые столкновения там, где Потанин прокладывал себе дорогу, исключительно руководствуясь гуманностью и человечностью. Общению с простым народом Потанину помогали его демократические убеждения, уважение к человеку и сознание того, что каждый человек, каждая национальность, как бы она незначительна ни была, имеют свою миссию, свое назначение. Эти принципы были положены им в основу его федералистической программы..."*

А вот выдержка из его длинного письма своему корреспонденту, с которым он находился в длительной переписке, педагогу и этнографу, фольклористу Н. М. Мендельсону в ноябре 1891 года:

---

* См. там же стр. 31—35.

"Теперь я читаю русские древности Толстого и Кондакова; мне посоветовали прочесть эту книгу потому, что в ней будто бы особенно широко намечен вопрос о восточных влияниях на искусство и жизнь Южной России, и именно о восточных влияниях Верхней Азии, ордынской Азии, а не Иранской и Сирийской (т.е. шедших дорогой к северу от Каспия?) *Если приносились образцы предметов обыденных, то можно заключить и о заносе фольклора и культов степной Азии. Находят сходство между скифскими древностями и южносибирскими. Барон Тизенгаузен говорил мне, что Минусинский округ не может быть признан исходным пунктом, что центр фабрикации вещей был где-нибудь южнее, а в Минусинском округе было только богатое население, любившее копить подобные вещи. Где этот культурный центр был, ничего нельзя сказать за неисследованностью Верхней Азии в археологическом отношении. Какие племена несли на Запад этот духовный и вещевой запас?"**

Теперь, когда спустя сто лет Алтай и его окрестности в достаточной мере исследованы и раскопаны, когда произведены поразительнейшие открытия в его исторических недрах, когда выяснилось, что скифские курганы в степях Причерноморья и Кубани несколько моложе алтайских и тувинских, что у нас существовали культура и цивилизация, синхронные времени, когда в Северной Индии проповедовал принц Гаутама, а в Древнем Китае жил и учил Конфуций, то чего стоят местные и мелкие потуги отрицать то, что давно очевидно и всеми признано — место и значение Алтая и его народа? Одно только жаль: нет в Сибири еще такого крупного авторитета, способного на широчайшие обобщения и справедливые утверждения, которые бы не обижали и не пытались унизить ни один народ или племя, как бы ни был он мал числом ныне либо пребывал в состоянии физического и духовного упадка. Забывают: и большое становится со временем малым и ничтожным, а малое — большим и великим. Непрерывен времени поток. В горах из малых истоков образуются, сочась по капле из ледника или расщелины камней, бурные и могучие реки. Таковы законы этногенеза. Посидите, друзья, возле больших и малых курганов Алтая, призадумай-

* И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. СПб., 1889.

тесь лучше над бренностью своего бытия и путях исправления собственной кармы и судьбы. Не усугубляйте свой грех, который не мал. Не посягайте на чужие могилы. Не надо святотатства. Все, что в Алтае — это все достояние его истории, его культуры. Прислушайтесь к Потанину и славной плеяде его сподвижников, которые для всех нас, без различия веры, племени, языка и достатка, словом, для каждого сибиряка — и светоч, и маяк доныне и, особенно, в будущем. Случайно ли так получилось, что именем Г. Н. Потанина назван один из хребтов Тянь-Шаня и самый крупный ледник в горном узле Табын-Богдо-Улы — святыни Алтая, где сходятся узлы не только государственных границ, но и культур и религий?..

"Аносский сборник" появился в год, когда вся Сибирь воздавала заслуженные почести своему духовному отцу и общественному наставнику Григорию Николаевичу Потанину. Помимо самого празднования 160-летия со дня рождения в Томске, куда съехались десятки делегаций со всей Сибири и где в торжествах участвовало несметное количество людей, вышли в свет накануне и после солидные труды, сборники и многочисленные статьи. Среди них далеко не последнее место занял и наш "Аносский сборник", а в "Трудах Томского общества изучения Сибири"* появились публикации телеутские — "Сказка об Алтай-Куучуны" алтайского сказителя Чымыя Алагызова и "Козика и Баян-Сылу" — телеутский вариант любимейшего сказания тюркских народов, записанный Д. Хлопатиным. Следом же в Омске издаются "Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки", где в записи Г. И. Гуркина были помещены предания о Кочкор-бае и Сартак-пае.**

Можем ли мы называть, именовать себя сибиряками, не понимая, не осознавая в полной мере того, что он смотрел на Сибирь как на страну исключительно крупного экономического и политического будущего и, в то же время, как на место соприкосновения и своеобразного взаимодействия европейской и азиатской культур. Носители первой — коренные сибиряки, потомки предприимчивых выходцев с севера древней Руси, под влиянием новых естественно-

* т. III, вып. I, стр. 62—81 и стр. 82—91.

** опубликованы вновь в «Памятном завещании» см. стр. 226—228.

исторических условий создавшие особый, специфический тип сибиряка. Представители культуры азиатской — многочисленные племена, населяющие Сибирь и сопредельные с нею области. *"Умственная и общественная деятельность этих племен, развиваясь оригинально, внесет нечто новое в сокровищницу человеческого духа"*, — писал Потанин. Русская культура, хотя и не вполне, но изучена в ее сибирском проявлении. Совсем мало изучена культура азиатская, та, которая сталкивается с русской на территории Сибири. Ее надо изучить всесторонне — и в интересах чистого знания, и в интересах Сибири, настоящей и будущей". И вот долгие, долгие годы Григорий Николаевич отдал изучению духовной и материальной культуры азиатского Востока, изучению не кустарному, а изучению, освещенному светом общей широкой идеи.

"Когда встанет на ноги ныне в тяжких муках рождающаяся новая Россия, к которой уже не применимы будут горькие слова Пушкина о том, что "мы ленивы и не любопытны", тогда историки изобразят всестороннюю общую идею изучения Востока, вдохновляющую труды Потанина по востоковедению, покажут его, потанинское, понимание формулы ex oriente lux" — писал в журнале "Голос минувшего" (1922, № 1) Н. М. Мендельсон о сибирском патриоте и кутухте, чей титанический труд освещал и освящал Сибирь в течение более полувека, преображая и подвигая ее вперед, просвещая и образовывая на высоких нравственных путях.

Его последний фундаментальный труд называется *"Ерке. Культ сына Неба в Северной Азии"*. Материалы тюрко-монгольской мифологии". Эта работа венчает собой его изыскания по поводу происхождения легенды о Христе. *"Эта легенда в Палестине, по-видимому, пришлая. Откуда она явилась? Из Индии через Иран или из Верхней Азии? Откуда она могла идти или через Туркестан и Иран, или через Киргизскую степь, Кавказ и Армению? Эти вопросы едва ли могут быть решаемы только на основании памятников Индии и Ирана, не ожидая работ в филологии степной Азии"*, — писал он. "Верхняя или степная Азия" в его понимании и научном лексиконе русского востоковедения того времени — это Азия Центральная. Алтай имеет к ней самое прямое отношение. Своими реками и горами, своими племенами и языками, своими мифами и легендами, культурой и природой, историей и религией он стыкует ее и Сибирь.

Эта работа и о себе самом. О человеке изумительной скромности, необыкновенно чистом и нравственном во всем. Его всегда, вплоть до последних дней и до последнего вздоха, манил и тянул к себе Алтай.

Он был и остался на своем поприще Гэсэром-воителем.

г. Горно-Алтайск, июнь 1995 года.

КАРАИМЫ*

Я приветствую это замечательное начинание — создание как энциклопедии тюркских народов в целом, так и энциклопедий по отдельным тюркским народам и этносам.

Тюркские народы занимают обширные регионы Евразии. Это наша вечная и великая родина — к северу от песчаной пустыни Гоби, к северу от древнего иранского мира (а ныне мусульманского мира), к северу от древней Эллады. Эта территория, которую мы сейчас могли бы назвать Древней Скифией, всегда была населена тюркскими народами. И на всем этом огромном пространстве — от Северного Ледовитого Океана до Адриатики и Средиземного моря, от Дуная до Маньчжурии, от Карпатских гор до Корейского полуострова — проживали тюркские народы. Они и сейчас населяют этот обширнейший район Евразийского континента и на всем протяжении своей многовековой истории взаимодействовали и продолжают взаимодействовать с разными народами, культурами и языками, переходя из одной эпохи в другую, из одной государственности в другую, продолжают жить и развиваться. Поэтому история тюркских народов, их религия, их культура — это история взаимодействия тюрков с соседними народами, с которыми они жили и будут жить, пока на то будет Воля Господня.

Тюркские народы исповедают пять великих мировых религий: буддизм, христианство, ислам, иудаизм и древнее тенгрианство.

---

* Президент Конгресса тюркских народов России Б. Я. Бедюров о караимах и Караимской народной энциклопедии. (Ответ на вопрос президента Московского культурно-просветительского общества караимов М. М. Казаса).

Я — сын Алтая, и тем самым, я потомок и наследник всех древних народов и государств, которые существовали на Алтае и в его окрестностях. По своей родовой принадлежности я отношусь к роду Ашина-Ак-Бöрÿ. В этом смысле я, с одной стороны, потомок, а с другой — предок того принца, который после падения Тюркского Каганата бежал на запад своих владений и в низовьях Волги и на Северном Кавказе основал самостоятельное государство "Великий Хазарский Каганат", в течение 300 лет определявший политическую и культурную жизнь Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии.

Многие люди в России, недостаточно знакомые с историей хазар, ссылаясь на поэтическую вольность Александра Сергеевича Пушкина, почему-то думают, что хазары были неразумными. Вовсе нет, если они могли быть гегемоном на этой огромной территории, образовывать и организовывать это пространство.

К этому еще следует вспомнить, что Святой князь Владимир поначалу носил титул не князя, а кагана. (Каган — типичный тюркский титул. Собственно от него и происходят фамилии Каганович, Каган, Коген). "Киев" на западно-тюркском — хазарском и половецком языках означает "зять". Город получил это название потому, что киевские владетели находились в родстве с Хазарским царским домом. Значит, Киевская Русь возникла не на пустом месте, а в результате естественного развития традиций государственности на этом пространстве. Когда Хазарский Каганат погиб, создались благоприятные условия для самостоятельного развития древних славянских княжеств в виде Киевской Руси, поэтому эта традиция представляет собой непрерывное развитие. На другом историческом этапе возникла Московская Русь после распада Ордынского государства, находившегося в тех же местах, где был Итиль — древняя столица Хазарского государства. Сарай был тоже в низовьях Волги.

Так идет, так наследуется государственная эстафета на этой территории Евразии. Ничто не возникает на пустом месте.

И поэтому, будучи сыном Алтая, алтайским тюрком, я с юношеских лет, когда создавал свой собственный мир, когда определялись мои вкусы и пристрастия, очень интересовался караи-мами.

Караимы являются в соцветии тюркских народов одним из уникальнейших, которые, несмотря на свою нынешнюю малочисленность, некогда были большим и сильным народом. Они оставили большой политический, этнический, культурный след в истории тюркских и даже нетюркских народов Кавказа, Крыма, Украины и Поволжья. Мне было очень интересно узнать, что их древний язык жив и что он очень близок современному алтайскому языку — это еще раз доказывает наше древнее родство.

Тюрки внешне изменились — среди них встречаются не только монголоиды, какими были исконные алтайские тюрки (хунну, восточные кцк тюрки). Среди тюрков встречаются и ираноиды, и европеоиды, и кавказоиды — это только доказательство взаимодействия тюрков с другими народами.

Когда новосибирскими археологами была обнаружена на высотах Алтая мумия прекраснейшей женщины, между ними и нашей общественностью возникли споры — какого она происхождения, чья она праматерь. Я говорю: "Что вы, чудаки, спорите. Это наша общая мать. Европеоидные у нее черты или какие-нибудь другие — это только доказательство, что если бы человечество непрерывно не смешивалось, оно давно бы выродилось и исчезло с лица Земли. Таков закон Природы, закон Жизни".

Этим определяется богатейший потенциал тюркских народов, гибкость нашей культуры, удивительная способность к компромиссу.

Несмотря на этнические и религиозные различия, тюрки удивительно быстро находят друг друга и взаимодействуют, потому что между ними есть нечто общее.

Что касается конкретно Московского караимского общества, я желаю ему процветания, желаю, чтобы оно успешно взаимодействовало со всеми тюркскими народами. Пусть караимский язык живет и развивается, обогащаясь и обновляясь. Задача всех тюрков (и больших, и малых народов) — бережно и чутко относиться к нашему богатейшему духовному наследию, в том числе к наследию караимского народа, который живет ныне в Польше, Литве, России и на Украине.

Я верю в будущее караимского народа — карай халк.

(Караимская народная энциклопедия, том 4. стр. 8–9. М., 1998 г.)

ТЮРКИ И РОССИЯ: ЕДИНСТВО И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Каждый человек имеет родителей. Каждый народ имеет предков. Каждое государство — своих предшественников во времени и пространстве. Каждый пророк наследует и развивает своих предтечей.

И хотя история каждого народа уходит своими корнями в глубокую древность, у историков всех эпох есть стремление начать свое описание с даты, определяющей, по их мнению, возникновение народа. Так, римляне имели крайне условную дату — основание Рима, арабы вполне реальную — бегство Мухамеда из Мекки в Медину, русские историки выбрали 862 год и приурочили к нему "начало" русской истории, французские хронисты вели "начало" от Хлодвига Меровинга, а историки по почину Огюста Тьерри отнесли его к 843 г. — разделу империи Карла Великого.

Для тюрков такой датой оказался 545-й год как исходное начало их многовековой истории на евразийских просторах. Эта столь знаменательная для тюрков дата отмечается в истории впервые, и не где-нибудь в другом месте, а в Москве — столице, собирательнице земель и народов России, и на столь высоком всероссийском государственном уровне. Конгресс тюркских народов России вправе выразить глубокую признательность правительству Российской Федерации за понимание и поддержку данной инициативы. Следует особо отметить практический вклад в осуществление данного мероприятия Министерства по делам национальностей и региональной политики, его тюркского отдела.

Настоящий юбилей был бы немыслим без личного участия лидеров тюркских республик Российской Федерации — Алтая, Якутии, Тувы, Башкортостана и Татарстана.

Новая Россия ныне, на рубеже веков и тысячелетий, быть может, как никогда ранее за всю многовековую историю, нуждается в обновленной концепции своего существования и развития, переосмыслении всей прежней историографии в соответствии со вновь

возникшими политическими реалиями и практикой своей жизни как великого многонационального и федеративного государства на основе накопленных научных и общественных данных чтобы четче, чем прежде, представить себе глубины своего прошлого и высоты будущего.

Страна трижды за этот век меняет свой внешний облик, изменяя типы государственного устройства, подобно человеку, сменяющему износившиеся одеяния или подобно змее, сбрасывающей старую шкуру. Преображались, менялись, став во многом другими, и сами народы страны, подобно повзрослевшим и возмужавшим ее детям. Но Россия продолжает оставаться Россией и, хотя поднимались и падали на ее огромных пространствах многие государства и династии, продолжает пребывать нашей вечной Родиной.

Неправомерно, пожалуй, упрекать или попрекать современную Россию в отсутствии планомерной национальной политики, если этому дитя от роду всего пять лет — необходимо время для осознания себя, своего происхождения, ощущения тела и плоти своей. Хотя при нынешних обстоятельствах, и по вполне понятным причинам, данное мероприятие, конечно, и не могло получить должного резонанса и достойного внимания общества, для нас важен сам факт проведения 1450-летия Первого тюркского Каганата в Москве — столице нашей Родины. Чем это не доказательство, чтобы заявить, что конструктивная концепция стратегической национальной политики и решимость претворения ее на практике реально существуют!

Да, для кого-то, кто недостаточно знаком с данным предметом, могут показаться спорными, может быть, поначалу даже не совсем приемлемыми наши предложения, но, как это ни парадоксально звучит, сегодня для всех нас в нашей стране и по всему периметру СССР — это самый актуальный, наиважнейший вопрос. И от того, как мы сумеем ответить на него, как осмыслим в своем историческом прошлом именно периоды, предшествовавшие началу Руси, Российского государства, непосредственно зависит будущее страны, ее очертания в веке будущем.

Это, подчеркиваю, чрезвычайно важно для приглушения и преодоления центробежных тенденций, прекращения или предотвраще-

ния этнических и региональных конфликтов. Это необходимо для отповеди крайним силам внутри и вне страны, как выступающим с псевдопатриотических позиций "губернизации", унитаризации или, наоборот, маргинализации путем низведения до уровня "Русской Республики" государственного устройства нашей страны, так и с сепаратистских поползновений на ее единство.

Я, как президент Конгресса тюркских народов России, организации, стремящейся представлять интересы 15 миллионов тюркских граждан страны и, сталкиваясь, встречая противодействие, блокирование со стороны таких сил, стоял и стою, тем не менее, на позициях конструктивного взаимодействия, плодотворного сотрудничества народов во имя общего государственного строительства и духовно-нравственного укрепления обновляющейся Российской Федерации.

Вот почему в осознании места и роли российских народов в исторических судьбах России столь важным представляется обращение к опыту существования и развития многонациональных государственных сообществ нашей страны, охватывающих огромный промежуток времени в течение двух и даже трех тысячелетий, начиная со скифо-сакской полиэтнической общности (VII в. до х.э.).

Горбачевцы, помимо множества других горчайших ошибок и тягчайших заблуждений, провалили дело модернизации и реформ, погубили свое государство не в последнюю очередь именно потому, что не сумели предложить нашим народам заново осмысленную историю со времен изначальных, ибо не имели соответствующей исторической концепции, которая помогла бы не только сохранить, но и укрепить Союзное государство. Они не могли создать и выработать концепцию общего исторического самосознания советского народа. Причем, подчеркиваю, не только и не столько с 1917-го года, — а, как мы помним, предшествующая наша история считалась только прелюдией к советскому периоду.

А надобно было всего-навсего выстроить такой приемлемый и такой понятный всем ряд, чтобы каждый из народов страны знал и помнил общность своих корней, ощущая под собой солидный исторический знаменатель, чтобы никто не ощущал себя завоеванным, покоренным, насильно присоединенным или приведенным помимо воли под общий российский кров. А то, как только подули иноземн-

ные ветры об "империи зла", "Русском империализме и колониализме", так многие поддались этой вселенской лжи и, таким образом, возмутились и поднялись род на род, и такая вот круговерть продолжается поныне, хотя все уже кругом нахлебались и наклокались так, что тошно и противно, и давно всем понятно, что не то натворили и не туда зашли.

Вместе с тем не следует обращать внимания на истерические крики о распаде и конце России. Следует прежде всего взвесить и осмыслить все то, что происходит на самом деле с начала 90-х годов. Нет худа без добра. И, к счастью, после исчезновения старого Союзного Центра на том же историческом месте и сквозь него народился и прорастает Центр новый — Российский, и после всего лихолетья, которое пока еще не завершилось, начинаются предпосылки новой, более осмысленной консолидации народов на суперэтнической евразийской основе.

Суть не в том, что некоторые российские политики не понимают или не признают этих вещей. Главней и ценней для нас то, что происходит преображение наших умов и сердец, сквозь ожесточение и ненависть, озлобление и неприязнь все же воочию прорастают зерна любви и добра, мира и согласия, взаимной тяги братских народов друг к другу. После всего пережитого за эти годы люди еще острей почувствовали потребность в дружбе и соседстве по принципу: "Живи сам и давай жить другим".

На самом деле, как мы видим, современное Российское федеративное государство является естественным наследником и правопреемником не только Советского Союза и Российской Империи, но и всех предыдущих великих государств на территории евразийского пространства.

В наши дни, на основе новой теории этногенеза, ведущей к пересмотру исторических дат, базировавшихся на европоцентристских "норманнских" представлениях прошлого века, следует осознать исключительность Российской Федерации как единственной в мире евразийской державы нашего времени.

Для удобства отсчета и понимания преемственности, непрерывности государствообразующих тенденций, условно говоря, можно выделить, с точки зрения тюркских народов, пять великих, мирового порядка историко-культурных периодов в жизни нашей страны: скифский, хуннский, тюркский, монгольский и русский,

включая советский, которые, преображаясь и развиваясь, продолжаются поныне. Все евразийские державы были многоэтническими образованиями и во внутренней структуре имели четко обозначенные, чрезвычайно гибкие федеративные формы и конфедеративные ассоциации.

Странно и даже провокационно выглядели предложения некоторых известных деятелей, называющих себя державниками, "отпустить на волю" тюркские и другие неславянские народы. "Анти-Союзное" нытье патриотов 70–80-х годах явно перехватили "демократы" и, поменяв знак, провозгласили верховенство России как республики над Центром, которое оказалось при близком рассмотрении антигосударством, враждебным своей Матери — со знаменем России идущим против России, против ее кровных национальных интересов.

Тюркские и другие державы были, конечно, сообществами кочевых народов. Но из этого вовсе не следует представлять их потомков как табун лошадей — откроют-де загон, и они ускачут куда-то в неведомую даль.

Не менее опасно и другое предложение, идущее от узколобых невежд — превратить федерацию в унитарное государство, разбив на губернии. И те, и другие, с позволения сказать, "державники" ведут дело, сами того не ведая, к развалу России как великой евразийской державы, превращению ее в "Святую Русь", которая тогда ограничивалась бы территорией бывшего Московского царства.

Вот почему, в резолюции первого съезда Конгресса тюркских народов России подчеркнуто, что они не мыслят себя вне России, являясь изначально ее коренными народами. Без нее угрожает так же, как и самой России, потеря своей идентичности. Мы, конечно, тюрки, но мы — российские тюрки, и Россия — это наша родина.

Уместно припомнить строки нашего великого классика Габдуллы Тукая, который в ответ на призывы панисламистов и шовинистов переселяться в чужие края еще в начале века отвечал: "Нет, мы не уйдем. Наша Родина здесь. На русской земле проложили мы след. С народом России мы песню певали. Есть общее в нашем быту и морали". Прискорбно то, что еще до 1917 года четко сознавал Тукай, не сознают, к сожалению, иные российские политики и государственные чины.

Наша организация начинает закладывать основы нового сотрудничества не только на российском уровне. Ареалом нашей деятельности является все СНГ, поскольку оно в основном состоит из новых тюркских республик, а в других имеются значительные тюркские диаспоры. Обширен и велик и весь внешний тюркский мир. И, как второй после русских по удельному весу и численности этнос, мы не в меньшей степени ответственны за судьбы нашей Адаров Родины. И, в этом смысле, мы хотим от власти и общества одного — справедливого признания нашего места и активной роли в нашем общем Отечестве — России. Будем смотреть правде в глаза: СССР де-юре больше нет, а есть новая Россия. Следовательно, в качестве ее полноправных граждан, мы не можем не болеть за ее судьбы, а, будучи тюрками по происхождению, мы не можем не быть по своим взглядам и позициям евразийцами. И на сегодня следует осознать и признать то, что в цивилизационном отношении никакая иная идеология не способна не только сплотить, но и удержать страну нашу в равновесии и разумном балансе сочетания общегосударственных и местных, региональных интересов. Но следует признать и другое — то, что в предыдущий период тюркский потенциал нашего государства находился как бы в тени, на периферии государственных забот и национальных интересов, а если и привлекался, то далеко не лучшим образом и не сполна. А между тем, времена нынешних потрясений и испытаний показали, подтвердили всем, и прежде всего русским, что именно тюркские народы оказались наиболее стойкими и верными приверженцами своего государства, истинными патриотами СССР и России. Чем это объяснимо? Конечно же не тем, что тюрки менее привержены чувству пресловутой свободы и независимости, чем другие, но, нет, прежде всего это обусловлено нашим громадным государственно-историческим чутьем и геополитическим пониманием основных всемирно-исторических течений. Составляя восточный и южный окоемы нашего Отечества, мы ныне, как никогда ранее, отчетливо понимаем неразрывность, неотъемлемость наших исторических уз и жизненных судеб с Россией. Вот почему не люди в тюбетейках и папахах разрушили наш общий Дом. Мы, тюрки, нужны славянам, а славяне — нам в том грандиозном и глобальном противостоянии мировых цивилизационных систем, что ожидает мир в будущем, ко-

торое, конечно же, не за горами; вот-вот забрезжит, завиднеется за поворотом в XXI веке, и даже далее. Кроме того, государственность в виде республик получена тюрками России не вдруг, по велению свыше, как манна небесная, но мы сами были всегда строителями больших и малых государств в разные времена на всем пространстве российской Евразии. И последние 500–600 лет, начиная с тех пор, как Москва, крошечная Москва, стала по Божьему промыслу преображаться в великую Россию, начав процесс собирания прежнего, "отцовского" в государственном смысле, Ордынского наследия, формируясь в качестве нового могучего Центра "земель и народов", тюркский, иначе говоря, татарский элемент играл важнейшую созидательную роль в деле укрепления и расширения российской государственности. Только загляните в документы русской исторической, политической, военной и дипломатической хроники — все пестрит непрерывными ссылками на "служилых татар". Несомненно и то, что ныне тюркам России вновь отводится в полном соответствии с исторической необходимостью подобная благородная роль, вне зависимости от чьего-либо субъективного желания или нежелания. Тюрки России еще скажут свое слово, ведь каждый десятый из нас, граждан России — это тюрк. Дальнейший ход событий только подтвердит эту истину. И нынешнее, далеко не простое время лишь обусловило данный феномен тюркских и других евразийских народов России.

Вся история тюркских народов, их языков, культур и религий — это история продуктивного взаимодействия со всеми народами и племенами практически на всем ареале их огромной этнической территории, выходящей далеко за пределы нынешней Российской Федерации. Вот почему большой потенциал и опыт взаимодействия, сотрудничества, которым обладают наши народы, должен быть в полной мере привлечен и поставлен на службу интересам российского государства в жизненноважных аспектах внутренней и международной политики. А свято место, как говорят, пусто не бывает. Политика, как и природа, не терпит пустоты. И потому данный потенциал должен быть задействован должным образом, чтобы им никоим образом не могли воспользоваться другие силы, иные круги.

В удивительное время мы живем. То, о чем мы знали понаслышке из жизни предыдущих эпох, сегодня сами видим воочию. Когда России становится трудно и плохо, то, как бы само собой, из гущи народной появляются неожиданные ее защитники и ревнители, своего рода новые богатыри, новые русские люди, зачастую вовсе не русского происхождения.

Как известно, в постепенном формировании России как великой страны активно и продуктивно участвовали по крайней мере четыре основных элемента — славянский, финно-угорский, варяжский и тюркский. Потомки тюрков становились красой и гордостью русской истории и политики, дипломатии и военного дела, литературы и искусства. Разве мало говорят нашему уму и сердцу имена Карамзина и Тютчева, Державина и Кантемира, Тургенева и Аксакова, Тимирязева и Менделеева! А великие полководцы? Не перечесть всех знаменитых и именитых представителей русской знати.

Задача наша сегодня еще и в том, что, сохраняя и развивая языки, культуру, искусство, историю и религию каждого тюркского народа, будь он мал или велик числом, признавая за каждым из нас право на самобытность и самоценность, необходимым и настоятельным является возвышение на новом уровне самих себя как тюрков в целом, а через это осознание себя как части более общего суперэтноса, как русско-тюркской целостности, "единства в многообразии", что и составляет стержневую суть российской, евразийской цивилизации, основанной на духовных ценностях традиционных конфессий нашей страны, таких, как ислам, христианство, буддизм, иудаизм и древнее тенгрианство. Тюрки исповедуют все эти религии с древнейших пор, что и предполагает удивительную их терпимость и уважительность не только меж собой, но и к окружающим их народам. Эта гибкость и стойкость ярко характеризуют дух тюркской культуры в общем ряду российской культуры, несомненный тюрко-славянский историко-культурный симбиоз. Но иногда, к сожалению, этого сегодня недопонимают не только русские деятели, но и сами тюрки. Это, несомненно, издержки нашего исторического и культурного образования. В России, как прежде, так и ныне, не хватает различным деятелям в разных сферах -не только министрам и депутатам, не столько политической, но и,

прежде всего, исторической культуры, комплексных гуманитарно-духовных знаний. Вот от этого и проистекают как простейшие заблуждения, так и величайшие ошибки, приводящие зачастую страну и народы к трагедиям и катаклизмам. Вот почему мы и ведем эти концептуальные разработки с тем, чтобы наш с вами тюркский этнос скорей поднялся до высот осознания своих национальных задач для исполнения им вместе с русским и другими народами своей важнейшей духовной и исторической миссии в России и тюркском мире, как это заповедано нам провидением. Вслушайтесь в речения наших предков, мудрецов и пророков, вглядитесь повнимательней в очертания складывающейся российской общности конца XX-го века — разве это не начало соединения трех миров, симбиоза, буддийско-исламско-христианского союза? Незнание или недопонимание законов исторического процесса ведут к неверным оценкам, мешают становлению национального сознания, производят мутации, вызывают ненужные обиды. Мы лишь теперь понимаем, после всего того, что с нами произошло, что можно сменить тип государственности, уйдет с арены та или иная династия, режим, можно изменить общественно-политический строй, переменить название государства и всю атрибутику, но страна-то остается вечной, — она как земля, как народ не исчезает!

Следовательно, интересы ее остаются вечными, и это для нас — главное кредо. И мы видим, что ни один народ — большой или малый, войдя некогда в лоно России, не потерялся, не сгинул, не исчез, потому что цивилизация нашей страны — это цивилизация сберегающая, сохраняющая, цивилизация нашего великого "единства в многообразии".

Основное пространство земель Евразии занимает ныне Россия и другие родственные нам республики СНГ. *"Тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляют скорее некий третий и самостоятельный материк, имеет не только географическое значение. Поскольку мы приписываем понятиям "Европы" и "Азии" также определенное культурно-историческое содержание, обозначение Евразии приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики".*

Евразийский мир представляет из себя замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, отличное

как от собственно Европы, так и от собственно Азии. Сама природа указывает народам, обитающим на территории Евразии, необходимость объединиться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом — пишет известный русский мыслитель, князь Николай Трубецкой в своей работе "Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока": *"Государственное объединение Евразии было впервые осуществлено туранцами (тюрками), и носители общеевразийской государственности сначала были тюркские кочевники. Затем, в связи с вырождением государственного пафоса этих тюрков и с ростом национально-религиозного подъема русского племени, общеевразийская государственность из рук тюрков перешла к русским, которые сделались ее преемниками и носителями. Россия-Евразия получила полную возможность стать самодовлеющей культурной, политической и экономической областью и развивать своеобразную евразийскую культуру… Задача России в будущем состоит в том, чтобы осознать наконец свою подлинную природу и вернуться к выполнению своих исторических задач… России силою вещей приходится все больше и больше иметь дело с Азией, а ныне ее большая часть территории и ресурсов находится в Сибири, то есть Северной Азии, а в своем внутреннем строительстве осуществлять то братание племен Евразии, которое является неизбежным следствием исторической миссии России — государственной объединительницы Евразии, преемницы и наследницы Чингисхана. Привлечение разных племен Евразии к общему государственному строительству, соединяя их всех в одну большую семью, заставит каждого из них смотреть на русскую государственность как на свою собственную, родную".**

Этими словами князя Трубецкого, пожалуй, было бы уместно закончить свой доклад.

И все же.**

Все же наша истина заключается в том, что нам и поныне некуда уйти друг от друга, не сможем мы укочевать врозь, в разные

---

* Н. С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М., «Универс». 1995, С. 158, 280, 282.

** Ниже использованы в докладе на юбилейной Конференции пассажи из статьи «К урокам евразийского». *(прим. автора)*

стороны, мы обречены на всемирно-историческое соседство и братство, на панъевразийский симбиоз и союз. Мы имели всегда свою историю, не менее напряженную и полнокровную, чем история, скажем, Европы или Ближнего Востока. В ходе своего развития мы создавали неоднократно оригинальный тип общества и культуры, которые отнюдь не являются застойными или примитивными.

Каждая великая эпоха в жизни наших народов по-своему оригинальна и неповторима, хотя элементы общей преемственности имелись всегда. Это только издалека, как сквозь степное зыбкое марево, можно предполагать, что государства народов Евразии невесть откуда возникали и также внезапно исчезали. На самом деле мы видим определенную цикличность в движениях народов с востока на запад и с запада на восток Евразии. И преемственность в возникновении государственных Центров. И если подойти к предмету изысканий объективней и бесстрастней, то нельзя не увидеть неоспоримый факт — евразийские государства, причем не только мирового, но и регионального порядка, существовали ничуть не меньше, нежели исторический Советский Союз, переживая конкретные циклы от ста до трехсот лет и более, а если и рушились в конце концов, то давали боковые, удельные ветви, от которых со временем, отпочковываясь, возникали новые государства, которые существовали как раз подолее, нежели превозносимые в веках государства-империи, основанные Александром Македонским, Хлодвигом, Карлом или Фридрихом Великим. И даже разрушались и падали для того только, чтобы, посвежев, обновившись, дать через некоторый период начало новой государственности. А потому речь может и должна идти об исторической преемственности государственных традиций на просторах Евразии — Великой России.

Утверждение этих постулатов сегодня необходимо более, чем когда-либо, когда, похоже, нас хотели бы обречь на новый виток комплекса неполноценности, на этот раз не только перед Западом, но в равной степени и перед Дальним Востоком. Пора, давно пора перестать лицезреть себя чужими глазами. История Степи и Руси, Туркестана и Сибири, Алтая и Саха, Волги и Урала заслуживает подлинного уважения. Так называемый "европоцентристский" подход давно изжил, исчерпал себя. Это была даже не столь точка зрения, скорее это было невежественное неприятие непохожих лю-

дей, непонятных ценностей других культур и религий. Передовые мыслители Запада сами давно отвергли подобный подход. Следует и нам избавляться от бремени отсталых суждений. Вселяет оптимизм и надежды у нас, народов России, то, что в среде национальных русских мыслителей наконец-то на широком концептуальном уровне растет и ширится понимание своей более чем двухтысячелетней исторической и государственной взаимосвязанности с окружающими и соседствующими народами Евразии.

И, наконец, еще одна цитата:

"Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты более, чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа считает азиатами, преследует нас уже чуть два века... Этот ошибочный стыд наш, этот ошибочный взгляд на себя единственно только как на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать), — этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века".

Это — Достоевский.

Великий русский писатель и мыслитель, чей год ныне является юбилейным.

Москва, РАГС, 22—23 февраля 1996 г.

В СВЕТЛЫЙ ПУТЬ, АК ЈАН

Долго, очень долго ждали мы, когда появится тот исследователь, который скажет, наконец, правду об истинных причинах религиозной реформации на Алтае в начале XX столетия.

Л. И. Шерстова — мужественный и отважный человек, она отстояла и защитила честь русских ученых в глазах алтайского народа, терпеливо сносившего хулу и клевету официоза в течение жизни нескольких поколений. Но твердыни Алтая неколебимы, а истина научная нерушима. Белая вера выстояла, живет и развивается, приобретая все больше приверженцев и сподвижников не только внутри Алтая, но и за его далекими пределами.

Конечно, долгим и многотрудным оказался путь этой книги к своему читателю. И тем не менее она пришла к нему, дождалась своего часа. Старейшины Алтая отныне могут вздохнуть спокойно, перевести дух на данном большом перевале, а за нею — новый путь.

Трудности и препоны естественны, когда речь идет о преодолении ошибочных позиций. Сопротивление материала тем сильнее, чем неизбежнее торжество светлого начала.

Вместе с тем, можно сказать, что мы взаимно блуждали, хотя и шли друг другу навстречу с разных концов. Мы не знали автора, в силу разных причин не были знакомы, хотя ходили по одним и тем же путям, и автор вовремя не нашла к нам нужных проходов.

О существовании такой рукописи я узнал около двух лет назад, можно сказать, совершенно случайно. Книга эта могла бы увидеть свет и десять, и пять лет назад, но получилось как получилось.

И горечь потерь, и радость обретений — все в нас; все лучшее и светлое да пребудет с нами.

Итак, спустя девяносто с лишним лет он вновь с нами — вестник Белого Бурхана.

И с духовных высот Алтая сердечно приветствуем автора современной научной концепции бурханизма, Л. И. Шерстову, и желаем ей новых изысканий, неизменной крепости духа!

О БУДДИСТАХ РОССИИ

В связи с наступлением Нового года Железного Дракона по лунному календарю и началом праздника Белого месяца, чьи глубинные истоки восходят к природно-хозяйственным, обрядово-бытовым традициям тюрко-монгольских народов, уместно высказать вкратце соображения о буддизме в России.

Как одна из старейших мировых религий, буддизм распространился на исторической территории нашей страны с древнейших времен. В современной России буддийское Учение исповедуют ее коренные народы, населяющие важнейшие и опорные рубежи державы, такие, как Юг Сибири от Алтая до Забайкалья, регионы Нижнего Поволжья и Предкавказья.

Поистине велики, неисчислимы заслуги наших буддийских народов, верой и правдой служивших России не только в периоды ее силы и могущества, славы и торжества, но и, что следует особо отметить, в самые трудные для нее времена. Нация не вправе позабыть об их трудах и радении в деле обороны и защиты Отчизны, отстаивании ее интересов в пограничных вопросах, участия в дипломатических миссиях, научных путешествиях, развитии культуры и искусства, и, наконец, обеспечения духовной целостности и безопасности Российского государства.

Наличие значительного буддийского компонента наряду с христианскими, исламскими и другими духовными составляющими, создает и определяет для России весомые основания и возможности восстановления прежних и установления новых форм стратегического сотрудничества, полноценного партнерства с буддийскими странами Дальнего Востока, Центральной и Южной Азии. Ведь еще с Петра I, Елизаветы Петровны и Екатерины Великой, покровительствовавшим своим буддийским поданным, закладывались основы и традиции благотворных, взаимополезных связей с буддийским миром, которые, развиваясь по восходящей из века в век, ныне, на рубеже веков и тысячелетий, на переломном этапе мировой цивилизации, наполняются качественно новым содержанием.

Реалии нынешнего бытия и, конечно, еще более масштабные вызовы дней грядущих поставили перед нами одну общую задачу собирания, сплочения и концентрации всех духовных и физических ресурсов страны на предстоящем этапе созидания и строительства, преображения и обновления для успешного осуществления прорыва в будущий мир.

Буддийский вектор — это мощный дополнительный резерв жизненных сил России. Вот почему существует уверенность в том, что буддисты своим более деятельным и активным участием в общественно-политических процессах могли бы помочь нашему обществу в наиболее эффективной и безболезненной формах, без потери лица найти возможности расширения общественного сознания, предложить неординарные способы преодоления пагубных стереотипов и ошибочных клише, доставшихся нам генетически от длительного периода распрей и отчуждений. Ведь буддисты не говорят *"или — или"*, как это повелось со времен стародавних гражданской войны и классовой борьбы, но утверждают *"и — и"*, исходя из принципов мирного, ненасильственного эволюционного развития. А это крайне важно для осознания, понимания всеми нами наличия единого и общего знаменателя — интересов Родины.

Слишком велика ответственность за Россию, слишком многое лежит на планетарных весах, грандиозны наши внутренние и внешние задачи, чтобы мы могли себе позволить дробление и распыление впустую нашей духовной энергии — самого главного достояния страны.

Наши буддийские соотечественники со светлыми лицами и добрыми помыслами сегодня с первыми лучами солнца приступили к священнодействиям встречи Нового года, разжигая очистительные костры для изгнания злых сил, избавления от скверны и пагубы. И очень хорошо то, что буддийские праздники, где бы они ни проводились, привлекают в общий круг не только своих единоверцев, но и приобретают всеобщий, объединительный характер для всех людей, какой бы национальности и религии они не принадлежали. Буддизм отличает к тому же постоянное ощущение диалектики, новизны, движения, поскольку текуч и беспрерывен круговорот всего сущего.

Россия знает и верит своим буддийским гражданам, вправе и впредь рассчитывать, полагаться на Вас с тем, чтобы Ваши духовные силы и мощь, таланты и способности сполна были привлечены к делу в интересах процветания и благоденствия нашей общей Родины.

С миром и любовью Вас!

6 февраля 2000 года.
г. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

Посланник Алтая. Новый русский 5

ПРИКАЗ РОДИНЫ

Это язык дня грядущего 15

По пути Кан-Алтына 20

О выборах народных депутатов СССР 25

Зов об единении и спасении 28

Наступило время осознать наше двуединство 38

Литература — это явление духа 43

Положение может спасти только одна партия — партия Отечества 52

Обращение к писателям Грузии 54

О выборе Председателя Верховного Совета 58

О культуре в Сибири 62

Сохраниться к новой жизни 68

О цивилизации России 72

О духовном здоровье нации 74

Кто новые русские? 81

Что с нами произошло? 85

У нас общий знаменатель 89

...Наша судьба — на острие ножа 92

Приказ учителя: «На Север — на свет Полярной звезды» 98
«Время, когда вода станет дороже золота» 104
О попытках изменения конституционно-правового статуса национальных республик 107
Об исламском духовном компоненте России 114
Нерушимая страна 117

НЕРУШИМАЯ СТРАНА. АЛТАЙСКАЯ ИДЕЯ

Что день грядущий нам сулит? 121
Мы — люди одной реки 132
Кто они — «и другие?» 146
О юбилее эпоса «гэсэр» 151
Что правит Америкой 152
Советский народ существует 157
Алтайская идея 161
О ногайской поэзии 167
Продавцы «Звериного стиля» 169
Письма о приграничных встречах 175
О программе «Возрождение и развитие тюркских народов РФ» 181
Республика — это обретение иного качества 186
О присоединении России к конвенции МОТ № 169 198
По заветам Амырсаны 202
Страну подбили на лету 210
Когда корабль терпит бедствие 217
Все начинается с Алтая 223

Все мы... скифы? 228
У нас путь один 233
Об «исторической газете» 235
Хранители знаний, мудрости и просвещения 237
Тюрки здесь не пришельцы 239
Еще раз убеждаюсь в правоте своей позиции 243
Мы первыми вошли в этот лабиринт 248
«Я — русский алтаец» 256
Ты с какого Алтая? 263
Что я предлагал народу Горного-Алтая в 1990 году 268
Бурханизм: белая религия Алтая 274
Нам мешает наша ограниченность 277
Слово о Москве 283
Дух Георгия-Победоносца жив 286
Инакомыслимые нынче не в почете 288
Пришло время понять и осознать 290
Каждый народ — божий промысел 297

ИЗБРАННИК ДУХОВ. СЛОВО О ПРЕДТЕЧАХ

Слово о предтечах 306
Светолюбы Алтая 330
К вопросу о лесном племени абаларов 368
Письмо Председателю Верховного Совета Республики Хакасия Штыгашеву В. Н. 380
Письмо главе администрации Кемеровской области Кислюку М. Б. 384
Приветственное слово к томичам 386

Как рассеялись телеуты 389
К урокам евразийского 411
Алтай и Монголия 424
Несториане 429
Алтай и Центральноазиатская эпическая общность 435
Избранник духов 444
Сибирский кутухта 478
Кераимы 487
Тюрки и Россия: Единство и преемственность традиций Российской государственности 490
В светлый путь, Ак Янг! 502
О буддистах России 505

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

БЕДЮРОВ Бронтой Янгович

СЛОВО ОБ АЛТАЕ

Под редакцией автора
Художественный редактор *Ортонулова Е. И.*
Технический редактор *Торбокова А. К.*

Подписано в печать 07.04.2003 г. Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 28,25. Уч.-изд. л. 28,34.
Тираж 700 экз. Заказ 1836.

ГУ книжное издательство «Юч-Сюмер—Белуха» Республики Алтай
649000 г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 38.

Отпечатанов ГУП «Горно-Алтайская республиканская типография»
649000 г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 35.

80-00